

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 153

1563 (x)

1590

Объ изданіи въ 1884 году журнала

„ДѢЛО“

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1884 году, какъ и въ прошедшіе семнадцать лѣтъ, «Дѣло» будетъ издаваться по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Беллетристика, оригинальная и переводная; 2) Статьи социальна-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и бібліографія; 4) Обзорніе русской и иностранной журналистики; 5) Внутреннее обзорніе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Картинки общественной жизни).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ (Федосеевецъ), М. Н. Альбовъ, Н. Ф. Анненскій, К. С. Баранцевичъ, А. П. Барыкова, Н. Ф. Бажинъ, П. И. Вейнбергъ, Ж. Гальфранкъ, С. Н. Горскій, В. А. Гольцевъ, И. Н. Денисовъ, Ж. Жикъ, Б. П. Ленскій, В. В. Лесевичъ, Л. И. Мечниковъ, Д. Д. Минаевъ, П. Минскій, Д. Л. Михаловскій, А. Л. Москвинъ, С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, И. В. Омурзевскій, В. П. Острогорскій, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, С. А. Приклонскій, М. А. Протопоповъ, И. Н. Поталенко, Н. С. Русановъ, Д. И. Сибирякъ, К. М. Станюковичъ, И. Н. Харламовъ, Н. В. Шелгуновъ, И. В. Шпажинскій, М. А. Цебрикова, А. И. Эртель, П. Ф. Якубовичъ и др.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, В. П. Острогорскій, К. М. Станюковичъ и Н. В. Шелгуновъ.

Рев. 2789005

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки.	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	16 » — »	9 »
» пересылкою иногороднымъ	17 » — »	10 »
» пересылкою за-границу.	19 » — »	11 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала „Дѣло“, Надеждинская, д. № 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ, Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Коха.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Спб., Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается для служащихъ черезъ посредство гг. казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ редакціей.

ДЪЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левинкова, Невск. пр., д. № 8.

1883.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 18-го Октября 1883 г.

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

Посвящается М. Я. А—вой.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Х.

Вернувшись из клуба домой, Приваловъ не спалъ цѣлую ночь, переживая страшныя муки обманутаго человѣка... Неужели его Зося, на которую онъ молился, сдѣлается его позоромъ?.. Онъ, не смотря на всѣ семейныя дразги, всегда относился къ ней съ полной довѣренностью. И теперь, чтобы спуститься до ревности, ему нужно было пережить страшное душевное потрясеніе. Раньше онъ могъ смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ: его семейная жизнь касалась только его одного, а теперь...

— Но обманъ, обманъ!.. стоналъ Приваловъ, хватаясь за голову. — Отчего Зося не сказала прямо, что не любитъ меня?.. Развѣ...

Привалову страстно хотѣлось бѣжать отъ самого себя. Но куда? Если человѣкъ безумѣетъ отъ какой-нибудь зубной боли, то съ чѣмъ сравнить всю эту душевную муку, когда все кружится застигается мракомъ и жизнь дѣлается непосильнымъ бременемъ?..

Сквозь этотъ наплывъ клубкомъ шевелившихся чувствъ слабымъ эхомъ пробивалась мысль: а если все это неправда, жуткая городская сплетня, на какую стоитъ только плюнуть?

— Конечно, неправда... говорилъ вслухъ Приваловъ, утѣшая себя собственно звукомъ этихъ словъ. — Зося никогда не обманется до обмана...

«Дело» № 10, 1883 г. I.

Но сейчас-же около этой фразы выросталъ цѣлый лѣсъ страшныхъ призраковъ. Приваловъ перебиралъ всѣ мельчайшія подробности своей семейной жизни, которыхъ раньше не могъ понять, — онѣ теперь освѣтились яркимъ безопаднымъ свѣтомъ... Ложь, ложь и ложь вездѣ и во всемъ! Ложь въ этой роскошной обстановкѣ, ложь въ каждой складкѣ платья, въ каждой улыбкѣ, въ каждомъ взглядѣ... Вотъ гдѣ источникъ ненависти къ нему, съ которой Зося напрасно боролась первое время. Половодовъ совсѣмъ опуталъ ее тысячью нитей, и она для этого человѣка могла рѣшиться на все. Теперь ей больше нечего было терять, нечего ждать впереди: она отдалась теченію, которое ее неудержимо несло въ бездну. Можетъ быть, она не отдалась еще Половодову тѣломъ, — для такого физическаго обмана она слишкомъ была расчетливой и холодной натурой, — но, что гораздо хуже, она принадлежала Половодову душой. Онъ все простилъ-бы ей, все извинилъ, еслибы даже открыто убѣдился въ ея связи съ Половодовымъ, но вѣдь она больше не принадлежала ему, какъ не принадлежала себѣ самой.

Приваловъ забылся только къ самому утру тяжелымъ и безпокойнымъ сномъ. Когда онъ проснулся, его первой мыслью было сейчас-же идти къ женѣ и переговорить съ ней обо всемъ откровенно, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ.

— Можно войти? послышался голосъ Nicolas Веревкина.

— Войдите...

Веревкинъ пролѣзъ въ двери и помѣстился къ столу. Приваловъ позвонилъ и велѣлъ подать водки. Послѣ третьей рюмки Nicolas, наконецъ, заговорилъ:

— А я къ вамъ зашелъ проститься...

— Развѣ вы уѣзжаете?

— На Ирбитскую отправляюсь... Есть кой-какія дѣлишки, такъ надо ихъ оборудовать. Народъ все теплый соберется...

— А скоро вы думаете ѣхать? спросилъ Приваловъ, раздумывая что-то про себя.

— Да такъ недѣльки черезъ двѣ надо будетъ тронуться. Папахень-то, слышали?

— Да, слышаль...

— Прогорѣлъ совсѣмъ и тоже думаетъ махнуть въ Ирбитъ... Эти игроки всѣ ѣздить на ярмарку поправляются, какъ

больные куда-нибудь на воды. Папахенъ вѣруеть въ теорію вѣроятностей и надѣется выплыть... А шельма Ломтевъ ма-стерски его взвеселилъ: общипалъ до послѣдняго перышка.

Между прочимъ, Веревкинъ успѣлъ рассказать послѣднія городскія новости: пріѣхалъ Данилушка Шелеховъ и теперь безобразничаетъ съ Лепешкинымъ въ «Магнитѣ». Половодовъ гдѣ-то совсѣмъ пропалъ и глазъ никуда не кажетъ и т. д. Приваловъ почти ничего не слышалъ, что рассказывалъ Nicolas, а когда тотъ собрался уходить, онъ проговорилъ:

— Вотъ что, Николай Ивановичъ... Я тоже думаю побы-вать въ Ирбити, такъ поѣдемте вмѣстѣ.

— И отлично, Сергѣй Александрычъ! Лихо закатимся... А для васъ это даже необходимо: всѣ эти дѣла хлѣбныя тамъ завариваются, нужно познакомиться кой съ кѣмъ изъ настоя-щихъ козырныхъ тузовъ.

— Да, да... Мнѣ дѣйствительно тамъ необходимо побы-вать.

— Покойникъ Игнатій Львовичъ много денегъ загребалъ на этой Ирбитской, и, вѣдь, около какихъ пустяковъ: пенечки партію купить, сальца тамъ—а глядишь, въ результатѣ, и обсмаковалъ цѣлый кушъ.

Ѣхать на ярмарку было счастливой мыслью для Привало-ва. Именно, ему необходимо было куда-нибудь уѣхать, чтобы избавиться отъ давившихъ его призраковъ. Остаться въ Узлѣ теперь было выше его силъ. Этой поѣздкой онъ убивалъ двухъ зайцевъ: разъ, могъ устроить нѣсколько выгодныхъ операцій по хлѣбной торговлѣ, а второе—онъ могъ на время поза-быться въ этой безшабашной ярмарочной атмосферѣ. Объ-ясниться съ женой именно теперь онъ раздумалъ, потому что подъ горячую руку могъ ей наговорить много лишняго, а ~~этимъ испортилъ-бы все дѣло.~~ Вообще, въ результатѣ полу-чился тотъ выводъ, что необходимо бѣжать изъ Узла, хотя на-
времѣ.

Черезъ двѣ недѣли Приваловъ отправился на ярмарку вмѣстѣ съ Веревкинымъ.

Подъѣзжая еще къ Ирбити, Приваловъ уже чувствовалъ, что ярмарка виситъ въ самомъ воздухѣ. Дорога была избита ~~того,~~ что экипажъ нырялъ изъ ухаба въ ухабъ, точно въ ~~какую-нибудь~~ морскую качку. Нервные люди получали отъ та-

кой ѣзды морскую болѣзнь. Глядя на безконечныя вереницы встрѣчныхъ и попутныхъ обозовъ, на широкія купеческія фуры, на эту точно нарочно изрытую дорогу, можно было подумать, что здѣсь только-что прошла какая-то многотысячная армія съ безконечнымъ обозомъ.

Ирбитъ—большое село въ обыкновенное время—теперь превратилась въ какой-то лагерь, въ которомъ сходились представители всевозможныхъ государствъ, народностей, языковъ и вѣроисповѣданій. Это было настоящее ярмарочное море, въ которомъ тонулъ всякій, кто попадалъ сюда. Жажда наживы согнала сюда людей со всѣхъ сторонъ, и эта разноязычная и разноплеменная толпа отлично умѣла понять взаимные интересы, нужды и потребности. При первомъ ошеломляющемъ впечатлѣніи казалось, что катилось какое-то громадное колесо, вмѣстѣ съ которымъ катились и барахтались десятки тысячъ людей, оглашая воздухъ безобразнымъ стономъ.

— Папахенъ тоже на ярмаркѣ, предупредилъ Веревкинъ, когда они подъѣзжали къ какимъ-то номерамъ.—Надо будетъ его розыскать. Впрочемъ, ихъ съ Ломтевымъ всѣ знаютъ, какъ бѣлыхъ воробьевъ.

Трехрублевый номеръ, который занялъ Приваловъ вмѣстѣ съ Веревкинскимъ, какъ всѣ ярмарочные номера, поражалъ своимъ убожествомъ, вонью и грязью. Непролазная грязь—неотъемлемая принадлежность всѣхъ русскихъ ярмарокъ. Напившись чаю и отдохнувъ съ дороги, Приваловъ и Веревкинъ разбрелись въ разныя стороны. Привалову нужно было на биржу, а потомъ къ кое кому изъ воротилъ по хлѣбной торговлѣ. Народъ былъ въ разгонѣ, и Приваловъ проѣзжалъ по городу до вечера, разыскивая разныхъ нужныхъ людей. Когда онъ вернулся въ свой номеръ, усталый и разбитый, съ пустой головой и волчьимъ аппетитомъ, Веревкинъ былъ уже дома, а съ нимъ сидѣлъ Моисей.

— Кого я вижу?... кричалъ онъ, обнимая Привалова.— Ну, батенька, вотъ не ожидалъ... Нечего сказать, удивилъ мнѣ злѣйствомъ!

— Мнѣ удивляться нечего: я за дѣломъ пріѣхалъ, полупутя, полусерьезно отвѣчалъ Приваловъ:—а вотъ тебя какъ сюда занесло?

— Меня?!. Ха-ха!.. Привела меня сюда... ну, однимъ

словомъ, я прилетѣлъ сюда на крыльяхъ любви, а, выражаясь прозой, приѣхалъ съ Иваномъ Яковlichemъ. Да-съ... Папахенъ здѣсь и сразу курсы поправилъ. Третью ночь играетъ и на второй десятокъ тысячъ перевалило.

— А ты бухгалтеромъ что-ли приѣхалъ съ нимъ? замѣтилъ лѣнливо Веревкинъ.

— Говорять тебѣ—на крыльяхъ любви...

— Это за Катькой Колпаковой, въ переводѣ?

— Хотя-бы и за ней... Она меня ужь съ полгода за носъ водить.

Разговоръ, конечно, происходилъ съ неизбежной выпивкой и характерной русской закуской въ видѣ балыка, салфеточной икры, соленыхъ огурцовъ и т. д. Веревкинъ краснѣлъ все болѣе и болѣе, Моисей начиналъ глупо хлопать глазами.

— А гдѣ сегодня будутъ играть? спрашивалъ Моисей:— У Мухина?

— Не знаю, отвѣчалъ Веревкинъ какъ-то нехотя.

— Врешь, знаешь... И я знаю!

— Тебѣ-же лучше, если знаешь.

— Даа... А Папахенъ твой надуваетъ меня... Я, братъ, все знаю! Онъ хочетъ у меня Катьку Колпакову отбить... Нѣтъ, шалишь, не на того попалъ. Я ей покажу...

— Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло? Ну, это еще не велико горе. Катерина Ивановна, конечно, дѣвица первый сортъ по всемъ статьямъ, но сокрушаться изъ за нея право не стоитъ. Повѣрь моей опытности въ этомъ случаѣ.

— Это ужь я знаю, стоитъ или не стоитъ... глухо отвѣчалъ Моисей, ероша волосы.—Я этой Каткѣ пропишу такую вселенскую смазь...

— Ого-го!.. Вонъ оно куда пошло! заливался Веревкинъ — Хорошо, сегодня-же устроимъ дуэль по-американски: въ двухъ шагахъ, черезъ платокъ... Ха-ха!.. Ты пойми только, что сія Катерина Ивановна влюблена не въ папахенъ, а въ его карманъ. Печальное, но вполне извинительное заблужденіе даже для самаго умнаго человѣка, который зарабатываетъ деньги головой, а не ногами. Понялъ? Ну, что возьметъ съ тебя Катерина Ивановна, когда у тебя ни гроша за душой... Надо ей заработать на ярмаркѣ на свою долю!

Этихъ чисто ярмарочныхъ разговоровъ у Привалова

начинала просто болѣть голова. Тѣма была безконечна: нажива, вино, женщины, карты... Что-то пьяное и безпутное чувствовалось даже въ самомъ воздухѣ. Смертная тоска начинала давить и сосать Привалова. Онъ хотѣлъ навремя утонуть въ этомъ ярмарочномъ морѣ, но это было не такъ-то легко сдѣлать. Съ ранняго утра, гдѣ онъ ни былъ, вездѣ лѣзла въ глаза одна и та-же картина: безшабашное ярмарочное пьянство. Ни одного дѣла не дѣлалось безъ водки, и Приваловъ не могъ даже припомнить хорошенько, сколько онъ сегодня выпилъ. Впрочемъ, теперь ему даже хотѣлось пить. Послѣ каждой рюмки онъ испытывалъ какое-то предательски-приятное чувство, которое подталкивало и тянуло къ слѣдующей рюмкѣ. Это облегченіе было уже знакомо Привалову. Онъ испытывалъ его въ Гарчикахъ, гдѣ пилъ водку съ попомъ Савеломъ, и въ общественномъ узловскомъ клубѣ, когда въ антрактахъ между роберами нельзя было не выпить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Куда мы сегодня поѣдемъ вечеромъ? спрашивалъ захмѣлѣвшій Моисей.

— Вѣроятно, въ «Биржевую гостиницу» или въ «Магнитъ», отвѣчалъ Вережкинъ, съ самымъ глупымъ лицомъ прожовывая балыгъ. — Нужно показать Сергѣю Александрычу нашу ирбитскую ярмарку. Вѣдь, это, батенька, картина, ежели разобрать. Оно кажется съ перваго разу, что всѣ ярмарки похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды: Ирбитъ—та-же матушка нижегородская, только посыпанная сверху снѣжкомъ, а выходитъ то, да не то. Да-съ... Любопытное мѣстечко эта Ирбитъ, поелику здѣсь сходятся вплотную русская Европа съ русской Азіей! Люблю я эту самую Сибирь: самая купеческая страна. Баръ и крѣпостного права она не видала, и даже всероссійскій лапотъ не посмѣлъ перевалить черезъ Ураль... Въ сапожкахъ ходитъ наша Сибирь! И народецъ только: сорви-голова.

Подъ разными предлогами, Вережкинъ кое-какъ выжили Моисея изъ номера.

— Зачѣмъ вы его выдворили? спрашивалъ Приваловъ.

— Да такъ... Чортъ его знаетъ, что у него на умѣ; еще скандалъ устроить Катеринѣ Ивановнѣ, а намъ съ вами нужно ѣхать сейчасъ.

— Куда?

— Побываемъ вездѣ... Стоитъ посмотрѣть здѣшній народъ. Видите-ли, мы сначала завернемъ въ «Биржевую», а потомъ въ Катеринѣ Ивановнѣ: тамъ папахенъ процѣживаетъ кого-то третій день. Брѣвкій старичина: какъ зарядить—такъ и жарить ночей пять безъ просыпу, а иногда и всю недѣлю. Какъ выигралъ—вторую недѣлю гулять... Вы не слышали какую штуку устроилъ Данилушка съ Лепешкинымъ?.. Ха-ха... Приходить въ одну гостинницу, тамъ акваріумъ съ живыми стерлядями, Данилушка въ акваріумъ, купаться... конечно, все раздавить и за все заплатить.

ХІ.

Надъ Ирбитью стояла зимняя февральская ночь; все небо залито мѣрадами звѣздъ; подъ полозьями звонко хрустѣлъ снѣгъ, точно кто хватался за желѣзо закоченѣвшими на морозѣ руками. Лавки были закрыты; на площади и по улицамъ отъ возовъ съ товарами, купеческихъ фуръ и мелкихъ лавчонокъ не было свободнаго мѣстечка. По срединѣ улицы едва оставался свободный проѣздъ для экипажей; дорога въ обыкновенномъ смыслѣ не существовала, а превратилась въ узкое, избитое ямами корыто, до краевъ наполненное смятымъ, грязнобураго цвѣта снѣгомъ, походившимъ на неочищенный сахарный песокъ. Жизнь и движеніе по улицамъ продолжались и ночью: ползли безконечные обозы, какъ разрозненные звенья какого-то чудовищнаго ярмарочнаго червя; сновали по всѣмъ направленіямъ извозчики, вихремъ летѣли тройки и, какъ шакалы, тамъ и сямъ прятались какія-то подозрительныя тѣни.

— Въ «Биржевую!» приказывалъ Веревкинъ извозчику, когда они вышли на подъѣздъ.

Если днемъ всѣ улицы были запружены народомъ, то теперь всѣ эти тысячи людей сгрудились въ домахъ. Съ улицы широкая ярмарочная волна хлынула подъ гостепріимныя кровли. Вездѣ видѣлись огни; въ окнахъ, сквозь ледяныя створы, мелькали неясные человѣческіе силуэты; изъ отворяющихся дверей вырывались бѣлые клубы пара, вынося съ собою пыльный гулъ бушевавшего ярмарочнаго моря. Откуда-то до-

носились звуки визгливой музыки и обрывки пьяной, горластой пѣсни.

Около «Биржевой гостиницы» стояло много извозчиковъ и постоянно подѣзжали новые съ сѣдоками. Въ передней обдавало посѣтителей спертой трактирной атмосферой. Гдѣ-то щелкали бильярдные шары, и рѣзкими взрывами неслись припѣвы дикой ярмарочной пѣсни. Охрипшіе и надсаженные голоса арфистокъ неприятно рѣзали непривычное ухо; на каждомъ шагу такъ и обдавало ярмарочнымъ кабакомъ, съ его убогой роскошью и беспросыпнымъ, отчаяннымъ пьянствомъ. Привалову страстно захотѣлось вернуться, но Вережкинъ уже подхватилъ его подъ руку и насильно тащилъ по лѣстницѣ.

— Мы только посмотримъ, упрасивалъ онъ. — Вѣдь это море, настоящее море... Вонъ какъ Сибирь матушка поднялась: стономъ стонъ!

— Шире берри... валля-ай!! неистово выкрикивалъ какой-то захмѣлѣвшій купчикъ, котораго два лакея вели подъ руки.

— Кричи, братику: все любезное отечество помаленьку слопаешь, шутилъ Вережкинъ, продираясь къ отдѣльному столу, сквозь густую толпу, окружавшую эстраду съ арфистками.

Ахъ, ты, береза,
Да ты-ль, моя береза...

разбитымъ сильнымъ голосомъ начала примадонна, толстая, обрюзгшая дѣвица съ птичьимъ носомъ. Хоръ подхватилъ, и все кругомъ точно застонало отъ пестрой волны закружившихся звуковъ. Какой-то пьяный купчикъ съ осовѣлымъ лицомъ дико вскрикивалъ и расслабленно присѣдалъ къ самому полу.

За столами собралась самая пестрая публика, какую только можно себѣ представить. Чистокровный крупичатый москвичъ брался съ кореннымъ сибирякомъ, одесскій коммерсантъ съ архангельскимъ номоромъ, остзейскій баронъ съ бухарцемъ, лупоглазый румынъ съ китайцемъ и т. д. Эта безобразная капля ярмарочнаго моря въ миниатюрѣ представляла собой все наше многоязычное, разноплеменное и неизмѣримо-разнообразное отечество: сѣверъ и югъ, западъ и востокъ имѣли здѣсь своихъ типичныхъ представителей, слившихся въ одну

вострую мозаику. Здѣсь-же толпились англичане, нѣмцы, французы, американцы, итальянцы, армяне, евреи и тотъ специально ярмарочный людъ, который трудно подвести подъ какую-нибудь опредѣленную національность. Есть такіе люди, которыхъ можно встрѣтить только на ярмаркахъ. Чѣмъ они занимаются, зачѣмъ пріѣзжаютъ на ярмарки—неразрѣшимая задача. Эти таинственные незнакомцы всегда чисто одѣты и всегда щеголяютъ тяжелыми часовыми цѣпочками, массивными брелоками и дорогими кольцами.

— Привель Господь въ шестьдесятъ-первый разъ пріѣхать на Ирбитъ, говорилъ богобоязливо сѣдой, благообразный старикъ изъ купцовъ стариннаго покроя; онъ высиживалъ свою пару чая съ какимъ-то сомнительнымъ господиномъ поношеннаго аристократическаго склада.— Въ гору идетъ ярмарка матушка... Умножается народъ!

Приваловъ сначала почувствовалъ себя очень жутко въ галдѣвшей, пестрой толпѣ, но потомъ его глубоко заинтересовала эта развернутая страничка чисто русской жизни. Здѣсь перемешались въ одинъ крѣпкій узелъ кровные интересы милліоновъ грузениковъ, а эта вѣчно-голодная стая хищниковъ справляла свой безобразный шабашъ, не желая ничего знать, кромѣ своей наживы и барыша. Глядя на эти довольныя лица, которыя служили характерной вывѣской крѣпко сколоченныхъ и хорошо прилаженныхъ къ выгодному дѣлу капиталовъ, кажется ни на мгновение нельзя было сомнѣваться въ томъ, «кому живетъ весело, вольготно на Руси»... Эта страшная сила клокотала и бурлила здѣсь, какъ вода въ паровомъ котлѣ: вотъ-вотъ она вырвется струей горячаго пара и начнетъ вращать милліонами колесъ, валовъ, шестеренъ и тысячами тысячъ муреныхъ приводовъ.

— А вонъ и наши великіе чудотворцы!.. крикнулъ Веревкинъ, прерывая мысли Привалова.

— Кто?

— Да Лепешкинъ съ Данилушкой... Вотъ ужъ про кого можно сказать, что два сапога-пара: другой такой не подо-

— Ха-ха!..

Лепешкинъ и Данилушка бродили изъ комнаты въ комнату, какъ два брата. Они чувствовали себя здѣсь такъ-

же хорошо, какъ рыба въ водѣ и, видимо, только подыскивали случай устроить какую-нибудь механику.

— Ахъ, раздуй тебя горой... Микола!.. кричалъ Лепешкинъ издали, завидя Веревкина. — Ты какъ попалъ къ намъ? Да и Сергѣй Александрычъ... Охъ-хо-хо!.. Горе душамъ нашимъ...

Данилушка такъ и покатился шаромъ, распахнувъ свои короткія ручки. Его смуглое лицо лоснилось, а глаза совсѣмъ заплаыли. Онъ облобызаль Привалова.

— Весело? спрашивалъ Приваловъ друзей.

— Охъ, весело, Сергѣй Александрычъ... какъ-то вздохнулъ всей своей утробой Лепешкинъ. — Ты только погляди, какую мы здѣсь обѣдню отзваниваемъ: чистое пѣкло!.. И все свои, все по купечеству... Гуляй, душа!..

— Ну, чудотворцы, что вы тутъ подѣлываете? допрашивалъ Верекинъ стариковъ.

— Да чего намъ дѣлать-то? Извѣстная наша музыка, Микола. Данило даве двухъ арфистовъ вверхъ ногами поставилъ: одну за одну ногу схватилъ, другую за другую, да обѣихъ, какъ курицъ, со всѣмъ потрохомъ и поднялъ... Охъ-хо-хо!.. А публика даже ужъ точно рѣшилась: давай Данилу на рукахъ качать. Ну, еще акварію раздавили!.. Вотъ только тятенька твоего нѣтъ, некогда ему, а то мы и съ молебномъ-бы ярмаркѣ отслужили. А тятенькѣ везетъ на третій десятокъ перевавило.

Шампанское полилось рѣкой. Всѣ пили... Приваловъ вдругъ почувствовалъ себя необыкновенно легко, именно легко, точно разомъ страхнулъ съ себя всѣ невзгоды. Ему хотѣлось пить и пить, пить безъ конца. Пьяный Данилушка теперь обнималъ Привалова и хриплымъ шопотомъ говорилъ:

— Отчего ты къ намъ-то не заглянешь... а?

Приваловъ рассказалъ свой послѣдній визитъ къ Марьѣ Степановнѣ и свою встрѣчу съ Василиемъ Назарычемъ въ банкѣ.

— Охъ, напрасно, напрасно... хрипѣлъ Данилушка повѣтывая головой. — Старики ндравные, чего говорить, карахте ные, а только они тебя любятъ пуще родного дѣтища... Въ тебѣ говорю!.. Можетъ, слезъ объ тебѣ было сколько пролило. А Василий-то Назарычъ такъ и по ночамъ о тебѣ все ве...

ить... Да. Напрасно, Сереженька, ты ихъ обѣгаешь! Ей-Богу... Вѣдь я тебя во какомъ махонькимъ на рукахъ носилъ, еще при покойникѣ дѣдушкѣ. Тоже и ты ихъ любишь всѣхъ, Бахаревиныхъ-то, а вотъ тоже у тебя какой-то сумнительный характеръ.

Данилушка, какъ умѣлъ, разсказалъ послѣднія новости о бахаревскомъ домѣ: Костя все еще гоститъ и помирился съ стариками; на прінскахъ золото такъ и лѣзетъ—на настоящую жалу ватакались; Вѣрочка совсѣмъ невѣста, жениха ей безпрѣменно надо, а то какъ-бы грѣхъ не вышелъ какой, какъ съ Надеждой Васильевной. Охъ, и хороша-же была эта Надежда Васильевна: красавица, умница, характеръ—шелкъ шелкомъ, а вотъ, поди ты, ни за грошъ, ни за копѣечку пропала. По зимѣ-то Марья Степановна нарочно посылала на прінски къ Лоскутову, развѣдать о Надеждѣ-то Васильевнѣ, что и какъ. Сказывали—слухъ палъ—дите у ней, старуха-то и всполошилась: хошь и прокляла сторяча, а свою кровь жалъ, поди, не жалъ... Ну, ничего, все благополучно: и сама Надежда Васильевна, и дите. Приваловъ слушалъ Данилушку съ опущенной головой; эти имена поднимали въ немъ старыя воспоминаія неиспытаннаго счастья, которыя были такъ далеки отъ его настоящаго.

— Ну, намъ пора, Сергѣй Александрычъ, заговорилъ Веревкинъ, поднимаясь съ мѣста.—Поѣдемте дальше...

— А ты куда, Миколя? допытывался Лепешкинъ.

— Туда, куда тебѣ нельзя ѣхать...

— Ой, врешь... Ей-Богу, врешь! Мы съ Данилой тоже ѣдемъ къ вамъ, только вотъ еще здѣсь расправимъ несколько косточки.

— Приѣзжайте, только Моисея не возите съ собой.

— Ладно, ладно. И это знаемъ... Катеринѣ Ивановнѣ по... Да вотъ чего, у меня тутъ кошеваля стоитъ, у са... штира—только кликни Барчука. Лихо домчить... Звѣрь,...

— Хорошо, хорошо.

Приваловъ и Веревкинъ пошли къ выходу, съ трудомъ сквозь толпу пьянаго народа. Вездѣ за столиками сидѣли подгулявшіе купчики, кутившіе съ арфистками. Не...

цензурная ругань, женскій визгъ и пьяный хохоть придавали картинѣ самый разгульный, отчаянный характеръ.

Къ подъѣзду лихо шарахнулась знаменитая тройка Барчука. Кошевая была обита персидскими коврами; самъ Барчукъ, совсѣмъ сѣдой старикъ съ косматою бородою и нависшими бровями, сидѣлъ на козлахъ, какъ ястребъ.

— Къ Катеринѣ Ивановнѣ... коротко отдалъ приказаніе Веревкинъ.

Барчукъ неистово гикнулъ, и тройка птицей полетѣла куда-то на окраину, минуя самыя бойкія торговыя мѣста. Приваловъ залюбовался тройкой: коренникъ иноходецъ вытянулся и, закинувъ голову, летѣлъ стрѣлою; пристяжныя, свернувшись въ кольцо, мели землю своими гривами. Валдайскіе колокольчики вздрагивали и замирали подъ высокой росписной дугой. У подъѣзда одного двухъэтажнаго дома съ освѣщенными окнами Барчукъ осадилъ тройку своей желѣзной рукою, какъ мертвую; лошади даже присѣли на круть. На звонокъ выбѣжала горничная и внимательно осматривала гостей.

— Свои, свои... успокоивалъ ее Веревкинъ, выгвѣзая изъ шубы.—Кто наверху?

— Московскій баринъ, да иркутскіе купцы.

Въ залѣ, отдѣланной съ большою роскошью, гостей встрѣтила сама Катерина Ивановна. Она была сегодня въ тяжеломъ бархатномъ платьѣ, съ брилліантовой бабочкой въ золотистыхъ волосахъ.

— Вы, кажется, незнакомы, заговорилъ Веревкинъ, рекомендуя Привалова.

— Вотъ гдѣ мы, наконецъ, встрѣтились съ вами, промолвила Катерина Ивановна, рассматривая Привалова своими прищуренными близорукими глазами.

— Папахенъ гдѣ? спрашивалъ Веревкинъ, заглядывая въ портьеру слѣдующей комнаты.

Катерина Ивановна только слегка кивнула своей красною головкой и добродушно засмѣялась. Приваловъ рассматривалъ эту даму полусвѣта, стараясь подыскать въ ней родственныя черты съ той скромной старушкой, Павлою Ивановной, съ которой онъ когда-то игралъ въ преферансъ у Бахаревыхъ. Онъ какъ сквозь сонъ, помнилъ маленькую Катю Колпакову, ко-

Она часто бывала въ бахаревскомъ домѣ, когда Приваловъ былъ еще гимназистомъ.

— Что вы на меня такъ смотрите? съ улыбкой спрашивала дѣвушка, быстро поднимая на Привалова свои большіе темносѣрые глаза.—Я васъ встрѣчала, кажется, въ клубѣ...

— Да, я тоже встрѣчалъ васъ.

Наступила тяжелая пауза. Катерина Ивановна видимо стѣснилась; Привалову вдругъ сдѣлалось жаль этой красивой дѣвушки, вырванной изъ семьи въ качествѣ жертвы общественнаго темперамента. «Вѣдь она человѣкъ, такой-же человѣкъ, какъ всѣ другіе»,—подумалъ Приваловъ, невольно любуясь смутившейся красавицей.—«Чѣмъ же хуже насъ? Ее толкнула на эту дорогу нужда, а мы...» Катерина Ивановна поймала этотъ взглядъ и какъ-то бодрѣнно выпрямилась, бросивъ на Привалова нахальный, вызывающій взглядъ.

Въ слѣдующей комнатѣ шла игра съ той молчаливой торжественностью, съ какой играютъ только завзятые игроки, игроки по призванію. На первомъ планѣ былъ Иванъ Яковлевичъ, блѣдный, съ мутнымъ взглядомъ, съ взъерошенными волосами; онъ держалъ банкъ. Привалову бросились въ глаза его женскія руки, въ которыхъ какъ-то сами собой тасовались карты. Напротивъ него стоялъ «московский баринъ». Въ немъ сразу можно было узнать прежняго военнаго изъ какого-нибудь дорогаго полка. Но красивое молодое лицо уже поблекло отъ бессонныхъ ночей и превратностей жизни афериста. Человѣкъ пять иркутскихъ купцовъ размѣщались вокругъ стола въ самыхъ непринужденныхъ позахъ; измятыя лица и воспаленные глаза краснорѣчиво говорили объ ихъ занятіяхъ. На двухъ столахъ помѣщались вина и закуски. Когда Приваловъ вошелъ въ комнату, на него никто даже не взглянулъ, все всѣ были заняты главными дѣйствующими лицами, т. е. Иваномъ Яковлевичемъ и московскимъ баринкомъ.

— Вотъ, пожалуйста сюда-съ... предупредительно шепнула темная личность, точно вынырнувшая изъ подъ пола. Это былъ типичный ярмарочный шакаль, необходимая свита крупному игроку. Онъ униженно кланялся при каждомъ словѣ и постоянно улыбался принужденной льстивой улыбкой. Усадивъ Привалова, шакаль смиренно отошелъ въ уголокъ, гдѣ дремалъ на залитомъ виномъ стулѣ.

Обстановка комнаты придавала ей видъ будуара: мягкая мебель, ковры, цвѣты. Съ потолка спускался розовый фонарь; на стѣнѣ висѣло нѣсколько картинъ съ голыми красавицами. Оглядывая это гнѣздышко, Приваловъ замѣтилъ какія-то ноги въ одномъ сапогѣ, которыя выставлялись изъ подъ дивана.

— Это Иванъ Митричь... доложилъ почтительнымъ шепотомъ шакаль, поймавъ взглядъ Привалова.— Вторые сутки-съ почи- ваютъ. Сильно были не въ себѣ.

Игра совершалась по-прежнему, въ самомъ торжествен- номъ молчаніи. Иванъ Яковлевичъ держалъ банкъ, увѣренными движеніями бросая карты направо и налево. Московскій ба- ринъ равнодушно слѣдилъ за его руками. У него убивали карту за картой. Около Ивана Яковлевича, на зеленомъ столѣ, кучки золота и кредитокъ все увеличивались.

— На тридцать-шестую тысячу перевалило... шептались купцы.

Приваловъ поставилъ карту—ее убили, вторую—тоже, третью—тоже. Отсчитавъ шестьсотъ рублей, онъ отошелъ въ сторону. Иванъ Яковлевичъ только теперь его замѣтилъ и по- клонился съ какою-то больной улыбкой; у него на лбу вы- ступали капли крупнаго пота, но руки продолжали двигаться такъ-же безстрастно, точно карты сами собой падали на столъ.

— Экъ ихъ взяло... точно замерли! ворчалъ Nicolas Ве- ревкинъ, пересаживаясь отъ игорнаго стола къ закускѣ.— Па- пахень сегодня дьявольски рѣжетъ...

Къ столу съ винами подошелъ «московскій баринъ»; онъ блуждающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Привалова и Вере- кина, налилъ себѣ рюмку вина и, не выпивъ ее, пошатываясь вышелъ изъ комнаты.

— Этотъ совсѣмъ готовъ: finita la comedia, объясняетъ Nicolas, кивая головой на закрывшуюся за московскимъ ба- риномъ портьеру.

— Проигрался?

— Да... Тысячъ двадцать-пять просадилъ. Изъ моск- овскихъ жулановъ. Каждую ярмарку приѣзжаетъ обирать в- цовъ, а нынче на папахена и наткнулся. Ну, да ниче- еще успѣетъ оправиться! Дураковъ на его долю еще мн- осталось...

Игра продолжалась. «Московского барина» смѣнили б-

маленькій купчикъ въ «спинджакъ» и брилліантовыхъ запонкахъ. Онъ выигралъ три раза и началъ повышать ставку.

— Ваня, обрѣжешься... удерживалъ его черноволосый купчикъ съ косыми глазами.

Спинджакъ опять выигралъ, вытеръ лицо платкомъ и отошелъ къ закускѣ. Косоглазый купецъ занялъ его мѣсто и началъ проигрывать карту за картой; каждый разъ, вынималъ деньги, онъ стучалъ козонками по столу и тяжело пыхтѣлъ. Въ истинной послышался громкій голосъ и сильный смѣхъ; черезъ минуту изъ-за портьеры показалась громадная голова Данилушки. За нимъ въ комнату вошла Катерина Ивановна взявъ руку съ Лепешкинымъ.

— Ну, и утѣшилъ!! кричалъ Лепешкинъ, тыкая Данилушку своимъ опухшимъ перстомъ. — Настоящее свѣтопредставленіе!.. Только вы, Сергѣй Александрычъ, уѣхали изъ «Биржевой», мы самую малость посидѣли и закатали въ «Казань», тамъ народичку тьма-тьмушая. Сѣли къ столику, спросили у дневеньяго а потомъ Данило и говорить: «Давай всю Данилушку изутѣшимъ: я представляюсь сумашедшимъ, а ты будешь мой братъ. Ей-Богу!.. Валяй!.. Охъ-хо-хо!.. Какъ онъ вывертываетъ зенки да заоретъ не своимъ голосомъ—страсть! Наконецъ весь къ намъ—шумъ, столарня... Я его руками держу, а онъ на стѣны кидается!.. Потомъ, подвернулась какаля-то арфистка, а онъ на нее, потомъ по столамъ побѣжалъ, по посудѣ, черезъ головы... «Кто такой? Что попритчилось съ мушкетеромъ?» Говорю, что мой братъ, семипалатинскій купецъ. А Данило забрался къ арфисткамъ и давай на нихъ кидаться: «Охъ, крикъ, страсти Господни! Ужъ кое-какъ его изловили, арфистскіе купцы подвернулись, связали салфетками, а потомъ повели въ кошевую къ Барчуку. Поблагодарилъ я ихъ, говорю имъ: «Видно къ душевному доктору повезу... Ха-ха!.. Вотъ и

Да, вѣдь, тутъ у васъ половина знакомыхъ была въ Биржевой, посмѣивалси Веревкинъ.

И знающие и знакомые... Какъ не быть! Животики надорваны, уколоуть надъ Данилушкой... Охъ-хо-хо! Горе душамъ... Вотъ какъ, матушка ты наша, Катерина Ивановна, гляди на насъ, что мы старые да сѣдые: молодому Данилушкѣ насъ еще не уколеть... Ей-Богу!.. Только вотъ

Ивана Яковлича не было, а то-бы еще чище штуку сыграли.

Данилушка только ухмылялся и утиралъ свое бронзовое лицо платкомъ. Купцы отошли отъ игорнаго стола и хохотали вмѣстѣ съ другими надъ его выдумкой. Лепешкинъ отправился играть и, повернувъ свою круглую сѣдую голову, кричалъ:

— Катерина Ивановна, на твои счастья буду играть: все твое...

— Лучше такъ отдай мнѣ деньги, все равно проиграешь, отвѣчала Катерина Ивановна.

— Ишь ты, больно гладкая... Валяй, Иванъ Яковличъ!..

Игра оживилась, куши начали расти, руки Ивана Яковлевича задвигались быстрѣе. Приваловъ тоже принялъ участіе въ игрѣ и вернулъ почти всѣ проигранныя давеча деньги. Бѣлобрысый купецъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ и съ азартомъ увеличивалъ ставки. Лепешкину везло, Приваловъ начиналъ проигрывать и тоже увеличивалъ ставку. Онъ почувствовалъ какое-то неприятое озлобленіе къ Ивану Яковлевичу и его двигавшимся бѣлымъ рукамъ.

Игра разгоралась все сильнѣй и сильнѣй, точно въ поту- хавшій огонь подлили масла. Къ игрокамъ присталъ и Данилушка. Кучки золота около Ивана Яковлевича все увеличивались, а вмѣстѣ съ ними увеличивалось и росло у его партнеровъ желаніе отыграть эти кучки. Приваловъ поддался общему настроенію и проигрывалъ карту за картой, съ небольшими перерывами, когда около него на столѣ образовывалась на нѣсколько минутъ тоже маленькая кучка изъ полумилліоновъ. «Не можетъ быть, чтобы Ивану Яковличу везло вѣчно», думалъ пьяный Приваловъ, какъ думали другіе. Дальше онъ начиналъ жалѣть глупо проигранныхъ денегъ и внутренно давалъ себѣ слово, что какъ только воротитъ проигрышъ—сейчасъ-же забастуетъ. Но проигрышъ все шелъ на увеличеніе, а не на уменьшеніе, и Приваловъ чувствовалъ какую-то жгучую потребность выиграть у Ивана Яковлевича хоть часть проигранныхъ денегъ. Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ, что его кто-то тянетъ легонько за рукавъ; онъ быстро обернулся и встрѣтился глазами съ Катериной Ивановной. Дѣвушка звала его нѣмымъ выразительнымъ взглядомъ, и Приваловъ пошелъ за ней въ гостиную.

— Я вамъ больше не дамъ играть... тихо проговорила она, притворяя за собой дверь.

— Это почему?

— А такъ... Проиграете.

— Почему-же именно я долженъ проиграть, а не вашъ Иванъ Яковличъ?

— Такъ... коротко отвѣтила Катерина Ивановна. — Во-первыхъ, вы горячитесь, во-вторыхъ—Иванъ Яковличъ всегда выигрываетъ...

— Однако, Ломтевъ его розыгралъ?

— То совсѣмъ другое дѣло: нашла коса на камень...

Это непрощенное вмѣшательство сначала разсердило Привалова; онъ готовъ былъ наговорить Катеринѣ Ивановнѣ дерзостей, но потомъ какъ-то вдругъ отмякъ и улыбнулся.

— Дѣйствительно, я глупости дѣлаю, проговорилъ онъ.— Да и пьянъ порядочно.

— Скоро кататься поѣдемъ, холодкомъ продуетъ. Видѣли, какъ проигрался Шнегасъ?

— Это отставной военный?

— Да, да... Все спустилъ, а не изъ послѣднихъ игроковъ. Я сейчасъ пошлю за лошадьми...

Приваловъ вернулся въ игорную комнату, гдѣ дѣла принимали самый энергичный характеръ. Лепешкинъ кричалъ и ругался, другіе вупцы тоже. Въ золотой кучкѣ Ивана Яковлевича видѣлись чьи-то кольца и двое золотыхъ часовъ; тутъ-же валялась дорогая брильянтовая булавка.

— Такъ ты не хочешь мнѣ на вексель повѣрить? кричалъ Лепешкинъ, стуча кулакомъ по столу.—Мнѣ?!.. А?..

— Не могу... коротко отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ, опуская глаза.

— Такъ ты вотъ какіе со мной поступки поступаешь?!.. Ты, дьяволъ этакой... чортъ!.. Да я тебя...

...старый старикъ только ринулся было черезъ столъ на Ивана Яковлевича, чтобы доказать ему собственноручно, какой такой чортъ онъ есть, но Данилушка удержалъ его во-время.

— Отстань, дурмень, хрипѣлъ Данилушка, принимая друга свои желѣзные объятія.—Развѣ это порядокъ?

— Да я ему... Кто онъ? Да я... Пусти, ради Христа! Дьяволъ пусти...

— Не пуцу... не шеперся.

Этимъ эпизодомъ игра кончилась. Иванъ Яковлевичъ бросилъ карты и проговорилъ:

— Больше не могу...

— А почему ты мнѣ подѣ вексель не повѣрилъ? придрался къ нему Лепешкинъ.—Я тебѣ вѣрю, а ты мнѣ не хочешь... а?

Иванъ Яковлевичъ, съ улыбкой, взялъ со стола горсть золота и протянулъ руку къ Лепешкину.

— Теперь сколько хочешь, а во время игры не могу...

— Да мнѣ теперь-то не надо, а зачѣмъ даве не давалъ?

— Да нельзя-же, говорятъ тебѣ! усовѣщивалъ Данилушка расхोдившагося пріятеля. — Невозможно, и все тутъ... Вездѣ такъ.

— Черти вы, вотъ что! ругался Лепешкинъ, не зная, какъ ему сорвать свою обиду.

Подѣ окномъ послышался звонъ бубенчиковъ,—это подкатила кошева. Вся компанія торопливо подкрѣпилась около виннаго столика и повалила въ переднюю. Катерина Ивановна вышла послѣ другихъ въ бархатной синей шубкѣ на настоящемъ собольемъ мѣху. Кошевыя въ это время быстро нагружались виномъ и приличной снѣдью; въ двухъ даже были поставлены ломберные столы. При громадной вмѣстимости кошевыхъ, — въ нихъ можно было свободно посадить человѣкъ двѣнадцать,—эти затѣи были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Въ кошевой Барчука помѣстились Приваловъ, Иванъ Яковлевичъ съ Катериной Ивановной, Веревкинъ, Лепешкинъ и Данилушка.

— Охъ, много еще мѣста пустого... скорбѣлъ Лепешкинъ.

— Я сама буду править, вызвалась Катерина Ивановна.— Барчукъ, возжи...

Дѣвушка сѣла на облучекъ, забрала въ руки возжи, и кошева полетѣла за-городъ. Началась самая бѣшеная скачка въ перегонку, но тройку Барчука трудно было обогнать: лошади были на подборъ. Другія кошевыя скоро остались зади и ныряли по ухабамъ, какъ лодки въ бурю. Ночь была звѣздная, но звѣзды уже блекли, и небо заволакивалось прѣутренней бѣлесоватой мглой. Вздыхаемый копытами снѣгъ крылъ всѣхъ сѣрымъ налетомъ, а синяя шубка Катерины Ивановны совсѣмъ побѣлѣла. Соболья шапочка на голо-

нея тоже превратилась въ комъ снѣга, но изъ-подъ нея выходяще улыбалось залитое молодымъ румянцемъ дѣвичье лицо, и лихорадочно горѣли глаза, какъ двѣ темныхъ звѣзды. Свѣжій воздухъ, вмѣсто того, чтобы освѣжить Привалова, похѣйствовалъ какъ разъ наоборотъ: онъ окончательно опьянѣлъ и чувствовалъ, какъ все у него летитъ предъ глазами, — полосы снѣга, ухабы, какой-то лѣсъ, рожа Лепешкина, согнутая ястребиная фигура Барчука и волны выбившихся изъ-подъ собольей шапочки золотистыхъ волосъ. Впередь!.. Чтобы духъ занимало и искры сыпались изъ глазъ... Вонъ Барчукъ самъ взялъ возжи, вскрикнулъ какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ, и все кругомъ пропало въ рѣзавшей лицо и слѣпившей глаза снѣжной пыли. Лошадей больше нельзя было разсматрѣть, а кошевая точно сама собой неслась въ снѣжную даль, какъ стрѣла, выпущенная изъ лука могучей рукой.

Дальнѣйшія впечатлѣнія для Привалова перемѣшались въ самую невозможную мозаику, точно его несло куда-то вихремъ. Тройки съѣхались, на привалѣ всѣ пили... Откуда-то появились пьяныя женщины, которыхъ обливали виномъ. Потомъ скакали обратно въ городъ, причемъ Приваловъ даже самъ нѣсколько времени правилъ барчуковой тройкой. Но все это происходило какъ во снѣ или въ потемкахъ. Въ какомъ-то большомъ домѣ, гдѣ играла музыка и было очень много женщинъ, всѣ танцовали, а Лепешкинъ съ Данилушкой откололи свою «руськую». Потомъ всѣ собрались въ большой комнатѣ, гдѣ много пили, пѣли пѣсни.. У Привалова сильно кружилась голова, и онъ замѣтилъ, что Верекинъ постоянно былъ возлѣ него, какъ нянька.

— Столы... составляй столы! орали пьяные голоса.

Изъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, образовалось нѣчто въ родѣ концертной эстрады, которую со всѣхъ сторонъ окружили шатавшіеся пьяные люди. Потомъ Приваловъ видѣлъ, какъ Верекинъ вынесъ изъ сосѣдней комнаты что-то бѣлое и поставилъ это бѣлое на помостъ. Собравшаяся публика дико взвыла, точно голодная стая волковъ, которой бросили кусокъ свѣжаго мяса: на помостѣ въ одной рубашкѣ стояла Катерина Ивановна... Она что-то пѣла такое веселое и канканировала. Публика дико выла и нѣсколько разъ принималась ее качать на рукахъ. Приваловъ аплодировалъ и кричалъ

вмѣстѣ съ другими, и ему страстно хотѣлось поколотить этого Ивана Яковлевича.

Потомъ вся эта картина исчезла точно въ туманѣ. Приваловъ помнилъ только, что онъ сидѣлъ очень близко къ Катеринѣ Ивановнѣ, она беззаботно смѣялась и разглаживала ему волосы своими бѣлыми, маленькими руками. Когда онъ проснулся, кругомъ было темно, на полу валялись какіе-то спавшіе люди, сломанная мебель, пустыя бутылки и т. д. Приваловъ лежалъ на диванѣ, а рядомъ съ нимъ, на подставленныхъ къ дивану стульяхъ, богатырскимъ сномъ спалъ Nicolas Веревкинъ. Голова у Привалова страшно трещала, хотѣлось пить, въ груди что-то жгло. Приваловъ смутно припоминалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, а потомъ опять забылся тяжелымъ пьянымъ сномъ. Когда онъ проснулся во второй разъ, на полу комнаты сидѣли и лежали тѣ-же фигуры и опять пили.

— Въ театръ пора, Сергѣй Александровичъ!.. крикнулъ кто-то.—Вставайте да поправляйтесь скорѣе.

— Какой театръ... гдѣ?

— Да вѣдь десятый часъ на дворѣ... Ха-ха!.. хохоталъ Веревкинъ, только что успѣвшій умыться.

Короткій зимній день былъ вычеркнутъ изъ среды другихъ дней, а наступавшая ночь точно служила продолженіемъ вчерашней.

XII.

Ярмарочный театръ, кой-какъ сгороженный изъ бревенъ и досокъ, былъ биткомъ набитъ пьяной ярмарочной публикой. Ложа, въ которую попалъ Приваловъ, была одна изъ ближайшихъ къ сценѣ. Изъ нея отлично можно было разсматривать какъ сцену, такъ и партеръ. Привалова особенно интересовала послѣдній, тѣмъ болѣе, что пьеса шла уже въ половинѣ. Въ ложѣ теперь сидѣлъ онъ только съ Веревкинѣмъ, а оставшая компанія нагружалась въ буфетѣ. Помѣстившись къ барьеру, Приваловъ долго разсматривалъ ряды креселъ и стульевъ. На нихъ размѣстилось все, что было именитаго на сценѣ: сятки тысячъ верстъ: московскіе тузы по комерціи, сибирскіе промышленники, фабриканты, водочные короли, скушники ба и сала, торговцы пушниной, краснорядцы и т. д.

даго пахло десятками и сотнями тысячъ. Было нѣсколько пионеровъ, преимущественно съ сибирской стороны.

— Картина!.. говорилъ Nicolas, мотая головой въ партеръ.— Вотъ вамъ наша будущая буржуазія, которая трихнетъ безнымъ отечествомъ по своему... Силища, батенька, страшная!..

Вережинъ былъ пьянъ еще со вчерашняго, и Приваловъ же чувствовалъ себя не особенно хорошо: ему было какъ-то все равно, и онъ смотрѣлъ кругомъ взглядомъ посторонняго человѣка. Въ душѣ, тамъ, глубоко, образовалась какая-то особенная пустота, которая даже не мучила его: онъ только чувствовалъ себя частью этого громаднаго цѣлаго, которое свелось въ партеръ, какъ тысяче-головое чудовище. Въдѣло цѣлое было неизмѣримо велико и влекло къ себѣ съ такою неудержимой силой... Вольготное существованіе только и возможно въ этой формѣ, а все остальное должно фигурировать въ пассивныхъ роляхъ. Даже злобы къ этому цѣлому Приваловъ не находилъ въ себѣ: оно являлось только колоссальнымъ фактомъ, который былъ правъ самъ по себѣ, въ силу своего существованія.

— Искусство прогрессируетъ... слышался въ сосѣдней ложѣ сдержанный полушепотъ, который заставилъ Привалова задрожать:— это былъ голосъ Половодова.— Да, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, въ силу основнаго принципа всякаго прогрессивнаго движенія, строго и послѣдовательно совершается неизбѣжный процессъ дифференцированія. Я сказалъ, что искусство прогрессируетъ,—дѣйствительно, мои отцы, напримѣръ, сходили съ ума отъ балета, а въ наше время онъ совсѣмъ упалъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы всѣ эти пуайты и туръ-де-форсы только сами по себѣ, это была бы какая-то глупая лошадиная дрессировка—и только. Но появились балетными антраша, въ которыхъ Камарго дѣлала удары, Фанни Эльслеръ—пять, Тальони—шесть, и Сангалли—семь, но вышла на сцену шансонетка—и эти антраша пошли къ чорту! Да-съ... Я именно съ этой точки зрения понимаю прогрессъ...

Въ одной ложѣ съ Половодовымъ сидѣлъ Давидъ и съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ эти поученія; онъ

теперь проходилъ ту высшую школу, которая отличаетъ крошечную золотую молодежь отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

— Вотъ чортъ принесъ... проворчалъ Веревкинъ, когда завидѣлъ Половодова.

Появленіе Половодова въ театрѣ взволновало Привалова, такъ что онъ снова опьянѣлъ. Все, что происходило дальше, было покрыто какимъ-то туманомъ. Онъ машинально смотрѣлъ на сцену, гдѣ актеры казались куклами, на партеръ, на ложи, на раекъ. Къ чему? зачѣмъ онъ здѣсь? Куда ему бѣжать отъ всей этой ужасающей человѣческой нескладицы, бѣжать отъ самого себя? Онъ сознавалъ себя именно той жалкой единицей, которая служить только матерьяломъ въ какой-то сильной творческой рукѣ.

По окончаніи пьесы, въ ложу ввалилась остальная пьяная компанія. Появленіе Ивана Яковлевича произвело на публику замѣтное впечатлѣніе: сотни глазъ смотрѣли на этого счастливица, о которомъ по ярмаркѣ ходили баснословные рассказы. Типичная свита изъ Данилушки, Лепешкина и Nicolas Веревкина усиливала это впечатлѣніе. Эти богачи и миллионеры теперь завидовали какому-нибудь Ивану Яковлевичу, который на нѣсколько времени сдѣлался героемъ ярмарочнаго дня. Изъ ложъ и креселъ на него смотрѣли съ восторженнымъ удивленіемъ, какъ на побѣдителя. Даже обыгранные имъ купчики раздѣляли это общее настроеніе: они были довольны уже тѣмъ, что проиграли не кому другому, а самому Ивану Яковлевичу.

— Папахень-то, вѣдь, и спать даже не ложился, сообщалъ Привалову Nicolas Веревкинъ.—Пока мы спали, онъ работалъ... За восемьдесятъ тысячъ перевалило. Да... Я совѣтовалъ забастовать, такъ не хочеть: хочеть добить до ста.

Nicolas Веревкинъ назвалъ нѣсколько громкихъ именъ въ торговомъ мірѣ, которые сегодня жестоко поплатились за удовольствіе сразиться съ Иваномъ Яковлевичемъ.

Самъ Иванъ Яковлевичъ былъ такимъ-же, какъ и всегда: такъ-же нерѣшительно улыбался и выглядѣлъ по-прежнему какимъ-то подвижникомъ.

— Сейчасъ будетъ Катя пѣть... предупредилъ Nicolas Привалова, указывая въ афишѣ на фамилію m-lle Колпаковъ.

торая, въ антрактѣ между пьесой и водевилемъ, общала шепнуть какую-то шансонетку.

— Моисей въ театрѣ, шепнулъ Nicolas Вережкинъ отцу.

— Гдѣ?

— Въ первомъ ряду, на лѣво...

— Ахъ, чортъ его возьми!.. Что-же ты раньше не скажешь? смущенно заговорилъ Иванъ Яковлевичъ.—Необходимо было предупредить Катю.

— Да онъ только что пришелъ, а сейчасъ занавѣсьсь...

Иванъ Яковлевичъ только пожалъ плечами и принялся въ темноту отыскивать Моисея. Въ этотъ моментъ поднялся занавѣсьсь, и публика встрѣтила выбѣжавшую изъ-за кулисъ Катерину Ивановну неистовыми аплодисментами. Она была одѣта въ короткое платьице французской гризетки и бойко поклонивалась съ публикой. Лепешкинъ и Данилушка, не довольствуясь обыкновенными аплодисментами, неистово ступали ногами въ полъ. Даже изъ ложи Половодова слышались оркестратическіе шлепки затынутыхъ въ перчатки рукъ. Капельмейстеръ поднесъ пѣвицѣ большой букетъ, и она, прижимая подарокъ къ груди, нѣсколько разъ весело кивнула головой въ ложу Ивана Яковлевича.

— Охъ, горе душамъ нашимъ! хрипѣлъ Лепешкинъ, отмахиваясь обѣими руками.—Ай-да Катерина Ивановна, всю публику за одинъ разъ изуважила...

Капельмейстеръ взмахнулъ своей палочкой, скрипки взвизжали, гдѣ-то глухо замычала труба. Наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, Катерина Ивановна бойко пропѣла первый куплетъ; Моисей впился глазами, когда она, привычнымъ жестомъ собрала юбки вѣеромъ и принялась канканировать. Возвзвизгивало, точно облитое розовымъ трико, колѣно... Опущенные глаза и какъ-то по-дѣтски вытянувшія губы, Колпакова только разъ повторила речитативъ своей шансонетки, и Данилушка принялась неистово ей аплодировать, она пошла нѣсколько поцѣлуевъ въ ложу Ивана Яковлевича.

— Охъ, матушка ты наша... хрипѣлъ Лепешкинъ, нависая своимъ брюхомъ на барьеръ ложи.

Въ этотъ моментъ въ первомъ ряду кресель взвился бѣлый дымокъ, и звонко грянулъ выстрѣлъ. Катерина Ивановна,

схватившись одной рукой за лѣвую половину груди, жалко присѣла у самой суфлерской будки, напрасно стараясь сохранить равновѣсіе при помощи свободной руки. Въ первыхъ рядахъ кресель происходила страшная суматоха: нѣсколько человѣкъ крѣпко держали какого-то молодого человѣка за руки и за плечи, хотя онъ и не думалъ вырваться.

— Да, вѣдь, это Монсей!.. крикнулъ кто-то.

— Онъ самый, подтвердилъ Лепешкинъ.—Я своими глазами видѣлъ, какъ онъ къ музыкантамъ подбѣжалъ да въ Катерину Ивановну и запалилъ...

Опустили занавѣсъ. Полиція принялась уговаривать публику расходиться.

— Не уходите, говорилъ Nicolas Веревкинъ Привалову:— мнѣ-же придется защищать этого дурака... Авось свидѣтелей пригодится. Пойдемте за кулисы.

На сценѣ безъ всякаго толку суетились Лепешкинъ и Данилушка, а Иванъ Яковлевичъ какъ-то растерянно старался приподнять лежавшую въ обморокъ дѣвушку. На бѣломъ корсажѣ ея платья блестя струйки крови, обрызгавшей будку и помость. Притащили откуда-то заспаннаго старичка-доктора, который какъ-то равнодушно проговорилъ:

— Помогите, господа, перенести больную въ уборную куда-нибудь...

Данилушка, Лепешкинъ, Иванъ Яковлевичъ и еще нѣсколько человѣкъ исполнили это желаніе съ особеннымъ усердіемъ и даже помогли расшнуровать корсетъ. Докторъ осмотрѣлъ рану, послушалъ сердце и флегматически проговорилъ.

— Такъ... пустяки. Впрочемъ, необходимо сначала привести ее въ чувство.

— Подождите еще минуточку, пока прійдетъ слѣдователь, упрашивалъ Веревкинъ Привалова.

Приваловъ остался и побрелъ въ дальній конецъ сцены, чтобы не встрѣтиться съ Половодовымъ, который торопился бѣжалъ въ уборную вмѣстѣ съ Давидомъ. Теперь маленькая, грязная и холодная уборная служила продолженіемъ театральной сцены, и публика съ такой-же жадностью лѣзла смотреть на послѣднюю агонію умирающей пѣвицы, какъ давеча навались ея полными икрами и безстыдными жестами.

Привалову пришлось ждать слѣдователя почти часъ.

всплывъ на сложенные въ углу кулисы и отсюда машинально наблюдать суетившуюся на сценѣ публику: кто тащилъ ведро воды, кто льду на тарелкѣ, кто корпю. Докторъ нѣсколько разъ выходилъ изъ уборной и только отмахивался рукой отъ сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ вопросовъ. Комедія жизни неожиданно перешла въ драму... Вонъ Данилушка растерянно выскочилъ изъ уборной и трусцой побѣжалъ на авансцену. Приваловъ окликнулъ его, старикъ на мгновение остановился и, узнавъ Привалова, хрипло крикнулъ:

— Отходить...

— Кто отходить?

— Катерина Ивановна... она отходить!

Данилушка послѣднія слова крикнулъ уже изъ помѣщенія для музыкантовъ, куда прыгнулъ прямо со сцены; онъ торопливо перебѣзъ черезъ барьеръ и безъ шапки побѣжалъ черезъ пустой партеръ къ выходу.

Приваловъ пошелъ въ уборную, гдѣ царилъ мертвая тишина. Катерина Ивановна лежала на кровати, устроенной на скорую руку изъ старыхъ декорацій; лицо покрылось матовой блѣдностью, грудь поднималась судорожно, съ предсмертными хрипами. Штатовской нарядъ былъ обрызганъ каплями крови. Какая-то добрая рука прикрыла ноги ея синей собольей шубкой. Около изголовья молча стоялъ Иванъ Яковлевичъ, блѣдный, какъ мертвецъ; у него по лицу катились крупныя слезы. Нѣсколько человѣкъ купцовъ безучастно смотрѣли на эту сцену, поглядывая на дверь.

Черезъ пять минутъ все было кончено: на декораціяхъ, въ театральномъ костюмѣ лежала по-прежнему прекрасная женщина, но теперь этого бездушнаго тѣла не могъ уже оскорбить ни одинъ взглядъ. Рука смерти наложила свою печать безобразную человѣческую оргію.

— Кончились, ваше высокоблагородіе... шепотомъ говорилъ это полицейскій, впуская въ уборную слѣдователя, точно боясь возбудить кого-то разбудить.

Началось предварительное слѣдствіе съ допросомъ обвиняемаго и свидѣтелей. Было осмотрѣно мѣсто преступленія и вещественныя доказательства. Викторъ Васильевичъ отвѣчалъ на вопросы твердо и увѣренно, свидѣтели путались и перемалывали другъ друга. Приваловъ тоже былъ допрошенъ въ

числѣ другихъ и опять ушелъ на сцену, чтобы подождать Nicolas Веревкина.

— Сергѣй Александрычъ, Сергѣй Александрычъ! кричалъ Веревкинъ, выбѣгая изъ уборной черезъ пять минутъ.

— Что случилось?

— Вашъ братъ здѣсь...

— Какой?

— Да Титъ Приваловъ... Сейчасъ его допрашиваетъ слѣдователь. Идите скорѣе...

Предъ слѣдователемъ стоялъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и жгучими цыганскими глазами.

— Вы находились въ числѣ другихъ актеровъ ярмарочной труппы? спрашивалъ слѣдователь.

— Да... Я игралъ подъ фамиліей Валова, съ иностраннымъ акцентомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, встряхивая, черными какъ смоль, волосами.

— Та-акъ-съ... Такъ ваша настоящая фамилія: Приваловъ?

— Да... Титъ Приваловъ, одинъ изъ владѣльцевъ шатровскихъ заводовъ.

Веревкинъ поймалъ владѣльца шатровскихъ заводовъ на сценѣ и снова допросилъ его, кто онъ и откуда, а потомъ отрекомендовалъ ему Привалова.

— Вотъ вашъ родной братъ, Сергѣй Александрычъ Приваловъ...

Братья нерѣшительно подали руки другъ другу и не знали, что имъ говорить.

— Вы теперь свободны? спрашивалъ Nicolas молодого человѣка.— Поѣдьте съ нами, а тамъ ужъ познакомимся...

— Я съ удовольствіемъ... занялся Титъ Приваловъ.— Тамъ у меня нѣтъ своей шубы...

— Тогда мы сдѣлаемъ такъ: вы, Сергѣй Александрычъ, поѣдете домой и пошлете намъ свою шубу, а мы подождемъ васъ здѣсь...

— Кстати ужъ поплите и верхнее платье, просилъ Титъ Приваловъ:— а то все, что на мнѣ—не мое, антрепренерское.

— «Хорошъ гусь»... подумалъ даже Веревкинъ, привышій къ всевозможнымъ превратностямъ фортуны.— «Нѣтъ, ей не нужно выпускать изъ рукъ, а то какъ разъ улизнетъ».

«... братику, шалишь, мы тебя не выпустимъ ни за какія
рижки!»

Приваловъ еще разъ взглянулъ на своего братца, походив-
шо на лакея изъ плохого ресторана, и отправился въ свои
мера, гдѣ не былъ ровно двое сутокъ. Въ ожиданіи платья,
веревкинъ успѣлъ выспросить у Тита Привалова всю подно-
шную: изъ пансіона Тидсмана онъ бѣжалъ два года назадъ,
потому что этотъ швейцарскій профессоръ слишкомъ часто
обязалъ къ помощи своей ученой палки; затѣмъ онъ посту-
пилъ акробатомъ въ одинъ странствующій циркъ, съ которымъ
пешествовалъ по Европѣ, потомъ служилъ гдѣ-то камерди-
номъ, пока счастливая звѣзда не привела его куда-то въ
южный край, гдѣ онъ и поступилъ въ настоящую ярмароч-
ную труппу. Своего платья у него не было, но антрепенерь
былъ такъ добръ, что далъ ему свою шубу доѣхать до Ирбити,
откуда онъ уже надѣялся какъ-нибудь пробраться въ Узель.

— Ну, батенька, можно сказать, что вы прошли хорошую
шубу.. говорилъ задумчиво Веревкинъ.—Что-бы вамъ явиться
намъ полгодомъ раньше?.. А вы какія роли играли въ
Ирбитѣ?

— Неодинаково: больше прислугу или въ водевиляхъ.

— Такъ-съ... гмъ. Дѣйствительно, вышелъ водевиль: самъ
смерть ничего не разбереть!..

XIII.

Приваловъ привезъ брата въ Узель и отвелъ ему нѣсколько
комнатъ въ домѣ, на прежней половинѣ Ляховскихъ. Молодой
человекъ быстро освоился съ своимъ новымъ положеніемъ и
вскоре времени служилъ предметомъ для городскихъ тол-
ковъ и пересудовъ. Многіе видѣли въ немъ жертву братской
любви, отъ которой онъ чуть-чуть не погибъ, если-бы не
смерть совершенно случайно. Даже смерть актрисы Болпако-
вой влетѣла въ эту исторію двухъ братьевъ; эта дѣ-
лительница платилась головой за свое слишкомъ близкое знаком-
ство съ наследникомъ приваловскихъ милліоновъ.

Домъ Приваловъ нашелъ то же, что и оставилъ. Впрочемъ,
онъ не рассчитывалъ ни на что другое, такъ какъ зналъ
изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что Зося имѣетъ по-

стоянныя свиданія съ Половодовымъ въ домѣ Заплатиной. Титъ Приваловъ явился для Зоси новымъ развлеченіемъ, разъ, какъ авантюристъ, и, второе, какъ герой узловскаго дня; она возила его по всему городу въ своемъ экипажѣ и безъ конца готова была слушать его рассказы и анекдоты изъ парижской жизни, гдѣ онъ получилъ свое первоначальное воспитаніе, прежде чѣмъ попалъ къ Тидеману. Хіонія Алексѣевна была тоже въ восторгѣ отъ этого забавнаго Titus, который говорилъ по-французски съ настоящимъ парижскимъ прононсомъ и привезъ съ собою громаднѣйшій выборъ самыхъ пикантныхъ остротъ, каламбуровъ и просто французскихъ словечекъ.

— Да, да... Что мы живемъ здѣсь, въ этой трущобѣ, — говорила Хіонія Алексѣевна, покачивая головой: — Такъ и умрешь, ничего не выдавши. Ахъ, Парижъ, Парижъ... Вотъ куда я желала-бы попасть!.. И Александръ Павлычъ тоже самое говоритъ, что не умреть спокойно, если не побываетъ въ Парижѣ.

Дѣла на мельницѣ у Привалова шли порядочно, хотя отсутствіе хозяйскаго глаза было замѣтно во всемъ, несмотря на все усердіе старика Нагибина. Приваловъ съѣздилъ на мельницу, прожилъ тамъ съ недѣлю и вернулся въ Узлъ только по послѣднему зимнему пути. Но и въ Узлѣ, и въ Гарчикахъ прежняго Привалова больше не было, а былъ совсѣмъ другой человекъ, котораго трудно было узнать: онъ не переставалъ пить послѣ ирбитской ярмарки. Въ Узлѣ онъ всѣ ночи проводилъ въ игорныхъ залахъ общественаго клуба, гдѣ началъ играть по крупной въ компаніи Ивана Яковлевича. Этотъ послѣдній вернулся съ ярмарки съ пустыми карманами.

— Какъ это васъ угораздило? спрашивалъ его Приваловъ.

— Да такъ... Не выдержалъ характера: нужно было забастовать, а я все добивалъ до сотни тысячъ, ну, и продулъ все. Вѣдь разъ совсѣмъ поѣхалъ изъ Ирбита, повезъ съ собою девяносто тысячъ слишкомъ, поѣхали меня провожать, да съ первой-же станціи и заворотили назадъ... Нарвался на какого-то ботаника. Ей-Богу!.. Доцентъ какого-то университета. Ну, онъ меня и раздѣлъ до послѣдней нитки. Удивительно, какъ счастливо играетъ, бестія...

Однажды, когда Приваловъ особенно долго засидѣлся въ клубѣ, Иванъ Яковлевичъ отвелъ его въ сторону и какъ-то смущенно проговорилъ.

— У Кати есть здѣсь мать... бѣдная старуха. Хотѣлъ я идти къ ней, нельзя-ли чѣмъ помочь ей, да мнѣ это не такъ-то сдѣлать. Вотъ если-бы вамъ побывать у ней... вы съ ней видались у Бахаревыхъ?

— Да. Пожалуй, я съѣзжу, согласился Приваловъ.

— И Моисей просилъ тоже...

— Онъ гдѣ теперь?

— На порукахъ у отца живетъ пока, до суда.

— Хорошо, я это устрою.

Приваловъ даже обрадовался этому предложенію: онъ чувствовалъ себя виноватымъ предъ старушкой Колпаковой, что сикъ поръ не навѣстилъ ее. Онъ отправился къ ней на той-же день утромъ. Во дворѣ колпаковской развалины его встрѣтилъ старикъ Полуяновъ, привѣтливо улыбнулся и съ живымъ подмигиваніемъ сообщилъ:

— А, вѣдь, мое дѣло на дняхъ вырѣшится окончательно... какъ-же! Я ужъ говорилъ объ этомъ Павлѣ Ивановнѣ. Вотъ бумаги...

На сцену опять появился свертокъ разноцвѣтныхъ бумагъ, бережно перевязанныхъ розовой ленточкой.

Павла Ивановна даже испугалась, когда въ передней увидала высокую фигуру Привалова. Старушка какъ-то разомъ вся съежилась и торопливо начала обдергивать на себѣ степенное ситцевое платье.

— Не узнали, Павла Ивановна?

— Испугалась, Сергѣй Александрычъ... Какъ ты, голубчикъ, постарѣлъ-то, и лицо-то совсѣмъ не твое ровно стало. Ужъ извини меня, старуху: болтаю, что на умъ взбредеть.

— А я зашелъ навѣстить васъ, давно не видалъ.

— Охъ, давно, голубчикъ.

Старушка засуетилась съ своимъ самоваромъ, разговаривая съ гостемъ изъ-за перегородки.

— Вотъ ужъ сорочины скоро, какъ Катю мою застрѣлила, заговорила Павла Ивановна, появляясь опять въ комнату. — Панихиды по ней служу, да вотъ собираюсь какъ-нибудь лѣтомъ съѣздить къ ней на могилку поплакать... Какъ жива-то была, сердилась я на нее, а теперь вотъ жалъ! Вспомнишь, и горько сдѣлается, поплачешь. А все-таки я благодарю Бога, что онъ не забылъ ее: прибралъ отъ сраму да отъ позору.

Привалова неприятно поразили эти слова.

— Вы очень строго судите свою дочь, замѣтилъ онъ.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя... Теперь вонъ у Баришны выхъ какое горе изъ-за моей Катѣ. А была-бы жива, могла бы и еще кому прибавила-бы и не такую печаль. Викторъ силъичъ куда теперъ? Охъ-хо-хо. Развѣ этотъ вотъ Веревкинъ выправить-его-ни-выправитъ... Марья Степановна и глаза всѣ выплакала изъ-за дѣтокъ-то. У меня одна была Катя, одно и горе мое, а погорюй-ка съ каждымъ-то дѣвчонкой.

— А Надежда Васильевна гдѣ теперъ?

Павла Ивановна недовѣрчиво посмотрѣла на Привалова прищуренными глазами.

— А развѣ докторъ-то, Борисъ-то Григорьячъ, ничего не говорилъ?

— Я его не видалъ ужъ съ мѣсяцъ...

— Надежда Васильевна живетъ теперъ въ Узлѣ, у рая недѣля пошла. Да.

— Какъ въ Узлѣ?

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаешь? Приезжай она сюда—вмѣстѣ съ этимъ... ну, съ мужемъ, по нѣскольку. Боленъ онъ, ну, мужъ-то этотъ.

— Лоскутовъ?

— Ну, онъ, выходитъ. У доктора и живутъ.

— А Марья Степановна знаетъ объ этомъ?

— Знаетъ-то знаетъ, да только слышать ничего не хочетъ...

Старушка махнула рукой и заплакала. Для чужихъ ей еще были слезы...

— Вѣдь Надежда-то Васильевна была у меня, зывала Павла Ивановна, вытирая глаза. — Какъ-же, не старухи... Какъ тогда услышала о моей-то Катѣ, такъ ко мнѣ пришла. Изъ себя-то постарше выглядить, красивая дѣвушка... ну, по вашему дама. Я еще пришла къ ней и даже сказала, а она какъ покраснѣть не могла, отцѣ-то тоскуетъ, говорить... Спрашиваетъ, какъ и что въ дому. Ну, я все и рассказала. Про тебя тоже сказала, какъ живешь, да я ничего не сказала: сама не знала.

— Про мою жизнь, Павла Ивановна, кажется, и говорить не секретъ... Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

— Охъ, Сереженька, голубчикъ, много болтають, да толь-
верить-то не хочется...

Старушка покачала головой и, взглянувъ на Привалова
и прищуренными глазами, проговорила:

— А ты на меня не разсердишься, голубчикъ?

— Вътъ, говорите.

— Не знаю, правду-ли болтають: будто ты виномъ этимъ
сталъ заниматься и въ карты играешь... Брось ты,
ариста, эту всю пакость!

Приваловъ улыбнулся.

— Вътъ, Павла Ивановна, мнѣ такъ легче... проговорилъ
однимъ махомъ съ мѣста.— Тяжело мнѣ...

— Охъ, знаю, знаю... Басурманка твоя все мутить.

— Вътъ, я на жену не жалуясь: самъ виноватъ...

— Простились. Расчувствовавшаяся старушка даже пере-
говорила Привалова, а когда онъ намекнулъ ей, зачѣмъ соб-
о приходилъ, она отрицательно замахала руками и съ
улыбкой проговорила:

— Вътъ, ничего мнѣ не нужно, голубчикъ... Да и какая
нужность у старухи: Богу на свѣчку—и только. Спасибо
тебѣ словѣ, да на томъ, что не забылъ меня. А ты
вспомни лучше мое-то слово...

— Вътъ, въ Узлѣ—вотъ о чемъ думалъ Приваловъ, ко-
гда сидѣлъ отъ Павлы Ивановны. А онъ до сихъ поръ
думалъ объ этомъ!... Докторъ не показывается и, видимо,
не встрѣчается съ нимъ. Ну, это его дѣло. Въ При-
валовѣ страшной силой вспыхнуло желаніе увидеть Надеж-
дину, увидеть хотя издали... Узнаеть она его или
можетъ быть отвернется, какъ отъ пьяницы и картеж-
ника, котораго даже Богъ забылъ, какъ выразилась-бы Павла
Ивановна?

— Вътъ, мереть... мелькнуло въ головѣ Привалова. Да, это
хорошо; всѣ расчеты съ жизнью покончить разомъ и
освободиться отъ всѣхъ тяжелыхъ воспоминаній и не-
удачъ.

— Вътъ, этого и для чего онъ теперь будетъ жить? Тянуть изо-
вѣстия, какъ тянуть другіе—это слишкомъ скучная вещь,
за которой не стоило трудиться. Даже то дѣло, для котора-
го столько работалъ, теперь какъ-то начинало терять ин-

тересъ въ его глазахъ. Онъ припомнилъ ирбитскую ярмарку, гдѣ лицомъ къ лицу видѣлъ ту страшную силу, съ которой хотѣлъ бороться. Его идея въ этомъ стройномъ и могучемъ хорѣ себялюбивыхъ интересовъ, безжалостной эксплуатаціи, организованнаго обмана и какой-то органической подлости жалко терялась, какъ послѣдній крикъ утопающаго.

На слѣдующій день Приваловъ не могъ преодолѣть искушенія и отправился въ ту улицу, гдѣ жилъ докторъ. Онъ сначала хотѣлъ только издали взглянуть на тотъ домъ, гдѣ теперь жила Надежда Васильевна и сейчасъ-же вернуться домой. Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ окнѣ мелькнетъ знакомое лицо... Отыскать квартиру доктора было не особенно трудно. Онъ жилъ по ту сторону пруда, въ старой Карманной улицѣ, въ небольшомъ новомъ флигелькѣ, выходившемъ на улицу четырьмя окнами. У подъѣзда лежала пестрая собака доктора, которую ему подарила Зося. Приваловъ съ замирающимъ сердцемъ шелъ по деревянному тротуару, не спуская глазъ съ завѣтнаго уголка. Вотъ и подъездъ, вотъ въ окнахъ зеленныя лапы смотрятся агавы... Не отдавая самому себѣ отчетъ, Приваловъ позвонилъ и сейчасъ-же хотѣлъ убѣжать, но въ этотъ моментъ дверь скрипнула и послышался знакомый голосъ:

— Кто тамъ?

Дверь распахнулась, и на порогѣ показалась сама Надежда Васильевна, въ простенькомъ коричневомъ платьѣ, съ сѣрой шалью на плечахъ. Она мелькомъ взглянула на Привалова и только хотѣла сказать, что доктора нѣтъ дома, какъ остановилась и, съ улыбкой протягивая руку, проговорила:

— Сергѣй Александрычъ... Вотъ пріятная неожиданность! А докторъ говоритъ, что вы послѣ ярмарки прямо уѣхали совою мельницу.

— Да, я былъ тамъ и только недавно вернулся.

— Какъ я рада видѣть васъ... торопливо говорила Надежда Васильевна, пока Приваловъ раздѣвался въ передней. Максимъ ужъ нѣсколько разъ спрашивалъ о васъ... Мы и остановились у доктора. Думали прожить нѣсколько дней, теперь ужъ идетъ вторая недѣля. Вотъ сюда, Сергѣй Александрычъ.

Въ маленькой гостиной Привалову показалось хорошо,

въ рю. У него даже въ ухахъ что-то звенѣло. На Надежду Васильевну онъ боялся взглянуть, точно отъ одного этого взгляда могло разсѣяться все обаяніе этой встрѣчи.

— А вѣдь какъ давно мы не видались съ вами, говорила Надежда Васильевна, усаживая гостя на ближайшее кресло.

Она показала Привалову и выше и пониже. Но лицо оставалось такимъ-же, съ отгѣнкомъ той строгой красоты, которая смягчалась только бахаревской улыбкой. Сѣрые глаза смотрѣли мягче и немного грустно, точно въ ихъ глубинѣ залегла какая-то тѣнь. Держала она себя попрежнему просто, по-дружески, съ той откровенностью, какая обезоруживаетъ всякій дурной помыселъ, всякое дурное желаніе.

Надежда Васильевна въ нѣсколько минутъ успѣла рассказать о своей жизни на пріискахъ, гдѣ ей было такъ хорошо, хотя иногда начинало неудержимо тянуть въ городъ, къ роднымъ. Она могла-бы назвать себя совсѣмъ счастливой, если-бы не здоровье Максима, которое ее очень беспокоитъ, хотя докторъ, какъ всѣ доктора, старается убѣдить ее въ полной безопасности. Потомъ она рассказывала о своихъ отношеніяхъ къ отцу и матери, о Костѣ, который по послѣднему зимнему пути отправился въ Восточную Сибирь, на заводы.

— Вы развѣ не видали Костю предъ отъѣздомъ? спрашивала Надежда Васильевна.

— Нѣтъ... Да намъ и тяжело было-бы встрѣтиться еще разъ, откровенно признавался Приваловъ.—Насъ отчасти связывали только заводы, а теперь порвалась и эта послѣдняя связь.

Чтобы замаять этотъ непріятный разговоръ, Надежда Васильевна стала разспрашивать Привалова о его мельницѣ и хлебной торговлѣ. Ее такъ интересовало это предпріятіе, хотя отъ Кости о немъ она ничего никогда не могла узнать: вѣдь онъ съ самаго начала былъ противъ мельницы, какъ и отецъ. Приваловъ одушевился и подробно рассказалъ все, что было имъ сдѣлано, и какіе успѣхи были получены; онъ не скрывалъ отъ Надежды Васильевны тѣхъ неудачъ и разочарованій, такія выступали по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ деломъ.

— Могу пожалѣть только объ одномъ, что докторъ ранѣе чему-то не хотѣлъ сказать, что вы здѣсь, проговорила Надежда Васильевна.—Вѣдь не могъ-же онъ не знать этого, ко-

гда бываетъ въ вашемъ домѣ каждый день... Мы на дняхъ, вѣроятно, уѣзжаемъ отсюда.

— Я вамъ объясню, Надежда Васильевна, почему докторъ скрывалъ отъ васъ мое появленіе здѣсь, заговорилъ Приваловъ, опуская глаза:—онъ боялся, что я могу явиться къ вамъ не совсѣмъ въ приличномъ видѣ... Докторъ такъ добръ, что хотѣлъ, хотя на время, скрыть мои недостатки отъ васъ...

— Сергѣй Александрычъ, вы говорите такія страшныя вещи... смущенно заговорила Надежда Васильевна, дѣлая большіе глаза.

Она съ какимъ-то страхомъ взглянула на Привалова, который теперь упорно и какъ-то болѣзненно-пристально смотрѣлъ на нее. Въ этомъ добромъ, характерномъ лицѣ стояло столько муки и затаеннаго горя.

— Это длинная исторія, Надежда Васильевна... Если хотите, я могу вамъ рассказать, какъ дошелъ до своего настоящаго положенія.

Привалова вдругъ охватило страстное желаніе рассказать, нѣтъ, исповѣдаться ей во всемъ, никому больше, а только ей одной. Всѣ другіе могли видѣть только одну внѣшность, а ей онъ откроетъ свою душу; пусть она казнитъ его своимъ презрѣніемъ. Сейчасъ и здѣсь-же. Ему будетъ легче...

-- Когда я шелъ сюда, я не думалъ, что увижу васъ, глухо заговорилъ Приваловъ, опять опуская глаза.— Я даже боялся этой встрѣчи, хотя и желалъ ея... Скажу больше: когда я шелъ сюда, я думалъ о смерти, о своей смерти. Какъ хорошо во-время умереть, Надежда Васильевна, и какъ тяжело сознавать, что еще молодъ, силенъ и не можешь рассчитывать на этотъ спасительный исходъ. На мысль о смерти меня навела трагическая исторія Кати Колпаковой... Она умерла на моихъ глазахъ, и я позавидовалъ ей, когда увидѣлъ ее мертвой. Это была замѣчательно красивая дѣвушка, а мертвая она была просто идеально хороша.

Въ своей исповѣди Приваловъ рассказалъ все что произошло съ нимъ послѣ роковой сцены въ саду, кончая прѣбываніемъ въ ярмаркѣ и своимъ визитомъ къ Павлѣ Ивановѣ. Онъ очертилъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой сложной исторіи, свою домашнюю обстановку и свое постепенное паденіе, быстрое по внѣшности, но вполне послѣдовательное по внут-

реннему содержанію. Прослѣдить такое паденіе въ самомъ себѣ крайне трудно, т. е. отдѣльныя его ступени, какъ трудно опредѣлить высоту горы при спускѣ съ нея. Не достаетъ глазомера, той перспективы, которая давала-бы возможность сравненія. Мысль болтается въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что ухватиться.

— Вы простите меня за то, что я слишкомъ много говорю о самомъ себѣ, говорилъ Приваловъ, останавливаясь. — Никому и ничего я не говорилъ до сихъ поръ и не скажу больше... Мнѣ случалось встрѣчать много очень маленькихъ людей, которые вѣчно ко всѣмъ пристають съ своимъ я: это очень скучная и глупая исторія. Но вы послушайте меня до конца: мнѣ слишкомъ тяжело, больше чѣмъ тяжело.

Возбужденное состояніе Привалова передалось ей, и она чувствовала, какъ холодѣетъ вся. Нѣсколько разъ она хотѣла подняться съ мѣста и убѣжать, но какая-то сила удерживала ее, и она опять желала выслушать всю эту исповѣдь до конца, хотя именно на это не имѣла никакого права. Зачѣмъ она рассказываетъ все это именно ей и зачѣмъ именно въ такой формѣ? Приваловъ не щадилъ себя, когда рассказывалъ свои отношенія къ Половодовой и свою любовь къ Зосѣ: все это такъ походило на плохой романъ, написанный человѣкомъ очень неопытнымъ въ композиціи и группировкѣ дѣйствія.

— Вы обратите вниманіе на отсутствіе послѣдовательно-сти въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, говорилъ Приваловъ. — Все идетъ съязками... Цѣлое приходится восстанавливать по разрозненнымъ звеньямъ и обрывкамъ. Я часто думалъ объ этой неослѣдовательности, которую сознавалъ и которая такъ давила меня... Но, чтобы понять всего человѣка, нужно взять его въ цѣломъ, не съ однимъ только его личнымъ прошедшимъ, а со всей совокупностью унаслѣдованныхъ имъ особенностей и характерныхъ признаковъ, которые гнѣздятся въ его крови. Вотъ, если разсматривать съ этой точки зрѣнія всѣ тѣ факты, о которыхъ я сейчасъ рассказываю, тогда вся картина озвѣщается вполнѣ... Предъ вами во весь ростъ встаетъ типичный представитель выродившейся семьи, котораго не могутъ спасти самыя лучшія стремленія. Именно съ этой точки зрѣнія смотритъ на меня докторъ, если я не ошибаюсь.

Дальше Приваловъ рассказывалъ о томъ, какъ колебалась

его вѣра даже въ собственную идею и въ свое дѣло. Если его личная жизнь не сложилась, то онъ могъ-бы найти нѣкоторый суррогатъ счастья въ выполненіи своей идеи. Но ни него и этотъ выходъ дѣлался сомнительнымъ.

— Я несогласна съ вами въ этомъ случаѣ, заговорила Надежда Васильевна.—Вы смотрите теперь на все слишкомъ пристрастно...

Надежда Васильевна заговорила на эту тему, глаза у ней блестяли, а на лицѣ выступилъ яркій румянецъ. Она старалась убѣдить Привалова, что онъ напрасно отчаивается въ успѣхахъ своей идеи и даже повторила тѣ его мысли, которыя онъ когда-то высказывалъ еще въ Шатровскомъ заводѣ. Приваловъ слушалъ эту горячую, прочувствованную рѣчь съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и тяжелого унынія. Въ Надеждѣ Васильевнѣ теперь говорила практическая отцовская жилка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она увлекалась грандіозной картиной неравной, отчаянной борьбы съ подавляющимъ своимъ численнымъ составомъ и средствами непріателемъ. Именно, такая борьба была полна смысла и для нея стоило жить на свѣтѣ. Стыдно и позорно опускать руки именно въ тотъ моментъ, когда дѣло уже поставлено и остается только его развивать.

— Признаться сказать, я гораздо больше ожидала отъ васъ, Сергѣй Александровичъ, кончила она.

Въ исповѣди Привалова чего-то недоставало, чувствовался замѣтный пробѣлъ,—Надежда Васильевна это понимала, но не рѣшалась поставить вопросъ прямо. У Привалова уже вертѣлось на языкѣ роковое признаніе въ своей погибшей, никому неизвѣстной любви, но онъ преодолѣлъ себя и удержался.

— А вотъ и Максимъ... проговорила Надежда Васильевна, указывая головой на окно.

По деревянному тротуару дѣйствительно шелъ Лоскутовъ. Приваловъ не узналъ его въ первую минуту, хотя по внѣшности онъ мало измѣнился. Въ этой характерной фигурѣ теперь сказывалось какое-то глубокое душевное перерожденіе: это было замѣтно по разсѣянному выраженію лица и особенно по глазамъ, потерявшимъ свою магически-притягательную силу. Привалова Лоскутовъ узналъ не вдругъ и долго пристально всматривался въ него, пока проговорилъ:

— Да, да... теперь вспомнилъ: Приваловъ, Сергѣй Александровичъ.

«У этого тоже недостаетъ какого-то винтика въ головѣ», подумалъ Приваловъ, припоминая слова покойнаго Ляховскаго.

Они разговорились принужденнымъ разговоромъ чужихъ людей. Надеждѣ Васильевнѣ было вдвойнѣ тяжело оставаться свидѣтельницей этой натянутой бесѣды: одного она слишкомъ любила, а другого жалѣла. У ней готовы были навернуться слезы на глазахъ при одной мысли, что еще такъ недавно эти люди были полны жизни и энергіи.

Приваловъ началъ прощаться. Лоскутовъ машинально протянулъ ему руку и остался въ своемъ креслѣ съ такимъ лицомъ, точно напрасно старался что-то припомнить.

— Я буду васъ ждать, говорила Надежда Васильевна, когда провожала Привалова въ переднюю.—Мы еще о многомъ переговоримъ съ вами... Да? Видѣли, въ какомъ положеніи бѣдный Максимъ... У него какое-то мудреное нервное разстройство, и я часто сама не узнаю его: совсѣмъ другой человекъ.

— Давно это съ нимъ?

— Съ середины зимы... Сначала жаловался на головныя боли, потомъ появилась какая-то слабость, апатія, галлюцинаціи. Докторъ лечитъ его электричествомъ... Такъ я буду надѣяться, что вы не позабудете насъ.

Д. Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

УЧЕНИЕ ДЖОРДЖА.

III.

Мы уже видѣли въ первой главѣ, какъ развитіе капиталистической системы производства сопровождается превращеніемъ массы мелкихъ самостоятельныхъ производителей въ классъ наемныхъ работниковъ, единственнымъ источникомъ существованія которыхъ служить заработная плата или денежный эквивалентъ, вырученный ими отъ продажи своего товара—труда. Цѣна послѣдняго или мѣра заработной платы регулируется, при данномъ состояніи спроса на товары, самымъ производственнымъ механизмомъ, находящимся въ распоряженіи капиталистовъ. Чѣмъ онъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе онъ упрощаетъ и «сберегаетъ трудъ», тѣмъ меньшую долю капитала приходится издерживать на покупку рабочей силы. Та часть рабочаго времени, которая тратится на воспроизведеніе переменнаго капитала или издержекъ на покупку труда, все болѣе и болѣе уменьшается, стало быть, по мѣрѣ того, какъ совершенствуются орудія и способы производства, «сберегающіе трудъ». И пропорціонально уменьшенію этой доли рабочаго времени увеличивается другая его часть, въ теченіи которой рабочій классъ производитъ добавочную цѣнность—для представителей капитала и землевладѣнія. Свободная конкуренція регулируетъ распределеніе этой добавочной цѣнности между землевладѣльцами, предпринимателями, денежными капиталистами—вообще между разными группами собственниковъ и заправителей производительными средствами общества. Но какой-бы интересъ ни представлялъ самъ въ себѣ вопросъ объ условіяхъ и пропорціи, въ которой добавочная цѣнность распределяется между всѣми этими группами, для выясненія общихъ законовъ движенія заработной платы онъ никакого значенія не имѣетъ. Факты очевиднѣйшимъ образомъ доказываютъ, что она падаетъ, что рабочая сила обезцѣнивается, между тѣмъ какъ въ то-же время добавочный продуктъ, производимый

возрастает, и абсолютно, и относительно. Исслѣдованіе же капиталистическаго производства доказываетъ, что параллельное развитіе обоихъ этихъ явленій обусловливается одной и той-же основной причиной — индивидуалистическимъ способомъ эксплуатаціи прогрессивно развивающихся производительныхъ силъ, по системѣ «мѣноваго хозяйства». Получаетъ-ли изъ общей суммы добавочной цѣнности одна категорія капиталистовъ больше или меньше другой, или она равномерно распредѣляется между ними—это абсолютно никакого отношенія къ вопросу о коренной причинѣ уменьшенія доли рабочихъ классовъ въ «національномъ доходѣ» не имѣетъ.

Совершенно иначе отнесся Джорджъ къ этому вопросу. У «господствующей школы» экономистовъ онъ узналъ, что «національный доходъ» распредѣляется между представителями трехъ факторовъ производства: труда, капитала, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и земли. Подъ вліяніемъ той-же школы у него сложилось убѣжденіе, что самовозростаніе капитала обусловлено законами самой природы, абсолютными и неизмѣнными. Но онъ опередилъ своихъ учителей въ одномъ отношеніи: онъ доказалъ (какъ онъ думаетъ), что источникъ этого самовозростанія заключается не въ трудѣ, а въ приращенныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ «формъ капитала» и въ обіѣнѣ. Капиталъ отнюдь не уменьшаетъ доли труда въ общемъ продуктѣ. Мало того, экономическій прогрессъ неблагоприятствуетъ имъ *обоимъ*, какъ это видно изъ пониженія въ промышленно-развитыхъ странахъ не только заработной платы, но и процента. Кто-же въ такомъ случаѣ присвоиваетъ себѣ весь приростъ общественнаго дохода, обусловливаемый прогрессомъ производительности труда? Вопросъ этотъ допускаетъ только одно рѣшеніе: если доли двухъ факторовъ производства уменьшаются, то, очевидно, весь этотъ приростъ достается на долю третьяго фактора—земли. Къ этому именно выводу и пришелъ Джорджъ. Доходъ поземельныхъ собственниковъ, получаемый ими въ формѣ поземельной ренты, стремится поглотить и заработную плату, и процентъ, т. е. долю капитала. И въ этой именно тенденціи экономическаго прогресса и заключается коренная причина «существованія бѣдности посреди возрастающаго богатства». «Причина, по которой, несмотря на возростаніе производительной силы, заработная плата тяготеетъ къ минимуму, едва достаточному для жизни, эта причина заключается въ томъ, что поземельная рента стремится еще болѣе повышаться, чѣмъ производительная сила» (курсивъ автора).

Такое «объясненіе» противорѣчій экономическаго прогресса,

предлагаемое Джорджемъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи и обоснованіи этого положенія онъ исходитъ изъ опредѣленія поземельной ренты Рикардо. Разсмотримъ-же прежде всего общественно-экономическія отношенія, содержащіяся въ этомъ опредѣленіи

Поземельная рента есть та часть выручки съ лучшихъ земель, на которую она превышаетъ—при равной затратѣ труда и капитала—выручку съ наименѣ доходныхъ участковъ, находящихся подъ культурой. Изъ этого опредѣленія прежде всего вытекаетъ, что поземельная рента состоитъ не изъ всей суммы прибавочнаго продукта, остающейся за вычетомъ содержанія производителей, а только изъ одной ея части. Остальная-же часть этого прибавочнаго продукта относится уже къ категоріи «вознагражденія капитала». Понятіе поземельной ренты предполагаетъ, стало бытъ, такой общественный порядокъ, въ которомъ рядомъ съ землевладѣніемъ функционируетъ другая, самостоятельная по отношенію къ нему экономическая сила—капиталъ. Въ эпоху натурального и рабовладѣльческаго хозяйства, продуктъ, превышавшій содержаніе рабовъ, цѣликомъ монополизировался поземельными собственниками—безъ всякаго учета въ пользу какой-нибудь другой категоріи собственниковъ. А между тѣмъ, изъ самаго понятія о поземельной рентѣ вытекаетъ, что непосредственнымъ заправителемъ процесса производства и хозяиномъ его продуктовъ является представитель капитала, и онъ-то удѣляетъ извѣстную долю прибавочнаго продукта (точнѣе, прибавочной стоимости) поземельнымъ собственникамъ. Какъ-же устанавливается пропорція, въ которой этотъ добавочный продуктъ дѣлится между представителями капитала и землевладѣнія? Положимъ, подъ обработкой состоятъ два сорта земли, изъ которыхъ на лучшемъ получается съ десятины 50 пудовъ хлѣба, а на худшемъ, при равной затратѣ труда и капитала,—25. Количество труда, воплощеннаго, какъ въ 25 пудахъ, такъ и въ 50, выражается, положимъ, 25 рублями, такъ что пудъ хлѣба на землѣ низшей производительности будетъ стоить рубль, а на землѣ высшаго качества—всего 50 копѣекъ. Но такъ какъ обществу абсолютно необходимъ весь произведенный хлѣбъ, и такъ какъ, сверхъ того, на каждой единицѣ его, появляющейся на рынкѣ, не отражается ея индивидуальная стоимость, то всѣ онѣ безразлично проданы будутъ, каждая порознь, по рублю. Десятина земли высшаго сорта дастъ, стало бытъ, излишекъ въ 25 рублей валового дохода по сравненію съ десятиной низшей производительности, такъ что, если капиталъ въ послѣднемъ случаѣ получаетъ 5 рублей добавочной стоимости или «вознагражденія», то въ первомъ случаѣ онъ получаетъ $5 + 25 = 30$ рублей. Но

какъ известно, взаимная конкуренція капиталистовъ не допускаетъ, чтобъ въ одной отрасли труда или въ однихъ предприятияхъ капиталъ давалъ больше дохода, чѣмъ въ остальныхъ: подъ вліяніемъ свободнаго соперничества прибыль стремится къ одному уровню во всѣхъ занятіяхъ. Поэтому, въ среднемъ выводѣ, и капиталъ, потраченный на обработку десятины вышшаго сорта, дастъ капиталисту не болѣе 5 рублей дохода, которые въ нашемъ примѣрѣ должны представлять собою среднюю норму прибыли въ странѣ. Остальные 25 рублей и составятъ долю поземельнаго собственника въ добавочной стоимости—его ренты.

Итакъ, пропорціи, въ которой добавочный продуктъ дѣлится на поземельную ренту и «вознагражденіе капиталиста», устанавливается свободной конкуренціей во 1) между покупателями и продавцами хлѣба и сырья, а во-2) между капиталистами-предпринимателями и землевладѣльцами. Поземельная рента представляетъ собою, такимъ образомъ, специально капиталистическую форму дохода. Производство для сбыта, обособленіе капитала въ самостоятельную экономическую силу, доставляющую своему владѣльцу, путемъ господства надъ юридически свободнымъ трудомъ, долю въ добавочномъ продуктѣ послѣдняго, наконецъ, царство свободной конкуренціи, какъ верховнаго принципа, регулирующаго распредѣленіе общественнаго дохода между индивидуумами и классами—таковы необходимыя историческія условія возникновенія поземельной ренты. Очевидно, стало быть, что и ея количественныя измѣненія и обстоятельства, обусловливающія ихъ, неразрывно связаны съ законами развитія самой системы капиталистическаго производства, потому что, подобно предпринимательской прибыли и другимъ подраздѣленіямъ добавочной стоимости, поземельная рента и ея движенія представляютъ собою только часть конкретныхъ проявленій развитія этой системы. Авторъ говоритъ, что поземельная рента возникаетъ изъ монополизациі земли частными лицами (что, однако, не мѣшаетъ ему разсматривать ренту, какъ естественно-историческое явленіе), и затѣмъ, сразу перескочивъ къ современному понятію о поземельной рентѣ, онъ именно изъ этого понятія выводитъ, что экономическій прогрессъ стремится перенести весь доходъ общества въ руки землевладѣльцевъ. Выходитъ, что первоначально одни капиталисты присвоивали себѣ весь добавочный продуктъ, а послѣдствіи экономическаго прогресса началъ постепенно оттягивать отъ нихъ долю дохода въ пользу поземельныхъ собственниковъ. На слѣдующее же только «съ отдѣленіемъ обрабатывающей промышленности отъ добывающей начинается дѣленіе ренты (т. е. всего добавоч-

наго продукта), и капиталъ противопоставляется землевладѣнію. И только въ эту историческую эпоху одна часть прибавочнаго продукта «переходитъ, какъ прибыль на капиталъ, въ руки промышленниковъ-капиталистовъ», сосредоточенныхъ въ городахъ между тѣмъ какъ другая часть остается въ рукахъ поземельныхъ собственниковъ деревни («des platten Landes»), какъ поземельнаго рента **). Если, стало быть, имѣетъ какой-нибудь смыслъ для одного изъ этихъ классовъ жаловаться на экономическій прогрессъ, то ужь отнюдь не для представителей капитала, которые постепенно, шагъ за шагомъ, оттягивали у землевладѣльцевъ часть ихъ дохода, пока окончательно не захватили въ свои руки главное управленіе экономической жизнью и производительными средствами. Вся исторія Западной Европы резюмируется, можно сказать, въ поступательномъ развитіи владычества капитала надъ рабочей силой во всѣхъ сферахъ производства, не исключая и земледѣльческихъ. «Уже въ XV ст., говоритъ профессоръ Янжуль, замѣчается сильное движеніе между богатыми лицами торговаго и промышленнаго класса (въ Англіи) къ пріобрѣтенію поземельныхъ владѣній. Переносъ свои занятія съ торговли на земледѣіе, они старались примѣнить коммерческіе принципы къ своему новому дѣлу. При дешевой цѣнѣ хлѣба дорогой—труда, воздѣлываніе хлѣба было далеко зайатіей невыгоднымъ. Въ то-же время шерсть стояла въ очень хорошей цѣнѣ и англійскія шерстяныя издѣлія сильно спрашивались за границу. Новые землевладѣльцы, по Фрауду, первые обратили вниманіе на доходную статью и начали расширять овцеводство, уменьшая запашку» ***). Но капиталистамъ даже нѣтъ необходимости вытѣснять землевладѣльцевъ изъ ихъ права собственности на землю, чтобы захватить въ свои руки ея эксплуатацію. Они достигаютъ той же цѣли системой арендованія имѣній. Освобожденіе крестьянъ въ Англіи и увеличеніе денежныхъ затратъ на веденіе хозяйства поставили помѣщиковъ въ Англіи въ необходимость или занимать у разбогатѣвшихъ торговцевъ деньги за высокой процентъ, или сдавать имъ свои земли въ аренду. Въ томъ и другомъ случаѣ, этотъ классъ капиталистовъ обогащается на счетъ дохода землевладѣльца,—и, само собою разумѣется, на счетъ земледѣльческихъ производителей. На мѣсто хлѣба крупные арендаторы начинаютъ

*) Zur Beleuchtung der socialen Frage. V. D-r Robertus Jagetzow. Стр. 1 (изданіе 1875).

***) Тамъ-же.

***) «Англійская свободная торговля». Выпускъ первый. Періодъ первый, главный, стр. 27—28.

разводить стада овецъ. А для полученія большого простора для овецъ, богатые арендаторы и торговцы шерстью всячески способствовали насильственному удаленію крестьянъ съ земли и увеличивали такимъ образомъ ея «доходность». Развившаяся шерстяная мануфактура поддерживала хорошій спросъ на шерсть, а нехотливый уходъ за овцами служилъ лишнимъ мотивомъ къ увеличенію пастбищъ въ ущербъ запашкѣ... Множество рукъ, употребившихся прежде на воздѣлываніе полей, остались такимъ образомъ безъ дѣла. «Роджерсъ Эшемъ (Asham) въ царствованіе Елизаветы описываетъ разсѣяніе многихъ семействъ, разрушеніе домовъ, упадокъ и уменьшеніе числа благородныхъ йменовъ (мелкихъ землевладѣльцевъ...)» *). Куда-же дѣлась эта экспропрированная и изгнанная съ своей земли масса земледѣльцевъ? Они доставили мануфактурѣ и торговлѣ то «громадное число рукъ, безъ котораго, въ эпоху отсутствія машинъ, англійской промышленности и торговлѣ не удалось-бы достигнуть такого быстрого преобладанія надъ промыслами и торговлей другихъ странъ Европы» **).

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ классъ денежныхъ капиталистовъ, возникшій и окрѣпшій на почвѣ торговыхъ сношеній, выдвигается непосредственно въ область производства, измѣняется и направленіе, и организація послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическое положеніе массы производителей. «Доходность» производства въ промышленности и земледѣліи—т. е. получение возможно болѣе высокой прибыли путемъ массоваго сбыта продуктовъ—таковъ верховный руководящій принципъ и окончательная цѣль экономической дѣятельности этого класса, какъ только онъ достаточно окрѣпъ, чтобы забрать производительныя средства общества въ свое полное распоряженіе. Централизація средствъ труда и разрозненныхъ рабочихъ силъ въ одной обширной мастерской, соединеніе множества мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ рукахъ одного крупнаго фермера, превращеніе пашни въ луга и пастбища для овецъ, сокращеніе производства травъ въ виду большаго разведенія травъ—таковы были средства, которыми классъ достигалъ для «увеличенія» своего «дохода» въ первый-же періодъ своей исторической карьеры. И, что особенно важно, онъ достигаетъ своей цѣли безъ личной монополизаци «права собственности» на землю. Пусть это право остается въ рукахъ земледѣльцевъ, лишь-бы ему дана была возможность распоряженія этими пространствами земли для разведенія на нихъ овецъ. Въ виду одного этого, онъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ

*) Тамъ-же, стр. 36.

**) Общественный строй Англіи, см. стр. 128—134.

самъ поземельный собственникъ, всячески способствуетъ экспроприации земли у крестьянъ, конфискаціи общинныхъ угодій и всильственному разрушенію жилищъ громадной массы земледѣльцевъ. Этими торговецъ шерстью и крупный фермеръ проложили путь къ «самовозростанію» не только своего капитала, но и земли вообще, въ какихъ-бы рукахъ онъ ни находился, потому что отдѣлая «излишними» множество рабочихъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ и «освобождая» крестьянъ отъ ихъ исконныхъ правъ въ пользованіе землей и общинными угодьями, они тѣмъ самымъ превращали всю эту массу самостоятельныхъ производителей въ объектъ эксплуатаціи для представителей городской промышленности.

Монополизациа земли принимаетъ особенно грандіозные размѣры въ Англіи именно въ ту эпоху, когда система товарнаго производства уже на столько развилаь, что сумѣла подчинить себѣ и земледѣліе и доставить въ немъ значеніе руководящаго фактора выработавшимся въ эпоху среднихъ вѣковъ капиталистическимъ элементамъ — крупнымъ торговцамъ. Монополизациа земли является здѣсь только частью или одной стороной процесса развитія капитализма, процесса, состоящаго въ концентраціи средствъ производства и верховнаго управленія ими въ рукахъ предпринимателей-капиталистовъ. Завладѣвая-ли они при этомъ «правомъ собственности» на землю, т. е. и правомъ на полученіе ренты, или они остаются на землѣ только въ роли простыхъ арендаторовъ — историческая миссія капитала господствовать надъ трудомъ и доставлять своимъ владѣльцамъ «увеличеніе дохода» — отъ этого нисколько не страдаетъ. Выдѣленіе изъ общей суммы добавочнаго продукта особаго дохода, въ формѣ поземельной ренты, наоборотъ, свидѣтельствуетъ, что въ исторической аренѣ появилась новая общественная сила — капиталъ, оттягивающая у поземельныхъ собственниковъ часть присвоеннаго прежде ими одними добавочнаго продукта и въ то же время концентрирующая въ своихъ рукахъ средства производства и существованія массы самостоятельныхъ производителей. Процессъ выдѣленія поземельной ренты, какъ спеціального дохода, стало быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ превращенія земледѣльческихъ и промышленныхъ производителей въ наемныхъ работниковъ капитала. И разъ послѣдній достигъ извѣстнаго значенія въ обществѣ, движенія заработной платы и поземельной ренты будутъ зависѣть прежде всего отъ наличныхъ средствъ капиталистовъ для увеличенія общей суммы добавочной цѣнности т. е. въ частности своей въ ней доли. Если рабочая сила слишкомъ стро-

на, то при первой возможности вводятся машины, «сберегающія трудъ». Если гдѣ-нибудь за тридевять земель вдругъ появляется шмель на шерсть, а трудъ земледѣльческій при этомъ «дорогъ», капиталистъ-фермеръ или капиталистъ-землевладѣлецъ поспѣетъ превратить пашни въ луга и пастбища, а своихъ согражданъ-крестьянъ и рабочихъ замѣнить стадами овецъ. Что касается излишкомъ убыточнаго для капиталистовъ возрастанія поземельной ренты, то и противъ этого имѣются у нихъ достаточно сильныя средства. Капиталь можетъ направиться на усовершенствованіе путей сообщенія, отбѣгая въ то время всякія пошлыны на ввозъ сырья и сырья изъ-за границы, и такимъ образомъ удешевить цену этихъ вещей до того, что рента землевладѣльцевъ-собственниковъ замѣтно понизится. Капиталь можетъ также отправиться въ далекія страны, для полученія болѣе высокихъ барышей, и этимъ настолько усилить запросъ на него со стороны поземельныхъ собственниковъ, что они пойдутъ на уступки—въ формѣ-ли уменьшенія арендной платы или доставленія банкирамъ и ростовщикамъ высокаго процента, если они сами ведутъ свое хозяйство.

Движеніе поземельной ренты обуславливается, такимъ образомъ, этой системой капиталистическаго хозяйства и подтверждено такимъ же колебаніемъ, какъ и прочія категоріи капиталистическихъ доходовъ: предпринимательская прибыль, процентъ и т. д. Поэтому возводить наблюдаемое временами чрезвычайное возрастаніе ренты въ естественно-историческій законъ, и въ этомъ видѣть корень всѣхъ экономическихъ противорѣчій современности такъ-же нелѣпо, какъ взваливать всѣ прегрѣшенія капитализма на безмѣрное обремененіе производства процентами или на выдѣленіе дивиденды желѣзно-дорожныхъ и т. п. акціонерныхъ компаній. Главное теоретическое основаніе автора въ пользу своей теоріи неизмѣннаго повышенія поземельной ренты сводится къ тому, что вмѣстѣ съ умноженіемъ населенія и усовершенствованіемъ орудій производства, характеризующими экономической процессъ, увеличивается разница въ «доходности труда и капитала» культивируемыхъ земляхъ. Образованіе густо-населенныхъ центровъ торгово-промышленной дѣятельности имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что производительность труда достигаетъ здѣсь гораздо болѣе высокаго развитія, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ. Такъ какъ «доходъ труда и капитала», стремится, въ силу конкуренціи, къ одному уровню повсюду и во всѣхъ занятіяхъ, то, по мнѣнію автора, все увеличеніе добавочнаго продукта въ болѣе развитыхъ городахъ, по сравненію съ остальными мѣстностями, должно было монополизироваться собственниками земли, на которой

построены громадныя зданія, магазины, фабрики и дома въ этихъ обширныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ. Съ другой стороны умноженіе производительности труда, вслѣдствіе прогресса въ орудіяхъ и способахъ производства, порождаетъ ростъ потребностей и повышаетъ общій уровень ихъ во всемъ населеніи; этотъ ростъ потребностей приводитъ къ расширенію площади культивируемой земли и къ запросу на участки низшей степени плодородія или малоплодородныхъ по своей отдаленности отъ крупныхъ центровъ экономической дѣятельности. Опять, стало быть, увеличивается разрывъ въ доходности разныхъ земель, а вмѣстѣ съ ней и доля землевладѣльцевъ въ продуктѣ или поземельная рента. Такимъ образомъ экономическій прогрессъ вмѣстѣ съ умноженіемъ народонаселенія и производительности труда неуклонно стремится возвышать поземельную ренту не только на счетъ труда, но и на счетъ капитала.

Вся эта теорія возрастанія ренты, вслѣдствіе постоянного увеличения разницы въ доходности труда и капитала на разныхъ земляхъ есть, не болѣе, какъ грубо-эмпирическій выводъ изъ явленій развитія капитализма, явленій, представляющихся Джорджу такими-же «естественными» факторами и послѣдствіями прогресса, какъ усовершенствованіе орудій труда, увеличеніе производительности и т. д. Развитіе товарнаго производства, высшей фазой котораго является капитализмъ, шла рука объ руку съ отдѣленіемъ земледѣльческаго производства, вообще добычи отъ промышленности, отъ обрабатывающей или спеціально городской промышленности. Развитіе капитализма довершило этотъ процессъ отдѣленія города отъ деревни, концентрируя громадныя массы «освобожденнаго» отъ земли и крѣпостной зависимости сельскаго населенія на фабрикахъ и заводахъ крупныхъ капиталистовъ и сосредоточивая промышленно-торговую жизнь въ немногихъ центрахъ. Но это ступленіе большихъ массъ въ обширные города есть явленіе вполне преходящее, какъ самоотдѣленіе индустрии отъ земледѣлія, на почвѣ котораго развилась капиталистическая форма централизаціи населенія и экономической дѣятельности. Уже при теперешнемъ состояніи технологии являлась возможность сочетанія сельско-хозяйственныхъ производствъ съ индустріей. Такъ, на примѣръ, паровая машина, служившая Лунденбургѣ (въ Моравіи) для пилки досокъ, приводила въ дѣйствіе, посредствомъ электрическихъ проволокъ, молотильную машину на полѣ, лежащемъ на разстояніи одного километра отъ Лунденбурга *). А разъ дальнѣйшій прогрессъ техники и

*) «Die Neue Zeit.», IV, 1883, стр. 200. Издается въ Штуттгартѣ.

ственно-экономическихъ отношеній сдѣляетъ возможнымъ объединеніе или сочетаніе раздѣленныхъ между городомъ и деревней производствъ, то, вмѣстѣ съ этимъ, постепенно возникнетъ болѣе равномерное размѣщеніе людей на культивируемой землѣ, — другими словами, изсякнетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ непропорціонально громаднаго увеличенія разницы въ «доходности» капитала на нѣкоторыхъ участкахъ сравнительно съ другими — источниковъ, обуславливаемыхъ капиталистической организаціей производства и группировкой рабочихъ силъ.

Съ капиталистической централизаціей населенія и промышленно-торговой жизни въ обширныхъ городахъ тѣсно связаны и другой источникъ увеличенія разницы въ доходности различныхъ участковъ земли. Эта форма централизаціи съ одной стороны обрекаетъ значительные районы специально на доставленіе изъ почвы громадныхъ массъ сырья, хлѣба и т. п., для безмѣрныхъ желудковъ, представляемыхъ фабричными и торговыми городами, а съ другой — истощаетъ эту почву, вслѣдствіе прекращенія объѣма веществъ между ней и населеніемъ, потребляющимъ ихъ. Отсюда — необходимость обращаться къ ввозу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ далекихъ, подчасъ весьма разнообразныхъ по плодородію, мѣстностей. И такъ-какъ, при этомъ, запросъ на сырье для фабрикъ опредѣляется не потребностями производителей, а болѣе или менѣе произвольными соображеніями капиталистовъ о возможности громаднаго сбыта на всемірномъ рынкѣ, то и запросъ промышленныхъ центровъ на продукты земли необходимо возрастаетъ далеко за предѣлы потребностей ихъ населеній. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, доставка сырыхъ продуктовъ должна производиться изъ мѣстностей самыхъ различныхъ по своимъ разстояніямъ отъ центровъ сбыта и самыхъ разнообразныхъ степеней плодородія. И какъ ни велика разница въ издержкахъ производства и провоза сырья, цѣна его, однако, безразлично, будетъ приблизительно равна. Другими словами, чѣмъ ближе къ большому городу мѣстность или чѣмъ плодороднѣе она, тѣмъ больше дохода получать ея землевладѣльцы по сравненію съ землевладѣльцами болѣе далекихъ или менѣе плодородныхъ мѣстъ. И вотъ, это послѣдствіе капиталистической организаціи труда и обезлюденіе селъ авторъ принимаетъ за неизмѣнную и неуклонно-возрастающую въ своей силѣ «естественную» тенденцію абсолютныхъ законовъ экономическаго прогресса. Но если вѣрно, что дальнѣйшее направленіе экономическаго развитія пойдетъ по пути сочетанія земледѣлія и городской индустріи въ одинъ цѣльный, систематически организованный общественный процессъ производства (а сомнѣ-

ваться въ этомъ едва-ли возможно), то несомнѣнно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны прекратится и современная централизація населенія въ гигантскихъ городахъ, а съ другой — появится правильное возвращеніе почвъ элементовъ, потерянныхъ людьми въ формѣ пищи, одежды, жилищъ и т. д. Слѣдующій обмѣнъ веществъ между населеніемъ и почвой, равномерное размѣщеніе ихъ на культивируемыхъ пунктахъ, постепенное прекращеніе спеціализаціи обширныхъ мѣстностей и странъ исключительно на добычаніи сырья для нѣсколькихъ гигантскихъ центровъ—все это должно положить конецъ тому личенію разницы въ «доходности капитала» на различныхъ мѣстахъ, въ которомъ авторъ видитъ естественно-историческій корень и причину тенденціи поземельной ренты поглотить «доходности капитала и труда».

Но вѣрно-ли положеніе автора относительно постояннаго повышения ренты, по крайней мѣрѣ въ чисто эмпирическомъ смыслѣ. На дѣлѣ оно даже и съ этой стороны не оправдывается. Дѣло въ томъ, что саморазвитіе капиталистическаго хозяйства порождаетъ силы, противудѣйствующія указанной тенденціи капиталистической организаціи труда и группировки населенія. Прогрессивное копленіе капитала, чрезвычайное развитіе торговли и промышленности, грандіозное развитіе средствъ сообщенія—все это влечетъ за собой: во-1-хъ, образованіе множества центровъ экономической жизни даже въ предѣлахъ каждаго государства, а во-2-хъ, не дѣлитъ до ничтожества значеніе разстояній земледѣльческихъ мѣстностей отъ густо-населенныхъ пунктовъ. Когда, вмѣсто одного Лондона, страна усѣяна множествомъ крупныхъ и мелкихъ городовъ-промышленныхъ центровъ, то монополія такого города относительно «доходности капитала» и производительности труда не окончательно исчезаетъ, то во всякомъ случаѣ значительно ослабляется. Капиталъ и трудъ равномерно размѣщаются по странѣ и тѣмъ самымъ уменьшаютъ степень громадной разницы въ количествѣ добавочной цѣнности, получаемой въ нѣсколькихъ привилегированныхъ судьбой городахъ по сравненію съ остальными мѣстностями. А до какой ничтожной роли уже теперь ведено разстояніе, благодаря громадному развитію средствъ общенія, видно изъ побѣдоносной конкуренціи продуктовъ ризапскаго земледѣлія и добывающей промышленности съ английскими, конкуренціи, приводящей въ ужасъ и трепетъ самостоятельныхъ крестьянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ Западной Европы. Цѣны на хлѣбъ, мясо, скотъ и т. д. постоянно падаетъ, рента понижается, и земля, по выраженію фонъ-Тюнгена, «от-

на до крайней степени *)). Противъ наводненія европейскихъ товаровъ безмѣрными массами дешевыхъ продуктовъ сѣверо-американскаго сельскаго хозяйства германскіе, австро-венгерскіе и французскіе землевладѣльцы видятъ спасеніе только въ обложеніи ихъ высокими пошлинами. Въ Англіи поземельная рента пала на 25%, и «во многихъ случаяхъ землевладѣльцы вынуждены сами заниматься за обработку своей земли», такъ какъ «арендаторы, а въ большей части развитые и обладающіе капиталомъ», оставили это дѣло. Въ письмѣ одного крупнаго землевладѣльца, напечатанномъ въ іюнѣ 1880 г. въ «Times», сказано, между прочимъ: «мы слышимъ со всѣхъ сторонъ, что фермы остаются не заарендованными, нѣкоторыя сдаются теперь за 8 шиллинговъ съ акра, тогда тѣмъ, какъ прежде онѣ давали 22 шил. ренты; на землѣ употребляется теперь меньше капитала, скотоводство уменьшается и земледѣліе приходитъ въ упадокъ **)». Въ Австріи и Германіи цѣна на землю понизилась на 30—40%, а во Франціи рента настолько упала, что комиссія для изслѣдованія состоянія сельскаго хозяйства пришла къ заключенію, что «роль отдающаго въ аренду и получающаго только ренту землевладѣльца — страна, и тотъ, кто желаетъ жить доходами съ земли, долженъ въ ней поселиться и лично заняться веденіемъ хозяйства» (см. стр. 12). Авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, считаетъ, что и въ Англіи близится время, когда, вмѣстѣ съ возобновеніемъ поземельной ренты, окончится и роль сдающаго въ аренду землевладѣльца. Замѣтимъ кстати, что и цѣна земли въ такихъ городахъ, какъ Берлинъ, понизилась. Такъ, въ 1871 г. стоимость земли подъ домами равнялась 3,000 милліон. марокъ, въ 1879 г. — всего 2,244 милліон. марокъ ***). Такъ, на дѣлѣ, въ наиболѣе густо-населенныхъ промышленно развитыхъ странахъ, поземельная рента весьма замѣтно падаетъ, главнымъ образомъ благодаря «матеріальному прогрессу», объединяющему и отдаленные другъ отъ друга націи въ одну экономическую общину и возвышающему производительность труда въ еще высшей степени, чѣмъ растутъ человѣческія потребности. Въ виду этого практическаго вывода автора, мы позволимъ себя еще нѣсколько остановиться на его эмпирическихъ доводахъ въ пользу его тезиса. Пониженіе процента въ промышленно развитыхъ странахъ —

Обращеніе къ Бисмарку съ предложеніемъ относительно повышенія пошлинъ на ввозные продукты сельскаго хозяйства. См. «Die Lage der Gegenwart», von Dr. Jäger, Berlin 1882, стр. 3.

Тамъ-же, стр. 20.

Тамъ-же, стр. 185—6. Примѣчаніе.

Дѣло, 1883 г. № 10. I.

съ одной стороны, и фактическое увеличеніе ренты, въ Англіи напримѣръ, въ 120 разъ и болѣе за послѣднія 500 лѣтъ—таковы данныя, на которыя онъ ссылается. Первое явленіе доказываетъ, по его мнѣнію, очевиднѣйшимъ образомъ пониженіе высоты «дохода капитала» подъ вліяніемъ «матеріальнаго прогресса»—въ пользу поземельной ренты. Но мы уже говорили въ предыдущей главѣ, что проценты составляютъ только долю дохода капиталистовъ, и что, стало бы, его измѣненія не могутъ служить масштабомъ для опредѣленія высоты послѣдняго. Всмотримся, однако, въ реальный смыслъ наблюдаемаго въ промышленныхъ странахъ пониженія уровня процента.

Обратимся прежде всего къ ростовщичеству до капиталистической эпохи. Въ Аѳинахъ (до Солона) мелкіе поземельные собственники закладывали себя вмѣстѣ со своими земельными участками. «Вознагражденіе» кредиторовъ достигало здѣсь иногда $\frac{5}{6}$ продукта *). Относительно Римской имперіи утверждаетъ Родбертусъ слѣдующее: «Безчисленное множество доказательствъ говоритъ въ пользу того, что проценты были здѣсь средствомъ въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ для экспроприаціи мелкихъ собственниковъ» **). Въ средніе вѣка, говоритъ г. Кулишеръ въ только что цитированной статьѣ, заемныя обязательства превратили даже къ закрѣпощенію должниковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ссуда является въ рукахъ заимодавцевъ особымъ средствомъ непосредственной эксплуатаціи, а то и просто порабощенія рабочей силы. Подобно рабовладѣльцу или феодалу, ростовщикъ является единственнымъ хозяиномъ всей той части продукта труда производителей, которая оставалась по удовлетвореніи ихъ необходимѣйшихъ потребностей, и процентъ представлялъ собою специфическую форму присвоенія заимодавцемъ этихъ результатовъ чужого труда. Этимъ объясняется высокая норма процента въ древности. Но если мы обратимся къ тѣмъ сферамъ современнаго кредита, въ которыхъ заимодавецъ вступаетъ въ непосредственную связь съ производителями, то увидимъ, что теперь процентъ сохраняетъ по существу тотъ-же характеръ и то-же значеніе, что и въ прежнія эпохи.

По словамъ г. Кулишера, на югѣ Германіи мелкіе сельскіе хозяйства стоятъ лицомъ къ лицу съ опасностью потерять свои владѣнія благодаря ростовщичеству. Содержатели ссудныхъ кассъ въ Германіи заявляли депутатамъ парламента, что средній размѣръ получаемого ими процента колеблется между 60 и 80. И это,

*) «Ростовщики и ростовщичество». Слово, 1879, VII.

**) Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen kreditnoth des Grundbesitzers.

смотря на существованіе здѣсь 929 кредитныхъ товариществъ, выдавшихъ своимъ 468,652 членамъ въ одномъ только 1877 г. 1½ миллиарда марокъ.

И такъ, и теперь, даже въ Германіи, ссуда даетъ не менѣе высокій процентъ, чѣмъ въ прежнія времена, лишь только кредиторъ вступаетъ въ сдѣлку непосредственно съ производителемъ и одинъ присваиваетъ себѣ все «вознагражденіе за пользованіе» его капиталомъ. Въ совершенно иномъ положеніи находится ростовщикъ въ какой-нибудь Англии, гдѣ онъ стоитъ лицомъ къ лицу почти съ однимъ только крупнымъ производствомъ. Непосредственнымъ хозяиномъ всего продукта является здѣсь капиталистъ-фабрикантъ или крупный фермеръ. Вся добавочная цѣнность, производимая наемными рабочими и составляющая—помимо поземельной ренты—«доходъ капитала», не можетъ здѣсь, слѣдовательно, цѣликомъ доставаться лицамъ, вкладывающимъ свои деньги въ чужое производство, какъ тамъ, гдѣ они ссужаютъ самага работника: она должна распредѣлиться между многими группами капиталистовъ—фабрикантами, фермерами, первостепенными торговыми фирмами, оптовыми купцами, страховыми обществами... и также между кредиторами всѣхъ этихъ капиталистовъ. И чѣмъ быстрее развивается капиталистическое производство, чѣмъ въ большей степени фабрика преобладаетъ надъ мелкой мастерской ремесленника, тѣмъ быстрее накаплиются массы капиталовъ, ищущихъ выгоднаго приложенія.—Вмѣстѣ съ переполненіемъ рынка рабочими и товарами, наступаетъ и переполненіе его капиталами. Конкуренція между ними усиливается до того, что имъ приходится предоставлять себя въ распоряженіе предпринимателей за возможно дешевую цѣну, т. е. за низкій процентъ. И подобно тому, какъ крупный фабрикантъ вытѣсняетъ мелкаго ремесленника грандіозными размѣрами своего производства и удешевленіемъ товаровъ, такъ и крупный банкиръ побиваетъ мелкаго ростовщика дешевизной кредита или сильнымъ пониженіемъ нормы процента.

Такимъ образомъ, паденіе процента въ промышленныхъ странахъ обзывается ни болѣе, ни менѣе, какъ однимъ изъ симптомовъ полной побѣды капиталистическаго способа производства надъ старыми, ремесленными формами организаціи труда. Вмѣсто уменьшенія доли капитала въ доходѣ общества, паденіе процента, наоборотъ, указываетъ на быстрое «самовозрастаніе» его. Высокое развитіе и грандіозные размѣры кредитныхъ учреждений, чрезвычайное обиліе капитала, большая сложность элементовъ, среди которыхъ распредѣляется прибыль, и соотвѣтственно этому сильная

дифференціація ея—вотъ чѣмъ объясняется низкій уровень процента въ промышленныхъ странахъ. Всѣ эти явленія, порождая быстрое накопленіе капитала, необходимо должны совпадать съ паденіемъ заработной платы, потому что чрезвычайное накопленіе его есть результатъ интенсивнаго производства прибавочной стоимости, основаннаго на крайнемъ обезцѣненіи рабочей силы. А между тѣмъ, въ параллельности паденія процента заработной платы авторъ видитъ доказательство братской солидарности капитала и труда. Дѣйствительно, такой параллелизмъ въ движеніи этихъ категорій дохода до извѣстной степени существуетъ, но въ то время, какъ пониженіе процента свидѣтельствуетъ объ увеличеніи доли капитала въ продуктѣ, пониженіе заработной платы дѣйствительно указываетъ на уменьшеніе вознагражденія труда, потому что вознагражденіе это и состоитъ въ капиталистическомъ обществѣ въ одной только заработной платѣ.

И такъ, процентъ не можетъ служить масштабомъ для опредѣленія доли капитала въ продуктѣ страны и отношеній ея къ другимъ частямъ этого продукта. Авторъ-же сдѣлалъ свой выводъ относительно возрастанія поземельной ренты—въ ущербъ доходу капитала, сопоставивъ ея движеніе съ движеніями именно процента. Но что служило для автора масштабомъ для измѣренія *относительнаго* возрастанія ренты,—онъ намъ не сообщаетъ. Строго говоря, ее и теперь едва-ли возможно вполне выдѣлить изъ общей суммы добавочной цѣнности—даже въ Англіи. Тѣмъ менѣе можно этосдѣлать по отношенію къ 15-му или 14-му вѣку, эпохѣ, когда капитализмъ только что нарождался. Авторъ, очевидно, сдѣлалъ свое заключеніе изъ сравненія приблизительной цифры процентнаго дохода землевладѣльцевъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ въ теперешнее время. Но развѣ такимъ путемъ можно получить представленіе объ *относительномъ* движеніи ренты, т. е. объ возрастаніи или уменьшеніи сравнительно съ общимъ доходомъ страны? Общая цифра дохода могла за послѣднія 500 лѣтъ увеличиться въ сотни разъ, количество-же десятинъ земли, на которыхъ распределяется рента, если и увеличилось, то самое большее въ нѣсколько разъ. Очевидно, стало быть, что даже при всѣмъ тщательномъ пониженіи ренты, какъ *части* продукта, ея абсолютная величина могла, однако, на столько подняться, что по раздѣленіи ея на число десятинъ, доходъ землевладѣльцевъ оказался бы повышеннымъ относительно. Съ другой стороны, и сравненіе дохода капиталистовъ въ разные періоды, на основаніи цифръ прибыли (а не одного только процента) относительно каждой тысячи рублей капитала, не можетъ служить для опредѣленія его

въ общемъ продуктѣ. 300 лѣтъ тому назадъ прибыль могла равняться въ Англіи 50% на каждую сотню ф. ст., а теперь положимъ всего 25, и тѣмъ не менѣе доля торговцевъ и зажиточныхъ мастеровъ въ общественномъ доходѣ была тогда гораздо меньше тѣмъ теперь, потому что вся сумма капитала, находившаяся въ ихъ распоряженіи, была ничтожна. Но тѣ сотни и тысячи ф. ст., изъ которыхъ онъ тогда состоялъ, путемъ непрерывнаго «самоумноженія», превратились въ сотни и тысячи милліоновъ, и, вмѣсто незначительнаго персонала наемныхъ рукъ, капиталъ командуетъ теперь дѣльными арміями рабочихъ. Попытаемся, однако, на основаніи имѣющихся у насъ подъ рукой данныхъ, составить себѣ приблизительное представленіе о движеніи заработной платы, прибыли и ренты въ Англіи за послѣднія 40—50 лѣтъ.

Общая стоимость продукта равнялась: въ 1823 г. 261.000.000 ф. ст.; въ 1840 г. 514.000.000 ф. ст.; въ 1868 г. 820.000.000 ф. ст.; въ 1878 г. 1.200.000.000 ф. ст. Полявка тому назадъ рабочей классъ получала 38% всего продукта, въ 68 г. 250 милліон. ф. ст., т. е. около 30%, и наконецъ въ 78 г. 300 милліон. ф. ст., т. е. всего 25%*). По даннымъ Неймана-Спаллорта, въ 1843 г. *необходимому* налогу подлежалъ 251 мил. ф. ст.**). Изъ этой суммы добавочнаго дохода имущихъ классовъ на долю землевладѣльцевъ остались, въ видѣ ренты, 85 мил. ф. ст.***), т. е. около 1/3 или всего продукта (если допустить, что увеличеніе съ 1840 по 43 г. было незначительно). Допустивъ, что на долю такъ-называемыхъ свободныхъ профессій и прилично оплачиваемыхъ чиновниковъ осталось дѣльныхъ 25% изъ добавочнаго продукта, т. е. около 63 мил. ф. ст., мы получимъ общую цифру прибыли или «вознаграженія капитала» въ 1843 г.—больше 100 милліоновъ. Въ 1875 г. *общая цифра добавочной стоимости* равнялась 571.000.000 ф. ст., *поземельная рента* въ 76 г.—131.000.000 ф. ст., т. е. меньше общей цифры дохода высшихъ и среднихъ классовъ, если допустить даже, что въ теченіи года доходъ этотъ нисколько не *измѣнился*. Такимъ образомъ, по сравненію съ 1843 г. *поземельная рента относительно* понизилась на 11%. Доходъ капиталистовъ въ 1878 г. равнялся 485.000.000 ф. ст. (Jahrbuch). Вычтя изъ *той суммы продукта* -1.200.000.000, долю рабочихъ классовъ—1.000.000.000 ф. ст., получимъ приблизительную цифру всей *доходной стоимости*: 900.000.000 ф. ст. Прибыль капиталистовъ

*) Jahrbuch für Socialwissenschaft und Sozialpolitik. V. L. Richter. Zürich
Стр. 204—5.

**) «Uebersichten der Weltwirthschaft». 1880 г. Стр. 11,

**) Jahrbuch. Стр. 205.

составляла, стало быть, въ этомъ году больше половины общей суммы добавочной стоимости, между тѣмъ какъ въ 1843 г. она составляла только больше одной трети. «Возростаніе *проблемы*, подлежащей налогу (за исключеніемъ фермеровъ и нѣкоторыхъ другихъ рубрикъ) съ 1853 по 1864 г., для Великобританіи составляло 50,47% (или 4,58 средняго ежегоднаго процента). Между тѣмъ, возростаніе ренты съ земли, включая рудники, рыбныя земли, дома, желѣзныя дороги (т. е. источники наиболѣ высокой поземельной ренты), равнялось за этотъ-же періодъ 38 процентамъ или $3\frac{5}{12}\%$ ежегодно *).

Итакъ, факты экономической жизни въ Англіи говорятъ какъ разъ противъ теоріи Джорджа. Что-же касается до западно-европейскаго континента, то здѣсь отношенія капитала къ землевладѣнію проявляются въ еще болѣе неблагоприятной для послѣдняго формѣ. «Половина Франціи», говоритъ ультрамонтанскій публицистъ Егеръ, «*de facto* принадлежитъ нѣсколькимъ крупнымъ капиталистамъ **), которые, въ формѣ процента съ лежащаго на землѣ долга въ 15 миллиардовъ, увеличиваютъ свои доходы на счетъ труда мелкихъ землевладѣльцевъ, и на счетъ ренты крупныхъ собственниковъ». Относительно Австріи тотъ-же писатель говоритъ, что «*поземельная собственность перестала давать поземельную ренту*, потому что она превратилась въ *ренту капитала* (in Capitalrente), которую сельскій хозяинъ вынужденъ отдавать, въ формѣ процентовъ, въ чужія руки,—настоящимъ собственникамъ его земли ***). Что касается до Германіи, то и здѣсь «поземельная рента все болѣе и болѣе превращается въ *ренту капитала* и стекается въ карманы капиталистовъ, изъ которыхъ мелкіе въ свою очередь поглощаются крупными. Вся долгая тяготящій надъ землевладѣніемъ германскимъ, достигая 3-ти миллиардовъ. И даже городская земля все болѣе и болѣе обременяется долгами. Такъ въ Берлинѣ долгъ на поземельной собственности возросъ съ 1.498,000,000 марокъ въ 1871 г. до 2.100,000,000 въ 1879 г., и въ то же время стоимость ея упала за это время съ 3 миллиардовъ марокъ до $2\frac{1}{4}$ миллиардовъ. «Землевладѣльцы опустошаются до положенія арендатора... своего прежняго имѣнія, вековая собственность надъ которымъ перешла въ руки какою-нибудь банка» ****).

Мы такъ долго остановились на вопросѣ о движеніи поземель-

*) Карль Марксъ, «Капиталъ», стр. 599.

**) «Die Agrarfrage der Gegenwart», Dr. Eugen Jäger, I, 171—2.

***) Тамъ-же, стр. 179.

****) Jäger, стр. 194 и 185—6.

ной ренты совсѣмъ не для того, чтобы доказать себѣ и читателямъ, что экономическое развитіе стремится неуклонно обижать землевладѣльцевъ въ пользу капитала. Взаимное отношеніе между частями добавочной стоимости, распредѣляющимися между всѣми категориями владѣльцевъ средствъ производства и заправителей экономическимъ процессомъ, конечно, измѣнялось и можетъ измѣняться, смотря по обстоятельствамъ, то въ пользу одной стороны, то въ пользу другой. Въ общемъ, однако, ни одна изъ нихъ не можетъ пожаловаться на экономической прогрессъ. Капиталь, правда, является, по сравненію съ землевладѣніемъ, выскочкой, однако, онъ успѣлъ уже не только лишить поземельныхъ собственниковъ монополіи надъ эксплуатаціей чужого труда, но и захватить въ свои руки социальное-политическое господство; этого нивакъ не могутъ простить ему германскіе и австрійскіе юнкеры, которые даже, въ противоположность автору, взваливаютъ всѣ бѣдствія экономическаго прогресса именно на капиталъ и призываютъ на борьбу съ нимъ не только крестьянство и ремесленниковъ, но и рабочихъ. Но на самомъ дѣлѣ это ихъ домашній споръ никакого касательства къ интересамъ представителей труда онъ не имѣетъ. Если мы сравнительно долго остановились на опроверженіи теоріи возрастанія поземельной ренты, то только потому, что изъ нея онъ логически выводитъ свое «настоящее лекарство» противъ «соціальной болѣзни» нашего вѣка. «Лекарство-же» это, какъ читатель, вѣроятно, уже напередъ догадывается, состоитъ въ обращеніи поземельной ренты изъ дохода частныхъ лицъ въ доходъ общественный.

Пусть, говоритъ авторъ, по поводу своей реформы, теперешніе общественники «продолжаютъ считать землю своей». Пусть себѣ они покупаютъ и продаютъ ее, завѣщаютъ и наследуютъ. Мы спокойно можемъ предоставить имъ скорлупу, когда отобрали у нихъ «серно». Превращеніе поземельной ренты въ общественный доходъ было-бы возможность отмѣнить всѣ налоги на трудъ и капиталъ, освободило-бы производство и торговлю отъ всякихъ оковъ и стѣсненій, повысило-бы доходъ капитала и заработную плату, отерло-бы отъ труда «свободный доступъ къ землѣ», а все это въ совокупности сдѣлало-бы невозможнымъ періодическое повтореніе промышленныхъ кризисовъ. Весь доходъ націи распадался-бы на двѣ части, изъ которыхъ одна распредѣлялась-бы между всѣми капиталами и рабочими, въ формѣ процента и заработной платы, другая—поземельная рента—шла-бы на пользу всѣхъ членовъ общества, независимо отъ индивидуальнаго участія каждаго отдѣльнаго лица въ экономическомъ процессѣ, такъ какъ она не пред-

ставляетъ собой результата индивидуальныхъ усилій. Чѣмъ больше возрастала-бы она, подѣ влияніемъ «естественнаго» развитія производительныхъ силъ общества, тѣмъ больше возрастала-бы, слѣдовательно, фондъ общественныхъ благъ. Съ другой стороны, трудъ и капиталъ выиграли-бы не только вслѣдствіе освобожденія ихъ отъ налоговъ, но и отъ прекращенія «искусственнаго» повышенія ренты и цѣны на землю путемъ спекуляцій. Рента, обращенная въ общественный доходъ, превращаетъ de facto и землю въ общественную собственность.

Таково, въ краткихъ словахъ «лекарство», предлагаемое Джорджемъ для окончательнаго искорененія «бѣдности среди возрастающаго богатства». Послѣ всего вышесказаннаго нами объ истинныхъ причинахъ этого явленія и о несостоятельности «объясненія» его Джорджемъ, мы можемъ ограничиться здѣсь немногими замѣчаніями относительно предполагаемой имъ реформы. Замѣняя всѣ налоги взиманіемъ поземельной ренты въ пользу государственныхъ и общественныхъ потребностей, всѣ цивилизованныя націи, по его мнѣнію, откроютъ миллионамъ рабочихъ рукъ свободный доступъ къ богатствамъ природы, освободятъ капиталъ, производство и торговлю отъ всякихъ стѣсненій, повысятъ доходъ рабочихъ классовъ и навсегда положатъ конецъ промышленнымъ кризисамъ. Другими словами, реформа Джорджа должна открыть еще большій просторъ дѣйствію свободной конкуренціи въ сферахъ производства и торговли, еще больше увеличить доходъ капиталистовъ и въ *то-же время* повести къ прочному искорененію бѣдности и промышленныхъ кризисовъ. Она, какъ видите, должна повести къ двумъ, вполне исключаящимъ другъ друга результатамъ—къ еще болѣе широкому развитію индивидуалистическихъ началъ капитализма и къ прекращенію порождаемыхъ имъ аномалій, каковы: анархія въ производствѣ, нищета и безработица—при чрезвычайно высокомъ уровнѣ производительности труда. Оставимъ, ради сокращенія объема статьи, въ сторонѣ вопросъ о практической осуществимости этой реформы, и рассмотримъ въ общихъ чертахъ послѣдствія, къ которымъ она могла-бы привести, въ случаѣ дѣйствительнаго проведенія ея въ жизни.

Единственнымъ источникомъ для покрытія потребностей учреждений государства и общества служить поземельная рента. Отъ размѣровъ и устойчивости этой доли общественного дохода будетъ, словно зависить, стало быть, правильное выполненіе органами правительства и мѣстнаго самоуправления ихъ функций. А такъ какъ она составляетъ часть добавочной стоимости, производимой капиталомъ при посредствѣ труда, то величина ея, прежде всего

вообще, зависит от общей цифры добавочного дохода. Размѣръ же послѣдняго, какъ извѣстно, прямо пропорціоналенъ степени концентрации средствъ производства и рабочихъ рукъ подъ управленіемъ капиталистовъ. Подъ страхомъ полного разстройства въ механизмѣ государственныхъ и общественныхъ учреждений, вслѣдствіе уменьшенія поземельной ренты или пріостановки въ полученіи ея, законодатели и правители націй вынуждены будутъ способствовать процессу концентраціи производительныхъ средствъ вообще, и земли въ частности, въ рукахъ класса капиталистовъ. И самъ авторъ, повидимому, сознаетъ это. По крайней мѣрѣ, какъ на одно изъ главныхъ преимуществъ своей реформы надъ проектами дробленія земли между мелкими хозяйствами, онъ указываетъ на то, что, въ противоположность имъ, она вполнѣ совпадаетъ съ «всеобщей» и «непреодолимой» тенденціей нашего времени къ «концентраціи» производства, концентраціи, составляющей, какъ онъ совершенно справедливо говоритъ, необходимое условіе прогрессивнаго развитія производительности труда. Но централизація средствъ труда и процесса производства на индивидуалистическихъ началахъ капитализма проявляется именно въ закрытіи производителямъ «свободнаго доступа» къ богатствамъ природы. А между тѣмъ, по убѣжденію Джорджа, предлагаемая имъ реформа должна въ то же время открыть производителямъ свободный доступъ къ пользованію землей, т. е. должна повести къ результату, какъ разъ противоположному «всеобщей» и «непреодолимой» тенденціи капитала къ централизаціи производительныхъ силъ. Мы выше указали на чрезвычайное паденіе поземельной ренты въ Европѣ, благодаря наводненію европейскихъ рынковъ несравненно болѣе дешевыми сельско-хозяйственными продуктами изъ Сѣверной Америки. Что касается до массы мелкихъ самостоятельныхъ крестьянъ (о мелкихъ фермерахъ и говорить нечего), то они подъ вліяніемъ сѣверо-американской конкуренціи прямо раззоряются. Только крупнымъ сельскимъ хозяевамъ (землевладѣльцамъ и фермерамъ), пользующимъ въ ходъ дорого стоящія машины или обращающимся къ животноводству въ обширныхъ размѣрахъ, возможно кое-какъ удержаться. На сколько переходъ къ разведенію скота можетъ обезопасить европейскихъ сельскихъ хозяевъ отъ американской конкуренціи мясомъ—это особый вопросъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что въ теченіи только 70—79 гг. площадь хлѣбныхъ растеній уменьшилась въ Великобританіи на 400,000 акровъ, а число пастбищъ подъ лугами и пастбищами возросло на 1.800,000. Благодаря этому способу «концентраціи» производства, въ Великобританіи уменьшается число мелкихъ фермеровъ, а на континентѣ,

въ Германіи, напрімѣръ, «исчезаетъ средній классъ сельскихъ хозяевъ, уступая мѣсто богатымъ капиталистамъ, покупающимъ дешево обширныя пространства (Latifundien), на которыхъ они заводятъ пастбищное хозяйство» *). Этотъ процессъ концентрации земли и управленія «богатствами природы» въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, какъ мы уже сказали, не можетъ остановиться вслѣдствіе превращенія поземельной ренты въ общегосударственный доходъ—въ противномъ случаѣ размѣръ ея сильно сократился бы и государство очутилось-бы въ чрезвычайномъ затрудненіи. Кромѣ того, нужно полагать, что просвѣщенные государственные люди передовыхъ странъ, въ которыхъ принято будетъ предложеніе Джорджа, подобно ему будутъ проникнуты сознаніемъ важности концентрации производства для общечеловѣческаго прогресса и во всякомъ случаѣ не станутъ вступать въ тщетную борьбу съ такой «всеобщей» и «неодолимой» тенденціей нашего времени, когда даже въ 16 и 17 вв. государственная власть осталась бессильна предъ нею. Наконецъ, пользованіе рудниками и землей въ торгово-промышленныхъ центрахъ необходимо должно будетъ по-прежнему оставаться въ рукахъ капиталистовъ, такъ-какъ отъ обращенія ренты на пользу государства отнюдь не уменьшится количество издержекъ на добываніе каменнаго угля, желѣза и т. д. изъ почвы и на постройку фабрикъ, магазиновъ или на веденіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

И такъ, превращеніе поземельной ренты изъ частнаго дохода въ общегосударственный, если и поведетъ къ прекращенію «концентраціи права собственности» на землю, тѣмъ не менѣе не откроетъ «свободнаго доступа» массѣ производителей въ «богатствамъ природы». По-прежнему «свободная конкуренція» крупныхъ капиталистовъ съ мелкими производителями будетъ вытѣснять послѣднихъ изъ всѣхъ отраслей производства, концентрируя экономическія средства и управленіе процессомъ труда въ рукахъ первыхъ. И единственнымъ источникомъ существованія громаднаго большинства производителей по необходимости останется заработная плата. И такъ-какъ, по словамъ самого Джорджа, результатомъ его реформы должно быть еще большее увеличеніе дохода капиталистовъ, другими словами, назначеніе рабочей силы будетъ какъ и теперь, состоять въ томъ, чтобы производить добавочную стоимость, то всякій прогрессъ въ централизаціи производства и увеличеніи производительности труда по-прежнему будетъ сопрягаться съ вытѣсненіемъ труда и его обезцѣненіемъ. По заявленію

*) Jäger, I, стр. 3.

James Coid'a (въ газетѣ Times, 5 іюня 1876 г.) одна жатвенная машина «сберегаетъ» въ Англии трудъ 10 человекъ. Въ 1876 году въ Великобританіи находились въ употребленіи 40,000 такихъ машинъ. Неудивительно, что число земледѣльческихъ рабочихъ уменьшилось въ этой странѣ въ теченіи послѣдняго десятилѣтія на 98,628 человекъ *).

Какимъ образомъ тѣ же начала, которыя теперь производятъ излишекъ предложенія труда надъ спросомъ, вдругъ, подъ вліяніемъ чисто финансовой реформы, преобразуются въ источникъ всеобщаго благоденствія,—этого мы абсолютно понять не можемъ. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она вообще осуществима, она можетъ послужить только на пользу капитала. «Капиталъ», говоритъ авторъ, будетъ освобожденъ отъ налоговъ. Другими словами, доля капиталистовъ въ общественномъ продуктѣ увеличится на всю ту сумму, которую они теперь удѣляютъ изъ своего «вознагражденія» на покрытіе потребностей правительства и общества. Далѣе, въ ихъ же карманахъ останется и вся та часть «дохода труда», которую теперь рабочіе удѣляютъ, подъ видомъ прямыхъ косвенныхъ налоговъ, государству и органамъ мѣстнаго самоуправления, потому что, какъ мы уже говорили, взиманіе поземельной ренты въ пользу государства, нисколько не измѣнитъ тенденціи капитала понижать заработную плату до крайняго минимума. Прогрессивное развитіе производительности труда путемъ концентрации производства будетъ по-прежнему вести къ уменьшенію перемѣннаго капитала или запроса на трудъ, а стало быть, къ сильной конкуренціи между рабочими, что дастъ возможность капиталистамъ присвоить себѣ весь излишекъ заработной платы, который образуется вслѣдствіе освобожденія рабочаго класса отъ всякихъ налоговъ—косвенныхъ и прямыхъ.

Такимъ образомъ, отношеніе «дохода труда» къ долгу капитала и вообще ко всей добавочной стоимости не только не измѣнится къ лучшему, а наоборотъ, будетъ еще неблагоприятнѣе для рабочихъ, чѣмъ теперь. При такихъ условіяхъ смѣшно толковать о прекращеніи промышленныхъ кризисовъ. Послѣдніе возникаютъ изъ прогрессивнаго уменьшенія покупательныхъ средствъ населенія сравнительно съ чрезвычайнымъ ростомъ производительности труда и изъ анархическаго характера общественнаго производства, направляемаго личными соображеніями капиталистовъ состояніи всемірнаго рынка. Оба эти явленія не устраняются уменьшеніемъ поземельной ренты въ общегосударственный доходъ,

* «Jahrbuch» 1880 г. II, стр. 283.

ВДОВА МАРШАЛА

Романъ Алэна Боккена.

V.

Дневникъ главнаго нучера.

...22-го января 188* года. — Уже добрыхъ тридцать пять минутъ сидѣть я на козлахъ, съ кнутомъ въ рукѣ, уставившись глазами въ одну точку, на разстояніи пятнадцати метровъ отъ морды моихъ лошадей, пары рослыхъ, гнѣдыхъ ризаковъ, вышиною въ 1 метръ 70 сант. Кони-то были жовдые, въ первый разъ шли въ упряжи, и я началъ предаваться размышленіямъ. Неаккуратность, — это мнѣ извѣстно послѣ тридцатидвухлѣтней службы въ первыхъ домахъ столицы, — неаккуратность принадлежитъ, такъ сказать, къ числу жескихъ недостатковъ. Но тридцать-пять минутъ, — вѣдь это ужъ не неаккуратность, а полное пренебреженіе ко всѣмъ намъ приличіямъ.

Впрочемъ, нужно быть справедливымъ. До сихъ поръ съ герцогиней не случалось...

Теофилъ въ парадной ливреѣ дожидался у меня, чтобы подать мнѣ знакъ, когда нужно будетъ податься. Уже начиналъ чувствовать въ кончикѣ, въ самомъ лѣваго сапога легкое покалываніе. Дѣло въ томъ, что во я ни приставалъ къ этому... какъ бишь его... Бимъ или что-то въ этомъ родѣ... онъ точно на зло продолжалъ мнѣ лѣвый сапогъ, по крайней мѣрѣ, на полроче праваго. Казалось-бы — пустяки, а жметъ пр...

Вотъ ужъ пробило половина третьяго: бимъ! Теофилъ не подаетъ знака.

Тогда маленькій Викторъ, державшій подъ уздцы

лошадей, почтительно подошелъ ко мнѣ и сказалъ, снимая шапочку... шотландскую, кажется, или что-то въ этомъ родѣ:

— Извините, господинъ *главный*, барыня-таки проморила васъ сегодня малость!

Я привожу его слова буквально, чтобы показать, до какой степени непочтителенъ этотъ маленькій Викторъ, и чтобы будущія поколѣнія имѣли понятіе о духѣ, который господствуетъ у нынѣшней прислуги.

Главное, намъ недостаетъ стилиа, а *въ стилии* весь чело-
вѣкъ... это я не далѣе, какъ сегодня утромъ, читалъ въ своей газетѣ «Union». У Виктора-же стилиа этого — ни Боже мой, да опять и живота тоже нѣтъ вовсе. А если по стилию измѣняется достоинство человѣка, то съ другой стороны въ животѣ — вся красота кучера, не правда-ли? Вспомните онъ мои слова, когда ему самому придется искать кучерскаго мѣста!

Однако возвратимся къ дѣлу. На замѣчаніе его я не отвѣтилъ, потому что поставилъ себѣ за правило не путаться въ лакейскія сплетни, и продолжалъ предаваться своимъ собственнымъ размышленіямъ, какъ вдругъ, вижу, Теофиль бѣжитъ ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ, —если позволено такъ выразиться, — и кричитъ:

— Распрягайте! Герцогиня не выѣзжаетъ.

Маленькій Викторъ протягиваетъ мнѣ руку, чтобы помочь слѣзть... уф! Наконецъ я снова очутился на землѣ, хотя и не безъ нѣкотораго, такъ сказать, сотрясенія.

День, какъ нарочно, былъ чудный. Погода стояла свѣжая, свежая, и человекъ, и конь чувствовали себя какъ-то особенно бодрыми въ такое время, когда прогулка здорова не только для лошадей, но и для кучера.

Я уже совсѣмъ было приготовился пустить пыль въ глаза подамъ англичанамъ, похвастаться передъ ними своею мотью парюю. Вѣдь и у кучера тоже есть свое самолюбіе, не правда-ли? Терпѣть я ихъ не могу, этихъ англичанъ! Вѣчаютъ свое пиво, задираютъ носъ, гордятся своею нацією, своимъ англійскимъ «шикомъ», своими англійскими лошадьми и т. д. Точно они и въ самомъ дѣлѣ выдумали этихъ лошадей! Ну, а пусть-ка кто-нибудь изъ нихъ похвастается та животомъ, какъ у меня, —да заправскимъ, безъ подкла-

Итакъ, не позволивъ себѣ никакого заявленія неудовольствія, я поднялся въ свою комнату и облекся въ обыкновенное гражданское платье.

Что меня спасаетъ, — это мое уваженіе къ господамъ. Согласитесь, въ самомъ дѣлѣ, — потребовать карету къ тремъ часамъ, а потомъ, въ концѣ-концовъ, тридцать пять минутъ стоять, велѣть снова распрягать, — развѣ это порядокъ? О, если бы я былъ господиномъ!.. Но женщина всегда останется женщиною, не правда-ли? Передъ подобными размышленіями не останавливался, потому что даже уваженіе къ господамъ никогда не можетъ помѣшать свободному человѣку предаваться размышленіямъ.

Тукъ-тукъ!

Это былъ маленькій Викторъ, который пришелъ стучать меня сапоги.

Добрый малый, въ сущности, этотъ Викторъ, и очень услужливый; досадно только, что онъ до такой степени испорченъ зараженъ коммунарскими идеями.

— Вамъ, господинъ *главный*, вѣроятно, не безызвѣстны причины, по которымъ барыня не выѣзжаетъ! — началъ онъ, раясь надъ правымъ сапогомъ.

Я сдѣлалъ видъ, что не слышу, потому что разъ когда поставилъ себѣ за правило не путаться въ сплетни. А то принялся выкладывать: — и герцогъ-то таковой-сякой, и гергиня-то такая-сякая.

Я ему не перечилъ, чтобы посмотрѣть, до чего онъ конецъ, договорится, а въ глубинѣ души сокрушался, размышляя о непочтительномъ духѣ, который господствуетъ нынѣшнюю прислугую, благодаря республикѣ.

Когда онъ кончилъ, я съ внушительнымъ видомъ заговорилъ ему:

— Берегитесь, маленькій Викторъ! У васъ нѣтъ ни манеры, ни стиля, а если вы будете пренебрегать вдобавокъ и вниманіемъ къ господамъ, то...

Онъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и попросилъ меня извиненія, оправдываясь тѣмъ, что, какъ дитя, не получилъ хорошаго образованія.

А у господъ-то дѣла и въ самомъ дѣлѣ стоять не могутъ. Сегодня послѣ обѣда (маленькій Викторъ узналъ объ

главной горничной, къ которой онъ неравнодушенъ),
 со съ герцогиней, что называется, сдѣпились изъ-за его
 вонницы, баронессы Симье, — очень, впрочемъ, почтенной
 дамы, которая вѣчно возится съ какими-нибудь благотвори-
 тельными дѣлами. Герцогиня-же, говорятъ, попросила ее са-
 мую вѣжливимъ манеромъ, чтобы нога ея не была у нихъ въ
 чужбѣ; герцогъ вступился за свою зазубу, началась перепал-
 ка, какъ выражается маленькій Викторъ, и герцогиня, въ кон-
 цѣ концовъ, сдѣлалось дурно.

Прелюбопытно, что въ высочомъ, самомъ, что называется,
 высочомъ обществѣ обыкновенно не довольствуются одной
 женой!

Это обстоятельство всегда напоминаетъ мнѣ, что въ теченіе
 семнадцати лѣтъ, которыя я прослужилъ при особѣ госпо-
 да сенатора, графа Людра де-Гранперре, — препочтенное
 общество изъ Пуату, которое въ далекія времена имѣло честь
 носить французской коронѣ любовницу, но позднѣе стало
 на сторону республики по поводу вопроса о введеніи свѣт-
 лыхъ школь, что меня побудило немедленно подать въ от-
 казку (у меня прежде всего — принципы!), — это обстоя-
 тельство, говорю я, напоминаетъ мнѣ, что у графа въ городѣ
 было отъ семнадцати до восемнадцати связей. Я говорю—отъ
 семнадцати до восемнадцати, потому-что въ одномъ случаѣ
 связь была, что называется, ни-то-ни-се, не серьезная. Но
 семнадцать-ли, или восемнадцать, — разница тутъ не великая, —
 это, по-моему, это ужъ слишкомъ. Графиня, положимъ,
 была и больна, страдая какимъ-то *метритомъ*, или чѣмъ-то
 такимъ родъ, такъ что существовали нѣкоторыя смягчающія
 обстоятельства, извинявшія любовныя шапки графа, тогда
 какъ у герцога...

Ничего, въ самомъ дѣлѣ, нужно быть справедливымъ; если
 ошибка герцогини и свойственна неаккуратности, то съ
 стороны ей нельзя отказать во многихъ достоинствахъ
 сердца.

Впрочемъ, я первый готовъ понять, что крѣпкій, здоровый
 мужчина, какъ господинъ герцогъ, можетъ чувствовать отъ-
 вѣсно-до-времени потребность изливать гдѣнибудь на сто-
 лѣ избытокъ своихъ чувствъ. Я и самъ, когда имѣлъ не-
 мало лишиться своей дорогой, достойной жены, принужденъ
 „Дело“, № 10, 1883 г. I.

былъ подыскать себѣ что-нибудь подходящее, — вловушку небольшимъ состоянцемъ, приличными манерами и соотвѣствующимъ образованіемъ. Это ужъ въ природѣ вещей. Вѣдь господинъ герцогъ, просто, какъ говорится, таска. Во-первыхъ — баронесса, во-вторыхъ — эта Превиль, актриса, какъ ее называютъ маленькій Викторъ, — женщина, которая задираетъ ногу выше, чѣмъ мои русскіе рысаки (я вѣщаюсь, разумѣется, фигурально). А случайныя приходы оргіи?! Маленькому Виктору все это извѣстно доподлинно потому-что выѣзжать съ господиномъ герцогомъ по вечерамъ приходится ему.

Это всегда напоминаетъ мнѣ послѣднія слова покойнаго моего отца, служившаго въ ординарцахъ у его высочайшаго герцога Орлеанскаго:

— Сынокъ, держи всегда правѣ!

Ну, а господинъ герцогъ держать, большею частью; и

.....
 1-го февраля. — И сегодня то-же не придется побывать у господъ англичанъ.

Герцогиня все больше и больше нездоровится. Видно, не на шутку захворала; говорятъ, даже не ѣсть ничего, — вотъ рѣшительно ничего. Да и барышня съ братцемъ не ходили сегодня послѣ завтрака кормить сахаромъ своихъ лошадей, а это еще ни разу не случалось во всѣ семнадцать мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ я имѣю честь управлять конюшней господина герцога.

Въ мадемуазель Шанталь нѣтъ ни чуточки гордости, въ лошадахъ она знаетъ толкъ. Всякій разъ, какъ встрѣчу ее, непременно скажетъ: — «Здравствуйте, Голфруа! Помните всѣмъ правиламъ вѣжливости; а потомъ прибавитъ:

— Не забудьте напоить лошадей, или засыпать ихъ или дать слабительнаго, — смотря по случаю.

.....
 3-го февраля. — Опять не закладывали. Хорошо еще у меня есть хоть пара пони, которыхъ нужно выѣзжать. Сегодня вечеромъ, въ моемъ кафе-ресторанѣ, мы съ партию экартэ съ новымъ швейцаромъ. Почтенный, приятельный человѣкъ этотъ Стальманъ, — то-есть представитель для швейцара; дородности въ немъ не больше, чѣмъ

ребардѣ. Впрочемъ, онъ такой-же швейцарець, какъ и я, явился въ Кольмарѣ и служилъ тамбуръ-мажоромъ въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку, имѣеть три медали и нѣкоторое образованіе.

Во время игры онъ, если можно такъ выразиться, выигралъ перею мною весь свой мѣшокъ; а мѣшокъ у него оказался препорядочный, даромъ что онъ поступилъ на службу къ господину герцогу не далѣе, какъ три, четыре недѣли тому назадъ.

О, эти аристократическіе дома!

Я и самъ ужъ замѣчалъ, что какъ герцогъ, такъ и герцогиня не особенно-то долюбиваютъ вдовствующую герцогиню, — старуху, какъ ее называютъ въ людской. Разъ въ день они поднимаются къ ней, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе, да сейчасъ-же и назадъ.

Престранная, въ самомъ дѣлѣ, фантазія: носить имя маркиза Жарри, герцога Варезскаго, имя, прославленное въ исторіи (я хоть и не бонапартистъ, но не могу не преклоняться передъ доблестью и славными традиціями), — носить, къ тому же, такое имя, а живетъ въ какой-то пристройкѣ и на все, про все, держитъ одну служанку, мадемуазель Гонорину, вдовствующаго гренадера, отличающуюся довольно-таки грубыми манерами.

Точно два враждебные лагеря: съ одной стороны старая герцогиня со своею служанкою и дочь ея, маркиза Буажела, которая ударилась въ набожность, такъ какъ не имѣеть ни денегъ, ни достаточныхъ доходовъ (разъѣзжаютъ въ старой износившей каретѣ); съ другой стороны — герцогъ и герцогиня, которые и между собой-то не особенно ладятъ послѣ исторіи Каренессой. Стальманъ утверждаетъ, что въ лагерѣ старухи хотѣли бы дали, чтобы еще больше подбавить горя молодой герцогинѣ.

Въ волненіи я совсѣмъ потерялъ голову (выражаюсь, конечно, фигурально), такъ-что даже забылъ отмѣтить короля, — Стальманъ человекъ благовоспитанный, но правила эти для него на первомъ планѣ, и король мой пошелъ впередъ.

А, вотъ они аристократическіе дома-то!

то всегда напоминаетъ мнѣ моего покойнаго отца.

Ему обидно было называться по-просту Годфруа, и въ мало денегъ онъ потратилъ, разыскивая по разнымъ кт и бумагамъ, не происходитъ-ли онъ отъ тѣхъ Бульонн торые когда-то ходили въ крестовые походы.

А расхлебывать бульонъ-то этотъ пришлось мнѣ!.. горе горькое!.. Если-бы покойникъ могъ это предвидѣт

10 февраля. — Сегодня къ герцогинѣ приходилъ какой-то господинъ, высокій такой, сухопарый, разстегну ни дать, ни взять, старый бандитъ.

А я все еще живу бариномъ!

Велю-ка заложить своихъ гнѣдыхъ, да дамъ имъ жаться съ часокъ...

11 февраля. Видно, у стараго разстегнутаго банди шлось лекарство подѣйствительнѣе, чѣмъ у другихъ Се утромъ, раздавая приказанія, дворецкій Валентинъ обр ко мнѣ:

— Въ 11 часовъ и 40 минутъ—парадную карету!

Герцогиня вмѣстѣ съ герцогомъ отправились на важную, аристократическую свадьбу въ Мадленъ.

Ну, ужъ утеръ я носъ господамъ англичанамъ!

Когда мы вернулись, маленький Викторъ, стасив меня сапоги, сказалъ:

— А что, господинъ главный, вѣдь хозяева-то опяти хались!

12 февраля. Сегодня утромъ, въ видѣ исключенія, динъ герцогъ не поѣхалъ кататься верхомъ съ своимъ тантомъ, который, скажемъ мимоходомъ, совсѣмъ мн смотреть на своей венгерско-арабской кобылѣ. При было къ четверти десятаго заложить англо-нормандску въ шарабанъ.

Господинъ герцогъ взялъ возжи, вмѣстѣ съ мадмуазель Шанталъ, молодой баринъ и аббатъ, котори видимому, немножко потрухиваль.

Не скажу, чтобы я боялся,—нѣтъ; тѣмъ не менѣ я нуль свободно, когда увидѣлъ, что они благополучно в за ворота. Сегодня утромъ мои англо-нормандцы по особенно горячились, рука у господина герцога тяже далеко-ли до бѣды?

Въ полдень того же числа. — Господинъ герцогъ задѣлъ
 ко одинъ разочекъ....

14 февраля. Сегодня ночью мы вернулись домой только
 два часа:—былъ балъ у австрійскаго посланника.

На дворѣ шелъ снѣгъ, и вучера, дожидаясь господъ, бол-
 ла промежъ себя. Вдругъ, безо всякаго повода, цѣлыхъ трое
 спустились на меня, хотя я молча сидѣлъ на своемъ мѣстѣ,
 бѣгая, по обыкновенію, компрометировать себя сплетнями.
 ервую пулю (говорю фигурально) пустилъ главный кучеръ
 аронъ-Бей. А вѣдь ему-бы, кажется, не изъ чего задирать
 жь: про хозяина-то его слава идетъ не больно лестная: не то
 ь турокъ, не то—Господь его знаетъ—что.

— Эй, Варезъ! крикнулъ онъ.—Правда, что у твоего гер-
 ога въ карманѣ вѣтеръ свицеть?

Я сохранилъ свое достоинство и ничего не отвѣтилъ.

Тогда со всѣхъ сторонъ поднялись крики, смѣхъ, грязныя
 троты,—настоящій скандалъ, такъ что даже прохожіе стали
 станавливаться. Дѣло въ томъ, что они всѣ на меня зубы то-
 ать, во-первыхъ изъ зависти, за то, что у меня такая пред-
 авительная фигура, такіе богатые экипажи, а во-вторыхъ по-
 ому, что я отношусь съ почтеніемъ къ господамъ и придер-
 живаюсь благочестивыхъ правилъ.

— Что, братъ,—профитился твой бонапартистъ? кричалъ
 учеръ президента палаты, жалкій ренегатъ, служившій десять
 ьтъ при дворѣ его величества, императора.

Но пуще всѣхъ бѣсновался англичанинъ княгини де-Сан-
 ьсь, у котораго противъ меня зубъ за то, что я на послед-
 земь конкурсъ своими гнѣдыми перебилъ у него призъ третьей
 тепени. Онъ принялся похлестывать внутомъ мою карету и
 ралъ своимъ англійскимъ акцентомъ, словно охрипшая испан-
 ная корова:

— *Kss! Kss! Sir Bottom! Ton diouke, il été fritemy dear!*

Къ счастью, Теофиль крикнулъ, чтобы я подавалъ; у меня
 ь груди словно гиря въ пятьсотъ фунтовъ свалилась.

Подъ вліяніемъ весьма естественнаго изумленія, въ которое
 ьня повергло это неожиданное нападеніе, я съ перваго раза
 : все даже понялъ, тѣмъ болѣе, что все это говорилось на про-
 ятомъ и мало мнѣ знакомомъ арго парижскихъ предмѣстій.

— Какъ? Неужели? Господинъ герцогъ раззорился? А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, вотъ теперь, когда я, сидя у себя въ кабинетѣ, начинаю припоминать... Ай, ай, ай! А какже жалованье-то мое, да всякіе мелкія закупки? Хотя я и одинъ человекъ, но вѣдь всетаки...

Сегодня вечеромъ поговорю съ Стальманомъ.

Того-же числа, въ полночь. Положительно, драгоценный человекъ этотъ Стальманъ, и я каждый день благословляю судьбу за то, что она свела меня съ такимъ достойнымъ, благороднымъ и благовоспитаннымъ человекомъ.

Господинъ герцогъ давалъ сегодня свой первый большой зимній балъ. Все было освѣщено *à journaux*. Около девяти часовъ я вышелъ взглянуть на свою русскую кобыду, которая схватила лихорадку, и по дорогѣ заглянулъ въ швейцарскую ложу. Добрѣйшая, достойнѣйшая мадамъ Стальманъ, сидя въ креслѣ, что называется, клевала носомъ, а супругъ ея, въ ожиданіи гостей, занимался шитьемъ, какъ Пенелопа, дающая возвращенія Улисса. Я могу себѣ позволить этотъ каламбуръ *), въ виду того, что мы оба, — я и Стальманъ, — живемъ однихъ и тѣхъ-же политическихъ убѣждений. Это слово изъ людей стараго режима, человекъ здоровыхъ принциповъ и безупречной нравственности, сумѣвшій сохранить въ своемъ сердцѣ память о благодѣяніяхъ королевскаго правителя, котораго самъ онъ, правда, никогда не зналъ.

Увидѣвъ меня, онъ изъ уваженія тотчасъ снялъ свою шапку, налилъ мнѣ рюмку черносмородиновой наливки, и, вѣсивъ за свое вышиваніе (это были туфли къ женинымъ платьямъ), сказалъ:

— *Monsir li brémière, à quoi tois-che l'honneur?*... я обязанъ такою честью?...

Тутъ-то я и распоясался (выражаюсь фигурально).

— Дѣло въ томъ, господинъ Стальманъ, что мнѣ, два мѣсяца, какъ не платили жалованья. А вѣдь вамъ въ какомъ положеніи мои финансы послѣ моего несчастія акціями «*Union générale*».

*) Каламбуръ этотъ невозможно передать въ переводѣ: «le retour (au lieu d'Ulysse), т. е. возвращеніе лилии, бурбонской династіи».

Затѣмъ, въ сущности, не обращаясь къ нему прямо за советомъ, я попросилъ его высказать свое мнѣніе.

Онъ поднялъ свои очки до самыхъ волосъ и посмотрѣлъ на меня своимъ глубокимъ взоромъ.—Да, у Стальмана взглядъ, положительно, глубокій.

Наконецъ, поднявъ кверху рюмку, онъ сказалъ съ чисто дворянскою вѣжливостію:

— За ваше здоровье!.. *A la fôte!*

Затѣмъ онъ вытеръ себѣ бороду объ изнанку портьеры и въ теченіе четверти часа излагалъ мнѣ свое мнѣніе. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, положеніе дѣла: личное состояніе герцогини, по выраженію Стальмана, растрянжирено, — *vrigodée*, — уже давно, и теперь ее въ сущности содержитъ отецъ (тотъ самый старый, разстегнутый разбойникъ, который приходилъ на медни; — извольте полагаться на внѣшность!), господинъ Баккарисъ или — ригъ, — словомъ, что-то въ этомъ родѣ. У господина герцога нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ долговъ; но зато долговъ, ужъ дѣйствительно, вволю; даже майорать, и тотъ заипотекованъ, если можно такъ выразиться. Да и неудивительно, чортъ возьми, со всѣми этими баронессами, Превиліями и другими прочими. Говорятъ, что баронесса-то поигрывала на биржѣ по части «*Union gégale*». Я вотъ и не игралъ, да и то обжегся; можете себѣ вообразить, какъ обожглась баронесса!.. Ну, вотъ, господину герцогу тутъ и пришлось выручать ее.

Стальманъ знаетъ все это черезъ племянника мадмуазель Гонорини, — Казимира (шустрый тоже малый), которому онъ доверяетъ помѣщеніе своихъ сбереженій.

Вотъ обда-то! А я даже и не подозрѣвалъ ничего! Признаюсь, я человекъ простой, стараго покроя. А чтобы старая герцогиня помогла сыну хоть пятью сантимами, то Стальманъ этому не вѣритъ.

— А какъ-же мое жалованье-то? — воскликнулъ я. — А разныя нелкія затраты, которыя мнѣ обязаны возвратить?

Тогда Стальманъ возвелъ глаза къ потолку, воткнулъ въ шпату иглоку, свернулъ ее, такъ какъ начали уже подѣвзжать снажи, и съ глубокимъ чувствомъ произнесъ слѣдующія слова:

— Monsir le brémière, nous tansonс sir une folgan! Мы пляшемъ на вулканѣ!..

VI.

Старческая любовь.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите мнѣ объ этомъ; жену вашей я заниматься не намѣрена! сказала графиня д'Ан Варонъ-Бею, сидѣвшему противъ нея, передъ каминовою комнатою, которую она называла своею *говорилицею*. Это маленькая гостиная, безъ особеннаго стиля, но комфортабельная и прекрасно защищенная отъ холода разными широкими двойными гардинами, двойными рамами, за которыми блѣдное зимнее солнце.—Нѣтъ, нѣтъ, и еще разъ нѣтъ! поклялась никогда болѣе не заниматься брачными дѣлами. Во всю свою жизнь я только два брака и устроила: собственные,—и, положила руку на сердце, этотъ опытъ не будждаетъ во мнѣ желанія снова вмѣшиваться въ чуждыя дѣла... Благодарю покорно!.. Чтобы вы потомъ бо и пришли пѣть Лазаря!.. Развѣ можно когда-нибудь предъ къ какому результату приведетъ бракъ?.. Да это наша рулетка,—красное, черное... иногда желтое!.. Шантажница мила, не спорю, но вмѣстѣ съ тѣмъ наивна и проста до крайности... а это для васъ совсѣмъ не подходящія дѣла!.. Когда человекъ прожилъ двадцать-пять лѣтъ въ Парижѣ и привыкъ мѣнять женщинъ, какъ...

— О, позвольте, графиня, позвольте!..

— Что-же, развѣ неправда, что вы прожили двадцать лѣтъ въ Египтѣ?

— Совершенно вѣрно, но...

— Та-та-та! Лучшимъ доказательствомъ служить вамъ которую вы себѣ нажили... ваше сердце, которое пришло въ соприкосновеніе съ вами такія штуки... Я говорю истинную правду!.. Я недавно не грохнулся здѣсь безъ чувствъ! Какъ вы смеете гали-то меня!.. Да и не въ ваши годы... Вамъ не въ ваши годы выраженіе «въ ваши годы»?.. Ну, въ наши годы, едите!.. Ахъ, извините, съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшилъ объявить себѣ шестьдесятъ лѣтъ, мнѣ все кажется, что я поступилъ также... впрочемъ, и я вѣдь не всѣ объявилъ остался хвостикъ!.. Ну, положимъ, въ сорокъ лѣтъ...

— Пятьдесятъ восемь, графиня!
 — Отлично дѣлаете, что скрываете частичку.
 — Увѣряю васъ, графиня, я не..
 — И зачѣмъ это, право, выдумали эти годы? только для
 чтобы старить людей. Охъ, старость не радость!.. Ба,
 какъ я впадаю въ меланхолическій тонъ! Нѣтъ, не такъ
 страшна наша старость. Если нѣтъ наслажденія, то есть
 отблескъ, тѣнь...

...Тѣнь кареты

Тѣнью щетки...

— А вѣдь знаете, — эта тѣнь кареты меня не очень-то со-
 няетъ; признаюсь, отъ времени до времени я предпо-
 бы пользоваться простымъ... извозчичьимъ экипажемъ, лишь-
 бы былъ не воображаемый, а заправскій... Словомъ, — я
 ую вамъ довольствоваться тѣнью мадемуазель Шанталь-де-
 зъ... Нѣтъ? Тѣни вамъ недостаточно?.. Поздравляю... Такъ
 бытъ правда, что у восточныхъ людей есть такія необык-
 нныя пилюли?... О, пожалуйста, расскажите!.. У меня
 есть къ сальностямъ.

— Чистѣйшій вымыселъ!.. Даю вамъ слово...

— Вѣрите-ли, что осмнадцать лѣтъ я мечтала выйдти за
 ка?.. А вмѣсто того вышла за двухъ болвановъ.

— Однако, графиня, почему-же вы думаете, что мадемуа-
 Шанталь?..

— Какъ вы, однако, за нее уцѣпились!.. Хотите, дамъ
 прекрасный совѣтъ? Купите себѣ рабыню... негритянку...
 давно читала въ «Ревю» статью о Каирѣ... Увѣряютъ,
 тамъ есть превосходныя, чистокровныя...

— Графиня, умоляю васъ... Я говорю совершенно серьезно;
 же голову потерялъ...

— Объявите въ газетахъ и назначьте приличное вознаграж-

...
 — Я знаю, что я некрасивъ; но у меня состояніе въ
 милліоновъ...

— Говорятъ, въ семнадцать.. Я нахожу, что семнадцать
 годовъ сами по себѣ составляютъ преинтересную фізіоно-
 мю, если Сабина захочетъ послушаться моего совѣта...
 вотъ вѣдь бѣда въ чемъ: она, повидимому, такая-же

романтическая фантазерка, какъ и мадемуазель Шанталь мѣ того, примите въ расчетъ, что тамъ есть такой ады

— Де-Шалень? У него нѣтъ ни гроша...

— Такъ что-жь изъ этого? Шанталь сама будетъ послѣ смерти бабки и можетъ позволить себѣ...

— Да и совсѣмъ ужъ не такъ хорошъ этотъ госи

— Согласна,—курчавая, какъ завитой барашекъ, посаженная на длинную черную палку!.. Чтожь, любятъ завитыхъ барашковъ; имъ можно обязать точкой и водить ихъ гулять съ маленькимъ колокольчикомъ который дѣлаетъ—*динь, динь*... По-моему, такіе мужчины... не правда-ли?—несносны: его вѣдь за всеяго и полюбить-то не успѣешь, всегда на завтра оставаться!..

— Такъ вы полагаете, что этотъ де-Шалень?..

— Я ничего не полагаю!.. Вотъ если-бы Саша здѣсь, она бы вамъ сказала... Правда-ли, что герцогъ шелся съ Превиль?

— Нѣтъ, графиня.

— То-то; я не могла себѣ представить, чтобы такъ сшедшій вдругъ рѣшился на благоразумный шагъ!.. несса съ этимъ мирится?.. Я не видала ея съ тѣхъ поръ у нея вышла эта исторія... а вы?.. Хорошо! Объявите справится насчетъ де-Шалена.

— Я буду вамъ безконечно благодаренъ... А если согласились замолвить словечко старой герцогинѣ, держать пари...

— Не держите; навѣрное проиграете!.. Вы хотѣли бы я поговорила съ Клементиной?

— Вѣдь вы съ нею подруги дѣтства?

— Какъ-же, какъ-же! Мы еще въ пансіонѣ жили въ *tataï*, когда были вотъ какія маленькія... случалось играть въ *tataï*?.. Нѣтъ, не правда-ли? Только въ Мецѣ знаютъ... А въ *missitaterre*?.. Тоже ли? А еще хотите жениться на Шанталѣ! Я увѣренъ и теперь еще играетъ въ *missitaterre*... Что-же Клементины, мой милѣйшій, то, если вы думаете, что она не хотѣла хоть сколько-нибудь вліянія, то жестоко ошибаете: всегда смотрѣла на меня немножко, какъ на пом

уже въ былое время, когда еще мы играли въ tataï, она, считая относилась ко мнѣ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ... то, что я тратилась на лакомства и выпрашивала у нея нѣсколько су, которыя она давала мнѣ взаймы за десять центовъ. Вѣдь она уже тогда была банкиромъ и... скряга, между нами будь сказано... Достаточно мнѣ сунуть ей носъ въ дѣло вашей женитьбы, чтобы возстановить ее противъ васъ... Вы ее не знаете! Къ тому-же вѣдь она некая-нибудь нѣжная, нѣжная бабушка, и интересуется своею учкою не болѣе, чѣмъ, бывало,—лакомствами... Кстати, вы, слышала, ужь продали свой секретный музей?.. А я такъ не успѣла осмотрѣть его! Какъ это досадно!.. Когда заведе себя другой,—не забудьте увѣдомить меня.

— Будьте покойны графиня! сказала Варонъ-Бей, собираясь уходить.

— Ну, прощайте!.. Право, послушайте моего совѣта, не шлите себя негритьянку.

Проводивъ бея до своей третьей ширмы, за предѣлы которой она выходила только ради людей хоть сколько-нибудь довитыхъ, мадамъ д'Андильты вернулась къ своей Revue des Moudes, старой, очень стыдливой леди, съ которой, за недостаткомъ другого общества, она не прочь была поболтать.

— А? Каковъ мужчина? Вѣдь это удивительно!.. У него пилюли, не правда-ли? сказала она ей въ полголоса.

А такъ какъ цѣломудренная леди, отъ смущенія и негодованія, повидимому, лишилась голоса и медлила отвѣтомъ, то она-же сама и отвѣтила.

— О, да, навѣрное,—у него есть пилюли.

У Варонъ-Бея не было пилюль, а была только безумная страсть. Нѣтъ ничего хуже пожара стараго сарая или любви криваго. Всѣ пожарные міра не въ силахъ потушить его. Не было этого и графинѣ, хотя она была, безспорно, преисполненная пожарный.

Швейцарецъ по происхожденію, протестантъ, безъ состоянія, безъ семейныхъ связей, инженеръ Варонъ-Бей, называвшійся въ то время попросту Варономъ, двадцати лѣтъ отъ роду отправился въ Египеть, какъ разъ въ то время, когда онъ началъ усваивать себѣ западную культуру. Онъ

принялся за работу, и счастье ему улыбнулось,— правда, ожесточенной борьбы; ни одного часа не удвляль онъ вольствію, жилъ цѣломудренно, какъ квакеръ.

Когда миновала молодость, пришло, наконецъ, и квакеръ бросилъ свое цѣломудріе, пустился во всеъ зажилъ Соломономъ въ своемъ каирскомъ дворцѣ. Пяти-пяти-лѣтняго пребыванія въ Египтѣ, пресытившій тошноты и наживъ себѣ гипертрофію сердца, онъ, по своему врача, вернулся въ Парижъ, гдѣ его миліоны тили радушный приемъ. Отъ нечего дѣлать онъ и здѣсь стилился въ биржевыя или промышленныя спекуляціи; его родная фигура стала появляться въ великосвѣтскыя салоны въ театральныхъ фойе,— всюду. Его грубоватныя, шлей манеры никого не шокировали;—напротивъ, многіе были даже благодарны ему за то, что онъ хоть не смал пальцами. Приѣзжайте изъ Понтуаза, и вы встрѣтите бреженіе, но если вы приѣхали съ Моллукскихъ остр васъ встрѣтять съ распростертыми объятіями.

Его восточный титулъ, его развратная жизнь пр ему еще болѣе пикантности. На счетъ его мавританска въ Avenue d'Éna ходили цѣлыя легенды. Въ виду можно было напередъ разсчитывать, что герцогъ отнесется съ особенною благосклонностію къ такому лицу всевозможныхъ пороковъ. Такъ дѣйствительно лось. Нѣсколько особенно пикантныхъ оргій и нежныя услуги навсегда связали ихъ узами дружбы.

Дружба на этотъ разъ сыграла роль посредника любви.

Варонъ Бей увидѣлъ Шанталь и полюбилъ ее любить только въ его лѣта. Вѣдь этотъ отживающій обладалъ сердцемъ настолько-же дѣвственнымъ, мало дѣвственности во всемъ остальномъ.

Вотъ уже четыре года она росла на его мѣрѣ того, какъ постепенно зрѣлъ и распускаясь ный цвѣтокъ, росла и разгаралась его страсть. Она за нею ревнивымъ взглядомъ матери, приходилъ въ когда послѣ нѣсколькихъ дней разлуки замѣчалъ, болѣе закруглились ея щечки, углубилась какая-нибудь становились роскошнѣе контуры плеча, ослѣпитель

близна ея дѣвственнаго тѣла. Но онъ боготворилъ не только эту чистоту формы, не только эту грацію статуи, напоминавшую классическіе профили древнихъ медалей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ея дѣтски-ясную душу, упорную чистоту ея помысловъ, ея беззаботный, гармоничный смѣхъ. Какъ восточный житель, привыкшій къ тоскливой безмолвію, онъ восхищался ея веселіемъ, ея дѣтскою живостью и, наконецъ, тѣмъ особеннымъ, тонкимъ благоуханіемъ перенесеннаго на сѣверъ южнаго растенія, которое она перенесла вмѣстѣ съ голугреческою кровью матери. Со вселенною необузданностью своего поздно проснувагося сердца, съ радостнымъ пыломъ, накопившимся въ немъ за долгіе годы, проведенные въ упорномъ трудѣ, среди равнодушныхъ, безразличныхъ рабынь, не согрѣтые даже воспоминаніемъ объ утраченной ласкѣ женщины, — онъ жаждалъ обладать ею.

Минувшею весною ему какъ-то случилось обѣдать у герцога. Послѣ обѣда онъ и Шанталь остались наединѣ въ саду. Это время, какъ она показывала ему оранжерею съ испоконвѣчныхъ орхидными растеніями, онъ вдругъ схватилъ ея руку въ моментъ внезапнаго прихлынувшей страсти. Она тотчасъ-же отшатнулась, засмѣявшись испуганнымъ, дрожащимъ смѣхомъ, и, вытаскивая передъ собою этого человѣка, тяжело дышавшаго, съ блестящими кровью глазами, съ пѣною у рта, вскрикнула и убѣжала.

Съ тѣхъ поръ она его избѣгала, хотя и не давала себѣ никакого отчета въ происшедшемъ. Когда онъ присылалъ билеты въ театръ, въ концертъ, она оставалась дома подъ предлогомъ головной боли, въ силу какого-то смутнаго инстинкта, вызваннаго своею чистой души даже подозрѣніемъ. Онъ уже не смѣлъ у нихъ, боясь окончательно потерять право посѣщать ее какою-нибудь новою непростительною выходкою. Изредка только приходилось ему видѣть ее по воскресеньямъ въ церкви св. Клотильды, утромъ въ Булонскомъ саду — гдѣ-нибудь на балу. Часто, спрятавшись въ карету, онъ поджидалъ ея выхода и послѣ этого не могъ овладѣть собою и успокоиться, — до такой степени волновалъ его каждый разъ одинъ ея видъ.

Онъ готовъ былъ отдать половину годовъ, которые ему оставались жить, чтобы обладать ею. И теперь, какъ когда-то

въ Египтѣ, онъ весь отдался преслѣдованію одной цѣли; цѣль эта была—не богатство, трудно поддающееся, какъ нравная, кокетливая женщина, а нѣчто, поддающееся труднѣе, чѣмъ женщина;—это была дѣвушка, неуязвимая броней своей цѣломудренной чистоты.

Только одинъ разъ онъ рѣшился заговорить о своей ствѣ съ герцогомъ, но тотъ осадилъ его сразу, и какимъ тономъ!

— Чрезвычайно лестно для меня, милѣйшій бей... Честное слово!.. Чрезвычайно лестно... Но... надѣюсь, вы шутите.

И какъ хотѣлъ генераль Жарри, герцогъ Варескій, какъ онъ хотѣлъ надъ этой шутовской фантазіей:—Варонъ-Бей—его зять! Варонъ-Бей—муж Шанталь! Онъ, его товарищъ и кутежамъ, да еще по какимъ кутежамъ!

Къ тому-же онъ былъ протестантомъ, а Шанталь—молою католичкою.

Но это, конечно, пустяки. Какъ охотно онъ бы отъ своей вѣры, если-бы представилась надобность! Этого нужно было, чтобы Шанталь сказала «да».

— О, если-бы она только захотѣла, онъ создалъ бы для нея жизнь, въ которой отражалось-бы каждое, малѣйшее желаніе ея; какъ Богъ, всевидящій и всезнающій, онъ освѣтилъ бы ее своею любовью! А какое наслажденіе—очищать такую жизненную дорогу, подобно тому, какъ маленькія ручейки очищаютъ отъ зернышекъ смородину! Даже квартира у нея готова: онъ отдѣлалъ три комнаты въ нижнемъ этажѣ его дворца, чудо скульптурнаго искусства, для котораго матеріалы чуть не по камушку привезены были изъ Египта.

Онъ покинулъ свѣтъ, дѣла, за исключеніемъ дѣла, котораго онъ все тѣснѣе и тѣснѣе опутывалъ своими дѣянiями, продалъ свои знаменитыя коллекціи картинъ и пенному англичанину, любителю порнографическихъ картинъ, и проводилъ цѣлыя часы въ этой брачной комнатѣ, изнывая отъ любви, передъ портретомъ Шанталь.

Вначалѣ онъ то обнималъ ее во снѣ и, какъ бы кривалъ все ся ослѣпительно-бѣлое тѣло безумными поцѣлуями; то, скрестивъ руки, молился на нее, уничтоженъ простертыи въ какомъ-то мистическомъ экстазѣ, какъ истинный скій факиръ.

Бывая очень часто у графини, онъ сблизился съ Сабиной, и вскорѣ сдѣлалась его интимной повѣренной и... даже поединцей. Впрочемъ, не даромъ, конечно: она дорого оцѣнила свои мелкія услуги и, въ добавокъ, дѣлала челоуѣка счастливымъ. Однажды, на какой-то распродажѣ въ пользу *молодыхъ слѣпцовъ*, она предложила ему стаканъ, изъ котораго шла Шанталь.

— Пятьсотъ франковъ! сказала она, засмѣявшись, какъ маленькая, но далеко уже не невинная дѣвочка.

Начиная съ этого времени, у нихъ шель постоянный обменъ, завязалась тайная торговля реликвіями, состоявшими въ цѣлкахъ, фотографіяхъ, лентъ, за которыя она запрашивала цѣны. Ей нравился этотъ новый, оригинальный видъ бѣтскихъ приключеній.

Выручка шла въ пользу *молодыхъ слѣпцовъ*, которые, конечно, не подозрѣвали ея источниковъ.

Онъ покупалъ все на вѣру, слишкомъ счастливый уже тѣмъ, что имѣлъ удобный предлогъ поговорить о Шанталь. Для него одного съ него было достаточно. А ея имя! Онъ жевалъ и смаковалъ его, какъ вкусную и душистую конфекту.

...Варонъ Бей совершалъ свою каждодневную, гигиеническую прогулку и тяжелою поступью шель вдоль Елисейскихъ улицъ, покуривъ голову, изнемогая подъ тяжестью новыхъ опасеній: онъ боялся, что графиня сказала правду, и что Шанталь любить де-Шалена. Такъ вотъ почему она избѣгала и будто опасалась его, не стараясь скрывать боязливаго рашенія, того страха, который испытываетъ скупой съ полными карманами! Не карманы у него полны, а сердце, и сердце любви, которое она ревниво хранила въ немъ, и до ея трусливою, заставляла ее опасаться влюбленныхъ, завшившихся ей на большой дорогѣ.

Презрѣніе разбогатѣвшаго мѣщанина къ молодому аристократу, у котораго не было ни гроша за душой, невольно поднимало ему надежду. Развѣ выходятъ замужъ за какого-нибудь де-Шаленя, будь онъ хоть трижды де-Шаленя, да еще въ придачу? Она, дочь герцога Варезскаго!.. А впрочемъ развѣ дочь герцога Варезскаго продажный товаръ?.. Или? Къ чему ей эти милліоны? Она и сама будетъ бо-

гата; если не теперь, то впоследствии, послѣ смерти старшей герцогини. Это наследство представляло собою такой огромный кушъ, что даже герцогъ, при всемъ своемъ искусствѣ, не могъ состояніи будеть растратить его. А въ такомъ случаѣ, если бы деньги не могли оказать въ этомъ дѣлѣ никакого вліянія...

Но сколько онъ ни повторялъ себѣ эти аргументы въ рѣдкія минуты разумнаго размышленія, кипѣвшая въ немъ животная страсть отвергала всѣ доводы логики.—Ея отвращеніе? А какое ему было дѣло до ея отвращенія? — Она не могла быть другого? Не бѣда! Если другой моложе, развѣ въ этомъ слѣдуетъ, что онъ боготворить ее больше его. Моложе! Такъ чтожь изъ этого? Развѣ для любви есть границы, полагаемыя возрастомъ! Страсть такъ горячо хлопотала въ немъ, разливала такой жгучій огонь по всѣмъ его жиламъ, что уже одна эта лихорадка, пожирившая, распалывшая его тѣло, задалась ему молодостью,—болѣе безумною и необуданною чѣмъ всякая другая.

...Онъ шелъ, терзаемый самыми противоположными чувствами: уныніе смѣнялось надеждою, надежда новыми опасеніями и старческою злобою противъ неумолимаго времени. Тотъ, другой, могъ, по крайней мѣрѣ, ждать, а онъ? Помню, что грозной болѣзни сердца, приступы которой уже два раза сваливали его за мертво, онъ ясно предвидѣлъ вереницу безсладныхъ годовъ, которые наконецъ задавятъ его подъ своимъ бременемъ. Эти мысли еще сильнѣе распалили его страсть.

Вдругъ на тротуаръ упала тѣнь отъ какого-то предмета. Онъ поднялъ голову и, ослѣпленный солнцемъ, заливающимъ бѣлую пыльную дорогу, въ первую минуту не узналъ баронессу Симье, которая улыбалась ему изъ своей коляски.

— Что это съ вами? воскликнула она.— Вамъ кланяться, а вы и бровью не моргнете? Любовь слѣпа; это видно, милостивый государь.

— Извините, пожалуйста, баронесса! отвѣтилъ онъ, поднимая шляпу.— Увѣряю васъ, я не...

— Хотите прокатиться со мною? продолжала она, останавливаясь вая красивымъ жестомъ уголь серебрястаго мѣховаго вала.

— Благодарю васъ; я хожу пѣшкомъ по предписанію врача...

Не бѣда, садитесь! У Булонскаго лѣса мы выйдемъ, и
 ищите свою прогулку въ моемъ обществѣ... если только
 цество... хотите?.. Вы расскажете мнѣ про свою лю-
 это меня развлечетъ и хоть немного заставитъ позабыть
 тья биржевыя дѣла...

ей захлопнулъ дверцы, и пара кровныхъ рысаковъ по-
 коляску обратно къ Arc de l'Etoile...

А вы все еще вздыхаете по M-elle C. de V? спросила
 есса.

поднесъ къ глазу золотую лорнетку, она прямо устави-
 а Баронъ-Бея, который отъ смущенія скорчилъ довольно
 ю физиономію.

Престранный вкусъ! продолжала она.—Просто на про-
 шалка... довольно сносно одѣтая, это правда... Ну, хо-
 хорошо! Не будемъ касаться царицы... Вы удивляетесь,
 такъ хорошо посвящена въ ваши тайны?

Да... отчасти... Я...

Вѣдь вы знаете, что ремесло мое—разгадывать чужое
 и помогать ему. Выслушайте внимательно, что я вамъ
 скажу!.. Что-бы вы дали человѣку, который положилъ
 вашу руку... лапочку мадмуазель Шанталь?

Все, баронесса, мою жизнь...

Гмъ! Это немного... А еще что?

Вы серьезно говорите? спросилъ онъ хриплымъ голо-
 въ которомъ дрожала страсть.

Совершенно серьезно... Ха, ха, ха! Теперь вы не рас-
 есь, что поѣхали со мною; держу пари!.. Да-съ, во-
 е, что мнѣ вдругъ пришла фантазія осчастливить васъ...

Теперь, сію минуту, когда я васъ увидѣла... Точно мол-
 луть озарила! Вы показались мнѣ такимъ несчастнымъ,
 ь!.. Пусть это будетъ сегодня моимъ первымъ добрымъ

Повѣрите-ли, со вчерашняго дня я не могу найти
 го несчастія, которымъ бы стоило заняться!.. Я бу-
 умираю съ голода! Всѣ рѣчки улеглись... я хочу ска-

всѣ разлившіяся рѣчки вернулись въ свое ложе... Ни
 и... ни войны... ни стачекъ... ни голода... словомъ—
 неудачный день!.. Мой милый бей, самъ Богъ васъ

ь. Наконецъ я нашла хоть пожаръ, который нужно

ь.

— Вы смѣтаете надо мною, баронесса!.. Развѣ это то хорошее дѣло?

— Болѣе, чѣмъ вы думаете!.. Хотите слушаться меня? Въ такомъ случаѣ Шанталь будетъ вамъ принадлежать.

— Вы предлагаете мнѣ сдѣлку?

— Да.

— Сколько? спросилъ онъ шепотомъ, будто стѣна своего вопроса.

— Ничего... Честь!

И баронесса подчеркнула слово «честь» вызывающей улыбкой, сверкнувъ, какъ кошечка, своими бѣлыми зубами.

VII.

У домашнего очага.

— Франсуа, вы знаете, чего это мнѣ стоитъ... Но это необходимо!

Она еще разъ повторила: — «Это необходимо!» и продолжала, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію въ цогу, который сидѣлъ, откинувшись на спинку своего кресла и разсыянно пробѣгалъ отдѣлъ «Tendresses» въ послѣднемъ номерѣ «Vie parisienne»:

— Такъ долѣе жить невозможно. Я говорю не о себѣ. О, если-бы дѣло касалось меня одной!..—Она нѣсколько минутъ молчала, будто задумавшись надъ какою-то милою мечтою.—Но вѣдь всѣ начинаютъ жаловаться... Неприятные поставщики осаждаютъ требованіями... Къ стыду моему я должна сознаться, что и у меня есть... долги... Если бы только захотѣли!..—Она смотрѣла на него съ сожалѣніемъ во взглядѣ.—Знаете, что сегодня, утромъ, ничная позволила себѣ дерзость?

— Ее слѣдовало прогнать! воскликнулъ герцогъ, и она весь покраснѣла, глаза гнѣвно сверкали.

Засунувъ руки въ карманы своего *matin* изъ свѣтлой стяной матеріи, онъ принялся расхаживать по комнатѣ, и порывисто переводя дыханіе съ каждымъ шагомъ, тѣмъ, какъ она, спокойная, какъ всегда, только еще блѣдная послѣ своей недавней болѣзни, смотрѣла на него у камина.

Прошу васъ, успокойтесь! сказала она. — Все можетъ
 бьсь. Вамъ стоитъ сказать только одно слово... Но сей-
 откладывая!.. Подумайте о дѣтяхъ... о дочери, кото-
 егодня-завтра можетъ выйти замужъ... о Франсуа, ко-
 одеть носить ваше имя... имя вашего отца...

на она упомянула объ отцѣ, герцога остановился. Ему
 ось, что онъ снова видитъ этого человѣка, чувствуетъ
 овья ласки, — этого человѣка, передъ которымъ дрожала
 ѣ, и въ сравненіи съ нимъ онъ самъ себя казался маль-
 . Къ тому-же его смущали и удивляли разумныя рѣчи
 которую онъ привыкъ считать легкомысленною и пустою
 ою, ничего не скрывавшею подъ красивою внѣшностью
 ой куколки. Взявъ ее за руку, онъ полупечально, полу-
 прошепталъ:

Бѣдная моя голубушка!

Полно! сказала она, зажимая ему ротъ. — А знаете,
 вы рѣшились дѣйствовать серьезно... совсѣмъ, совсѣмъ
 о, такъ, какъ вы умѣете дѣйствовать на войнѣ, въ пылу
 я... Вѣдь тамъ у васъ просыпается и энергія, и рѣши-
 . Недавно мнѣ рассказывалъ про васъ кто-то, видѣвшій
 ри Резонвилѣ... Вѣдь и теперь мы то-же въ нѣкоторомъ
 ри Резонвилѣ. Такъ слышите-же, генераль, мужайтесь!
 мнѣ еще вчера говорилъ, что, сокративъ расходы...

Сокращать расходы?.. Никогда!

и его гордость протестовала. Какъ! Занимать первое мѣ-
 нтъ любимымъ баловнемъ парижскаго бомонда, который
 валь покрой его платья, фасонъ его экипажей и даже
 ги, чтобы затѣмъ сразу слетѣть съ этого пьедестала
 цемъ смѣхъ, сопровождаемомъ соболѣзнующими разгла-
 ваніями газетъ. О, какъ онѣ-бы воспользовались этимъ
 ь случаемъ, чтобы вознаградить себя за теперешнее
 е молчаніе, сколько камней онѣ поспѣшили-бы бросить
 подъ маскою слезливаго сочувствія!

снова принялся ходить по комнатѣ. Это была куриль-
 бланная въ восточномъ вкусѣ, съ арабскими стеклами
 хъ, съ башнеобразнымъ выступомъ въ сторонѣ окна,
 ми, на которыхъ было развѣшено оружіе, напоминав-
 ѣ африканскихъ походахъ. Ужъ не продать-ли и это,

продать все и поселиться въ мебелированныхъ комнатахъ, гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустьѣ?

— Да, продолжалъ онъ, — сохратить расходы!.. Легко сказать, сократить расходы... Не прикажете-ли переселиться на бульваръ Босефуръ и коллекціонировать всякую рухлядь?

— Франсуа! Не издѣвайтесь надъ моимъ отцомъ... Если бы вы знали, что онъ для насъ дѣлаетъ...

Онъ отвѣтилъ нетерпѣливымъ, почти гнѣвнымъ, жестомъ, но потомъ, взглянувъ на нее, — она была прелестна въ этотъ день, въ своемъ изящномъ утреннемъ платьѣ, съ кружевною отдѣлкою, — обнялъ ее за талью, усадилъ на куетку, и самъ сѣлъ возлѣ нея.

Подѣйствовало-ли на него прикосновеніе этого теплаго, прильнувшего къ нему тѣла, или давно забытое благоуханіе ея волосъ? Онъ схватилъ ея руку и, нагнувшись надъ нею, совершенно успокоившись, нѣжно похлопывалъ ее своею рукою. Она сидѣла, закрывъ глаза и мысленно могла перенестись къ тому счастливому, еще не очень далекому, времени, когда онъ ухаживалъ за нею, въ паркѣ Монсо, въ ихъ отелѣ. Какъ онъ былъ тогда красивъ въ своемъ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ, и машинально она отодвинула свои ноги, какъ въ былое время, боясь, чтобы онъ не задѣлъ за нихъ своими золочеными шпорами.

— Серьезно? сказалъ онъ. — Вы согласились-бы покинуть свѣтъ, отречься отъ престола, Нелѣне? Знаешь, вѣдь ты все еще принадлежишь къ числу... трехъ, четырехъ красивѣйшихъ женщинъ Парижа... И такъ, рѣшено: я потребую, чтобы меня командировали куда-нибудь въ глушь, въ провинціальную землю, и ты будешь приглашать на домъ швею, которая будетъ шить тебѣ уродливыя платья! Ха, ха, ха, ха, ха! И вы были-бы счастливы, Нелѣне?

— Да, сказала она едва слышнымъ голосомъ.

Онъ поцѣловалъ кончики ея пальцевъ. Его обычная веселость возвращалась подъ вліяніемъ этого смѣшнаго, невозможнаго предположенія: онъ въ провинціи, онъ, генераль Жарр, герцогъ Варезскій! Онъ позабылъ о серьезныхъ заботахъ предстоящей минуты, о расстроенныхъ до невозможности дѣлахъ, объ этихъ короткихъ сценахъ съ женою по поводу изгнанія баронессы; онъ позабылъ объ оскорбительныхъ словахъ и вѣ-

слезахъ. Правда, вѣдь слова эти оскорбили ее, а не
и слезы то-же проливалъ не онъ.

Какой хорошенькій воротничокъ!.. Какія это кружева?
нъ... или Алансонъ?

на улыбнулась.

— Развѣ подобные пустяки могутъ интересовать такого
ля, какъ вы, господинъ герцогъ... Этотъ фасонъ назы-
ся *point d'esprit*. Онъ вамъ нравится?

— Да, да, вы сегодня обворожительны...

— И такъ, на чемъ-же вы порѣшили?

— Вы опять о дѣлахъ? Да, правда... Вы говорили, что
дуга...

— Не получала жалованья уже цѣлыхъ три мѣсяца... Я
говорю о конюшняхъ, которыя меня не касаются...

— А ваши маленькіе долги?

— О, это ужасно; я только-что сводила счета. Я краснѣю
тыда при мысли, что потратила на себя столько денегъ,
и есть бѣдные люди...

— Я увѣренъ, что вы и о бѣдныхъ позаботились...

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Ахъ, если-бы вы мнѣ позволили носить
шерстяныя платья!.. Но, я знаю, вы ихъ не любите!..

— А вы бы я знать, въ чемъ провинилась передъ вами эта
наша шерсть?

— Таль, стало быть, вы для меня...

— Неблагодарный!

— Я тебя обожаю! воскликнулъ онъ, цѣлуя ее.

— А что, если-бы васъ услышали?

— Кто?

— Кто-нибудь... Не знаю... И такъ, мы уѣзжаемъ изъ Па-

2. Какъ я счастлива!

— Какъ вы торопитесь!.. А въ самомъ дѣлѣ, если-бы воз-
было признанъ гдѣ-нибудь...

— Пойтайте поговорить съ вашей матушкой, хотя...

на сдѣлала движеніе головою, показывавшее, что и сама
ея надѣется на это средство.

— Съ матушкой? Да, я тоже думалъ. Вѣдь это будетъ пер-
слугою, за которою я къ ней обращусь... Къ тому-же
и заемъ... А послѣ этого, введя въ хозяйствѣ нѣкоторыя
ы... Да вотъ что, я сейчасъ-же схожу къ ней.

— До свиданія, желаю успѣха!.. Мы увидимъ васъ обѣдомъ?

— Да, надѣюсь, сказалъ герцогъ.

Она обернулась на порогъ и на прощанье еще разъ кинула ему головой.

Онъ позвонилъ и велѣлъ лакею одѣвать себя. Онъ тѣмъ, придавъ себѣ обычный щегольской видъ, въ шляпѣ и бекрень, въ плотно застегнутой, прилегавшей къ талѣ, шубѣ, онъ спустился съ лѣстницы. На узкой площадкѣ антресоли, сквозь растворенную дверь, доносились звуки пѣнія. Онъ послушалъ, затѣмъ просунулъ голову въ комнату и увидѣлъ Шанталь, сидѣвшую за фортепьяно.

Она замѣтила отраженіе его фигуры въ зеркалѣ.

— Папа!.. Папа! крикнула она между двумя руладами. Войдите-же!.. Васъ, можетъ быть, пугаетъ miss!.. Видите, miss папа васъ боится! .

Она откинулась назадъ, и онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Вы въ хорошемъ настроеніи?.. Да? Въ такомъ случаѣ я довольна... Когда вы поѣдете съ мною кататься верхомъ? Завтра?

— Завтра... послѣ-завтра... когда хочешь!

— Какой вы милый, папочка!.. Нѣтъ, правда?

— Parole de dieu, дочурка!

— Я видѣла васъ сегодня утромъ съ monsieur de Chalabre. Его арабскій конь ужасно горячился. Мнѣ кажется, онъ въ норовомъ.

— Кто? Шалень?

— О! Папа!.. Вы уходите? Не можете-ли исполнить для меня одно порученіе; привезите мнѣ...

— Что?... Я тороплюсь...

— Привезите мнѣ... Его свѣтлость, герцога Варезского, да поскорѣе!.. Ut, ré mi, fa, sol, la, si, ut... mi, fa, sol, la, si... si... si...

Она снова запѣла свои гаммы, а онъ вышелъ, насытивъ вая арію изъ оперетки.

Перейдя наискось черезъ дворъ, онъ растворилъ дверь, вошелъ въ галерею, продолжая свистать для того, чтобы дать себѣ храбрости, хотя на самомъ дѣлѣ ему было совѣстно не до оперетныхъ арій. Ему было извѣстно, что онъ не пѣлъ

тамъ, наверху, особеннымъ расположеніемъ; къ тому-же рошо зналъ свою мать: онъ не помнитъ, чтобы она нибудь, хоть одинъ разъ, приласкала его. Онъ невольно передъ нею, чувствовалъ себя неловко, и каждый день, отъ нея, ощущалъ во всѣхъ членахъ такой холодъ, ему хотѣлось бѣжать, чтобы согрѣться.

Герцогъ бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ и весело подошелъ съ Гонориной, которая, какъ часовой, стояла передъ ю, въ корридорѣ, и штопала чулокъ.

— Есть у васъ кто нибудь?

— Герцогиня занимается дѣлами.

— Наверное съ твоимъ племянникомъ?

— О, у нихъ нѣтъ секретовъ... Господинъ герцогъ можетъ и! сказала она, нехотя отворяя дверь.

Старуха, писавшая сидя у окна, на своемъ обычномъ мѣстѣ, къ которому, казалось, приросла, приподняла голову, слышавъ шумъ, и, узнавъ сына, бросила на столъ платокъ, чтобы скрыть разложенныя передъ нею бумаги. Казивъ уже раскланивался съ портфелемъ подъ мышкою и молчалъ, пока герцогъ здоровался съ матерью и наклонился, чтобы поцѣловать ее.

— Ты здорова, матушка?.. Нѣтъ?.. Плохо спала?.. А видъ твой прекрасный!

Онъ нарочно старался оттягивать время, не рѣшаясь приблизиться къ дѣлу. Но вотъ часы на дворѣ пробили половина двенадцатаго, и это какъ будто послужило ему сигналомъ.

— Матушка, началъ онъ; — за послѣдніе мѣсяцы я нѣсколько пострадался... Гонорина, вѣроятно, говорила тебѣ... такая дѣла, которыя трудно сохранить въ тайнѣ... Матери, но пренеприятные долги... Мы... то-есть я... въ этотъ моментъ, быть можетъ, дѣйствовалъ нѣсколько неблагоприятно. Знаешь, я предпринялъ разныя .. постройки въ Беллѣ .. въ какомъ трудомъ выжималъ онъ изъ себя эти слова, глаза замерзали у него на губахъ подъ холоднымъ взглядомъ матери!

Но все это пойдетъ у насъ теперь иначе. Я продамъ коню своихъ лошадей, принимать буду не чаще, какъ въ прошлыя дѣла разъ... Ну, да ты увидишь! Мы устроимъ себѣ новую, уютную обстановку... Ты сама будешь удивляться...

который мѣсяцъ тому назадъ въ своемъ журналѣ «Комаръ» осмѣлился выставить на посмѣшище его, герцога Вареза въ скандальной сценѣ между женою и любовницею. Негодовать, нужно расквитаться. Пусть въ другой разъ не пошлетъ подь руку...

Онъ дернулъ звонокъ, выскочилъ изъ кареты и, поднявъ палку, устремился на журналиста. Догнавъ его, онъ пощипалъ его физиономію палкою, обратилъ въ бѣгство своего трусливаго врага, затѣмъ преспокойно закурилъ сигару и снова сѣлъ въ карету.

Отведя такимъ образомъ душу, онъ вдругъ снова повелѣлъ и преисполнился самыхъ розовыхъ надеждъ. Какой вздоръ, неужели же онъ не сможетъ достать подь свою подушку и сколько тысячъ луддоровъ у Рановъ, — такихъ-же уроженцевъ Меца, какъ и онъ, — или у Варонъ-Бей, у этого милѣнштейна Варонъ-Бей, котораго портила только одна сьумасшедшая фантазія: вздумалъ влюбиться въ Шанталь. Старый дуракъ!

— Варонъ-Бей! Да я его увижу сегодня вечеромъ въ Cercle de l'Érée, вспомнилъ онъ.

Къ чему же напрасно тратить цѣлый день на поиски герцогини?.. Не бѣда! Герцогиня подождетъ! Вѣдь и ему приходится ждать.

Какъ чистокровнаго аристократа, его раздражали и беспокоили всѣ эти мѣщанскія заботы о деньгахъ. Онъ отыскалъ въ карманѣ ретной шкатулкѣ маленькій флаконъ, чтобы прогнать въ воздухѣ тошнотворный запахъ. И куда же делись всѣ заботы, всѣ торжественныя обѣщанія и блестящія надеженія? Все это потонуло среди благовонныхъ паровъ, которые улетѣло навсегда, лишь только изъ горлышка флакона вылетѣла пробка. Онъ поднялъ зеркало, находившееся на спинкѣ кареты, взглянулъ на свой туалетъ и убѣдился въ исправности; затѣмъ, надѣвъ перчатки, выбросилъ изъ головы всѣ тревожныя думы; нѣжный супругъ, еще такъ недавно готовый на покаяніе, позабылъ о своихъ планахъ на будущее благоразумной жизни, позабылъ объ улыбнувшейся картинѣ семейнаго счастья, и, совершенно преобразившись, вспомнилъ вдругъ о лакомомъ «десертѣ», который должна была приготовить ему сегодня графиня Розетти, прелестная дама, которая не отказывалась играть роль сводни единственнаго сына.

чтобы оказать людямъ услугу. Внезапно оживив-
очувствовавъ во всемъ тѣлѣ какое-то пріятное волне-
ное—увы!—быть можетъ, было отчасти вызвано нѣж-
лидыми и довѣрчивыми ласками бѣдной герцогини Ва-
онъ крикнулъ кучеру:
на улицу Дюфо!

VIII.

Первое представленье въ Cercle de l'Épée.

шло восемь часовъ.

лицъ Риволи, ярко освѣщенной пламенемъ газовыхъ
шагомъ тянулся двойной рядъ экипажей, какъ бы-
блестящихъ праздникахъ въ Елисейскомъ дворцѣ,
аемый и направляемый цѣлою шеренгою полицейскихъ,
шонами на головахъ, по случаю сильнаго сѣвернаго
разбитыя на группы, кареты поочередно въѣзжали подъ
ные своды большого дома и затѣмъ выѣзжали въ про-
ажныя ворота. А на дворѣ, превращенномъ въ на-
зимній садъ съ исполинскими пальмами и цвѣтущими
ми, съ электрическими шарами, разливавшими вокругъ
стый, лунный свѣтъ, тѣснилась болтливая, разряжен-
ла.

главной лѣстницѣ, устланной брюжскими коврами съ
ь фономъ, въ два ряда стояли лакеи, напудренные,
въ богатыхъ ливреяхъ, направо и налево—по убор-
суетились хорошенькія субретки. Затѣмъ черезъ гал-
широкую, какъ бульваръ, со стѣнами, увѣшанными
ми,—члены особой комисіи, изъ самыхъ молодцова-
водили дамъ подъ руку вплоть до зрительной залы,
анной съ версальской оперы, съ двумя ярусами ложъ
атромъ. И всюду цвѣты, люстры, канделябры.
отъ вечеръ происходило торжественное открытие «Фех-
го клуба» или «*Fencing-Club*», только что народив-
подъ парижскимъ небомъ. Его президентъ, генераль
герцогъ Варезскій, превосходная шпага и славное
и перебѣжчивомъ большихъ аристократическихъ клу-
цѣлый мѣсяцъ толковали о готовившемся праздне-
еннія газеты первые пустили это извѣстіе въ формѣ

нѣсколькихъ пикантныхъ, многообѣщающихъ строкъ:—архитекторомъ будетъ Бляссель, великій Бляссель, членъ института, декораторомъ—Марсулень, режиссеромъ—Жентракъ, неподражаемый Жентракъ, бывший директоръ оперы, и при немъ два помощника: Арнольдъ Меуегъ изъ «Фигаро» и шевалье Убальдъ де-Ронсероль, «причемъ на послѣдняго будутъ спеціально возложены заботы о свѣтской и артистической сценѣ». Генераль президентъ, съ Миміагомъ и младшимъ Кисомъ, беретъ на себя фехтованье. Дѣло въ томъ, что праздникъ долженъ былъ имѣть самый разнообразный характеръ: предполагалось устроить концертъ, «обозрѣніе минувшаго года» исполненное членами клуба и «нѣкоторыми изъ самыхъ хорошихъ нашихъ актрисъ», фехтованье на сабляхъ и шпагахъ, характерные танцы, ужинъ и процессія во вусѣ Людовика XV. Можно себѣ вообразить, какая началась погоня за приглашеніями! Весь Парижъ поднялся на ноги, всѣ попеременно добиваются этой чести. А такъ какъ, несмотря на «страхъ», невозможно-же было отправиться на праздникъ въ костюмѣ Адама, то модныя портнихи положительно не знали, какъ справиться съ нахлынувшей вдругъ работой.

Но въ ожиданіи «рѣшительной битвы», приверженцы старыхъ клубовъ уже заранѣе повели усердную пропаганду противъ молодаго соперника, грозившаго отодвинуть ихъ на второй планъ; нашлись даже ревнивицы, не позволявшія своимъ молодымъ подругамъ изъ Bouffes или изъ оперы участвовать въ праздникѣ. Благодаря этому, приходилось не мало бѣгать и хлопотать, чтобы пополнять неожиданные пробѣлы. Никогда ни одинъ министерскій списокъ не подвергался столькимъ измѣненіямъ, какъ эта афиша. Вѣдь каждая изъ этихъ хорошихъ женщинъ непремѣнно добивалась виднаго мѣста, на которомъ можно было-бы обнаружить всѣ свои прелести. Вы контъ де-Ронсероль, тотъ самый, у котораго броня... знаете? совсѣмъ лишился, благодаря этому, голоса.

Не бѣда! Важнѣе всего то, что онъ добился-таки ли. А сколько было такихъ, которые хвастались участвіемъ въ пьесѣ,—между тѣмъ какъ и не думали въ ней участвовать.

Словомъ, начиная съ Avenue de Villiers вплоть до Бульвара Saint-Germain, всѣ положительно взбѣсились. Никогда перепродажа пригласительныхъ билетовъ, хотя они были и

али право доступа только приглашенному лицу». и даже, что, благодаря одному приглашенію, свадьба, а въ другомъ случаѣ свадьба, наоборотъ, вслѣдствіе неумѣнія жениха добиться пригла-

хода въ залу, какъ главнокомандующій, дѣлающій камъ, герцогъ Варезскій принималъ гостей. Статскій, въ оѣломъ галстухѣ съ орденомъ въ петлицѣ, улыбающейся улыбкой на устахъ, онъ привѣтствовалъ глазами, для каждой находилъ какую-нибудь по временамъ напечатывалъ поцѣлуй на перчатку, хорошую ручку. Въ этотъ вечеръ генераль кителью на седьмомъ небѣ, въ самомъ радужномъ

Графиня Розетти сдержала свое слово: ея «делался такимъ лакомымъ кусочкомъ, что просто пре-добавокъ онъ отлично пообѣдалъ у баронессы, у варь съ особеннымъ «шикомъ» готовилъ «карповъ съ «fondue» изъ сыра и т. п. Наконецъ Варонъ-Бей предложилъ ему двадцать тысячъ луидоровъ вмѣсто ячь, о которыхъ онъ не безъ робости рѣшился по-о. Прелестный малый этотъ Варонъ-Бей!

орымъ, особенно привилегированнымъ, дамамъ онъ руку и отводилъ ихъ до ихъ ложи. А какая пу-сподствовала въ корридорахъ, гдѣ Ронсероль, ли-голоса, но сохранившій память, исправляя двойную контролера и уврѣзы, бѣгалъ, суетился, направлялъ, потому, ибо «заботы о свѣтской и артистической состояли исключительно въ томъ, чтобы отбирать пирать ложи, отпирать ложи и отбирать билеты. мь, виконтъ бѣжалъ разыскивать афишку, ска-мантильей или шубой на плечѣ, а герцогъ возвра-вою боевую позицію, но не забывалъ и о сценѣ ни до времени заглядывалъ за кулисы, куда вела верь, доступная только для посвященныхъ.

а была въ постоянномъ движеніи. Не проходило бы герцогъ или Ронсероль не ныряли въ нее съ вь видомъ, бормоча какія-нибудь важныя распоря-едупредить Жентрака относительно сцены втораго

акта... Сказать Мальвинѣ, чтобы она не поднимала ноты высоко, какъ на репетици, въ виду присутствія семейныхъ людей... выкинуть сцену третьяго акта... и т. д., и т. д.

— Эй! Ронсероль!..

— Виконтъ!

— Эй! Убальдъ, эй!...

— Послушайте! *monsieur* де-Ронсероль!

Слушать? Какъ-же! До того - ли ему! Несчастный контъ, какъ сумасшедшій, галлопироваль по всему театру, метался во всѣ стороны, распорядился насчетъ освѣщенія, поливки, давалъ инструкци машинисту и пожарнымъ, боясь забыть кучу великихъ порученій, бормоталь на бѣгу:

— Бѣлила для маленькой Клодины, румяна для толстой Бланшъ... Толстую Бланшъ для маленькой Клодины, бѣлила для румянъ... Бѣлила... румяны... бѣлила...

Онъ повернулъ въ боковой корридоръ и, покружившись на одномъ мѣстѣ, какъ волчокъ, кинулся въ одну изъ дверей, растворивъ ее ударомъ кулака.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! крикнулъ чей-то голосъ... рубашкѣ..!

Но виконтъ не слушалъ.

— Бѣлила... Толстая Бланшъ...

Продолжая вслухъ перебирать всѣ порученія, онъ метался по маленькой комнаткѣ, въ которой какая-то блондинка, почти совершенно голая, стоя передъ зеркаломъ, разрисовывала себѣ физиономію.

— Нѣтъ у меня вашихъ бѣлилъ... Отстаньте, ради Бога! сказала она.

Со всѣхъ сторонъ, изъ двадцати различныхъ мѣстъ, раздались смѣхъ, визгъ, крики: «*Monsieur* де-Ронсероль!.. Убальдъ, душка, на минуточку!.. Моя кошечка!.. моя козочка!..»

— Во имя неба, скорѣй мою заячью лапку!

— Ради Бога! *Monsieur* де-Ронсероль, минуточку же!.. ныхъ бѣлилъ!

— Виконтъ, ты не зайдешь затянуть мнѣ корсетъ?

Онъ крутился на одномъ мѣстѣ, продолжая бормотать связныя фразы своимъ хриплымъ, шипящимъ голосомъ.

— Когда вы перестанете, наконецъ, мычать, какъ сказала блондинка.

бѣчая, онъ схватилъ банку съ бѣлилами и нѣсколько и нырнулъ сначала подъ одну занавѣску, потомъ ю, подъ третью, встрѣчаемый повсюду стыдливимъ восклицаніями, которымъ, впрочемъ, ни онъ, ни санде придавали въ сущности никакого значенія.

ролю самому пришло въ голову мысль устроить обоную, разгороженную только подвижными занавѣсками эта прежде всего пагубно отозвалась на его нѣтъ бронхахъ, такъ какъ приходилось до послѣдней ти напрягать легкія, чтобы покрыть своимъ голосомъ ный гамъ, стоявшій въ этой театральной уборной, представляла собою нѣчто среднее между кавалерійской и пансіономъ для дѣвицъ. Четыре отдѣльныя были разобраны главными актрисами, а мелюзгу пошло пріютить гдѣ попало. Въ виду этого, при анавѣсей, подвижныхъ перегородокъ и безчисленнаго газowychъ рожковъ — удивительно сколько рожковъ этимъ дамочкамъ! — устроили около дюжины крошечныхъ уборныхъ. И все это пицало, трещало, . Здѣсь кричали пѣтухомъ, тамъ выдѣлывали руладу, тамъ мѣстѣ напѣвали куплеты, въ четвертомъ барабафортепьяно.

воздухъ стоялъ сплошной гамъ, изъ котораго вырываются въ родѣ слѣдующихъ:

ицо, укравшее у меня банку съ румянами, покорнѣе вернуть ее по принадлежности... Мой адресъ: въ корридора, въ углу, подъ самымъ окномъ.

as, là bas, tous près du Luxemburg!

ади Бога! Гдѣ-же горничная?

ыла, да вся вышла!

aitou-la-la! Tra-ri-ra!

ing! Zing! Pataroum!

te! Мое трико лопнуло!

покажи!

Quand tu verras
La petite Hélène,
Tu lui diras
Que je l'emène...

— Monsieur де-Ронсероль, гдѣ-жь моя ла-апка?

— А мои пантало-оны?

— Убальдъ, душка, прорепетируй со мной мою роль.

У меня всего три слова, а я ихъ уже забыла... Умри! Да что ты умерь, что-ли?.. Если умерь, такъ скажи!

— Нѣтъ, не цѣлуйте, сотрете бѣдла!.. Да, ниже не смотрите, если хотите!

Маленькій фойе, отдѣланный, какъ игрушечка, со стѣнами, покрытыми огромными зеркалами, съ каминомъ, въ которомъ пылалъ яркій огонь, былъ биткомъ набитъ членами клуба, которые заходили сюда передъ спектаклемъ («на минуточку», чтобы поздороваться съ актрисами, но затѣмъ и не думали уходить. То и дѣло входили новые гости, — друзья, журналисты, les *messieurs de ces dames*, очень недовольные ролью доставшеюся ихъ пріятельницамъ.

Въ глубинѣ комнаты, прислонившись спиной къ большому трюмо, Варонъ-Бей громко разглагольствоваль среди присутствующихъ мужчинъ.

— Успѣхъ неслыханный! говорилъ онъ; — неслыханный! Изъ Англійскаго клуба всѣ дезертируютъ и переходятъ къ намъ. Дѣла у насъ пойдутъ блестящимъ образомъ.

Онъ пустился въ подробности, называлъ имена, приводилъ цифры, снова овладѣвъ на этотъ вечеръ всѣмъ красноречіемъ искуснаго дѣльца, умѣющаго показывать товаръ лицомъ. Теперь можно было рассчитывать, что въ числѣ членовъ клуба будутъ фигурировать двѣ коронованныя особы и два великихъ князя. О, пріемъ будетъ необыкновенно строгъ; шары должны быть бѣлые; никакихъ отсрочекъ, никакихъ отборныхъ комиссій. Маленькіе глаза его метали искры, уши наливались кровью при мысли о лучезарныхъ лицахъ, а быть можетъ, и о финальномъ апоѳеозѣ, о высшемъ триумфѣ общанной ему за удачное веденіе дѣла. Этимъ драгоцѣннымъ призомъ была Шанталь, и одной мысли о предстоящемъ женствѣ было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы придать энергіи и подвижности, распалить его страсти и сожечь огонь и убѣдительность его нѣсколько вялой, восточной Баронесса Симье только сказала ему: «Помогайте герцогу, я вамъ помогу!» Тогда онъ сразу преобразилъ всю свою

и изнывать въ одиночествѣ и отогнать отъ себя тоску, и съ новыми надеждами, и съ помолодѣвшими силами стался въ свѣтъ, чтобы приступомъ завоевать неприкрытость, — признательность герцога. Первая мысль о новомъ клубѣ возникла въ головѣ герцога, но Бей на нее накинулся, овладѣлъ ею, сдѣлалъ изъ нея пилюлю и сразу поставилъ все предпріятіе на прочную ногу благодаря своимъ связямъ въ финансовомъ мірѣ, въ «предмѣстьѣ», всюду. Ему-же были обязаны участвовавшіе Блесселя и Жентрака; онъ-же придумалъ планъ, выданный въ статуты, скопированные съ лондонскою Reform-Club. Онъ мастерски онъ сумѣлъ организовать, при посредствѣ блестящую рекламу, ходячую и летучую, салонную и театральную!

Онъ, приземистый человѣкъ, съ большой бородой, въбѣжавъ въ залу съ шляпой на головѣ, размахивая тростью:

— Что-же это, чортъ побери! Готовы-ли вы наконецъ? Онъ Ронсеролю, который опять бѣжалъ куда-то, сломя голову, нагрузившись всякими принадлежностями туалета.

— Какъ? Готовы-ли я?.. Да вы съума сошли... совсѣмъ не готовы! Въ Превиль еще не пріѣхала!

— Эта фраза, подхваченная на лету и передаваясь отъ одного къ другому, быстро облетѣла всю залу. — Не можетъ быть! Не Превиль? Превиль, новый членъ общества Comédie Française, самый интригантный элементъ сегодняшняго вечера! Да это ужасно! Надо послать за ней, на ея квартиру, въ Avenue de...
...!

— Скажите, какъ знаете! Я съ нею ужъ довольно возился...
...зорный!

...и до крайности, Жентракъ направился къ вы...
...ту самую минуту, когда въ дверяхъ снова показалась
...фигура герцога. Онъ только что усадилъ по мѣстамъ,
...другую, — свою жену и свою любовницу. Обѣ улыба...
...были прелестны, — герцогиня въ новой парюрѣ изъ
...баронесса въ новой діадемѣ, усыпанной жемчугомъ
...ями. И онъ, право, по совѣсти, не въ состояніи
...рѣшить, что ему пріятнѣе, — нѣжное рукопожатіе
...или краснорѣчивое «merci» баронессы. Да, этотъ
...положительно неисправимъ. Выходя въ прекрас...
... № 10, 1883 г., 1.

номъ настроеніи духа отъ графини Розетти, на удивленіе онъ вдругъ вспомнилъ про обѣихъ своихъ женъ. Девятая торья онъ еще только думалъ занять, уже оттаявшій карманъ, и, не желая обидѣть ни ту, ни другую, онъ послалъ по подарку.

— Господину президенту извѣстно?.. началъ Жантрапидо сдерживаясь.

— Что такое?.. Въ чемъ дѣло?.. У васъ лицо мрачнѣе!.. Не безпокойтесь, Превиль пріѣдетъ!.. А! генералъ тоже пожаловали въ нашъ «очагъ» (foyer)? Видно, что боитесь огня.

Генераль Салмонъ насилу пробрался между двумя рядами въ короткія юбочки толстыми женщинами и, пыхнувъ, воскликнулъ:

— Sacrédié! Вотъ такъ перестрѣлка!.. У этихъ проклятыхъ бабъ какая-то страсть непремѣнно ходить вамъ по волосамъ! Совсѣмъ это не мое ремесло!

— Извините, мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ.

— Ой! Sacrédié! Сударыня, прошу васъ быть поосторожнѣе! Я генераль Саломонъ... изъ Меца... сенаторъ... министръ... Это вамъ все равно?.. Понимаю!.. Но я не хочу чтобы мной манкировали...

— А? что? чего тебѣ недостаетъ, старинка? кричитъ лоденькая актриса въ мужскомъ костюмѣ.

— Небось, всѣ и безъ тебя знаютъ, чего тебѣ недостаетъ! продолжала другая, изображавшая «золотую муху».

Онъ обернулся, не понимая намека и продолжалъ говорить.

— Да не толкайтесь-же такъ! Скоро-ли перестанетъ эта скотина?.. Ахъ! извините, пожалуйста, маркизъ имѣю...

— Здравствуйте, генераль. Какъ ваше здоровье? вамъ все равно, то не говорите, что встрѣтили меня въ числѣ сегодня вечеромъ въ Société d'Agriculture.

Съ этими словами маркизъ, не теряя своего спокойнаго вида, исчезъ въ корридоръ, который велъ къ уборной.

— Видѣли вы президента? Здѣсь президентъ?

Это былъ суфлеръ, прибѣжавшій съ озабоченнымъ видомъ съ текстомъ пьесы подъ мышкою. Наконецъ, онъ замолчалъ.

орый въ одномъ изъ угловъ любезничалъ съ брюнет-
ражавшей *національное знамя*.

сподинъ президентъ, публика начинаетъ терять тер-
залѣ поднимается шумъ.

рѣхала мадмуазель Превиль? спросилъ герцогъ...
сь, пожалуйста, де-Грансенъ!.. Нѣтъ, впрочемъ, я
амъ.

смахнуть щелчкомъ слѣды пудры, которые остались на
вѣ, и громкимъ голосомъ, кикъ передъ фронтомъ, за-

оспода, господа, по мѣстамъ!.. Сейчасъ начнемъ!

эти вызвали цѣлую бурю шуточныхъ протестовъ. Къ
опиться? Времени еще много! Наконецъ, Жантраку
счастливая мысль позвонить въ корридоръ, и фойе
малу опустѣлъ.

исъ только однѣ раздѣтыя роли: *gazette Grivoise, Ma-*
nubale Bontoux, Carte télégramme и *Chalet de ne-*

Передъ однимъ изъ зеркалъ де-Брэ, изображавшій
афа, въ длинной туникѣ, въ маленькой шапочкѣ, на-
бекрень, изучалъ разные жесты съ серьезнымъ ви-
рофессиональнаго актера, обращаясь за совѣтами къ
внимъ его «дамочкамъ».

Ну что? Такъ хорошо? — „*Oh! mince, alorss!*» — Нѣтъ?
ю? — „*Oh! mince, alorss!*»! — Что! Каково сказано?!..
правда-ли, хорошо схвачено?

ругомъ мѣстѣ возсѣдалъ депутатъ правой стороны, из-
«прерыватель», въ костюмѣ время директоріи. По
отъ него нѣсколько мужчинъ, въ каррикатурныхъ
костюмахъ, изображавшіе «Театры послѣдняго се-
рабанили свои «имитаци» среди группы черныхъ
которые при каждомъ словѣ кричали: «*très chic!*»
истая Бланшъ Миреттъ изъ *Variétés*, подбоченившись,
лѣйшій куплетъ, между тѣмъ какъ какой-то почтен-
чокъ аккомпанировалъ ей не въ тактъ на фортепiano:

«C'est Ferdinand
Qu'a gagné l'lapin d'garennel
C'est Ferdinand
Qu'a gagné l'lapin blanc!»

ное веселіе, разжигаемое шампанскимъ, среди атмо-

сферы, въ которомъ испаренія нагаго, плотнаго тѣла свались съ запахомъ бѣлилъ и другихъ притираний.

— Превиль не пріѣхала? спросилъ беззвучнымъ движениемъ губъ совершенно уже безголосый Донсероль, прикрывая голову изъ-подъ занавѣски.

Видя, что его не слышать, онъ отчаянно замахалъ ими списками, которые составляли необходимую принадлежность свѣтскаго и артистическаго контролера.

— Вы насчетъ Превиль, что-ли, спрашиваете?.. Ничего любезнѣйшій; нѣтъ даже и духу! отвѣтилъ де-Бра.— Какого хальство,—задерживать всю пьесу!... Вотъ сводочъ!.. Помните, что ее приняли наконецъ въ общество... потому-то и выднюется и ночуетъ „Комаръ“... Ну, попадись она мнѣ...

Онъ замолчалъ. Въ фойе вошелъ герцогъ, необыкновенно возбужденный, съ замѣтными слѣдами бѣлилъ на воротничкѣ.

— Что-же, Убальдъ? Завтра, что-ли начнемъ?

— Да вѣдь вы знаете... Малмуазель Превиль...

— Не бѣда! Пріѣдетъ... Эй, вы, послушайте! Начинайте увертюру!.. Если нужно, мы выкинемъ ее раньше первомъ актѣ... Ахъ, да, встать! Какже насчетъ фехтованья Казнь противъ кого?

— Да противъ васъ!

— О, нѣтъ, я больше не фехтую; старъ ужъ я, не гожусь.

— Никуда не годитесь? Какой вздоръ! А помните вы у того—какъ бишь его?.. съ тѣмъ—какъ бишь его?.. Сами вы его отдѣляли!

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Честное слово! Я не въ удѣлъ киньте изъ программы фехтованье. Довольно съ нѣтъ лицъ!—Грозень, какъ сапожникъ, этотъ сицилиецъ адептъ... Ну, а кортежъ? Лучше удался на сегодняшней тицивъ?.. Взгляните пожалуйста, чего это копаются ащики. Если наши дамочки не умѣютъ застегивать такъ мы пойдемъ имъ помогать, чортъ возьми!

Вдругъ герцогъ увидѣлъ своего зятя, который вышелъ уборной Клодины и украдкой пробирался по корридору.

— Эй! крикнулъ онъ,—Буафеле!.. Откуда васъ беретъ?.. А, изъ-подъ ига... Клавдинскаго ущелья... С

у Матильдѣ... И не стыдно вамъ?... Вѣдь эта жен-
въ матери родится.

предпочитаю совершеннолѣтнихъ, сказалъ маркизь,
герцогу;—по крайней мѣрѣ, знаешь, чѣмъ рискуешь,
нѣ съ самой очаровательной, скромно-степенной

нагнувшись къ герцогу, онъ шепнулъ ему на ухо:
любвишій, ни слова Матильдѣ: я сегодня въ Socié-
culture.

и сказалъ *de la grue culture!**) прошипѣлъ Рон-
сероль скрываясь за дверью.

не мину мину спустя, онъ вернуся, таща за собою сконфу-
мира, котораго онъ нашель блуждающимъ по

не можетъ быть!.. Какъ? Вы, адмираль, безъ компаса
въ такое плаванье и сбились въ пути?

... то есть, видите ли... Словомъ—вашъ клубъ на-
... настоящій адъ!.. Да и вы, де-Ронсероль, ка-
убереглись и утратили въ этомъ аду... голось...
е! если-бы вы тогда послушали моего совѣта... от-
вашихъ бронховъ... то жили-бы теперь преспокойно

онъ герцога, адмираль сконфузился еще болѣе и бро-
нему, стыдливо потупивъ глаза:

... любезнѣйшій герцогъ!.. любезнѣйшій герцогъ!..
искалъ васъ!.. Мнѣ непремѣнно хотѣлось лично по-
съ... Праздникъ организованъ съ такимъ вкусомъ...
те, разыскивая васъ, я безпрестанно попадалъ не
слѣдовало... Но согласитесь, зачѣмъ-же онъ не
дверей, въ особенности, когда туалетъ ихъ до та-
кой степени...

должае получать хорошія вѣсти изъ Каннъ? спро-
шь, думая о чемъ-то другомъ.

нежному печальныя, очень печальныя...

ушай, любезный!.. Застегни-ка мнѣ подвязку!..
говори! Чего ты такъ глупо таращишь глаза!

(журавль)—высокая, неуклюжая женщина.

Пер.

кричала за ихъ спинами Силли Претъерь, изъ Оперы, поставивъ ногу на скамейку.

— Идите-же, адмираль!.. Да идите-же! Вѣдь она вѣдь знаетъ... Благо, мадамъ де-Керуанъ теперь въ Каннѣ!

По временамъ до опустѣвшей залы доносились отрывки фразы оркестра.

Вдругъ въ корридорѣ поднялся шумъ, Превиль наконецъ пріѣхала.

— Это еще что за новости? сказала она, обращаясь къ герцогу, который съ неизмѣнно-веселымъ лицомъ шелъ къ нему на встрѣчу, вынимая изъ кармана заранѣе приготовленный футляръ. — Жентракъ чуть не съѣлъ меня..

И она скрылась въ своей уборной, хлопнувъ дверью.

— На сцену! на сцену! крикнулъ Жентракъ, поспѣвая на порогъ съ большимъ волоколомъ, которымъ привался удерживать, но трезвонить.

Топотъ, шелестъ шелка, звонъ бубенчиковъ, смѣхъ, поднявшись со всѣхъ сторонъ и слившись въ оглушительный хоръ, въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній стояли въ воздухѣ и постепенно затихли.

Когда кончилась увертюра, вызвавшая довольно громкія рукоплесканія безъ всякаго участія клакеровъ, Варинъ таинственно взялъ подъ руку герцога и, направляясь съ нимъ въ зрительную залу, шепталъ ему:

— Ну, скажите,—довольны-ли вы, дорогой герцогъ?

И въ тонѣ этой фразы проглядывалъ тотъ-же гнусный, самодовольный, ласковый голосъ и пріятливостью торжественности, въ Булакѣ, на берегу Нила, въ пресыщенный однообразіемъ гарема, султанъ старался пробудить алчность въ отцахъ этихъ свѣжихъ, смуглыхъ, золотистая пшеница, статуи, которыя дышали таковой своеобразною, неподдѣльною прелестью въ своихъ живописныхъ мишурныхъ, въ своихъ открытыхъ синихъ платьяхъ и будили въ немъ тухавшія желанія. Но теперь роль феллаха играть теперь Варезскій, а феллахиною была Шанталь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗИМОЙ.

(Варіація на мотивъ изъ Ряшпана).

Где,—слышенъ трескъ мороза...

Где захватываетъ духъ.

Где—страшна зимы угроза:

Где огонь давно потухъ.

Въ углу своемъ угрюмомъ

Видно я сижу,

Издаюсь тоскливымъ думахъ,

Врзу, корчусь и дрожу.

Ознобъ-ли то недуга?

Где здѣсь холодно, темно!

Где безумно бьется вьюга

В поблѣвшее окно!

Где весна, гдѣ солнце лѣта,

Где смекъ сияющаго дня?

Где теща, пріюта, свѣта,

Где ни искорки огня!

О съ надеждою упорной—

(се одинъ, одинъ, одинъ)!—

Смотрю на этотъ черный,

Звалившійся, каминъ.

Терпѣнье сердце гложетъ,

Одно въ моихъ мечтахъ:

Где и пламя... точно можетъ

Она вспыхнуть мой очагъ!

Д. Михаловскій.

ДАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I.

Литературы трехъ великихъ народовъ — французовъ, итальянцевъ и англичанъ — были воспитательницами литературы нашей. Кончивъ съ порой ученичества, мы и до сихъ поръ находимъ подъ влияніемъ литературныхъ идей Запада, жадно слѣдя за произведеніями западнаго слова и движеніе нашей мысли является сильнѣе всего движеніемъ европейскихъ идей. Вотъ почему первостепенныя европейскія литературы поглощаютъ наше вниманіе. Но, признавая руководящее и воспитательное значеніе передовыхъ европейскихъ литературъ, не мѣшаемъ гда заглянуть и въ литературы второстепенныя, зависящія изъ которыхъ, именно вслѣдствіе ихъ зависимости, законъ развѣтыванія обнаруживается рѣзче и очевиднѣе, и полезныя выводы явятся какъ бы сами собою.

Изъ числа второстепенныхъ европейскихъ литературъ наибольшее по замѣчательному совершенству формы, занимаетъ первая. Два-три датскихъ писателя пользовались европейскою манерою стилю, и была пора, когда датскій поэтъ царилъ на вершинѣ европейскаго Парнаса. То была наиболѣе регрессивная пора романтизма, и царемъ поэтовъ былъ Эленшлегеръ. Уже одной чертой опредѣляется характеръ датской литературы.

Штрадтманъ, переводчикъ извѣстныхъ критическихъ сочиненій Брандеса на нѣмецкій языкъ и авторъ очень интересной книги о Даніи, говоритъ, что Данія всегда стояла въ сторонѣ отъ лихой борьбы европейской мысли, принесшей новыя идеи и образы всѣмъ другимъ литературамъ. Въ Данію едва ли дошло даже слабый откликъ великихъ словъ XVIII вѣка: просвѣтъ, свобода мысли, реформа общества. Когда-же въ Европѣ вспыхнула реакція, то она нашла въ Даніи полное сочувствіе и готовую ей служить литературу. Данія, въ семьѣ европейскихъ

роль старосвѣтской помѣщичьей семьи, вплоть до
 ей малевькой культурой, и древностью своего рода,
 всѣхъ силъ она старалась сохранить въ чистотѣ.
 писатель Гессе, книга котораго о литературахъ сѣвер-
 въ послужила отчасти матеріаломъ для настоящей
 итъ, что такое сильное сознание своей національности
 б націи и вдохновляло ее на героическую борьбу
 сосѣдями. Датское правительство, тѣснимое силь-
 ми, а вѣкъ, другой тому уназадъ съ трудомъ справ-
 буйной аристократіей, всегда поддерживало націо-
 нально, избравъ главнымъ средствомъ для этого копен-
 гегъ, который оно устроило и которому покровитель-
 провинція подражала столицѣ. Едва-ли есть въ Ев-
 ропѣ, въ которомъ-бы страсть къ театру была такъ
 въ датчанахъ. На сценѣ постоянно превозносилось
 а все чужеземное, и въ особенности подражаніе ему,
 безопасно. Поучая патриархальности, датскій те-
 атръ подражаніе, и датскіе буржуа и ремесленники,
 комическими героями, родственными героямъ «Бри-
 гветворяли своему чувству злобы противъ тѣснившей
 вратія, бывшей жалкой креатурой нравовъ и тона
 въ вельможъ XVIII вѣка. Регрессивный національный
 привился къ датчанамъ тѣмъ легче, что пора древ-
 ныхъ героевъ, этихъ грозныхъ Европѣ викинговъ, за-
 нѣтъ въ Англію, была единственною порою, льстившею воин-
 ственнолюбію.

ное настроеніе датчанъ совпадало съ исторически-
 ческими условіями страны. Реформація для интел-
 лектуальныхъ европейскихъ народовъ была ступенью, ко-
 торую было пройти на пути къ свободному мышленію.
 Реформація, въ лицѣ очень немногихъ, робко пере-
 ступила границы ортодоксальнаго протестантизма и запуталась
 въ натуръ-философовъ. Большая часть общества
 осталась въ старомъ фанатизмѣ.

философію принесъ изъ Германіи Генрихъ Стефенсъ,
 идею охарактеризовалъ слѣдующими строками: «Чест-
 ность, голова полная воодушевленія и хаоса, оли-
 чившее чувство и сентиментальная фантазія безъ малѣй-
 шей мѣлой мысли. Буквально невозможно читать его
 произведенія: тонешь въ водяной чувствительности
 и отъ скуки». Научныя доказательства Стефенса
 опыты постоянно не удавались, но наивная дѣт-

ская вѣра и тонъ проповѣдника увлекали слушателей тѣмъ сильнѣе, что струны эти оставались въ нихъ почти нетронутыми. Стефенсъ съ наивнымъ восторгомъ ребенка отсыпалъ силы человѣческой души въ камняхъ и обращалъ геологію и ботанику въ антропологию и психологию; «растенія дѣйствительно у него, какъ у Гранвиля одушевленные цвѣты въ повѣсти и названія», говоритъ Брандесъ. Іюльская революція привела къ ужасу Стефенса; онъ проклиналъ и ту жалкую науку, которую проповѣдывалъ, и перешелъ въ піэтизмъ. Молодая Германія, народившаяся послѣ іюльскихъ дней, нашла въ кроткомъ писателѣ ожесточеннаго врага, и Стефенсъ принялся за романы въ которыхъ, во имя спасенія человѣчества отъ гадри революціи, давалъ пасквили на выдающихся представителей молодой Германіи.

Стефенсъ далъ датской литературѣ такой-же толчекъ, какой далъ Колериджъ англійской. Своими лирическими лекціями онъ училъ мистической мысли, которая, говоря относительно, есть все-таки шагъ впередъ отъ догматики протестантизма. Стефенсъ искалъ повсюду мистическую связь жизни: въ природѣ, въ исторіи, въ народныхъ легендахъ и въ скандинавской мифологіи. До своего обращенія Стефенсъ не пользовался популярностью въ массѣ общества и увлекалъ только небольшую склонную къ свободомыслию часть его.

Несравненно большую популярность создалъ себѣ, такъ называемый, философъ Киркегардъ, который въ сущности былъ истолкователемъ догматической морали и, на основаніи ея, продалъ проклятію романтизмъ нѣмецкаго Sturm und Drang. Но въ то-же время онъ увлекался и «Символикой сна» Шуберта и вслѣдъ за нимъ признавалъ сонambuлизмъ и духовидѣніе высшими источниками знанія. Онъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ истолковывалъ «Христіанскую мистику» Герреса, который описывалъ въ какомъ порядкѣ слѣды христовыхъ ранъ отъ гвоздей и боли отпечатываются на тѣлахъ святыхъ мужчинъ и женщинъ. Киркегардъ, въ началѣ XIX вѣка, повторялъ идеи Паскаля и, сверхъ того, училъ своей психологической системѣ. Онъ дѣлилъ жизнь человѣческую на три періода: эстетическій, періодъ непосредственности, счастья и любви, этический періодъ, періодъ долга, но до семейнина и честнаго бюргера, признающаго Данію наилучшимъ изъ міровъ и законы ея идеаломъ для всего міра и, наконецъ, періодъ религіозный, который распадается на два отдѣла. первомъ, личность, терзаемая угрызениями совѣсти за неисполненіе долга и грѣховность, какъ собственную такъ и окружающую.

ется религиозной фантазии, отрицает откровение. От-
 переживается всего тяжелѣе. Человѣкъ долженъ от-
 амого себя никогда не быть увѣреннымъ въ собствен-
 и постоянно чувствовать себя въ такомъ положе-
 ннѣ подѣ нимъ 70,000 сажень воды и онъ долженъ
 и). Когда онъ достаточно истязалъ себя этою пыт-
 етъ періодъ просвѣтлѣнія, религиозныхъ экстазовъ,
 въ увѣренностью въ спасеніи. Штрадтманъ приводитъ
 тзъвъ Брандеса о Киркегардѣ; «Во всякомъ случаѣ
 ильный геній; онъ изъ тѣхъ исключительныхъ лично-
 родятся по одной на столѣтіе; Киркегардъ—Тихо де-
 философіи, онъ великъ какъ и Тихо де-Браге, но такъ-
 отъ, въ слѣнномъ благоговѣніи къ авторитету, не дер-
 нить солнце центромъ нашей планетной системы. Въ
 олнце есть тѣло, въ философіи оно называется разу-
 ческимъ рокомъ Даніи было то, что величайшіе мы-
 шибались въ центрѣ. Но какъ ошибка Тихо де-Браге
 а потомству признать солнце центромъ системы, такъ-
 рѣшается и ученіе Киркегарда признать реальное».

этической системы Киркегарда бросается слишкомъ
 за. Въ періодѣ молодости онъ признаетъ одну эстетику
 е въ личному счастью. Въ зрѣломъ возрастѣ долгъ
 ѣщанства и личная жизнь поглощаютъ всего чело-
 гарости все тотъ-же индивидуализмъ, только въ другой
 боты о загробномъ блаженствѣ. Киркегардъ мистикой
 ть только одному—энергически хотѣтъ: для того, чтобы
 вить себя въ положеніе человѣка, ходящаго по водѣ
 ную въ 70,000 сажень, и довести себя этимъ до вос-
 презъ на яву—нужна очень сильная воля. Онъ вы-
 малъ волю, но обращалъ ее на подвиги индѣйскихъ
 ученіе о волѣ, которымъ Фихте въ Германіи далъ за-
 ію о свободѣ, не въ одномъ только тѣсномъ смыслѣ
 го освобожденія отъ французовъ, привело въ Даніи къ
 ни, отдающей жизнь человѣка на самозакланіе. Неоспо-
 иркегардъ—крупная сила, но искалѣченная старосвѣт-
 о патриархальной Даніи. Разладъ между дѣйствитель-
 о суровымъ идеаломъ патриархальности заставилъ его
 нія въ мистицизмъ. Вотъ что говоритъ онъ въ сво-
 ическихъ афоризмахъ, носящихъ общее заглавіе Entwe-
 (ругіе могутъ жаловаться на то, что жизнь дурна, я
 алкой, потому что въ ней нѣтъ страсти. Мысли люд-
 и ломки, какъ тѣ коклюшки, на которыхъ плетутъ

кружева. И для червя было-бы грѣхъ носить въ себѣ та мысли, что-же сказать о человѣкѣ, созданномъ по образу и подобію Божьему». Въ другихъ странахъ религіозный мистицизмъ велъ къ возрожденію человѣчества, къ планамъ устройства жизни по образу первыхъ христіанъ, создавалъ радикально христіанскія секты; въ Даніи онъ далъ Киркегарда, который съ глубокою отвращеніемъ приравнивалъ человѣчество къ червямъ за то, что оно не принимало его идеаловъ. Вотъ какіе учителя подготовили возрожденіе датской литературы!

II.

Несмотря на исключительность національнаго чувства, датская литература шла общимъ путемъ европейскихъ литературъ: она подражала французской; аллегорическая и дидактическая поэма вѣка Людовика XIV была образцомъ для датскихъ писателей. Ходульные трагедіи, напыщенные оды и приторныя идилліи появились въ Даніи, какъ въ Германіи, Англии и позже въ Россіи. Группа замѣчательныхъ талантовъ, изъ которыхъ каждый самъ творилъ собою одну какую-нибудь сторону романтизма, появилась въ началѣ нашего столѣтія, владѣла датскимъ Парнасомъ до 50 года. Изъ нея, какъ по вліянію на своихъ соотечественниковъ, такъ и по оригинальности и изяществу произведеній, выделяются четыре поэта—Грунтвигъ, Бѣдхеръ, Палюданъ-Миллеръ и Андерсенъ. Двѣ феи стояли при рожденіи датской литературы: эстетическая критика и «теологизированная наука», какъ говорилъ Штрадтманъ; различіе въ идеяхъ произведеній четырехъ корифеевъ датской литературы состоитъ только въ томъ, что въ однихъ преобладаетъ эстетическое начало съ сильною тенденціею теологическаго, въ другихъ—наоборотъ.

Грунтвигъ — народный поэтъ Даніи и основатель религіозной секты, или вѣрнѣе партіи, пользовался громадною популярностью, и грунтвигизмъ сильно распространился не только въ Даніи, но и въ Норвегіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвера Швеціи. Грунтвигъ родился въ 1783 году, на югѣ Зеландіи, и очень гордился тѣмъ, что ни со стороны отца его, ни со стороны матери не былъ въ числѣ его предковъ ни одного не-датской крови. Когда ему минуло девять лѣтъ, его послали въ школу въ Ютландію и тамъ онъ услышалъ извѣстіе о казни Людовика XVI. Грунтвигъ хорошо помнилъ впечатлѣніе этого событія на патріархальный міръ ютландскаго педагога, у котораго онъ жилъ.—Любимымъ развлеченіемъ мальчика было бродить одному по ютландскимъ болотамъ.

гоу старыхъ хроникъ, легендъ и военныхъ пѣсень. На пятнадцатомъ году его послали въ латинскую школу въ Ааргусъ, гдѣ подружился съ старикомъ башмачникомъ и въ долгіе вечера слушалъ народныя пѣсни и сказки, которыя пѣлъ казиваль ему старикъ. Въ 1800 году онъ поступилъ студентомъ въ копенгагенскій университетъ и изучалъ прилежно датскій языкъ и саги. Года черезъ три онъ весь отдался влиянію своего родственника Генриха Стефенса, возвратившагося изъ Англіи, восторженнаго адепта идей Фихте и Шеллинга.

Несколько лѣтъ Грунтвигъ былъ ревностнымъ ученикомъ Стефенса, но эта любовь не пересилило влияніе Киркегарда. Въ это время онъ началъ курсъ въ университетѣ и, поступивъ наставникомъ въ богатое семейство, занимался въ свободное время изученіемъ датскаго языка, чтобы читать Гете и Тика, и англійскаго — Шекспира. Первый появившійся томъ поэмъ Эленшлегера отдалъ Грунтвигу, что и онъ поэтъ; но его поэтическіе опыты, не имѣя неконнымъ меценатомъ датской литературы Рабекомъ, остались мертворожденнымъ дѣтищемъ. Впрочемъ Грунтвигъ не охлаждѣвъ къ эстетикѣ, онъ отдался религіознымъ воззрѣніямъ. Въ 1807 году появилось его сочиненіе о религіи и философіи, въ которомъ онъ выступилъ реформаторомъ, смѣлѣе всего выдвигавшимъ устье догматическаго протестантскаго пониманія религіи, и требовалъ реформъ. Въ 1808 году онъ написалъ «Мисеологию Сѣвера». То была первая попытка философско-поэтическаго толкованія скандинавскихъ мифовъ, за которою послѣдовала длинная эпическая поэма того-же направленія — «Пѣснь герольческой жизни Сѣвера». Разстроивъ здоровье усиленнымъ литературнымъ трудомъ, Грунтвигъ принужденъ былъ вернуться на родину къ отцу и лечиться. Въ это время онъ написалъ «Краткій обзоръ хроники міра», фанатическое и дикое сочиненіе печестія и зла. Онъ требовалъ воскресенія первобытнаго христіанства, доказывалъ, что князи церкви не христіане и что духовенство «fressende, saufende, kinderzeugende Klerisei», «объѣдающимъ, опивающимъ и производящимъ дѣтей духовомъ». Понятно, что такое произведеніе подняло цѣлую бурю и возбудило многихъ противъ него. Въ 1813 году, по смерти отца онъ переѣхалъ въ Копенгагенъ и въ продолженіе семилѣтняго пребыванія въ столицѣ написалъ массу поэтическихъ, философскихъ и религіозныхъ произведеній, издавалъ газету, перевелъ скандинавскаго историка Снорри Стерлезона, Сакса Грамматику и т. п. Не ранѣе 1821 г. могъ онъ получить мѣсто пастора

въ Престѣ, небольшомъ городѣ Зеландіи; провинціальная жизнь показала ему невыносимой, и онъ вернулся въ столицу.

Здѣсь онъ вызвалъ противъ себя цѣлую бурю со стороны клерикаловъ нападками на профессора теологіи Клаузена, котораго обвинялъ въ ереси — рационализмѣ. Съ одной стороны, рационализмъ по самому существу своему. былъ нестерпимъ мистикъ; съ другой — онъ такъ-же хорошо уживался съ statu quo, которое хотѣлъ реформировать датскій Савонаролла, какъ уживается вольтерство французскихъ буржуа съ эксплуататорствомъ. Клаузенъ подалъ на Грунтвига искъ за диффамацию и выигралъ дѣло. Грунтвигъ присудили къ раззорительной денежной пенѣ и наложилъ на него духовное запрещеніе, котораго не снимали шестнадцать лѣтъ.

Въ продолженіе этого времени онъ занимался литературой, филологіей и раза четыре былъ въ Англіи для изученія англійскаго языка и чтобы на мѣстѣ изучить различныя англійскія религіозныя воззрѣнія.

Не смотря на запрещеніе, Грунтвигъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе проповѣдывать въ одной копенгагенской церкви. Связанность слушателей у него было немного, но религіозно-воинственныя жаръ и своеобразное краснорѣчіе проповѣдника увеличили по малу ихъ число. Госселъ слышалъ Грунтвига, уже девятидесятилѣтняго старика, въ 1873 г. и былъ пораженъ огнемъ его гласности и оригинальностью лица. «Онъ походилъ на забытаго друида, пержившаго свой вѣкъ. Когда онъ голосомъ мертвеца уговаривалъ паству беречься злаго духа нечестія и испытывать страхъ у каждого учителя, онъ поражалъ своимъ величіемъ; но то не величіе христіанина, а величіе берсекира, взымавшо у воиновъ и одушевлявшо ихъ стоять на своемъ мѣстѣ». Грунтвигъ сумѣлъ создать горячихъ и энергическихъ послѣдователей, и еще при жизни его грунтвигизмъ сильно разросся, распространяясь преимущественно въ народныхъ классахъ. Позднѣйшую пору жизни Грунтвигъ бросилъ филологію для проповѣдничества, но поэзіи не бросалъ; она была для него средствомъ религіозной пропаганды. За нѣсколько лѣтъ до смерти Грунтвигъ выработалъ систему образованія для крестьянъ, основаніи которой и были устроены такъ называемыя высшія народныя школы. Въ настоящее время Данія и Норвегія изобилуютъ грунтвигіанскими школами. Крестьяне — мужчины и женщины собираются въ зимніе вечера и учатся читать и писать; для грамотныхъ, какъ и для безграмотныхъ, главнымъ предметомъ преподаванія со словъ преподавателя служатъ исторія Даніи въ ея древнихъ хроникахъ и пѣсняхъ Грунтвига. Обученіе пѣнію

но; педагогическая система Грунтвига сильно выдвигает гуманизирующее значение этого искусства. Школы Грунтвига очень популярны в Дании, потому что поддерживают национально-патриотические чувства и ненависть къ «германскимъ тиранамъ».

Вліяніе грунтьвигіанізма на датскій народъ можно, при нѣкоторыхъ вѣзвѣзхѣ, сравнить съ вліяніемъ штундизма на нашъ. Повсюду, распространялся грунтьвигіанізмъ, пьянство уменьшалось: онъ возбуждалъ въ народѣ известный умственный интересъ, замѣняя тяжелые, пошлѣнные догматическіе гимны, гимнами, написанными яснымъ и живымъ языкомъ, скучныя, тяжеловѣсныя проповѣди—оживленными простыми словами и мрачныя погребальныя нагѣвы—радушными и свѣтлыми. Грунтьвигъ считалъ безчеловѣчнымъ омрачать день отдыха отъ трудовъ проповѣдническими громами о вѣчныхъ мученіяхъ ада и хотѣлъ, чтобы измученный труженникъ находилъ въ храмѣ утѣшеніе. Но ученіе его не уничтожало авторитеты, не сходило съ почвы общественной морали и не указывало ни на какія общественныя реформы, способныя искоренить все то, что есть въ жизни несправедливаго съ моралью Христа. Госсе совершенно справедливо замечаетъ, что Грунтьвигъ въ сердцѣ своемъ «оставался язычникомъ»; его увлекала болѣе воинствующая сторона христіанства, борьба ради пропаганды идей, нежели нравственная нагорная проповѣдь. Поэтическая и романтическая сторона религіи обнаруживала на него обаяніе и до такой степени, что онъ вѣроятно и самъ всегда зналъ—за кого онъ борется: за Христа или Балдура. У него все заключалось въ томъ, чтобы бороться за какое-нибудь чистое и личное божество».

Извѣстно, что при такихъ взглядахъ основателя грунтьвигіанства не могъ имѣть въ общественномъ развитіи Дании того значенія, какое имѣютъ въ Европѣ и Америкѣ нѣкоторыя радикально-христіанскія секты, и Брандесъ считаетъ его одною изъ главныхъ причинъ застоя Дании. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что Грунтьвигъ не виноватъ въ очень многихъ нецѣлостяхъ нравобѣдническихъ докодилъ слишкомъ ревностные его ученики; но въ томъ случаѣ, эти нецѣлости были плодами, которыя могли возникнуть только изъ корня ученія, ставящаго мистическое чувство выше разума.

Иногда критики называли Грунтьвигъ младшимъ братомъ Брандесъ, хотя младшій братъ до того рѣзко отличается отъ старшаго, что между ними едва-ли можно найти какое-нибудь сходство. Грунтьвигъ не былъ поэтомъ-художникомъ, онъ былъ

бойцомъ и проповѣдникомъ; онъ ни-мало не заботился объ обзванной публикѣ и писалъ только для народа,—и нигдѣ въ Европѣ не найдется поэта, котораго-бы народъ болѣе читалъ и любилъ. Въ одной небольшой поэмѣ Грунтвигъ говоритъ: «какъ штиль на зеленомъ лѣсу, я хочу пѣть для деревенскаго народа, такъ, бы пѣсня моя переходила изъ устъ въ уста и приносила выгоды поколѣнью за поколѣніемъ. Величайшимъ счастьемъ для моего поэта-ребенка, будетъ, если я напишу пѣсни, при звукѣ которыхъ босыя ноги запрыгаютъ по улицѣ. Та пѣсня моя будетъ лучшей поэмой моей, величайшею славою и памятникомъ, котораго будетъ любимою пѣснью на датскихъ поляхъ въ пору жатки, когда дѣвушки вяжутъ снопы. Та поэма моя будетъ знаменитой и увѣнчанной поэмой, которая на свадебномъ пиру болѣе другихъ подниметъ дѣвушекъ на пляску». Въ этихъ стихахъ все исповѣданіе вѣры поэта и вся его искренняя любовь къ народу, но какая любовь? Одно то, что Грунтвигъ разорвалъ съ евангельскою церкви — званіе епископа, которое онъ получилъ, было только почетнымъ, и ему не довѣрили никакой эпархіи—и всю жизнь свою посвятилъ своему народу, говорить объ искреннемъ и глубокомъ убѣжденіи. Онъ былъ крупною силою; но какъ мало эта сила. Онъ несъ народу идеалы отжившихъ вѣковъ, стихическіе восторги—и ничего другого. Госсе, осуждая его за то, что онъ былъ врагомъ условныхъ формъ литературы и внесъ въ нее свой темпераментъ берсекира, говоритъ его-же стихами, измѣнивъ въ нихъ только одно слово: «Герой не плылъ по теченію, онъ разрѣзалъ волны мысли, пѣна ихъ проносилась вѣдловою его и только въ концѣ плаванія посеребрила его волосы». Живая, плодотворная мысль пронеслась надъ головою Грунтвига и ему достались только немногія брызги ея.

II.

Другая знаменитость Даніи Бѣдхеръ, поэтъ, которому датскій языкъ обязанъ совершенствомъ поэтической формы, былъ совершенною и полной противоположностью Грунтвига. Послѣдній былъ человекомъ дѣла, поэзія имѣла для него смыслъ только какъ средство для извѣстной цѣли, Бѣдхеръ-же былъ художникомъ, эстетикомъ, наполнившимъ свою долгую жизнь одними поэтическими восторгами, Бѣдхеръ родился въ 1783 г.; въ 1812 г. онъ пошелъ въ университетъ и послѣ однообразныхъ годовъ студентства, занятыхъ болѣе любовью и стихотвореніями, нежели наукою, повелъ жизнь поэта-эпигурейца.

ея плоскими равнинами, съ узкой и опрятной фили-
 нью, бѣдная произведеніями искусства, не давала ни-
 стетическимъ инстинктамъ Бѣдхера, и онъ, получивъ
 послѣ смерти отца небольшое состояніе, не медля
 въ колебаніи, переселился въ Римъ. Въ эту, лучшую
 иль и разцвѣта таланта, Бѣдхеръ не нашелъ ничего
 запереться въ кружкѣ художниковъ и любителей
 ства, въ то время, когда въ Европѣ гремѣла пѣснь
 рольдѣ, Байрона, котораго Римъ не усыпилъ, однако,
 твенностію. Бѣдхеръ мирно наслаждался жизнью,
 немногочисленнымъ дворомъ скандинавскихъ поэ-
 тцевъ, посѣщавшихъ Римъ. Безпечная праздность
 совъ Рима пришлась по сердцу Бѣдхеру, и онъ
 ее экскурсіями въ мѣстности, прославленныя кра-
 и, пріемомъ знаменитостей и вѣнчаныхъ особъ, лю-
 и искусствъ, и отдѣлкой немногочисленныхъ стихо-
 твъ, изъ которыхъ каждое есть перлъ по совершен-

оду, по смерти Торвальдсена, Бѣдхеръ привезъ въ
 изведенія знаменитаго скульптора, которыя онъ от-
 аварскаго короля, желавшаго пріобрѣсти ихъ для
 авъ ихъ въ копенгагенскій музей, Бѣдхеръ хотѣлъ
 Римъ, но поэтическая лѣнь рѣшила иначе. Отклады-
 го дня на день, потому что поэту претили хлопоты пе-
 наконѣцъ, свыкъся съ жизнью сѣвера. Въ небольшомъ
 й, съ гитарой и среди розъ, онъ мирно наслаждался
 ній волненій, потрясавшихъ Европу, чуждый и вели-
 во которыхъ раздавалось среди политическихъ бурь.
 философія его была философіею Анакреона, или вѣрнѣе
 когда не смущался думами о человѣческой душѣ,
 о благѣ человѣчества. Солнце, вино, цвѣты и бе-
 съ друзьями — вотъ все, что ему было нужно для
 я. Сильныхъ привязанностей, увлеченій, борьбы онъ
 какъ все это нарушаетъ безмятежное наслажденіе
 охотно помогать тому, кто являлся къ нему съ
 ощи, потому что видѣ чужого горя мѣшаетъ на-
 ему не было никакого дѣла до того, чего онъ не

ской лѣни Бѣдхеръ напечаталъ свои произведенія
 ., на шестьдесятъ-третьемъ году отъ роду, и они
 ьшой томъ. По смерти его былъ изданъ другой,
 ждое стихотвореніе этихъ томиковъ — перлъ худо-
 , 1883 г. I.

жественности. Наибольше крупное произведение поэма «Ветръ съ Бахусомъ», прелестный образецъ языческой поэзи, какъ о дѣлягъ ее Вордсвортъ. Поэтъ покидаетъ покрытыя росой поля на разсвѣтъ, осѣдлавъ мула, взбирается на гору Монте Сорто. Вся природа улыбается и поэтъ мечтаетъ о жизни древности. При видѣ древней цистерны въ каменной скалѣ, онъ восклицаетъ «эвоэ». Ему отвѣчаетъ тройное эхо, и вскорѣ изъ-за деревьевъ открывается алтарь Бахуса и группа сатировъ. Наконецъ и самъ хусть является ему. «Въ тихихъ грезахъ, на мраморномъ возлежалъ юноша съ сонной улыбкой на устахъ. Сандаля легко привязана къ его стройной ногѣ; одна рука поддерживаетъ голову, другая, обнаженная, лежала на столѣ, держа чашу. Только Фидій могъ-бы изваять эту руку. Глаза мои нѣсколько отстились, когда юноша обернулся и поднялъ на меня свой взоръ, потому что на полунощномъ небѣ нѣтъ звѣздъ болѣе ярче нежели очи его; взоръ мой былъ прикованъ яснымъ огнемъ и Юноша наливаетъ чашу вина и, въ отвѣтъ на восторженную хвалу поэта, холодно говоритъ: «не дурно». — «Да развѣ есть и шее!» восклицаетъ поэтъ. «Да», отвѣчаетъ юноша и ведетъ къ хижинѣ, прикрѣпленной къ скалѣ и поросшей плющемъ, и въ винный погребъ, гдѣ срываетъ кисти винограда и выжимаетъ ихъ въ кувшинъ. «Онъ наклонилъ кувшинъ, брызнувъ искры огня, слышался шелестъ виноградныхъ листовъ, и пещера наполнилась ароматомъ вина, смѣшаннымъ съ ароматомъ розъ и жасминовъ. Я пилъ, но глаза мои пристально смотрѣли съ золотое сіяніе и паръ вина; первое сверкало какъ лампа въ темнотѣ, второй превращался въ тонкое перловое покрывало, которое все казалось туманнѣе, но прекраснѣе, чѣмъ предъ мною. Мнѣ видѣлось, что колонны поднимались изъ пола и вѣдали высоко взвился куполь, а по алебастровымъ стѣнамъ съ плещущими волнующимися гирляндами. О, какой туманъ явственней! И вдругъ туманъ разсѣялся—боченки вина пестрели желтыхъ леопардовъ, тихихъ и суровыхъ, лежали, сложивъ лапы и сторожили меня. Тогда, отшатнувшись отъ видѣнія, я пошелъ къ юношѣ. Онъ оперся, величественный, на тушю, и взглядъ его былъ грозенъ. Я палъ передъ нимъ во прахъ и лепеталъ: «Діонисій!» — Поэтъ очнулся отъ грезы и увидалъ мула, терпѣливо ожидавшаго хозяина.

Вотъ содержаніе образцовой поэмы датскаго поэта. Цѣлой фаланги поэтовъ. Романтизмъ, который уводилъ ихъ отъ дѣйствительности къ созерцанію античной красоты, создавалъ въ Англіи своего поэта Китса; но въ англійскомъ обществѣ

регресса довольно живыхъ элементовъ, которые не дали
йти всецѣло въ эту поэзію античнаго севсуализма. Въ
да правленіе министерствъ Ливерпуля и Кастльри навоч-
ный сплинъ на всю Англію, Китсъ написалъ пламенное
еніе «Къ надеждѣ» и восклицалъ: «О дайте мнѣ видѣть,
ная страна спасетъ свою душу — гордость и свободу, не
тънъ свободы!» Китсъ измѣнилъ божествамъ Элады для
сторіи; Водхеръ издалъ въ Даніи свои перлы объ этихъ
къ въ 1856 году, когда ни одинъ изъ корифеевъ первыхъ
ихъ литературъ не сталъ-бы воспѣвать Діонисія и чашу его.
ръ умеръ въ 1874 г. въ маленькой улицѣ Копенгагена,
емь этажѣ, гдѣ онъ жилъ для того, чтобы всегда видѣть
Комнаты его были полны произведеніями живописи и
омъ. Онъ постоянно сидѣлъ на возвышеніи, у окна, и слѣ-
движеніями уличной жизни въ небольшомъ зеркалѣ, при-
къ къ рамѣ. Госсе, посѣтившій его, былъ удивленъ, видя,
идь его постоянно обращается къ зеркалу. Эта мелкая
рисуетъ безсодержательную старость, закончившую без-
ую жизнь родоначальника школы датскихъ поэтовъ. Онъ
въ октябрѣ 1874 года, вѣрный до послѣдней минуты при-
цѣлой жизни, и за нѣсколько часовъ до смерти пѣлъ
ни, подыгрывая на гитарѣ.

IV.

ерсенъ — европейская знаменитость; забытый въ наше время
его «Импровизаторъ» переведенъ почти на всѣ языки
и въ свое время считался образцовымъ и глубокимъ про-
емъ. Сказки его и въ наше время извѣстны всему міру и
извѣстны, пока не утратится вкусъ къ поэтическимъ прит-
нъ родился въ 1805 г. въ Одензе; отецъ его, бѣдный
икъ, страстный любитель чтенія, тяготившійся своимъ
къ, умеръ рано, и будущій поэтъ до конфирмаціи оста-
рукахъ матери, невѣжественной и суевѣрной, но доброй
По смерти Андерсена нашли ея письма къ нему, и изъ
но, что по оригинальности, остроумію и практическому
была достойною матерью человѣка, признаннаго Даніей
йшаго національнаго писателя.

енъ учился въ школѣ для бѣдныхъ дѣтей, а въ сво-
емя занимался театромъ маріонетокъ, на которомъ ра-
пьесы своего сочиненія. Копенгагенскіе актеры, давшіе
представленій въ Одензе, указали цѣль мечтамъ маль-
1819 г. онъ отправился въ Копенгагенъ, пробрался за

кулисы, заинтересовалъ актеровъ и поступилъ въ театральную школу. Но у него не было никакихъ сценическихъ способностей къ тому-же вскорѣ пропалъ у него голосъ, и онъ былъ принужденъ оставить школу. Къ счастью, меценатъ Рабекъ и нѣсколько извѣстныхъ писателей, слѣдившихъ за молодыми талантами театральной школы, приняли въ Андерсенѣ участіе и выхлопотали для него бесплатную вакансію въ латинской школѣ. Рectorъ ея ученый педантъ Мейслингъ, не понявъ оригинальнаго характера юноши и безопаздными насмѣшками надъ его эксцентричностью и наивностью заставилъ его выйти изъ школы. Андерсенъ въ это время сдѣлалъ себѣ уже имя поэмою «Умирающее дитя» и многими стихотвореніями, напечатанными въ «Летучей Почтѣ», журналѣ Рейнберга. Въ 1828 г. Андерсенъ поступилъ въ университетъ и въ слѣдующемъ году напечаталъ первое крупное произведеніе—описаніе путешествія пѣшкомъ по одной мѣстности Даніи и комическую пародію на трескучія романтическія драмы того времени. Затѣмъ, почти ежегодно, появлялось какое-нибудь произведеніе его: стихотворенія, романы, описаніе путешествій. Первые труды Андерсена были встрѣчены очень рѣзкими отзывами критики и это вмѣстѣ съ неудачею въ любви сильно подорвало его здоровье. Андерсену предписали путешествіе для излеченія малярией, и правительство дало ему субсидію. Онъ отправился въ Парижъ въ 1833 году, потомъ въ Римъ, гдѣ примкнулъ къ кружку Торвальдсена и Бѣдхера. Въ эту пору талантъ его вполне созрѣлъ и въ 1835 г. появился его «Импровизаторъ», въ которомъ онъ описываетъ жизнь Рима, а затѣмъ «О. Т.», романъ посвященный Даніи. Трудно найти писателя болѣе плодовитаго, нежели Андерсенъ. Онъ написалъ множество романовъ, драмъ, комедій, описаній путешествій. Въ 1853 г. появились первая ея сказки.

Болѣзненная тревожность натуры побуждала его безпрестанно путешествовать, а любовь къ людямъ столько-же, сколько и славы, номенальное, доходившее до ребячества тщеславіе — искать оцѣнъ и похвалъ. Кругъ знакомства Андерсена былъ громаднѣе, въ немъ находились и первыя знаменитости Европы, и простые смертные; похвала каждаго была равно дорога ему. Путешествіямъ и знакомствамъ, сколько и таланту, Андерсенъ былъ обязанъ быстрой извѣстностью. Онъ умеръ въ 1875 году, въ семьдесятъ лѣтъ, дружба, которая много лѣтъ заботилась о немъ. Радостное пожеланіе отъ торжественнаго празднованія цѣлою Даніею дня рожденія ускорило смерть Андерсена. Популярность его въ Даніи была настолько громадна, что ему еще при жизни поста-

оторую и открыли въ день его рожденія. Начиная отъ той семьи и до послѣдняго ремесленника, каждый датчанинъ долгомъ принять участіе въ торжествѣ. Послѣднимъ изъ произведеніемъ, интересовавшимъ Андерсена, были сказки индѣйскаго предшественника его, Бидпая. На его столѣ и смертномъ одрѣ нашли переводы лучшихъ вещей точнаго поэта.

Сенъ олицетворяетъ собою переходъ отъ романтическаго естественному идеализму. Тихой и наивной натурѣ его посебѣ среди ходульныхъ страстей, дикаго бреда и некихъ порывовъ романтической школы. Тѣхія, глубокія сельская идиллія, наслажденіе искусствомъ, сочувствіе къ имъ, не выходящее изъ рамокъ филантропіи, стремленіе къ чистотѣ—вотъ почти всѣ мотивы произведеній его. Все происхожденіе и первые годы жизни, проведенные въ наложилъ на всѣ произведенія Андерсена печать сентиментальнаго демократизма, за который онъ сталъ любимцемъ датскаго народа. Демократизмъ этотъ идетъ рука объ руку съ признакомъ благодушной опеки, и оттого по социальнымъ идеаламъ произведенія Андерсена недалеко ушли отъ сентиментальныхъ романовъ и иныхъ романовъ конца XVIII вѣка. Но; андесъ го что изъ произведеній Андерсена, равно какъ и прочихъ писателей, нельзя вывести никакого философскаго міровоззрѣнія и что идеи ихъ дѣтскія. Несмотря на поэзію, юморъ и яркость образовъ, въ нихъ нѣтъ никакой глубокой мысли, животрепещущаго вопроса, которые приковывали-бы читателя. Идеалы Андерсена — идеалы элементарной общечеловѣчности, обернутые въ наивную поэзію.

Онъ слишкомъ утомительно говорить обо всѣхъ, наиболѣе интересныхъ въ Даніи, произведеніяхъ Андерсена; поэтому мы остановимся не надолго на «Импровизаторѣ». Въ «Импровизаторѣ» изображенъ въ лицѣ талантливаго ребенка, воспитаннаго изъ мизантропа бѣдною крестьянкою, потомъ меценатами, изображенъ себя. Романъ этотъ, подъ личиною итальянскаго поэта-импровизатора, даетъ исторію и идеалъ эстетическаго воспитанія. Герой «Импровизатора» съ «Вильгельмомъ Мейстеромъ!» изображенъ поэтъ изобразилъ воспитаніе чловѣка, не исключая, и въ концѣ зрѣлости героя Гете является посвященіе общественное общество, имѣющее цѣлю возродить чловѣка. Герой Андерсена носитъ только съ своими личными переживаниями сухое слово, холодный взглядъ призрѣвшей его семьи — для него источникъ невыразимыхъ страданій; онъ за-

Въ 1841 году появилась первая часть «Адама Гомо», вторая же въ 1848 г. Брандесъ цѣнитъ эту поэму, какъ вѣрное изображеніе пошлости и ничтожества европейской реакціи противъ зума; «Адамъ Гомо»—эссенція этой пошлости и ничтожества и критикъ оны; но въ то-же время указываетъ и на ограниченныя идеаловъ, во имя которыхъ поэтъ осмѣливаетъ филистерство—не что иное, какъ эстетическая мораль и «закоренѣлая протестантская ортодоксія». Короткое изложеніе содержанія поэмы доставляетъ вѣрность отзыва датскаго критика. У бѣднаго пастора рождественскій вечеръ родился сынъ и отецъ видитъ въ этомъ предзнаменованіе будущаго величія ребенка; Адамъ—Божій подарокъ. Отецъ развиваетъ въ мальчикѣ разсудочность, мать—Семъ—непереводимое нѣмецкое слово, означающее душевное настроеніе благодушное и ясное. Вліяніе матеря остается сильнымъ и въ зрѣлѣтняго возраста героя; но затѣмъ оны напитывается черствой кофѣечною мудростью отца. Тутъ наступаетъ пора бурь и страстей. Герой влюбляется въ красавицу графиню, съ отчаяніемъ дается въ разгуль, заболѣваетъ смертельно, выздоравливаетъ и даетъ клятву возвратиться къ добродѣтели и порядку. Драматическимъ дѣломъ обращенія его—влюбиться въ идеальную дѣвственницу и обрѣчься съ нею. Свадьба отложена до того времени, когда оны ставитъ себѣ карьеру. Оны составляетъ ее неблагоустроенными и вопль законными средствами; вспоминая то время, когда оны какъ блудный сынъ, вернулся домой въ рубищѣ, и мальчикъ драматически нили его на улицѣ за торчавшіе изъ сапогъ пальцы, оны говоритъ «когда я прежде поклонился слѣпому язычеству, я бѣдствовалъ и давалъ одурачить себя игрою случая, а теперь я преклонился передъ Провидѣніемъ и чувствую въ себѣ необъятную силу, и никакая внѣшняя сила не можетъ остановить ту силу, свободу и великую, которая царитъ въ душѣ». Въ сущности сознание необъятной силы родилась въ тотъ мигъ, когда герой, измѣнивъ вѣрную любящей невѣстѣ, попалъ въ сѣти богатой кокетки, женившейся на себѣ, изъ вѣрнаго разсчета найти въ немъ удобно-вѣдимаго помощника. Жена Адама—грубо намалеванная карриатура неграго роиня Жоржъ-Занда, какъ того хотѣлъ авторъ, но глупыхъ и лживыхъ бабъ, исказившихъ идеалы гениальной французской писательницы. Адамъ Гомо, благодаря связямъ жены, попадаетъ въ большой свѣтъ и, наконецъ, пожалованный въ камеръ-юнкера, получаетъ ловкое выраженіе лояльныхъ чувствъ—и ко двору. Теперь оны наверху величія; но блаженство его коротко. Измѣны жены, которыя оны смотрѣлъ съ восторгомъ, пока соблюдались приличіемъ, становятся скандальными тѣмъ болѣе, что при дворѣ пошла мода на

Герой и самъ дѣлаетъ какую-то скандальную штуку, его изгоняютъ изъ эмпиреевъ большого свѣта. Пылая деніемъ, Адамъ Гомо превращается въ либерала. Но жизни филистерства достигается легче лояльными фразами, понадерганными изъ, такъ называемыхъ, субидей. Адамъ Гомо несетъ такую чепуху, что доводитъ чуть не до истеричной зѣвоты. И онъ долго-бы бѣдѣлибы не помогли европейскіе перевороты. Когда оканчиваются заигрывать съ либералами, Адамъ попадаетъ въ театръ и занимается театромъ. Онъ говоритъ высоко о томъ, что въ игрѣ нужна идея. Послѣ того, какъ оказалось ненужнымъ, Адамъ Гомо снова попадаетъ въ бѣду и, наконецъ, умираетъ въ больницѣ, гдѣ имъ невѣста Альма, избравшая себѣ долю сестры милой за нимъ. Доктора по смерти его дають о немъ о человѣкѣ нормальномъ во всѣхъ отношеніяхъ; а на плитѣ его вырѣзана надпись: здѣсь вкушаетъ вѣчный покой Гомо, баронъ, тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена...

Филистерства осмѣяна тонко и ядовито, но во имя создало ее по идеямъ самаго Палюдана-Мюллера? Стоило бы эстетически нравственнымъ человѣкомъ, питать идеализмъ, не жениться изъ расчета на двусмысленность, видѣть во власти не средство собственнаго благополучія, а священный долгъ, не увлекаться либерализмомъ и своимъ, а оставаться вѣрнымъ преданіямъ — и онъ мирно бы свой вѣкъ, вмѣсто того, чтобы быть игрушкой фортуны ранѣе, если-бы отецъ Гомо, вмѣсто черствой кощунственности воспитывалъ сына въ самой идеальной протестантской доктринѣ, а мать направляла его Gemüth къ высшимъ идеаламъ эстетики, — то Адамъ Гомо былъ-бы спасенъ. Датскій разрѣшаетъ проклятые вопросы крайне просто и прямо, какъ-бы узко и криво ни понималъ ихъ поэтъ, за себя. Разъ, если онъ взглянуть на жизнь глазами примиреніе съ нею возможно лишь въ томъ случаѣ, когда собенъ смѣлою и сильною мыслью чертитъ планъ иныхъ путей — ни-же мысль безсилна оторваться отъ идей, «всосанномъ матери», о которыхъ Палюданъ-Мюллеръ говоритъ въ своемъ умиленіемъ, то ему не справиться съ внутреннимъ конфликтомъ поэзія его вмѣсто культа жизни принесетъ смерть. Каланусъ — героиня лирическая драма Палюдана-Мюллера «Каланусъ и смерть». Каланусъ — герой поклонникъ Браммы,

философъ, пламенно ждетъ новаго воплощенія Брамъ для спасенія
 человѣчества. Онъ слышитъ о подвигахъ Александра Македонскаго
 и видитъ въ немъ Брамъ. Послѣ жаркой поэтической ~~кавалер~~
 восходящему солнцу, въ которой Каланусъ призываетъ огонь драки
 на землю, онъ добивается свиданія съ Александромъ, который
 начала встрѣчаетъ его съ небрежною спусходительностью, но ~~послѣ~~
 пораженный торжественнымъ пафосомъ, съ какимъ философъ ~~о~~
 рить о божественной миссиі Александръ и о бѣдствіяхъ ~~миро~~
 новъ, ожидающихъ отъ него спасенія, слушаетъ его внимательно
 и строить въ умѣ планъ покоренія пассивныхъ индѣйскихъ расъ.
 Два греческіе философа: сенеуалистъ и атеистъ—издѣвающіеся
 надо всѣмъ, Моисосъ и Пирронъ, скептикъ, терзающійся собствен-
 нымъ скептицизмомъ, вступаютъ въ пренія съ индѣйскимъ миста-
 комъ. Для Моисоса энтузіазмъ Калануса—штука ловкаго шута,
 желающаго попасть въ милость къ завоевателю; для Пиррона это не-
 вѣроятная тайна искренняго убѣжденія, занимательная по ~~возвратѣ~~
 Приходитъ Александръ со свитой, и весь ядъ, которымъ ~~наполн~~
 Калануса греческіе философы, исчезаетъ въ душѣ индѣйскаго фи-
 лософа, погружающагося въ упоеніе обожанія. Но вотъ божество
 вступаетъ въ бесѣду со своей свитой и выказываетъ себя ~~человѣ~~
 комъ полнымъ слабостей. Божество требуетъ вина, ~~жесток~~ на-
 чинается оргія, при которой Каланусъ присутствуетъ ~~врачій~~ и
 грозный, какъ судья. Въ то мгновеніе, когда Тавсія бросается въ
 объятія Александра, онъ становится между ними и грозитъ во-
 жомъ преступной гетерѣ. Александръ гнѣвно отталкиваетъ его и
 уходитъ съ пирующими доканчивать оргію. Оставленный Каланусъ
 полонъ невыразимаго отчаянія. Въ послѣднемъ актѣ Каланусъ къ
 которому Брамъ сошелъ въ сновидѣніи и показалъ ~~вѣстие~~ славу
 свою, не ждетъ болѣе воплощенія его во образѣ ~~человѣка~~ и рѣ-
 шился соединиться съ божествомъ самоожженіемъ. Александръ,
 котораго льстецы увѣрили, будто философъ сжигаетъ себя отъ
 отчаянія, что лишился милости его, приходитъ увѣрить ~~философа~~
 что болѣе не гнѣвается на него; но вмѣсто трепещущаго поклон-
 ника видитъ строгаго судью. Александръ приказываетъ, проситъ
 и, наконецъ, на колѣняхъ умоляетъ Калануса отречься отъ смерти.
 Но воля поклонника Брамъ сильнѣе воли владыки міра. И ~~павш~~
 скій философъ съ свѣтлымъ восторгомъ идетъ къ костру. Отъ-
 тивъ почетную стражу, приставленную къ нему царемъ, и сбросивъ
 съ себя всѣ полученныя въ даръ отъ него украшенія, Каланусъ
 сзываетъ своихъ соотечественниковъ, всходитъ на костеръ, и
 ваетъ къ Брамѣ и испускаетъ духъ среди пламени. Хоръ ~~поетъ~~
 о поглоченіи души Калануса вселенскимъ единствомъ Брамъ.

ая оцѣнку этой лирической драмѣ и другимъ про-
же рода, говорить, что трудно рѣшить чего въ нихъ
инныхъ или реакціонныхъ элементовъ. Къ этому
побавить еще, что революціонные элементы при-
но безсознательно для самого датскаго поэта. «Ка-
въ 1857 году, когда корифеи европейской лите-
ни жизни; а датскаго поэта мистическій идеа-
ъ апопеезу самозакланія, ненужнаго и бесплод-
и Палюдана-Мюллера, написанныя имъ во второй
все болѣе и болѣе проникнуты культомъ смерти.
его «Адонисъ», появившаяся въ 1874 г., есть
на смерти. Двѣ богини — Афродита и Персефона —
ъ надъ Адонисомъ. Юность и первые годы зрѣ-
о отданы Афродитѣ; но бурная власть богини
въ идетъ къ Стиксу. Хоронъ привозитъ его къ
орая, наполнивъ кувшинъ водою Леты, утоляетъ
Онъ засыпаетъ вѣчнымъ сномъ, обнявъ колѣна
въ на нихъ голову. Персефона, съ серьезной и
льбкой, склоняется надъ нимъ, радуясь побѣдѣ
перницей. Эстетическая и ортодоксально - про-
аль поэта могли привести его только къ гимнамъ

VI.

Мюллеромъ закончился циклъ датскихъ знамени-
тователей школы современныхъ поэтовъ. О послѣд-
нечего. Хотя они не уступаютъ въ художествен-
быть можетъ, и въ талантѣ, нѣкоторымъ изъ учи-
льзуются ихъ знаменитостью. При томъ-же и поле
протестантской морали выпахано до того, что
найдетъ болѣе на немъ пищи; времена Миль-
въ и Виландовъ прошли. Самый даровитый изъ
хъ романистовъ Бергзё, по таланту близокъ къ
Шпильгагенъ талантъ чуткій, отзывавційся на
ка, а Бергзё въ своихъ многочисленныхъ и яр-
яхъ рисуетъ только картины зла, какое несетъ
твенная аристократія и католицизмъ; онъ повто-
о чемъ цѣлый вѣкъ говорилось въ Европѣ, но
слышать того, что волнуетъ міръ теперь, и что
ль. Молодые поэты въ поэмахъ, въ родѣ «Ивара
отъ только національный демократизмъ, создающій
льмовъ-Телей; но не ищите у нихъ потрясающихъ

картинъ народной скорби. У датскихъ поэтовъ слишкомъ тическая закваска, и они неспособны остановиться на тѣхъ нищетахъ и горя подонковъ общества, которыя дали мѣру цузскому поэту Ришпену столько потрясающихъ темъ. Жизнь богата подобными темами, но у поэтовъ не видѣть ихъ. Въ Копенгагенѣ пролетаріатъ растетъ годъ. Бѣднѣйшіе кварталы города стали разсадниками въ 1853 году отъ холеры умерло въ немного дней ночлежные пріюты могутъ соперничать только съ палатами Вяземскаго; рабочіе и крестьяне бьются въ нищету, существуютъ на 112 марокъ въ годъ; это не стидливое медленное вымирание; католическая пропаганда усиливается отъ году, особенно въ Копенгагенѣ, и патеры лезутъ въ дѣло, устраивая пріюты, школы, ремесленные курсы и больницы. Чисто одѣтые и хорошо накормленные ученики и школь составляютъ безмолвную, но сильную пользу католицизма, въ сравненіи съ оборванными и голодовкой, учениками другихъ школъ. Датская литература лицъ наиболѣе талантливаго изъ молодыхъ представителей Бергзе и др., борется съ католической пропагандой приемами протестантской критики и шаблонныхъ поэтическихъ жиду», въ которыхъ католическіе патеры являются квинтъ-эссенція всякихъ чудовищныхъ злодѣйствъ, фальшь только они не ловкіе плуты, подъ личиной вѣры устроятъ жизнь Гаргантюа.

Отношеніе литературы къ женщинамъ—такой-же продуктъ жизненности ея, какъ и отношеніе ея къ народу. Датская литература ставитъ для женщины такой законъ: «какъ женщина относится къ Богу, такъ и женщина относится къ мужчине». Ни датскихъ романистовъ, начиная съ забытаго датскаго героя-Скота Ингемана, у котораго нѣтъ ни одной героини, минающей Клару Вернонь, и кончая романами Андерсена-Мюллера и самаго Бергзе, являются только иллюстраціи этого закона, который былъ сформулированъ применительно къ женщинамъ словами въ эпоху торжества реакціи и писателемъ, бывшимъ законодателемъ ея — Бональдомъ. Андерсенъ говоритъ: «женщины ступаютъ по острію мечей для того, чтобы быть близкими къ своему человѣку, и это еще не самыя несчастныя». Онъ говоритъ объ этомъ не только какъ о фактѣ, но видя въ немъ вѣнецъ женскаго совершенства. Лучшей характеристикой женщины можетъ служить сказка объ игрушечной девочкѣ, которая ползла за игрушечнымъ трубочистомъ сквозь тѣнныя

вернулась голова при видѣ выси и неба. Трубыль проводить ее назадъ къ ея игрушечнымъ обоямъ пошла на свѣтъ и ты теперь иди за мной — трубочиста, «много я не снесу».

Видѣть, что самыя наиболѣе прославляемыя качества датской литературы — гармонія и спокойная красота, въ очень чуждомъ — результатъ бѣдности мысли. Гармонія до некоторой степени — результатъ робости и недостатка мужества: не вѣдая братья за мѣръ дѣйствительности, съ его мѣрами, съ его разрывающими сердце противорѣчьями, въ его гени, взявшись за такую картину, въ сию гармонію, и совершенство. Въ европейскихъ литературахъ писатели, повинуваясь мощному призыву, не справляясь съ своими силами. Отсюда ошибки, и ошибки для критики датскимъ эстетикамъ. Датская литература такихъ ошибокъ, но такъ избѣгнуть — не удалось, потому что мы не взбирались на выси, «на выси грозила опасность паденія», говоритъ Брандтавиле другимъ взойти на Монъ-Бланъ; мы боимся шею и потому оставили несорваннымъ альпъ, который растетъ только на концѣ высочайшихъ горъ пропастей». Но если писателю, взбирающемуся на выси, суждено сломать себѣ шею, то въ самой высокой красоте; въ самомъ стремленіи его къ вышнему прекрасные тѣмъ, что онъ указывалъ дорогу на выси, ни ошибался писатель — онъ полезнѣе того, кому удалось взбраться на опасныя выси, а только издали и расплывающіяся въ облакахъ очертанія ихъ. Сила, манящая каждую живую силу, скрытыя красоты датской литературы непроницаемымъ туманомъ не отделяетъ, а обманываетъ.

Штрадтмана о датскихъ общественныхъ условіяхъ жизни и въ Даніи движется по общимъ законамъ: пропасти и поднимаются выси своимъ признаніемъ или непризнаніемъ существованія ихъ со стороны публики. Ничего въ неизбежномъ ходѣ вещей. Датского вѣка, какъ было уже выше сказано, родилась критика, слѣдовательно уже одинъ этотъ фактъ, что она созданіе болѣе головное, чѣмъ ораторство. Она не была плодомъ великаго общественнаго творчества англійская и нѣмецкая, созданныя реформы развившіяся подъ вліяніемъ прогресса науки и

мысли,—какъ итальянская и французская, родившіяся въ эпоху возрожденія, а потомъ идей энциклопедистовъ, а въ XIX вѣкѣ принявшія въ себѣ новыя элементы нѣмецкой философіи и эстетическихъ идей. Отчужденность датской литературы отъ действительности и витаніе въ превыспреннихъ сферахъ являются каждый проблескъ ея жизни.

Въ послѣдніе годы датская литература обратила вниманіе Европы явленіемъ крайне замѣчательнымъ и исключительнымъ—явилось Брандеса, который сразу занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ между европейскими критиками. Брандесъ—яркій и сильный талантъ, умѣющій въ немногихъ мѣткихъ словахъ опредѣлить сложныя стихіи мысли, чувства и жизни, создающія литературу и требующій, чтобы искусство было живымъ искусствомъ, а не праздною утѣхой. Онъ произнесъ беспощадный приговоръ не только надъ датской литературой, но и надъ самой Давіей. Когда Давіа овладѣвши страной, обозвали идеи Брандеса «петроградскими» и, огласивъ его черной овцой, изгнали изъ Копенгагенскаго университета, гдѣ онъ занималъ кафедру литературы. Имя Брандеса представляется фактомъ тѣмъ болѣе печальнымъ, что оно есть дѣло самого общества. Оно—дѣло многочисленной рабочей партіи, сильной вліяніемъ, и господству которой въ настоящее время не предвидится конца. Родится-ли современная датская литература и будетъ-ли Брандесъ для нея тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для насъ Бѣлинскій и Добролюбовъ—неизвѣстно.

Брандесу датская литература не могла дать никакого матеріала. Все въ ней расплывчато и малосодержательно: это—отвлеченности, «безполая существа», какъ зоветъ ихъ Брандесъ; искусство—не больше, какъ праздною мыслью раздѣленныя идеалы его—изящное филистерство, которое, встрѣтивъ свободную мысль, мгновенно сбрасываетъ кору изящества и выставляется грубымъ цинизмомъ все безобразіе своей ненависти къ прогрессу; наконецъ—фанатическій клерикализмъ, держимый въ своихъ рукахъ, полнѣйшее довольство собою личнаго эгоизма, народничество не отъ міра сего и—единственная характеристика, общая всѣмъ народамъ, даже бушменамъ—героическая національная защита. Вотъ стихіи, изъ которыхъ складывается датская литература; вотъ все, что она несетъ человѣчеству. Можно думать по этому, насколько должно быть плодотворно вліяніе въ ряду другихъ европейскихъ вліяній.

М. Цибриковъ

ВЪ КАРКИНЕЗСКОМЪ ЛѢСУ.

Романъ Бретъ-Гарта.

IV.

проснулась. Былъ уже день, но рано или поздно, — позволяли рѣшить постоянные, мягкіе сумерки лѣса. Она скрылась и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ, какъ представленнымъ глазамъ, разведенный ночью костеръ до послѣдней и до послѣдней кучки пепла. Проснулась ли она пришла-ли ночью безсознательно на какое нибудь дерево. Но взглядъ на дерево разсѣялъ ея сомнѣнія. Не было отверстіе ея страннаго жилища, и надъ отверстиемъ полосы древесной коры. У подножія сосѣдняго дерева висѣлъ застрѣленный медвѣдь. Онъ былъ ободранъ, и суроганіемъ замѣтила, что остовъ его уменьшился.

Она еще привыкнуть къ лѣсу, гдѣ, изъ за грохота деревьевъ, можетъ, въ любомъ направленіи, внезапно въ нѣсколькихъ шагахъ какое-нибудь существо, вдругъ вскрикнула, когда товарищъ ея вдругъ предсталъ.

— Хотите вы здѣсь перемѣну? спросилъ онъ. — Притоптанные костра лежатъ тамъ, подъ хворостомъ... Онъ указалъ на искусно разбросанные сучья и кору, скрывающую слѣды костра. — Не годится привлекать на это мѣсто внимание бродящихъ здѣсь охотниковъ и тѣмъ болѣе, что они вообще любятъ дѣлать пригдѣ видятъ остатки костра.

Она смиренно потупилась, слушая это наставленіе, въ

которомъ для нея звучалъ какъ-бы выговоръ за ея вчерашнюю прихоть.

— Каюсь, сказала она.—Ну, а это—развѣ не стоило обратить вниманія?

Она указала на трупъ медвѣдя. Но Ло былъ неумиленъ въ своей логикѣ.

— И отъ этого тоже теперь немного оставалось-бы, если бы вы предоставили звѣрямъ спокойно дѣлать свое дѣло.

— Каюсь, повторила она дрожащими губами.

— Вѣдь они живодеры и чистильщики лѣса, добавили они мягче.—Если вы здѣсь останетесь, то скоро привыкнете пользоваться ихъ услугами для содержанія въ чистотѣ вашего лица.

Тереза принужденно улыбнулась.

— Въ эту ночь пускай они довершатъ свое дѣло, добавилъ онъ.—Пока они не кончатъ, я перенесу нашъ костеръ въ другую сторону отсюда.

— Нѣтъ, воскликнула Тереза,—нѣтъ, пожалуйста! столько хлопотъ для меня? Не трудитесь и не рискуйте! слушайте меня,—пожалуйста, выслушайте. Я могу—я готова—я готова раюсь перенести въ эту ночь; могла-бы и въ прошлую, но мнѣ показалось такъ страшно... Притомъ-же,—она прошептала кою по лбу,—мнѣ кажется, я была не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Теперь уже я не буду такой глупой.

Она показалась ему такой разбитой и унылой, что успѣшилъ ободрить ее.

— Не лучше-ли будетъ, если я принищу вамъ другое жилище, пока мы не избавимся отъ этого трупа, который привлекаетъ сюда волковъ и можетъ привлечь и собакъ, и людей? Къ тому-же и пріятель вашъ, шерстяной, вероятно, вспомнить о медвѣдѣ, если онъ еще способенъ никуда вспоминать, и попытается найти его слѣды.

— Онъ—набитый дуракъ! громко и съ презрѣніемъ ствомъ прервала Тереза.—Не будь этого, онъ догадался бы откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ, и не упустилъ-бы изъ рукъ такое жалкое, слабое созданіе, прибавила она поглядѣла на свои нервно дрожащія руки.

— Но помощникъ его, быть можетъ, сочинилъ басню, будь басню насчетъ вашего побѣга.

езы сверкнули глаза.

Этой собаки можно всего ожидать. Чтобы спасти стацію, онъ способенъ божиться, что мои друзья засаду и напали на него десятеро на одного. Такъ, само себѣ представить! почти вскрикнула она, приунышенство отъ одной мысли о такомъ умаленіи ея мужества. Навѣрно, онъ уже всѣмъ рассказываетъ эту ложь.

Попнула ногой и дико осмотрѣлась, какъ-бы ища средоблачить обманъ. Ло обратилъ къ ней свое неподвижное лицо.

Эриффъ Доннъ, началъ онъ серьезно,—бываетъ недолго глупъ, когда охотится на звѣрей или на людей, но онъ не лжець. Последнее было-бы выгодно для васъ. Легче примирилась-бы съ мыслью, что васъ высада друзей, чѣмъ съ той, что вамъ удалось бѣжать.

Что же вы ждете, если онъ такой добрый человѣкъ? Она съ горечью.—Отчего вы не выдаете ему меня, за услуги вашему другу?

Даже не знаю его въ лицо, возразилъ Ло, поглядевъ прямо въ глаза своими ясными глазами.—Я обѣщаль охранять васъ здѣсь, и спрячу, какъ отъ него, такъ и отъ другихъ.

Она, ничего не отвѣчая, вдругъ бросилась на землю, ударивъ руками лицо и истерически разрыдалась.

Ло молча отворнулъ и, отстранивъ древесную кору, открылъ дупло. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вышелъ оттуда кой-какіе съѣстные припасы и простыя кушанья, отронулъ до плеча Терезы. Она испуганно взглянула на Пароксизмъ ея прошелъ, но слезы еще блестя на щекахъ.

Идите сюда, позавтракайте! сказалъ онъ.—Вѣдь вы не ѣли съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь,—то-есть цѣль!

Она не подумала объ этомъ, отвѣтила она съ блѣдной

лицомъ въ эту минуту его ношу, она вдругъ по-

чувствовала какую-то новую, странную для нея потребность услуживать и торопливо сказала:—Дайте, я понесу, что и будь! пожалуйста дайте!

И она попыталась взять чтонибудь у него изъ рукъ, но неохотно уступая ея просьбѣ, протянулъ ей, наконецъ, ружье.

— Возьмите, несите это; только осторожьѣе, оно жено.

Яркій румянецъ залилъ все лицо Терезы до самыхъ ней волосъ, когда она нерѣшительно взяла въ руки ружье.

— Нѣтъ, проговорила она вдругъ, поднявъ на Лодокъ покраснѣвшіе глаза;—нѣтъ, нѣтъ!

Онъ отвернулся съ видимымъ нетерпѣніемъ, показывая, что онъ не обратилъ вниманія на ея краску и не угадалъ ея значенія.

— Такъ отдайте мнѣ назадъ, если боитесь, сказала она, но она вдругъ перемѣнила рѣшеніе и, вмѣсто того, чтобы дать ружье, ловко вскинула его на плечо и пошла своимъ товарищемъ.

Они молча вышли изъ дупла.

Дорогой, Тереза не осмѣливалась прерывать молчу, но слѣдила съ живѣйшимъ вниманіемъ за всѣми ея движеніями, будто прикованная къ нему какою-то чарою силою. Ничто не ускользало отъ пронзительныхъ глазъ женщины: ни увѣренность, съ которою онъ по этому лѣсу, гдѣ не было тропинокъ, шелъ, ни съ которою онъ окидывалъ взглядомъ и узнавалъ знакомыя имъ деревья и просвѣты; ни молчаливое его чуть замѣтныхъ слѣдовъ птицъ и звѣрей; ни разсматриваніе имъ нѣкоторыхъ растений, которыя выкапывалъ и клалъ въ свою охотничью сумку. Когда наконецъ, изъ правильныхъ и свободныхъ дугобразныхъ ридоровъ внутренняго лѣса и вступили въ спутника кустарника, удивленіе, которое внушалъ Терезѣ его достигло той высшей степени, которая выражается въ немъ подражать. Въ совершенствѣ копируя походку и движенія своего спутника, она такъ добросовѣстность лась не отставать отъ него, что заслужила отъ него удовольствія, когда они пришли, наконецъ, къ цѣли,—

му, почернѣвшему пню, расщепленному давно когда-то молніи и лежавшему на густомъ коврѣ лѣсного кле-

Неудивительно, что вы такъ мѣтко угодили въ помощ-
 шерифа, если вамъ такъ хорошо знакомы охотничьи
 мы, весело сказалъ Ло, бросая на землю ружье.—Если вы
 етесъ здѣсь, то я смѣло могу предоставить вамъ одной
 ать маленькую прогулку, когда вамъ наскучитъ оста-
 ся въ дуплѣ.

Тереза, съ счастливымъ видомъ, принялась дѣятельно го-
 тить завтракъ, между тѣмъ какъ Ло собиралъ матеріалъ для
 большого костра, который вскорѣ ярко запылалъ возлѣ слом-
 аго дуба.

Завтракъ дѣлалъ честь Терезѣ. Для молодого охотника,
 вышшаго вести самый аскетическій образъ жизни и доволь-
 ваться пищей, приготовленной первобытнымъ способомъ,
 о тѣмъ-то въ родѣ откровенія узнать, что изъ муки съ
 и солью можно безъ труда готовить не только тя-
 е, но и легкое тѣсто; что нѣтъ надобности варить кофе
 сахаромъ въ густой сиропѣ, и что даже такое лакомое
 е, какъ жареная дичь, гораздо проще и скорѣе приго-
 дается на горячихъ угляхъ, чѣмъ въ золѣ или на палкѣ,
 ору приходится держать надъ огнемъ. Затронутый со сто-
 ны своего практическаго смысла, онъ съ удивленіемъ уви-
 ть, что это странное созданіе, несмотря на свои разстроен-
 нервы и непонятные порывы, одарено здравымъ рассуд-
 е. Была минута, когда онъ готовъ былъ проникнуться даже
 нымъ уваженіемъ къ этой женщинѣ, еслибы, среди ея
 рныхъ подвиговъ, на сковороду не упала, шипя,
 а глазъ крупная слеза. Онъ отнесся, впрочемъ, сни-
 тельно къ такому ея неумѣстному поступку и сдѣлалъ
 будто не замѣтилъ его; мало того, онъ оказалъ особен-
 ность именно этому блюду.

Онъ не менѣе, онъ предложилъ Терезѣ нѣсколько вопро-
 сительно новооткрытыхъ въ ней талантовъ. Оказа-
 то, во времена ея кочеваній съ труппою цирка,
 е разъ приходилось практиковаться въ кулинарномъ
 ствѣ. Но она терпѣть не могла заниматься этимъ, ни-

когда съ тѣхъ поръ не занималась и ни за что не хотѣла этого для «него». Ло догадался, что подъ этимъ нымъ мѣстоимѣніемъ подразумѣвается ея любовникъ Каро. Не чувствуя желанія вызывать подобныхъ воспоминаній, прекратилъ этотъ разговоръ, сказавъ:

— Не знаю, кто вы, и чѣмъ вы были, но, судя по тому что я вижу, вы вполне годились-бы въ жены пограничнику.

Она остановилась, посмотрѣла на него и спросила сколько хвастливо:

— Вы полагаете, что изъ меня вышла-бы хорошая сестра?

— Не знаю, спокойно отвѣтилъ онъ. — Я слишкомъ видѣлъ ихъ, чтобы судить объ этомъ.

Тереза, прочитавшая въ его ясномъ взглядѣ, что онъ говоритъ правду, замолчала.

По окончаніи обѣда, она вымыла въ сосѣднемъ скромный столовый сервизъ. Замѣтивъ при этомъ беспорядокъ своего платья и воротника, она проворно накинула на себя свою шаль и приколола ее, какъ носятъ мексиканки. Въ то же время Ло зарылъ остатки провизіи и посуду подъ каменнымъ рѣвшею золой и такъ-же искусно, какъ и передъ тѣмъ, скрылъ всякій слѣдъ костра.

— Хотя нѣтъ и тѣни вѣроятія, чтобы кто-нибудь зашелъ сюда, кромѣ васъ или меня, прежде чѣмъ мы вернемся ужинать, однако, все-же не мѣшаетъ быть осторожнымъ. Я провожу васъ теперь въ нашу хижину, хотя я готовъ и сдѣлать битву объ закладъ, что вы и безъ меня нашли-бы туда дорогу.

На обратномъ пути, Тереза опередила своего спутника и нарвала какихъ-то растений, замѣченныхъ ею подъ корою лѣсной тропѣ, и принесла ихъ Ло.

— Вы этотъ родъ ищете, — не такъ-ли? — спросила она, показывая на нихъ стѣнчиво.

— Этотъ самый, отвѣтилъ онъ съ радостнымъ изумленіемъ. Какъ вы это узнали? Развѣ вы знакомы сколько-нибудь ботаникой?

— Кажется, нисколько, сказала Тереза; — но вы знаете нѣсколько растений, когда мы проходили здѣсь давеча, примѣтила ихъ.

*) Бѣлая жена индѣйца.

откровеніе! Ло остановился и смотрѣлъ на нее съ скрываеваемымъ любопытствомъ, что она опустила глаза. можете-ли вы, по образцамъ растеній, которые я вамъ, подыскать подобныхъ? спросилъ онъ, вдаваясь въ свои выводы.

гогу.

по рисунку тоже?

по рисунку... пожалуй, даже и по одному описанію. долго ждала пауза.

скажите, что я вамъ скажу? У меня есть одна книга... она такъ, прервала она. — Вотъ съ этими вещами.

а. Какъ вы думаете, могли-ли бы вы...

возвѣтится, могла-бы!

а вы не знаете, что я хочу сказать, возразилъ непоколебимо Ло.

какъ не знать? Вы хотите, чтобы я искала растеній различныхъ видовъ, а вы будете подписывать подъ ними. Не такъ-ли?

взвѣтъ головой, хотя и обрадованный, но все еще не понимая, что она вполне поняла всю важность и великое значение этого рода дѣятельности.

должно быть, замѣтила Тереза тѣмъ чисто-женскимъ послескриптума, который, казалось, могъ-бы встревожить философское спокойствіе лѣсныхъ сводовъ, подъ которыми они шли, — должно быть, она придаетъ этому большое значеніе.

онъ увѣренъ, что подъ словомъ она Тереза подразумеваетъ науку. Онъ отвѣтилъ «да», и прибавилъ, думая о Линнеевскомъ обществѣ въ Санъ-Франциско, что они имѣютъ наиболѣе значенія рѣдкимъ видамъ.

она свыклась Тереза съ мыслью, что у Ло есть одна привязанность, но его открытое сознаніе въ томъ, что она поняла, что этихъ привязанностей нѣсколько, — не имѣетъ.

онъ? повторила она.

продолжалъ онъ невозмутимо. — Члены ботаническаго общества съ которымъ я веду переписку; они гораздо разнообразнѣе государственнаго межеваго общества.

— Такъ вы это собираете для какого-то общества? сила она, съ изумленіемъ поднявъ на него глаза.

— Разумѣется. Я составляю коллекціи и классифицирую. Намѣреваюсь... что тамъ? на что вы смотрите?

Тереза вдругъ отвернулась отъ него. Легкое прикосновеніе его руки къ ея плечу заставило ее вновь повернуть ему лицо. Она засмѣялась.

— А вѣдь я все время думала, что это для какой-нибудь душечки, сказала она, и... но тутъ уже одно усиліе голоса заставило ее громко и неподдѣльно расхохотаться. Это былъ первый разъ видѣлъ ее смѣющеюся не горькимъ смѣхомъ. Характеристично то, что онъ не находилъ во всемъ ея смѣхѣ ничего смѣшного и оставался совершенно серьезенъ. Она не укрылась, однако, перемѣна, происшедшая въ выраженіи лица Терезы, въ ея голосѣ и въ самомъ тонѣ ея разговора съ нимъ. Точно этотъ смѣхъ порвалъ какія-то путы, которыми она связывала себя, до этой минуты, освобождаясь отъ угнетающей неестественности и прекратилъ болѣзненное напряженіе ея нервовъ. Перемѣна въ ея манерѣ и въ ея и мягкій испанскій акцентъ, послышавшійся въ ея разговорахъ, были приняты Ло за слѣдствіе ихъ откровеннаго признанія вора, и онъ простился съ нею у входа въ ихъ жилище дружескою сердечностью, совершенно позабывъ, что это было всего лишь минуты, когда голосъ ея раздражалъ его.

Возвратившись подь вечеръ въ дупло, онъ не нашелъ тамъ ничего пустымъ. Но не было замѣтно никакихъ слѣдовъ присутствія или поспѣшнаго бѣгства. Напротивъ, внутренность дупла была убрана такъ точно волшебствомъ. Оно было прибрано и опрятно, какъ еще никогда не бывало.

Неровности пола скрылись подь свѣжею корою; мѣха лежали въ углу сложенные; на грубо-вытесанныхъ деревянныхъ полкахъ царствовалъ образцовый порядокъ; почернѣвшая труба была украшена листьями папоротника и пестрыми, полу-увядшими цвѣтами. Тереза, очевидно, одѣлась въ то платье, которое принесъ ей Ло, такъ какъ это старое платье висѣло на только-что вколоченныхъ въ стѣну деревянныхъ гвоздяхъ. Молодой человѣкъ озирался въ комнату съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и со-

Въ одинъ часъ были уничтожены всѣ воспоминанія его той жизни; ни одного слѣда его десятилѣтняго одинокозайничанья здѣсь не было оставлено ловкою рукою женщины. Мало того: казалось, она вѣчно тутъ жила, и то странное чувство говорило Ло, что еслибы даже она осталась здѣсь жить, то ему стало-бы теперь казаться, что хижина—ея собственность и только оставлена ему ею. Съ этимъ чувствомъ онъ раздвинулъ кору у отверстія и отправился отыскивать Терезу.

Изъ его тонкаго слуха, острыхъ глазъ и ненормально развитыхъ чувствъ это было легкимъ дѣломъ. Она ушла въ томъ направленіи, гдѣ они были утромъ.

Отъ времени до времени, Ло замедлялъ шаги и по его виду было видно, что онъ узнаетъ мѣста, гдѣ останавливалась Тереза; его удивляло, что она шла такимъ-же прямымъ путемъ, какъ и онъ самъ. Свернувъ, по привычкѣ индѣйцевъ, съ прямой дороги, онъ обошелъ кругомъ то мѣсто, гдѣ находилась Тереза, и вышелъ къ ней съ противоположной стороны. Само собою разумѣется, что онъ явился такимъ образомъ неожиданно для Терезы, и, однако, Ло былъ изумленъ не столько, сколько Тереза, и, впрочемъ, не больше чѣмъ она.

Онъ съ трудомъ узналъ ее. Она была въ томъ платьѣ, которое онъ принесъ ей за день передъ тѣмъ: это было старое, поношенное платье Нелли Виннъ, выпрошенное имъ у одного бѣднаго эмигранта, отправляющагося на работы въ копахъ. Прибѣгая къ этому обману, онъ оправдывалъ свою совѣсть тѣмъ, что сознается въ немъ только тогда, когда Тереза будетъ въ безопасности.

Обѣ женщины были почти одного роста и одинаковаго сложения и хотя Тереза была нѣсколько полнѣе, тѣмъ не менѣе платье сидѣло на ней ловко и возвышало ея красоту.

Въ то послѣднее обстоятельство Тереза, повидимому, вовсе не обратила вниманія въ ту минуту, когда передъ нею явился Ло. Она замѣтила только, что на ней новое платье и это заставило ее удивиться. Поздоровавшись, она, первая, заговорила о новомъ платьѣ. Она пожалѣла, что оно сшито не изъ болѣе тонкой и грубой матеріи, и прибавила, что такъ какъ ей

нельзя теперь носить свою шаль по-мексикански, въ мантильи, то ей понадобится шляпка.

— Только, пожалуйста, не выпрашивайте для меня довь у вашихъ знакомыхъ молодыхъ дамъ. Купите ихъ для меня. У меня еще остается довольно денегъ на это.

Ло отстранилъ нѣсколько золотыхъ монетъ, вынутыхъ изъ кармана, и лаконически напомнилъ, что эти покупки могутъ возбудить подозрѣнія.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала она, расхохотавшись. — *gamba!* какой я осель! Погодите, я знаю, что мы сдѣлаемъ. Купите мнѣ простую войлочную шляпу—мужскую; да и бѣ встати, вмѣсто этого звѣря.

Она указала на шапку изъ лисьяго хвоста, которую носилъ зимой и лѣтомъ.

— Тогда я вамъ покажу фокусъ. О, вы увидите, что не даромъ завѣдывала театральнымъ гардеробомъ.

Дѣйствительно, принесенная, спустя нѣсколько дней на превратилась, съ помощью шелкового носоваго синяго галочьяго пера, въ восхитительный головной уборъ.

Хотя Ло и не совсѣмъ одобрительно относился къ Терезы, но это чувство было скоро заглушено служебными услугами, которыя она оказывала ему въ качествѣ его помощницы по собиранію растений. Она, въ тотъ-же день, не только доставила ему коллекцію, но и отыскала нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ, еще не попавшихъ въ число образчиковъ флоры китайскаго лѣса. Ло былъ въ восторгѣ и, въ награду за труды, сѣлъ съ нею у костра, нѣкоторые эпизоды изъ теперешней жизни и подѣлился съ нею воспоминаніями детства.

— Вы ничего не знаете болѣе о вашемъ отцѣ? сказала она.—Пытался онъ когда-нибудь отыскать васъ?

— Нѣтъ; зачѣмъ? невозможно отвѣтилъ Ло.— Онъ не проказецъ.

— Нѣтъ? онъ былъ скотъ! замѣтила Тереза въ положительномъ.—А мать ваша? вы помните ее?

— Нѣтъ; я думаю, она умерла.

— Вы думаете, а не знаете?

— Нѣтъ.

— Такъ и вы тоже—скотъ! рѣшила Тереза.

и на такую откровенность, они пожали другъ дру-
щаясь на ночь, и Тереза, какъ бѣлка, проскольз-
ла мимо огня. Ло растлнулся на землѣ, ногами
по индѣйскому обычаю, а руки и плечи его покои-
тничьей сумкѣ, почти скрытые во мракѣ.

По обыденнымъ образомъ закончились эти три пол-
дня. Никто не тревожилъ нашихъ знаком-
ыхъ убѣжищъ, и даже тонкія чувства Ло не могли
замѣтить признака того, чтобы чья-нибудь не-
го переступала предѣлы этого царства тѣней.

Интересовавшіеся событіями дня въ Индѣйскомъ
говорили о побѣгѣ Терезы, а въ концѣ концовъ
заклученію, что она ушла уже далеко и должна
бывать гдѣ нибудь въ округѣ Золо.

Скажите-ли, спросилъ однажды Ло Терезу: — въ кото-
ры перерѣзали веревки и убѣжали?

Прижала свои руки къ глазамъ и вискамъ.

Около трехъ часовъ, отвѣтила она.

Семь вы были уже здѣсь. Порядочный-же конецъ
въ четыре часа!

Можетъ быть, не знаю, сказала она, и голосъ ея сно-
ва прежній тонъ.— Не спрашивайте меня—я бѣ-
жала по дороге.

Она отняла руки отъ глазъ, лицо ея было совер-
шенно, дыханіе ускорено, какъ-будто она только сей-
часъ бѣгствомъ отъ преслѣдованія.

Вы полагаете, что я здѣсь безопасна? спросила
она о погоды.

Конечно, пока они не убѣдятся, что васъ нѣтъ въ
окрестностяхъ, они начнутъ искать васъ здѣсь, и тогда
будетъ бѣжать въ Золо.

Она вынужденно улыбнулась.

Что возьметъ у нихъ времени обыскиваніе Золо...

Но я вамъ надоѣла...

Она нота, прозвучавшая въ этой фразѣ, осталась
молодымъ человѣкомъ.

Въ концѣ концовъ, добавила она съ нѣкоторою робо-
тностью успѣю собирать для васъ растеній.

Конечно!

— И дать вамъ еще нѣсколько уроковъ въ кунискусствѣ.

— Пожалуй.

Добросовѣстный Ло, привыкшій все понимать брѣвѣ, усомнился въ ея практичности. Какъ могла она такъ смотрѣть на свое положеніе?

Дѣйствительно, какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдніе дни, она выказала большое легкомысліе. Погруженная кую-то сладостную истому, которая, казалось, прокинула ея существо въ этой лѣсной тишинѣ, она проводила часы въ полномъ умственномъ и нравственномъ покое. Вѣтеръ вливался въ ея душу, какъ бальзамъ съ листьевъ сосны, вокругъ нея столѣтнихъ великановъ, освѣжалъ ее, и ласкалъ вѣтерокъ, и нашептывалъ ей пѣсню о забвеніи, о спокойствіи въ настоящемъ. Тѣмъ лучше, чѣмъ такая мечта о будущемъ не прокрадывалась въ ея спокойное существованіе. Мелкія заботы дня, отъ которыхъ хозяйственныя работы, короткія бесѣды съ молодежью, самъ онъ, представлявшійся ей живымъ центромъ окружающаго ихъ тихаго гостепріимнаго общества, этого было вполне достаточно для того, чтобы заполнить всю ея жизнь. Она не досадовала болѣе на то свое положеніе, въ которое невольна стала относиться въ первый же день своей жизни въ лѣсу. Сама не зная, что случилось, она начала смотрѣть на этого человека, который гораздо моложе ея, какъ на какое-то высшее существо. Хотя понимала что это нисколько не вредитъ ея естественной красотѣ, все-таки была не прочь спуститься съ этой обаятельной высоты.

Недѣля прошла довольно однообразно. Дни проводила только къ ужину, который происходилъ въ дуплѣ, сдѣланномъ, благодаря окончательному разрушенію трупа медвѣдя, болѣе безопаснымъ убѣжищемъ, въ какомъ открытое мѣсто у сломеннаго дерева.

Въ первый изъ этихъ дней Тереза встрѣтила кимъ-то предубѣжденіемъ, невнимательно выслушавъ новости, принесенныя имъ изъ Индѣйскаго Ключа, предлогомъ усталости, рано ушла въ свой уголокъ, и

къ костру, разводившемуся теперь далеко отъ что, благодаря своимъ укрѣпившимся нервамъ муся къ ней мужеству, Тереза уже не боялась а. Во второй разъ, онъ нашель ее за писаніемъ аго весьма замѣтные слѣды слезъ. Кончивъ, она отдать его на почту въ Индѣйскомъ Ключѣ, въ два долженъ былъ прійдти отвѣтъ на ея имя. когда я получу письмо, вы, надѣюсь, остане- сказала она.

къ? чѣмъ? спросилъ молодой человѣкъ.

увидите, отвѣтила она, протягивая ему свою у.—Спокойной ночи.

въ вы не можете теперь-же сказать мнѣ? воз- держивая ея руку.

дите дня два. Вѣдь недолго, отвѣтила она,

рошли. Между Терезой и Ло успѣли вполнѣ и прежнія товарищескія отношенія, когда насту- которое онъ долженъ былъ идти въ почтамтъ Ин- ча за отвѣтомъ на ея письмо. Бесѣдуя съ нею онъ снова заговорилъ о своемъ будущемъ и вы- чее желаніе быть причисленнымъ, въ качествѣ гателя, къ одной изъ государственныхъ межевыхъ Тереза, шутя, подала мысль, что она переодѣнет- е платье и будетъ сопровождать его, въ качествѣ

мѣюсь, что къ тому времени вы будете уже у ва- и въ безопасности, возразилъ онъ.

къ друзей... въ безопасности, тихо повторила друзей—да!

о затруднительное молчаніе. Вдругъ Тереза ве-

же ваша возлюбленная? Отпустить она васъ, й?

ничего не говорилъ ей объ этомъ, отвѣтилъ онъ отчего-же-бы ей быть противъ этого?

воскликнула Тереза съ невольнымъ раздра- гивъ? Да! посмотрѣла-бы я, какъ-бы она была

Она проводила его нѣсколько шаговъ, до начала тропы, и тамъ они спокойно простились. На пыльной бушевалъ вихрь, проникавшій подъ своды лѣса то видѣ легкаго утренняго вѣтерка и съ тихимъ рокотомъ жимъ на воркованіе голубей, качавшій надъ Терезой деревьяевъ. Никогда еще лѣсъ не производилъ на кого отраднаго впечатлѣнія покоя и безопасности природы и жизни, какъ въ эту минуту; всякое вторженіе въ внѣшней жизни, хотя-бы въ формѣ письма, показавшій ей теперь какимъ-то святотатствомъ. Она бродила, съ приѣмомъ Ло на плечѣ, и съ наслажденіемъ упивалась съ ароматнымъ воздухомъ лѣса.

Вдругъ какое-то странное ощущеніе, въ родѣ парализовало ея нервы и заставило ее остановиться. Всѣ ея мускулы неестественно напряглись и обострились: ей какъ будто общился чуткій инстинктъ Ло. Не оборачиваясь, она мая даже головы, она стрѣлой понеслась прямо въ дереву. Но вдругъ ноги ея отказались служить и ея ея ослабѣли, какъ парализованные: надъ ея ухомъ послышалось:

— Тереза!

Это былъ тотъ самый голосъ, который въ послѣдніе года звучалъ ея уху всѣми тонами: и нѣжностью, и любовью и бѣшенствомъ; голосъ, который при всей его грубости и мелодичности, наполнялъ ея сердце восторгомъ или ужасомъ. Но этотъ голосъ прозвучалъ ей въ послѣдній разъ въ этотъ день, когда она вошла въ Каркинезскій лѣсъ, и съ тѣхъ поръ вотъ уже цѣлая недѣля—онъ сталъ для нея голосомъ вѣща, слышавшимся изъ могилы. Это былъ голосъ ея сына—Дика Карсона!

V.

Вѣтеръ дулъ въ лицо незнакомцу и Тереза ощущала присутствие только тогда, когда онъ былъ уже близко. Это былъ человѣкъ ростомъ выше шести футовъ, широко сложенный, съ нѣкоторою наклонностью въправо. Густая, коротко подстриженная борода и у

большой, красивый ротъ, который, когда Карсонъ
нъ, гармонировалъ своею постоянною, добродушно-
о улыбкой съ выраженіемъ свѣтлыхъ голубыхъ
омъ его можно было назвать изящнымъ для этой
и вообще онъ имѣлъ видъ свѣтскаго человѣка,
го по понятіямъ Санъ Франциско, Сакраменто или
й Границы. Онъ подходилъ къ Терезѣ, улыбаясь
я руку.

здѣсь! проговорила она, задыхаясь, и отступила

ко не смущенный и не обиженный такимъ пріе-
просто отвѣтилъ:

Я знаю, что ты меня не ожидала. Но Долоресъ
тѣ твоё письмо—и, вотъ, я здѣсь, съ полною го-
омочь тебѣ, съ двумя людьми и лишнею лошадыю.
на краю лѣса, у тропинки.

ты... здѣсь? повторила она.

пожалъ плечами.

да. Я понимаю, что ты не ожидала когда-нибудь
я, тѣмъ болѣе здѣсь. Согласенъ. На твоёмъ мѣстѣ
не менѣе удивленъ. Скажу болѣе: ты навѣрное
ы никогда не видѣть меня болѣе—нигдѣ. Но не
ѣло—разъ, что я уже здѣсь. Я прочелъ твоё пись-
оресъ, узналъ изъ него, что ты скрываешься здѣсь,
тѣ носомъ Донна,—между тѣмъ какъ онъ рыщетъ
ею арміею, лая на пустое дерево, — и рѣшился
сюда съ двумя надежными друзьями, чтобы сти-
у него изъ подъ носа и увести въ Юбу. Вотъ

ь смѣла она показать тебѣ мое письмо?! Тебѣ! Тебѣ
сти! Какъ смѣла она обращаться къ твоей помощи?
крикнула Тереза.

вовсе не обращалась къ моей помощи, отвѣтилъ
.—Будь я проклять, если она не воображала, что
забавно узнать, что ты голодаешь, и что на тебя
лаву, какъ на звѣря. Она думала, что я выдамъ

нъ! съ бѣшенствомъ закричала Тереза.—Она была
нъ! Лучшимъ другомъ, чѣмъ тѣ, кто выдавалъ

себя болѣе, чѣмъ за моихъ друзей, добавила она тельной миной и брезгливо подобрала свое платье, лась замараться прикосновеніемъ къ Карсону.

— Ну, ладно! Объ этомъ ты поговори съ ней свиданіи, продолжалъ онъ съ философскою невозможностью — Дорогой мы потолкуемъ, а теперь главное — выходи скорѣе изъ этого лѣса. Идемъ!

Единственнымъ отвѣтомъ Терезы былъ презрительный взглядъ.

— Да ну, ладно... брось все это, успокоительное. — Идемъ-же. Вѣдь ждутъ.

— Пускай ждутъ. Я не пойду.

— Что-же ты будешь дѣлать?

— Останусь здѣсь... пока меня не съѣдятъ волки.

— Тереза, послушай! Брось все это, Тереза! выслушай-же меня! крикнулъ онъ. — Клянусь тебѣ, что забыто. Что было — то прошло; я переверну страницу и вернешься, какъ ни въ чемъ не бывало, и займусь прежнемъ мѣсто. Съ моей стороны все улажено. Если только это беспокоитъ, если только это мѣшаетъ, то совершенно успокойся. Ну, Тереза! Идемъ-же, мы идемъ!

Не обращая вниманія на ея ледяную неподвижную стывшій взглядъ, или не замѣчая ихъ, онъ попытался схватить ее за руку; но она вырвалась, отскочила назадъ и прислонилась къ стволу дерева, какъ дикій звѣрь, готовый броситься на добычу.

Когда она выпрямилась, Карсонъ сложилъ руку на кинжалъ, который она вытасила изъ своего чухача, въ ея рукѣ...

Карсонъ стоялъ выпрямившись, безмолвный и неподвижный. Лѣсные великаны возвышались вокругъ такъ-же неподвижны. Ни одинаго звука не слышно было подъ шумъ сводами. Но вдругъ поднятая рука Терезы начала медленно опустилась; ножъ выпалъ изъ разжатыхъ пальцевъ.

— Это хорошо только въ театрѣ, сказалъ Карсонъ своимъ прежнимъ насмѣшливымъ тономъ, однако, съ чувствомъ облегченіемъ. — Ты, я вижу, все прежняя. Если ужъ не хочешь идти со мною, то иди одна.

и бѣги. Дикъ Ашлей и Петерсъ проводятъ тебя за
гору. Нужны тебѣ деньги?.. Вотъ.

вынулъ изъ кармана кожаный кошелекъ.

Или не хочешь брать у меня?—Онъ колебался, не по-
тѣя.—Такъ займи у Ашлея; при немъ ихъ довольно.
Тереза, казалось, не слыхала его словъ; въ смущеніи, она
сидѣла, чтобы поднять кинжалъ и, проворно спрятавъ
его, отвернулась и стала нервно дрожащими пальцами обры-
сать стволъ съ ближняго дерева.

Что-же ты молчишь?

Мнѣ не нужно денегъ, и я останусь здѣсь. Она нерѣ-
шительно обернулась и съ усиленіемъ прибавила: — Я вѣрю, что
ты желаешь мнѣ добра. Положимъ... забудемъ прошлое. Ты
скажи мнѣ, что я — все прежняя Тереза. Твоя правда; — все
то же, поэтому мое мѣсто скорѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ-бы то ни
было.

Ее речъ, слышавшаяся въ ея тонѣ, возбудила нѣкоторое
впечатленіе въ Карсонѣ.

Чер.... Все глупости! сказалъ онъ нетерпѣливо.— Да
же, наконецъ, просто, что ты идешь, Тита, и...

Тереза прервала его отрицательнымъ жестомъ.

— Ты не понимаешь меня, сказала она.— Я остаюсь здѣсь.

— Но даже если тебя не найдутъ, вѣдь не можешь-же ты
жить здѣсь всю жизнь. Твоя подруга, — о которой ты пи-
сала, — какъ она ни добра къ тебѣ, все-же не станетъ содер-
жать тебя вѣчно. Да и увѣрсна-ли ты въ ней, что она тебя не
покинетъ?

— Это не женщина, а мужчина! коротко проговорила Те-
реза, покраснѣла до самыхъ ушей. — Кто тебѣ сказалъ, что
я женщина? прибавила она запальчиво, стараясь замаскиро-
вать свое смущеніе подъ этой будто-бы невольной вспыш-
кой. — Или опять твое лганье:

Карсона, на минуту совсѣмъ было потерявшія свое
обыкновенно-насмѣшливое выраженіе, сложились такъ, какъ
будто онъ собирался свистнуть. Онъ съ любопытствомъ
възглянулъ на платье Терезы, ея шляпку, широкую ленту,
завязанную ея черные волосы, и проговорилъ: — Ага!

— Это одинъ бѣднякъ, свято хранящій мою тайну, торопливо
сказала Тереза. — Онъ такой-же одинокій и покинутый, какъ

и я. Да, продолжала она, не обращая вниманія на скуую усмѣшку Карсона, — этотъ человѣкъ все дѣлать со

— Понятно, вставилъ Карсонъ.

— Онъ покинулъ свой единственный кровъ, что мнѣ въ немъ убѣжище, машинально продолжала она, заглушить новую тягостную мысль, которую пробудилъ его слова.

— И такъ бережешь твою репутацію, что постучеть въ Индѣйскомъ Ключѣ, добавилъ Карсонъ. — По

Тереза страшно поблѣднѣла. Карсонъ ожидалъ вспышки гнѣва, пожалуй, даже новаго покушенія; вся разбитая и подавленная, устремила на него умоляющій взглядъ.

— Дикъ, Бога ради, не говори этого!

Карсонъ нѣсколько удивился. Свойственное ему нѣкоторое инстинктивное рыцарское чувство взяли пожалъ плечами.

— Что бы я ни говорилъ, Тереза, и что-бы ни намъ нѣтъ надобности ссориться изъ-за этого. Я никакихъ правъ на тебя, — это я признаю. Только... казаться смѣшнымъ, особенно сильная у людей его окончательно взяла верхъ, — только не рассказывай что я приходилъ сюда, чтобы... чтобы вырвать тебя шерифа.

Онъ искренно засмѣялся, скорчилъ гримасу и чтобы уйти.

Тереза не раздѣляла его хорошаго расположенія. Какъ ни неприятно было-бы ей, еслибы вырванія признанія вызвали въ Карсонѣ ревнивое чувство, вести его Богъ знаетъ какъ далеко, однакоже ее и то равнодушіе, съ которымъ онъ отнесся къ ней. Ей было тяжело, что этотъ человѣкъ по своему ведетъ ея отношенія къ Ло. Ее оскорбляло и мучило.

Но всѣ эти чувства были моментально заглушены, когда Карсонъ, поднявъ глаза, вскрикнулъ за револьверъ. Тереза, взглянувъ въ ту сторону, глядѣлъ, поняла, что наступаетъ критическая минута. Подъ темнаго лѣснаго свода выступилъ Ло; каталась неизбѣжной.

едва успѣла прошептать умоляющимъ тономъ:
 а ради, не говори ему ни слова!
 фигура Карсона мгновенно преобразилась. Теперь
 не болтовня съ капризной женщиной; теперь онъ
 о съ мужчиной.
 приближеніемъ красивой фигуры Ло, Карсонъ принялъ
 ясная ясно говорила, какъ онъ намѣренъ его встрѣ-
 что? мулатъ или акробатъ, или то и другое вмѣ-
 нилъ онъ съ притворнымъ любопытствомъ.
 екая флегматичность Ло дѣлала его нечувствитель-
 подобнымъ выходкамъ. Онъ обратился къ Терезѣ,
 вѣсь не замѣчая третьяго лица.
 воротился, когда замѣтилъ, что здѣсь чужіе, спо-
 звалъ онъ;—я полагаю, что могу быть нуженъ вамъ.
 въ первый разъ замѣтила, что, кромѣ ружья, у него
 ясомъ револьверъ и охотничій ножъ.
 ? проговорилъ Карсонъ, неудачно пытаюсь подра-
 кровію Ло.—Но такъ какъ я не чужой этой дамѣ,
 шнее, тѣмъ болѣе, что двое моихъ друзей...
 ждаются, съ лошадыю въ поводу, у опушки лѣса,
 въ Ло, продолжая не глядѣть на него и обращаться
 ѣ.
 то правда, сказала она молодому человѣку съ лихо-
 торпливостью,—это старый другъ.—Она бросила на
 ѣтлый, умоляющій взглядъ.—Это старый другъ... онъ
 помочь мнѣ выбраться отсюда; онъ добрый, очень
 бращалась она то къ тому, то къ другому.—Но я го-
 спѣшить не зачѣмъ... по крайней мѣрѣ, не сегодня...
 что и вы тоже очень, очень добрый—и позвольте
 побыть здѣсь, пока вашъ планъ... знаете, тотъ планъ...
 а на Ло умоляющій взглядъ,—пока онъ не выпол-

, въ подавляющемъ сознаніи, что причина ея вол-
 авданій, объясненій совершенно ясна для обоихъ
 она умолкла, дрожа всѣмъ тѣломъ.
 такомъ случаѣ, этотъ джентльменъ могъ-бы прямо
 не задѣвая моихъ друзей, саркастически замѣтилъ

— Я не видалъ вашихъ друзей и не подходилъ возразилъ Ло, въ первый разъ бросая на Карсона уничтожающаго равнодушія.—Иначе, быть можетъ не было-бы здѣсь, или ихъ тамъ. Я и безъ того за нѣсколько минутъ, въ лѣсъ вошелъ какой-то чужацъ. Въ лѣсу дожидаются двое людей съ четырьмя лошадьми.

— Это правда, волнуясь, обратилась Тереза къ Карсону. Это правда! Онъ все знаетъ. Онъ видитъ, не глядя, не слушая. Онъ... онъ... она заикнулась, покраснѣла.

Мужчины обмѣнялись взглядомъ. Карсонъ, въ виду своего добродушному побужденію, готовъ былъ откровенно сказать Терезы. Онъ сознавалъ, что не любитъ ее болѣе, чѣмъ можетъ жеть, поэтому самому, она пробудила въ немъ новое чувство. Съ своей стороны, и Ло не сознавалъ въ себѣ ничего похожаго на страсть. Ничто рѣшительно не помѣшало ему спокойно отпустить ее съ другимъ, еслибы этого было достаточно для безопасности. Оба были людьми съ довольно утонченными вкусами и чувствами, и однако въ обоихъ дремало какое-то жестокое, звѣрское, толкавшее ихъ, въ присутствіи другъ на друга.

Еще одно слово—и началась-бы вступительная часть Иліады. Но новѣйшая Елена предвидѣла это и предупредила столкновеніе: съ чисто женскою, геническою хитростью, она незамѣтно вынула спрятанный ножъ, какъ будто нечаянно, уронила его на землю. Карсонъ кивнулъ остриемъ земли и упалъ между двумя мужчинами.

Оба отступили и съ глуповатымъ видомъ посмотрѣли на друга. Карсонъ засмѣялся.

— Эта можетъ и сама позаботиться о себѣ, сказала Тереза, протягивая Ло руку.—Я ухажу. Впрочемъ, если бы Карсонъ добился, она знаетъ, гдѣ меня можно найти.

Ло взялъ протянутую руку, и ни одинъ изъ нихъ не взглянулъ на Терезу. Враждебнаго отношенія какъ не бывало; они обмѣнивались совѣтами, предостереженіями, совершенно забывъ объ ея присутствіи. Но что она ближе всего заинтересована въ ихъ словахъ, наконецъ, Карсонъ кивнулъ ей на прощанье головой, и Тереза осталась проводить его до лошадей, и Тереза оста-

оставалось настолько самолюбія, чтобы понять, какъ, выпавшая ей въ этой сценѣ, унизила ее въ глазахъ, что всего хуже, снова лишила ее уваженія Ло, пришлось снискать въ послѣднее время своимъ самонадеянностямъ. Они обошлись съ нею какъ съ дѣвчонкой или, какъ сумасшедшею женщиной и, можетъ быть, въ глубинѣ души осуждаютъ ее или даже жалѣютъ! А между тѣмъ она предупредила ссору, борьбу,—быть можетъ, даже спасла одного изъ этихъ людей. Никто не зналъ лучше, какъ подобныя столкновенія, начавшіяся изъ-за мелочей, могутъ кончиться въ страшной развязкѣ. Поймутъ-ли они, что Ло когда-нибудь и извинитъ-ли ее?

Она взглянула глазами своими маленькими, смуглыми руками на землю. Сквозь слезы глядѣла она на величавыхъ свидѣтелей ея разочарованій и страстей, и въ душѣ ее, какъ прежде, почерпнуть утѣшеніе и силу въ ихъ спокойствіи; но и они на этотъ разъ какъ будто отталкивали ее и отталкивали ее.

Когда онъ возвратился, она пыталась прочесть въ его глазахъ, что произошло между нимъ и ея бывшимъ мужемъ. Ло казался нѣсколько разсѣяннымъ, но болѣе ничего не могло подмѣтить въ немъ, и Тереза принуждена была вести разговоръ на интересовавшую ее тему. Она говорила легкомысленнымъ тономъ:

— Мой бывший хозяинъ не особенно хорошо знаетъ меня.

— Понимаю, что вы хотите сказать, отвѣтилъ Ло истосердечіемъ.

— Она закусила губы и замолчала. Но дорогой она говорила дружескимъ тономъ:

— Не сердитесь на меня за то, что я солгала о «вашемъ планѣ». Я не могла открыть вамъ истину, отчего я не хотѣла уйти съ этимъ... съ этимъ мужемъ, о я не совсѣмъ солгала. Если не у васъ, то у моего мужа. Если вы поѣдете въ Сакраменто, чтобы увидеть мѣсто, то переодѣньте меня индѣйцемъ, вы увидите лицо и возьмите меня съ собою. Оттуда я могу вернуться къ-ли?

— Не дурная; увидимъ, отвѣтилъ онъ серьезно.

немъ. Опустивъ кору надъ узкимъ отверстіемъ, онъ въ щель на приближающагося незнакомца. Запыла бѣжалъ онъ до того мѣста подъ деревомъ, гдѣ лежало медвѣдь, и запыленное, недоумѣвающее и разстроено его, когда онъ осматривался вокругъ и поднималъ глаза подъ лѣсной сводъ, вызвало на губахъ Терезы улыбку.

— Миссъ Нелли! позволь незнакомецъ нервничать тономъ.

Улыбка разомъ исчезла съ лица Терезы: кто это Нелли?

Она приложила ухо къ отверстию.

— Миссъ Винни! повторилъ голосъ, теряясь въ лѣсу.

Тереза, мучимая жгучимъ, неотразимымъ любопытствомъ, готова была, рискуя всѣмъ, выйти изъ своего убежища. Въ эту минуту незнакомецъ началъ удаляться. Долго ли, какъ затихло вдали бряцаніе его шпоръ, Тереза жала стоять неподвижно, какъ статуя, на томъ мѣстѣ гдѣ стояла. Вдругъ она встрепенулась, взглянула на платье и, какъ безумная, начала срывать его съ себя. Оно горѣло на ней. Сорвавъ, она стала топтать его. Потомъ, закинувъ за голову свои красивыя, обважневшія она бросилась на свою постель и истерически рыдала.

VI.

Миссъ Нелли, дойдя до внѣшней цѣпи копей, спустилась подобно рву, Индѣйскій Ключъ, спустилась на одинъ изъ рвовъ, открыла зонтикъ, сбросила съ себя и, спрятавъ его за каменной плотиною, приняла личнымъ случаемъ содроганіемъ, какъ кошка, чистить ручками свое платье, чтобы стереть всякій слѣдъ отъ ея удовольствій Каркинезскаго лѣса. Кончивъ, она такое благонравное лицо, что всякое подозрѣніе о ея нарушеніи ея законовъ нравственности, казалось, истиннымъ преступленіемъ. Къ сожалѣнію, она позабыла въ этомъ снять со средняго своего пальца извѣстное

ею одновременно съ пальто и никогда не носимое въ
е время. Это былъ ея единственный промахъ; во всемъ-
тальномъ счастье благопріятствовало этой молодой особѣ.
встрѣтила Борнгэмовъ на углу главной улицы какъ разъ
минуту, когда къ противоположному углу подѣзжалъ
кансъ, возвращавшійся въ Эксельсіоръ. Такимъ образомъ,
могли видѣть, что она простилась съ этими дамами у са-
почтовой конторы, и это привело въ крайнее недоумѣніе
ера Брэса, бродившаго у дверей конторы.

Эксельсіорская красавица, миссъ Нелли Виннъ, стояла пе-
нымъ спокойная, невозмутимая, безъ малѣйшей тѣни сму-
я на лицѣ, и ея дѣвственное кисейное платье, ея миниа-
ные башмачки были такъ же свѣжи, какъ въ ту минуту,
а она только что вышла изъ родительскаго дома. Куда же
ласъ дѣвушка въ темномъ пальто? Куда скрылось лѣсное
ніе въ желтомъ платьѣ? Брэсъ шонотомъ повторилъ про-
е, которое вырвалось у него часа за два передъ тѣмъ,
въ эту минуту онъ встрѣтилъ ея взглядъ и, краснѣя, закаш-
я. Да неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, такой осель? И что,
она прочла у него на лицѣ его смущеніе!

— Мы вмѣстѣ поѣдемъ? спросила его миссъ Нелли съ
обвенно благосклонною улыбкой. Ея привѣтливость была
лишена нѣкотораго кокетства. Молодая дѣвушка не
бла никакого предчувствія о подозрѣніяхъ Брэса, и мило-
е ея настроеніе вовсе не было внушено желаніемъ задо-
ь или провести соперника Ло. Она просто-на-просто уха-
сь за эту встрѣчу, чтобы стряхнуть съ себя послѣдній
ѣ испитанныхъ ею волненій, подобно тому, какъ она стрях-
лѣсную пыль со своего платья. Удовольствіе, которое она
дила въ кокетствѣ съ Брэсомъ, лучше всего характеризо-
ея поверхностную натуру и прихотливыя наклонности.
о того: казалось даже, что она считала эту невинную
у только что оставленному ею Ло чѣмъ-то въ родѣ вы-
равственнаго искупленія. Легкое, явное кокетство съ та-
взвѣстнымъ и добропорядочнымъ человѣкомъ, какъ Брэсъ,
ѣ тайныхъ, любовныхъ изліяній съ никому неизвѣстнымъ
никомъ было въ нѣкоторомъ родѣ очистительною жертвой,
ая вполне приличествовала особѣ, получившей религіоз-
оспитаніе.

Брѣсъ былъ на седьмомъ небѣ даже и отъ этого не-
шого вниманія, оказаннаго ему недоступною мисль
Онъ успѣшилъ обезпечить за собою мѣсто возлѣ нея и
велъ часа два обратнаго пути въ Эксельсіоръ въ блажен-
хоть и робкомъ, единеніи съ нею. Онъ предпочелъ уми-
о мучившихъ его передъ тѣмъ подозрѣніяхъ, у него не хва-
также духа изложить и тотъ смѣлый планъ, который онъ
ставилъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Такимъ обра-
ему оставалось только одно: пуститься въ нѣсколько хваст-
описаніе своихъ личныхъ приключеній и попробовать
путемъ заинтересовать свою особую молодую дѣвушку.

Онъ уклонился отъ этого сюжета всего раза два: во-
выхъ, чтобы описать рѣдкостный медвѣжій мѣхъ, про-
пшійся на дняхъ въ Индѣйскомъ Ключѣ (онъ хотѣлъ позо-
ровать, не согласится-ли она принять отъ него этотъ мѣхъ
для экипажа), и во-вторыхъ, чтобы похвалить кольцо, которое
она нечаянно показала, снявъ перчатку.

— Это старая фамильная вещь, солгала она, не смуща-
ваясь, и сдѣлала видъ, будто видитъ въ любопытствѣ Брѣс-
одинъ предлогъ, чтобы пощекотать ея хорошенькіе пальцы.
Она спрятала ихъ на груди съ цѣломудренною дѣвичьей ст-
ливостью, пока ей не удалось скинуть кольцо и опять на-
перчатку.

Прошла недѣля,—недѣля неизобразимаго, палящаго
рѣдкаго даже для этой нагорной плоскости Сьерры. Воздухъ
полнился нестерпимую пылью, и въ немъ носился какаш-то
кій паръ. По ночамъ—ни свѣжести, ни росы; вѣтеръ, обык-
венно дующій съ пояса снѣговъ, не освѣжалъ теперь тем-
однообразную равнину, горизонтъ которой озарялся пла-
немъ горящаго лѣса на гребнѣ горы. Медленно тапш-
изъ Индѣйскаго Ключа дилижансы подъѣхалъ, окружен-
тучею пыли, въ Эксельсіору и высадивъ своихъ пассажировъ
у эксельсіорской гостинницы. Пока они высаживались, ми-
Брѣсъ, стоявшій въ дверяхъ гостинницы, подвергалъ стр-
шему осмотру каждое проходившее мимо него запылен-
еле узнаваемое лицо. Все это были обычные типы пу-
ственниковъ: одиночный промышленникъ, въ грязномъ че-
костюмѣ, два-три торговца холстомъ и фланелью, нѣс-
золотоискателей въ красныхъ и синихъ блузахъ, одинъ

нъ негръ и одинъ мексиканецъ,—нагрузчикъ или по-
 муловъ. Последний вошелъ на минуту съ толпой въ
 стинницы и проникъ даже въ корридоръ и столовую, въ-
 влекомый туда любопытствомъ полудикаго человѣка, но
 вышелъ тяжелыми, лѣнивыми шагами, обремененный
 ными кожаными штроблетами, цѣпочками и шпорами, ко-
 нибетъ обыкновеніе носить этотъ классъ людей, и по-
 по главной улицѣ. Несмотря на быстро наступавшую
 у, погонщикъ оставался съ тѣмъ же дѣтскимъ лю-
 бствомъ передъ тускло освѣщенными лавками, товарными
 ми, гостинницами и даже передъ группами людей, сто-
 кой-гдѣ на перекресткахъ. Очевидно молодой, судя
 рѣ, онъ видимо интересовался женской красотой даже бо-
 льшей мужской частью эксельсіорскаго населенія. Немногія
 я фигуры, которыя можно было встрѣтить въ эту пору на
 или видѣть у оконъ и на верандахъ, пользовались его
 нымъ вниманіемъ. Двухъ черноволосыхъ дочерей церков-
 таросты Джонсона, отправлявшихся на спѣвку хори-
 онъ почтительно проводилъ до самой церковной дзери
 довольствуясь этою скромною любезностью, умудрился
 твно проскользнуть вслѣдъ за ними и въ самую церковь.
 рамъ, сооруженный щедротами эксельсіорскихъ спекулян-
 представлялъ собою большое зданіе, построенное въ но-
 мь вкусъ и съ слишкомъ большими претензіями, которыя
 ли не броситься въ глаза. Сами великодушные основатели
 аданія называли его, шутя, на своемъ своеобразномъ
 ,однимъ изъ величайшихъ дутыхъ дѣлъ“, какія когда-
 идывалъ міръ. Подъ деревянными балками его сводовъ,
 ни и душистыми, какъ будто ихъ только-что принесли
 дымаго лѣса, рѣдко собиралось свыше сотни молещци-
 подъ навѣсомъ хоровъ, съ огромнымъ пустымъ мѣ-
 ля будущаго органа, терялись во мракѣ тѣ немногіе
 что собрались вокругъ маленькаго гармоніума, въ
 емный, лѣтній вечеръ.

ошникъ остановился въ темномъ преддверіи храма. По-
 отаго, бѣлаго разговора, изъ котораго выяснилось,
 ъяснимое отсутствіе директрисы, миссъ Нелли Виннъ,
 ляетъ приступить къ спѣвкѣ, хористы начали расхо-

Незнакомецъ, внимательно вслушавшійся въ разговоръ, двинулся въ темный уголъ, пока они проходили мимо и простоялъ нѣсколько минутъ, неподвижный, какъ мраморная статуя, послѣ того, какъ церковь опустѣла. Заплаканный, озираясь, пробрался къ окну, снявъ свою широкополую шляпу, и—потухающій лучъ заката отразился въ черныхъ Терезы!

Несмотря на ея выкрашенное темной краской и испачканное пылью лицо, несмотря на туго заплетенную косу и фигуру, довольно было взглянуть подъ ея поднятыя брови, чтобъ узнать ее.

Она машинально подошла къ ближайшему стулу, взяла крыла молитвенникъ. Глаза ея остановились на именинномъ санномъ на заглавномъ листѣ: «Нелли Виннъ». Это была книга! Она нашла, наконецъ, таинственную особу. Это была пастора, которой всѣ воспѣваютъ хвалы. Ее-то и искала Тереза въ лѣсу незнакомецъ, между тѣмъ, какъ она, быть может, в это самое время, искала Ло. Это она завладѣла его секретомъ, она была тайной причиной его частыхъ отлучекъ, его сѣянности, холодности!

Чтобы увидѣть эту дѣвушку—быть можетъ, увидѣть и объятыхъ—Тереза рискнула, потихоньку отъ него, съ помощью бодой, пожалуй, даже жизнью. Отъ книги слабо пахло хами; это былъ запахъ ея владѣлицы. Точно такъ же и отъ платья, которое Ло принесъ Терезѣ.

Швырнувъ книгу на полъ, она облокотилась на спинку стоявшаго передъ нею стула и закрыла руками лицо.

Въ сумракѣ и въ этомъ положеніи ее можно было принять за фанатически набожную женщину, погруженную въ молитву. Но какъ ни велика была всегда въ ея душѣ доброта и состраданіе, и въ высшемъ утѣшеніи, она ждала только, чтобы она могла найти ихъ въ эксельсіорѣ, въ библіи и у почтеннаго мистера Винна. Она чувствовала только сухой жаръ, какъ въ раскаленной печи, въ этомъ сумракѣ, лишенномъ всякаго слѣда эстетическаго вкуса и казавшемся безмысленномъ и пустымъ, она вѣрила на свою притязательную внѣшность. Тереза вѣрила въ немъ только большой алтарь для поклоненія той дѣвушкѣ,

дѣла даже чистымъ сердцемъ Ло и низвела его съ
пеннаго міросозерпанія къ узкимъ воззрѣніямъ сво-
и. Съ полнымъ презрѣніемъ женщины къ женскимъ
мъ, когда они исходятъ не отъ нея самой, размы-
реза о томъ, что могла бы она сама поразсказать
бы смѣла, о величіи ихъ лѣснаго убѣжища, такъ
то на искусственное величіе этихъ колоннадъ, и о
орое оно вливаетъ въ ея волнуемую страстями душу.
тъ этой сомнительной теологіей, ей мелькала мысль,
нея было-бы вовсе нетрудно доказать Ло, что она,
исколько не хуже этой миссъ Виннъ.

ачинала ненавидѣть себя за то, что пришла сюда,
ла при мысли, что можетъ здѣсь встрѣтить Ло.

тъ ей пришло въ голову: а если онъ пошелъ не
ли она ошибается? если пришедшее ей на мысль
е его отсутствія въ эту ночь—не болѣе, какъ ея
Что, если онъ вернется или уже вернулся безъ нея?
чила при этой мысли, блѣдная, но счастливая, и хо-
насъ-же вернуться въ лѣсъ. Какое ей дѣло до этой

ко, все-же времени еще оставалось довольно, чтобы
не у нея-ли онъ. Ей указали ея домъ; она найдетъ
ь потмахъ, а тамъ отворенная дверь или окно навѣр-
огутъ ей узнать что нибудь объ его обитателяхъ.

ва снова надвинула на лобъ шляпу, повязала шею
рымъ платкомъ и, ощупью отыскавъ дверь, вышла на
лицу.

VII.

уже совершенно темно, когда мистеръ Джэкъ Брэсъ
ея передъ отворенною дверью пастора Винна. И окна
яли гостепріимно отворенныя для путника, и душеспа-
назиданія мистера Винна были готовы для него,—
которыми онъ, громко, какъ съ кафедры, угощаль
нуту какого-то сидѣвшаго у него счастливица. Джэкъ
ебался. Сидѣвшій у пастора гость былъ не кто дру-
выздоровливающей шерифъ, Джимъ Доннъ, поже-
наменоватъ свое выздоровленіе первымъ визитомъ къ

отцу своего предмета. Достопочтенный пасторъ успѣлъ внушить мнѣніе, что безконечныя жары могутъ повести къ большимъ пожарамъ, изложилъ обширныя свѣдѣнія на счетъ отнесена къ этому вопросу предвѣщаній Промысла и наложилъ какія мѣры слѣдовало-бы принять законодательному управленію,—когда мистёръ Брэсъ рѣшился, наконецъ, войти.

Въ комнатѣ никого не было, кромѣ Винна и разсидѣвшаго въ креслѣ у окна. Хотя первый встрѣтилъ по наружности любезно, однако тотъ не могъ не замѣтить, что онъ пришелъ не кстати и что ему не рады. Виннъ такъ нетерпѣливо кивнулъ ему головой, что, если-бы кивокъ не сопровождался проклятіемъ нестерпимой злобы, его можно было-бы принять за личное оскорбленіе. Но Виннъ не произнесъ имени Нелли, тѣмъ не менѣе Брэсъ очевидно понялъ, что оба ждутъ ея прихода. Все это въ Виннѣ тѣльной мѣрѣ способствовало укорененію въ немъ нѣкотораго смутнаго рѣшенія, съ которымъ онъ носился въ послѣднее время.

— Ха! ха! сильно вы выражаетесь, мистёръ Доттеръ, сказалъ пасторъ Виннъ, намекая на проклятіе шерифа. — Вы знаете, что такое «отъ избытка сердца уста глаголютъ». Ювъ проклинается, говорится въ писаніи, день своего рожденія и употреблены весьма крѣпкія еврейскія словца. Ха! ха! я, съ моею стороны, ничего не имѣю противъ этого. Откровенно вамъ признаюсь, когда я вель борьбу съ духомъ, мнѣ не разъ случалось слышать: «Будь ты проклятъ!» Да, господа, такъ-таки: «Будь ты проклятъ!»

Было что-то дотога гнусное въ его тонѣ и въ напыщенности, съ которою старій джентльменъ произнесъ свое проклятіе обоимъ его гостямъ, хотя далеко не щепетильныхъ въ счетъ, неприятно покорило. Какъ добросовѣстнѣйшій человекъ можетъ пересолить въ изображеніи подлости каковаго-либо Лотарію, такъ пересалилъ и отецъ Виннъ; но, не смѣя тѣмъ, что его проклятіе можетъ всякаго заставить содрогнуться, онъ продолжалъ:

— Слѣдовало-бы запретить закономъ разводять, въ такую погоду, костры въ лѣсахъ, какъ дѣлаютъ укладчики рубщики.

— Вѣдь это дѣлаютъ не столько бѣлые, вмѣшался

егры, китайцы и диггеры *), особенно послѣдніе. Вы хоть этого дьявольскаго Ло, который хозяйничаетъ у Каркинезскому лѣсу, какъ будто это его собственность. Развѣ онъ станетъ обращать вниманіе, куда онъ пички?

Ло — не диггеръ; онъ прокезецъ, къ тому же метисъ, Виннъ. — Онъ и въ этомъ отношеніи обманулъ мои глаза, какъ во многихъ другихъ, добавилъ онъ, стараясь скрыть, что въ немъ обманута довѣрчивость слишкомъ простаго христіанина.

Въ какихъ еще другихъ отношеніяхъ Ло не оправдалъ надеждъ, этого мистеръ Виннъ не пояснилъ. Къ удивленію Виннъ, мужичинъ, Доннъ не согласился съ Брэсомъ. Быстрое раздраженіе противъ челоуѣка, въ которомъ онъ увидѣлъ своего соперника, или его бѣсило продолжительное отсутствіе Нелли, только онъ промычалъ, что «не имѣетъ пить помой, которыми его угощаютъ подъ видомъ вина». Что же касается до Каркинезскаго лѣса, то онъ не видитъ причины, почему-бы Ло не имѣлъ такихъ-же правъ на этотъ лѣсъ, какія онъ имѣлъ-бы на него, если-бы онъ шелъ его себѣ мнимо-законными путями, не живя въ

виду явному намеку на нѣкоторыя спекуляціи пастора на общественныхъ земляхъ шерифъ прибавилъ, что Виннъ и Брэсъ, въ состояніи были указать ему на нѣкій индѣйца между старѣйшими американскими поселенцами, который позволилъ бы имъ снести ему голову.

Въ такомъ непредвидѣнномъ оборотѣ, мистеръ Виннъ позавянулъ, что онъ, разумѣется, подразумѣвалъ не чистоплютуземцевъ, о постепенномъ вымираніи которыхъ онъ не менѣе кого бы то ни было, а метисовъ, наслѣдниковъ пороки цивилизаціи.

Слѣдовало-бы издать законъ, господа, противъ смѣшанныхъ людей, живущіе съ индѣйскими женщинами, — эти смѣшанцы, какъ ихъ называютъ, — нарушаютъ законы Все-

*) digger — землекопъ; диггерами называется мирное индѣйское племя въ Калифорніи, питающееся кореньями и травами.

Доннъ, блѣдный отъ слабости и раздраженія, пошелъ мѣста.

— Кто смѣетъ говорить это? сказалъ онъ. Они чортъ знаетъ на сколько лучше пронырливыхъ сѣверныхъ аборигеновъ, выдающихъ своихъ дочерей за ниггеровъ*), въ

Острая боль остановила эту стрѣлу, пущенную въ спину ку двухъ его собесѣдниковъ, и Доннъ безпомощно опустился на стулъ. Наступило неловкое молчаніе. Трое мужчинъ замѣшательствѣ переглядывались. Доннъ похвѣлялъ, что шелъ слишкомъ далеко; мистеръ Виннъ чувствовалъ, что сказалъ нѣчто, способное повредить видамъ его дочери. Брэсъ колебался между рѣзкимъ отвѣтомъ и своимъ обыкновеннымъ таинственнымъ планомъ.

— Все это проклятая жара, сказалъ шерифъ, и постоянно улыбаясь и отодвигая водку, которую называли вилъ передъ нимъ мистеръ Виннъ.

— Ясное дѣло, поспѣшилъ подтвердить пасторъ, что Нелли нѣтъ. Она дала-бы вамъ понюхать свой запахъ. Пора-бы уже ей пріѣхать, добавилъ онъ, не обращая вниманія на присутствіе Брэса. Дилижансъ сильно опоздалъ. Должно быть, Юба Билль медленно тащится на гору по жарѣ.

— Если вы говорите о дилижансѣ изъ Индѣйскаго лагеря, сказалъ Брэсъ равнодушнымъ тономъ, — то онъ уже пошелъ; но миссъ Нелли не было въ немъ.

— Можетъ быть, она вышла на перекресткѣ, сказалъ Виннъ, пріятно улыбаясь. — Она дѣлаетъ это иногда.

— Нѣтъ, она и не садилась въ Индѣйскомъ Воксѣ, сказалъ Брэсъ. — Я былъ тамъ, когда отходилъ дилижансъ, потомъ обогналъ его верхомъ на моемъ Бокскинѣ, и былъ десять до подъема на гору.

— Значить, она осталась у Борнгемовъ, сказалъ Виннъ, и потомъ, какъ-бы въ отвѣтъ на какое-нибудь неловкое молчаніе гостей, съ досадою прибавилъ:

— Неприятно, дѣтки, но что дѣлать? Нужно брать за себя она есть. Вотъ я схожу на почту и посмотрю, не пришла ли она записки. А вы посидите, дождитесь меня.

*) Простонародное названіе негровъ.

она затворилась за мистеромъ Винномъ, Брѣсъ встала
впередъ, собираясь уходить. Взявшись за ручку
дверей, обернулся къ своему сопернику, который, почти
в сгустившихся сумеркахъ, казалось, все еще раз-
говорчивою оплошности.

Брѣсъ намѣрены ждать, когда вернется этотъ лысый
человѣкъ и скажетъ вамъ правду о своей дочери, холодно
Брѣсъ, — то совѣтую вамъ послать за вашими ве-
щами, чтобы оложить здѣсь надолго.

Что значитъ? сердито спросилъ Доннъ.

Что она и не думала быть у Борнгемовъ, и еще
не знаетъ ли или не знаетъ старикъ, гдѣ она — онъ, въ
конечности не скажетъ вамъ правды. А вотъ я такъ
скажу ей.

Гдѣ же Нелли?

В Каркинезскомъ лѣсу, въ объятіяхъ того человѣка,
сейчасъ защищали, — метиса Ло.

Тамъ было такъ темно, что съ улицы ничего не бы-
ло видно, только топанье ногъ.

Учу... садитесь! полно вамъ дурить! слышался
голосъ Брѣсы. — Видъ вы еще слабы... гдѣ вамъ драться? Да пу-
стятъ сказать правду, одну только правду! Я самъ же-
лалъ бы это была ложь.

В тишину; потомъ опять слышался голосъ Брѣсы.
Я думаю, что мы были соперниками. Я думалъ даже,
что вы не хуже вашихъ. Если то, что я сказалъ, не
такъ, то мы съ вами еще посчитаемся; если захотите
идти къ вашимъ услугамъ, во всякое время. Но я
хочу знать, чтобы человѣка дурачили, какъ меня ду-
рачилъ несправедливо.

Брѣсъ продолжалъ онъ, помолчавъ, — такъ слушайте-же;
я думаю, вы не знаете! Съ недѣлю тому назадъ, эта дѣвчон-
ка Индѣйскіе Ключи, — вотъ, какъ теперь, и тоже
Борнгемамъ. Не скрою отъ васъ, Доннъ, что я
хочу вслѣдъ, поѣхалъ съ честными намѣреніями,
идти случай поговорить съ нею, — словомъ, какъ
и-бы на моемъ мѣстѣ. Но я нигдѣ не нашелъ

ее. Двое знакомыхъ, которыхъ я встрѣтилъ, сказали, что они какъ-будто видѣли ее въ лѣсу, переодѣтую. Я, думая ничего худого, отправился въ лѣсъ и увидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, хотя въ другомъ платьѣ, сейчасъ-бы теперь узналъ. Но едва я догналъ ее, исчезла. Вскочила-ли она, какъ бѣлка, на дерево, черепаха, ушла въ землю,—но только исчезла.

— Это и все? слышался голосъ Донна.—И отъ того что вы чертовски глухи или хватили въ тотъ разъ ки, вы полагаете...

— Потихе! Я и самъ то-же самое говорилъ своему кровню прервалъ Брэсъ,—въ особенности, когда въ то утро увидѣлъ ее потомъ въ другомъ платьѣ, прощающаго гѣмами, свѣжую, какъ роза, и холодную, какъ высокая вершина. Однако, у нея на пальцѣ было кольцо, которое она никогда передъ тѣмъ не носила, и она могла бы показать мнѣ его.

— Ну, такъ что-же изъ этого? Развѣ она могла бы сказать это? Не у васъ-ли она должна была спросить про кольцо, какъ вы сказали Доннъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что она его не покупала, возразилъ Брэсъ.—Ло вымѣнялъ это кольцо на медъ у одного еврея и подарилъ ей. Про это я разсказалъ за два дня передъ тѣмъ. Развѣдалъ я также, что тотъ день ни часа не провела у Борнгемовъ и, кроме того, она сама взяла себѣ точно такое пальто, въ какомъ видѣли ее знакомые. А желтое платье, которое было найдено въ этотъ день, я нашель потомъ возлѣ хижины Ло, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я видѣлъ Нелли. Тамъ у нихъ происходятъ свиданія!—Ага, теперь вы слушаете!—вы? Погодите! сядьте! Все это я узналъ случайно, жалъ Брэсъ, когда снова все стихло.—И ужъ въ лѣсу бѣ отыскивали! Только бѣлка, или индѣецъ, съ потерей природы, и могутъ себѣ такую соорудить нору, окончателью, что дѣвчонка была въ лѣсу, я не могъ во узнать, во что-бы то ни стало, куда она спрячется, рично пошелъ туда. Бродя по лѣсу, я нашель у одного изъ самыхъ толстыхъ деревьевъ вотъ эту старую книжку, наполненную травами и листьями. Я во

нѣ рассказывалъ мнѣ, что этотъ проклятый красно-обираетъ травы, будто-бы съ научною цѣлью. Это книга должна принадлежать ему, я заключилъ, далеко, и легъ на брюхо, поджидая его. Немного амѣтилъ бѣлку, бѣгавшую по корнямъ деревь. Уви-она остановилась.

къ чорту вапу бѣлку! Къ чему вы ее приплели? къ тому, что у бѣлки былъ во рту кусокъ сахару. взялся? Я заставилъ ее выпустить его, въ томъ она опять пойдетъ за сахаромъ туда, откуда она И я не ошибся. Бѣлка взбѣжала на дерево и про-въ щель между висѣвшими полосами коры. Я раз-у и нашелъ отверстіе въ дуплѣ, которое служитъ парочкѣ.

развѣ вы видѣли ихъ тамъ? И почему вы знаете, теперь тамъ?

въ этомъ-то я и хотѣлъ убѣдиться. Сегодня, ко-сала отсюда, я опередилъ ее эдакъ на часъ вре-тался у опушки лѣса. Черезъ часъ по прибытіи въ Индѣйскій Ключъ, она показалась вмѣстѣ съ танная въ свое темное пальто. Я побѣждалъ было у этой проклятой собаки Ло уши, какъ у бѣлки, былъ еще въ пятистахъ шагахъ, а онъ уже наво-ь.

такъ что за бѣда, чортъ возьми! Развѣ вы не были? Зачѣмъ вы не выстрѣлили въ него? съ бѣшен-ничаль Доннъ.

я хотѣлъ предоставить вамъ, холодно возразилъ бы-бы онъ убилъ меня, а я знаю, что ему довольно въ меня, хотя-бы на двойномъ разстояніи, что-тъ меня насквозь... если-бы онъ убилъ меня, то вамъ не было-бы отъ этого никакой пользы. А убилъ его, то вы, какъ шерифъ, обязаны были-бы ния въ тюрьму, и вы, конечно, не очень-бы сокру-этомъ, избавившись отъ двухъ соперниковъ ра-вы? Стойте!

? прохрипѣлъ Доннъ.—Въ Каркинезскій лѣсъ, вотъ убую его на ея глазахъ. Вы не посмѣли, а я если мнѣ удастся,—вѣшайте меня и берите ее себѣ!

— Садитесь, садитесь! полно дурить, Джимъ Доннъ не продержаться въ сѣдлѣ и ста шаговъ. Развѣ я л что я не хочу помогать вамъ? Хотите, мы рискнемъ но только по моему плану. Слушайте. Я доведу васъ своей лошади, и мы накроемъ ихъ въ хижинѣ или въ будутъ выходить изъ лѣсу. Но вы должны сдѣлать такъ будто вы явились арестовать его за какое-нибудь преступленіе, — положимъ, какъ диггера, нарушившаго границу, опаснаго бродягу, какъ вредителя лѣсной общественной ответственности, какъ разбойника, — словомъ, какъ хотите, имѣть право преслѣдовать его. Обличеніе его и Нелли быть вашимъ дѣломъ, понимаете? Если онъ станетъ сопротивляться, убейте его на мѣстѣ; васъ никто не осудитъ, если-же онъ сдастся, вы упрячете его въ тюрьму въ Сіорѣ и, когда пройдетъ слухъ, что онъ взялъ экзальтированную красавицу себѣ въ сквау, то наша молодежь повѣситъ первого-же деревѣ, хотя-бы всѣ небесные ангелы пришли для защиты его. — Кто тамъ?

Брѣсъ подошелъ къ окну и осторожно выглядывалъ.

— Ну, если это старикъ вернулся и подслушалъ такъ ужъ не моя вина. Все равно, онъ скоро умретъ, если уже и теперь не догадывается.

— Будь я проклятъ, Брѣсъ, если мы понимаемъ друга! вскричалъ Доннъ. Не передъ закономъ, а передъ долженъ дать отчетъ этотъ собака Ло. Я беру васъ одного себя и убью его честнымъ манеромъ, какъ увижу. Никакихъ мнѣ предлоговъ, никакихъ претекстъ не нужно. Ложь не поможетъ мнѣ овладѣть имъ. Я действую прямо, всегда и вездѣ!

— Значить, вамъ хочется, чтобы васъ укусили, когда вы его выманите съ Нелли, пристрѣлите ближайшимъ деревомъ, какъ сѣраго медвѣдя?

Оба помолчали.

— Что это вы разсказывали о медвѣжьей шкурѣ, онъ продалъ? спросилъ Доннъ, въ раздумьи.

— Не продалъ, а промѣнялъ медвѣжью шкуру съ надъ самымъ сердцемъ. Онъ, я вамъ скажу, какъ стрѣлокъ.

го къ чорту! Какое мнѣ дѣло? Давно-ли онъ про-
шкуру.

ли двѣ тому. А, что?

го. Слушайте, Брѣсъ. Я вѣрю вашей искренности.
лая рука. Я поѣду съ вами, только не въ каче-
е, а просто какъ Джимъ Доннъ; а вы поѣдете въ
аго свидѣтеля, что все произойдетъ честнымъ ма-
мъ!

лебался.

впало-бы вамъ подумать дорогой о моемъ планѣ...

сказаль, что готовъ помогать вамъ, и не измѣню
какъ идемте! Нельзя терять времени.

стѣ вышли на темную улицу.

вы еще ждете? нетерпѣливо спросилъ Доннъ, когда
руку котораго онъ опирался, неожиданно остано-
лу дома.

онась подслушивалъ, торопливо сказалъ онъ.—Вы
амѣтили? Не старикъ-ли!

у его къ чорту! Какой тамъ старикъ? Просто ка-
ый мексиканскій погонщикъ цѣплялся за домъ. Что
о въ голову? Идемъ! вѣдь мы опоздаемъ.

я на свою слабость, раненый послѣшно тянулъ
едъ, пока они не дошли до его дома. Къ удивле-
Доннъ увидѣлъ у воротъ уже готовый экипажъ.

итъ, вы во всякомъ случаѣ намѣревались ѣхать?

ь, бросивъ испытующій взглядъ на своего спутника.
едполагалъ, что кто-нибудь долженъ-же ѣхать,

вѣтилъ тотъ, глядя рукою нетерпѣливаго Бовскина!
дите ко мнѣ, выпейте на дорогу стаканъ вина.

идя изъ минутнаго раздумья, прижалъ руку къ
инально вошелъ въ домъ.

и они поднести къ губамъ стакановъ, какъ на
ся грохотъ колесъ. Брѣсъ, торопливо поставивъ
ѣжалъ къ окну.

ь понесла! крикнулъ онъ съ проклятіемъ.—Она
дите за мною!

метью бросился съ лѣстницы, Доннъ съ трудомъ
нимъ. Выходя изъ воротъ, онъ столкнулся съ
авшимся товарищемъ.

— Лошадь несется во весь карьеръ, и я готовъ по
что въ экипажѣ кто-то сидитъ! вскричалъ тотъ и вѣдѣ
новился, всматриваясь въ ремень, оставшійся висѣть у

— Отрѣзанъ! ей Богу, отрѣзанъ!

Доннѣ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства.

— У кого есть экипажъ? спросилъ онъ.

— У новаго кузнеца, на главной улицѣ. Но онъ
намъ его, сказалъ Брѣсъ.

— Что-же намъ дѣлать? спрашивалъ Доннѣ, вы

— Конфискуйте у кузнеца экипажъ, въ качествѣ
шерифа, розыскивающаго со своимъ помощникомъ
ковъ конокрада, индѣйца Ло!

(Окончаніе слѣдуетъ).

русского общества въ XVIII и въ началѣ XIX в.

Богатство и роскошь.

«патріоты своего отечества» не перестаютъ вос-
поводу того, что Россія идетъ впередъ «гигантскими
е сегодня—завтра перегонитъ Европу. Но чтобы пра-
ть о современномъ состояніи Россіи сравнительно съ
жно знать наше недавнее прошлое, изъ котораго
настоящее.

здѣсь совершенно въ сторонѣ народную массу, мы
но займемся стоявшимъ надъ нею и распорядившимся
къ, его правами и культурою, развившимися на почвѣ
гвета. Мы хотимъ взглянуть на жизнь нашихъ от-
въ и прадедовъ, чтобы судить, далеко ли мы ушли отъ
-ли сдѣлано для исцѣленія тѣхъ общественныхъ недуг-
ми издавна страдаетъ Россія. Это будетъ, такъ ска-
общественной патологіи, опытъ естественно односто-
амому своему существу.

женіи полутора ста лѣтъ Россія сильно расширилась
ныхъ отношеній значительно подвинулась впередъ,
многихъ другихъ, и при томъ существенныхъ отно-
оставалась почти такую-же, какою была во времена
Аѣловича. Крѣпостное рабство было священною осно-
невѣжество народа, скудные средства просвѣщенія,
мысли и слова, преслѣдованіе раскольниковъ, про-
ничества, казнокрадство и взяточничество, безчело-
есныхъ наказаній—все это оставалось почти неиз-
ать до паденія крѣпостного права и реформъ про-
ствованія. Постепенно распространялась образован-
алась гуманность, старый порядокъ подгнивалъ и
но все-таки упорно держался и только ужасы
ны окончательно опрокинули его.

I.

Благодаря легкости наживы, въ старинной Россіи громадныя частныя богатства. Однѣ только цѣнности, ванные у Меньщикова при его ссылкѣ, стоили 20 мил. душъ, кромѣ того взято у него захваченной имъ дворцовой казны 250 тыс. р., 8 милл. червонцами и 30 тыс. серебряныхъ рублѣй. Такимъ образомъ только однѣ эти цѣнности въ три раза превосходили тогдашній бюджетъ государства (10 милл. р.), равно, если-бы нынѣ какое-нибудь частное лицо имѣло въ государственномъ бюджетѣ около 700 мил.) движимаго имущества на 2,000 милл. р.! Но кромѣ того у Меньщикова было 150 душъ, 15 домовъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, и 200 лавокъ въ Москвѣ; ему принадлежали цѣлыя губерніи: Нюльденбаумъ, Ямбургъ, Копорье, Раненбургъ, Почепъ и въ разныхъ мѣстахъ Россіи у него было много лѣсовъ, рыбныхъ ловель и т. д. У Б. П. Шереметьева было 100 крестьянъ, у гр. Ф. А. Головина 30 тыс. д., у кн. Шереметьева 32 тыс. д., у кн. Кантемира 17 тыс., у Шафирова 10 тыс. душъ, у Иванова, вышедшаго въ люди при Петрѣ изъ крестьянъ, были огромныя капиталы и 16 тыс. д. У кн. Шереметьева было 29,500 душъ, 24 завода, по нѣскольку домовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ, Казани, Ярославлѣ, Чебоксарахъ, гурѣ, Тюмени, Серпуховѣ, Твери, Костромѣ, Тобольскѣ, Екатеринбургѣ. У купца Владимірова, умершаго въ 1788 г. было 13 милл. р.; у Твердышева, кромѣ громаднаго капитала, было 10 заводовъ и 76 тыс. душъ; у кн. Ал. Черкасскаго было 100 душъ и цѣлыя массы золота и другихъ драгоценностей изъ Сибири имъ и его отцомъ. Годовой доходъ отъ нихъ доходилъ до 90 т. р.; у жены Бирона, при ея арестѣ, было захвачено деньгами 3 милл. р., брилліантовъ на 800 т. р. и на 400 т. р.; П. Шуваловъ, кромѣ жалованья, получалъ ежегодно 400 тыс. руб.; у А. Разумовскаго было 50 т. душъ, у его Кирилы 120 т. д.; гр. Орловъ получалъ ежегодно отъ одного только недвижимаго имущества Потемкина 50 милл. руб. и одинъ только парадный кафтанъ стоилъ 200 тыс. р.; одна изъ его наслѣдницъ, Браницкая, когда спросили сколько у нея денегъ, отвѣчала: «не знаю, а каково будетъ». Ежегодный доходъ Завадовскаго доходилъ до 100 т. р.; у кн. Вяземскаго было 23 т. душъ; у Безбородко было 100 т. душъ и движимости на 4 милл. р.; имущество богача Лавинина было на 12 милл. руб.; имущество известной подруги архивнаго

ловой, составляло 65 милл. р. Въ ХІХ в. уже не на-
 акія громадныя богатства, какъ меньшиковское или
 ское, но всетаки разные сановники, откупщики, золото-
 ники, купцы наживали громадныя состоянія. Даже вто-
 е дѣятели, губернаторы, исправники, какіе-нибудь каз
 сравнительно богаче нынѣшнихъ.

енно, что при такихъ богатствахъ въ высшихъ клас-
 тва господствовала самая безумная роскошь. Уже при
 І роскошь петербургскаго барства поражала ино-
 и испанскій посоль, герцога де-Лирія, писалъ: «Я
 ногихъ дворахъ, но могу увѣрить, что здѣшній дворъ
 шью и великолѣпіемъ превосходить всѣ богатѣйшіе
 му что здѣсь все богаче, нежели въ Парижѣ». Вели-
 тановки въ частной жизни доходило въ Петербургѣ
 8 году до того, что балъ, данный герцогомъ де-Ли-
 елся ему въ 6,979 рублей. «Невозможно было сдѣлать
 на меньшую сумму, писалъ онъ,—гдѣ все дѣлается съ
 великолѣпіемъ». Не смотря на то, что герцога полу-
 испанскаго двора 8 тыс. дублоновъ въ годъ жалованья—
 по тогдашнему нашему курсу 32 тыс. рублей—
 ѣ, по образу своей жизни, за русскими богачами, про-
 вецъ до того, что долженъ былъ заложить какому-то
 Золотаго Руна, осыпанный брилліантами.

женіе первыхъ царствованій, слѣдовавшихъ за смертью
 Петра, роскошь хотя и вступала уже въ свои права, но
 не имѣла того блеска и размѣровъ, какихъ она достигла
 ииѣ II; это была роскошь грубая и сравнительно съ
 ииѣ временемъ даже экономная.

ствованіе Анны роскошь значительно усилилась и сдѣла-
 ииѣ. «Умножены стали, говорить Щербатовъ, придвор-
 ребро и золото на всѣхъ придворныхъ заблестало, и даже
 ошь была покровенна; уставлена была придворная коню-
 целарія и экипажи придворные все могущее бли-
 времени возимѣли. Итальянская опера была выпи-
 такли начались, такъ какъ оркестръ и камерная му-
 дворѣ учинились порядочныя и многочудныя собра-
 оржества и маскарады». «Уже вмѣсто сдѣланныхъ
 дерева мебели, стали не иныя употребляться, какъ
 ѣданныя изъ краснаго дерева мегатеня; дома увели-
 ѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали
 видѣтельствуя сіе того времени построенныя зда-
 омы сїи обивать штофными и другими обоями, почи-

а, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 ѣздовыхъ лакея, 1 камеркеръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истоп-
 3 кухмистера, 1 помощникъ, 1 приспѣшникъ, 1 хлѣбникъ,
 ь, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмей-
 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ,
 чій, 2 кучера, 2 фореитора, 4 ямщика, 40 конюховъ,
 овъ въ лазаретѣ, 2 надзирателя, 2 женщины, 1 басте-
 7 прачекъ, 7 бѣлошвейекъ, 2 коровницы, 2 ученицы ихъ,
 никъ, 2 шорника, 3 слесаря, 4 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 ка-
 1 перешлетчикъ, 2 ихъ ученика, 2 портныхъ, 3 столяра,
 севика, 1 серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ,
 щикъ, 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ
 ходившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа,—всего
 вѣкъ. Всѣ они получали жалованье отъ графа, которое
 но простиралось до 2 тысячъ тогдашнихъ ассигнаціон-
 лей. Ежедневно для стола графа и его прислуги выхо-
 ный быкъ, 10 барановъ, 100 куръ и проч. (А. Василь-
 , 466—7). Не менѣе роскошно жили и другіе вельможи.
 ное дворянство жило такъ-же роскошно. Поварамъ, напр.,
 платить рублей по 500 въ годъ, кромѣ содержанія. «Ли-
 цюмеранцы не могли быть дороги въ Петербургѣ, куда
 блями привозятся, но въ Москвѣ они были столь рѣдки,
 ѣ для больного или для особливо великаго стола ихъ по-
 учились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогія и
 незнаемыя, не токмо въ знатныхъ домахъ вошли во
 евіе, но даже и низкіе люди ихъ употреблять начали и
 стество считалось ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать;
 о многіе подъ тарелки въ званые столы клали записки
 винамъ, дабы каждый могъ попросить какое кому угодно.
 инское, до того и совсѣмъ не бывшее въ употребленіи,
 нное во употребленіе графинею Анной Карловной Ворон-
 торая его любила, стало не токмо въ знатныхъ столахъ
 о употребляться, но даже подлые люди, оставя употреб-
 ськаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя до
 ольшей части употреблялися сальныя, а гдѣ въ знатныхъ
 то передъ господами, употребляли вощеныя, но и тѣ
 ва воску, стали вездѣ да и во множествѣ употребляться
 ековныя. Роскошь въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошеть:
 бархатныя, съ золотомъ и серебромъ платья, шитыя
 серебромъ и шелками, ибо уже галуны за подлое почи-
 вѣ въ толикомъ множествѣ, что часто гардеробъ соста-
 ти равной капиталъ съ прочимъ достаткомъ какого при-

дворнаго или щеголя, а и у умѣренныхъ людей онаго ликое число было». Впрочемъ, по свидѣтельству совѣтскаго провинціальнаго дворянства при Елисаветѣ еще мало чало, вело патріархальную жизнь и только карточна шла уже въ общее употребленіе. Были оркестры, но яли всего изъ двухъ-трехъ скрипокъ, а вмѣсто оперы услаждались пѣснями своихъ дѣвокъ и лакеевъ. (Б 179, 204).

Во времена Екатерины роскошь увеличилась. «Бо пышность, писалъ Коксъ, превосходятъ самыя вычурныя. Слѣды азійскаго великолѣпія здѣсь смѣшиваются съ европейскою утонченностью. Роскошь и блескъ нарядовъ и украшеній драгоценныхъ камней далеко оставляютъ за собою величавость и блескъ европейскихъ столицъ. Ничто такъ не поражаетъ, какъ изобиліе драгоценныхъ камней. Въ большей части европейскихъ столицъ эти дорогія украшенія составляютъ почти исключительную принадлежность женщинъ, но въ Россіи мужчины въ этомъ соперничаютъ съ женщинами. Многіе изъ вельможъ и дворян паня брилліантами: пуговицы, пряжки, рукоятки саблъ, все съ брилліантами; шляпы ихъ нерѣдко унизаны брилліантами нѣсколько рядовъ». Придворныя обѣды, балы, маскарады при сказочно-роскошной обстановкѣ и въ великолѣпно обставленныхъ комнатахъ, на этихъ празднествахъ бывало до 8,000 гостей. Жизнь была сплошнымъ празднествомъ и даже во время французской революціи, несмотря на сильное впечатлѣніе, которое она имѣла, ея, по словамъ Екатерины, «съ октября до февраля не прерывались праздники, танцы, спектакли» и никогда не бывало такой веселой масляницы, какъ въ 1771 г. (Сб. XII, 68).

Роскошь Потемкина была невѣроятна; одинъ только «сего всемогущаго въ государствѣ обжора», по выраженію Катерины, стоилъ ежедневно 800 р.; одинъ только конюшій обошелся въ 200,000 р. Кромѣ многочисленной дворни работало при домѣ до 200 солдатъ и въ конюшнѣ содержалось 200 лошадей, кормившихся казеннымъ овсомъ. Потемкинъ тратилъ громадныя суммы на брилліанты, на любовныя и на строительку дворцовъ, въ которыхъ никогда не жилъ. Онъ пресыщенъ роскошью и его вкусы то и дѣло переѣзжали отъ одной крайности къ другой; лакомился онъ то азиатскою тертою рѣдкой, ѣздилъ то въ почтовой перекладной, то въ зочнымъ комфортомъ. Не менѣе роскошно жилъ графъ подаренной ему Гатчинѣ. Когда онъ отправлялся на

Фокшаны, то сборы его даже въ то роскошное время или всѣхъ своимъ великолѣпнѣмъ; особенно богаты были платья, изъ которыхъ одно, осыпанное брилліантами, стоило 1000 р.! Свита его составляла цѣлый дворъ: тутъ были камергеры, и камергеры, и пажи, и 24 лакея, разодѣтыхъ въ черныя ливреи. Обозъ посла состоялъ изъ великолѣпной кухни, погребовъ, роскошныхъ экипажей и т. д. «Однимъ словомъ, говоритъ Гельбигъ, сборы въ путешествіе могущественнаго государя не могли-бы обойтись дороже этой командировки. Другой Орловъ, Алексѣй, любилъ выставять свои богатства въ Москвѣ предъ изумлявшеюся толпою. Такъ, онъ любилъ обыкновеніе выѣзжать на народныя гулянья въ парадномъ платьѣ, обвѣшанный орденами. Статный конь его былъ въ азіатской сбруѣ, причеиъ сѣдло, уздечка и чепракъ, по свидѣтельству очевидцевъ, были буквально залиты золотомъ и драгоцѣнными камнями. Немного поодаль отъ графа ѣхала его дочь и только дамъ на превосходнѣйшихъ лошадяхъ въ сопровожденіи дворянскихъ кавалеровъ. За ними слѣдовали берейторы и конюхи, а въ числѣ не менѣе 40 человекъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводской лошади въ роскошно-вышитыхъ пополахъ и золотой сбруѣ. Затѣмъ тянулся длинный рядъ богатыхъ дворянскихъ экипажей: кареты, коляски и одноколки, запряженныя парами и четверными одномастными коней. Пріѣзжая на гулянье, графъ Орловъ-Чесменскій заводилъ цыганское пѣніе, пляски и танцы, а также боя, награждая щедрою рукою всѣхъ потѣшавшихъ его артистовъ (Карновичъ, 309). Еще болѣе роскошно жилъ Безбородко. Онъ тратилъ громадныя суммы на своихъ любовницъ. Такъ, напр., онъ платилъ ежемѣсячно на одну только любовницу по 8,000 р. золотомъ, подарилъ ей однажды разомъ 100,000 р., а когда она уѣзжала за границу, при разлукѣ онъ подарилъ ей 500,000 р. Выдавая замужъ другую свою любовницу, Анну Лепочку, онъ далъ ей въ приданое городъ Рожественъ, имѣвшій 80,000 р. ежегоднаго дохода, и домъ въ Петербургѣ, стоившій 300,000, да кромѣ того мужу ея исходатайствовала генеральскій чинъ. Всѣ другіе фавориты и вельможи, Зоричъ, Манинъ, Зубовъ и т. д. жили не менѣе роскошно. («Записки Григорія Орлова», 5, 11).

Въ лицахъ старалось подражать все остальное дворянство не только въ Петербургѣ, но и въ провинціяхъ. Особенно много роскошнаго барства сосредоточивалось въ Москвѣ. Жизнь дворянъ, живущихъ въ Москвѣ, говоритъ тогдашній французскій путешественникъ, невѣроятно. Русскихъ вельможъ

весьма немного въ Петербургѣ. Освободившись отъ слѣб, всё переѣзжаютъ въ Москву. Петербургъ не представляетъ никакого примѣра этихъ колоссовъ роскоши и азіатской пышности. Дворцы этихъ магнатовъ были громадны и роскошны, биты рѣдчайшими коллекціями, книгами, статуями, картинами. «Можно подумать, говоритъ Кларкъ, что обобрали всю Европу для составленія богатѣйшихъ московскихъ музеевъ». Были у Бутурлина, Разумовскаго, Демидова и Головкина славныя коллекціи всей Европѣ наравнѣ съ картинными галереями голландской, гагаринскою, головкинскою, козловскою и др. «Естественныя историческія коллекціи Бутурлина, говоритъ Кларкъ, были самыя замѣчательныя въ Европѣ; не станемъ говорить о другихъ музеевъ, разбѣянныхъ по Москвѣ». Независимо отъ этихъ дворцовъ въ самой Москвѣ, каждый вельможа имѣлъ свою подмосковную, не менѣе роскошную, чѣмъ его городскія усадьбы. Таково было, на примѣръ, знаменитое Петровское Боровское. «Это имѣніе, говоритъ Коксъ, походитъ своимъ устройствомъ, чѣмъ на дачу. Оно состоитъ изъ 50 домовъ. У гр. Разумовскаго находятся тутъ тѣлохранители, множество музыкантовъ, оркестръ музыки». Здѣсь гетманъ жилъ только лѣтомъ, окруженный блестящимъ военнымъ штатомъ, генералами, полковниками, почетными караулами, толпами егерей, гайдуковъ, гусаровъ, роходовъ, карликовъ, шутовъ и т. д. (А. Васильчиковъ, 1). Такъ-же по-царски жили и крупныя помѣщичьи отдаленныя усадьбы. Даже на окраинахъ государства, гдѣ-нибудь въ необитаемомъ оренбургскомъ краѣ, дворянская роскошь старалась подражать великолѣпію петербургскихъ и московскихъ дворцовъ. Держа у себя по 50, по 100, даже по 500 чел. дворовыхъ людей, принимая и угощая встрѣчныхъ и поперечныхъ, имѣя каждый свой ежедневный открытый столъ челоѣкъ на 20, на 30, на 100 знатныхъ и незнакомыхъ, помѣщичьи доводили свою роскошь до бездѣльности.

Отъ вольможъ роскошь переходила къ дворянству, а отъ дворянства къ другимъ зажиточнымъ классамъ, чиновничеству, духовенству, купечеству. Каждый важный чиновникъ, какъ изъ дворянъ, такъ изъ купечества, окружалъ себя пышностью, чтобы придать себѣ большую важности. Даже при Петрѣ В. сибирскій губернаторъ Гагаринъ имѣлъ всѣхъ свою необыкновенную пышностью; за обѣдомъ и у него кушанья на пяти—десяти серебряныхъ блюдахъ представляли соотвѣтствующей тому обстановкѣ серебряною и золотомъ отделанною. Колеса его кареты были окованы серебромъ, а подковы лошадей были также серебряныя и даже золотыя. (Карновичъ, 1).

Не менѣе роскошно жилъ при Екатеринѣ II сибирскій

Черинъ. За столомъ Чичерина ежедневно обѣдало не м. Въ торжественные дни, одѣтый въ мантию, увѣченными, онъ принималъ всѣхъ значительныхъ лицъ которые являлись семинаристы съ поздравительными стишкомъ и латинскомъ языкахъ. Роскошные обѣды Чичерины сопровождались обыкновенно музыкой, пушечною пальбою и ружейною стрѣльбою. На масляницѣ Чичеринъ съ дамами и со святой онъ садился въ сани, конвоируемые гайдуками и драгунами, а въ другія сани съ оркестромъ музыкантовъ. У нѣкоторыхъ сани останавливались, музыканты бѣжали въ переднюю и хозяинъ встрѣчалъ въ дверяхъ губернатора. Чичеринъ выпивъ, ватага уѣзжала, забравъ съ собою хозяевъ; Чичеринъ забиралъ въ свои сани всѣхъ значительныхъ и везъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и ужинъ. Екатерина Чичерина, чтобы провинціальныя правители жили какъ можно особенною пышностью отличались торжества по случаю намѣстничества, для которыхъ было отправлено въ городъ казеннаго столоваго серебра на 1.750,000 р., чѣмъ въ высшему курсу составляетъ около 15,000,000. Въ случаѣ открытія намѣстничества, были вызваны киргизы съ султанами, остяцкіе и вогульскіе князцы. Чичеринъ и зло подсмѣялся надъ намѣстниками, сказавъ «на карточныхъ престолахъ сидятъ мишурные цари», губернаторы, а вслѣдъ за ними и остальные чиновники, обладая далеко не призрачною властью, окружали себя роскошью, которая далеко не соответствовала обстановкѣ и роскошью, которая далеко не соответствовала его положенію. Каждый намѣстникъ окружалъ себя, кромѣ того, и чѣмъ, цѣлью котораго было внушить обывателямъ страхъ и уваженіе къ его особѣ. Въ Могилевѣ гр. Чернышевъ въ управленіе пѣшкомъ, «предшествуемъ штатомъ по доверенности маршала и сопровождаемъ военными чиновниками и шляхетствомъ губерніи, такожь молодыми благородными, какихъ каждому генераль-губернатору позволено иметь по два съ каждаго уѣзда. Въ небольшомъ разрядѣ крыльцомъ правленія ожидали его швейцары отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа и отъ призыва и отъ обоихъ департаментовъ верхняго суда по одному. Они были въ перевѣсахъ малиноваго цвета и держали передъ собою мѣдныя щиты, на которыхъ находили штату государева намѣстника до дверей прав-

ленія, гдѣ графъ входилъ въ присутствіе, а прочіе всѣ сидѣли въ залѣ и другихъ покояхъ».

Отъ намѣстниковъ и губернаторовъ роскошь и пышность усвоилась провинціальнымъ дворянствомъ и горожанамъ. Вѣтавѣ, напримѣръ, и вообще въ Малороссіи роскошь развилась во времена генералъ-губернатора кн. Куракина, которому старшимъ раба полтавскій предводитель Кочубей; у него было 100 душъ, но онъ прожилъ все состояніе и разорился дотогу, на что было его хоронить. До того-же времени въ Полтавѣ очень просто: поваровъ не было и всѣ держали кутарокъ. Манское было неизвѣстно и въ продажѣ было одно крымское по 1 р. 50 к. ведро, иностранныхъ языковъ нѣтъ не было. (Р. Арх. 1868, 1072).

Дворянскую и чиновничью роскошь старались перенять купцы и духовные. Въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, напримѣръ, соборные старцы и настоятели носили бархатныя рясы, штаны съ серебряными и золотыми пряжками, коввые чулки. У настоятеля Гедеона, про котораго говорятъ «Гедеонъ нажилъ миллионъ», пряжки на башмакахъ были алмазныя и стоили 10,000 р. Даже въ баню, на которой мандриль лавры ѣздилъ съ необыкновенною пышностію, въ каретѣ.

Въ началѣ XIX в. роскошь архіерейства и богатаго дворянства сдѣлалась еще сильнѣе и утонченнѣе и въ книгѣ о жизни покойнаго Ростиславова можно найти интересныя подробности. Нѣкоторые преосвященные и архимандриты жили въ магнатами.

II.

Переходя въ частности къ разнымъ видамъ роскоши, видимъ, что главными мотивами ея были тщеславіе и наслажденіе. Роскошь была сначала только модою, оди не отставать отъ другихъ, и старались жить сошме не только у себя дома, но и въ дорогѣ «порядочный чинъ жалъ себя не такъ, какъ обыкновенные смертные. Въ выѣздѣ изъ дома, каждое путешествіе и поѣздка въ такъ, чтобы пустить людямъ пыль въ глаза. Временныя вельможи путешествовали съ возможно большею пышностію. Для К. Разумовскаго, напримѣръ, на каждой станціи было 200 лошадей (Соловьевъ, XXIV, 175). «Во время путешествій кн. Потемкина, говоритъ Кокекъ, впереди англичанинъ-садовникъ съ 600 помощниковъ и съ вѣ...

разбивалъ садъ въ англійскомъ вкусѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановиться князь, хотя-бы на одинъ день. Порожки, усыпанныя пескомъ и окаймленныя цвѣточными, сажались деревья и кусты всякаго рода и величины. Если жила дольше одного дня, то увядшія растенія замѣнялись новыми, привозимыми иногда изъ далекихъ мѣстъ. Кажется, что и министры, даже исправники ѣздили съ пышностью, соответствующею ихъ рангу. Въ Сибири даже ученые экспедиціи сопровождали съ солдатами, музыкантами, и ихъ посправедливому замѣчанію Миддендорфа, были равны по пышности и нашествію непріятельской арміи. (Истор. Акад. Научнаго общества, I, 621).

Въ разныя вельможами, почти всѣ помѣщики, даже и дворяне, вращали свои выѣзды и поѣздки въ своего рода «шести» или Елисаветъ и Екатеринѣ экипажи богачей блистали пышностью. Дорогія лошади служили не столько для ѣзды, сколько для выѣздовъ. Золоченныя колеса, красная сафьяная сбура съ золотымъ боромъ, кучера въ бархатныхъ кафтанахъ съ бобровою опушкой, кареты съ зеркальными стеклами, вызолоченныя снаружи, украшенныя съ кокардами и бантати на головахъ, впереди кареты наярженныя скороходы съ длинными булавами, а сзади, гайдуки, одѣтые гусарами и егерями—такова была пышность «шести» богача куда-нибудь съ визитомъ, въ гости, въ деревню. Люди менѣе богатые шествовали съ меньшимъ блескомъ—такіе съ возможною для нихъ пышностью. Даже домашняя въ баню обставлялось своего рода церемоніаломъ, въ которомъ иногда дворовая челядь приносила своему повелѣнію: «имѣемъ честь поздравить выпаримшисѣ». Въ пышности массы общества, при отсутствіи умственныхъ интересовъ жизнь общества была крайне безсмысленна и монотонна. Даже такіе богачи, какъ гетманъ Юрій Котляревскій, жили крайне однообразно и скучно при отсутствіи богатствъ. Вотъ, что писалъ однажды сынъ Разумовскій въ домъ его отца: «Теперь мы живемъ съ бабусею и Михаиломъ Гудовичемъ. Мы живемъ, какъ въ монастырѣ, каждый знаетъ въ подробности, что дѣлается дру- гой день повторяется одно и то-же. Я встаю въ 7 часовъ, когда батюшка встаетъ, я первый ѣду въ баню; послѣ 10 часовъ начинается перевязка ногъ и одѣвание; тогда иду одѣваться. Въ полдень я снова прихожу къ батюшкѣ; въ 12 часовъ онъ играетъ въ триктракъ съ Адамомъ. Въ 1 часъ ѣду обѣдать. Я сижу за столомъ подлѣ батюшки,

всѣхъ насъ мужчинъ и женщинъ 20 человекъ: секретари служившіе, нѣсколько неуклюжихъ и нѣмыхъ родственницъ—все это была личность. Говорящихъ только насъ трое. Послѣ обѣда тѣтушку на креслахъ перевозятъ въ гостиную, съ полчаса разговариваютъ, потомъ каждый идетъ къ себѣ отдыхать до пяти часовъ. Въ пять собираются къ чаю. Потомъ играютъ въ бостонъ. Вдоль до девяти часовъ ужинъ. Потомъ я остаюсь еще у бабушки играть въ Гудовичемъ. Въ 11 часовъ всѣ расходятся. Здѣсь страшное жестокое крысы... Бабушка окруженъ котами, но они до того ленивы, что крысами вовсе не занимаются» (А. Васильчиковъ, I, 4).

Но люди вродѣ Разумовскаго были еще тронуты культурою—все-таки умѣли разнообразить жизнь сообразно своему состоянию. Масса же провинціального дворянства жила еще моголовно, тересуясь удовлетвореніемъ однѣхъ только чувственныхъ своихъ потребностей, о чемъ такъ часто говорила сатира ХУІІІ в. Ѣда, питье, чувственные наслажденія, изрѣдка хожденіе по хозяйству въ баню или церковь—вотъ въ чемъ состояла вся жизнь, большая половина которой отдавалась сну. Чтобы удлиннить послѣобѣдныя часы «на сонъ грядущій» выпивали, заставляли рассказывать себѣ сказки, приказывали чесать себѣ пятки и т. д. Спать послѣ обѣда считалось почти обязательнымъ во всѣхъ классахъ общества. «Этотъ сонъ, поговариваютъ Инсарскій, входилъ въ составъ непреложныхъ бытовыхъ законовъ провинціальной жизни. Обѣда и сна послѣ обѣда составляло одно нераздѣльное дѣло. Невозможно было представить обѣда безъ послѣ обѣденнаго сна. Если вы входили въ чей-либо домъ и вамъ говорили: «обѣдаютъ» или «спятъ» по обѣда» это было равнозначительно и равно пользовалось правомъ устранения малѣйшихъ помѣхъ и нарушеній какими бы то ни было дѣлами и обстоятельствами. Хозяина легче было выгнать или выгнать когда онъ обѣдаетъ, нежели когда спитъ. И надо знать, что провинціала, слѣдующій за провинціальнымъ обѣдомъ, чтобы осмѣлиться нарушить его. Послѣобѣденный сонъ былъ въ такомъ почетѣ и уваженіи, что засыпали не только старшіе, хозяева, но и пода—засыпалъ рѣшительно весь домъ, не исключая дѣтей, слуги, собакъ, даже домашнихъ птицъ. И это отнюдь не выдумка, но истинная дѣйствительность» (Половодье, 180).

Общественныхъ развлеченій было мало, театры существовали только въ столицахъ, а въ настоящемъ вѣкѣ въ нѣкоторыхъ бернскихъ городахъ, клубовъ то же не было, въ ХУІІІ в. было даже трактировъ и только въ Петербургѣ да въ Москвѣ существовали *герберии* съ квартирами, постелями, столомъ, чаемъ, *чекулатомъ*, билліардомъ и т. д. Даже старинныхъ

еленій, противъ которыхъ такъ сильно вооружалось ду-
 въ городахъ было мало и они ограничивались пасхаль-
 ями, масличными гуляньями, святочными вечеринками.
 они были однимъ изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ въ XVIII
 въ, III, 508). Они не утратили своей популярности и
 а въ Москвѣ медвѣжьѣ травля за Рогожскою заста-
 твовала еще недавно (Русск. Вѣстникъ, СХХIV, 81).
 е популярны были кулачные бои, которые до сихъ поръ
 въ въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Бобровѣ, Томскѣ и
 бо римскимъ патриціямъ, заставлявшимъ публично сра-
 ютъ гладиаторовъ, нѣкоторые помѣщики усгранвали ку-
 и между своими крестьянами, а извѣстный Орловъ, живи
 , давалъ эти представленія въ манежѣ Въ этихъ бояхъ
 в не одно простонародье, а также любители купцы, дво-
 яшки, даже духовные. Въ Ельцѣ въ половинѣ XVIII в.
 д, въ которыхъ мѣщанами предводительствовалъ город-
 крестьянами — исправникъ. Въ Москвѣ, даже въ началѣ
 а Неглинной ходили другъ на друга стѣной на стѣну
 духовной академіи и студенты университета.

дѣлѣ добродѣтелей какого-нибудь индивидуума, гово-
 рскій, чуть-ли не прежде всего принималось во внима-
 овъ или не силенъ? Человѣкъ сильный пользовался
 привилегіями сравнительно съ человѣкомъ не сильнымъ.
 аго силача смотрѣли всѣ съ особымъ уваженіемъ, какъ
 ѣ можетъ отдубасить cadaго ни за что ни про что.
 аше физической силы было, впрочемъ, явленіемъ весьма
 въ средѣ, гдѣ люди съ малолѣтства приучаются бо-
 ваться на кулакахъ, тянуться на палкахъ, поднимать боль-
 вт. п., гдѣ маленькіе мальчики вѣчно дерутся на улицѣ
 вѣ, гдѣ каждый изъ взрослыхъ, повидному солидныхъ
 вѣ, уже отцовъ семейства, непременно кулачный боецъ,
 тотъ или другой храмовой праздникъ принять личное
 е участие въ любимой народной забавѣ» (Половодѣ,
 одинъ изъ признаковъ силы, большой ростъ тоже счи-
 въ изъ главныхъ достоинствъ человѣка, и даже въ началѣ
 вѣко бывали случаи, что благодаря исключительносвоему
 вѣдали карьеру или терпѣли по службѣ рѣшительную
 вѣ бывало даже въ духовномъ вѣдомствѣ. Ученый, но
 архимандритъ Іосифъ Каринскій, напримѣръ, неодно-
 старшинству и учености былъ предлагаемъ въ архіереи,
 всегда отказывалъ. Одинъ изъ синодальныхъ членовъ
 выразился: «онъ по натурѣ пигмей, а думаетъ о себѣ,
 № 10 1883 г. I.

что онъ съ Ивановскую колокольню». Другой-же замѣтилъ достоинствъ быть архіереемъ, но всю ризницу по своему репортитъ». «Между тѣмъ какъ великаны пересуживали переводили его изъ монастыря въ монастырь. Карпинскій до глубокой старости и скончался мирно, не получа ареста по причинѣ, что былъ малаго роста и высокаго ума» (Землепосадка, 23).

Если ростъ и сила играли такую роль даже въ духовныхъ стѣнахъ, то, понятно, какое значеніе они должны были имѣть въ классахъ общества. Ими хвастались, ими наслаждались, ими вали. Естественно, что подобныя удовольствія притупляли и огрубляли нервы, и общество доходило до того, что стекала въ театръ смотрѣть на публичное тѣлесное наказаніе. Команды съвозъ строй солдатъ или на городской площади съвозъ на эшафотъ или плетью на кобылѣ преступниковъ, зрители сами вали со всѣхъ сторонъ, мужчины, женщины, дѣти, во время своего дѣтства знавали любителей, которые не считали ни одного случая, чтобы не полюбоваться на казнь, а въ 1864 г. я знавалъ въ Красноярскѣ старика землемѣщика, который послѣ отбывши тѣлесныхъ наказаній, любилъ смотрѣть, какъ въ острогѣ съкутъ арестантовъ или воровъ и бессмысленныхъ бродягъ. У помѣщиковъ и у чиновниковъ также и истязать людей тоже сплошь и рядомъ превращалось въ обычную манію. Трудно сказать, насколько противодѣйствовало этому влиянію этихъ грубѣйшихъ наслажденій церкви, но было много грубаго вкуса. Въ богослуженіи, напримѣръ, тѣли прежде всего требовали, чтобы дьяконъ ревѣлъ октавою такъ, чтобы стекла дрожали. Московскіе купцы любили такихъ протодьяконовъ и басовъ пѣвчихъ по своимъ хорамъ чудовскій и синодальный были популярнѣе всякихъ многихъ губерніяхъ тоже существовали превосходные хоры, пѣніе которыхъ тоже восхищало обывателей духовныя оперы. Вообще, духовное пѣніе было въ чрезвычайной степени любительскіе хоры существовали во всѣхъ городахъ, напримѣръ, рассказываетъ про одного пензенскаго купца: «Онъ былъ неукротимымъ любителемъ церковнаго пѣнія, человѣкъ почтенный, солидный и въ нѣкоторой степени образованный, совершенно завладѣлъ клиросомъ Преображенской церкви, въ приходѣ которой жилъ. Ни малѣйшихъ знаній пѣнія онъ не имѣлъ вовсе, да и вкуса тоже. Всѣ его заботы направлены были къ тому, чтобы пѣть выше и громче. Онъ завербовывалъ въ свой оригинальный хоръ всѣхъ,

мко кричать. Охотниковъ разумѣется изъ чиновнаго міра избытокъ; но онъ не гнушался и другими званіями. Такъ числѣ въ число своихъ хористовъ какого-то двороваго челядь свирѣннымъ видомъ, огромнѣйшей головой, покрытой густыми, стоячими черными волосами и всѣмъ возвышенно это удивительнѣйшій басъ. Этотъ басъ дѣйствительно какъ быкъ, причемъ свирѣная его фигура достигала степени свирѣности, но толку всетаки никакого не вышло потому что ни самъ басъ, ни распорядитель хора не имѣли никакого понятія объ изяществѣ пѣнія. Этотъ удивительный басъ въ то-же время былъ знаменитымъ кулачнымъ бойцомъ» (тамъ же, 356).

Чудовищныя глотки приводили въ страшное изумленіе людей, которымъ доводилось въ первый разъ слышать ихъ. Вотъ какъ рассказываетъ одинъ бывшій пѣвчій саратовскаго архіепископа годовъ. «Однажды преосвященный Іаковъ взялъ насъ въ церковь, за Волгу, въ с. Всесвятское. По дорогѣ намъ пришлось ночевать въ одной нѣмецкой колоніи. Въ это время у насъ былъ какой-то праздникъ. Въ одинъ домъ, гдѣ была музика, собрались и мы. Нечдолго терпѣли наши наибольшіе нѣмцы, да какъ разомъ хватили: «Не бѣлы-то снѣги!», мы закричали и пошла катать. Нѣмцы и рты разинули. Они и понятія не имѣли и не знали, что у людей, какъ наши протоіаконы и священники, могутъ быть такія горла. Между нашими басами былъ одинъ Синицынъ. Это въ родѣ бабки, которою забиваютъ гвоздь съ собой, небольшого росту, широкій, и глотка—хоть въ ротъ не войдетъ. Какъ разинулъ свою пасть Синицынъ, нѣмцы: «бикъ, бикъ»; водка пьете? — «Не много». Хозяинъ и подноситъ чашку. — «Я изъ такихъ никогда не пилъ». Хозяинъ думалъ, что Синица слишкомъ велика и сталъ, было, брать поменьше. Но Синица взялъ квасной стаканъ и говоритъ: «вотъ, наливайте!» Нѣмцы съ недоувѣріемъ чалили, полагая, что онъ шутитъ; но когда Синица хватилъ его залпомъ. У хозяина и гостей чуть глаза вылезли, такъ ихъ удивило это. Синица подаетъ стаканъ и говоритъ: «позвольте еще!» Но нѣмцы закричали въ голосъ: «нельзя, сдохнетъ, сдохнетъ!» Синица сѣлъ и пересталъ петь, а нѣмцы, глядя черезъ десять хозяинъ видитъ, что гость не сдохъ, и показываетъ ему на стаканъ и говоритъ: «ну теперь выпейте еще?» — «Да что-жь съ вами дѣлать, коль вы скупецъ? Я скупой? Нѣтъ, пей милій шеловѣкъ! Пей!» Синица опять загорланнлъ. Нѣмцы были въ восторгѣ, какъ отъ другихъ басовъ, такъ и отъ того, сколько эти басы

могли выпить водки, и пошли отъ чистаго сердца, до отъ всей вѣроятности, вся колонія не выпила-бы столько на праздникъ, сколько наши пѣвчіе, человѣкъ десять, выпили одну ночь».

Таковы были главныя общественныя увеселенія. За рѣдкими приходилось довольствоваться домашними потѣхами и ченіями, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ принадлежало шутовству и всевозможнымъ издѣвательствамъ надъ чуждою личностью. Шуты были вездѣ, но нигдѣ они не держались такъ долго и нигдѣ, въ Европѣ по крайней мѣрѣ, шутовство достигало такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ въ Россіи. Первый преобразователь, въ лицѣ котораго великій умъ и самая совершенная гражданская доблесть соединялись съ варварствомъ, обратилъ шутовство даже въ государственное учрежденіе. Онъ обзавелся даже шутовскимъ царемъ, должность котораго исполнялъ жестокій и вѣчно пьяный кн. Ромодановскій, «за что какъ называлъ его самъ Петръ. У Петра было множество карликовъ, дурь, карликовъ, уродовъ. На парадныхъ обѣдахъ карликовъ выходили на мужскомъ столѣ нагая карлица, а въ домашнемъ — карликъ. Петръ любилъ также великановъ и смѣшанныхъ, которыми публично боролся, а уродовъ и инородцевъ, «сидящихъ на дурнѣ рожей и смѣшнѣ», собиралъ со всего государства и посылалъ въ подарокъ иностраннымъ государямъ. Что же касается карликовъ и карлицъ, то ихъ расплодили, они производились въ такомъ числѣ, что не было ни одного дворянина и барина, у котораго-бы ихъ не было. Въ 1710 г. на свадьбѣ карлика ихъ было 72. Эти шутовскія потѣхи доходили до такой какой-то кровожадности. Въ Астрахани, напр., при Петрѣ командиръ мичманъ Мещерскій, котораго генералъ Матюшкинъ, захвативъ его «для домашней забавы, публично держалъ за дурака. Мещерскій вино на голову наливалъ и зажигалъ и остригъ по жидкости и мазалъ его сажею» и т. д. Потомъ Мещерскаго присвоили извѣстный Волынской, который, вымазавъ его сажею, привелъ въ вывороченномъ кафтанѣ, вмѣстѣ съ дуракомъ Иваномъ, привязать на деревянную кобылу и привязать къ обѣимъ бокамъ по пудовой желѣзной гирѣ и по живой собагѣ заднимъ концомъ. Черезъ два часа Мещерскаго, снявъ съ кобылы, увели въ тюрьму, гдѣ Волынской «велѣлъ на ледъ насыпать соли и, снявъ Мещерскаго, посаженъ былъ голымъ тѣломъ на ледъ и лежалъ на томъ льду часъ», и т. д. При дворѣ Анны Ивановны было шесть шутовъ, въ томъ числѣ гр. Апраксинъ, кн. Волконскій и кн. Голицынъ, множество карлицъ, уродовъ, и

людь, которыхъ она собирала для своей потѣхи со всего государства. Нечего рассказывать, какъ по случаю шутовской свадьбы барликовъ былъ выстроенъ знаменитый ледяной домъ и было потребовано изъ отдаленнѣйшихъ провинцій множество инородцевъ. Эти несчастные, отъ хорошаго, конечно, ухода, мерли какъ мухи. Въ одной партіи татаръ и башкирцевъ изъ 148 чел., въ Москву было привезено только 57, остальные умерли дорогою; въ другой—изъ 418 чел. въ Москву привезено 86, а 332 умерли дорогою.

При императрицѣ Елисаветѣ положеніе придворныхъ шутовъ сдѣлалось гораздо легче, но несчастные инородцы, выписываемые для шутовства, терпѣли попрежнему. Однажды даже изъ Камчатки были выписаны 6 молодыхъ инородческихъ дѣвицъ, за которыми конвоировавший ихъ фурьеръ Шахтуровъ такъ ухаживалъ, что всѣ онѣ еще въ Сибири забеременѣли и родили. Въ Иркутскѣ «съ помощью» Шахтурову дали еще офицера («Др. и Нов. Росс.», 1877, I, 224). При Екатеринѣ шутовъ уже не было и исполнявшій ихъ должность Нарышкинъ представлялъ собою уже новѣйшую форму шутовства... Что-же касается частныхъ лицъ, то шутовство, особенно у помѣщиковъ, держалось въ самыхъ грубѣйшихъ формахъ вплоть до нашего времени, да держится и нынѣ и издѣвательство надъ человѣческой личностью, надъ какою-нибудь пьяницей или дурачкомъ, составляетъ не послѣднюю статью русскійскихъ развлеченій.

Гораздо лучше, чѣмъ шутамъ и барламъ, жило тѣмъ животнымъ, которыми такъ любили окружать себя бары,—мартышкамъ, попугаямъ, скворцамъ, собакамъ, лошадямъ, свиньямъ и т. д. Это животнoлюбіе особенно процвѣтало во времена Анны Ивановны. Виронъ любилъ лошадей болѣе всего, и знаменитый архитекторъ Растрелли воздвигнулъ для него подлѣ дворца манежъ, содержаніе котораго стоило ежегодно 100,000 р. Особенно много было любителей собакъ, которыя держались сотнями и тысячами, и помѣщики вообще заботились о нихъ больше, чѣмъ о своихъ людяхъ. У извѣстнаго генерала Измайлова, напр., въ началѣ настоящаго вѣка было 670 собакъ и онѣ жили положительно лучше измайловскихъ крестьянъ. Бывали такіе господа, которые заставляли своихъ крестьяночекъ кормить щенятъ грудью. Собакъ любили, впрочемъ, не столько платонически, сколько за ихъ способность къ охотѣ, этой любимѣйшей забавѣ благороднаго человѣка. Къ охотѣ приучали съ малолѣтства. Болотовъ рассказываетъ, что въ его время была такая «у многихъ глупость, чтобы брать съ собою на охоту маленькихъ дѣтей, коихъ приучать отъ младыхъ летъ къ сей вредной и разорительной забавѣ» («Записки», I,

57). Въ программѣ, составленной для воспитанія Петра Дидка прочимъ, значится; въ понедѣльникъ пополудни отъ 2-го до 3-го часу учиться, а потомъ солдатъ учить; пополудни вторникъ и четвергъ съ собаками на поле; пополудни въ среду солдатъ учить; пополудни въ пятницу съ птицами ѣздить; пополудни въ субботу музыкою и танцованіемъ; пополудни въ воскресенье въ лѣсъ, въ домъ и въ тамошніе огороды (Соловьевъ, XIX, 112). Охота считалась любимѣйшею потѣхою двора, она была запрещена частнымъ лицамъ на 35 верстъ кругомъ Петербурга подъ страхомъ ссылки въ каторжную работу.

При Екатеринѣ барскія охоты сдѣлались гораздо многочисленнѣе и роскошнѣе прежняго, и въ мемуарахъ того времени чуть не на каждой страницѣ читаешь объ охотахъ или о сбродныхъ охотникахъ, которые ни о чемъ другомъ не говорили какъ о собакахъ да о дичи. Лишь только какая-нибудь особа хотѣла выѣхать въ поле, какъ охотники «со всѣхъ сторонъ» являлись къ нему толпами, какъ комары и мухи. Нѣкоторые охотились каждый день (Болотовъ, III, 854). Помѣщикамъ въ это время случалъ подражали и чиновники, генералы, офицеры, губернаторы, исправники охотились не хуже помѣщиковъ и въ некоторыхъ случаяхъ даже старались сдѣлать охоту въ извѣстныхъ мѣстахъ своею привилегіею. Въ тридцатыхъ годахъ, напр., въ охотныхъ походахъ Новочеркасска было *Генеральское озеро*, на берегу котораго охотиться имѣли право одни генералы. Озеро постоянно сторожили три казака; если захватывали посторонняго охотника, то его тутъ-же наказывали плетью («Др. и Нов. Росс.», 1879, I).

Псарни и конюшни были лучшими службами при барскихъ охотахъ, которыя особенно послѣ Екатерины становились все болѣе и болѣе роскошнѣе. Сады и парки дѣлались съ прудами, искусственными озерами, тротами, пещерами, бесѣдками, цѣпями и всевозможными выдумками праздной барской фантазіи, замками, мостами, руинами, подземными лабиринтами, храмами, статуями и т. д. Одинъ помѣщикъ, рассказываетъ о барскомъ саду въ деревнѣ котораго было всего два колодца, поставленные на каменныхъ и деревянныхъ раскрашенныхъ статуяхъ крестьянскихъ ногъ, одна нога которыхъ была поднята. Крестьяне перестали ходить, а изъ колодцевъ воду («Дѣтск. годы, 474). Въ такой обстановкѣ баринъ нерѣдко отъ нечего дѣлать начиналъ выдумывать какія-нибудь штуки, придумывалъ игрища, устроивалъ процессіи и т. д.

Нѣкоторыя помѣщичьи потѣхи отсылались уже къ культурѣ, которая постепенно проникала въ жизнь, исполненную

слаженіи. Бары обзаводились пѣсенниками, плясунами, пѣвцами, музыкантами изъ своихъ крѣпостныхъ. Всѣ остныя артисты проходили самую суровую школу и кризисы ихъ игры обыкновенно прописывались на ихъ вѣкахъ тѣлѣ на конюшнѣ. Впрочемъ и съ казенными актерами, даже въ первой половинѣ ХІХ в. распоряжались жестоко, били, сажали въ полицейскую кутузку, а въ кутузкѣ даже надѣвали имъ на голову желѣзные рога. Крѣпостныя артисты начали размножаться съ конца прошлаго вѣка и уже въ началѣ нынѣшняго ихъ было довольно много. Объ одномъ изъ нихъ баринъ Озеровъ въ 1808 г. писалъ: Вообразите длинный, высокій ящикъ—это театръ; 40 дворовыхъ, всѣ изъ которыхъ ни на одномъ порядочнаго человѣческаго лица), маршируютъ по музыкѣ и часто не въ тактъ; и наконецъ, камергеръ средняго роста, худошаваго, въ шлемѣ и епанчѣ, обложенъ перьями, сидящаго на колесницѣ бумажной, это—герой Александръ Македонскій. Въ двадцатыхъ годахъ большой театръ держалъ въ Орлѣ гр. Каменскій. Актрисы совершенно взаперти, подѣ замкомъ и карауломъ. Во время репетицій въ ложѣ графа лежала книга, въ которую онъ записывалъ ошибки своихъ артистовъ и въ антракты собственноручно приходилъ съ ними плетью. Около того-же времени въ Пензѣ была театральная труппа Г—ва. Подлѣ дома своего, на городской площади построилъ каменный театръ, и въ немъ все было, какъ въ театрѣ, и партеръ, и ложи, и сцена. На эту сцену выгонялъ артистовъ и дворня свою отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портняжки. Онъ предпочиталъ трагедіи и драмы, но для развлечения заставлялъ иногда играть и комедіи. Послѣднія шли плохо и могло быть только что-нибудь хуже первыхъ. Вся это труппа—то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось пошлостью, нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяны и бѣлыя были иногда замѣтны синія пятна. За деньги (которыя, артисты получалъ господинъ) играли несчастные по зимамъ (I, 73).

«Историческій словарь» (1787 г.) въ свое время восторгался, что «родное русское дворянство, вошедшее во вкусъ благовоспитаніемъ, начало находить свою забаву въ зрѣніи театровъ прочихъ безбуйственныхъ удовольствій». Просвѣщеніе, благонаравіе и нѣжность въ обхожденіи; жестокость, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ театрахъ русскіихъ провинціяхъ невѣжества не видно». Но, въ концѣ XVIII вѣка, съ возникновеніемъ театровъ, «забавы буйственныя»

вовсе не были оставлены; во-вторыхъ, крѣпостные театры едва-ли не столь-же грубымъ и безчеловѣчнымъ удовольствіемъ, какъ кулачный бой или охота. Наши бары, забавляясь ими въ нравственномъ отношеніи не выше богачей и мѣщанъ Востока, наслаждающихся танцами и пѣснями своихъ рабовъ и наслаждались-то бары не столько искусствомъ, сколько что посредствомъ этого искусства они пускали другъ друга въ глаза.

Вообще, по замѣчанію Вигеля, «болѣе изъ тщеславныхъ изъ охоты, многіе богатые помѣщики составляли изъ крѣпостныхъ людей своихъ оркестры и заводили цѣлыя труппы актеровъ, какъ говорили тогда въ насмѣшку, ломали перья комедь. Когда дѣла ихъ разстраивались, они слугъ своихъ посылали въ губернскихъ городахъ играть за деньги; одинъ изъ нихъ, Столыпинъ, нашелъ, что выгоднѣе отдать своихъ актеровъ на наймы на московскій театръ, который тогда не находился въ крѣпостномъ управленіи» (ib., I, 183). У нѣкоторыхъ театраловъ крѣпостныя артистки составляли ихъ гаремъ и участвовали въ оргіяхъ (ib., II, 134). Одинъ изъ этихъ театраловъ, Калашниковъ, уѣзжая по зимамъ въ Петербургъ, привозилъ съ собою актеровъ, музыкантовъ, пѣвчихъ и собакъ. Когда его спрашивали зачѣмъ онъ привозитъ актеровъ, когда въ Петербургѣ есть театръ, онъ отвѣчалъ: «У меня на сценѣ, какъ и въ всѣхъ театрахъ, всѣ актеры и пѣвчіе кланяются, а въ вашемъ театрѣ и не замѣтитъ». — «Зачѣмъ у тебя до 500 собакъ?» спросили его. — «Ахъ, владыко, тебѣ этого не понять: вѣдь какъ разбредутся по кустамъ, да поднимутъ лай, дакъ что ты слышишь!» Всѣ эти театры были очень убыточны для ихъ владельцев; многіе изъ нихъ въ конецъ раззорялись, подобно грѣшному театралу, который для затѣи

На крѣпостной балетъ сигналъ на многихъ оурахъ
Отъ матерей, отцовъ отгорженныхъ дѣтей.
Самъ погруженъ въ зеэирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ,
Но должниковъ не согласилъ къ отерочкѣ:
• Амуры и зеэиры всѣ
• Распроданы по одиночкѣ!

Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ XVIII в., бѣдные люди искусства и науки ничего не понимали въ нихъ и корчили комедію, какъ Корсаковъ при Екатеринѣ, въ вопросѣ призваннаго имъ книгопродавца, какія ему нужны для его библіотеки, отвѣчалъ: «это ужъ ваше дѣло; ста...

книги на нижнія полки, а маленькія на верхнія, словомъ, осударыни».

и рядомъ всё эти роскошныя бібліотеки, галереи, держались только на показъ, какъ у заводчика Турча-о смерти котораго «наслѣдники его подѣлили бібліотеку авныя части, разбирая каждый по книгѣ изъ cadaго

и рядомъ эти любители искусствъ были шутами горо-потѣшавшими публику. Гр. Скавронскій, напр., предпочи-му музыку, давалъ глупѣйшіе концерты и слуги его гово-нямъ не иначе, какъ речитативами. Кн. Гагаринъ, губер-Пензѣ, каждое утро облакался въ костюмъ царя Дави-рая на арфѣ, пѣлъ псалмы (Вигель, III, 89, IV, 19). Пен-омѣщикъ Струйскій завелъ у себя въ имѣніи роскош-графію и раззорялся на изданіе своихъ дурацкихъ вир-орне онъ писалъ на особо устроенномъ парнасѣ и въ-костюмѣ: во фракѣ съ парчевымъ камзоломъ, подпоясан-нымъ платкомъ, съ подвязанною длинною косою, въ бѣ-вахъ и башмакахъ съ бантиками. Этотъ виршеплетъ былъ-тираномъ своихъ крестьянъ, судилъ ихъ на парнасѣ, за и противъ нихъ, пыталъ и безчеловѣчно наказывалъ.любителей было множество и нѣкоторые изъ нихъ по-маже всероссійскую извѣстность, какъ гр. Хвостовъ, раз-са на изданіе своихъ сочиненій.

одни музея, картины, бібліотеки, оркестры существовали на а вся барская роскошь заводилась не столько для удо-нія потребностей, сколько для пусканія пыли въ глаза.иствѣ случаевъ роскошь только маскировала собою грязь,ища полна жизнь. Даже при дворѣ, вплоть до Екатерины II,овали вмѣстѣ съ роскошью неряшество. Во всемъ бытѣ тог-дворяства проявлялась чудовищная смѣсь модной роско-кусія и «страшной нечистоплотности» (Манштейнъ, 181).и при Аннѣ расплозились массы таракановъ, выводить ко-оручалось канцлеру гр. Остерману, знавшему «секретъ».ерманъ, въ свою очередь, поражалъ иностранцевъ своимъомъ, комнаты у него были убраны безъ всякаго вкуса,и какъ нищія, серебряная посуда не чистилась и казалась,самъ онъ носилъ отвратительную грязную одежду. То-ство было и при Елизаветѣ. Во время путешествій го-виту и даже наслѣдника съ женою помѣщали кое-какъкъ палаткахъ; иногда въ комнатахъ великой княгиниолѣно вода, иногда печи въ ея спальнѣ имѣли огромныя

щели (А. Васильчиковъ, I, 63). Со времени Екатерины гра-
дворца исчезла, но въ частныхъ домахъ оставалась попре-
Вообще, въ первую половину настоящаго столѣтія масса на-
ства жила хотя и роскошно, но грязно.

Были, конечно, и въ то время люди съ утонченными
культурнымъ лоскомъ, но они составляли меньшинство. Бо-
ство же роскошничало по модѣ и възъ тиеславія. Каждый
старался блеснуть своими хоромами, обстановкою, двор-
лядью, число которой нерѣдко доходило до нѣсколькихъ са-
ною кормившихся около него приживальцевъ. «Подлинно
а рай пресвѣтлый былъ», рассказываетъ дворецкій у Ма-
о кн. Заборовскомъ. Нѣкоторые вельможи, впрочемъ, съ
менными вкусами, предпочитали солдатскую организацію.
Случалось, что генералъ въ отставкѣ превращалъ свой
крѣпость, жену въ адъютанта, дочерей въ караульных
ровъ, отдавалъ формальные приказы, принималъ при-
далъ выговоры, сажалъ подъ арестъ и т. д. Самое безупреч-
гостепрѣимство было какъ-бы обязанностью богатаго барина.
жавшаго обыкновенно ежедневный открытый столъ для зна-
и незнакомыхъ, человѣкъ на 30, 50, 100. У К. Разумовскаго
въ Батуринѣ домъ былъ открытъ для званныхъ и незваныхъ
лю только явиться къ хозяину и гости сколько хотѣли
проживали по мѣсяцу и болѣе. Каждому назначалось особ-
шеніе, особая прислуга и предоставлялось требовать
люкъ какой-угодно экипажъ. Гостемъ могъ быть каждый
или чиновникъ. За столъ Разумовскаго садилось ежедне-
тидесяти человѣкъ; кромѣ того, подавался обѣдъ и въ
гостямъ, не желавшимъ участвовать за общимъ столомъ.
вѣ гостей были и офицеры почетныхъ карауловъ, кото-
чались къ графу, какъ къ фельдмаршалу и полковнику
скаго полка. За обѣдомъ ежедневно игралъ домашній
къ концу обѣда, за десертомъ, пѣли пѣвчіе (А. Васи-
463). Въ Петербургѣ, въ 20—30-хъ годахъ, у известнаго
время Оленина, ежедневно съ утра до ночи было
гостей, о числѣ которыхъ можно судить по тому, что у-
лось 17 коровъ, а сливокъ иногда не хватало. Самы-
кимъ гостепрѣимствомъ отличались обыкновенно двор-
водители, какъ напр., кievскій, Облонскій. Онъ имѣлъ
восемь тысячъ душъ и жену-красавицу и кокетку
томъ обменовенно жила въ деревнѣ, а только по-
ѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ
тельно, у него столъ не накрывался, а не раскрывался

шли; завтракъ оканчивался водкой, за которой непоследовалъ продолжительный обѣдъ; послѣ обѣда за нихъ называли, не сходили со стола; послѣ чаю было иное отдохновеніе и все это заключалось столь-же въ ужиномъ. Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались передъ обѣдомъ или послѣ ужина (Вигель, I, 63). Вслѣдъ за вельможами чиновниками откупщики, купцы, нѣкоторые арміею чиновники сѣвши перещеголять другъ друга роскошью гостепрѣимствомъ. «Гости у насъ не переводятся», вѣщаетъ Инсарскій о своемъ отцѣ, провинціальномъ. Мы часто ходили въ гости чай пить и къ намъ хотѣли чай пить. Начиналось съ того, что къ «чайку» принадлежала большая доля «ромку». Съ окончаніемъ этой оперы по рюмочкѣ, по двѣ, по три какого-нибудь винограднаго вина и преимущественно, сколько помню, которая была въ большомъ ходу и большомъ почетѣ. За нѣмъ бесѣды, устраивалась довольно капитальная закуска, по которой выпивалось по рюмочкѣ какой-нибудь знатной изъ безчисленнаго ряда настоекъ разныхъ напитковъ, ибо каждый старался непремѣнно перебить своею напитокомъ другія, а во время закуски выпивалось опять по двѣ «винограднаго». Результатомъ всѣхъ этихъ закусокъ, что гости, сытенькіе, раскраснѣвшіеся, подвыпившіеся въ самомъ отличномъ расположеніи духа домой продолжительныхъ изъявленій благодарности, обращенныхъ къ хозяйкамъ, говорили: «къ намъ милости проявляйте!» (Половодье, 235—6).

Это гостепрѣимство и эти угощенія превращались въ настоящія оргіи, но большинство барства кутило періодическая великолѣпные пиры и забавы только по большимъ поводамъ, по поводу свадебъ, именинъ, крестинъ. Самый Потемкинъ въ Таврическомъ дворцѣ, былъ въ во всей Европѣ по своему великолѣпію. Иногда пиры и забавы были импровизированными театральными. Однажды, напр., государыня велѣла Зубову пригласить Строганова. Зубовъ отправился на большомъ каучуке, атаковалъ его дачу, сдѣлалъ десантъ; графъ Зубовъ своихъ пушекъ, наконецъ, опустил флагъ и сдался. Вообще роскошные праздники давалъ Зоричъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ почти ежедневно давалъ обѣды на 100 пушечною пальбою, музыкою, иллюминаціями, маска-

радами. По случая прїѣзда государыни въ 1780 г. жалъ на отдѣлу своего и безъ того роскошнаго замка вонцевъ, и выписалъ одного фарфора на 60,000 р.

П. Шереметевъ, устраивалъ поистинѣ царскія т. своеемъ подмосковномъ Кусковѣ. Здѣсь въ домѣ были гобелены, яшмовыя вазы, огромныя зеркала, статуи, искусство бронзы и художнически разрисованныя плафоны. Была одна изъ сплошныхъ венеціанскихъ зеркалъ, другая обдѣлано хитомъ. Въ оружейной находились, между прочимъ, да въ золотыхъ ножнахъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями было 17 прудовъ, обширныя оранжереи, карусели, голландскія и итальянскія домики, китайская башня на японской съ колоколами, каскады, водопады, фонтаны, подъемныя мосты и проч. Въ особомъ домѣ былъ столъ, гдѣ по желанію гостя опускалась внизъ и вновь каждая тарелка. Такихъ механическихъ кувертовъ въ Кусковѣ былъ заведенъ и звѣринецъ, въ которомъ американскіе, архангельскіе и сибирскіе олени (до 6 пѣгые и черныя волки, лисицы, медвѣди, дикія козы, гави. Погребъ былъ наполненъ самыми дорогими винами великолѣпномъ имѣніи Шереметевъ давалъ роскошныя ства, на которыя однихъ званныхъ гостей собиралось столъ сервировался золотою посудою на 60 прѣбываніи 1786 г. ежегодный расходъ на содержаніе этого имѣнія равнялся до 16,000 рублей. Отъ вельможъ не отставала охоты, и празднества и пированія продолжались и сколько недѣль.

Шумнѣе всѣхъ праздниковъ были именины домашнихъ считались важнѣ пасхи, рождества, троицы, къ именинамъ за нѣсколько недѣль. Къ имениннику барину съѣзжали «барскія». Обѣды съ процессіями, поздравленія, обѣды и пушечной пальбой, балъ, спектакль, ужинъ.

Даже мелкіе захолустные чиновники, гдѣ-нибудь считали священнымъ долгомъ праздновать именины роскошно. Вотъ что рассказываетъ, въ мемуарахъ изъ своей жизни въ г. Курганѣ. «Засѣдатель Курганскаго уѣзда праздновалъ день своего ангела. Утромъ онъ пришелъ пригласилъ меня къ себѣ къ двѣнадцати часамъ. Я засталъ тамъ всѣхъ именитыхъ жителей Курганскаго уѣзда. Они входѣ меня привѣтствовали радостнымъ крикомъ и называемыхъ здѣсь пѣвчими; они, стоя спиною къ двери, кладывая правую руку къ губамъ, чтобы усилить звѣръ»

одномъ изъ угловъ комнаты. Такъ встрѣчали каждо. На громадномъ столѣ стояло блюдо двадцать, но приборовъ, ни стульевъ вокругъ. Это имѣло видъ закуски. Преимущественно тутъ находились пироги, обыкновенно съ говядиною, но на этотъ разъ съ чаю поста. Кромѣ этого, стояло множество холодной пирожныхъ. Хозяинъ съ большою бутылкою хвѣх ходилъ по комнатѣ и торопился угощать своихъ не постоянно пили за его здоровье, но къ величайшему изумленію не обнаруживали ни малѣйшихъ признаковъ. вмѣсто вина, Иуда Никитичъ угостилъ насъ другою—именно медомъ, напиткомъ, который очень цѣнится какъ въ этой странѣ нѣтъ пчелъ; однако всѣ меня, предпочитали водку. Я ждалъ каждую минуту, дверь въ другую комнату и попросить садиться за столъ; гости понемногу, другъ за другомъ, разошлись; нѣтъ послѣдовать ихъ примѣру.—Что-же это конецъ?—Съви, шедшаго со мною.—«О, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ—идти домой спать, а въ пять часовъ снова всѣ соберутся въ назначенному часу и опять явился. Сцена нѣсколько другая, большой столъ по-прежнему стоялъ посреди комнаты, на немъ красовались во множествѣ пироги, миндаль, изюмъ и китайскія варенья, отъ которыхъ, въ числа ихъ особенно выдавался родъ желе или варенья яблоковъ, нарѣзанныхъ ломтиками. Теперь появилась молодая и привлекательная особа, и вмѣстѣ съ нею и дочери гостей. Подали чай съ французскою водкою, въ которомъ сокъ клюквы замѣнялъ лимонъ. Поставили еще столы и составили бостонъ, тянувшійся до тѣхъ поръ, пока напитки позволяли игрокамъ отличать карты. всѣ наконецъ разошлись. (Достопамят. Годъ, I, 197—9).

III.

Въ первой половине XVIII в. карточная игра быстро разошлась во всѣхъ классахъ общества. Проигрывали и выигрывали, ссорились, дрались, шулерничали, даже большіе господа держали у себя шулеровъ. Известный Зоричъ имѣлъ у себя въ Шкловѣ бостонъ для всякихъ игроковъ и шулеровъ всѣхъ сословій. въ немъ ни распространено было картежничество, оно далеко не такъ сильно, какъ тотъ недугъ, о которомъ въ писанной легендѣ еще князь Владиміръ сказалъ, что

«Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти». обыкновенно укоряло въ пьянствѣ народъ, но народъ меньше горожанъ и изъ всѣхъ европейскихъ обществъ, конечно, — русское. При Петрѣ въ высшихъ властно господствовалъ «Ивашка Хмѣльницкій», преобразователь. Пьянство на ассамблеяхъ доходило дообразія. «Всепьянѣйшій соборъ» шелъ еще дальше. У князь-кесаря Ромодановскаго людей заливала медвѣдь, разносившій гостямъ перцовку и заливавшій пить. Пьянство было ежедневное, непрерывное, даже пріѣзжіе иностранцы, какъ объ этомъ можно судить изъ отрывкамъ изъ дневника Вебера: «мы въ такой степени погрѣлись старымъ венгерскимъ, что никто изъ насъ не могъ разсудокъ и въ такомъ положеніи насъ развезти въ мѣста, остальные просто повалились на землю такъ, что ужинномъ слѣдовала вторично такая сильная выпивка, что въ памяти разблелись по своимъ постелямъ, но еле-еле въ 12 часовъ вздохнуть часа полтора, какъ явился царскій фельдшеръ, вынулъ насъ изъ перинъ и потащилъ въ покои спавшихъ насъ супруговъ кн. Черкасскаго, гдѣ мы передъ его глазами опять погрѣлись снова виномъ и водкою до такой степени, что на другой день никто изъ насъ не могъ припомнить, кто ели и пили». Въ 8 утра насъ пригласили во дворецъ на завтракъ, состоялъ изъ доброй чарки водки» и т. д. При Петрѣ у всѣхъ было много дѣла и пьянство постоянно сопровождалось работою, но въ слѣдовавшую за смертью преобразователя эпоху сдѣлался непрерывнымъ. Иностранцы посланцы доносили своимъ дворамъ: «Въ боярскихъ домахъ не только пьютъ, что день и ночь веселятся на всѣмъ, но и серьезно не занимаются. Я рискую прослыть за безобразіе здѣшной жизни. Кто могъ-бы подумать, что въ эти ночи проводятъ въ ужасномъ пьянствѣ и расхлябываютъ 5 или 7 часовъ утра. Болѣе о дѣлахъ не заботятся» (Общ., III, 439 и др.). Разумовскій, Апраксинъ и др. по свидѣтельству Щербатова, страшно пьянствовали. Они сочинили партію при дворѣ. противную кн. Трубецкому, но вали почти и всѣ другіе вельможи. Со времени Елизаветы при дворѣ уже не было, но многіе государственные люди, какъ бородко, Завадовскій и др., пили ужасно, а во время празднествъ заливалось до смерти иногда чашкою (Зап. Державина, 331)... При Павлѣ, рассказываетъ академія наукъ, собравшись гдѣ-нибудь въ гости

нія ризь и ихъ развозили замертво по домамъ. Ихъ, въ ресторанахъ «оканчивались жестокимъ пьянствомъ и дракою». При Александрѣ, извѣстный Новосилецевъ, почти ежедневно до безпамятства и однимъ изъ насъ его было *перепивать* крѣпкихъ питуховъ, изъ коихъ за ночь до смерти одного помѣщика (Іѳ., 1882). Временахъ ближайшихъ къ намъ можно сказать словарскаго, что «главною капитальною чертою ихъ было Оно царило съ поразительнымъ могуществомъ и увлещительно всѣхъ... Пьяницъ очень знаменитыхъ и пьянѣ знаменитыхъ было безчисленное множество. Пьянчачинали еще съ дѣтства, лѣтъ съ 12» (Половодье). Лучшіе страны, писатели, ученые, художники спивались съ Сомосовъ, Сумароковъ, Костровъ, Аблесимовъ, Нахимовъ, Измайловъ, Озеровъ, Мерзляковъ, Нарѣжный, Полезыковъ, Соколовскій, Губеръ, Надеждинъ, Шевченко, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Щаповъ, Денинъ, др. скоротали пьянствомъ свою жизнь. Пьянствомъ особенно два сословія, купечество и духовенство. Со монастырь издревле славился тѣмъ, что, какъ говорится вѣной монашеской пѣснѣ,

Чашу мори Соловецкаго

Пилъ для здравья молодецкаго.

безшабашное пьянство вело за собою много раззореній, всевозможныхъ скандаловъ, преступленій, болѣзней, сажъ въ припадкѣ бѣлой горячки. Ему изумлялись бывавшіе въ Россіи европейцы, имъ возмущались даже азіятцы. Въ сибирскіе купцы, торговавшіе съ Джунгаріей, забравшее, часто проливали и проигрывали всѣ свои товары. «Вали тамъ и другія непотребныя дѣла дѣлали». Китайцы часто жаловались на пьянство русскихъ купцовъ и даже имъ ѣздить въ Китай «ради ихъ безмѣрнаго пьянства». Не безпокоили китайцевъ пьянство и дебоши русскихъ въ Пекинѣ, изъ которыхъ одинъ затесался пьяный богдыханскій дворецъ и произвелъ тамъ страшный скандалъ. Китайцы заковали его въ кандалы и выслали въ Селенгинскъ въ письмѣ, которое мы приводимъ въ тогдашнемъ перепискѣ Тайцинъ государства изъ посольскаго приказу въ Россійское государство въ сенатъ, на жите государства поны и школьвики подано на письмѣ нашего: «Антонія попа накололъ ножемъ, ваши попы и школьвики между себя не въ совѣтѣ, супостатно, никакъ въ одномъ»

мѣстѣ жить невозможно, назадъ выслать, такъ поппа Ивана въ ваше къ пограничному правителю о ради послали прохладное письмо». Этотъ поппъ Филиппъ потомъ пьянствовалъ въ Иркутскѣ, шатаясь по городамъ *странника Хинскаго юсударства* и забавляясь разказами о своихъ пекинскихъ похожденияхъ.

Наконецъ, однимъ изъ главныхъ предметовъ роскоши была. Еще задолго до Петра семейные идеалы Домостроя праны и половая распущенность, сдѣлалась только прежняго. Самъ Петръ былъ очень падокъ къ женщинамъ, что его «метриски» стоятъ ему дешево, не то вибуй «Ментенонша». Петръ не былъ ревнивъ; прав своихъ метресъ онъ однажды высѣкъ за шапки и по крѣпко сердился на жену, но въ большинствѣ случаевъ не ревнивъ и уже въ его время вольность нравовъ крайности. На пирушкахъ и ассамблеяхъ того времени лахъ и въ шутовскихъ процессіяхъ сплошь и рядомъ валь самый грубый цинизмъ. Строгіе брачные законы обходились, браки расторгались, женились на раз открыто жили съ чужими женами, незаконные дѣти равни съ законными.

Въ послѣдующее время, вплоть до конца XVIII в. нравовъ постепенно усмирялась. «Страсть любовная Щербатовъ, — до Петра I почти въ грубыхъ нравахъ начала чувствительными сердцами овладѣвать. Женщ, чувствовавшія своей красоты, начали силу ея позн стараться умножать ее пристойными одѣянiями, раск кошь въ украшенiяхъ». Но, не смотря на это, не см то, что нѣкоторые уже знали любовь, основанную только разности половъ», какъ выражается фонъ-Вин теръ любви вплоть до начала XIX вѣка оставалс веннымъ. О большинствѣ русскихъ женщинъ прошлаго справедливо замѣчаетъ, что «онѣ не знаютъ другихъ кромѣ чувственныхъ, и часто предаются своимъ раба разумѣется, не евнухи; крѣпкое тѣлосложение и здор дять ихъ выборомъ». Волокитство сдѣлалось главнымъ русской молодежи, жившей на счетъ крѣпостного XVIII в., говорить одинъ современникъ. — молодой че торый не могъ представить очевиднаго доказательства вращенности былъ принимаемъ дурно или и вовсе не былъ съ обществѣ своихъ товарищей и долженъ был ваться знакомствомъ съ однимъ пожилымъ людьми, д

ся туда-же. Кто не развращенъ былъ на дѣлѣ,—хвастатомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ ничастенъ быть не могъ».

ество требовалось даже приличіемъ; имѣть метрессъ, нѣсколько разомъ, считалось признакомъ хорошаго тона, вельможи тратили на любовницъ и все свое богатство свое здоровье, какъ извѣстный Шуваловъ, ко- выраженію князя Шербатова, «во удовольствіе своего іа всегда имѣлъ многихъ метрессъ, которымъ не жалѣя наль, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою принималъ ежедневно лекарства, которыя и смерть ему ». Порядочная женщина тоже считала своимъ долгомъ орита, и одна дама въ тогдашнемъ сатирическомъ жур- ется на чудачество своего мужа, который не слушаетъ ѣ относительно того, что «въ хорошихъ сосіететахъ за почитаютъ *махать* отъ скучныхъ мужей и что, напро- хъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ, а ежели-бы нль порокъ, то-бы всеконечно ихъ въ хорошихъ домахъ ». Нерѣдко случалось, что барыня содержала нѣсколько ѣ, часто мѣняла ихъ, тратила на нихъ громадныя сум- ашняя сатира преслѣдовала подобныхъ Мессалинъ та- меніями: «Для пополненія порожнихъ мѣстъ у одной ой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить , пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мѣщанъ до 12 кто пожелаетъ въ поставкѣ оныхъ подрядиться или и мидіе заступитъ тѣ убылыя мѣста, могутъ явиться у по- оветки, гдѣ и вондиціи имъ показаны будутъ» («Тру- Извѣстная барыня XVIII в., мѣнявшая и держав- говъ до глубокой старости, утверждала даже, что государству не малую пользу, воспитывая молодыхъ

» прельщаль многихъ, имъ бредили, его видѣли во еса какого-нибудь вельможи дѣлала, что хотѣла. сомъ генераль-губернаторѣ Селифонтовѣ, напр., всѣмъ го фаворитка Бойе съ дочерью, любовницею сына Се- Такою-же роль играла фаворитка тульского намѣстника а (Болотовъ, III. 1186). Вообще, дорого стоили странѣ лю- и барства, фавориты, метрессы, гаремы изъ крѣпостныхъ идина, особенно дѣвица, всегда могла сдѣлаться жертвою. въ 1729 г. сынъ боярскій Бубенковъ заманилъ еѣ азака, изнасиловалъ ее и цѣлые пять дней «творилъ ное беззаконное дѣло», потомъ прогналъ ее. Митропо- 10, 1883 г. I.

литель Филофей писалъ Петру I, что казаки и чиновники своихъ разъѣздовъ берутъ вмѣсто ямщиковъ женщинъ и дорогою насилуютъ ихъ. Обычай чиновныхъ лошадей себѣ дорогою дѣвицъ былъ земскою повинностью, и въ Петербургѣ существовалъ въ Сибири вплоть до Амурскаго. Развратъ доходилъ до чудовищныхъ разгуловъ и роскошь и пьянство:

Роскошь, такъ ужъ роскошь—истинно безпутная,
 Бѣдность, такъ ужъ бѣдность—смерть ежеминутная,
 Голодь, такъ ужъ голодь—областію цѣлою,
 Пьянство, такъ ужъ пьянство—все съ горячкою,
 Похоть, такъ ужъ похоть—съ роковою силою,
 Сердцу, деньгамъ, разуму—всѣмъ грозить могла.

Порядочный человѣкъ гордился своимъ развратомъ и даже превосходили мужчинъ. Въ концѣ XVIII вѣка московскія аристократки завели «Еввинъ клубъ» съ танцами, оргіями и райскихъ вечеровъ. Въ XIX в. не мало было барышень, которыя ходили въ мужскомъ платьѣ, на коняхъ, охотились съ ружьемъ, играли на гитарѣ. Раззолоченныхъ гостинныхъ, изъ бальныхъ залъ въ вѣнскихъ ресторанахъ, гдѣ среди шумныхъ оргій пили шампанскаго въ аристократическихъ рюмкахъ, да на маскарадныхъ приличіяхъ, сбросивши всѣ маски и вуали, въ званіи къ общественному мнѣнію, онѣ подражали разврату и разгуламъ мужчинъ. (Пассекъ, I, 238). Участница этикета Ростопчина даже воспѣвала ихъ:

Полночь звучить. Сюда несите чашу,
 Благоуханный дайте ромъ...
 Всѣ свѣчи вонъ. Пусть жменя прихоть нашу
 Потѣшитъ радостнымъ огнемъ.
 Зовите таборъ къ намъ. Чтобъ пѣсню чудно шу
 Насъ встрѣтилъ вступленный хоръ,
 Чтобъ дакой радостью, чтобъ удалкою безумной
 Былъ пораженъ и слухъ и взоръ.

«Вѣтренные русскіе бары, говоритъ Васильчиковъ, продавали подмосковныя отчины, дары царскихъ милостей, семейными воспоминаніями, архивами и портретами. Если бы оставалась дача въ окрестностяхъ Москвы или Петербурга, она бы осталась въ родѣ ея строителя. Всѣ богатяи московскія заняты казенными заведеніями да и въ Петербургѣ насчиталось 3 дома, долѣе трехъ поколѣній сохранявшихъ свой родъ». Соря деньгами безъ счету, съ одной стороны, а на случай, барство постоянно было по уши въ долгахъ».

трубу. Кн. И. Вяземскій, напр., въ половинѣ XVIII в. о того, что, какъ рассказываетъ князь Щербатовъ, продать всё свои деревни, оставивъ только крѣпостнаго, который, ходя въ разныя мѣста играть за деньгъ и себя и барина. Захаръ Чернышевъ оставилъ смерти 2.000,000 долга, равнымъ образомъ и Безбоженъ, стоившій казнѣ болѣе 50.000,000 р., оставилъ наследство и въ то же время миллионныя долги, однимъ, напр., 19,000 р., садоводамъ за цвѣты 38,000 и т. д. ебѣ богачи, какъ Шафиры, бароны Соколовы, Разувронскіе, Будлянскіе, Закревскіе давно уже разорились въ неизвѣстность. То же было и съ купеческѣ или внуки богачей проматывали все нажитое ими. ннѣ богатства прошлаго исчезли, но духъ наживы меньше времени не исчезъ, выразившись въ новѣйшихъ временнаго хищничества, противъ котораго ратуютъ и во и моралисты.

С. Шашковъ.

дъ золотыми крестами и ярко бѣлящими въ сол-
лучахъ стѣнами лавры... Звонили къ вечернѣ.

минуту стоялъ онъ въ раздумьи. Онъ чувствовалъ себя
нѣмъ и плохо проведенной ночью, и пережитыми вол-
экзаменаціоннаго дня, поэтому ему было не до пе-
впечатлѣній мелькающихъ лицъ, а напротивъ, хотѣ-
кая и тихой бесѣды. Онъ повернулъ налѣво, къ лав-
былъ у него родной дядя по матери, іеромонахъ Ге-
Онъ довольно давно его не видалъ и къ нему-то те-
направился.

въ молчаса онъ сидѣлъ уже въ его кельѣ, за круг-
ломомъ, на которомъ бурлилъ въ облакахъ бѣлаго пара
какъ жаръ небольшой самоваръ, въ обществѣ пары
ныхъ граненныхъ стакановъ, графинчика съ ромомъ,
на блюдечкѣ и связки баранокъ. Самъ хозяинъ по-
за самоваромъ, въ большомъ кожанномъ креслѣ, и
ухлой и бѣлой, чрезвычайно красивой рукой держа
номъ маленькій, чистенькій чайничекъ, приготавливалъ
й напитокъ. Въ сторонкѣ, у ширмъ, за другимъ сто-
онопили надъ чѣмъ-то юный и миловидный келей-

нѣмъ заваривать чай и поставивъ чайникъ на кон-
железякъ съ шумомъ попятилъ въ сторону кресла, вы-
нѣ изъ за стола свое богатырское туловище, всталъ и
ся.

нѣмъ Геденъ былъ франтъ, балагуръ и красавецъ. Во
нуженія, въ бѣломъ парчевомъ облаченіи, съ своей
синева гривой густѣйшихъ волосъ, роскошно раз-
нѣ по могучимъ плечамъ, съ такими-же бородой и
нѣмъ тщательно расчесанными и полускрывавшими
нѣмъ губы, за которыми прятался двойной рядъ
нѣмъ бѣлыхъ зубовъ, влажными, точно маслины, боль-
нѣмъ, римскимъ носомъ и высокимъ, чистымъ, слов-
нѣмъ лбомъ, обвитый прозрачными волнами кадилъ-
нѣмъ — онъ былъ заглядывне. Не менѣе былъ онъ хо-
нѣмъ своей черной бархатной рясѣ, на которой выдѣ-
нѣмъ бѣлая, какъ мраморъ рука, красивымъ и плав-
нѣмъ преподająca благословеніе, при нѣжномъ
нѣмъ гранатовыхъ, отдѣланныхъ золотомъ, цветковъ, весьма

тонкой работы, подаренных ему одной из духовных дочерей, какую-то томной и нервной аристократической... Онъ былъ хорошъ даже теперь, съ заплетенными нѣсколько косицъ волосами и въ домашнемъ, сѣромъ, длинномъ подрясникѣ, который порядкомъ уже заносился. Конечно, очень хорошо сознавалъ производимое имъ на барынь, ибо не даромъ-же мыль руки не иначе, какъ кимъ-то дорогимъ и чрезвычайно ароматическимъ мыломъ, а всемъ остальномъ о. Гедeonъ былъ очень душевнымъ и стымъ человѣкомъ.

Молодой Елеонскій, средняго роста, съ блѣднымъ отнюдь не болѣзненнымъ, но теперь, благодаря усиленнымъ занятіямъ, нѣсколько похудѣвшимъ лицомъ, на которомъ чавилась маленькая, совсѣмъ еще дѣвственная и нежная щая въ рыжину бородка, одѣтый въ коротенькій и уютный сюртучекъ, изъ котораго онъ словно выросъ, казался не нени съ дядей чуть не ребенкомъ. Семейное сходство с ними было, однако-же, несомнѣнное, что особенно вышло въ характерѣ губъ и вообще всей нижней части лица. Во всемъ-же другомъ они представляли собою двухъ антиподовъ. Да это было и не мудрено. Отецъ смуглый, живой, съ порывистыми движеніями, звонкимъ и раскатистымъ хохотомъ, имѣвшій въ себѣ что-то изъ того, что было уроженцемъ жгучаго юга, что сказывалось и въ временахъ въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, когда онъ выговаривалъ: «ночь», «дочка» и проч. Бывшій же со своимъ широкимъ и симпатичнымъ лицомъ, нѣсколько даже простоватаго славянскаго типа, и съ торопливою рѣчью и лѣнивыми, какъ-бы раздѣленными движеніями, являлъ собою истаго сѣверянина. Онъ былъ сирота. Отца, бывшаго священникомъ одной изъ бургскихъ церквей, онъ не помнилъ, а мать, цѣлую часть въ послѣдніе годы своей жизни въ пріютѣ для вдовъ, наго званія, умерла, когда онъ былъ на второмъ курсѣ семинаріи, и кромѣ отца-Гедeона, другихъ близкихъ родственниковъ у него не имѣлось. Дядя нерѣдко помогалъ ему деньгами, и въ другихъ отношеніяхъ, особенно въ периодъ сиротства, будучи вообще очень привязанъ къ нему. Тотъ съ своей стороны въ дѣлѣ чувства платилъ ему

еръ монахъ очень обрадовался приходу студента и дѣломъ ему попенялъ:

быль, братъ, забыль старика! (Выраженіе «старикъ», сильно къ себѣ, было со стороны Гедеона, конечно, виновнымъ кокетствомъ). — Что-жь такъ, Петрусь, а? какъ вамъ сказать, дядюшка?... Сперва, точно все, ну а потомъ занятія... Экзамены теперь вотъ у примѣръ...

гъ подмигнувъ недовѣрчиво и усмѣхнулся.

занятія?... Ну, ладно, нехай будетъ такъ. Садись, дайкомъ баловаться. Ѳедоръ! крикнувъ онъ тотчасъ-же ему:—что, поди, вскипѣлъ самоваръ-то?

тчасъ подаю, о. Гедеонъ! откликнулся тонкимъ голосомъ келейникъ, на минуту обернувшись къ нему, и сталъ и вышелъ изъ комнаты. Тонкій и стройный, с длинными русыми локонами вокругъ нѣжнаго личика и потупленнымъ взоромъ, онъ скорѣе походилъ на худъ перереженную деревенскую красавицу, чѣмъ на во грубаго пола.

тотчасъ-же появился и самоваръ, который юноша поставилъ на столъ, прошептавъ: «спаси Господи», и снова ушелъ въ свой уголокъ.

пью чай и пройдясь безмолвно по комнатѣ, причемъ сколько разъ бросилъ искоса взглядъ въ ту сторону, сидѣлъ келейникъ, какъ-бы крѣпясь что-то сказать, наконецъ не стерпѣвъ и воскликнулъ:

надъ чѣмъ ты тамъ возишься, Ѳедоръ? Все небось пошумѣло? Напишу я тебѣ, сказано разъ! Вотъ ужъ, садусь и напишу... Какой ты, однако! Видишь, гость ты тутъ торчишь... Неравно, сболтнется какое-нибудь слово, а для тебя это соблазнъ... Уходи ради Христа!

было сказано Гедеономъ безцеремоннымъ, но откровеннымъ, а скорѣе даже отеческимъ тономъ, и обродушнымъ подмигиваньемъ племяннику, изъ чего видно, что, прогоняя изъ комнаты юношу, онъ дѣлалъ это не изъ-за чѣмъ-нибудь заднимъ умысломъ, а не исключительно изъ-за страха за нравственность, потому что только тотъ, кто знаетъ съ собой свои письменныя принадлежности,

какъ онъ тотчасъ-же съ таинственнымъ видомъ шёлъ къ шкапчику красного дерева, который стоялъ у стѣны.

— Къ матери писать, въ деревню... поспѣшилъ мяннику пониженнымъ голосомъ и оглянувшись въ сторону.
— Вчера объ ней вѣсть получилъ, что больна, завтра вѣдь цѣлый день... Отмѣнно чувствительный малец!

Съ этими словами онъ тихонечко растворилъ никуда появившимся въ рукѣ его ключикомъ шкафъ, съ ружился, между прочимъ, довольно почтенныхъ графинь... О. Гедеонъ любилъ выпить, и здорово. Всѣмъ это было извѣстно, объ этомъ даже свидѣтели и красноватый кончикъ его римскаго носа, да онъ таилъ своей слабости, но лишь не любилъ и стѣснялся при этомъ процессѣ присутствовалъ кто-либо оченъ возрасту, или такое лицо, передъ которымъ съдобравъ жать свое достоинство.

— А ну-ко? качнулъ онъ пригласительно графиню мяннику;—риски да и закайся!

— Нѣтъ, дядюшка, лучше ужъ безъ меня... Вы знаете, что я не пью никогда, отвѣчала Елеонскій.

— Э-эхъ, сосуля ты, право, сосуля! — вздохнулъ и полѣзъ рукою къ графиню.—Такъ вотъ что! обрадовался что-то вспомнивъ и быстро обернувшись къ мяннику вѣрку. — Наливка, братъ, есть у меня! Прямо изъ печкомъ пришла! Муарѣ-антикъ, одно слово... амврозія совокупленные... Пьешь, что-ли, а? съ Гедеонъ, держа въ рукѣ черную засмоленную и увидѣвъ бутылку и сверкая глазами.

— Наливки, что-жь?... Наливки пожалуй... отозвался студентъ.

Дядя съ полнымъ удовольствіемъ досталъ небольшую налилъ въ нее изъ бутылки и бережно поднесъ Самъ-же чокнулся съ нимъ стаканчикомъ водки, «во здравіе!», осушилъ молодецки и крикнулъ, смилъ и отправилъ въ ротъ кусочекъ баранки. рюмку, предварительно ее вытеревъ полотенцемъ талъ обратно въ шкафъ, который и заперъ.

— Ну что? обратился онъ въ концѣ вонцова своему.

ороша...

о-то! Хоть царю Соломону, такъ и то въ пору-бы...
 въ бутылки всего и прислали, теперь одна остается,—
 онъ, садясь, и тотчасъ воскликнулъ: — Ну вотъ и

продвинулъ стаканъ и принялся за разливаніе чая.
 онъ невольно залюбовался на дядю, какъ истово, съ
 вниманіемъ и знаніемъ дѣла онъ этимъ занялся, какъ
 можно и въ мѣру налилъ изъ чайника въ два ста-
 канъ его кипяткомъ, еще прибавилъ изъ чайника—и
 пошелъ; какъ онъ обварилъ сперва лимонъ изъ подъ
 куратно и бережно разрѣзалъ на ломтики и опустилъ
 въ каждый стаканъ; какъ затѣмъ, взявъ въ обѣ
 руки два большихъ куска сахара, онъ погрузилъ ихъ
 въ одинъ за другимъ, изъ одной горсти племяннику,
 — точно такъ-же себѣ... Все это продѣлывалось съ
 сосредоточенностью, почти благоговѣніемъ алхимика,
 являющаго какой нибудь волшебный напитокъ, секретъ
 которому одному только извѣстенъ. И когда наконецъ оба
 стакана наполнены, онъ посмотрѣлъ въ нихъ на свѣтъ,
 плававшія сверху чаинки, обтеръ сухо-на-сухо поло-
 чайника ложки, разложивъ ихъ на блюдечки, и со-
 се удовлетворенный результатами своихъ манипуляцій,
 протянулъ одинъ изъ стакановъ племяннику.
 вводу рома опять вышла борьба. Елеонскій ни за
 глашался на пуншъ, и только въ видѣ особаго одол-
 женья налилъ себѣ одну чайную ложку, «для запаха».
 касается самого Гедсона, то онъ сперва отпилъ у
 стакана, а затѣмъ образовавшееся такимъ родомъ
 дополнилъ до самыхъ краевъ изъ графинчика...
 оба молчали. Гедсонъ сидѣлъ, отвалившись на
 своего вальяжнаго кресла, отъ-времени-до-времени под-
 ртупу стаканъ, отхлебывалъ, смаковалъ и, медленно
 глотокъ, ставилъ его обратно на блюдечко. Пле-
 едалъ, пока его чай остынетъ, и разсѣянно бро-
 саетъ по знакомымъ предметамъ.

сидѣлъ въ тѣни, у окошка, которое было отворено, и
 тихо струилась прохладная свѣжесть погожаго май-
 ра, чуть колебля головки резеды и левкоя въ горш-

кажъ, которыми уставленъ былъ весь подоконникъ, и тонкимъ ароматомъ сидящихъ. Изъ окошка видѣлись стырскій лугъ и деревья, покрытыя молодою листвою. Дальней аллеѣ мелькали черныя тѣни двухъ прогуливающихся монаховъ. Въ другое окно, наискосокъ отъ другихъ, жаркимъ полымемъ врывался огненный свопъ заходящаго солнца, заливая всю остальную часть комнаты находящіеся на этомъ пространствѣ предметы: и персидскій коверъ яркихъ цвѣтовъ на полу, и диванъ, и шпалерный столъ, заваленный какими-то тяжелыми книгами, и картину масляными красками, хорошей работы, въ позолоченной рамѣ, представлявшую одну изъ безчисленныхъ копій «Снятія со Креста», и висящій подъ ней с гравированный портретъ кого-то изъ знаменитыхъ иерарховъ россійскихъ... Мирно и вольно дышалось въ стѣнной комнате, самой веселой и уютной изъ двухъ, занятыхъ отцомъ Гедеономъ (въ другой, примыкавшей къ нему, была его спальня и стояло ложе келейника). Тамъ въ дали, кипѣлъ и гремѣлъ шумный городъ, а здѣсь и слышалось, какъ стучаетъ маятникъ гдѣ-то за дверью, словно баюкая, поетъ самоваръ, да отъ-времени-друга пискнетъ и шевельнется на жердочкѣ въ проволочной своей, что подвѣшена была подъ окномъ, мѣлкая птичка чахъ канарейка...

— А правда, здѣсь у меня хорошо? воскликнулъ Гедеонычъ, нарушая безмолвіе, въ которомъ они жили уже нѣсколько времени, цѣпенѣя, такъ сказать, въ стѣнахъ царившихъ вокругъ нихъ дремотнаго покоя. Онъ оглядѣлся вокругъ, остановивъ дольше вниманіе на портретѣ раженіемъ записного эстетика, на канарейкѣ, цѣпавшейся за тинѣ, и самодовольно прибавилъ:—Извѣстно, не паничеческая келья, только, а вѣдь уютно, а? Хорошое!

— Хорошо... молвилъ тихо племянникъ и оставилъ свой гій и мечтательный взоръ на перспективѣ лужка и что видѣлись ему изъ окошка...

Онъ былъ больше поэтъ, чѣмъ эстетикъ, и поэтъ этой зелени, замиравшей недвижно въ покоѣ лѣтняго а тамъ, высоко, наверху, голубого купола неба, въ дремало, розовѣя въ сіяньи заката маленькое одино-

е говорилъ душѣ его, будя въ ней какія-то смутныя
щемящія грѣзы...

что-же ты чай-то не пьешь? Простылъ вѣдь со-
будилъ его отъ усыпленія дядя.

скій оторвался отъ окошка, въ нѣсколько быстрыхъ
осушилъ свой холодный стаканъ, подвинулъ о. Ге-
деонъ просилъ еще.

рилась прежняя церемонія разливанія чая, причемъ
онъ влилъ себѣ добрую порцію рому. Онъ прини-
мать уже за третій стаканъ, какъ въ дверь послы-
шались повторенныя трижды, и чей-то голосъ сказалъ:
споди Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ!

именъ ползеть, молвилъ въ полголоса Гедеонъ, и
привѣтствовалъ: — Аминь!

II.

воренную дверь показался, опираясь на посохъ, ма-
ленькій старичекъ, въ темномъ подрясникѣ и чер-
ной, уже порыжьлой скуфейкѣ, изъ подъ которой
выступали жидкія пряди совсѣмъ сѣдыхъ волосъ, недости-
гавши плечъ. Когда-же онъ снялъ съ головы скуфейку,
то на ней оказалось совсѣмъ обнаженное, желтое и лос-
нящееся, какъ старый бильярдный шаръ, темя.

И да сахаръ! привѣтствовалъ онъ и взглянулъ на
Гедеонъ: — что рано засѣлъ чаевать-то?

и со скуки больше, о. Пименъ! отвѣчалъ Гедеонъ, —
ты, гость, видишь, ко мнѣ завернулъ, кивнулъ онъ на
Гедеонъ, который въ это время всталъ и подошелъ подъ
дверь къ Пимену, такъ какъ онъ былъ тоже іеромо-
нахъ, Петръ, мой племянникъ... Помнишь его?

Пименю, помню, видалъ, отвѣчалъ о. Пименъ, давъ
Гедеону человѣку приложиться, къ рукѣ и затѣмъ цѣлуясь
на губы. Онъ всмотрѣлся въ Елеонскаго своимъ
глазомъ, такъ какъ лѣвый былъ постоянно закрытъ
рукою, на первый взглядъ, Пимену насмѣшливый
прибавилъ: — Молодчина! Небось уже въ богосло-

ва-ха-ха, въ богословіи! разразился Гедеонъ своимъ
громкимъ хохотомъ, — экъ куда метнулъ, батя! Это когда

— Правильно, дядюшка, подтвердилъ Елеонскій фраза такъ: «repetitio est mater studiorum».

— Во, во, во! «studiorum», именно!.. А что, («studiorum»)?..

О. Пимень вдругъ оживился и его одинокій глазъ стѣль.

— «Studiorum»—родительный множественнаго, «studium, studii!» воскликнуть онъ торжествующе,—«знаніе!»

— Вѣрно! Ну, а скажи ты мнѣ, что значить «Omnis Gallia divisa est in tres partes»?.. Ага?

— Ну, это что... А ты мнѣ скажи, что значить «Arborum»?

— Гм... «Auxilium»? задумался Гедеонъ.

— «Помощь!» воскликнулъ опять торжествующе и даже съ волненіемъ.—«Pluvium»—дождь...

— «Arbor»—дерево, молвилъ задумчиво Гедеонъ, собака...

— А «panis»—хлѣбъ! восторженно крикнулъ Пимень;—ну, а еще мнѣ скажи...

Такъ какъ бесѣда начала принимать исключительнаго филологическаго характера, уклонясь притомъ отъ основной матеріи, то хозяинъ счелъ нужнымъ подхватить самое корнѣ, и повторилъ свой прежній вопросъ, нувъ снова на шкапчикъ:

— Ну, такъ какъ-же, отецъ, на счетъ репетитора?

Единственный глазъ о. Пимена принялъ острый видъ недоумѣнія, которое вдругъ замѣнилось испугомъ.

— Ни-ни-ни! замахалъ онъ руками и затрясъ головой. Упаси меня Господи! Я сказалъ, что одну, ну, одну!

— Да что заладилъ: «одну», «одну...» Одна у насъ, а это до насъ не касаемое... О. Пимень, а?... Ей-Богу не люблю!

— И не смущай! Вотъ выпей съ молодымъ человекомъ...

— Ну, батя, этотъ молодой человекъ еще хуже курить, ни пьетъ... Совсѣмъ святой человекъ! Вотъ монахомъ-то быть!.. Эхъ, ужъ и что только теперь дежъ! Не деруть небось нынче? обратился онъ къ...

пускаясь въ свое широкое кресло, а за нимъ занялъ
ежее мѣсто и Пименъ.

Въ семинаріи? Нѣтъ.

А въ наше-то время, бывало... Владычица пречистая!..
али? спросилъ онъ у Пимена.

Случалось... Дирали... отвѣчалъ тотъ задумчиво.

А ужъ сколько меня-то — я и не припомню теперь!
о разъ сволокли... Весь уголь скамейки изгрызъ — какъ
Помяловскаго описано... А Помяловскій ловко описы-
. Вотъ шельма!

Помяловскій очень ловко описываетъ! молвилъ опять
во Пименъ.

И больше всего за водку эту проклятую мнѣ достава-
Курить не курилъ, а до водки всегда былъ охочъ...
рыль — тѣмъ тоже влетало!

Я прежде курилъ, теперь бросилъ... Першить! объ-
Пименъ и раскашлялся.

И вотъ тогда за какой именно случай такъ меня ви-
Слушайте! Была у насъ на базарѣ торговка Оксана,
а, а у этой самой Оксаны — дочка... съ загорѣвшимися
и началъ повѣствовать Гедеонъ. Онъ, однако, понизилъ
шьно голосъ и опасно оглянулся на дверь, за кото-
ь другой комнатѣ, долженъ былъ находиться келейникъ.
а, ужъ не помню теперь, какъ звали ее... Катря? Нѣтъ,
ра... Марина? Нѣтъ, не Марина... Ну, да что, имя
у! Только ужъ и дивчина, я вамъ скажу!

Ну, ну, ну... Поѣхаль! перебилъ его Пименъ, поту-
сидливо потеръ себѣ лысину. — Ты ужъ... всегда
что начнешь!..

онъ пилъ уже пятый стаканъ чаю, каждый разъ под-
себѣ изъ графинчика, въ которомъ теперь оставалось
шько немного на доньшкѣ... Глаза его еще болѣе по-
теперь на маслины, и онъ часто обтиралъ на лбу
о всемъ остальномъ, въ немъ не замѣчалось ника-
неній.

разказалъ все-таки случай съ дочкой Оксаны, при
ыхъ эпизодахъ котораго Пименъ только покрывалъ
ывался, а Елеонскій зарумянивался и глаза его блес-
Затѣмъ настало молчаніе, но вскорѣ бесѣда опять

возобновилась и потекла мирной и неторопливой струей. Студент больше молчалъ, между тѣмъ какъ оба поникнувъ задумчиво дѣлу, бродили въ воспоминаніяхъ. Моваръ давно уже прекратилъ свое пѣніе и только по временамъ одну грустную и протяжную ноту смолкалъ, какъ-бы прислушиваясь и опасаясь нарушить сѣду... Канарейка притихла совсѣмъ и тоже, казалось, слушивалась... Елеонскій сперва слѣдилъ за разговоромъ вольно внимательно, но потомъ сталъ слушать разговора пока, наконецъ, мало-по-малу, его собственная, охота дума не забрала его окончательно, между тѣмъ какъ минанія обоихъ бесѣдующихъ все шире раздвигались. Времени до времени въ ушахъ его, какъ сквозь сонъ, раздавались то клочки какой-нибудь фразы Пимена, то зычное пѣніе Гедеона: «Отецъ ректоръ...» «Разъ преосвященнейшій...» «А вотъ, какъ у насъ...» «Нѣтъ, ты не знаешь насъ...» Разъ Елеонскому слышалось: — «За таврическимъ закономъ?» спрашивалъ съ удивленіемъ Пимень. — «Да съ табакомъ!!» торжествующе утверждалъ Гедеонъ. Вдругъ споръ закипалъ между ними: «Леонтій-то? Умеръ?» «Да врешь-же, онъ живъ!» — «Да умеръ!!» — «Да живъ!» Молодому человѣку уже начинало дрематься, когда будиль его какимъ-то вопросомъ и, мало-по-малу, въ общую бесѣду. Разговоръ незамѣтно перешелъ въ другое время, на живущихъ извѣстныхъ людей, на нѣкоторые случаи, коснулся, между прочимъ, и академіи... Студенту много разогрѣлся и заговорилъ оживленно и свободно, такъ какъ дѣло коснулось его собственныхъ интересовъ, опыта, и, какъ всегда это бываетъ, постепенно перешелъ разговоръ на свою личную жизнь, обратившись къ своимъ планамъ и намѣреніямъ, надеждамъ и опасеніямъ. Близость будущей духовной карьеры своей онъ привыкъ уже давно, можно сказать, въ этой мысли, и въ послѣднее время все ближе и ближе придвигался рубежъ, за которымъ были остаться стѣны академіи и начаться практическая жизнь. Разныя сомнѣнія и колебанія все чаще и назойливѣе нарушали спокойствіе духа студента.

— Да, братъ, вздохнулъ Гедеонъ, который съ участіемъ слушалъ его lamentаціи, — труднѣе тебѣ

Прежде-то, бывало, академикъ эвона что, пальцемъ достанешь, а теперь хвостъ-то прижали... Не удивительно, и почетъ ужъ не тотъ... Небось, въ деревню-то поехалъ? подмигнулъ онъ племяннику. — Ужъ самое же дѣло!

Да помиуйте, дядюшка, это мечта моя! Это высокая мечта! воскликнулъ Елеонскій. Онъ даже со стула вскочилъ. Елеонскій священникъ, стоящій близко къ народу, видящій въ немъ и радость и, замѣтите, такое лицо, къ которому невозможно питать довѣрїе въ десять разъ больше, чѣмъ къ земскому дѣятелю, врачу и т. п.—да это вѣдь между тѣмъ, что представляетъ изъ себя нашъ сельский священникъ? Онъ и кулакъ, часто держащій въ сѣтяхъ плугу, онъ и торгашъ, вымогающій подчасъ послѣднія копейки отъ мужика за исполненіе требы, онъ и кабаки содержитъ и подъ проценты даетъ... Позоръ!.. А коли не такъ — бѣдное, безотвѣтное существо, зависящее отъ каприза дряни въ деревнѣ и принужденное, подъ опасеніемъ потерять свой насущный кусокъ, ладить со всѣми, и не выжидать, а вклясться со всякимъ, какъ послѣдній мужикъ!.. А не могло-бы быть совершенно иначе? О, да какъ еще не такъ иначе! Конечно, тутъ ужъ пришлось-бы оставить мысль о поклоненіи мамону... Я увѣренъ, что еслибы глупый, просвѣщенный священникъ...

Ишь-ты, ишь-ты! перебилъ его Геденъ, который раньше кивалъ головою, очевидно наслаждаясь краснорѣчіемъ священника, — словно вѣдь по книжкѣ читаетъ... Каковъ у Гедена? а? обратился онъ къ Пимену. — Э-эхъ-хе-хе, Геденъ!.. Толкуй! А какъ вотъ будетъ жена, да пойдутъ ни годъ, ребятишки... Ну, да ладно!.. Ты вотъ свѣтъ въ театрахъ бываешь, и въ клубахъ тамъ, и въ со... А я монахъ, черноризецъ, отъ міра, значить, ... Только послушай ты меня, своего дядю-монаха, тебѣ скажетъ...

Онъ медленно поднялся съ кресла во весь свой ростъ, подошелъ къ племяннику и положивъ ему на плечи руки, продолжалъ проникновенно и важно, похлопывая тактъ своихъ словъ Елеонскаго, такъ-что тотъ даже задрожалъ:

— Въ деревнѣ тебѣ не бывать! Это ты ужь пойдешь бы ты тамъ ни говоришь, а я не допущу... Поищи! Не-до-пу-щу!.. Сестра моя покойница, а твоя мать, ей небесное, не даромъ мнѣ тебя поручила... Да и у меня изъ родныхъ... Всѣ примерли...—Тутъ Гедео поперхнулся, не то что-то другое съ горломъ его пошло, причеиъ глаза его немного увлажились, но онъ же оправился и круто закончилъ: — Значить, такъ тому слѣдуетъ! Пока я живъ и кое-кто меня еще слышитъ, ты не пропадешь! Что ты мнѣ ни пойдешь про деревню говоришь, одни пустяя слова, и я слушать ихъ не хочу, останешься въ Питерѣ—это ужь вѣрно! Пока я живъ, тебѣ въ Питерѣ, ты такъ и знай! И не говори, и не жай! Протекція тебѣ нужна? И протекція будетъ! Не бойся! И невѣсту найдемъ! И мѣсто... важное мѣстико! Не обсъвокъ, братъ, въ полѣ дядя-то твой! Коли пошло, такъ самую княгиню Хлыстищеву за брата брать, какъ! А ты думалъ что? Я простой человекъ, пашной человекъ,— ну, а коли до дѣла дойдетъ—отстану!.. Ну, значить, и толковать больше нечего! Гедеоиъ свою выразительную, но не совсѣмъ смелую снялъ свои руки съ плечей Елеонскаго, отошелъ и сѣлъ въ свое кресло.

Наступила короткая пауза. Племянникъ не всталъ ничего, а лишь тихо приблизился къ окошку и заперевшись, прикованный, остановивъ неподвижный и задумчивый на монастырскомъ лужкѣ и деревьяхъ...

— Да вотъ, коли на то ужь пошло! воскликнулъ Гедеоиъ, хлопнувъ рукой по столу,—завтра-же выйдешь! Да ей-Богу-же такъ! Что, въ самомъ дѣлѣ, моря да ждать погоды?.. Шабашъ, завтра начну! вѣрно! Вотъ я какой человекъ! Понадобится—княгинице на цугундеръ, а коли по купечеству понадобится, вдова Самопалова есть... Ходовой, братъ, я человекъ бываю только нигдѣ давно—вотъ бѣда... Изъ поповъ изъ поповъ никого не припомню!..

— Плавскій... тихо вымолвилъ Пимень, до того молча слушавшій Гедеоиъ,—Плавскій, изъ ***скаго Онъ теперъ еще благочиннымъ.

Слицица я валаамская! воскликнулъ обрадованный Ге-
звонко треснулъ себя по лбу ладонью. — Плавскій,
споди! Да какъ же не знать?! А ты какъ его знаешь?
земляки... Вмѣстѣ учились...

Да ну?! Съ Плавскимъ-то?

Съ Плавскимъ... Въ училищѣ вмѣстѣ были. Я, зна-
въ училища, убояхся бездны премудрости, вспять
я, а онъ пошелъ въ семинарію. Я и Торментова

кто это - Торментовъ? спросилъ Гедеонъ.

А это братъ его родной былъ Торментовъ.

А я слыхалъ про Торментова! Не знаю Торментова!—
съ головой Гедеонъ.

Да гдѣ тебѣ знать! Онъ прямо изъ училища поступилъ
пономаремъ, да черезъ годъ, кажется, умеръ: спился...
его Плавскій! Понастоящему-то оба они собственно
потому какъ родомъ съ плавней. Только потому у
вны имена, что когда у насъ въ училищѣ фамиліи
то вышелъ случай одинъ. Плавскій-то (т. е. настоя-
грешнй Плавскій) отлично учился, всегда въ нотатѣ
братъ шелъ чуть не послѣднимъ, вѣчно въ камчаткѣ

Вызовутъ это его, ни гу-гу, стоитъ, значить, какъ
только глазами хлопываетъ... Бились-бились, драли-
начала его, а потомъ ужъ и бросили. Учитель мате-
былъ у насъ, такъ тотъ посмотреть, посмотреть такъ
вдохнетъ, да и скажетъ, бывало: «ахъ ты, мученіе
mentum! воистину tormentum ты настоящее!» Ну,
того все и вышло. Когда фамиліи-то, значить, мѣняли,
то Плавскій такъ и остался, потому что съ «плав-
того Торментовымъ назвали, потому — «tormentum.
• Вотъ оно какъ! А оба родные брата они! заклю-
іи рассказъ о. Пименъ и раскашлялся.

его, къ Богу, Торментова! вскричалъ Гедеонъ.—
намъ нуженъ... Вотъ за это спасибо, что ты мнѣ
! Пріятели съ нимъ! Сдѣлаетъ все! Ухъ, шельма,
то молчить!.. И владыкѣ лично извѣстенъ. Съ вѣсомъ
Какъ это раньше я о немъ не подумалъ? Ну, Петръ,
! заключилъ онъ въ совершенномъ восторгѣ.

что-же именно, дядюшка, вы мнѣ скажите...

— Молчи! Не твое это дѣло! Слушайся только! Ахъ, что я придумалъ, что я придумалъ! все болѣе своими сокровенными планами Гедеонъ. Онъ даже щелкнулъ.— Въ ножки поклонисься!

— Вы мнѣ скажите...

— Ничего не скажу! Положись на меня!.. Ну...

Тутъ онъ вдругъ всталъ и, словно осѣненный вдохновеніемъ, совершенно для всѣхъ неожиданно про-

— Поѣдемъ! Нечего откладывать дѣла!

— Куда? опѣшилъ совсѣмъ Елеонскій.

— Къ нему! къ Плавскому! весь пылалъ Гедеонъ.— ковать желѣзо пока горячо. Ѣдемъ!

— Да послушайте, дядюшка...

— Молчи, говорю! Я огненный человѣкъ! Я тепе не буду спокоенъ... Ты вѣдь мнѣ теперь ровно глядиль въ голову— понимаешь-ли это?.. Не разсуждай, не разсуждай, молю объ одномъ!

— Не отложить-ли лучше, дядюшка, а? Теперь да и я такъ одѣтъ... Сертукъ, напримѣръ...

— Не выводи ты меня изъ терпѣнья! Поздно, ты (Онъ выхватилъ изъ кармана золотую массивную дурноту, взглянулъ на нее). Восемь часовъ! Отличное время!.. Сглупости, сертукъ какъ сертукъ! «И въ рубищѣ бродѣтель...» И не моги, и не перечь, силкомъ ворю-же тебѣ, огненный я человѣкъ... Федоръ! крикнулъ онъ совсѣмъ оглушительно...

III.

Какъ-бы то ни было, «огненный человѣкъ» Гедеонъ таки такъ, что черезъ какихъ-нибудь четверть часа мянникъ уже тряслись на извожикѣ, по направлению къ каменному дому ***скаго собора, гдѣ обиталъ съ своимъ о. протоіерей Илья Александровичъ Плавскій.

Лѣпясь бочкомъ на пролеткѣ, такъ какъ Гедеонъ грузно и неколебимо, какъ монументъ, занялъ цѣлую четверть всего сидѣнья, Елеонскій чувствовалъ себя безпокойно. Его совсѣмъ не манила перспектива званія, а съ этимъ вліятельнымъ и нужнымъ для него человѣкомъ

аль, почему. Онъ уступилъ дядѣ, съ одной стороны, что въ немъ не хватило энергіи настоять на своемъ, а съ другой—въ немъ сидѣла крѣпко увѣренность, что изъ этого дѣла ничего выйти не можетъ.

Возможно разъ потомъ, въ другую, позднѣйшую эпоху жизни, вспоминалъ онъ этотъ погожий весенній вечеръ, и шелъ онъ безцѣльно къ своему дядѣ—монаху, далекаго времени о какихъ-либо послѣдствіяхъ, которыя долженъ принести ему этотъ визитъ! Не даромъ-же онъ запомнилъ каждую мелкую подробность его... И тихая Гедеонова комната врывавшимся въ нее снопомъ лучей заходящаго солнца и канарейка, шевелящаяся на жердочкѣ клѣтки, и арфа и левкоя, несущійся отъ окошка, въ которое дышала свежая свѣжесть, и о. Пименъ, съ своимъ голымъ теменемъ, катившимъ на старый билліардный шаръ, отмахивающійся отъ опасенія выпить «стаканчикъ», какъ отъ навожденія, и о. Торментовъ, закончившійся неожиданной вылазкой, и самая эта поѣздка на извозчикѣ къ Плавскому—все это были ничтожныя и мелкія черточки, но изъ нихъ сложилась картина, которая залегла навсегда въ его памяти. И онъ не разъ потомъ воспроизводилъ самъ въ своей памяти какъ воочию. Тогда передъ нимъ возникалъ невольно вопросъ: судьба или случай привели его тогда къ Гедеонову, и почему именно этими мелкими и ничтожными подробностями сложилась картина событій, которыя повернули всю его дальнѣйшую жизнь такимъ образомъ, какъ и не думалось и не случилось никогда, даже въ часы его самыхъ причудливыхъ размышленій о будущемъ?..

Теперь онъ ни о чемъ подобномъ не думалъ, глѣбась въ извозчикѣ и часто хватаясь за дядю, изъ опасенія упасть на мостовую съ пролетки, которая влекла его съ Гедеонова къ церковному дому ***скаго собора.

IV.

Гора о. Ильи была огромная, съ высокими потолками, и со свѣтлыми окнами, стекла которыхъ дрожали отъ быстрого уличнаго движенія, убранная богато и не безъ вкуса между тѣмъ каждый, кто впервые вступалъ въ нее, испытывалъ какое-то сложное чувство неловкости, холода и

замѣшательства, которое охватывало его здѣсь съ ершами шаговъ. Скучно и чопорно глядѣли голыя, ослѣненные лампы гими обоими стѣны зала, съ высокими зеркалами въ рамахъ, и буквые вѣнскіе стулья, въ ранжирѣ, и ослѣвляющій своими боками, рояль, и даже свѣтло-ватерпальскій смотришь въ него, холодный паркетъ... Также скучно чопорно глядѣла гостинная, съ бронзовыми канделябрами, которыхъ обѣлялись пучки необожженныхъ свѣчей, со стѣнъ покрытымъ дорогою бархатной скатертью и роскошной мебелью на немъ, вмѣстѣ съ другими, принятыми въ гостинныхъ комнатахъ, какъ напр., альбомомъ фотографическихъ картинокъ, альбомомъ рисунковъ и т. п. Очевидно, все было предназначено для комфорта, начиная хотя бы съ огромнаго мягкаго и радушно раскрывавшаго свои объятія, въ компаніи дѣвочки кресель, стульевъ и табуретокъ, разбросанныхъ по комнатамъ, а между тѣмъ, казалось, этотъ самый дѣвочка бы говорилъ въ тоже время: «ты сидѣть-то сиди, но очень уже прохлаждайся», и даже эта самая пепельница видѣ серебрянаго лапта, украшавшая подзеркальникомъ пофыркивала: «пепельница-то я, пепельница, положись ты и въ самомъ дѣлѣ не вздумай меня пакостить!...» Шедшій, если онъ былъ совершенно посторонній человѣкъ, имѣющій нужду въ хозяйнѣ, тоскливо прималъ кончикъ ближайшаго стула, въ ненарушимой тишинѣ, когда отворится дверь и выйдетъ къ нему о. Платонъ.

А въ немъ очень многіе имѣли нужду, такъ Александровичъ, помимо своего благочинія, былъ членомъ изъ послѣднихъ, какъ членъ консисторіи, братства и тѣлства; имѣлъ между прочимъ «бесѣды» въ обществѣ тербургскихъ общинъ сестеръ милосердія... И онъ спѣвалъ.

Выходилъ онъ къ посѣтителю, всегда, неизмѣнно въ ренькомъ, но чистомъ темновышивомъ подрясникѣ, и его ждалъ въ гостиной какой-нибудь скромный посетитель, уютясь въ уголку на кончикѣ стула и прикрываясь старой шляпкой вытертая колѣнки штановъ, и онъ имѣло дѣловито озабоченный видъ; онъ наскоро вынулъ посѣтителя и, давъ ему поцѣловать свою руку, садился рядомъ на стулъ и безъ всякихъ preliminарныхъ

цѣли его посѣщенія. Если-же онъ усматривалъ у на диванѣ или въ креслѣ, лицо внушительной вѣш- въ видѣ ли длиннополаго сюртука и блестящихъ сапо- раками, или густыхъ эполетъ и красныхъ генеральскихъ овъ (бывали у него и такіе), — лицо его сіяло любез- , хотя все-таки дѣловито-озабоченнаго оттѣнка; благо- нь только по настоянію гостя, но руку неукосни- пряталъ. Во всемъ остальномъ онъ оставался вѣренъ Поддерживалъ разговоръ онъ только короткими: «м-да», «а!» и проч., за то внимательно слушалъ, тяготѣя сво- одными, сѣрыми и неподвижными зрачками на физио- собесѣдника и попыкая сигарой, съ которой, кажется, ставался. (Это былъ все одинъ и тотъ-же сортъ сигаръ, а носилъ ему съ незапамятныхъ временъ, продавая по ленной цѣнѣ, знакомый рабочій съ табачной фабрики). щности онъ любилъ поговорить, только чтобы это было будь солидное и обстоятельное, отнюдь не споръ, а раз- напр., или разносторонняя разработка какого-либо во- Тогда онъ велъ свою рѣчь мѣрно, медленно, плавно, прерываемыми паузами, необходимыми для того, чтобы за- ся сигарой и выпустить дымъ, разнообразя свою мысль пленіями, въ видѣ примѣровъ, воспоминаній и уклоненій торону для развитія какой-нибудь частности, поселяя въ зъ слушателѣ ощущение какого-то тоскливаго отупѣнія, какъ, благодаря всѣмъ этимъ блужданіямъ, тотъ зачастую мѣ гдѣ былъ собственно первоначальный пунктъ отпра- — пока наконецъ о. Плавскій не выводилъ его внезапно тѣхъ этихъ дебрей на прямую дорогу, пробуждая вни- фразой: — «такъ это я вотъ все къ тому говорю».... послѣ тѣ на время вступала въ свое первоначальное русло. мся о. Илья очень рѣдко, за то не прочь былъ поохо- но хохоталъ какъ-то странно: не измѣняя выраженія колыкаясь всѣмъ тѣломъ и не испуская при этомъ ни лаго звука.... О. Плавскій пользовался всеобщимъ ува- ѣ. Называли его «умнымъ», «добрымъ». Правда, были которые, какъ Геденъ, говорили о немъ: «о, это шельма!» были и такіе, которые съ пѣной у рта готовы были за него на стѣну, такъ какъ существовали факты, гдѣ ялся и благодѣтелемъ: одному помогъ онъ дѣломъ, дру-

гому совѣтомъ.... Но въ томъ, что онъ былъ «хор- ственникъ» сходились всѣ. Кому онъ выхлопоталъ и оказывалъ постоянную помощь. У него вѣчно гости, будь изъ деревенской или провинціальной родни (а была у него довольно значительна), напр., какой-нибудь племянникъ, пріѣхавшій въ Питеръ въ чанніи поспѣвческій хоръ, или, на худой конецъ, писцомъ въ какой-нибудь двояродный братъ-дьяконъ, имѣющій сбыть переведеннымъ изъ провинціи поближе къ столицѣ проч.,—и хотя зачастую случалось, что такой искалъ жалъ во-своихъ ни съ чѣмъ, однако все-таки слава пріимствѣ и добрыхъ родственныхъ чувствахъ Илландровича распространялась далече.... Но для всякаго изъ нихъ въ первый разъ, онъ былъ непроницаемъ, тивъ, рассматривая подробности его внѣшняго вида, сокую костлявую фигуру, съ медленными, сдержанными движеніями, неподвижнымъ, тяжелымъ взглядомъ и крѣпкою рѣчью, наблюдатель получалъ о немъ представленіе холодномъ и сухомъ человѣкѣ. Даже и самая сѣдывавшая словно инеемъ его густые жесткіе волосы и борода, какъ нельзя болѣе подходила ко всему остальному, усиливая впечатлѣніе холода, проникавшаго, казалось, въ каждую пору и щель, и глядя на него, невозмутимо и спокойно внимавшаго рѣчамъ посѣтителя, приходило въ голову, что врядъ-ли можно было представить лучшаго въ своемъ родѣ духа порядка и чинности, которымъ вѣяло отъ этихъ высокихъ свѣтлыхъ оконъ и разставленныхъ съ симметрическимъ расчетомъ предметовъ, цѣпенѣющихъ въ тишинѣ этой большой и, казалось, безлюдной квартиры....

Но каждая медаль имѣетъ свою оборотную сторону. Это были показныя, официальные комнаты, и въ каждой изъ нихъ вѣдался тоже показной, официальный хозяинъ. Стоя въ изъ прихожей вступить въ коридорчикъ, какъ открывалось множество другихъ разныхъ комнатъ, большихъ, и нейтральныхъ и интимныхъ, такихъ, въ которыя входъ свободный для посторонняго, и такихъ, въ которыя ему запрещался,—а въ нихъ жило, спало, говорило, ссорилось и мирилось все остальное населеніе дома. Спальня батюшки съ матушкой и кабинетъ о. Плавскаго, спальня

дочери и кабинетъ ея благовѣрнаго (онъ былъ крайне-инновникъ и существованіе его здѣсь было совсѣмъ), комната другой дочери, пребывавшей еще въ дѣтской, комната тещи, комната сына гимназиста, она-же и комната репетитора, студента-математика, приглашеннаго поному объявленію «за столъ и квартиру», комната сына Плавскаго, затѣмъ еще двѣ комнаты, върѣшительныя, совсѣмъ уже нежилыхъ и заброшенныхъ, еще загроможденныхъ разными предметами, имѣющія непріятность въ домашнемъ быту, но недостойными быть въ домѣ; отъ времени до времени та или другая изъ нихъ приводилась въ обитаемый видъ, и въ ней водворялись болѣе или менѣе продолжительный срокъ, одинъ или другой постоялецъ, о которыхъ было сказано выше, а въ промежутки исчезновенія она опять принимала заброшенный видъ. Не упомянувъ еще объ одной комнатѣ, имѣвшей названіе «комнаты», и сдѣлавъ это намѣренно, нежелая говорить о томъ, такъ какъ она была центромъ всей квартиры, и нервомъ сложной жизни всѣхъ домочадцевъ. Она неизменно ступала на сцену при томъ или другомъ обстоятельстве исторіи этого дома, имѣвшемъ отношеніе ко всѣмъ членамъ семьи, какъ и теперь, въ данномъ случаѣ, при появленіи новаго и незнакомаго лица, Елеонскаго, котораго Гedeонъ, наконецъ, монахъ Гедеонъ, ни разу не обмолвился всю дорогу ни однимъ словомъ племяннику о своихъ намереніяхъ.

V.

говорила молодая краснощекая горничная, у которой были руди и богатырскіе мускулы большихъ красныхъ щекъ. Она была истую дочь сельской природы, буйно боролась и плотно затынутымъ лифомъ и прочими ухищреніями правской субретки.

Илья дома? освѣдомился Гедеонъ, съ ея помощью въ рясѣ.

И матушка, и всѣ дома. Цай пють!—крикнула она глухому, дочь природы.

Вотъ и отлично! воскликнулъ Гедеонъ. Пока горничная пала пальто съ его племянника, онъ подошелъ къ

зеркалу и большой черенаховой гребенкой расчесал великолѣпныя кудри и бороду.

— Господи! Отецъ Гедеонъ! раздалось въ дверяхъ цаніе двухъ голосовъ. Тамъ уже видѣлась сама прѣдъдѣльница, а изъ за нея выглядывало лицо ея дочери-дѣвственницы. Онѣ сейчасъ-же его окружили. Если-бы въ прихожую зашелъ не Гедеонъ, а кто нибудь незнакомый, они бы отшатнулись-бы вспять и скрылись въ полутьмѣ корридора, а посѣтитель приглашенъ былъ бы горничной въ залу.

— Здравствуйте, Анна Ивановна! Здравствуйте, Ильинишна! привѣтствовалъ Гедеонъ, и легонько похлопавъ своего спутника, прибавивъ: — племянникъ мой, студентъ Московской академіи, Петръ Елеонскій, рекомендую!

— Очень пріятно! отвѣтили въ голосъ матушка и сестра, и затѣмъ послѣдовало приглашеніе въ столовую.

По корридорчику отправились гуськомъ, другъ за другомъ. Впереди, нѣсколько въ перевалку, благодаря своей привычкѣ открывала шествіе матушка, за нею, великолѣпная прѣдъдѣльница, хотя на этотъ разъ въ простой люстриновой рубашкѣ. Гедеонъ, потомъ, нѣсколько неловко чувствовавшій себя Петръ Елеонскій, и наконецъ, въ арріергардѣ, плыла прѣдъдѣльница.

— А я, знаете, съ племянникомъ былъ сейчасъ въ саду недалеко, по дѣлу.... объяснялъ Гедеонъ въ разговорѣ шествія.— Ну, вотъ, собрались это домой, пошла прѣдъдѣльница, это, а я и думаю: должно быть, чай пьютъ въ столовой. Или. Семъ-ка, заѣдемъ, говорю племяннику.— Ну, вотъ, говорю, мнѣ, дядюшка (это онъ-то мнѣ говорилъ), ну вотъ еще, говорю, неловко! Я у нихъ рожа такая, не осудятъ!— Ну вотъ, такимъ-то родомъ, мало того, что прѣдъдѣльница и его притащилъ.... Коли дурно сдѣлалъ— скажи ей.

— Вотъ еще! Господи! воскликнула спереди прѣдъдѣльница.

— Очень пріятно, напротивъ! подтвердила сестра.

Тутъ они всѣ, въ томъ-же порядкѣ, вступили въ залу.

Первое, что бросилось, при входѣ, въ глаза было большой столъ, на немъ самоваръ, а вокругъ него лица. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, кто шелъ навстрѣчу, кто просто поднялся и танулся къ столу, стѣнѣмъ, кто остался сидѣть на мѣстѣ. Гедеонъ селъ на свое мѣсто, представляя въ то-же время племянника,

выгнать стульями, чтобы освободить мѣсто пришед-
наконецъ всѣ успокоились и воцарилось молчаніе,
ое и какъ будто даже враждебное молчаніе, которое
ь началъ появленія незнакомаго лица.

ю, отецъ Гедеонъ? предложила матушка.

нъ чуть было не брякнулъ, что выпилъ уже шесть
ь, но во-время удержался и съ благодарнымъ покло-
нвлъ посланный ему отъ самовара, черезъ руки си-
-стаканъ. За нимъ совершилъ такое-же путешествіе и
-стаканъ, налитый Елеонскому. Тотъ хотѣлъ было от-
но, изъ подражанія дядѣ, покорился своей участи.

я, знаете, съ племянникомъ былъ сейчасъ здѣсь, отъ
млеко, по дѣлу.... заговорилъ Гедеонъ, и повторилъ
ь слова до слова весь рассказъ, только что сообщен-
ь въ корридорѣ хозяйкѣ, благодаря чему прекратив-
ихъ приходомъ разговоръ мало-по-малу восстано-
-принялъ даже оживленный характеръ.

какъ матеріей бесѣды завладѣлъ теперь Гедеонъ и
было устремлено вниманіе всѣхъ, то его племянникъ
использовался, чтобы наблюсти, подъ шумокъ, куда и
онъ попалъ.

овая была средней величины комната, нѣсколько туск-
даже мрачнаго вида, съ старой, сборной мебелью, не-
мъ буфетомъ и висячею лампой. На самомъ дѣлѣ она
юю любимую въ домѣ, такъ что каждый гость, если
здѣсь болѣе или менѣе свой человѣкъ, знакомый съ
и обычаями, шелъ прямо сюда, съ вѣрнымъ расче-
тн кого-либо изъ членовъ семьи, такъ какъ, благо-
самому назначенію этой комнаты, въ ней всѣ не-
сходились. Въ силу таковыхъ обстоятельствъ, не-
постоянныя и энергичныя мѣры старшей дочери
ь, Александры Ильинишны (которой принадлежалъ
министративный надзоръ), привести эту комнату, хо-
динъ только день, въ безукоризненный видъ, ей
да не удавалось, такъ какъ тотъ или другой изъ
въ считалъ какъ-бы своею обязанностью оставить
ей какое-нибудь воспоминаніе о своемъ пребываніи.
ро не обходилось для Александры Ильинишны безъ
тѣмъ или другимъ беспорядкомъ. Только-что рас-

порядится она вынести отсюда какую-нибудь рюмку до непопозволительности «географію», или иную учебную книгу, которую повторялъ здѣсь за чаемъ передъ отходомъ въ гимназію братецъ Сережа и забылъ, уходя, — какъ и нечаянно появлялась вдругъ неожиданно старая картонка и женской шляпы, съ рассыпанной пачкою гильзъ и пачкою которую оставилъ здѣсь, торопясь въ департаментъ, степенный благовѣрный, Павелъ Николаичъ, ставившій приличную картонку, съ цѣлюю набить папиросу, въ буфета, гдѣ ея присутствіе для посторонняго глаза или вдругъ оказывалось на окошкѣ вязанье, съ отдаленно далеко по полу клубкомъ цвѣтной шерсти, занесенная матушкой Анной Ивановной, которая примостилась на диванѣ со своею работой, да была увлечена въ кухню харкой Матреной въ кухню для разрѣшенія вопроса по ея специальности, а вязанье такъ и лежало или, что уже было совсѣмъ возмутительно, по самой половѣ вдругъ усматривалась старая, съ отвалившими туфля о. Или, которую извлекла коварно изъ спальни въ спальнѣ *bête poire* всей семьи, собаченка Каштанка здѣсь ею и бросила, увлеченная новымъ приставленным игривой фантазіи, не говоря ужъ про то, что Каштанка нерѣдко выбираетъ столовую, для своихъ фیزیологическихъ отправленій... прозвательно кричитъ возмущенная всѣми эти Александръ Ильинишна, войдя въ столовую, въ которой «Отечественныхъ Записокъ» въ рукахъ, слѣднимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, — «Посмотрите, что это такое?!» кричитъ она горничной, которая вбѣгаетъ съ метелкой для уборки въ рукахъ, такъ какъ убирала только что комнату. Дщерь природы наскоро устраняетъ предметъ, въ спокойствіе Александры Ильинишны, и устремившись забывая въ попыхахъ на самой серединѣ стола и дорожъ перехватываетъ Феню барышня Катерина Ильинишна волнуясь всѣмъ своимъ существомъ, настоятельно желая что-бы та, сейчасъ-же, сію-же минуту, несмотря на то, выгладила ей воротничекъ и рукавчики, такъ какъ она того уже опоздала изъ-за нея въ консерваторію...

Александра Ильинишна приходить къ тому за-
 что не ея слабымъ силамъ, хотя-бы и изощреннымъ
 борьбою за идею порядка, устранить эту цѣпь
 и она съ сокрушеннымъ вздохомъ слагаетъ на
 ной день оружіе, покорно предоставляя дальнѣй-
 нямъ идти своимъ чередомъ.

VI.

мъ, вдоль стѣны, тянулся кожаный старинный диванъ,
 уже рѣдко встрѣчаются, съ валиками по бокамъ, про-
 внутрь, и на столько огромный, что на немъ могли-б
 выспаться шесть человѣкъ. Тамъ сидѣло только двое
 общество въ столовой было настолько обширно (такъ
 вечерняго чая былъ временемъ, когда, за рѣдкими
 лученіями, вся семья была съ сборѣ), что произве-
 онскаго даже подавляющее впечатлѣніе. Отъ нечего
 уградкой сосчиталъ всѣхъ сидящихъ; въ суммѣ
 , вмѣстѣ съ нимъ и Гедеономъ, четырнадцать че-
 Затѣмъ понемногу онъ сталъ наблюдать каждаго въ
 , насколько это было ему возможно, имѣя, по одну
 , массивнаго Гедеона, возсѣвшаго, по обычаю,
 , а по другую — толстаго и неуклюжаго
 въ гимназической формѣ, который со свистомъ
 съ блюдечка чай, развалившись локтями и без-
 , толкая однимъ изъ нихъ Елеонскаго въ бокъ. Это
 , чядо семьи, четырнадцатилѣтній Сережа. Учи-
 съ нимъ рядомъ. Петру Васильевичу видѣнь
 его угрюмый профиль съ жесткимъ вихромъ,
 , обладатель высывался впередъ, протягивая руку
 , благо хлѣба, наполнявшаго внушительной гор-
 , безпрестанно путешествовавшій по всѣмъ направ-
 , опустошаемый обществомъ и опять наполняе-
 , природы, которая тутъ-же вертѣлась. За Гедео-
 , далась матушка, затѣмъ о. Плавскій, молча куривъ
 , вѣчную сигару, передъ налитую ему аппетитною
 , лейей Александрычемъ замыкался этотъ конецъ сто-
 , оялъ самоваръ, скрывавшій своими одутлыми бока-
 , блюденій Елеонскаго лицо, разливавшее чай. Мель-

када только по-временамъ маленькая бѣлая ручка, пр
пустые и отправляя въ разные пункты стола ваще
стаканы, въ чемъ принимала участіе, сидѣвшая бли
съ самовару, какъ разъ напротивъ отца, замужняя до
сандра Ильинишна, съ старообразнымъ и некрасивымъ
съ тѣмъ холоднымъ и непроницаемымъ выраженіемъ,
сразу обличало въ ней истую дочь Ильи Александровича
медленными глоточками отпивала изъ чашки, не вступ
къмъ въ разговоръ, но внимательно слѣдила за гово
отъ времени до времени перекидываясь короткими ф
полголоса съ скрытой за самоваромъ особой, по по
даваемыхъ стагановъ и чашекъ, напр.: «Мамашѣ безъ
«Павлу Николаичу оставьте лимонъ» и проч. Иногда
клонялась къ сидѣвшей съ ней рядомъ толстой и др
рухъ, въ чепчикъ и тяжеломъ ковровомъ платкѣ, без
устанавливающейся съ бессмысленнымъ выраженіемъ на Е
какъ-бы желая понять, зачѣмъ онъ попалъ сюда, и
лась напряженно кричать ей: «а?! еще?! булочку?»
обстоятельство каждый разъ производило сенсаци
прерывала свою рѣчь, такъ какъ вниманіе всѣхъ
съ участіемъ на старуху, а по другую сторону отъ
сидѣвшій неподвижно, какъ деревянная кукла, внос
господинъ, съ гладко выбритымъ лицомъ и робкимъ
щимъ взглядомъ, приходившійся зятемъ Ильѣ Алек
и называвшійся Павломъ Николаичемъ Спиридо
начиналъ двигаться, какъ на пружинахъ, съ во
кивая требуемое и тоже крича, надъ другимъ у
«Можетъ, сухарика, бабушка, а?!.. Или булочку?..»
растерянно вращала глазами, пока, наконецъ, ее у
и тогда она принималась двигать своими беззубы
ми, причемъ ходили ходуномъ не только ея морщи
бородокъ, но и щеки, и носъ, и даже оборка на че
чемъ она устанавлилась опять на Елеонскаго, какъ
раясь понять, зачѣмъ онъ попалъ сюда... Отъ это
дѣлаться даже неловко, и онъ избѣгалъ уже смот
руху, обративъ вниманіе въ противоположную сто
правленію къ дивану, гдѣ сидѣла отдѣльная па
подъ шумокъ своей отдѣльной бесѣдой и не
вниманія ни на что окружающее, судя по тому, ч

вполголоса и прерывался часто взрывами смѣха звной, совершенно, впрочемъ, невиннаго свойства и ной между молодымъ кавалеромъ и барышней. По- только, когда эта возня начинала принимать такіе что могла обратить на себя вниманіе другихъ или опасности стоящіе близко предметы, наступало не- тише и оба собесѣдника съ нѣкоторой тревогой глазами все общество, причемъ красныя отъ сдер- стѣха пухлыя щеки Катерины Ильинишны дерга- щетныхъ усилій казаться серьезной, а блѣдное и красное лицо ея молодого сосѣда вдругъ дѣлалось что еще пуше усугубляло веселость. Все это указывать наблюдателю на существованіе между мо- дыми той короткости, которая граничить съ взаим- стію, — и въ этомъ никто изъ домашнихъ не . Всѣми было замѣчено, что молодой человѣкъ профессоромъ семинаріи и звали его Андреємъ (Присноблаженскимъ) давно «пріударяеть» за Ка- льинишной, и порѣшено въ мысляхъ, что безъ гь не обойтись, весь вопросъ былъ только во-вре- ни о. Ильѣ, ни его будущій предполагаемый зять на этотъ счетъ другъ другу авансовъ, но это счи- се какъ-бы слаженнымъ, на основаніи существую- щихъ. По отношенію къ Андрею Ивановичу сдержан- ный Ильѣ Александровичъ проявлялъ повреме- роткость обращенія, которою пользовались очень въ постороннихъ, посѣщавшихъ домъ Плавскихъ, и мачъ долженъ былъ это цѣнить, тѣмъ болѣе, шивъ не было у него никакихъ сводить это дѣло деньги-то, положимъ, за дочерью, Ильѣ Алек- дасть не ахти какія особенныя, за-то несо- аеть для своего зятя рѣшительно все, что только я его дальнѣйшей карьеры... Положимъ, и Ка- нишна не богъ-вѣсть какая красавица, и не мо- поди, лѣтъ уже подъ тридцать ей (хотя и гово- съ матерью, что ей всего двадцать пять — да тно!) — но все-же она дѣвица не безъ пріятно- вата, правда, немножко, такъ это, пожалуй, и олку въ заморышѣ?.. Зато образованная, въ ин-

ститутѣ воспитывалась, музыку знаетъ, и теперь съ консерваторію ходитъ. И такъ, всѣ обстоятельства гово-
 что Катеринѣ Ильинишнѣ суждено на роду, равно
 но, сдѣлаться г-жей Присноблаженной, а пока те-
 дые люди были неразлучны повсюду, гдѣ имъ пр-
 встрѣчаться, представляя трогательную картину
 щихъ другъ къ другу сердце, находящихся притомъ
 деніи, что никто не проникъ въ ихъ сокровенную
 тому что такъ уже установилось между всѣми жи-
 домѣ, что они будто сговорились дѣлать видъ ниче-
 щихъ и ни о чемъ недогадывающихся, начиная с
 ѣзъ матушкой, продолжая братомъ Серезей, котор-
 ря на свой еще отроческій возрастъ, однако, дол-
 разъ прямо высказалъ своему учителю, что «сестри-
 рившись», и даже кончая временно проживающихъ
 ственникомъ о. Ильи, сельскимъ священникомъ, пр-
 по поводу какихъ-то своихъ хлопотъ, въ Петербур-
 родственникъ сидѣлъ теперь тутъ же, вмѣстѣ съ
 чайнымъ столомъ, рѣзко выдѣляясь отъ всѣхъ
 ностью, будучи одѣтъ въ старую, полинялую зема-
 ку, изъ-подъ которой виднѣлись смазные сапоги,
 которымъ вокругъ него на нѣсколько шаговъ са-
 ворвани. Онъ все время упорно молчалъ, лишь и
 бросовѣстно стаканъ за стаканомъ, откусывая
 крокопическіе кусочки сахара и безпрестанно
 нымъ бумажнымъ платкомъ свое обвѣтренное
 на которомъ пробивалась скудная, льняная
 Въ промежуткахъ этого занятія онъ испускалъ
 хи, бродя пугливыми взорами по потолку и ст-

Елеонскій не разъ останавливалъ свое вниманіе
 гурѣ, угадывая въ ней для себя въ данную
 родственное. Этотъ бѣдный сельскій попикъ ка-
 одинокимъ и жалкимъ среди всего остального об-
 диненнаго связью родства и пріязни и не обр-
 него никакого вниманія, что Петру Васильчу
 думалось, какъ тягостно долженъ онъ былъ себя
 Главное, онъ и самъ сознавалъ себя почти въ
 положеніи, очутившись Богъ-знаетъ какъ и зачѣмъ
 людей, которымъ нѣтъ до него ни малѣйшаго

мову и уставившись неподвижно глазами въ одну точку, онъ проклиналъ себя, что поддался какимъ-то немъ для него фантазіямъ дяди. «И на кой чортъ онъ фантазиялъ?» шевелилась досадливая мысль въ его голову. «Они всѣ про меня должны думать? Особенно вонъ старуха, которая глазъ съ меня не спускаетъ?.. Во-первыхъ, какимъ я олухомъ долженъ казаться!.. Чортъ знаетъ, какое положеніе!..»

Онъ поднялъ было глаза, но тотчасъ-же, съ безотчетнымъ смущеніемъ, опять ихъ потупилъ...

VII.

Было вотъ въ чемъ. Какъ обыкновенно бываетъ съ новыми людьми, попавшими въ совершенно незнакомое общество, онъ обращалъ больше вниманіе на лица дальше сидя, и терзаясь раскаяніемъ по поводу того, что поѣхалъ въ началъ испытывать, какъ къ этому чувству стало трудно присоединяться какое-то безотчетное, странное и чуждое ощущение, которое какъ-бы извнѣ проникало по всему его существу, словно подъ дѣйствіемъ какой-то невидимо на него вліяющей силы... Въ то время, какъ-бы повинуюсь ей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ собою усилие, онъ поднималъ голову и взглянулъ передъ собою...

Въ немъ тяжело тяготѣли, какъ-бы впиваясь и пронизываясь насквозь, два большихъ темныхъ глаза сидѣвшей какъ противъ него высокой молодой женщины, въ черномъ платьѣ.

Существуетъ три рода глазъ, въ отношеніи свойствъ ихъ дѣйствія, при совершенно одинаковыхъ психическихъ мотивахъ, которые ими въ данный моментъ управляютъ. Бываютъ глаза, которые никогда не могутъ смотрѣть неподвижно, даже при выраженіи самаго напряженнаго вниманія, а смотрятъ постоянно въ сматеніи, какъ-бы ощупывая на пути ими предметъ съ разныхъ точекъ. Другіе, такъ мягко облекаютъ его своими лучами, неподвижно и спокойно, какъ-бы покоясь. Но есть еще третій родъ глазъ, о которыхъ въ № 10, 1883 г. I.

приходилась родственницей Плавскимъ, потому что нисъ давеча съ какими-то словами къ Александрѣ Ии она сказала ей «ты». Въстѣ съ тѣмъ, она не могла изъ числа домочадцевъ, судя по костюму, несомнѣнному. Вообще одѣта она была хорошо и могла базой со средствами. На черномъ шелковомъ платьѣ, дее очень изящной, отдѣлялись ослѣпительно бѣлые во и рукавички и блестя тоненькой струйкой золотыхъ часовъ... Кѣмъ-бы она могла приходиться Ильѣ А. вичу? Была-ли она замужняя женщина, или вдова, вица?..

VIII.

Но Петру Васильевичу не пришлось долго раз этими вопросами, потому-что вдругъ раздалось двигат ми и всѣ стали выходить изъ-за стола. Всталъ и Поднявшійся съ нимъ Елеонскій хотѣлъ-было пред отправиться во-свося, но дядя быстро отъ него направился къ Плавскому, который тоже поднимался. Молодой человѣкъ придумывалъ, что ему дѣлать, время передъ нимъ очутилась тучная фигура мату Ивановны, которая предложила ему въ качествѣ л зайки:

— Не угодно-ли съ нами въ гостинную?

Елеонскій, какъ покорная жертва, шаркнулъ знакъ своей совершенной готовности, и протолкну его изъ столовой, гдѣ началось теперь владчест природы, которая, гремя стаканами и чашками и нныя ложечки, убирала посуду въ буфетъ, а изъ ве наго общества оставались только Гедеонъ съ о. засѣвшіе въ углу исполинскаго дивана и о чемъ- ціально между собой разговаривавшіе, да на др стола разливавшая давеча чай молодая особа, к мывала въ полоскательной чашкѣ остатки посуды.

Въ гостинной молодой человѣкъ и его путе застали нѣкоторыхъ изъ остального общества, шихся теперь въ разныхъ мѣстахъ. Влюбленная валя въ сторонѣ. Александра Ильинишна и заин Елеонскаго брUNETKA стояли у окна и смотрѣ

двоясь между собой замѣчаніями вполголоса, по по-
то-то, что онѣ тамъ увидѣли. Деревенскій родствен-
идѣль сиротой, въ самомъ дальнемъ углу, на кончикѣ
напряженно блуждая глазами по разнымъ предметамъ
та, украшавшимъ гостиную, вздыхалъ и стремительно
ливалъ въ горсть. Сквозь звонко дрожавшія оконныя
несансь грохотъ и гулъ уличной жизни...

приглашенію матушки, Елеонскій занялъ мѣсто въ кре-
стола, а она сама грузно возсѣла на диванъ. Сперва
молчаніе, неизбѣжное между двумя незнакомыми другъ
собесѣдниками, когда оба выжидаютъ, кто первый изъ
пробьетъ ледь.

звонецъ заговорила хозяйка.

Николай Ивановичъ, кажется... Такъ?

Петръ Васильичъ... сказалъ Елеонскій.

ушка сложила губы сердечкомъ, поправила платье и
пять въ затрудненіе, въ смыслѣ продолженія бесѣды.
ла простая, рыхлая женщина, рѣдко гдѣ-либо бывав-
потому неимѣвшая свѣтскаго лоска. По добротѣ-же
она считала своею священной обязанностью сдѣлать по
возможности все, чтобы у нея не скучали, особенно когда
въ виду челоуѣкъ, въ первый разъ посѣтившій ихъ домъ.
же время она съ тоскливымъ отчаяніемъ бросила взглядъ
сторону, гдѣ ея младшая дочь бесѣдовала со своимъ
земь, и подумала съ сердцемъ: «Какая эта Катя дрян-
чонка, ей-Богу! Что бы съѣсть сюда? нѣтъ, отъ Андрея
а не оттащишь!..» Къ счастью, ее выручилъ самъ Еле-
обративъ свое вниманіе на альбомъ фотографическихъ
тъ, и тотчасъ-же обрадованная Анна Ивановна ухва-
а него, какъ за прекрасное средство, могущее помочь
люю ея задачи, какъ любезной хозяйки, и притомъ не-
ее съ ея стороны никакихъ чрезмѣрныхъ усилій...
величайшей посильностью развернула альбомъ и ста-
мывать карточки, которыхъ было очень много и при-
положенныхъ, какъ это обыкновенно бываетъ, безъ
системы, такъ-что снимки членовъ семьи, сдѣланные
льку разъ, въ разныя эпохи ихъ жизни, тонули въ
коллекціи портретовъ знакомыхъ, извѣстныхъ писа-
собъ царской фамиліи... Перевертывая листы одинъ

за другимъ, матушка снабжала при этомъ большую часть представляемыхъ гостю изображеній соответствующими мѣчаниями: «Это зять Павелъ Николантъ, еще женихъ», «Это знакомый офицеръ, теперь уже померъ»... «Дочка когда была еще въ институтѣ»... и проч. Были и простыя указанія: «знакомый», «знакомая»... У Елеонскаго рябить въ глазахъ отъ непрерывнаго мельканія этихъ портретовъ, но хозяйка очевидно рѣшила показать доску до доски: все-таки, какъ-ни-какъ, время шло не зря и гость развлекался...

Оставалось досмотрѣть ужъ немного, какъ къ столу шелъ Гедеонъ вмѣстѣ съ Плавскимъ.

— Петръ, обратился монахъ къ племяннику, — вотъ желаетъ съ тобой побесѣдовать...

Елеонскій хотѣлъ было встать, но о. протоіерей удержалъ его движеніемъ руки и опустил въ ближайшее кресло Гедеонъ занялъ другое. Матушка закрыла альбомъ и, вставъ съ дивана, сказала:

— Ну, я вамъ не буду мѣшать...

— Да сидите пожалуйста, матушка, вѣдь у васъ креты! остановилъ-было ее Гедеонъ.

— Нѣтъ, ужъ не буду мѣшать! настойчиво повторила топопша, встала и удалилась, съ облегченнымъ сердцемъ зайки, добросовѣстно исполнившей долгъ свой по отношению къ гостю.

— Вотъ о. Илія, говорилъ между тѣмъ Гедеонъ, — идите на сего юнца... къ вамъ прибѣгаемъ! Малина у васъ хорошая, одна бѣда — бойкости нѣтъ... Одинъ вѣдь какъ только у него и родственниковъ, что я — да куда-то. А у васъ и случаи есть, и знакомства... Такъ вотъ оставьте своей лаской моего сиротину!

— Я чтожь? . М-да!.. Конечно, я... Г-м! вымолилъ Александровичъ и затянулся сигарой. Затѣмъ онъ обхватилъ руками на свои колѣни, образовавъ такимъ образомъ изъ своего туловища острый уголъ, и выпуская тонкими струями дымъ, повелъ обстоятельную и неторопливую бесѣду со своей стороны, онъ ограничивался по обыкновенію только простыми просьбами, на которые Елеонскому приходилось давать или менѣе пространные отвѣты. О. Плавскій не прерывалъ.

продолжая все время держать голову внизъ, не сводя съ избранной точки, но слушая очень внимательно.

Видя, что дѣло пошло на ладъ, Гедеонъ тихо поднялся и пошелъ.

Въ сущности ничего такого, что-бы могло указать, на кого Илья Александровичъ принималъ участіе въ судьбѣ Гедеона, въ бесѣдѣ этой не обнаруживалось. Она исключительно вертѣлась на постороннихъ предметахъ. Плавскій говорилъ объ академіи, о лицахъ, которыя ему были знакомы, и проч., не торопя своего собесѣдника переходами отъ одного вопроса къ другому и давая ему больше высказываться. Наблюдая Илью Александровича, медлительно покурившего свою сигару и не отымавшего глазъ съ избранной точки, можно было подумать, что онъ поддерживаетъ всю эту бесѣду только такъ, изъ одного вниманія къ просьбѣ о Гедеонѣ «прізрѣть» его «сиротину», въ сущности-же ему до Гедеона столько-же дѣла, сколько и до каждаго посторонняго человѣка.. Но всякій, кто зналъ о Плавскомъ поближе, тотъ понялъ-бы, что подъ этимъ равнодушнымъ вниманіемъ скрывается въ сущности нѣчто другое и что, живо слушая своего собесѣдника, онъ въ то-же время въ умѣ свои комбинаціи, все взвѣшиваетъ и мотаетъ головой...

Между тѣмъ, поглядывая во время этой бесѣды на склоненную передъ нимъ неподвижно сивую, словно покрытую инеемъ, голову хозяина, который цѣдилъ отъ времени до времени свои односложныя фразы, Гедеонскій испытывалъ чувство досады и досады человѣка, принужденнаго играть не по своей вѣнѣ нелѣпную роль: «Чудакъ, право, дяди!» думалъ онъ въ раздраженіемъ про Гедеона; — «и нашелъ тоже у кого прокровительство!»

Привѣтнымъ холодомъ вѣяло на него отъ всей этой сушею словно застывшей фигуры, замораживавшей, кажется, своимъ присутствіемъ самый воздухъ этой комнаты, и это чувство распространялось на всѣхъ въ ней присутствующихъ, которые говорили вполголоса, точно изъ боязни кого-нибудь разбудить...

Вдругъ, да что-же это всѣ приуныли? раздался вдругъ вселенскій шумъ, появившагося опять въ гостиной о. Гедеона, ко-

торый нигдѣ не терялъ своего счастливаго расположенія. — Софья Павловна, а, Софья Павловна! Хоть-бы вы пришли насъ!

— Чѣмъ-же я могу потѣшить, вотъ ужь, право не знаю, послѣдовалъ въ отвѣтъ мягкій женскій голосокъ. Онъ первый разъ слышался теперь въ ушахъ Елеонскаго, что онъ невольно повернулъ голову къ тому направлению, бы узнать, кому онъ принадлежитъ.

Вдоль гостинной прохаживались: Гедeonъ, а рядомъ съ нимъ двѣ женскихъ фигуры. Одна была давшинная бронею провзительными глазами, относительно-же другой Елеонскаго нѣкоторое короткое время терялся въ догадкахъ, пока не узналъ, что это та самая особа, которая разливала чай, которую онъ не могъ рассмотреть давеча изъ-за самовара, потому только мелькомъ увидѣлъ ее, выходя изъ комнаты, когда она перемывала посуду. Тогда онъ принялъ ее за вѣдь, въ родѣ экономки, тѣмъ болѣе, что одѣта была она просто. Но эта первоначальная догадка распалась при видѣ ея рядомъ съ нарядной спутницей, при видѣ обѣ, прохаживаясь, сплетались руками, тѣсно прижимая другъ къ другѣ, какъ двѣ самыхъ близкихъ пріятельницъ.

— Какъ не знаете? приставалъ Гедeonъ, прохаживаясь ими бокъ о бокъ, ловко повертываясь на каблучкахъ своими огненными глазами.— Вы вѣдь поете!

— Пою.

— Ну, такъ вотъ утѣшите меня, старика... Скажите лапушка, Софья Павловна, а? Помните, вы какъ-то поете какую-то штуку?.. Я просто чуть не ревѣлъ: было такъ хорошо ее поете! За сердце щиплетъ!.. Эхъ, не могу вспомнить теперь, какъ она начинается... Еще извѣстна была слова знаменитаго Лермонтова... Экій грѣхъ, забылъ я те, вспомнилъ! одинъ куплетъ вспомнилъ! Какъ это поете?

Гедeonъ остановился и протанувъ впередъ одну ногу, пѣлъ вполголоса, но съ большимъ чувствомъ:

„Ночь тиха... Пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздой говорить“...

— А! усмѣхнулась Софья Павловна; это романсикъ, одинъ я на дорогу... Про это вы говорите?..

— Во-во-во, эта самая! Голубушка, Софья Павловна!

Да я, право, не знаю ужь... замаялась и покраснѣлась
жив украдкою нерѣшительный взглядъ въ сторону Ильи
дровича.

Да вы насчетъ чего? Не племянника-ли моего конфу-
Да, господа, это такой челевѣкъ... Смотрите, онъ тоже
! Видите, какъ онъ смотритъ на васъ! . Петръ, что-же
някъ?.. Отецъ Илья, да хотъ вы прикажите Софѣѣ
нѣ, что-ли!

Спойте, Соня, вымолвилъ отецъ Шлавскій вполголоса,
оказывая къ ней головы.

Извольте, я съ удовольствіемъ, только... замаялась опять
Павловна и обернулась въ ту сторону, гдѣ сидѣла Ка-
Ильинишна съ Присноблаженскимъ:—Катенька, вы бу-
компанировать мнѣ?

Нѣтъ, я этого акомпанимана не знаю, отвѣтила хо-
а.

! могу акомпанировать Соничкѣ! заявила неожиданно
съ какою-то даже рѣзкостью въ голосѣ ея черново-
пріятельница.

любовь Ивановна! Голубушка! радостно воскликнулъ
нѣй было монахъ.—Вотъ избавительница! Земной по-
амъ за это! Ну, значить, поемъ!..

Елеонъ въ совершенномъ восторгѣ устремился въ дверь,
въ залъ, за нимъ послѣдовали обѣ пріятельницы, а
и всѣ остальные, не исключая даже Присноблажен-
Катериной Ильинишной, которые остались-было сперва
хъ, потомъ переглянулись между собой нерѣшительно,
какъ кончили тѣмъ, что встали и отправились вслѣдъ
ми... Въ гостиной остались лишь Илья Александро-
Елеонскій. Послѣдному сильно хотѣлось присоеди-
къ остальному обществу, но хозяинъ, очевидно, совѣтъ
нѣтъ былъ того поощрять, и, какъ нарочно, завелъ
длинную исторію, начинавшуюся словами:

Когда я былъ еще въ философіи, помню, у насъ былъ
чай...

Онъ медленно и монотонно продолжалъ свой рассказъ,
соединенію съ паузами, безпрестанно затягиваясь и вы-
грую сигарнаго дыма... Елеонскій, съ видомъ при-
слушающаго, смотрѣлъ въ лицо о. протоіерея, не по-

которая пѣла!.. А эта Любовь Ивановна — ой, ой, ой бабець!.. Съ ноготкомъ!

— Она, кажется, богатая... замѣтилъ Елеонскій, и нибудь сказать

— Она-то богатая?.. Ха-ха!.. Видѣлъ на ней и платье и часы съ цѣпочкой? Ну, вотъ и все, что у душой!.. Н-да, братъ, это бабець!

И Гедеонъ началъ подробно рассказывать о Любовнѣ и ея отношеніяхъ къ семьѣ Ильи Александровича была племянницей Плавскаго, также какъ и Софья Плавская, которой она приходилась двоюродной сестрой. Фамилія Ивановны была Кропотова. Она была дѣйствительно богатая. Мужъ ея служилъ чиновникомъ въ контрольной палатѣ, былъ пьяница горькій, отъ пьянства и умеръ... Осталась одна, не на улицѣ!.. Куда дѣваться? А «этотъ пройдоха» — Елеонскій-то, любить разыгрывать изъ себя благодѣтеля... Только не всѣмъ его благодѣванія по вкусу пріятны. Претяжелый, пренепріятный человекъ! Вѣжливъ, это и чтобы попрекнуть тамъ, что-ли, кускомъ — не боялся, никогда, все только молчить, да только его молчаніемъ жалуй, и больше еще донимаетъ... Матушка, та ничего не знаетъ, рая она, и то, правда, больше по глупости... Младшая Катерина Ильинишна, тоже ничего, только съ фокусомъ, потому—вѣтеръ свистить въ головѣ!.. Зато вотъ замѣтитъ сахаръ, и можетъ со свѣта согнать! Вся въ паникѣ, тая! Все тоже больше молчить, кажется, води не знаетъ, анъ вдругъ, нѣтъ-нѣтъ, исподтишка да шпилечку стить!.. Все-бы оно, кажется, ничего, ладить, поговорить сними и можно, да только не съ характерцемъ Любовнѣ... Что-бы ей да каждой изъ нихъ потрафить, подчиниться?.. Да Боже ее упаси!.. Еще-бы ее чужомому стали считать! Понятно: хлѣбъ чужой ѣсть, разлить, и гостя занять, коли придется, и сходить, и по ихъ порученію, и воротничекъ тамъ, что-ли, Илья Александрычъ молчить, сопить, Анна Ивановна какъ насѣдка да только распоряжается, Александре Ивановна шпилечки свои подпускаетъ... Развѣ можетъ Ивановна все это стерпѣть? Вотъ она сперва молчала, а потомъ разъ и брякни: „не хочу, молъ, у

ить, чтобы вы меня за свою экономку считали, мнѣ васъ не втерпѣжь, у васъ, молъ, не жизнь, а мертвая-какая-то, у васъ свѣжему человѣку нужно задохнуться... говорить, на меня не сердитесь, я не хочу съ вами ссориться, потому что, говорить, зачѣмъ мнѣ съ вами ссориться? Вы не думайте, говорить, чтобы я вамъ была благодарна за вашу хлѣбъ-соль, потому что не считаю, чтобы вамъ платилась: за хлѣбъ-соль эту самую я заплатила вамъ своими услугами, — а только просто не хочу дольше быть у васъ подчиненіи... Гостьей быть у васъ я, говорить, готова, а подчиняться больше уже не намѣрена... Прощайте, говорить, я себѣ мѣсто нашла!.. Да въ тотъ-же день и переехала. А нашла она себѣ мѣсто классной наставницы или учительницы тамъ что-ли какой-то, у нѣмки одной, въ нѣмцѣ... Все это Плавскіе-же сами потомъ всѣмъ и рассказали...

Онъ говорилъ Геденъ, трясаясь на пролеткѣ съ племянникомъ. Тотъ слушалъ разсѣянно, понимая черезъ пятое въ шестое слово, и по временамъ даже забывался въ дремотѣ, на нѣсколько только мгновений... Они пересѣкли уже реку и миновали Гончарную. Съ высоты яснаго неба свѣтъ падалъ, въ мертвой тишинѣ, царившей окрестъ, обливая своимъ своихъ холодныхъ лучей крыши, стѣны и вывѣски старыхъ домовъ... Вокругъ было безлюдно и тихо. Только на углу перекрестка, прислонившись къ фонарному столбу, стоялъ чернымъ, неподвижнымъ призракомъ, городской, живой признаки беспокойства при звонкомъ стукѣ о землю копытъ извозничьей лошади...

Когда пролетка поровнялась съ воротами высокаго грязнаго дома, на углу одного изъ узкихъ и мрачныхъ улицъ, окружающихъ эту часть Невскаго, Елеонскій остановилъ коня и началъ слѣзать.

Прощайте, дядюшка.

Что, ужь домой? удивился монахъ; — эхъ, проводить-ка до монастыря! А? Далеко-ли тутъ? Я-бы о Софьѣ тебѣ тебѣ разсказалъ....

Убѣтъ, дядюшка, въ другой уже разъ... Прощайте, спать

— «Спать»!... Погляди, ночь-то какая... Сосуш-
ладно, ужь Богъ съ тобой... Трогай, что-ли, извожикъ

И широкая спина сгорбившагося на пролетѣхъ
надвинутыми на плечи краями широкополой шляпы
вдоль улицы, при лунномъ сіяніи...

А между тѣмъ Елеонскій пролѣзъ подъ дѣпочкой
живавшей калитку воротъ, не потревоживъ закутаннаго
нѣмъ тулушъ и спавшаго на какомъ-то обрубкѣ кер-
сномъ дворника, прошелъ черезъ грязный, пахучій
зіяющими какъ черныя пасти при свѣтѣ луны двер-
ѣздовъ и, утонувши во мракѣ одного изъ послѣд-
нихъ, нѣмъ нѣмъ по лѣстницѣ въ третій этажъ.

Послѣ того, какъ онъ нѣсколько разъ позвонилъ,
послышалось шлепанье босыхъ ногъ, старческій
чей-то голосъ спросилъ:

— Кто тутъ?

— Я! отвѣчалъ Елеонскій, послѣ чего дверь от-

Онъ прошелъ въ темнотѣ черезъ прихожую и, войдя
въ своей комнатѣ, нашарилъ спички и зажегъ свѣчку.
Лились стѣны длинной и узкой коморки съ плохой, су-
белью, въ видѣ пары стульевъ, кровати, комода и
стола передъ окошкомъ, заваленнаго тетрадами и
фарфоровыми чернильницей и песочницей, старинными
съ лоточкомъ краснаго дерева, на которомъ лежали
карандашъ и ручки для перьевъ... Пахло чѣмъ-то
и плѣсенью... Онъ распахнулъ окно и сѣлъ у стола,
прохладнаго воздуха заколыхала язычекъ языка и
перебирая волосы на головѣ Елеонскаго....

Онъ все сидѣлъ и смотрѣлъ чрезъ окошко во
павшій въ лунномъ сіяніи. Бѣлые очерки трубъ на
живополюжнаго флигеля ясно вырѣзывались на голубомъ
неба... Онъ смотрѣлъ на эти трубы, но совершено
картина возникала въ его воображеніи. Онъ видѣлъ
тихую, лунную ночь, но не въ городѣ, нѣтъ, — а
глухой деревушкѣ... Въмѣсто каменныхъ холодныхъ
грохочущихъ улицъ и зловонныхъ дворовъ Петербурга
видѣлись соломенные кровли бревенчатыхъ избъ,
что привольно раскинулась въ бархатѣ поѣмныхъ лу-
нею лѣсъ сосенъ и елей, дремлющій въ величавомъ

церковь съ высокой, бѣлѣющей, какъ мѣль, колоколь-
никъ, спрятанный въ зелени, а въ немъ тихая комната,
лима въ распахнутое окошко потокомъ луннаго свѣта
гому черемухи, съ мирнымъ постукиваньемъ маятника
и часовъ и тонко звенящей гдѣ-то, въ темномъ углу,
пѣсней... Какая была это деревня, и почему она
именно пришла ему въ голову? Это былъ секретъ
саго...

тѣной принялись бить часы. Онъ началъ-было считать,
ончиль, зѣвнулъ, заперъ окно и сталъ раздѣваться. За-
ь одномъ ужъ бѣлѣ, онъ всталъ лицомъ въ ту сто-
ѣ приходился передній уголъ коморки и прочелъ по-
рядъ вечернихъ молитвъ, между прочимъ за умер-
дителей, сродниковъ и здравствующаго инока Гедеона...
послѣ земнаго поклона съ колѣнъ, онъ подошелъ бо-
е столу, загасилъ лампу и легъ.

ько теперь, когда завелъ онъ глаза, и тѣло его мало-
погружалось въ оцѣпенѣніе покоя, вереница впечат-
того дни ветаала вдругъ передъ нимъ и понеслась.
иво сплетаясь въ пеструю дѣль... Шлавскій, Пимень,
и левкои на окнѣ Гедеоной кельи, солнечный лучъ
и гнѣ, глухая бабушка за чайнымъ столомъ и трети ро-
е все поплыло, мѣшаясь въ хаосъ, а среди всего этого
сь и пронизали его два черные глаза, которые давеча
утили его за чайнымъ столомъ въ домѣ Ильи Алек-
... И когда все остальное померкло, смѣшавшись въ
эти глаза все продолжали на немъ тяготѣть, пока на-
подравшійся сонъ не скрылъ отъ него своей тяжелой
всѣхъ вліяній виѣшняго міра...

X.

и два дня послѣ того, какъ они были у Шлавскихъ,
посѣтилъ Елеонскаго. Тотъ въ это время готовился
вой послѣдній экзамень, но это отнюдь не заставило
подумать о сокращеніи визита. Что могло быть важ-
тѣла, по поводу котораго онъ пришелъ, и мысль о
колыкала его всего? Не даромъ-же онъ называлъ
ннимъ человекомъ»...

ько-что былъ у Ильи, прямо сейчасъ отъ него! объ

явилъ Гедеевъ, опускаясь на кровать Елеонская, и разсѣянный, озабоченный и еще болѣе похудѣвшій, сѣлъ за своимъ тетрадками. Черную матовую шляпу (клобука онъ на улицѣ не носилъ) монахъ бережно опу-
у ногъ своихъ на полъ, предварительно удостовѣрившись въ его чистотѣ, а изъ бездоннаго кармана подрясника вынулъ шелковый желтый фуляръ, которымъ и вытеръ свой испариной лобъ.—Фу-у... уморился! прибавилъ онъ, какъ, и совершенно неожиданно выпалилъ:—Ну, давай на мази!

— Какъ, что такое? изумился студентъ, во-первыхъ глядя на дядю.

— А то, что съ Ильей мы почти уже поладили! потать онъ будетъ, и устроить все обѣщался! Про тебѣ шиваль... Понравился! И всѣмъ ты понравился! Матушка «скромный, говорить, молодой человѣкъ»!.. И всѣ... Соничка ловнѣ тоже понравился! А Плавскій самъ про тебѣ «тщательный, говорить, человѣкъ»... «Милости просимъ, мы гостю рады! Походить, говорить, познакомиться, придется къ намъ, и мы къ нему приглядимся, а тамъ, что посмотримъ, что можно устроить»... Да ты слышишь, что я говорю?

— Слы-шу, вяло отвѣчала Елеонскій, и притомъ тономъ, какъ будто извѣстіе о томъ, что онъ всѣмъ понравился, не только не доставило ему ни малѣйшаго удовольствія, но даже напротивъ...

— Признаюсь, я на другое рассчитывалъ, говорилъ Гедеевъ, опять увлекаясь своими соображеніями;—Катерина Ильинишна была у меня тогда, да выходить, что мѣсто ужъ занято... Оно даже Господь вѣдаетъ, какъ-бы еще удалось!.. Положимъ, что ей нужно, ой-ой какъ нужно.. еще годика два прямо хоть въ прокъ ужъ соли, а только чортъ знаетъ, Илью-то... Да и сама она... Господь знаетъ, очень-то я ее обожаю! Нѣтъ, а вотъ Соничка, Соничка другого калибра! Поеть-то, поеть... а? Каково?

Гедеевъ уставился на племянника, ожидая сочувственнаго взгляда, но увидѣвъ на него разсѣяннымъ взглядомъ и на отвѣтомъ. Врядъ-ли онъ даже понималъ, о чемъ

нако, онъ уловилъ все-таки послѣдній вопросъ и на
учай безучастно отвѣтилъ:

— да...

— хорошо вѣдь поетъ? наступалъ Гедеонъ.

— хорошо, согласился съ нимъ Елеонскій.

— Ну, а какъ она тебѣ нравится?

— Кто?..

— Кто?!.. возопилъ Гедеонъ, его передразнивая, и вдругъ

спросилъ какъ шпюнъ;— да что ты, спишь, что-ли, скажи

милость, или о небесныхъ миндаляхъ замечтался?!.. О

сору-то, ты хоть слушаешь-ли?!

— Простите, дядюшка, я, право, васъ слушаю, только

и...

— Чего я не вижу! О Софьѣ Павловнѣ я тебѣ говорю!

— спрашиваю: нравится она тебѣ, или нѣтъ?! Нравится,

или не нравится? говори?! кричалъ Гедеонъ, пожирая глазами пле-

чи и нетерпѣливо ожидая отвѣта.

— Елеонскій нервѣзительно подернулъ плечами и молвилъ:

— Какъ вамъ сказать?.. Признаться, я плохо ее разгля-

далъ...

— Хорошо разглядѣлъ.. Ну; положимъ, не спорю, согла-

сенъ вамъ дядя, смягчаясь;— ее дѣйствительно иногда и

даже не видно... Не замѣчаешь какъ-то ее! Она вѣдь

на положеніи Любви Ивановны, когда та изъ мило-

сти ухитъ еще проживала... Только куда ее съ той срав-

нительная, тихая... Кто только на ней и не ѣздить!..

— а находка!.. Если-бы только Господь благословилъ,

и тебѣ и желать-требовать нечего... Ну, да Богъ

знаетъ, свинья не съѣстъ!.. Женить!

— И это въ серьезъ?.. спросилъ Елеонскій и усмѣхнулся.

— Чего-же зубы оскалилъ? Извѣстно, въ серьезъ! А

ты, я шутки шучу? Что тутъ смѣшного? Нѣтъ, ты

скажи, что тутъ смѣшного? приступилъ къ нему готовый

отвѣтъ Гедеонъ.

— Ничего не смѣшно, а только странно немножко, какъ у

тебя это скоро... Дивлюсь!

— Дивись на здоровье! Это точно, что у меня все скоро

идетъ... Не по твоему! Да я объ закладъ побьюсь, что

и одного, ты ничего-бы не сдѣлалъ, мимо рта-бы про-

№ 10 1883 г. I.

ѣхало... И глупость была-бы стра-ашнѣйшая!.. Ты и
ришь, что Софьи Павловны не замѣтилъ... А зная
какая-какая она дѣвица, на самомъ-то дѣлѣ?.. Нѣтъ,
слушай...

И Гедеонъ опять закипѣлъ, разливаясь въ помыслы
фѣ Павловнѣ. Елеонскій слушалъ, повидимому, и не
обративъ взоръ на дядю, но если-бы тотъ какимъ-ни-
домъ могъ проникнуть въ мысли племянника, то
шло-бы разразиться страшною бурей...

«Удивительный человѣкъ, этотъ дядя!» думалъ
молодой человѣкъ, въ то-же время смотря въ глаза
«и охота вѣдь ему лѣзть изъ кожи, Богъ-вѣсть, раз-
Если-бы и въ самомъ дѣлѣ тутъ было что-нибудь
а то вѣдь вздоръ, чушь! Какъ онъ не видитъ, что
этому прогопону, и всему семейству его до меня с-
дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга!.. Вѣдь
разливается, изъ себя выходитъ, а того не подумавъ
меня голова кругомъ идетъ отъ всей этой чертовщины
руку нужно завтра сдавать... Сватать задумалъ...»

— Ну, такъ помни, нужно ковать желѣзо, какъ
говорилъ между тѣмъ Гедеонъ. Онъ поднялъ съ
широкополую шляпу, запахнулъ рясу и всталъ
мы къ Плавскимъ?

Елеонскій повелъ нерѣшительно глазами по
медленно молвилъ:

— Н-не знаю...

— Ну, такъ я знаю за тебя, коли такъ! Ты
нилъ монахъ;—когда у тебя послѣдній экзаменъ?

— Послѣзавтра...

— Придешь, значить, ко мнѣ?

— Приду.

— То-то, смотри! Ну, а насчетъ того ты у
не уйдешь... Такъ ты и знай!.. Ну, прощай!

Думалъ-ли Гедеонъ, западала-ли въ его голову
подозрѣнія о предательствѣ, которое ему готовилъ
никъ? Нѣтъ, не могло этого быть, судя по тому
проникновенному виду, съ которымъ онъ шествовалъ
то и медленно, къ лаврѣ, отъ времени до времени
мая съ достоинствомъ шляпу, въ отвѣтъ на поклонъ

мясниковъ и лабазниковъ, торчавшихъ у дверей сведеній, не останавливаясь и не вступая съ ними въ какъ это обыкновенно случалось, и легла въ безмолвую глубоко залегшую въ сердцѣ идею...

XI.

Вступило и послѣ-завтра, состоялось и свиданіе, какъ и было условлено между ними... Опять красовался на столѣхъ, блестя въ лучахъ заходящаго солнца, а за нимъ и дядя съ племянникомъ, въ окно-же лилась прохладная свежесть, шевеля головки резеды и левкоя, и канарейка пливала по жердочкамъ клѣтки, и маятникъ чикалъ... оставало лишь Пимена, да и разговоры были другіе... Какъ и прежде, Елеонскій больше помалкивалъ; вдобавокъ, онъ былъ усталъ, разсѣянъ и совсѣмъ не походилъ на человѣка, только прѣрвавшаго съ долгими годами тяжелой учобы и праздника свой первый день гражданской свободы... На воодушевленіи о причинѣ такого своего настроенія онъ кратко сказалъ: «Усталъ...» «Ну, еще-бы! Экзамены!» успокоилъ отчасти въ мысляхъ Гедеонъ и не возвращался уже больше этой матеріи.

Но, какъ и слѣдовало того ожидать, онъ самъ оживился и много говорилъ въ этотъ вечеръ, и все, конечно, по поводу извѣстнаго дѣла, такъ какъ ни о чемъ другомъ съ племянникомъ онъ теперь и не могъ говорить... Разговоръ все повернулся на Софью Павловну и ея положеніи въ семьѣ Александрыча.

Она была двоюродная племянница о. Иліи, у него-же и воспитаніе. Мать ея была вдова петербургскаго священника. Приходъ былъ хорошій, деньги которыхъ всѣ переведены были въ билеты, по завѣщанію, на Сонички... Душеприкащикомъ и опекуномъ назначенъ Плавскій. У себя-же онъ и поселилъ, послѣ смерти матери, когда подросла—въ пансіонъ онъ отдалъ ее, чтобы по возможности значить, да и отъ дочерей своихъ отличить... Всѣмъ ничего не знаетъ, думаютъ, что о. Илья и въ самомъ дѣлѣ благодѣтель, приютить, дескать, сироту—только есть и тотъ, которымъ извѣстна вся подноготная... Со стороны Пимена, оно и точно, будто племянница у нихъ только

изъ милости... И одѣта скромненько, и всѣ надъ нею бачать: «Соничка, сходи туда, Соничка, сдѣлай это—ничка молчить, исполняетъ... Господи, да будь на и Любовь Ивановна—задала-бы она имъ всѣмъ звону, и ла-бы она такъ надъ собой помыкать—какже! И добромъ самомъ дѣлѣ она была безприданница, а то вѣдь, когда ужъ пошло—Ильѣ Александрычу, хотъ лопнуть, а не Катериной Ильинишной столько денегъ, сколько у Сонички банкѣ лежить... Присноблаженскій вотъ около этой тѣ перь околачивается, а еслибы зналъ онъ, гдѣ настояраки зимуютъ—развѣ не показалъ-бы онъ хвостъ? Ему мекъ, да и батюшка съ матушкой тоже молчобы, и надо сперва собственную дочку замужь спихнуть... И и знаетъ объ этомъ, а кто и знаетъ—до того не вѣ Пронюхай только всѣ эти стрикулисты, которые за невѣстами рыщутъ—отбою-бы отъ нихъ Соничкѣ не б тому-то и не нужно зѣвать...

Много и долго говорилъ еще Гедеонъ, все на Елеонскій все время слушалъ, не возражая ни слова рѣдка только поддакивая, а подъ конецъ и совсѣмъ Онъ имѣлъ видъ человѣка, совсѣмъ убѣжденнаго бесѣдникомъ. Когда-же, наконецъ, Гедеонъ сдѣлалъ паузу, очевидно утомленный своимъ краснорѣчьемъ, человѣкъ неожиданно всталъ и началъ прощаться.

— Чего-жь ты всполошился? погоди! остановись!

— Нѣтъ, дядюшка... нездоровится что-то...

— Ну, коли такъ, не удерживаю. лягъ, да отдыхай, слѣдуетъ, говорилъ Гедеонъ, участливо всматриваясь въ Елеонскаго и держа его холодную и влажную руку въ своихъ теплыхъ и пухлыхъ ладоняхъ.—Прощай.

Монахъ пошелъ провожать его до дверей, но Елеонскій уже брался за ручку, чтобы уходить, онъ повернулся и сказалъ:

— Завтра, слышь, отправляемся въ Плавскій монастырь.

Елеонскій обернулся въ дверяхъ и уставился на монаха.

— Сегодня выспись, отдохни, а завтра я къ тебе еще зайду, потомъ вмѣстѣ и двинемъ... Да что ты думаешь?... Дѣло что-ли у тебя есть какое на завтра?

нѣтъ, медленно отвѣчалъ Елеонскій. — Я только такъ.
же именно завтра?

Ну, ты, какой человѣкъ! вскипѣлъ-было по обыкнове-
нонь, но тотчасъ-же удержался и спросилъ: — Нельзя
стра-то, что-ли?.. Чего ты все мнешься?

И не мнусь... Только такъ...

Такъ, такъ... Заладилъ одно! Или и впрямь тебѣ
нельзя неможется?... Ничего, пустяки! Выспишься и къ
руку, какъ рукой снимешь... Прощай! Жди-же, смотри!
Елеонскій молча кивнулъ головою и вышелъ.

ХІІ.

Елеонскій изобразилъ изумленіе и гнѣвъ монаха, когда онъ,
в одинъ день, явился къ племяннику. Вопреки уговору, не-
смотря на то, что не было еще и полудня, дома его не ока-
зана была оставлена записка, на которой, карандашомъ,
было написано:

*Безный дядюшка, простите, что не подождалъ васъ.
Вчера случайно встрѣтилось одно неотложное дѣло, по кото-
рому пришлось отлучиться.*

«Любящій васъ племянникъ Петръ Елеонскій».
Елеонскій.. Изъ разспросовъ квартирной хозяйки, глухой и
старой старухи, исполнявшей и должность прислуги,
Елеонскій добился никакихъ опредѣленныхъ подробностей.
«Можетъ, письмо было какое? спрашивалъ, волнуясь,

письмо? Никакого письма... Не подавали никакого пись-
ма головою старуха.

«Можетъ, можетъ быть, а?

«Можетъ?»

«Можетъ, говорю, принесли?! кричалъ Геденонъ.

«Можетъ, не было утромъ...»

«Можетъ, приходилъ кто-нибудь?!

«Кто приходилъ? Никто не приходилъ!..»

«Можетъ, вчера никто не былъ?!!»

«Можетъ, вчера? а вотъ дай-Богъ память... Вчера, кажись, ни-
кого не было?.. Нѣтъ, никто у насъ не былъ!

«Можетъ, сегодня?»

«Можетъ?»

— Сегодня, я говорю?! Сегодня, сегодня!! орабл...
весь пунцовый.

— Слышу, ваше высокопреподобіе, слышу! заторм...
теряясь, хозяйка:—сегодня-то? А вотъ что сегодня.. В...
этта онъ, значить, чаю, да и уходитъ... Уходитъ, да
рить мнѣ: вотъ, говорить, хозяйшка, записка; если, по...
кто меня будетъ спрашивать...

— Тьфу!! не вытерпѣлъ, уже тутъ Гедеонъ, и,
шавъ дальнѣйшаго разсказа старухи, устремился въ м...

На другой день опять, въ тотъ-же часъ, онъ пош...
Елеонскаго. На этотъ разъ Гедеонъ засталъ его до...
мянникъ только-что всталъ и одѣвался. Первымъ-же
вмѣсто привѣтствія, монахъ разразился градомъ угор...
лодой человѣкъ молчалъ, не оправдывался, очевидно
товившись къ бурѣ. Когда-же Гедеонъ потребовалъ
категорическаго объясненія, что это было за неотлож...
которое заставило его нарушить данное слово, онъ
какой-то разсказъ,—вяло, медленно, съ паузами...

Монахъ слушалъ, слушалъ—и вдругъ рѣзко за...

— А знаешь, Петька, ты вѣдь все врешь!..

Племянникъ хотѣлъ было что-то отвѣтить, но
ни одинаго звука, отвернулъ только голову. На лицѣ
бражалось страданіе...

— Зачѣмъ ты мнѣ врешь? допрашивалъ Гедеонъ
сая патетически гривой.—Молчишь?

Молодой человѣкъ быстро повернулъ опять
взглянулъ въ глаза дядѣ, и лицо его вспыхнуло...

— Гдѣ ты былъ? продолжалъ пытать Гедеонъ.

Тотъ помолчалъ нѣсколько времени и затѣмъ,
усилиемъ, какъ-бы набираясь рѣшимости, молвилъ:

— Вотъ что, дядюшка... Я сейчасъ ничего не
сказать... Но я-бы хотѣлъ вамъ все, все!.. Вотъ я
соберусь немного съ мыслями... Напьемтесь по...
чаю... (Въ это время вчерашняя глухая старуха
моварь). Я вотъ сейчасъ, только за булками...

— Провались ты и съ булками! И чаю не бу...
ты мнѣ всего не расскажешь, ни пить, ни ѣсть
хочу!

Елеонскій покорно понурился и такъ посидѣлъ...

и, потомъ всталъ, залилъ чай и сѣлъ у стола. Гедеонъ сидѣть на его кровати. Шляпа, по обыкновенію, была вѣшена рядомъ съ нимъ на полъ.

Они молчали. Елеонскій сидѣлъ потупившись и не глядя впередъ. Тотъ, съ своей стороны, пронзительно глядѣлъ на него, глаза не спуская... Очевидно, въ головѣ его проходила какая-то работа, пока еще смутная, сложная, въ которой онъ не могъ разобраться... Такъ протекло нѣсколько минутъ.

Внезапно Гедеонъ неожиданно крикнулъ, всталъ и вышелъ изъ комнаты. Будто онъ то-же къ чему-то готовился и хотѣлъ приступить... Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ, онъ вдругъ медленно повернулся къ племяннику, который продолжалъ сидѣть понурившись, подошелъ, тронулъ его плечо и тихимъ, проникнутымъ и даже (что было отъ него необыкновенно) какимъ-то робкимъ голосомъ, выговорилъ:

Петръ...

Племянникъ человекъ восклонился и устремилъ глаза въ уголокъ.

Петръ продолжалъ Гедеонъ, придвигая стулъ и садясь рядомъ съ нимъ; голосъ его былъ мягокъ и ласковъ, какъ ни прежде. — Зачѣмъ отъ меня ты таишься? Я развѣ не вижу, что у тебя что-то есть на душѣ, только ты не хочешь сказать?.. И ты былъ самъ не свой, я тогда-же это замѣтилъ, только ты не хотѣлъ было не вдуматься: думалъ, и въ самомъ дѣлѣ тебѣ нечего вѣдаться... Вотъ и теперь... Только *теперь* я уже понялъ...

Петръ ты мой милый!.. Если я монахъ, такъ ты полагаешь, что я ничего ужъ такого и понять не могу?.. Нѣтъ, ты понимаешь, что такое? встрепенулся племянникъ, съ удивленіемъ глядя на дядю.

Понятное, натуральное дѣло!

Какъ? что такое? встрепенулся племянникъ, съ удивленіемъ глядя на дядю.

Не хитри! Все понимаю! потрясалъ головой Гедеонъ. — Неужели? Никто тебя осуждать и не будетъ... Что-жь тутъ такого?.. Со всякимъ случалось... Оно-бы даже и удивительно было, если-бъ тебѣ не пришлось... Господи-Боже! Молодой человекъ! Въ самомъ цвѣту!.. Только штука-то въ томъ, что ты больше тутъ быть?.. Валяй все на чистоту, авось, что-нибудь придумаемъ...

— Но ей-богу-же, дядюшка, я не могу взять в толкъ чемъ это вы... все болѣе и болѣе недоумѣвалъ Елеонскій.

— Ой-ли? подмигнулъ Гедеонъ.

Онъ съ лукавой усмѣшкой посмотрѣлъ на племянника, тотъ наклонился къ самому уху его и тихимъ шепотомъ принесъ одно только слово:

— *Интрижка?*

Молодой человѣкъ отшатнулся и въ теченіи нѣсколькихъ секундъ во всё глаза глядѣлъ на монаха, потомъ съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Господь съ вами, дядюшка! Откуда вамъ пришла въ голову?..

— Такъ нѣтъ? въ совершенномъ изумленіи переспросилъ Гедеонъ.— Ты не врешь?..

— Честное слово!

Монахъ откинулся на спинку стула и молча и тупо смотрѣлъ въ неопредѣленное пространство. Онъ былъ какъ бы сбитъ съ панталыку. Немного погодя, онъ опять заговорилъ сперва медленно, но потомъ все болѣе и болѣе разглагольствовалъ.

— Ну, ужъ теперь я ничего и понять не могу... убей... А что ты отъ меня что-то таишь—въ этомъ случаѣ голову на отсѣченье отдать... Вчера я объ этомъ не думалъ, а теперь мнѣ ясно какъ день! И самая эта исторія, которую ты мнѣ плелъ сейчасъ—выдумка! Врешь ты мнѣ, братъ!.. Развѣ я не вижу, что ты передо мною выдумываешь? На дурака, ты думалъ, попалъ?.. Нѣтъ, братъ, не изъ ума еще выжилъ... Стыдно, Петръ, стыдно!!

— Дядюшка... началъ было Елеонскій, и на лицѣ его выступило опять давишее выраженіе страданія... За минуту примолкъ на минуту, и продолжалъ, запинаясь, съ трудомъ, какъ-бы перемогая себя:—Дѣйствительно, долше не могу выносить, это правда... Но я не хотѣлъ сказать прямо, что зналъ, какъ сильно это должно васъ огорчить... нечего дѣлать... Скажу!

Онъ приостановился опять, какъ-бы собираясь съ силами, и закончилъ—ясно, раздѣльно, открыто рѣшимостью человѣка, сжигающаго за собою корабли.

— Къ Плавскому я не поѣду ни сегодня, ни завтра, ни когда... Простите за всё безпокойства, которыя

, но пусть они уже будут послѣдними... Не хлопайте больше нигдѣ за меня, не думайте, и не тревожьтесь за меня... Я ужь рѣшилъ... *Попомъ я не буду!*

порывисто всталъ и заходилъ въ волненіи взадъ и

Гедееонъ пребылъ недвижимъ и безгласенъ. Точно ошарашили его... Онъ только попятился на стулѣ, тотъ затрещалъ. Потомъ онъ открылъ ротъ и вытаращенными глазами слѣдилъ за племянникомъ...

Онъ молчалъ и ходилъ.

Въ концѣ, къ Гедееону мало-по-малу вернулась способность человеческой рѣчи, и первыя слова, которыя онъ произнесъ были похожи на слова человѣка, только что пришедшаго себя изъ состоянія безпамятства:

Какъ?.. Что ты сказалъ?.. Неужели ты это въ самомъ началѣ сказалъ?..

Гедееонскій молчалъ и ходилъ.

Ты не будешь попомъ?.. Ну-у-у!.. Вотъ такъ-такъ! Ай-ай-ай! Удив-вилъ!.. Фу, чортъ!... Да ты и взаправду въ умѣ?

Гедееонъ медленно всталъ и устремилъ глаза на племянника, съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто онъ видѣлъ тамъ нечеловѣка, а не просто новаго для себя человѣка... Такъ онъ прошелъ нѣсколько секундъ, не трогаясь съ мѣста, какъ вкопанная статуя, пронося ни слова и только слѣдя за ходившимъ впередъ молодымъ человѣкомъ... Но это была только передъ бурей... Глаза Гедееона загорались все болѣе и болѣе, и изъ нихъ вырвался бурный потокъ рѣчей хлынулъ надъ головой племянника...

Было нѣчто, никогда еще имъ доселѣ невиданное... Гедееонъ началъ, захлебываясь, топалъ ногами, хлопалъ себя по груди кулакомъ, устремлялся на племянника и прыгалъ вспять... Ни логической послѣдовательности, ни логической связи не было въ этомъ потокѣ отрывистыхъ речей. Это былъ именно потокъ, какъ и тотъ, настоящій, стремительный, уносящій на пути все, что попадается на пути, возможности ничего ни разглядѣть, ни схватить...

Хочешь хлопотъ доставлять?.. А-а!! «Не поѣду!»..

Скажите!.. Рѣшил!.. Не будешь попомъ?!.. Кѣмъ-же? /
 никомъ? Почтальнономъ? Министромъ?.. Ха-ха!.. Не по-
 Не позволю!.. Что-бы я?!.. Локти будешь кусать!.. Пр-
 дешь!.. Пока живъ!.. Поклониться не хочешь?!.. Горды-
 Гордыня?!.. Нигилистъ!.. Академикъ!.. А я-то, дуракъ!
 рывался! Хвастался имъ!.. Вотъ такъ спасибо! Спасибо!

Гамъ стоялъ страшный. Даже полъ трещалъ и скрипелъ
 и звенѣла у самовара посуда... Даже глухая старуха
 зяйка бросила въ кухнѣ свою работу у печки, тихонько
 подкралась къ дверямъ и, затаивъ дыханіе, слушала, шурша-
 чивая головой и отъ времени до времени вздрагивая.
 онскій все время тихо ходилъ, взадъ и впередъ, поворачи-
 нивъ свою побѣдную голову, не глядя на дядю и не давая
 его ни остановить, ни успокоить... Онъ ждалъ этой минуты
 къ ней приготовился, зная при этомъ, что самое милое
 слово съ его стороны только затянеть ее, и потому
 напротивъ, дать Гедеону высказать все до конца, пока
 бури не наступитъ затишье.

Такъ и случилось. Гедеонъ наконецъ замолчалъ и сѣлъ
 свое прежнее мѣсто, утомленный, огасшій... Онъ сидѣлъ
 въ испаринѣ и обтиралъ себѣ лобъ своимъ желтымъ платкомъ.

Теперь настало мертвое безмолвіе. Елеонскій прервалъ
 свою прогулку и тихо ступевался въ уголокъ, откуда
 кой наблюдалъ Гедеона. Тотъ сидѣлъ облокотившись на спинку
 и свѣсивъ голову на руку. Лица его не было видно, но
 уже по одной неподвижности этой поникшей спины можно
 гурь монаха, можно было понять, какъ сильно онъ страдаетъ.

Елеонскій вышелъ изъ своего уголка, подошелъ къ
 шій стулъ къ Гедеону и тихо сказалъ:

— Дядюшка, выслушайте меня, прошу васъ...

— Оставь... Оставь меня, Петръ... Дай мнѣ отойти...

тихо отвѣчалъ ему Гедеонъ, не измѣняя своего молчаливаго

Елеонскій не прибавилъ ни слова, терпѣливо ожидая, пока
 дядя «отойдетъ» настолько, чтобы быть въ состояніи
 разговаривать.

Такъ протекло еще нѣсколько минутъ, въ напрасномъ
 молчаніи. Уличный воздухъ вливался въ окошко чуть слыш-
 струею... Гдѣ-то въ дали кричалъ что-то разношерстная
 дворѣ гулко и мѣрно раздавались удары топора по

онецъ, Гедеонъ медленно потянулся, откинулся на спинку
молвилъ, какъ-бы говоря самъ себѣ, и покачавъ го-

Да, Петръ, угѣшилъ... Разодолжилъ, ужъ именно
сказать, разодолжилъ...

гнѣва, ни раздраженія не слышалось теперь въ тихомъ
овомъ голосѣ, но лишь одна скорбь, убѣдившагося въ
рушеніи своихъ самыхъ завѣтныхъ надеждъ, че-

овскому ужасно, до боли было жаль своего бѣднаго
И въ то-же самое время, онъ не раскаивался ни минуты
ь, что сказалъ Гедеону, онъ даже не взялъ-бы назадъ
то изъ своихъ выраженій, потому что они всѣ были
обдуманы и взвѣшены имъ сегодняшней ночью... Го-
ара можно было немного смягчить лишь дальнѣйшимъ
объясненіемъ, а тогда ему пришлось-бы открыть свои
нные мысли и планы... На на это, по крайней мѣрѣ
, Елеонскій чувствовалъ себя совершенно не въ силахъ.
и, въ видѣ попытки, онъ началъ:

Теперь вамъ понятно, дядюшка, почему я не сказалъ
того сразу, а придумалъ другую причину... Не думайте,
жъ это, нѣтъ! Не вчера только это задумалось, а давно
учить меня... Въ чемъ тутъ именно дѣло, не могу вамъ
объяснить... Только вѣрьте, что тяжело, не приведи Богъ,
нѣтъ тяжело! Ахъ, какъ хотѣлось-бы вамъ рассказать
, объяснить... Нѣтъ, не могу!

Да что ужъ тутъ... Ладно! уныло молвилъ монахъ, и
жъ, вздохнувши:—Эхъ, Петруха, Петруха!

Я самъ не знаю, чѣмъ это кончится, продолжалъ
гій, и голосъ его звучалъ тоже печально;—что я изъ
дѣлаю, я еще не придумалъ... Мнѣ пока нужно при-
къ своему положенію... Не легко вѣдь отказываться
новъ на будущее, съ которыми сроднился давно, и при
е имѣть ничего, что-бы могло заступитъ мѣсто поки-
. Знаю одно, что такимъ образомъ долго продолжаться
тъ... Все-же вѣдь какія-бы то ни было, а силы есть у
ему-нибудь да учился, кое что смыслю... Другіе и безъ
це начинаютъ, да ничего, кривая вывозить...
Не понимаю... Ничего не понимаю!.. Мудрено что-то

ты все говоришь... Богъ тебя знаетъ!—задумчиво прошепталъ Гедеонъ, и прибавилъ опять:—Эхъ, Петруха, Петруха!

— Мнѣ хотѣлось-бы только, продолжалъ Елеонскій, — бы вы вѣрили мнѣ, что я не пропащій какой-нибудь и выйду, наконецъ, на дорогу... О священствѣ ужъ и думать нечего! Во всякомъ случаѣ, что-бы я ни избралъ, вы бы меня поддержали! Я увѣренъ, что вамъ за меня краснѣть не придется. Это честная и трудовая дорога! Все, чѣмъ я вамъ обязанъ, это то, что вы для меня сдѣлали, особенно въ мое прошлое время, когда вы были единственнымъ для меня человекомъ, котораго я всегда находилъ и ободренье, и ласку, и поддержку. Я составляю мой долгъ неоплатный... За это я не могу расквитаться съ вами во всю мою жизнь... Все, чѣмъ я могу хоть немного покрыть этотъ долгъ—лишь жить и работать, только такъ, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть и честь! Я не хочу вашей гордостью—и обязанъ ее оправдать, обязанъ оправдать ваши достойныя надежды, которыя вы на меня возлагали. Это еще одна вещь... Это, конечно, вздоръ и пустякъ, но можетъ быть, излишне о ней говорить, но я уже сказалъ вамъ то, приходится къ слову... Я хочу сказать на счетъ этой нежной суммы, которой вы ссудили меня, назадъ не возвращать времени...

— Ну? спросилъ Гедеонъ, подымая вдругъ голову. Онъ рую держалъ онъ раньше опущенною. Лицо его все еще было

Елеонскій зашнуровался, не зная, продолжать-ли ему? Онъ не хотѣлъ заннаго воротить уже было нельзя, и онъ, съ усиліемъ, началъ шилъ докончить:

— Мнѣ-бы хотѣлось вамъ доказать, что я не тунеядецъ, а вывѣзжающій на чужихъ только плечахъ, и потому моею заботою будетъ—работать, а затѣмъ, то, что я могу своимъ первымъ трудомъ, войдетъ въ ту сумму, которую вы считаете моею главной обязанностью вамъ возвратить.

Онъ не договорилъ и остановился...

Гедеонъ сидѣлъ неподвижно, какъ истуканъ, и глядя на Елеонскаго, племянника тяжелымъ и долгимъ, какъ-бы цѣпнѣющимъ взглядомъ, въ которомъ было что-то неизяснимое.—Въ его глазахъ сливались изумленіе, гнѣвъ и упрекъ... При этомъ Гедеонъ не вымолвилъ ни единого слова. Затѣмъ онъ всталъ со стула, грузной и мѣрной походкой статуи

Каменномъ Гостѣ пошелъ въ другой конецъ комна-
была его шляпа, поднялъ съ полу, методически страх-
оставшія пылинки и нахлобучилъ ее на себя, а по-
е попрежнему, не говоря ни одинаго слова, той-же
и мѣрной походкой направился къ двери, широко ее
нулъ и скрылся въ темной прихожей... Дверь за нимъ
лась.

Дядюшка! крикнулъ въ отчаяніи молодой человекъ и
я было слѣдомъ за нимъ.

не успѣлъ еще онъ очутиться у двери, какъ она опять
илась, и въ образовавшемся пространствѣ показалась
Гедеона. Лицо его пылало, глаза метали молніи, а
сидѣла совсѣмъ набекрень... Онъ выкрикнулъ одно
слово:

Бютина!

крылся уже окончательно.

нскій схватилъ себя за волосы, да такъ и замеръ по-
еюй комнаты, не трогаясь съ мѣста, какъ столбъ.
ь такъ нѣсколько времени, онъ медленно оглянулся
онамъ, отыскалъ свою шляпу, надѣлъ ее на себя,
тъ тяжело—и тоже вышелъ изъ комнаты...

М. Альбовъ.

(Продолженіе будетъ).

БРИЛЛАНТОВОЕ КОЛЬЦО.

Рассказъ.

Энрико Кастельнуово.

(Переводъ съ итальянскаго).

I.

Было ясное июньское утро. Синьоръ Доменико, въ Фалько, т. е. Соколь, старьевщикъ и антикварій, сидѣлъ прилавкомъ, подводя какіе-то счеты въ толстой походной книгѣ. Въ глубинѣ лавки, у небольшого отъединившаго на задній дворъ и защищеннаго толстой рѣшеткой, дочь синьора Доменико, Антоніетта, читала

Во всей наружности синьора Доменико было что-то действительно напоминавшее птицу, отъ которой онъ и имѣлъ прозвище. Маленькіе, живые, бѣгающіе глазки, свѣдѣвъ въ темнотѣ; сухой, крючковатый носъ, искривленными на подобіе когтей пальцами — вало ему видъ хищной птицы. Однако, если соколькокъ отличается порывами великодушія и смѣлостію въ этомъ отношеніи синьоръ Доменико сравненія не имѣлъ, онъ не былъ ни смѣль, ни великодушень.

Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, старьевщикъ прямо «точно проглотилъ ручку отъ метлы», какъ говорили уличные мальчишки околотка. Его желтая, въ костямъ, кожа походила на пергаментъ, а короткіе волосы его бѣлой бороды торчали во всѣ стороны ежа. Пространная лысина украшала его макушку, чемъ прикрытую черной шелковой шапочкой. Такого былъ долгополый, засаленный, вытертый сюртукъ.

ий до самого подбородка. Этотъ сюртукъ онъ носилъ и въ то. Собираясь идти въ городъ, синьоръ Доменико на- помятый въ нѣсколькихъ мѣстахъ, атласный цилиндръ, шійся ему, какъ утверждала мѣстная хроника, отъ од- ранта, умершаго въ 1855 году, и вооружался толстой съ кривой ручкой, стоявшей неизмѣнно на томъ-же въ углу лавки. Въ такомъ нарядѣ онъ, какъ двѣ капли походилъ на гробовщика или на ветерана муниципаль- ражи.

огие изъ моихъ читателей, по всей вѣроятности, ожидаютъ, лодая Антоніетта окажется полной противоположностью о- пцу: настолько-же прекрасной, насколько тотъ былъ ень, настолько-же изящной и поэтичной, насколько ыль грубъ и прозаиченъ. Къ великому своему огорченію, ень сказать, что эти читатели ошибаются: Антоніетта а ни прекрасна, ни изящна, ни поэтична.

а была плодомъ страхового контракта. Объяснимся: вдовица уступила синьору Доменико все свое скромное ство съ тѣмъ, чтобы онъ выплачивалъ ей извѣстную по- ную пенсію. Но послѣ перваго-же года старьевщикъ ыль, что люди съ пожизненными пенсіями ужасно туго ыль и что, пожалуй, ему выгоднѣе жениться на вдовѣ, ыль ея пенсію въ видѣ приданого. Простоватая вдовушка, ыленная надеждой сдѣлаться богачкой—такъ какъ синьоръ ыль слылъ за челоуѣка очень денежнаго—согласилась ыль во второй бракъ. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сто- ыль простая коммерческая спекуляція. Но вскорѣ обна- ыль что мужъ былъ гораздо разсчетливѣе и дальновид- ыль дражайшей половины. Синьора Вероника не долго ыль семейнымъ счастіемъ. Переполненная желчью, она ыль послѣ трехъ лѣтъ супружества, и синьоръ Доменико, ыль ее на кладбище, невольно подумалъ, что, по всей вѣ- ыль покойница прожила бы гораздо дельше, если-бы ей ыль досъ добиваться чести носить имя синьоры Фалько. ыль тта была еще совершеннымъ ребенкомъ, когда ли- ыль матери. Рожденная отъ перезрѣлыхъ супруговъ, не ыль шшихъ другъ къ другу ничего, кромѣ равнодушія, она ыль ласкъ и улыбокъ, какъ растеніе, которому недо- ыль вѣта и воздуха. Веселый румянецъ дѣтства не игралъ

на ея щекахъ; никогда почти не принимала она участіе въ играхъ своихъ сверстницъ. Въ школы она знала только домъ, грязный и сырой, гдѣ горничная вымѣщала на садѣ на хозяина, заживившаго у нея каждый кусокъ усчитывавшаго послѣдній сантимъ изъ ея жалованья. Замѣтьте, что отецъ почти не замѣчалъ ея присутствія и все дѣлалъ, что бранилъ кухарку за то, что она переплатила то на томъ, то на другомъ товарѣ.

За этимъ печальнымъ дѣтствомъ послѣдовала еще печальная юность. Антоніетта чувствовала вокругъ себя то глухую ненависть. Сверстницы смотрѣли на нее потому что она была богата, потому что она никогда не ласкалась съ ними завтракомъ (бѣдняжка всегда умирала отъ голоду!), потому что не давала ни солиды милостыни (у нея было никогда сантима въ карманѣ), потому что она была красива, потому что была дочерью ростовщика. Въ очень скоро отецъ взялъ ее изъ школы и поручилъ ей хозяйство, причемъ ей жестоко доставалось за малѣйшія махъ, за малѣйшую растрату того, что, по мнѣнію скряги, можно было-бы сберечь.

Въ этой средѣ ея душа и сердце увяли, не успѣвъ ститься. Она не была ни горбата, ни хрома, ни крива; черты ея лица не имѣли въ себѣ ничего отталкивающаго, тѣмъ не менѣе никогда никто изъ чины не останавливался на ней. Казалось, она была не по годамъ, ни возраста. Отъ природы она была вовсе не лишена недостатка энергіи, чтобы быть доброй. Противъ ея желаній она была окружена, раздражало ее противъ обращавшихъ на нее вниманія, и противъ дѣвчонки, вѣщавшихъ къ себѣ кавалеровъ; однихъ она звала обманщиками, другихъ кокетками, и хвасталась тѣмъ, чьего не любила. Постоянное общеніе съ отцомъ еще черствѣтъ еще больше, подавляя въ ней всякій добрый и всякое человѣческое чувство. Она стала скупа, не имѣла инстинкту, сколько изъ подражанія, изъ желанія можетъ изъ потребности найдти хоть въ комъ-нибудь такое расположеніе, въ которыхъ она, по ея словамъ, не получила свою очередь, отецъ, обходившійся съ нею долгое время грубо, мало-по-малу началъ измѣнять къ ней отно-

казаться, что она сдѣлалась его образомъ и подобіемъ и онъ, вся погрузилась въ накопленіе денегъ, никому не приносящихъ пользы и не избавлявшихъ даже своихъ владельцевъ отъ самой грязной нищеты.

Съ мѣрѣ того, какъ дочь приобрѣтала новыя права на его имѣніе, заставляя постыдиться служанку и выжимая послѣдніе грошъ изъ закладчиковъ, онъ все болѣе и болѣе посвящалъ ее своимъ дѣламъ, и, наконецъ, когда ей минуло восемнадцать лѣтъ, сдѣлалъ ее приказчицей въ своей лавкѣ.

Какъ выросла, такъ воспиталась, такъ жила Антоніетта, старшаго ростовщика.

Вопросъ только ей было лѣтъ въ эпоху когда начинается нашъ романъ? Синьора Сабина, крестная мать Антоніетты и едва ли не единственный человѣкъ, немного любившій ее, утверждалъ, что дѣвушкѣ всего двадцать-два года; но прочіе ея знакомые говорили, что ей по меньшей мѣрѣ тридцать-два. Служившіе ея покровители колебались. Разумѣется, могло статься, что ей было двадцать-два года, но—почемъ знать?—можетъ и тридцать-два, а то, чего добраго, и сорокъ-два—до такой степени одураченна и безцвѣтна была ея фізіономія. А между тѣмъ она говорила сущую правду: Антоніеттѣ недавно минуло двадцать-два. Кромѣ того, та-же Сабина утверждала, что Антоніетта, когда, случалось, развеселится, бывала мила и могла даже нравиться. Это, конечно, вопросъ вкуса.

II.

Синьоръ Доменико окончилъ счеты и захлопнулъ толстую книгу. Въ ту самую минуту, какъ снопы солнечныхъ лучей, внезапно упавъ на противоположную стѣну, разомъ освѣтили всю лавку.

—Ахъ, солнце! пробормоталъ удивленный старьевщикъ, ветерпѣливый жестъ.

Антоніетта подняла голову и болѣе радостнымъ, но столь же удивленнымъ тономъ въ свою очередь воскликнула:

—Ахъ, солнце!

Ее удивленіе сдѣлается понятнымъ, когда мы узнаемъ, что въ этотъ годъ солнце въ первый разъ показалось въ лавкѣ Синьора Фалько, неизмѣнно погруженной въ полумракъ въ

«Сѣверъ» № 10, 1883 г. I.

теченіи всей зимы, всей весны, всей осени и даже значительной части лѣта. Впрочемъ, самъ хозяинъ былъ того мнѣнія, что для его торговли темнота гораздо выгоднѣе свѣта.

— Что до меня, говаривалъ онъ, — то я вижу всегда ясно, а если покупатель что не досмотритъ — ему же дура.

Какъ-бы то ни было, солнце неизмѣнно появлялось въ гостепріимной лавкѣ въ половинѣ іюня и, за исключеніемъ настига или непредвидѣнныхъ случаевъ, вродѣ развѣшиванія дворѣ бѣлья или платья, неизмѣнно возвращалось въ нее каждое утро до половины іюля. Показываясь въ щели между двумя громадными домами, стоявшими насупротивъ, оно дало свои лучи сперва на правую стѣну лавки, потомъ по полу, почти во всю длину комнаты, и, наконецъ, на гѣбую стѣну задѣвая и прилавокъ, за которымъ обыкновенно сидѣлъ самъ Доменико. Нѣсколько времени спустя послѣ полудня, свѣтлая полоса начинала постепенно суживаться и, наконецъ, совсемъ исчезала, оставляя гнѣздо стараго ростовщика погруженнымъ въ прежнюю темноту.

Дерзкій и вазойливый гость — солнце выставяло въ огромныя сырыя пятна, покрывавшія стѣны съ обильною штукатуркой, и паутину, заволакивавшую потолокъ, и пыль, лежавшей толстымъ слоемъ на всевозможной рудѣ, загромождавшей лавку. На этой-то рудѣ, среди которой было недостатка въ настоящихъ рѣдкостяхъ, и оставалось съ наибольшимъ любопытствомъ солнце, какъ будто бы дая вывѣдать исторію и происхожденіе всѣхъ этихъ вещей минувшаго величія.

Какія пиршества освѣщали эти два бронзовые вазы съ грифонами на ножкахъ? На какомъ патриціанскомъ банкетѣ красовались эти три тарелочки изъ саксонскаго фарфора? На какой ножки одѣвали, на какомъ балу порхали эти бѣлыя башмачки, такихъ размѣровъ, что, казалось, годились для десятилѣтней дѣвочки? Надъ чьимъ изголовьемъ стояла росписная Мадонна съ младенцемъ у груди? На какой вечерней застѣлкѣ висѣли эти серебряныя вазочки для святой воды? На какой ночи любви, скорби и мысли освѣщала эта алебастровая статуя? На чьемъ платьѣ красовался этотъ кусокъ пожелтѣвшей жемчужины? По какимъ землямъ странствовала эта дорожка, вышитая съ буквой Ф, вышитой бѣлымъ бисеромъ на красномъ

мала сюда эти книги? Кому принадлежалъ этотъ Бомстердамскаго изданія 1701 года въ пергаментномъ бѣ, изъѣденномъ червями? Кто просиживалъ ночи надъ стрепаннымъ Виргилиемъ, съ множествомъ замѣтокъ? А этотъ первый томъ «Неистоваго Роланда» гдѣ своихъ товарищей? Въ какомъ будуарѣ лежало ошное иллюстрированное изданіе Донъ Кихота, Сер-

ли-бъ всѣ эти предметы могли передать своимногочубриключенія, если-бъ они могли рассказать—какая случаское несчастье или какое преступленіе заставили смѣнить старое жилище на новое! Нужда, явная иготововство, продажа съ молотка, наглый грабежь,воровство—все это способствовало наполненію лавкикряги. И каждая вещь являлась сюда тайно, почтии такъ-же стыдливо уходила отсюда. Продавцы ии, приходя въ лавку синьора Доменико, подозрительи по сторонамъ, торговались въ полголоса и тоиходили, стараясь остаться незамѣченными. Нѣкотоих своихъ гостей онъ принималъ съ задняго крыльцая по темной лѣстницѣ въ себѣ наверхъ, гдѣ уладѣла, требовавшія особенной тайны. Отъ времени доу синьора Доменико бывали непріятности съ полиидѣ обысковъ, допросовъ и т. п., но ни разу его ни не могли уличить, и послѣ cadaго изъ такихъ прионъ только потиралъ себѣ руки, приговаривая:

падаютъ только дураки!

ельница столькихъ домашнихъ драмъ, столькихъ слезъекъ, моленій и угрозъ, Антоніетта привыкла все виашать, не испытывая при этомъ ни малѣйшаго волнея, какъ и для отца, несчастные, приходившіе сбывченку свое добро, были сплошь моты и кутилы,е до нищеты собственными пороками и потому неоще ни малѣйшаго состраданія.

тъ, Антоніетта не принимала никакого серьезнагодѣлахъ. Покупокъ она никогда не совершала, такъзавѣдывалъ исключительно отецъ: ей предоставляо продажа разной мелочи, если ей случалось остатьѣ одной. Что-же касается денегъ, то тутъ она бы-

ла совершенно безгласна. Отецъ не давалъ ей ни са же на домашніе расходы, такъ какъ она только змизію, за деньгами-же продавцы приходили къ саму ру Доменико. Привыкнувъ не имѣть никогда ни с удовлетвореніе своихъ капризовъ и прихотей, Анто чила тѣмъ, что утратила наконецъ способность ни зы или прихоти, и синьоръ Доменико могъ похвас воспиталь дочь въ правилахъ строжайшей бережлив она не снимала обыкновенно платья до тѣхъ поръ, не начинало разваливаться на ней, и тогда отецъ и кой-нибудь дальній магазинъ, гдѣ и выбиралъ самую и простую матерію, изъ которой Антоніетта сама и платье, при помощи донны Сабини, бывшей порт нившей у себя модныя картинки 1841—1850 года.

Разъ въ годъ, по одному изъ противорѣчій, с ственныхъ человѣческому сердцу, синьоръ Доменико припадокъ щедрости: это было въ именины дочер, шіяся на Сантъ Антонио Падуанскаго. Въ этотъ ники онъ дарилъ обыкновенно Антоніеттѣ либо олучше, либо одну изъ золотыхъ или серебрян попадавшихъ въ лавку тысячу разныхъ путей и ся у него въ спальнѣ, въ особомъ сундучкѣ. Онъ почиталъ дѣлать подарки послѣдняго рода, потому изнашиваются, а золотыя и серебряныя вещи ося цѣлы и, въ случаѣ нужды, могутъ быть осп. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, и Доменико и признавалъ за собою право отнмать, однако на дѣлѣ онъ никогда не пользовался

III.

Былъ какъ разъ канунъ Сантъ-Антонио, и А ствовала себя въ самомъ веселомъ расположеніи сколько вообще веселье допускалось ея характеро радовалась солнцу, заглянувшему въ лавочку, с безъ раздраженія каватину изъ «Нормы», которую все горло чей-то женскій голось, и съ необыкв ростью рассыпала хлѣбныя крошки воробьямъ, къ ея окну.

временемъ солнце, описывая свою дугу справа навзвонило себѣ лизнуть черный колпачекъ, украшавшій синьора Доменико. Задѣтый за живое такой вольностью деннн, старикъ вскочилъ съ своего мѣста:

Антоніета! вскричалъ онъ.

Что вамъ угодно? спросила дѣвушка.

На завтра нужно надѣть на окна занавѣски изъ голубенкора, что остался еще съ прошлаго года.

Да, но только въ немъ три дыры...

Ничего, можно заштопать. Я ухожу на часокъ. Приходите въ магазинъ.

Синьоръ Доменико взявъ свой цилиндръ, палку и вышелъ, презрительный взглядъ на солнце, продолжавшее обливаться лучами всю лавку.

Антоніета подошла къ лѣстницѣ, ведшей въ верхнія комнаты, взяла горничную и велѣла ей принести кусокъ голубенкора, предназначавшагося на занавѣски.

Только минутъ спустя, къ дверямъ лавки подошелъ молодой человекъ, высокій и худой, въ поношенномъ платьѣ и въ шляпѣ, и робко заглянулъ внутрь лавки. Затѣмъ, увидѣвъ, что въ лавкѣ никого нѣтъ, кромѣ Антоніетты, вошелъ къ ней.

Извините... Могу-ли я видѣть синьора Фалько?

Онъ нѣтъ дома... Но что вамъ угодно?

Мнѣ нужно-бы его видѣть по одному дѣлу...

Можетъ быть вы желаете что-нибудь купить?

Этотъ человекъ печально покачалъ головою.

Видѣть, мнѣ хотѣлось-бы продать...

Въ такомъ случаѣ зайдите ужъ въ другой разъ.

Скоро-ли онъ вернется?

Скоро-ли онъ вернется?

Этотъ человекъ поклонился и вышелъ. Когда онъ подошелъ къ шляпѣ, на его мизинцѣ сверкнуло бриллиантовое кольцо.

Хотѣвъ продать кольцо, подумала про себя Антоніета: какое какое-нибудь промотавшійся кутила... Охъ, ужъ развратны: имъ-бы только карты, да вино, да развратъ... А за что? За то только, что мы

не даемъ имъ умереть съ голода, когда они просятъ Славное колечко.

Молодая дѣвушка мысленно сравнила это колечко съ имѣемъ, блестящимъ на указательномъ пальцѣ ея правой руки, потому разложила синій коленворъ на колъняхъ и принялась за трудную работу. Ей хотѣлось угождать, чтобы онъ былъ пощедрѣе завтра. Онъ всегда откладывалъ подарокъ до послѣдней минуты, и она не рѣшила еще выбрать. Въ завѣтной шкатулкѣ было много прелесныхъ вещей, и при одной мысли о нихъ у нея разгорался аппетитъ. Но какъ попросить ихъ, если отецъ самъ не проситъ? Что-же касается нарядовъ, то въ этомъ году ей нужно: платье, сшитое ей синьорой Сабинной въ прошломъ году по картинкѣ 1844 года, могло отлично прослужить два лѣта.

Когда старьевщикъ вернулся, солнца уже не было.

— Ну, слава Богу, пробормоталъ синьоръ Доменико, повѣсивъ на гвоздь шляпу, сѣлъ за прилавокъ.

— Никого не было, Антоніетта?

— Былъ одинъ молодой человѣкъ... Да вотъ и ушелъ.

Между посѣтителемъ и синьоромъ Доменико начался полголоса разговоръ, изъ котораго до Антоніетты слышались только отрывочныя слова. Она замѣтила, однако, что молодой человѣкъ продавалъ вовсе не кольцо, а что-то другое, спрятанное въ бумажку.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь стоять-же онъ не могъ, восклицала посѣтельница.

— Стоять! Да кто-же ихъ купить? Теперь у насъ не носить ни одна кухарка: старье. Годится только для...

— Ну, да назначьте-же какую-нибудь цѣну...

Синьоръ Доменико произнесъ цифру, по всей вѣроятности очень низкую, такъ какъ молодой человѣкъ не могъ не восклицанія болѣзненнаго удивленія.

— Но мнѣ необходимо, проговорилъ онъ, — боюсь, что необходимо имѣть сорокъ лиръ.

— Очень жаль, сухо возразилъ старьевщикъ, — но я могу прибавить ни сантима.

Незнакомецъ на минуту задумался, посмотрѣвъ на старьевщика, и, казалось, готовъ былъ предложить и его, но тотъ...

сложилъ свой свертокъ и вышелъ, печально опустивъ
7.

Нуждается въ сорока лирахъ, а не хочетъ продать
онъ, подумала про себя Антоніетта.

Прошло, однако, и часа, какъ молодой человѣкъ вер-
нулся въ третій разъ. Онъ рѣшился пожертвовать и кольцомъ.
Однако, синьоръ Доменико объявилъ, что онъ раздумалъ,
ему теперь самому нужны деньги и потому въ теченіи нѣ-
сколькихъ времени онъ ничего не хочетъ покупать. Однако, послѣ
нѣсколькихъ убѣжденій онъ согласился прицѣниться. Вынувъ изъ
своего кармана лупу, онъ осмотрѣлъ по одиночкѣ всѣ брилліантики,
попытался на нихъ, потеръ платкомъ, попробовалъ стальной
палочкой и заявилъ, что они совершенная дрянь и даже
не заслуживаютъ названія брилліантовъ. Самое большее, что
онъ можетъ за нихъ дать... Тутъ онъ снова произнесъ цифру, за-
вѣсившую продавца испустить жалобный стонъ. Но синьора
нельзя было разстрогать такими пустяками, и онъ за-
явилъ молодому человѣку, что если цѣна ему не подходитъ,
онъ долженъ остаться при своихъ вещахъ. Но тому, очевид-
но, деньги нужны были до зарѣзу, и въ концѣ концовъ онъ
согласился. Кольцо, вмѣстѣ съ прочими вещами, перешло въ
руки старьевщика, выложившаго за нихъ столбикъ серебра,
составлявшаго не болѣе половины ихъ стоимости. Прежде
разстаться съ кольцомъ, которое было ему, очевидно,
дорого, молодой человѣкъ поднесъ его къ губамъ и по-
цѣловалъ. Потомъ онъ взялъ деньги и печально вышелъ.

Всѣ они таковы, эти шелопаи, пробормоталъ синьоръ
Доменико,—и еще думаютъ разжалобить насъ своими плакси-
гримасами.

Этому, кажется, было грустно взаправду, позволила себѣ
и Антоніетта, не поднимая головы.

Взаправду? Ничего не дѣлается на свѣтѣ взаправду,
думалъ синьоръ Доменико. — Всѣ люди только и думаютъ,
что надуть другъ друга, и верхъ беретъ тотъ, кто стумѣетъ
надъ другими такъ, чтобы комаръ носа не подточилъ... Да,
это трудно, очень трудно...

Старьевщикъ глубоко вздохнулъ, какъ-бы въ поясненіе
своей фразы. Потомъ онъ всталъ съ своего мѣста и напра-
вился въ лѣстницѣ, которая вела въ спальню, чтобы спрятать

въ шкатулку только что купленные вещи. Но дочь оставила его и показала заштопанную занавѣску.

— Отлично! сказалъ синьоръ Доменико, одобряемая вая головой.— Она прослужитъ еще года два.

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Кстати, завтра день Санъ-Антонио... Скажи, ты ужь думала что-нибудь? Въ прошломъ году ты спила себѣ какое платье?

— Да, да, помню, и оно еще совсѣмъ новое и отлично служить мнѣ нынѣшнее лѣто. А за модой, вы вѣдь знаете, гонюсь.

Сеньоръ Фалько не могъ не одобрить такого благора. Потомъ онъ снова вернулся къ тому-же предмету.

— Такъ чего-жъ бы тебѣ хотѣлось?

— Право, не знаю сама.

— Ну, погоди... Какъ тебѣ нравятся эти филиппинскія сережки?

Съ этими словами старьевщикъ развернулъ бумажку, въ которой были завернуты только что купленные вещи: серебряныхъ серегъ, мозаичная брошка и, наконецъ, бриллиантовое кольцо.

— Сережки? проговорила дѣвушка.— Но у меня уже есть коралловыя. Съ меня будетъ.

— А брошка?

— Мнѣ некуда ее приколоть... Вотъ развѣ...

— Что?

Антонietta собралась съ духомъ:

— Вотъ развѣ ту третью вещицу, что у тебя въ шкатулке?

— Кольцо! воскликнулъ синьоръ Доменико, пораженный такой неумѣренной претензіей со стороны дочери.— Бриллиантовое кольцо? Нѣтъ, какъ можно!

— Да вѣдь бриллиантики все маленькіе... Будь они крупнѣе, ну тогда конечно...

Еслибы старьевщикъ принялъ во вниманіе, во что ему это кольцо, то долженъ былъ-бы признать требованіе дочери очень скромнымъ. Однако, опасаясь дурнаго прѣдположенія, онъ рѣшительно заупрямился.

— Ну, а что, если я возвращу тебѣ колечко...

ты мнѣ подарилъ четыре года тому назадъ? Оно швомъ велико.

предложеніе совершенно измѣняло вопросъ, пробудивъ и достопочтеннаго старца тысячу противоположныхъ. Преобладающимъ, должно сознаться, была грусть; и хотя и была его законной дочерью, очевидно ни- смыслила въ дѣлахъ. Она не замѣтила, что, принимая маніе качество брилліантовъ, не было почти никакой и между обоими кольцами. Такимъ образомъ подарокъ шшему году сводился приблизительно къ нулю. Такая ность единственной его наслѣдницы оскорбляла нѣсколь- тельское самолюбіе Доменико. Но, съ другой стороны, азаться отъ возможности обрадовать Антоніетту такой цной? Неужели-же онъ долженъ указать ей ея ошибку предать противъ самого себя? Синьоръ Доменико былъ съ характеромъ и потому не допускалъ никакихъ въ своимъ убѣжденіямъ. А онъ всегда поддерживалъ и въ жизнь правило, что когда дѣло касается соб- хъ интересовъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ вать человѣку глаза на его заблужденія. Конечно, ть замѣшана родная дочь, вопросъ становился нѣ- деликатнымъ, но бѣда, думалъ онъ про себя, бѣда то начинаетъ отыскивать предлоги, чтобы уклониться въ намѣченнаго пути. Тутъ стоитъ только сдѣлать пер- мь и уже нельзя поручиться, чѣмъ кончишь.

ь почему синьоръ Доменико, будучи человѣкомъ съ ха- мь, преодолѣлъ свои колебанія и согласился на обмѣнъ, санный ему дочерью. Кольцо съ гранатомъ было спря- шталулку вмѣстѣ съ филиграновыми сережками и мо- брошкой, а брилліантовое колечко очутилось на пальцѣ ты.

IV.

другой день синьора Сабина зашла въ лавку—провѣ- ю врестницу. Антоніетта была одна и тотчасъ-же по- ортнихъ кольцо, подаренное ей отцомъ.

е нужно быть невѣстой, чтобы получить въ подарокъ говое кольцо, сказала Антоніетта.

Она намекала на одну свою подругу, которой, за несколько дней тому назад, ее жених подарилъ бриллиантовое кольцо.

Синьора Сабина кивнула головой.

— Ничего, хорошенькое... Но на твоёмъ мѣстѣ я бы почла какое-нибудь платьице, мантилью, однимъ словомъ, что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Ну, вотъ еще! Все это изнашивается, а кольцо остается у меня навсегда.

Портниха осмотрѣлась по сторонамъ, какъ-бы желая убедиться, не подслушиваетъ-ли ихъ гдѣ-нибудь синьор менико, и въ полголоса проговорила:

— Но зато тамъ ты знаешь откуда что идетъ, а?

— Что-жь тутъ?

— Полно, будто ты не понимаешь? Вѣдь навѣрно не у ювелира купилъ это кольцо?

— Конечно, нѣтъ.

— Темныя дѣла, темныя... Ну, почему ты знаешь, что оно попало въ лавку это кольцо?

— Отлично знаю.

— Будто?

— Сама видѣла, потому что при мнѣ его продавалъ одинъ молодой человѣкъ.

— Только-то? Ну это еще немного. А къ кому оно попало?

— Ну, вотъ еще. Это совсѣмъ приличный молодой человекъ, и все, что онъ принесъ продавать, навѣрно продавалъ. Это было видно за версту на его лицѣ... И по его виду было трудно разстаться съ этимъ кольцомъ: чуть ли не бѣдняга!

Синьора Сабина нѣсколько минутъ молчала.

— А знаешь, сказала она въ раздумьи, если бы пожелай еще хуже... у меня разрывалось бы сердце, если, что я ношу на пальцѣ такое кольцо... Навѣрно думать о какомъ-нибудь дорогомъ, человѣкѣ и онъ не вещь только съ голода? Скверно, очень скверно людской нуждой.

— Но развѣ мы виноваты, что люди нуждаются? — Если бы не такъ, прервала ее Антонietta. — Если человекъ не хочетъ работать — то...

И потомъ, развѣ мы лѣземъ къ этимъ шелопаямъ? Они сами идутъ къ намъ! Что-бы съ ними случилось, насъ не было?.. И какая бѣда въ томъ, что носишь купленную на свои-же деньги? Развѣ это кольцо достало хозяйну, если-бы я его не взяла себѣ? Его носилъ-бы будь другой, вотъ и вся разница.

Аргументація молодой дѣвушки нѣсколько прихрамывала, и Сабина вовсе не убѣдилась доводами своей крестнице только вывелъ изъ себя раздражительный тонъ всегдашней Антоніетты, и, вскочивъ съ своего мѣста, она закричала:

Видно, видно, что ты въ отца; не даромъ говорится, что отъ яблони не далеко падаетъ. Эхъ, вы, скряги! Вотъ бы васъ всѣхъ на вертелъ и поджарить на постыжастъ! Своими руками подсыпала-бы жару.

Поживъ эти свирѣпыя пожеланія, синьора Сабина стремительно вышла изъ лавки, обмахиваясь носовымъ платкомъ, и начинала уже чувствовать жаръ отъ придуманнаго ею эффекта.

Любимыя вспышки были не рѣдкостью со стороны синьоры, и Антоніетта давно къ нимъ привыкла. Добродушная мать хотѣла отъ всей души обратить крестницу на путь истины; она пользовалась всякимъ случаемъ вселить въ нее понятие къ окружающей ее обстановкѣ и жизни, но она не имѣла ни малѣйшей дозы такта и не знала ни въ чемъ послѣдствіе чего всѣ ея усилія оставались безплодными. Именно дѣвушка противопоставляла филиппикамъ своей матери сопротивление чисто пассивное, предоставляя говорить вволю. Только на этотъ разъ она неожиданно задумала возражать съ нѣкоторой энергіей.

Удивительное дѣло: именно сегодня слова Сабинины произвели на нее наиболѣе сильное впечатлѣніе. Она спрашивала: где-ли доли правды во всѣхъ этихъ упрекахъ и точеное слово отца было такъ безупречно, а всѣ его кліенты носили шелопаями? Она смотрѣла на кольцо, сверкавшее на пальцѣ, какъ будто желала допросить его и узнать точно-ли ему обидно, что она его носитъ. Затѣмъ она сердиться сама на себя, за всѣ эти сомнѣнья и приказы. Она бранить весь свѣтъ за то, что ей хотятъ отравить и

тѣ немногія радости, какія выпадаютъ на ея долю въ жизни. Такимъ образомъ въ этомъ году даже именины пришли къ ней скучно.

V.

Прошло все лѣто. Солнце уже давно перестало заходить въ лавку; синія занавѣски покоились на чердакѣ, и дани новаго сезона, а синьоръ Доменико возсѣдалъ, прежде, за своимъ темнымъ прилавкомъ. Въ глубинѣ въ у рѣшетчатого окна Антоніетта работала попрежнему, чемъ брилліантовое кольцо то и дѣло сверкало на ея пальцѣ. Образъ жизни ея сохранилъ всю свою монотонность: она сидѣла за прилавкомъ, занималась хозяйствомъ, выходя изъ дома чрезвычайно рѣдко, да и то большею частью, куда водили ее либо отецъ, либо синьора Сабина. Въ послѣдней они хотя и ссорились отъ времени до времени, такъ-же скоро мирились. Однимъ словомъ, ничто не могло помешать имъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, въ унылой старьевщичьей лавкѣ. Однако, болѣе внимательный наблюдатель могъ бы, что Антоніетта не совсѣмъ та, что была прежде. Никогда ни отличалась она веселостію, но теперь ея жизнь приняла оттѣнокъ грусти, тогда какъ прежде она была лишь плодомъ апатіи. Можно было подумать, что она носится во слѣдъ за какимъ-то далекимъ образомъ, тогда какъ прежде весь міръ ограничивался для нея четырьмя стѣнами лавки. Она имѣла привычку работать со спокойствіемъ и ровностью машины, теперь-же случалось, что она работала иглою съ лихорадочной быстротой, то вдругъ останавливалась и нѣсколько мгновений сидитъ ничего не дѣлая. Нередко бросала сквозь открытую дверь бѣглый взглядъ на улицу, который проходилъ отъ времени до времени, не обращая на него малѣйшаго вниманія, молодой человѣкъ, продавшій что-то отцу. Одинъ только разъ она случайно остановилась на этотъ взглядъ, и въ этомъ взглядѣ было столько грусти, что она замерла и инстинктивно спрятала руки въ карманъ, желая скрыть похищенную вещь. Ей казалось, что она должна-же замѣтить на ея пальцѣ свое кольцо и стоять передъ нею упреками за то, что она отняла у него его сокровище. Современемъ эта робость исчезла, но все

могла ни видѣть этого молодого человѣка безъ непонятнаго ей волненія, ни взглянуть на кольцо, не вспомнивъ о...

Онъ былъ блѣденъ, худъ, носилъ всегда одинъ и тотъ-же пошленный костюмъ и поражалъ никогда несходившимъ съ лица выраженіемъ какой-то убитости и приниженности. Онъ могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, къ какой категоріи людей принадлежалъ незнакомецъ. Тѣмъ не менѣе Гониметта, несмотря на годами укоренившуюся привычку считать бедность исключительно плодомъ праздности и распутства, ему-то дѣлала для этого молодого человѣка исключеніе и предполагала въ этомъ случаѣ какое-нибудь незаслуженное несчастіе. Она готова была ручаться въ этомъ, хотя не знала, какъ его зовутъ. Она не дѣлала ни малѣйшаго усилія, чтобы узнать его имя, потому что ей стыдно было заговорить съ кѣмъ-нибудь и признаться въ своей слабости. Всего страннѣе была она со своей обычной собесѣдницей, синьоры Сабининой, такъ какъ та скорѣе кого другого могла догадаться о ея тайнѣ. Разъ, однако, возвращаясь откуда-то въ сообщеніи портнихи, она вдругъ встрѣтилась лицомъ къ лицу единственнымъ незнакомцемъ, и тотъ вперилъ въ нее въ первый разъ свои черные, глубокіе, задумчивые глаза. Антонина смутилась и наклонила голову.

— Эге! воскликнула синьора Сабина—Вотъ какъ! А ну-ка, скажи мнѣ, кто этотъ молодой человѣкъ?

— Этотъ молодой человѣкъ... право, не знаю... Я думала, что съ нимъ знакомы...

— Полно! Вѣдь не на меня онъ смотрѣлъ, а на тебя. Ты, какъ Мадонна, неужто нашелся человѣкъ, который заставитъ и твое пергаментное сердце! Ну, признавайся: я тебе не скажу.

Гониметта пришла въ негодованіе. Она влюблена! Она, негодная и призирающая до глубины души всѣхъ мужчинъ! Мало, притиснутая къ стѣнѣ, она призналась, что уже не первый разъ видитъ этого молодого человѣка.

— Ну такъ чтожь? прибавила она.—Не могу-же я его не узнать, разъ это тотъ самый, что продалъ отцу брилліантовое кольцо.

— Что самое, что ты носишь на пальцѣ?

— То самое.

— Но какъ-же его зовутъ?

— Почемъ мнѣ знать имена всѣхъ, кто къ намъ и въ заходить.

— Бѣдняжка! проговорила Сабина.—Сейчасъ видно, карманомъ да и здоровьемъ плохъ. Какъ онъ блѣдень. впалые глаза! А все-таки я готова поручиться, что онъ хорошей семьи: у меня на это глазъ. Тутъ навѣрное да быть какое-нибудь приключеніе.

— Приключеніе! воскликнула Антоніетта, съ напѣ жесткостью.—Знаемъ мы эти приключенія: человѣкъ не да о завтрашнемъ днѣ, не копить копѣйки, а только зна тратить да тратить...

Во всякое другое время синьора Сабина вспылыва накинута на свою крестницу съ обычными попрекам на этотъ разъ она отвѣтила ей только презрительнымъ домъ:

— Погоди! сказала она.—Черезъ недѣлю мнѣ не извѣстно.. Дай мнѣ только встрѣтиться съ нимъ хоть увидѣ, и ужъ я не я буду, если не узнаю о немъ не ноготную, и тогда посмотримъ, что ты у меня запоешь.

Антоніетта пожала плечами и съ притворнымъ шиемъ проговорила:

— Чтожь, узнавайте, если это вамъ любопытно. А столько-же думаю о немъ, какъ о прошлогоднемъ самъ.

Синьора Сабина не хвастала: благодаря своему ремеслу портнихи и новому—хозяйки мебелирова она имѣла массу знакомствъ и могла лучше какъ добиться предположенной цѣли.

Дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ она запыхавшись, вся красная, въ лавку старьевщика и своей крестницѣ:

— Я все узнала!

Затѣмъ, улучивъ минуту, она рассказала ей, что самый день она встрѣтила молодого человѣка на улицѣ шла за нимъ слѣдомъ и увидѣла, какъ онъ зашелъ въ зинь кистей, тотъ самый, что насупротивъ табачной одного ея знакомаго и, пожалуй, родственника. Она и какъ только молодой человѣкъ удалился, послала тѣ

у распросить, кто и что онъ. Хозяинъ магазина могъ сказать, что его зовутъ Александро Ліани и что онъ и живописецъ, декораторъ по профессіи. Однако, синьора Сабина не удовольствовалась. Она принялась спрашивать на имя наѣво, и открыла наконецъ какую-то акушерку, которая принадлежала къ семейству Ліани еще во времена ихъ процвѣтанія. Тотъ же декоративный живописецъ, зарабатывалъ въ свое время очень хорошія деньги, но никогда не умѣлъ отложить денегъ, и кутежами только разстроилъ свое здоровье и свелъ къ концу. Жена осталась вдовою съ двумя дѣтьми—мальчикомъ и дѣвочкой. Старшій, Александро, несмотря на молодость, въ некоторое время ухитрился кормить семью, но на него обрушился цѣлый рядъ новыхъ несчастій. Семейство разбогатѣло, а потомъ брошенная какимъ-то негодяемъ, она пережила своего позора и умерла, оставивъ у него одну маленькую грудную дѣвочку. Вскорѣ затѣмъ, у него заболѣла старшая дочь, чтобы не отправлять бѣдную женщину въ госпиталь, онъ началъ продавать и закладывать все, что было лучшаго въ домѣ, и этого не хватало: Александро былъ вынужденъ брать новые долги, значительно превышавшихъ его скромныя средства, и въ день похоронъ матери кредиторы толпой напали на него и расхватили все, что у него еще оставалось. Онъ остался нищимъ, а между тѣмъ ѣсть было нужно, и дѣвочку—тоже. Работы никакой, и Александро рѣшился продать нѣсколько вещей, оставленныхъ ему матерью, въ томъ числѣ и брилліантовое кольцо, которое мать надѣла ему на палецъ наканунѣ смерти. Постоянная нужда, лишенія и горести до такой степени разстроили здоровье молодого живописца, что у него открылась серьезная болѣзнь, и не сегодня завтра онъ, того гляди, съѣдетъ въ больницу.

—Ты видишь, закончила Сабина:—правда-то вышла на светъ: не отъ кутежей онъ раззорился.

—Дняжка! проговорила Антоніетта—въ первый разъ слышу, потому что до сихъ поръ она не умѣла относиться къ дѣтямъ иначе, какъ съ словомъ укоризны и насмѣшки.

VI.

Бѣдняжка!

Антоніетта не сказала ничего, кромѣ этого, и синьорина осталась не особенно довольна своей крестницей. Была не права. Сострадательность рождается не вдрогъ какъ чувства—тоже въ значительной степени результатъ привычки. Но разъ брошенное сѣмя приноситъ свои плоды. Мысленно молодая дѣвушка часто возвращалась къ синьоры Сабины, и воображеніе дорисовывало ей неясное. Счастливые же знаютъ, или притворяются, будто не знаютъ, что дѣлается въ томъ мірѣ, гдѣ царствуетъ нужда. Антоніетта не могла не знать этого, но только до сихъ поръ не ставало способности понимать людскія страданія.

Когда молодой живописецъ проходилъ мимо лавки сало и въ жаръ, и въ холодъ; когда случалось, что онъ бывалъ нѣсколько дней подъ-рядъ, ей уже казалось, что онъ боленъ, что онъ умираетъ. Тогда наступали для нея темныя ночи и тревожные дни. Кольцо сжимало ее въ тискахъ, и она затруднилась бы сказать, что ей дороже: оно ей больше радости, или горя. Иногда она даже выпросила его у отца; иногда-же она благословляла его за-то, что случай сдѣлалъ ее свидѣтельницей прощанья, и ей возможность стать хранительницей этого сокровища.

Однако, молодая дѣвушка не повѣрила ни одному изъ душѣ своихъ тревогъ и волненій, и синьору Доминико снилось даже, что происходитъ въ душѣ его дочь. Онъ мѣтилъ только, что теперь она не всегда была такъ хозяйкой, какъ прежде, чему доказательствомъ служило, между прочимъ, самовольная покупка новой щетки для рисунка, какъ старая отлично могла-бы прослужить еще долго.

Тѣмъ временемъ наступилъ ноябрь, сырой, и обыкновенно холодный. Черныя тѣни постоянно висѣли надъ лавкѣ старьевщика, такъ что въ особенно пасмурныя дни приходилось даже зажигать на прилавкѣ керосинныя лампы. Тогда Антоніетта, чтобы не зажигать другой, вѣсившей рѣшетки ничего не было видно, подсаживалась къ отцу. Она даже любила это мѣсто, потому что такъ легче разглядѣть всѣхъ проходившихъ по улицѣ. Такимъ образомъ она два раза видѣла Александро Ливанчи.

Синьора онъ вдругъ исчезъ, точно въ воду канулъ. Тысячи невозможныхъ фигуръ и лицъ сновали каждый день мимо, но высокая и худая фигура молодого живописца все изывалась. Антоніетта страдала жестоко. Синьоръ Додди въ холодную погоду часто выходилъ на улицу, чтобы согрѣть ноги, разогрѣться, и дѣвушка, оставаясь одна, плакала. Ей случалось плакать, но то были слезы бѣды, теперь она въ первый разъ плакала съ горя. Съ ея стороны это было просто глупо: что ей было за дѣло до чего, съ которымъ она не обмѣнялась двумя словами, которые обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и, по всей вероятности, не думалъ даже о томъ, существуетъ-ли она на самомъ дѣлѣ? Къ тому же, если онъ не проходилъ мимо, то развѣ это значило, что съ нимъ что-нибудь случилось? Нисколько: онъ просто могъ перемѣнить дорогу. Все это, конечно, нельзя болѣе справедливо, но нисколько не успокоило для молодой дѣвушки. Она рѣшилась навести справки, поджидать синьору Сабину, единственнаго человѣка, которому она могла обратиться.

Синьора Сабина все это время была занята по горло. Ей пришлось помогать своими авторитетными совѣтами по случаю данаго одной кумушкѣ, выдававшей дочь замужъ, а свободные часы присматривать за родильницей, у которой была молочная лихорадка. Разумѣется, она лишь изрѣдка заглядывала въ свою крестницу, да и то на минутку, потому что всегда заставляла дома синьора Доменико, который не могъ шушуканья дочери со старой портнихой. Попавъ со своими дѣлами, синьора Сабина не замедлила употребить время для продолжительнаго визита Антоніеттѣ. Она любила разсказывать ей безчисленное множество подробностей о дѣлѣ и родильницѣ, взятыхъ ею подъ свое покровительство, и до такой степени надоѣла молодой дѣвушкѣ, что наконецъ, не выдержала и оборвала ее болтовню вопрошая: знаетъ-ли она чего объ Александрѣ Ліани.

Синьора Сабина такъ-же легко увлекалась какимъ-нибудь разговоромъ, какъ и забывала о немъ. Въ первую минуту она вытаращила глаза, какъ будто самое имя этого человека выскользнуло изъ ея памяти. Но вскорѣ она вспомнила дѣло.

— Это тотъ, что брилліантовое кольцо продалъ спро
она.

— Тотъ самый...

— Нѣтъ... ничего о немъ не знаю.

— Не можешь-ли навести справки? проговорилъ Анто
та умоляющимъ тономъ.

— Отчего не навести! отвѣтила синьора Сабина, оне
бывшая подобныя порученія.—Такъ тебя очень интере
этотъ Ліани? прибавила она лукаво.

— Нисколько. Просто любопытно.

— Гм! Когда-то ты не была такъ любопытна.

Возвращеніе синьора Доменико заставило портниху
тяться въ бѣгство. Но и сказаннаго было достаточно,
воспламенить фантазію синьоры Сабинны. Въ одно мн
въ умѣ ея созрѣлъ цѣлый планъ бракосочетанія, для
котораго требовалось только совпаденіе трехъ обстоя
Во-первыхъ, чтобы Александро Ліани не оказался ни
шимъ, ни близкимъ къ смерти и чтобы онъ чувствовалъ
ность жениться на Антоніеттѣ; во-вторыхъ, чтобы Анто
чувствовала склонность выйти замужъ за Ліани; въ-тр
чтобы синьоръ Доменико отправился въ болѣе или менѣ
комъ будущемъ на вѣчный покой, такъ какъ можно б
лову прозакладывать, что, пока онъ живъ, этому браку
вать.

VII.

На другой день синьора Сабина уже входила въ залу ст
щика съ серьезной и озабоченной миной челолика, и
сообщить тяжелую новость. Она тотчасъ-же увела свои
ницу наверхъ.

— Ну, что? тревожно спросила Антоніетта.

— Плохо! отвѣчала синьора Сабина со вздохомъ.—
лень, бѣдняга.

Антоніетта поблѣднѣла.

— Онъ теперь въ госпиталѣ, продолжала портниха.

— Давно? пролепетала молодая дѣвушка.

— Дней пятнадцать.

— Ну... а какъ его здоровье?...

— Говорятъ, теперь лучше... да только, все равно
когда уже не оправиться.

Зачѣмъ-же его отправили въ госпиталь?...
 Еще-бы не отправить, когда гроша нѣтъ за душой...
 Антоніетта опустила глаза, чтобы скрыть наверхушіяся

долго молчала она, поглядывая то на кольцо, то на Сабину, идомъ человѣка, который порывается что-то сказать, но не можетъ. Наконецъ, она сдѣлала надъ собой послѣднее усиліе и почти крикнула:

— Сеньора Сабина, я хочу васъ о чемъ-то попросить.

— Ну, говори.

Антоніетта быстро сорвала съ пальца кольцо и подала портнихѣ.

Я не могу больше носить его, сказала она.— Не могу носить мнѣ палецъ. Такъ постарайтесь передать его больному. Это память его матери, и ему будетъ пріятно... Если-только ему понадобятся снова деньги, онъ можетъ прожить... А мнѣ его не нужно, не нужно... Только, ради са- Бога, не говорите, кто ему его посылаетъ.

Что-же онъ въ такомъ случаѣ подумаетъ?

Пусть думаетъ что хочетъ, а я хочу, чтобъ мое имя не даже упомянуто...

— Ты дѣлаешь доброе дѣло, милая моя. Но, право, я не бѣды въ томъ, если онъ узнаетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Если вы не поклянетесь мнѣ, ничего не скажете, я обращусь къ кому-нибудь другому...

— Ну, не скажу, не скажу, будь покойна, отвѣчала Сабина, не желая быть лишеной такого пріятнаго свиданія.— Но что, если отецъ замѣтитъ, что у тебя нѣтъ кольца?..

— Не замѣтитъ. А если замѣтитъ, то я скажу, что спря- чила себѣ въ шкатулочку, а если захочетъ посмотрѣть— скажу, что потеряла... однимъ словомъ, это ужъ мое дѣло... Скажите только обѣщайте, что доставите кольцо больному... и скажите, сейчасъ... обѣщаете, говорите?

— Обѣщаю, обѣщаю: у меня въ больницѣ есть знако- мая сестра милосердія... Ну, а теперь дай мнѣ поцѣловать тебя, Антоніетта. Прости меня: я право не считала тебя за такую вещь.

— Сабина обнимала свою крестницу, сеньоръ Доме-

нико подошелъ къ лѣстницѣ и, поднявъ голову вверхъ кричалъ:

— Антоніетта, Антоніетта!

Молодая дѣвушка торопливо вытерла глаза и обвѣсивъ внизъ, въ лавку, гдѣ ждали ее упреки отца за то, такъ долго засидѣлась съ этой глупой старухой.

Антоніетта пробормотала что-то въ отвѣтъ и усѣлась свое обычное шитье. Но хотя глаза ея машинально слѣдовали за строчкой, мысль ея слѣдовала шагъ за шагомъ за сестрой Сабиной. Вотъ она идетъ въ больницу; вотъ она приходитъ зываетъ сестру милосердія и передаетъ ей кольцо, съ просьбой отдать его больному, не говоря кто его принесъ. Вотъ медсестра исполняетъ порученіе, и больной, приподнявшись съ кровати, съ удивленіемъ смотритъ на дорогую для него вещь, которую не надѣялся никогда больше увидѣть. Въ его воображеніи встаетъ образъ любимой матери, и сцены дѣтства за другой проносятся передъ нимъ. Но кто-же доставитъ эти счастливыя минуты? Чья заботливая рука возвратитъ это кольцо? Никто не скажетъ ему этого... Ну, а то ея самъ догадается?

VIII.

Прошла еще недѣля. Антоніетта узнала, что кольцо было доставлено по назначенію, что Александро Ліани на день долженъ выйти изъ больницы. Больше ей ничего было извѣстно о немъ.

Но однажды утромъ, въ тѣ часы, когда синьоръ уходилъ обыкновенно въ городъ по дѣламъ, дверь дѣвчонько отворилась, и Антоніетта увидѣла на порогѣ живописца, который былъ такъ худъ и блѣденъ, что можно было принять за привидѣніе. Какъ и въ тотъ разъ, онъ спросилъ, нельзя-ли ему повидать синьора Фалько.

Съ трудомъ сдерживая свое волненіе, молодая женщина отвѣчала, что отца нѣтъ дома, но что если ему нужно, то она въ его услугамъ.

— Нѣтъ, возразилъ Ліани, — мнѣ ничего не нужно, только спросить его объ одной вещи.

Объ былъ такъ слабъ, что Антоніетта подала ей

Она была крайне встревожена. Что, если онъ станетъ спрашивать насчетъ кольца? Какъ ему отвѣтить? Между тѣмъ, съ минуты на минуту можетъ вернуться отецъ.

— Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, началъ Ліани,—я продалъ здѣсь нѣсколько вещицъ, въ томъ числѣ брилліантовое кольцо. Теперь мнѣ хочется знать, куда оно попало изъ вашего магазина?

— Ничаго не могу вамъ сказать... Каждый день совершается столько продажъ и покупокъ. Всего не упомнишь. Да и не все-ли вамъ равно?

— Нѣтъ, не все равно. Дѣло въ томъ, что недѣлю тому назадъ это кольцо снова попало мнѣ въ руки, хотя мнѣ рѣшительно отказались объяснить, кто его принесъ. Теперь я пришелъ, чтобы разъяснить эту загадку. Зайду еще разъ, когда вернется синьоръ Фалько.

— Нѣтъ, нѣтъ, прервала его дѣвушка внѣ себя отъ волненія, — отецъ знаетъ объ этомъ еще меньше моего... Кольцо пропало я...

— Вы! воскликнулъ Ліани, устремляя на нее проницательный взглядъ.—Кому-же?

— Кому?... Право не могу теперь припомнить.

— Вы не хотите сказать мнѣ всей правды, проговорилъ Ліани, качая головой.—Придется переговорить съ синьоромъ Фалько.

— Увѣряю васъ, что это лишнее и вы отъ него ничего не знаете.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы должны быть откровеннѣе.

Анжелиетта еще нѣсколько времени старалась запереться. Но Ліани не отставалъ и всѣ болѣе и болѣе смущалъ ее своими вопросами и пристальнымъ взглядомъ; проникавшимъ, казалось, въ глубину ея души. Она конфузилась, краснѣла отъ этихъ взглядовъ и вопросовъ и трепетала при мысли, что вотъ-отъ въ дверяхъ покажется отецъ.

— Думайте, что хотите, сказала она наконецъ,—я ничего не могу вамъ объяснить... А теперь уходите, я не хочу, чтобы еще засталъ васъ здѣсь...

— Такъ это вы мнѣ прислали кольцо! да, вы! нѣжно произнесла молодая человѣкъ.—И вы хотите, чтобы я ушелъ, не поблагодаривъ васъ даже, не сказавъ вамъ, что только дѣвушка

съ нѣжной, чувствительной душой могла сдѣлать то, что сдѣлала.

Бѣдная Антоніетта ни разу въ жизни не слышала подобнаго. Цѣлый новый міръ внезапно открылся передъ ней. Ей показалось, что все это сонъ, но ей хотѣлось, чтобы сонъ продолжался вѣчно. Однако, очарованіе было разорвано очень скоро.

— Я уѣзжаю, сказала Ліани.

— Уѣзжаете! воскликнула Антоніетта блѣднѣя.— Вы не можете выдержать холода, не успѣвши оправиться отъ болѣзни?

— Говорятъ, что путешествіе будетъ мнѣ полезно. Я ѣду въ Египетъ.

Антоніетта смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Конечно, я ѣду не для того, чтобы лечиться, — сказала она, улыбаясь. — Я хочу гдѣ-нибудь позволить себѣ только богатымъ, проговорилъ онъ, улыбаясь. — Одинъ живописецъ, бывший другъ моего отца, получилъ приглашеніе въ Каиръ для нѣкоторыхъ работъ у одного изъ пашей. Ему нужны двое помощниковъ, и онъ согласился взять меня... Здѣсь меня ничто не задерживаетъ. У меня нѣтъ семьи, племянницу мнѣ удалось помѣстить въ сиротскій пріютъ. У меня нѣтъ никакихъ основаній отказать отъ этого выгоднаго предложенія. Зимой и часть весны я проведу въ Каирѣ, а потомъ, если буду живъ, вернусь на родину. Утромъ мы ѣдемъ съ первымъ пароходомъ.

— Ну, такъ прощайте, проговорила Антоніетта, сдерживая слезы.

— Прощайте, но прежде я долженъ попросить васъ о одномъ одолженіи.

— Объ одолженіи? О какомъ-же?

— Я попрошу васъ сохранить до моего возвращенія очень дорогую для меня вещь.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ жилета бриллантовое кольцо.

— Кольцо! вскричала пораженная Антоніетта.— Вы забыли его? Вы гнушаетесь...

— Что вы, что вы! Какъ могли вы это подумать? — сказала она.

— Антоніетта, сказала молодая дѣвушка, глядя на него.

— Какъ вамъ могло это придти въ голову, синьора Антоніетта? Взгляните лучше на мою руку.

Онъ показалъ ей маленькую аристократическую руку, выходящую какъ у скелета.

— Во время послѣдней болѣзни, пояснилъ онъ, — я до такой степени исхудалъ, что кольцо не держится уже ни на одномъ изъ пальцевъ, кромѣ развѣ большаго, на которомъ колецъ не носятъ. Надѣюсь потолстѣть подѣ африканскимъ солнцемъ и тогда я вернусь за этимъ дорогимъ сувениромъ.

Не успѣла Антоніетта опомниться, какъ онъ взялъ ее за руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо.

— Не снимайте его до моего возвращенія, проговорилъ онъ, сжимая ея руку. — Еслибъ моя мать была жива, то и она не наша-бы дѣвушка болѣе достойной носить его. Прощай-е-же Антоніетта, прощайте.

Онъ выпустилъ руку дѣвушки и направился къ двери. Антоніетта была ошеломлена; она не знала, — плакать-ли ей, или смѣяться, въ головѣ ея былъ какой-то хаосъ; слова станавливались въ горлѣ, и она могла только выговорить тихимъ голосомъ:

— Вернетесь?

— О, да! По крайней мѣрѣ, надѣюсь, отвѣчалъ Ліани. — Если не вернусь, то сохраните кольцо на память обо мнѣ.

Онъ перешагнулъ порогъ и скрылся въ узкомъ переулкѣ. Антоніетта бросилась къ двери, какъ будто желая остано-вить его, но вдругъ въ изнеможеніи упала на стулъ и закрыла лицо руками.

— Не вернется, не вернется! повторяла она, заливаясь слезами.

Сердце подсказало ей правду. Александро Ліани не вернулся. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя получило извѣстіе, что онъ умеръ въ Каирѣ.

IX.

Старый скупщикъ по-прежнему сидитъ большую часть за своимъ прилавкомъ; Антоніетта что-то шьетъ у рѣшет-го окна. Синьоръ Доменико все тотъ-же: тѣ-же живые глаза, тотъ-же крючковатый носъ, та-же сухая, прямая, палка, фигура съ желтой, точно обтянутой пергаментомъ

головой. Все въ немъ осталось неизмѣннымъ, мѣнялось только его мнѣнiе о дочери. Было время, когда онъ считалъ ее и надѣялся найти въ ней достойную наслѣдницу, теперь-же онъ считаетъ ее такой-же бабенкой, какъ и прочiя: слабой, плаксивой, малодушной, совершенно неспособной вести серьезныя дѣла. Онъ убѣждаетъ, что ее не испортить. Кто именно—онъ не знаетъ навѣрное, но полагаетъ въ этомъ синьору Сабину, и потому очень косо смотритъ на ея частыя визиты къ крестницѣ.

Антонiетта терпѣливо переноситъ и отцовскiе упреки свое одиночество: она живетъ своимъ горемъ и воспоминанiями. Когда-же ей становится слишкомъ грустно, она беретъ на кольцо, сверкающее на ея пальцѣ, украдкой поглядываетъ на него и орошаетъ слезами, дающими столько облегченiя.

Нищета и страданiя, которыхъ она является свидѣтельницей, уже не скользятъ по ея душѣ, не оставляя на ней никакого слѣда. Правда, она по-прежнему бессильна чѣмъ-нибудь помочь несчастнымъ, но ея сострадательный взглядъ проникаетъ въ ихъ сердца, какъ лучъ благодатнаго солнца. Сопоръ, какъ она узнала человѣческiя горести, она страдаетъ гораздо больше прежняго, но все-таки она ни за что не мѣняла-бы своихъ теперешнихъ мученiй на эгонистическую жизнь былого.

СЕМЕЙКА

(южно-деревенскій очеркъ).

I.

Омелькинъ сонъ.

Всю ночь потягивался Омелько, кутаясь въ влажной вы-
травѣ. Въ плавняхъ трава зеленѣетъ до поздней осени,
только когда упадетъ первый снѣгъ, она покрывается стар-
ой желтизной, вянетъ и свертывается. А камышь не боитъ
перваго снѣга и долго еще, пока не ударитъ добрый де-
ревскій морозъ, шелеститъ своими длинными зелеными лен-

Корошо было-бы крѣпкимъ сномъ встрѣтить утреннюю за-
заснулъ-бы Омелько такъ, какъ только можетъ спать здо-
рвый двадцатилѣтній парень, безъ сна промучившійся во всю
осеннюю ночь. Утренній холодъ пронизываетъ всѣ
члены; пріятная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; слад-
ко спитъ онъ и звонко хрустятъ его восточки. Славно,
какъ славно заснулось-бы! Нельзя. Спать еще табун-
щикъ-онъ же безусловный повелитель Омельки. Вонъ онъ за-
ставилъ въ травѣ и выставилъ къ небу свой толстый прыщева-
ющійся, изъ котораго, точно хрюканье цѣлаго стада свиней,
идетъ храпъ. Дядя Данило любитъ поспать, что и гово-

Корошо, чортъ возьми, быть табунщикомъ! жалованье огром-
ное—семьдесятъ карбованцевъ въ годъ—это чего-нибудь сто-
итъ работа... Да какая ему работа? Ночью спать, какъ ка-
кой-нибудь князь, а проснется, такъ только ему и дѣла, что
спать имъ, попыхачемъ. А онъ, попыхачъ, получаетъ ка-

кихъ-то тамъ двадцать рублей, да' каждый день шапку жит-
ныхъ сухарей, а по праздникамъ еще селедку. Житя, нечего
сказать! А за это ни днемъ, ни ночью не засни, только знай-
гоняй по приказанію дяди Данилы... Вотъ и теперь—пѣтухъ
разбился по пригорку, того и глади—зайдетъ въ спопи и на-
дѣлаеть шкоды. Вставай, Омелько, бѣгай по полю съ огор-
нымъ батогомъ и стоняй его въ кучу. А глаза такъ-вотъ и
смыкаются...

Но вмѣсто того, чтобъ встать и заняться табуномъ, Омел-
ко закрылъ глаза и въ ту-жъ минуту почувствовалъ, что чьясь
его онѣмѣли. До его уха смутно долетало фырканье лошадей
да шумъ утренняго вѣтра, случайно ворвавшася въ гущину
камыша, а потомъ и это исчезло, и онъ вдругъ очутился въ
совершенно другомъ мѣрѣ.

Приснилась ему знакомая мѣстность. По высокому, крутому
берегу Днѣпра въ беспорядкѣ раскинулись хаты Пузыревскихъ
хуторовъ. Вотъ надъ балкой стоитъ красивая, заново обила-
нная, хата стараго Пузыря, который первый поселился въ этой
мѣстѣ. Косые лучи вечерняго солнца идутъ мимо всѣхъ ку-
торянскихъ хатъ и падаютъ на дырявую камышевую крышу
строенія, стоящаго поодаль отъ всѣхъ, на высокой крутѣ и, ка-
жется, вотъ—вотъ готоваго всѣми своими жалкими, подпертыми
стѣнами низринуться въ Днѣпръ. Это—хата Оеклы, его матери.
А внизу Днѣпръ шумитъ и пѣнится; мутныя волны его съ тре-
скомъ ударяють о крутой каменистый берегъ. На замкнѣ
сидитъ Оекла. Э, какъ она постарѣла за три года! Тоненькій
носъ врючкомъ, а подбородокъ кверху вотъ-вотъ сойдется.
Щеки запали, потому что зубовъ нѣтъ, а сама еще хрюкнетъ
ся, не горбится. А это кто движется къ хатѣ, съ воткнутой
спиной, съ палкой въ правой рукѣ? Да это, кажется, баба
Гы!.. Странное дѣло! какъ-же это онъ, кажись, не пьянъ,
какъ будто и не пьяный? По всѣмъ признакамъ—это его баба
ко. Тотъ-же небольшой ростъ, та-же общипанная, дырявая
марка, та-же сивая шапка, которую Омелько помнитъ
столько времени, сколько сознаеть свое существованіе,
же точно она закрываетъ и брови и уши. Идетъ она
слегка прихрамывая и лѣвой рукой придерживаясь
«Это ему гдѣ нибудь ребро переломили!» думаетъ
А сѣдая борода подросла значительно, видно баба

брылся съ полгода; и носъ уже не красный, а почти черный, видно, батько здорово трескаль вѣдку гдѣ-нибудь на рыбальствѣ!.. Рѣшительно, по всѣмъ признакамъ—это его батько! А вотъ погоди, ежели онъ подойдетъ къ заваленкѣ и начнетъ бить мамку, тогда уже ясное дѣло... Однако онъ подошелъ къ заваленкѣ, сѣлъ и даже руки не поднялъ, чтобъ ударить мамку... Разговариваетъ... Тыфу ты пропасть!.. какже это такъ? Батько по всѣмъ статьямъ, а между тѣмъ не пьяный и не бьетъ мамку!.. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. А вотъ изъ воротъ выходитъ дѣвка, маленькая такая, чуть побольше аршина роста—да у нихъ всѣ въ роду маленькіе и онъ-то самъ малючкѣ больше—ну это уже сейчасъ можно узнать, кто такая. Это Оксана, сестра его. И чего это она сѣла поодаль и отвернулась отъ матери?.. Да вотъ, наконецъ, и онъ, Омелько, сидитъ рядомъ съ нею!.. Вотъ такъ чудо! когда это было, что вся семья ихъ собралась дома? Никогда этого не бывало, а теперь вся какъ есть при мѣстѣ... А что-же они ѣсть будутъ? Дома вѣдь ни рожна не водится. Дивится Омелько такому чуду, анъ глядь, по большой хуторянской дорогѣ идетъ лопъ въ скуфѣ и съ палкой... Вотъ ужъ попа тутъ не слѣдовало-бы! Это ужъ навѣрняка быть бѣдѣ! У Омельки дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. И зачѣмъ тутъ лопъ? Кажись, все такъ хорошо устроилось, и вдругъ онъ прилѣзъ... Навѣрное—или батько умретъ, или хата развалится... Ужъ это даромъ не пройдетъ. Хотя-бы еще лопъ съ крестомъ, а то съ палкой, въ куфѣ... О, это совсѣмъ не къ добру... «Ахъ, ты байстрюкъ востраеклятый! Ты это что-же надѣлалъ?» вдругъ закричалъ лопъ отчаяннымъ голосомъ, совершенно такъ, какъ будто-бы то былъ не голосъ, а громъ, и со всего размаха хватилъ его лопъ въ бокъ. Мурашки пробѣжали по тѣлу Омельки отъ того удара, и онъ проснулся весь облитый потомъ. А кричалъ это не лопъ: дядя Данило во весь свой гигантскій обхватъ стоялъ передъ нимъ и изо всей мочи толкалъ его въ грудь кулукомъ своего огромнаго сапога. Дядя Данило былъ высокъ и тонокъ. У него было смуглое лицо съ маленькими блестящими глазами и бѣлые, какъ молоко, зубы. Онъ происходилъ изъ цыганъ и не такъ давно еще кочевалъ съ своимъ отрогомъ по степямъ, а потомъ почувствовалъ склонность къ осѣдлости, втерся въ сельское общество, женился на вдовѣ—

крестьянкѣ, но за нимъ на вѣки вѣчны осталось прозваніе «цыгана» и это прозваніе навсегда перейеть къ его потомкамъ.

— Что-же это ты надѣлалъ, байстрюкъ? растреклятіе? повторять дядя Данило безсчетное число разъ. Омелько сматывался, какъ ужаленный. «Байстрюкъ!.. Гм!..» Это для него было самое обидное слово изъ всѣхъ ругательныхъ. Оно намекало на то стародавнее обстоятельство, что Омелько былъ рожденъ своей матерью ещё тогда, когда она была двѣницей. Увы! это была правда. Такого-же точно происхожденія была и сестра его Оксана, и только послѣ рожденія Оксаны батюка его женился на Феклѣ.

Что-же, однако, онъ надѣлалъ? Солнце поднялось уже высоко. Передъ нимъ разстилалась широкая, безконечная нива съ желтѣющими корнями скошеннаго хлѣба. Табунъ разползся по всей помѣщичьей нивѣ, кони хозяйничали въ копнахъ выжженной пшеницы, которую еще не успѣли сжечь. Да, дѣйствительно, онъ кое-что надѣлалъ. Но что-же онъ могъ пожелать, когда глаза противъ его воли закрылись и сладкій сонъ незамѣтно охватилъ его? Нужно-же и ему, попыхачу, спать иногда! При томъ, вѣдь онъ не собака какая-нибудь, чтобы его толкали въ бокъ каблуками, такъ что у него до сихъ поръ печенка болитъ. Наконецъ, чего это дядя Данило постоянно допекаетъ его этимъ «проклятымъ байстрюкомъ»?...

И Омельку вдругъ обуяло упорство, да такое упорство, какое можетъ обуять только кровнаго хохла и какого Омелько еще никогда не испытывалъ. «Чортъ съ нимъ, съ его табунъ, съ его жалованьемъ, съ сухарями, съ сажкой!» ругалъ онъ.

— Что-жь ты молчишь и чухаешься? не видишь, что приставалъ Данило, указывая на поляну, гдѣ хозяйничалъ табунъ.

— Вижу! равнодушно отвѣчалъ Омелько.

— Ну чего-жь стоишь? Бери батоги!.. Живо!

— А ты не дерись и не ругайся! промолвилъ Омелько вмѣсто того, чтобы кинуться къ батогу и бѣжать на коняхъ. Дядя Данило опѣшилъ. А Омелько, котораго теперь уже совершенно разобрало упорство, взялъ да и опустился на землю и преспокойно усѣлся. Данило до того изумился, что даже не подумалъ вновь толкнуть его каблукомъ.

— Ну, ладно-же! промолвилъ онъ,—я и самъ загоно! Да жаль тебѣ не слобровать!—Онъ схватилъ кнутъ и пошелъ са-молочно сгонять лошадей. А Омелько сидѣлъ на травѣ и вслѣдъ ему дерзко улыбался.

Его охватило такое пріятное чувство, какого онъ еще никогда въ жизни не испытывалъ. Онъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на плоды своего неповиновенія. Первый разъ въ жизни онъ «взялъ свою волю», и какъ это пріятно, онъ и изъяснить не можетъ. Вотъ лежитъ его котомка, а тутъ-же рядомъ—палка. Кнутъ—помѣщичій, его придется оставить, а жаль, онъ такъ любилъ ходить съ кнутомъ и хлестать имъ въ воздухъ. Этотъ рѣзкій звукъ веселитъ его сердце. Въ котомкѣ еще осталось десятка два сухарей. Что-же? Больше, кажется, сидѣть нечего. Жалованья ему слѣдуетъ тамъ что-то около полтины, да наплевать, все одно—не дадутъ. А вотъ-что: нужно дожидаться дяди Данилы и попрощаться съ нимъ. Все-жъ таки вмѣстѣ дѣльный годъ провели въ полѣ. Жаль ему лошадей—онъ былъ большой любитель лошадей и знатокъ ихнихъ немощей (едва-ли даже самъ дядя Данило съумѣлъ-бы такъ искусно пугать кровь лошади, какъ онъ!) — Ну, да что! Бредихинскій правяющій давно уже заманиваетъ его къ себѣ. Да только тамъ ужъ онъ низачто не найметъ въ попрыгачи, а прямо въ габушники. Хоть даромъ, за одни сухари, лишь-бы быть табушникомъ, лишь-бы его воля была. А вотъ кстати и Данило подошелъ.

— Прощайте, дядя Данило!

— А что? Уже мандровать собрался? насмѣшливо про-молвилъ дядя Данило.—Значитъ, по батьку пошелъ. Тотъ весь ѣкъ свой шляется, ни на одномъ мѣстѣ не усидитъ!...

— А хоть-бы и по батьку?! Да чортъ съ вами, съ вашимъ истомъ! хватилъ Омелько, убѣдившись, что съ Даниломъ нельзя проститься мирно.—Кажется, я никому ничего не дол-женъ!

— Проваливай! На твое мѣсто десятокъ найдемъ! привѣт-вовалъ его Данило. Дѣйствительно, должность Омельки счита-лась завидной и на его мѣсто было пропасть охотниковъ. Ввалилъ Омелько котомку на плечи, взялъ палку и по-шелъ большой дорогой. Потомъ онъ спохватился и завернулъ сторону, гдѣ пасся его любимый гнѣдой конь—«Васька».

— Васька, Васька! кликнулъ онъ коня, подошелъ къ нему, потрепалъ его по спинѣ и любезно поцѣловалъ его прямо въ морду.—Прощай, братъ! нѣжно промолвилъ онъ и пустился въ путь.

II.

Языкъ любви.

Въ это время дулъ свѣжій осенній вѣтеръ. Онъ то и дѣло сдувалъ съ головы нашего путешественника шляпу, сплетенную его собственными руками изъ житней соломы. Огромныя поля этой шляпы пугали попадавшихъ навстрѣчу вороновъ. Шляпа была далеко не по сезону, но Омелько отъ этого нисколько не унывалъ. Его смѣшило одно странное обстоятельство. Когда онъ перекладывалъ свою котомку съ одного плеча на другое, то непременно минуты двѣ держалъ ее передъ глазами и читалъ по-складамъ то, что было на ней вытисано (онъ научился грамотѣ еще въ дѣтствѣ, когда накопился у попа, въ качествѣ камердинера маленькаго попавича). Тамъ была слѣдующая надпись, сверху: «цѣнная», а пониже: «выснана на 125 рублей серебромъ», дальше обозначался адресатъ, но Омелько замазалъ его дегтемъ, такъ какъ адресатомъ былъ, конечно, не онъ. Богъ знаетъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ нашелъ онъ этотъ, выброшенный кѣмъ-то, кусокъ холста со слѣдами сюржучныхъ печатей и сбѣлалъ себѣ изъ него котомку, выставивъ напоказъ крупную цифру. Съ его стороны это была горчайшая иронія, такъ какъ цифра эта красовалась рядомъ съ огромной заплатой на его чумаркѣ, а на ногахъ не было даже постоловъ. Но такое сопоставленіе тѣшило его душу.

Онъ былъ очень веселъ. Еслибъ его спросили, что послѣдствовало бы, если бы онъ покинулъ табунъ, то онъ, конечно, не выдалъ бы другого отвѣта, какъ: «чортъ съ ними, съ ихними хвостами, съ сухарями и селедкой!» При этомъ, можетъ быть, пожелалъ бы на жестокость дяди Данилы. Но это было бы не всѣмъ искренно. Дядя Данило и прежде имѣлъ большія претензіи съ твердыми каблуками и всегда дѣлалъ изъ нихъ употребленіе. Нѣтъ, а всему виною здѣсь былъ чудный котомка, который приснился Омелькѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это была не трогательная...

Вся родня его собралась дома, и при этомъ батько сидѣлъ смирно, былъ трезвъ и никого не билъ. На яву, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не видѣлъ подобной картины. Вся семья его вѣчно была въ разбродѣ. Батько гдѣ-нибудь на рыболовствѣ, сестра—въ людяхъ, въ услуженіи, онъ—попыхачемъ у пса Данилы, мать гдѣ-нибудь кухаркой въ городѣ... И онъ быль пронуть этой небывалой картиной, сердце его, это черствое сердце, не привыкшее къ нѣжнымъ ощущеніямъ, забилося сильнее и запросило родственнаго свиданія.

Онъ уже прошелъ версть семь, когда предъ нимъ раскинулась широкій ставокъ, а надъ ставкомъ—большое село Вишневое. Все село издали казалось огромнымъ вишневымъ садомъ, за деревьями почти не видно было хатъ; только острая вершина церковной колокольни съ большимъ крестомъ на концѣ, да деревянные кресты расположеннаго въ отдаленіи кладбища свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь живутъ и умираютъ люди. Омелько отправился къ ставку попить воды, потому что у него послѣ сухарей першило въ горлѣ. На берегу ставка съ коромысломъ на плечахъ стояла дѣвка, въ которой Омелько, несмотря на то, что видѣлъ только ея затылокъ, узналъ свою землячку—Одарку. Одарка стояла лицомъ къ ставку, съ подтыканной юбкой и полунагнувшись къ водѣ; Омелько имѣлъ полную возможность незамѣтно подкрасться къ ней. Онъ тихонько подошелъ къ ней и изрядно хватилъ ее ладонью по спинѣ. Это, по его мнѣнію, была самая изысканная форма привѣтствія. Одарка взвизгнула.

— Скаженный!.. Омелько! вскрикнула она, обернувшись, — откуда это тебя чортъ принесъ?

Послѣ этого вопроса было ясно, что Одарка очень обрадовалась Омелькѣ. Это, какъ нельзя лучше, выражало ея ясное, острое и красное, какъ пучекъ молодой калины, лицо.

— Меня-то? А ты спроси его, этого самаго чорта, зачѣмъ ты меня по землѣ носить! Табунъ пасъ, да, видишь, бросилъ, такъ и все. Нѣтъ ты скажи лучше, какая нечистая сила тебя гнесла сюда съ хуторовъ!..

— А видишь, я думала, что ты тамъ зимовать будешь, а и ушла отсюда, чтобъ не видѣть твоей корявой рожи! Ха, ха, ха!..

Понимать это слѣдовало такъ, что Одарка находитъ Омель-

цена въ этотъ моментъ. Какъ-бы только наняться къ бреди-
нскому управляющему? «Что-жъ!» думалъ Омелько: «у нея
ничего нѣтъ и у меня тоже!» и это было самымъ крѣпкимъ
оводомъ въ пользу женитьбы.

На широкомъ дворѣ управляющаго Омелько встрѣтилъ че-
ловѣкъ пять рабочихъ, повидимому—изъ полтавцевъ. Онъ спро-
силъ у нихъ про Оксану.

— Оксана? ха, ха, ха, ха! А тебѣ на что Оксана? Опоз-
далъ, парень, опоздалъ! ха, ха, ха, ха!—и рабочіе неистово
гохотали, а Омелько ничего не понималъ.

— Оксана—моя сестра, пояснилъ онъ, видя, что онѣ по-
дозрѣваютъ что-то недоброе.

— А! Она—твоя сестра! Такъ ты спроси-ка вотъ у самаго
пана управляющаго! Вонъ онъ переваливается!

Омелькѣ указали толстаго пана съ заспаннымъ лицомъ.
Онъ подошелъ къ пану и смиренно снялъ шляпу.

— Можно-ли мнѣ спросить у васъ, панъ, про мою се-
стру—Оксану? несмѣло проговорилъ онъ и поклонился.—Она
васъ тутъ служить, а я хотѣлъ-бы повидаться съ нею!

— Что такое? Оксана?—и панъ разсмѣялся.—У насъ
нѣтъ твоей Оксаны! Ищи еѣ въ другомъ мѣстѣ!..

— Какъ нѣтъ Оксаны? А гдѣ-же я буду искать еѣ?..

— Ха, ха! А ты знаешь, что такое—твоя Оксана? про-
ложалъ смѣяться панъ, и отъ этого смѣха у Омельки сердце
охолодѣло.

— Какъ-же мнѣ не знать, что такое Оксана, когда она
строй мнѣ приходится? отвѣчалъ онъ.—Оксана дѣвка рабо-
ца, честная...

— Честная? спросилъ управляющій,—а я тебѣ скажу, что
в—шеура...

И тутъ онъ прибавилъ еще такое слово, отъ котораго у
Омельки кровь ударила въ голову.

— Какъ-же это можно, панъ?.. Чтобы Оксана?..

— Да, да, да! А мы, знаешь, такихъ не держимъ!
И еѣ въ другомъ мѣстѣ!..—И панъ удалился въ хату, а
Омелько стоялъ, точно пригвожденный къ землѣ. Ноги его
оказались двигаться; ему казалось, что въ головѣ его и
сердцѣ и во всемъ его тѣлѣ произошло что-то страшное,
перевернулось вверхъ дномъ... А рабочіе смѣялись еще

звонче, еще безжалостнѣй, поминая имя Оксаны и приставляя къ этому имени такія слова, отъ которыхъ у Омельки стыла кровь въ жилахъ. «Такъ вотъ какъ Оксана! вдухъ промолвилъ Омелько: «не можетъ-же быть, чтобы всѣ они врали!» и сдѣлавъ усиліе, онъ побрелъ по большей дорогѣ. Все дѣло—все это произошло отъ того, что ему приснился сонъ. Что-жъ теперь? Положимъ, онъ теперь пойдетъ на рыбный заводъ, гдѣ, какъ ему извѣстно, батько его нанялся въ рыбалы. Но вѣдь онъ почти увѣренъ, что батька уже нѣтъ на свѣтѣ. Ужъ ежели сонъ началъ сбываться (а сны, говорятъ, всегда наоборотъ сбываются), такъ и пойдетъ одно за другимъ: Оксана опозорена, батько умеръ, матери ногу сломали, хата развалилась, ему кто-нибудь въ дорогѣ шею свернетъ, либо Одарка выйдетъ за другого... Ужъ это такъ. Погъ дорогъ не приснится, да еще съ палкой и какой огромной палкой!... Тѣмъ не менѣе Омелько пошелъ на заводъ. Ну, если ужъ батько дѣйствительно умеръ, то по крайности онъ достанетъ и перекрестится надъ его могилой.

Рыбный заводъ находился верстахъ въ пяти отъ села Вышневаго. Съ высокой кручи шелъ извилистый спускъ, внизу разстилался цѣлый лѣсъ зеленого камыша, а въ камышѣ, ватъ узенькой рѣчкой, торчали двѣ ободранныя хаты, которыхъ никто никогда не мазалъ и не чистилъ, такъ какъ здѣсь не было ни одной бабы. По берегу рѣченки сушились «свѣдъ» и въ разныхъ мѣстахъ кучами валялись остатки старыхъ сѣтей, нитки для плетенія новыхъ, огромныя «сѣтѣи» (круглыя корзины для храненія живой рыбы въ рѣкѣ) и разная рыбальская справа. Въ воздухѣ носился запахъ вяленой рыбы. Рѣченка впадала въ Днѣпръ, куда рыбаки сбрасывались на дубкахъ, съ которыхъ забрасывали сѣти.

Было уже подъ вечеръ. На полянѣ кружкомъ сидѣли человѣкъ тридцать рыбалокъ, передъ ними лежали съ мочеными въ водѣ сухарями, у каждого по куску селедка. Такъ уже водится, что рыбаки постоянно ходятъ дѣло съ свѣжей рыбой, почти никогда не ѣдятъ ее, а бычу спѣшать они продать въ городъ, а самимъ чѣмъ попало, преимущественно селедкой. Омелько подошелъ и поклонился. Здѣсь у него довольно было землянокъ. Онъ обвелъ глазами весь кругъ. «Такъ и е...

не видно! я такъ и зналъ!» чуть не вслухъ подумалъ онъ.

— А батька моего что-то не видно! обратился онъ къ рыбалкамъ.

— Э-ге-ге! Твой батько!.. Да развѣ ты не знаешь своего батька?.. отвѣчали ему рыбалки,—онъ какъ получилъ свою первую долю, да какъ закатилъ пьянствовать, такъ только его и видѣли!.. Помандровалъ!..

Несмотря на такую печальную вѣсть, Омелько вздохнулъ свободнѣй. «Ну, слава Богу! Все-таки батько не умеръ!»!

— А я думалъ, что его уже на свѣтѣ нѣтъ! сказалъ онъ.

— Ого-го-го! Твоего-то батька! Да онъ такой, что его никакой палкой не добьешь! Живучій, какъ чертъ!.. Да ты, парень, присаживайся, да повечеряй съ нами!..

Омелько не отказался, потому что здорово былъ голоденъ. Тутъ ему поразказали чудесъ про его батька. Одинъ разъ онъ, пьяный, свалился въ воду и пошелъ ко дну. Едва вытащили его неводомъ; думали, что околѣетъ, нѣтъ—откачали. Другой разъ, когда онъ напыхмѣлы сидѣлъ на мостикѣ, свѣсивъ ноги въ воду, огромный сомъ схватилъ его за ногу и чуть не стащилъ въ воду... Словомъ, батько его имѣлъ за собою столько разныхъ исторій, что ихъ хватило на цѣлый вечеръ. Послѣ ужина Омелько завалился спать въ камышѣ, рѣшивъ—чуть свѣтъ идти на Пузыревы хутора. Тамъ онъ, должно быть, найдетъ мать и отъ нея узнаетъ и про Оксану и про батька.

III.

Дочкинъ гостинецъ.

Полный мѣсяцъ взошелъ надъ Днѣпромъ и бросилъ свои луча на крутой берегъ, гдѣ раскинулись хаты Пузыревыхъ хуторовъ. Освѣтилъ онъ и полуразвалившееся жилище Ѳеклы. ~~Стала~~ тихая ночь. Воздухъ былъ пропитанъ влагой, которая въ видѣ миниатюрныхъ крупинокъ росы садилась на стекла маленькихъ неуклюжихъ оконъ. Ѳекла сидѣла на заваленкѣ; у ~~всехъ~~ былъ грустный видъ. Да, пришло время серьезно подумать о зимѣ. На дворѣ стоитъ глубокая осень; положимъ, вылаждаютъ еще теплыя ночи, когда можно сидѣть въ нетопленной хатѣ. Но уже не за горами морозъ, а у нея на току нѣтъ

ни одной камышенки для топлива, да и отъ самого топа осталось только мѣсто, поросшее бурьяномъ. Вѣдь вотъ какая судьба! Вся родня оставила её, старуху, одну помять съ голоду да съ холоду. И ни объ комъ ни слуху, ни духу! Оксану она не видала уже больше года; Омелько—тогда года три не показывается, а мужъ хоть и является каждую зиму, да толку отъ этого мало. Является онъ уже тогда, когда пропьеть весь свой заработокъ, и заваливается на печку. Лишний ротъ, да и только, да еще такой ротъ, что не любить такой ѣды, любить смачивать её водкой... А чуть выпьетъ хоть самую малость, бушуетъ, дерется—что подѣлаешь? не выгнать же вонъ его, своего законнаго мужа!

А было время!.. Эхъ, если-бы къ ней вернулась прежняя сила! Пошла-бы она къ вишневному попу и нанялась-бы къ нему въ кухарки. Она вѣдь отличная кухарка, не уступитъ ученому повару. А у попа ѣда отличная, и теплая хата, и добрая одежда. Она жила у него лѣтъ десять, еще когда молодой была, въ годы своего дѣвчества. А Нычипоръ служилъ кучеромъ у того-же попа. Славный парень былъ Нычипоръ! Работящій, веселый и такіе у него были усы!.. Усами-то больше всего онъ и побѣдилъ ея сердце. Она и слалась известно, дѣвка молодая, глупая, а сердце у нея было горячее, «широе», а кровь въ жилахъ такъ и хлопотала, какъ свинецъ въ раскаленномъ котлѣ. Опозорила Фекла свой честный родъ и родила «байстрюка»—Омельку, а тамъ ужъ и дальше пошло, въ Омелькой явилась Оксана... Тогда уже батюшка пошелъ въ церковь и обвѣнчалъ. Да скоро прошли хорошія времена. Поселились они на хуторѣ, вотъ и эту самую хату собственными руками построили, да хозяйство не пошло имъ въ руки. Волею—батюшка подарилъ имъ пару бычковъ въ день свадьбы подошли (у всѣхъ тогда падежь была!), хлѣбъ не съ каждымъ годомъ хуже, Нычипоръ сталъ съ горевать водкой, а она за нимъ, да такъ вмѣстѣ развалило свое скудное хозяйство. Съ горя!.. Остались пустыни, и тѣ вотъ-вотъ обвалятся. Пробовала она послѣ этого жить по чужимъ людямъ, да гдѣ тамъ! поживетъ мѣсяцъ, а тамъ вдругъ подступитъ къ сердцу тоска, да такъ грудь разламывается, ну, и не выдержать, запеть и все. А Нычипоръ то-же самое. И какъ-то такъ все!

дело, что въ это время они всегда сходились и вмѣстѣ пьянствовали, видно—самъ дьяволъ сводилъ ихъ. Въ концѣ-концовъ Нычипоръ допивался до свирѣлости и приколачивалъ её до полусмерти. А дѣти росли гдѣ-то по чужимъ людямъ, да, должно быть, проклинали ихъ... Да, вѣрно, отъ этихъ самыхъ проклятій и не везло имъ, и хозяйство пошло прахомъ.

И холодно, мрачно было на сердцѣ у старой Оеклы. Присило это сердце, чтобы какая-нибудь добрая, любящая душа на старости лѣтъ пригрѣла его.

А мѣсяцъ подымался все выше, и вотъ онъ стоитъ почти надъ самой хатой Оеклы и во всемъ своемъ блескѣ отражается въ тихой, задумчивой глубинѣ Днѣпра. На хуторѣ тихо. Давно уже все живое завалилось спать; не слышно ни пѣсенъ молодежи, ни лая собакъ. Шагахъ въ тридцати, на большой «улицѣ», промелькнула тѣнь. Отчего это у Оеклы забилося сердце? Мало-ли тѣней мелькаетъ въ ночное время?! Можетъ, собака пробирается въ чужой дворъ, ища любовныхъ ощущений; а можетъ быть и то, что какой-нибудь парень тайкомъ шагаетъ въ днѣпровскіе камыши, а въ тѣхъ камышахъ какая-нибудь шальная дѣвка назначила ему свиданіе, а изъ этого выйдетъ великій грѣхъ... А тѣнь, кажется, повернула къ Оеклиной хатѣ, и вотъ это уже не тѣнь, а человѣческая фигура, вся освѣщаемая лучами мѣсяца. Да кто-же это такой, едва переступая съ ноги на ногу, идетъ прямо къ ней? О, Господи! Это привидѣніе! Это нечистая сила! А можетъ быть, это—смерть пришла за ея грѣшной душой!.. Оекла трижды перекрестилась.

— Мамко! раздался надъ нею слабый голосъ женщины, и такой знакомый, такой дорогой голосъ.

— Оксана! произнесла Оекла и сдѣлала радостное движеніе, но потомъ вдругъ попятилась назадъ и слово застыло на ея губахъ.

— Что-жь, мамко! У меня ноги подкашиваются!.. говорила Оксана тѣмъ-же слабымъ, усталымъ голосомъ.

— А, такъ вотъ съ чѣмъ пришла ты утѣшить свою старую мать! Вотъ какой гостинецъ, собачья дочь, ты принесла! Байстриюка выслужила въ чужихъ людяхъ! Позоръ прицила въ материну хату?.. говорила оскорбленная Оекла.

— Мамко! Что тутъ уже корить?! Принимайте, а не то

выбросьте на улицу, а то велите кинуться въ Днѣпръ... Мнѣ все одно!..

— Да, да! И выброшу! Выброшу на улицу!.. Ты думаешь— нѣтъ? Пожалѣю? Какже, какже! А ты пожалѣла старуху мать? А ты не опозорила её, нѣтъ? Ступай, кидайся въ воду! Думаешь заплачу?..

Но это были одни только жестокия слова и при томъ произносимыя тихо, въ полголоса, чтобъ никто изъ сосѣдей не услышалъ. Говоря эти слова, Ѳекла схватила дочку за талию и бережно вела её въ хату. Она чуть не несла её на своихъ рукахъ, боясь, что та оступится и упадетъ. А жестокия слова въ то-же время потокомъ лились изъ ея усть. Когда они пришли въ хату, Ѳекла уложила дочку на печь, кровати не было. Хата была почти пуста. Старый дубовый столъ, да длинная скамья у стѣны—составляли всю мебель. Здѣсь началась расправа. Если-бы въ комнатѣ незримо присутствовали два человѣка, изъ которыхъ одинъ только слышалъ слова, произносимыя Ѳеклой, а другой только видѣлъ то, что она дѣлала, то первый счелъ-бы её самымъ ужаснымъ, безчеловѣчнымъ звѣремъ, а другой призналъ-бы, что у нея безконечно доброе сердце. Слова были ужасны. Да, этого позора она никогда не проститъ Оксанѣ! Она готова задавить её собственными руками, она сейчасъ созоветъ весь хуторъ, чтобъ всѣ видѣли, какъ родная дочь опозорила её, старуху, всѣми забытую. Она выброситъ её на холодъ, на морозъ, пусть она вмѣстѣ съ своимъ приплодомъ окопѣваетъ тамъ, какъ старая, никому не нужная собака. Она... О, она этого не проститъ. Нѣтъ, никогда!..

И въ это время она снимала съ себя дырявый платокъ и окутывала имъ Оксану; собирала все оставшееся непригодное тряпье и мстила подъ голову дочкѣ, чтобъ ей было поудобнѣе; въ это время она незамѣтно прикасалась старческими губами къ ея горячему лбу и цѣловала его рожей лобъ и цѣловала такъ, чтобъ дочка не замѣтила.

— Чьё? Говори, чьё, собачья дочка? въ то-же время ступала она.

— Что ужъ тутъ спрашивать, мамко?.. Мое—вотъ стонала Оксана и начала тихо повѣствовать, какъ она жила до матери; какъ её выгнали отъ управляющаго,

издвгались надъ ней и обливали её помоями, какъ она изнемогала и чуть не грохнулась о землю на дорогѣ и какъ она страдала и страдаетъ въ этотъ моментъ.

А въ хатѣ не оказалось ни свѣчнаго огарка, ни «каганца». Вотъ дочего дожилась Оекла! Ничего, мѣсяць глядѣть прямо въ окно, его лучъ замѣнить свѣчу...

Оекла вышла изъ хаты. Нужно было кое что приготовить. Она собрала во дворѣ десятокъ щепокъ и растопила «кабыцю» въ сѣняхъ. Нужно было нагрѣть воду, и она принялась выдергивать изъ крыши остатки камыша. Здѣсь она дала волю словамъ. Нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно не слѣдовало принимать Оксану. Пусть-бы попробовала родить среди дороги, тогда другой разъ уже этого не сдѣлала-бы... Да это уже, видно, родъ такой проклятый. Дочка пошла въ мамку. Яблоко отъ дерева не далеко падаетъ!.. Идите, добрые люди, полюбуйте, какой гостинець дочка принесла старой Оеклѣ! Завтра весь хуторъ будетъ трубить объ этомъ.

Всю ночь Оеклина хата наполнялась тихими стопами. Оксана выносила невыразимыя муки. Когда-же на небѣ показалась блѣдная заря и звѣзды стали погасать, а въ воздухѣ повѣяло утреннимъ холодомъ, — стenanія стихли, и Оекла — измученная, истерзанная — выбѣжала изъ хаты и стала креститься на востокъ.

— Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ, Господи! молилась она вслухъ. — Все кончилось и, кажись, благополучно!.. Слава тебѣ Создателю!..

— Что кончилось? Что ты тамъ лепечешь, старая? Или ты уже съ ума спятила?! раздался хриплый голосъ мужчины. Оекла всплеснула руками.

— Вотъ такъ ночью Господь—Богъ послалъ! Нечего сказать! слетаются коршуны на мою шею!.. Откуда ты взялся, Нычипоръ?

Нычипоръ давно уже сидѣлъ на заваленкѣ и дремалъ. У него былъ до такой степени ободраный видъ, что онъ походилъ на нищаго. Подъ правымъ глазомъ красовался огромный синякъ.

— Ахъ ты, старый пьяница! укоризненно качала головой Оекла. — Только и знаешь, что пропивать трудовую копѣйку, а не знаешь, что дома дѣлается!..

— А чему тут дѣлаться?..

— Чему? А вотъ дочка байстрюка привела! Слышь? Да тебѣ, какъ погляжу, и это ничего!..

— Привела?.. Гм!.. Ну, коли привела такъ не задирай же его!.. А нѣтъ-ли у тебя, Фекла, холодной водицы или? страсть такая жажда!..

— А, чтобы вы всѣ подошли, растреклятые! съ сердцем промолвила Фекла и пошла въ сѣни—достать воды своему печальному сожителю. А изъ хаты доносился жалобный шепот только-что появившейся на свѣтъ живой контрабанды.

— Ишь ты! Пищитъ! промолвилъ Нычипоръ, и съ удовольствіемъ пропустилъ кружку воды.—Должно быть, будетъ здоровенный парень... и пьяница!.. Хе! Внучъ!—И онъ широко осклабился, почувствовавъ себя счастливымъ дѣдомъ.

VI.

Родины.

«Тише ты поворачивайся, старый хрѣнь! Пускай оно заснетъ!» попотомъ обращалась Фекла къ своему супругу, сидѣвшему на лавкѣ за пустымъ столомъ.

«Оно», завернутое въ остатки старой Феклиной сорочки, лежало на землѣ и дѣйствительно спало. Съ виду «оно» обещало въ будущемъ здоровеннаго парня. Красное лицо, рѣзкій, задорный голосъ и энергическія движенія рученками—говорили о здоровьи. Только ужъ больно миниатюрно было это существо, явившееся на свѣтъ Божій при блѣдномъ свѣтѣ свѣтляка и съ первой-же минуты попавшее въ нищенскія жилища. Но въ этомъ никто не видѣлъ ничего удивительнаго. Вся фамилія отличалась малорослостью.

Оксана проснулась и спрашивала, кто еще, кроме Феклы, сидитъ въ хатѣ, и осталась очень довольна, когда ей сказали, что это—батько. Все-таки ея незаконный первенецъ родился не гдѣ-нибудь на чужбинѣ, гдѣ, можетъ быть, была бы сострадательная баба пустила-бы еѣ въ хату изъ милости. Родной избѣ, у батька и матери. Сознавала это и Фекла и стеснялась по этому поводу нѣкоторую гордость. Вѣдь ей казалось, судьба всего лишила ихъ: и хозяйства, и счастья, и чести; а между тѣмъ—сѣумѣла-же она безъ

ронней помощи приютить у себя преступную дочку и собственноручно «принять» внука.

Уже и солнце поднялось надъ Пузыревымъ хуторомъ и люди давно принялись за работу, когда Омелько подошелъ къ Оеклиной хатѣ. «Что-то тихо и никого не видать!.. Должно быть, мамка пошла куда-нибудь на поденщину!» подумалъ Омелько и заглянулъ въ грязное стекло окна.

— Что за притча! И батько здѣсь! И мамка съ чѣмъ-то тамъ возится! Вотъ тебѣ и сонъ! Только Оксаны нѣтъ!.. Видно они и не знаютъ, что съ ней приключилось!..

И онъ вошелъ въ хату.

— Ш-ш!.. встрѣтила его Оекла.—Тихе ты поварачивайся! Вотъ денекъ выпалъ! какъ-будто сговорились!.. Ха! На родины сходятся!

— На родины? развѣ Оксана?.. Ишь-ты какой! А! Ай-да Оксана! молодець дѣвка!..

Омелько остановилъ свои взоры на племянникѣ.

— Когда?

— Сегодня ночью!.. А ты чего прибрелъ?..

— Бросилъ... невыгодно!.. Пойду служить къ Бредихину!.. звали туда!.. разсѣянно отвѣчалъ Омелько, усердно разсматривая новорожденнаго.

— Ну, и батько-жь! Нечего сказать! промолвилъ онъ, глядя на Нычипора и разсматривая его лохмотья и синякъ,— докодался!..

— А что? безучастно спросилъ Нычипоръ.

— Да былъ я на заводѣ, такъ мнѣ земляки рассказывали...

— Всѣ они дураки—твои земляки!.. Слухай, Оекла, чего-нибудь-бы закусить!.. Выпить-бы по чаркѣ!.. Нельзя же стоять!.. Родины вѣдь... надо окропить внука!..

— Гм!.. А ты принесъ что-нибудь? Не бойсь, десятка два заработалъ за лѣто, да всѣ пропилъ!.. У меня ни гроша ни корки хлѣба въ домѣ...

— Можеть, у тебя, Омелько есть? очень неувѣренно спросилъ Нычипоръ.

— У меня ни одной копѣйки нѣтъ!.. Сухарей съ десятокъ, осталось!..

— Вотъ выслужали, чтобъ васъ на томъ свѣтѣ сухарями аршили!.. разгнѣвалась Оекла.

— Да ежели будутъ хоть сухарями кормить, такъ оно—ничего, а какъ и сухарей не дадутъ... философствовать Нычипорь.—Такъ какъ-же такъ?.. значить на сухую?..

Отвѣта не послѣдовало. Оекла сама понимала, что кутить рожденіе внука «на сухую»—позорно. Но она не могла придумать никакого исхода, такъ какъ въ домѣ не было уже ни одной вещи, которую можно было-бы снести въ кабакъ.

— Мамко! тихонько позвала Оксана. Мужчины восторожили уши.—Тамъ въ фартукѣ... развяжите узелокъ...

Нычипорь просіялъ, какъ будто уже услышалъ запахъ водки. Ясное дѣло, что въ фартукѣ завернута какая-нибудь ассигнація, либо, въ крайнемъ случаѣ, мелочь. Онъ замѣлъ только объ одномъ,—что узелокъ развяжетъ не онъ, а Оекла, которая, пожалуй, вздумаетъ по-хозяйски распорядиться и походкой.

— Ну?! спросилъ онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Но его опасенія были напрасны. Настроенная въ высшей степени торжественно, Оекла въ этотъ моментъ даже была отъ корыстныхъ видовъ. Вынувъ изъ узелка бумажку, она немедленно положила ее на столъ.

— Карбованецъ!.. Въ одинъ голосъ произнесли всѣ трое.

Карбованецъ при данныхъ обстоятельствахъ казался имъ значительной суммой и привелъ всѣхъ въ хорошее настроеніе. Нычипорь особенно замѣтно волновался и суетился на своемъ мѣстѣ.

— Давай, я самъ пойду! Сказалъ онъ, боясь, что Оекла купитъ не то, чего ему хочется. И, схвативъ бумажку, онъ почти выбѣжалъ изъ хаты. Онъ не признался, что, послѣ вчерашняго пьянства, ему ужасно хотѣлось опохмѣлиться.

— Скажите, мамко, что это означаетъ, когда попьется? Да еще съ огромной палкой!.. обратился Омелько къ Оекле.

— А то означаетъ, что всѣ вы лентяи, пьяницы и развратные!.. съ сердцемъ сказала Оекла.—Уже-жь, мамко, не надо быть, чтобы попь во снѣ означалъ что-нибудь доброе!..

— Я, мамко, не развратный и не пьяница!.. Водка даясь не пить!.. А попь, говорите, не къ добру?..

— Извѣстно, не къ добру!..

— А мнѣ снился попь!.. Вотъ отъ этого съ Оеклой страхлась бѣда!..

Нычипоръ возвратился очень скоро. Онъ принесъ цѣлый штофъ водки, а на закуску полдюжина соленыхъ огурцовъ. Онъ находилъ, что закуска только мѣшаетъ дѣлу и всегда былъ противъ нея. При томъ-же у Омельки были сухари, которые могли замѣнить хлѣбъ. Нычипоръ уже былъ веселъ. Очевидно, онъ не вытерпѣлъ и хватилъ особый «шкаликъ» въ кабагѣ.

Всѣ трое торжественно усѣлись за столъ.

— А рюмки не водятся!.. замѣтилъ Омелько.

— Э, и безъ рюмки можно! лишь-бы водка была! отвѣтилъ Нычипоръ.—Мы съ старой умѣемъ и безъ рюмки!.. Пускай-же оно вырастаетъ, да будетъ здоровое и счастливое!.. прибавилъ онъ, указывая на новорожденнаго и при этомъ, взявъ горлышко штофа въ ротъ, влилъ себѣ въ глотку основательную порцію.

— Да чтобъ не было оно такимъ пьяницей, какъ его дѣдъ!.. прибавила Ѳекла и, принявъ отъ Нычипора штофъ, хлебнула изъ него такимъ-же способомъ.

— И какъ баба!.. вставилъ Нычипоръ, закусывая огурцомъ.

— А я ее еще въ жизни не пробовалъ!.. говорилъ Омелько, разсматривая штофъ.—Да ужъ ради племянника надо разрѣшить!..

— А ты попробуй, сыночекъ, такъ и не отстанешь! поговаривалъ Нычипоръ.—Сладкая, какъ медъ!..

— А чтобъ тебѣ типунъ на языкъ, старому дураку! обожалась Ѳекла,—онъ хочетъ, чтобъ и сынъ былъ такой пьяницей, какъ онъ!..

Омелько приспособился и по неопытности хлебнулъ слишкомъ много. Напитокъ показался ему отвратительнымъ.

— И какъ это люди пьютъ ее, этакую пакость! произнесъ Омелько. Однако, онъ скоро почувствовалъ, что въ головѣ его зашевелились чудныя мысли и въ жилахъ будто, вмѣсто крови, стало гореть пламя. Ему показалось, что это очень хорошо, и голова его невольно протянулась къ штофу. Второй приемъ еще ему понравился ему, но за то послѣ этого приема передъ нимъ во всей своей прелести предстала Одарка, и онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ будто она только что вылила на него ведро воды.

— Шельмина дѣвка—Одарка! Я непременно женюсь на ней! произнесъ онъ, обращаясь къ родителямъ. Тутъ онъ только замѣтилъ, что штофъ наполовину уже былъ осушенъ, то Ѳекла уже значительно пошатывалась, а батько занесъ на ея головой свою властную руку. О чемъ происходилъ у нихъ оживленный разговоръ, этого Омелько, за собственными мечтами, не слышалъ; но онъ счелъ своимъ долгомъ заступиться за мать.

— Э, нѣтъ, батько! Драться?... Это зачѣмъ-же? Постой!.. и онъ схватилъ батька за плечи и усадилъ на лавку.

— А здоровый парнюга!.. призналъ Нычипоръ и, растянувшись на лавкѣ, очень скоро захрапѣлъ.

— Ну, а я пойду!.. сказалъ Омелько, взявъ свою котомку.

— Куда? спросила Ѳекла, которая мостилась спать прямо подь столомъ.

— Н-наниматься!.. Къ Бредихину!..

И онъ вышелъ на свѣжій воздухъ.

— Веселая штука-эта водка! размышлялъ онъ, направляясь куда попало,—это, ежели тоска охватитъ тебя, всегда слѣдуетъ хлебнуть... Ей Богу! Хлебнуть разъ и какъ рукой сняло!.. У батька, должно быть, никогда не бываетъ тоски!..

Дальше онъ вспомнилъ о давнишнемъ снѣ. «А вѣдь похоже!.. И попъ даромъ не прошелъ!.. А Оксана-то?.. Гм!.. По матери пошла!.. Ну, и семейка-жъ наша!.. нечего сказать, вся удалась!.. Одинъ другого голѣе... А батько такъ совѣтъ нищій»!.. Тутъ Омелько, неизвестно какимъ образом, опустился внизъ къ Днѣпру и очутился въ камышѣ. Влажная, прохладная земля такъ и манила его—растянуться во весь ростъ.

«А на Одаркѣ женюсь непременно!.. А ей Богу—»
Славная дѣвка Одарка!»

Это были послѣднія мысли, высказанныя Омелько. Тутъ послѣ этого глаза его закрылись и онъ сладко заснулъ. А снилось ему, что бредихинскій управляющій нанялъ его себѣ табушникомъ и платитъ ему сто рублей жалованья сухари и каждый день по селедкѣ... И что онъ женится на Одаркѣ.

И. Потаповъ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАДАЕТЪ-ЛИ КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ?

Вопросъ о крупномъ земледѣльческомъ производствѣ въ послѣднее время приобрѣлъ особенную важность. Съ нынѣшняго года, какъ извѣстно, открывается частнымъ землевладѣльцамъ неограниченный кредитъ изъ государственнаго банка подъ векселя-соло. Въ виду такой мѣры, изслѣдованіе экономическаго положенія частнаго землевладѣнія является одной изъ неотложныхъ задачъ литературы. Многие сильно сомнѣваются въ пользѣ этой мѣры и предсказываютъ будущимъ ссудамъ такую-же безпутную судьбу, какую имѣли сотни милліоновъ, полученныхъ прежде помѣщиками изъ сохранной казны и выкупнаго учрежденія. Но обращаясь къ официальнымъ источникамъ, мы находимъ, что открытіе государственнаго кредита представляетъ совершенно послѣдовательный выводъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе можно составить о частныхъ хозяйствахъ на основаніи свѣдѣній, наполняющихъ эти источники. Комиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности объясняла назадъ тому десять лѣтъ упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ, главнымъ образомъ, недостаткомъ у землевладѣльцевъ наличныхъ денегъ. Не предвидя уничтоженія крѣпостнаго права, помѣщики не заботились о будущемъ и не считали нужнымъ дѣлать сбереженія въ формѣ оборотныхъ денежныхъ капиталовъ. Лишившись дароваго труда, они не могли ни вести инвентаря, ни платить рабочимъ. Выкупныя бумаги или шли на уплату прежнихъ долговъ, или не могли быть въ первое время реализованы въ требуемомъ размѣрѣ, или, наконецъ, расценивались непроизводительно. Ссуды изъ опекунскихъ совѣтовъ

подъ залогъ имѣній, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, приостановились какъ разъ предъ самой реформой. Никакого другого земельного кредита въ то время не существовало. Онъ началъ развиваться только впоследствии, но по своей дороговизнѣ скорѣе принесъ вредъ, чѣмъ пользу. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно получить его дешевле 7½—9 и даже 10%, между тѣмъ земледіе не можетъ приносить такого процента. Заложившіе имѣнія, не будучи въ состояніи уплачивать %, обращались къ самымъ хищнымъ способамъ эксплуатаціи хозяйства и раззорялись.

Были и другія причины упадка хозяйствъ и прежде всего недостатокъ въ помѣщикахъ сельскохозяйственныхъ знаній, способности къ труду, бережливости и тому подобныхъ качествъ. Наянный трудъ по-прежнему расходовался въ высшей степени непроизводительно, и естественно, что доходъ по отношенію къ затратѣ оказывался совершенно ничтожнымъ, или и совсѣмъ его не было. Отсюда жалобы на дороговизну труда. Но трудъ, по мнѣнію коммисіи, и дѣйствительно былъ дорогъ. Выкупившіе свой наделъ крестьяне трудно соглашались на какія-либо сдѣлки съ землевладельцами, относительно обработки ихъ полей, или заявляли чрезмѣрные за то требованія. При томъ исполняли они работы въ высшей степени неисправно и нарушали договоры. Когда-же въ 70-хъ годахъ началась постройка желѣзныхъ дорогъ, то рабочие толпами бросились туда. Таковы, по мнѣнію коммисіи, причины, приведшія къ упадку помѣщичьяго хозяйства. Волей-неволей землевладельцы, какъ ни дорого было имъ любимое дѣло, должны были отказаться отъ собственнаго хозяйства, представляющаго непреодолимую трудность, и обратиться къ такимъ способамъ эксплуатаціи имѣній, которые-бы наиболѣе соответствовали новымъ отношеніямъ, т. е. не требовали-бы капитала, избавляли-бы владельца отъ всякаго труда, хотя-бы то былъ трудъ надора, и насколько возможно болѣе заинтересовывали рабочихъ въ долготности и интенсивности ихъ работы. Въ мѣстностяхъ, гдѣ во время крѣпостного права крестьяне платили денежный оброкъ, наиболее подходящимъ способомъ оказалась сдача земли крестьянамъ въ аренду, въ другихъ-же мѣстностяхъ, гдѣ прежде господствовала барщина, единственно практически возможнымъ оказался единственный способъ, сдача земли изъ доли урожая. Невыгодность этого способа, не смотря на постепенное повышеніе доли помѣщика съ четверти и трети до половины, заставила землевладельцевъ обратиться къ хозяйству *издѣльному*, при которомъ крестьяне обрабатывая своимъ инвентаремъ поля землевладельца, платили плату или деньгами, а еще чаще удовлетворяются отводомъ

ныхъ угодій, особенно необходимыхъ крестьянамъ (выгоны, отрѣзныя земли) въ годовое пользованіе.

По убѣжденію комиссіи и лицъ, раздѣляющихъ ея мнѣнія, всѣ эти способы веденія хозяйства представляются переходными и ненормальными, вызванными внезапнымъ потрясеніемъ частнаго землевладѣнія. Съ теченіемъ времени, землевладѣльцы, приспособившись къ новымъ условіямъ, снова должны приняться за свое традиціонное сельскохозяйственное дѣло. Гг. Ермоловъ *), Левитскій **), которыхъ можно считать выразителями мнѣній официальной среды, свидѣтельствуютъ, что это приспособленіе уже начинается. Прогрессъ русскаго сельскаго хозяйства, по словамъ г. Ермолова, не подлежитъ сомнѣнію. «Хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ, которое встрѣчало столько затрудненій при своемъ возникновеніи, мало-по-малу окрѣпло и стало твердою ногою». «Улучшенныя орудія и машины, которыя въ недавнее, относительно. время только пугали нашихъ хозяевъ, стали теперь достояніемъ большей части даже самыхъ заурядныхъ хозяйствъ» ***). Точно тоже самое, и еще въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ, утверждаетъ г. Левитскій. «Въ послѣдніе годы все въ большемъ и большемъ числѣ возникаютъ хозяйства, уже приспособившіяся въ большей или меньшей мѣрѣ къ новымъ условіямъ. Благодаря совокупному дѣйствію распространенія сельскохозяйственныхъ знаній и кредита, въ настоящее время совершается несомнѣнный прогрессъ всего сельскаго хозяйства. Онъ проявляется не только «въ очевидномъ развитіи и поднятій отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, хлѣбопашества и скотоводства, но и въ явномъ улучшеніи общаго строя нашихъ хозяйствъ, въ лучшей и болѣе рациональной ихъ организаціи, въ большей доходности ихъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ». Признаки этого улучшенія сказываются почти повсюду; они заключаются въ значительномъ распространеніи травосѣянія, какъ съ цѣлю полученія кормовыхъ травъ, такъ и съ цѣлю производства дорогихъ, имѣющихъ сбытъ за-границу, сѣмянъ травъ; въ распространеніи улучшенныхъ системъ полеводства, въ видѣ многопольныхъ, плодосмѣнныхъ сѣвооборотовъ, во многихъ мѣстахъ замѣняющихъ уже старое, несовершенное трехполье; въ распространеніи культуры корнеплодовъ, картофеля и свекловицы, гдѣ всего обусловливающихъ возможность и прибыльность принятія такихъ улучшенныхъ системъ; въ удешевленіи труда и улучшеніи его качества путемъ обращенія къ усовершенствован-

*) Организация полевого хозяйства.

***) Историко-статистическій обзоръ промышленности, т. I.

***) Ермоловъ, Организация, т. I, стр. 24.

нымъ орудіямъ; въ развитіи и усовершенствованіи нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ, какъ-то свекло-сахарнаго, маслособнаго, крахмального и т. п.; въ увеличеніи производительности скотоводства путемъ улучшенія породъ разводимаго скота и болѣе рациональныхъ приѣмовъ его содержанія и при болѣе доходности скотоводства, въ возможности увеличенія численности скота и въ полученіи чрезъ это большихъ количествъ столь необходимаго для поддержанія и возвышенія производительности полей навоза; мѣстами, наконецъ, въ прибалтійскихъ и нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, въ примѣненіи даже ввозимыхъ искусственныхъ удобреній. Благодаря всѣмъ этимъ улучшеніямъ, многія наши хозяйства вполне заслуживаютъ названія образцовыхъ и число такихъ хозяйствъ увеличивается съ каждымъ годомъ во всѣхъ полосахъ Россіи. Каждое изъ такихъ имѣній служитъ какъ-бы центромъ, изъ котораго улучшенія расходятся и въ другія хозяйства, повышая мало-по-малу уровень производительности. (стр. 18—19).

И если этотъ прогрессъ не сдѣлался всеобщимъ, если еще остаются упалыя хозяйства, съ испольной и другими варварскими системами, то этому мѣшаютъ два главныхъ препятствія: во-1-хъ — дороговизна кредита, во-2-хъ — недобросовѣстность рабочихъ по отношенію къ нанимателямъ, выражающаяся въ нарушеніи ими принятыхъ на себя обязательствъ.

Землевладельцы, вызванные въ комиссію для изслѣдованія сельскаго хозяйства, лучшимъ средствомъ для устраненія перваго недостатка считали устройство специальныхъ правительственныхъ кредитныхъ учреждений, откуда они могли-бы пользоваться ссудой за невысокій процентъ.

Теперь, съ разрѣшеніемъ ссуды изъ государственнаго банка, это желаніе удовлетворено. Что касается до устраненія втораго тормазы въ развитію хозяйства на земляхъ землевладельцевъ, то единодушный голосъ всѣхъ землевладельцевъ высказывается за изданіе положенія, которое-бы регулировало отношенія между рабочими и хозяевами.

Съ устраненіемъ этихъ тормазовъ, по общей увѣренности землевладельцевъ и писателей, защищающихъ ихъ интересы, прогрессъ помѣщичьяго хозяйства будетъ совершаться безпрепятственно. Тонъ официальныхъ и полуофициальныхъ отчетовъ о сельскомъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, какъ можно судить даже по нѣкоторымъ цитатамъ, невольно напоминаетъ тонъ панегириковъ императорамъ и способенъ возбудить сомнѣнія въ вѣрности соображеній.

или фактовъ, тѣмъ болѣе, что то-и-дѣло приходится читать и слышать совершенно противоположное.

Въ нашей литературѣ существуетъ цѣлая группа писателей, отрицающихъ не только фактъ блестящаго состоянія помѣщичьихъ хозяйствъ, но даже самую возможность земледѣлія на капиталистическихъ началахъ. Наиболѣе талантливый представитель этого мнѣнія, В. В., въ своей извѣстной книгѣ «Судьбы капитализма», собралъ обширный фактический матеріалъ для доказательства какъ полнѣйшаго упадка нашего земледѣльческаго хозяйства, такъ и отсутствія какихъ-либо условий, благоприятныхъ его развитію въ будущемъ. Чтобы рѣшить, какое изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній вѣрно, мы обратимся къ матеріалу, собранному земскими статистиками, безпристрастіе которыхъ еще не было заподозрено. Но прежде всего сдѣлаемъ два замѣчанія. Факты, приводимые В. В., относятся къ концу 60 и 70-хъ годовъ, когда, дѣйствительно, почти всѣ помѣщичьи хозяйства находились въ кричешкомъ положеніи, а многія и совсѣмъ закрылись. Этотъ упадокъ не отрицается и официальными источниками.

Что-же касается до взглядовъ автора на общія экономическія условия (отсутствіе сбыта, дешевизна рабочихъ, препятствующая введенію машинъ и, слѣдовательно, интенсивнаго хозяйства, благодаря которому только и можетъ побѣдить крупное хозяйство, хищническая эксплуатація земли), по его мнѣнію, совершенно неблагоприятствующія развитію у насъ капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ, то большая часть ихъ основана на устарѣлыхъ свѣдѣніяхъ о дѣйствительномъ состояніи частныхъ хозяйствъ или явились результатомъ невѣрныхъ положеній автора, въ родѣ того, что капиталистическое земледѣліе возможно только при существованіи безземельнаго пролетаріата, что признакомъ его служатъ интенсивное хозяйство съ машинами, что оно непременно «обобществляетъ» трудъ и т. п.

Начнемъ съ распредѣленія поземельной собственности.

Всѣхъ земель, находящихся въ личной собственности въ Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго и Финляндіи), по Янсо-ну, считается 102 милліона десятинъ, что составляетъ 22,8% поверхности всѣхъ 51 губерній. Изъ этихъ 102 милліоновъ на долю **мелкихъ** владѣльцевъ съ участками отъ 0 до 100 приходится 5% общаго пространства, на долю среднихъ, владѣющихъ **имѣніями** отъ 100 до 500—13,3%, и на долю крупныхъ, съ имѣніями **отъ** 500 до 1,000 и болѣе десятинъ—80,1%. Такимъ образомъ, **омадное** большинство нашихъ имѣній принадлежитъ къ числу **упныхъ**. По своимъ размѣрамъ они превосходятъ крупное земле-

владѣніе во всѣхъ европейскихъ странахъ и могутъ скорѣе быть сравнимаемы съ мелкими германскими владѣніями, чѣмъ съ частными имѣніями. Выдѣливши изъ общаго числа крупныхъ имѣній 10,9% землевладѣній, заключающихъ отъ 500 до 1,000 десятинъ съ среднимъ размѣромъ 736,7 тысячъ десятинъ, мы получимъ 69,3% имѣній болѣе 1,000 десятинъ, съ среднимъ размѣромъ во всей Россіи въ 3667,2 тысячъ десятинъ *). Такая группировка частнаго землевладѣнія должна быть въ высшей степени благоприятна для его устойчивости и оказывать громадное вліяніе на развитіе крупной культуры.

Окружая своею землею тысячи крестьянскихъ дворовъ, obviously нуждающихся въ самыхъ необходимыхъ угодьяхъ, крупный землевладѣлецъ поставленъ въ наиболѣе выгодныя условія для пользованія ихъ трудомъ. Онъ можетъ предлагать имъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, самыя тяжелыя условія при сдачѣ земли въ аренду, исполу, подъ отработку или при наймѣ постоянныхъ работниковъ, не опасаясь встрѣтить ни малѣйшаго протеста.

Отсюда тѣ высокія цѣны на землю, та низкая плата за трудъ годовымъ, лѣтнимъ и поденнымъ рабочимъ, которыя были-бы совершенно невозможны въ случаѣ раздробленія имѣнія на болѣе мелкія доли, владѣльцы которыхъ являлись-бы по отношенію другъ къ другу конкурентами.

Весьма важно также обстоятельство, что крупное имѣніе, давая постоянную работу окружающимъ крестьянамъ, привождаетъ и безъ того домовитыхъ крестьянъ къ мѣсту осѣдлости, такъ какъ только полный недостатокъ работы на мѣстѣ, на какихъ-бы ни тяжелыхъ условіяхъ эта работа ни предлагалась, можетъ заставить крестьянина идти въ отхожіе заработки или переселиться. Среднее землевладѣніе такихъ постоянныхъ заработковъ доставить не можетъ. Наконецъ, примѣненіе машинъ, введеніе усовершенствованныхъ сѣвооборотовъ и вообще улучшеніе сельскохозяйственной техники, легче и выгоднѣе въ крупномъ имѣніи, чѣмъ въ среднемъ.

Этими условіями слѣдуетъ объяснять ту устойчивость, въ какой отличается крупное землевладѣніе по сравненію съ среднимъ и даже мелкимъ, хотя мелкое землевладѣніе, благодаря болѣе высокой производительности труда собственниковъ, успѣшнѣе ведетъ борьбу съ крупнымъ. Какъ ни немногочисленны статистическія изслѣдованія, но они уже даютъ достаточное

*) Средняя величина крупныхъ владѣній въ Соединенной Великобританіи—1906,2 дес., во Франціи—400,0, въ Венгріи—2063,6, въ Пруссіи—5000, въ Россіи—3657,8.

твержденій этого факта. Въ Борисоглѣбскомъ у. количество земли, впродолженіи, 12 лѣтъ, съ 1868 по 1880 годъ, въ имѣніяхъ отъ 400 десятинъ увеличилось съ 80,8% общаго пространства частныхъ земель въ уѣздѣ до 82,7%, приче́мъ это увеличеніе произошло исключительно въ группѣ имѣній болѣе 1,000 десятинъ, между тѣмъ какъ въ болѣе мелкой группѣ имѣній отъ 400 до 1,000 количество земли даже уменьшилось съ 13,7% до 13,1%. Группа землевладѣній отъ 200—400 десятинъ, напротивъ, потеряла значительное количество своей земли; вмѣсто 11,4% въ 1868 г., она въ 1880 г. владѣла всего 8,7% общаго пространства частныхъ земель. Землевладѣнія отъ 50 до 200 десятинъ и особенно мелкое отъ 1 до 50 десятинъ, напротивъ, окрѣпли, особенно послѣднее: на каждыя 100 десятинъ, принадлежащей имъ земли 1868 году, приходилось въ 1880 г. въ послѣдней группѣ 135 десятинъ, а въ первой—109. Но общее пространство земель этой группы незначительно.

Правда, число крупныхъ владѣльцевъ увеличилось, такъ что средній размѣръ имѣній въ группѣ отъ 400 до 1,000 съ 652 дес. спустился до 613,5, а въ самой крупной съ 3,746 до 2865,7, но, во-первыхъ, размѣры эти во всякомъ случаѣ остаются все-же весьма большими, а во-вторыхъ, и это самое главное—въ сферу болѣе крупнаго землевладѣнія приобрѣтается все большее количество земли*). Такою-же устойчивостью отличается крупное землевладѣніе и въ Курской губерніи.

Изъ 67,686 десятинъ частнаго владѣнія въ Обоянскомъ уѣздѣ крупнымъ землевладѣльцамъ (болѣе 500 десятинъ) принадлежало въ 1882 году 40,166,5 дес. или 59,4%, среднимъ 22640,6 или 33,4%, мелкимъ 4879,3 или 7,2%. Въ теченіи 11 лѣтъ, съ 1871 г., количество земли, принадлежащей наиболѣе крупнымъ землевладѣльцамъ (болѣе 1,000 десят.), увеличилось, хотя и незначительно. Группы землевладѣній отъ 200 до 500 дес. и отъ 500 до 1,000 остались безъ измѣненія или даже нѣсколько потеряли земли. Напротивъ въ группѣ владѣльцевъ отъ 50 до 200 десятинъ произошло уменьшеніе поземельной собственности. Наконецъ, группа мелкихъ землевладѣльцевъ, сильно увеличившись въ числѣ, нѣсколько расширила и пространство своихъ земель. Въ результатѣ, такимъ образомъ, получается расширеніе пространства крупнаго землевладѣнія, обнаружившаго притомъ тенденцію къ увеличенію размѣра средняго владѣнія (сборныхъ стат. свѣдѣній по Обоянскому у. Курской губ., стр. 5—6).

*) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи, т. I, 27.

Въ Московской губ. мѣстные статистики, напротивъ, констатировали сокращеніе крупнаго землевладѣнія, которое здѣсь стремится къ дробленію и уменьшенію... приближался къ среднему, «отчасти уже перешедши въ него». Но прежде всего Московская губернія не имѣетъ никакого сельско-хозяйственнаго значенія, а во-вторыхъ, сокращеніе пространства и размѣровъ крупнаго землевладѣнія относится исключительно къ промышленнымъ уѣздамъ. Въ земледѣльческой группѣ уѣздовъ, къ которой относятся Русскій, Можайскій и Волоколамскій уѣзды, крупные землевладѣльцы владѣли въ 1865 г. 83,2% всего частнаго землевладѣнія, а въ 1875 г. оно повысилось до 87,7%, причемъ увеличился и средній размѣръ владѣнія съ 715,1 до 798,4. Среднее землевладѣніе, напротивъ, въ этихъ уѣздахъ уменьшилось какъ въ числѣ владѣльцевъ, такъ и по количеству принадлежащей имъ земли (съ 14,0% до 9,5%), точно также и мелкое, увеличившись въ числѣ владѣльцевъ, потеряло нѣсколько своей собственности. Такимъ образомъ выводы московской статистики относительно стремленія крупнаго землевладѣнія къ дробленію и сокращенію, относительно *большей* жизненности средняго землевладѣнія и быстраго развитія мелкаго, справедливы и то не вполнѣ лишь относительно *промышленныхъ* уѣздовъ губерніи (Бронницкій, Коломенскій и Серпуховскій). Но и здѣсь увеличеніе землевладѣнія средняго произошло лишь по отношенію къ крупному землевладѣнію, въ дѣйствительности-же, какъ то, такъ и другое потеряли часть своихъ владѣній*). Приведенныя данныя, относящіяся къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, одинаково свидѣтельствуютъ не только объ устойчивости, но и о расширеніи крупной поземельной собственности. Мы уже не говоримъ объ увеличеніи ея въ послѣдніе годы чрезъ раздачу казенныхъ земель въ даръ или на льготныхъ условіяхъ: насъ здѣсь, главнымъ образомъ, интересуютъ естественно экономическія условія развитія крупнаго землевладѣнія.

Важнѣйшее мѣсто въ ряду этихъ условій, послѣ ~~размѣра~~ землевладѣнія, принадлежитъ качеству почвы. Въ этомъ отношеніи крупное землевладѣніе поставлено вообще въ ~~лучшія~~ благоприятныя условія. О почвѣ черноземной полосы можно говорить: богатство ея, не смотря на въковую ~~худощавую~~ пашку, остается и останется надолго неисчерпаемымъ въ ~~нормальномъ~~ смыслѣ слова. Но не менѣ хороши почвенныя условія и въ черноземной полосѣ. Здѣсь весь планъ хозяйства зависитъ отъ взаимнаго отношенія разныхъ угодій, опредѣляемого ~~только~~

*) Сборникъ статист. свѣдѣній по Московской губ., т. V, стр. 64.

ческими условіями имѣній. Такъ какъ всѣ почвы нуждаются въ нечерноземной полосѣ въ сильномъ удобреніи, то первый вопросъ для каждаго хозяина состоитъ въ томъ: насколько имѣніе представляетъ достаточно условій для содержанія скота, т. е. какъ велико въ немъ количество луговъ и выгоновъ.

Свѣдѣнія, собранныя московскими статистиками, доказываютъ, что отношеніе луговъ и лѣса къ пахатному полю гораздо благоприятнѣе, чѣмъ то, какое требуется при трехпольной системѣ, которая можетъ успѣшно вестись, если на 1 десятиву поля приходится $1\frac{1}{2}$ десятины луга. Въ дѣйствительности въ пяти (Клинскомъ, Рузскомъ, Волоколамскомъ, Звенигородскомъ и Дмитровскомъ) уѣздахъ Московской губ. въ частныхъ имѣніяхъ приходится на 1 десятину пахатной земли 11,1 десят. луговъ, не считая запущенной пашни и 7,9 десятины лѣса. Огромныя пространства луговъ, сдаваемыхъ помѣщиками крестьянамъ, равняющіяся въ Московской губерніи 380,000 десят., въ Тверской 293,000 и т. д., служатъ лучшимъ доказательствомъ обилія этихъ угодій. И въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ крупнаго землевладѣнія. Въ перечисленныхъ выше пяти уѣздахъ Московской губерніи на 1 десятину пашни приходилось въ 1875 году въ имѣніяхъ менѣе 500 десятинъ 3,6 десятинъ луга и 2,3 десятины лѣсу, въ имѣніяхъ отъ 200 до 1,000 десятинъ 7,7 десят. луга и 5,3 дес. лѣсу, въ болѣе-же крупныхъ имѣніяхъ 18 десятинъ лѣсу и 14 десят. луговъ.

Слѣдовательно, природныя условія частнаго и въ особенности крупнаго землевладѣнія какъ нельзя болѣе благоприятны для ведѣнія хозяйства. Не менѣе выгодны и экономическія условія.

Существенная черта капиталистическаго хозяйства заключается въ томъ, что оно работаетъ не для непосредственнаго удовлетворенія потребностей производителей, а для сбыта. Вопросъ о сбытѣ, такимъ образомъ, имѣетъ рѣшающее значеніе. Г. В. В. предсказываетъ Россіи полную неудачу въ той колоссальной борьбѣ, которую ведетъ она теперь изъ-за главнаго хлѣбнаго рынка Европы съ заатлантическими странами. Но достаточно взглянуть на географическое положеніе странъ, вывозящихъ хлѣбъ, чтобы усомниться въ справедливости этихъ предсказаній. Америка, именно западные штаты, откуда и вывозится исключительно хлѣбъ, лежитъ несравненно далѣе отъ Европы, чѣмъ Россія, и, какъ-бы ни было велико преимущество ея въ способахъ перевозки, не можетъ перевозить хлѣбъ дешевле сравнительно съ Россіей. Но и это преимущество постепенно исчезаетъ. Въ продолженіи послѣднихъ) лѣтъ ни въ одномъ государствѣ постройка желѣзныхъ дорогъ не

производилась въ такихъ размѣрахъ какъ у насъ и, если дѣло пойдетъ тѣмъ-же путемъ, то, точно также какъ въ Америкѣ, желѣзнодорожная сѣть обхватитъ восточныя окраины, изобилующія не маленькими пространствами нетронутыхъ земель, тѣмъ и западныя части Соединенныхъ Штатовъ и Канады. Мы можемъ судить о будущемъ только на основаніи прошлаго. Если продолженіи всего что было съ 1872 по 1878 г. вывозъ хлѣба изъ Россіи въ Европу возрастетъ съ 16 мил. до 42 мил., если онъ продолжаетъ стоять на послѣдней цифрѣ до настоящаго времени, несмотря на усиливавшееся предложеніе Америки, то трудно понять почему сбытъ нашего хлѣба долженъ прекратиться. «Вялое настроеніе» рынковъ, «устойчивыя дѣла», «застой хлѣбной торговли», жалобами на которые наполнены въ послѣднее время газеты, доказываютъ лишь, что предложеніе со стороны Россіи растетъ быстрѣе, тѣмъ спросъ, а вовсе не указываетъ на упадокъ спроса. Могутъ быть и временныя сокращенія сбыта, но, какъ всякія случайныя явленія, они не въ состояніи поколебать общей тенденціи къ его расширенію. И, въ самомъ дѣлѣ, почему-бы Россіи не конкурировать успѣшно съ Америкой? Нераспаханныхъ земель, не говоря уже объ Аліи, въ самой Европейской Россіи на востокъ такъ много, что еще долгое время могутъ практиковаться самыя экстенсивныя системы хозяйства, не требующія ни большихъ капиталовъ, ни знаній и дающія высшій валовой и чистый сборъ. Дороговизна перевозки уменьшается съ каждымъ годомъ, благодаря тому горячему участию, какое принимаетъ въ интересахъ внѣшней торговли само правительство, не останавливающееся для обезпеченія его ни предъ какими жертвами, и въ виду тѣсной связи, въ какую восточныя финансовыя интересы государства съ развитіемъ внѣшней торговли можно съ полнымъ основаніемъ предполагать, что и въ будущемъ это участіе нисколько не ослабнетъ.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о дороговизнѣ транспорта есть вопросъ времени. Точно такъ-же не особенно трудно замѣнить одинъ хлѣбъ другимъ, если производство какого-либо изъ этихъ хлѣбовъ превышаетъ требованія рынка. Важнѣйшее-же выгодное для русскаго капиталиста условіе—близость Европы—остается восточнымъ. Но развитіе всякаго производства зависитъ еще отъ совершенствованій въ его техникѣ, примѣненіе которыхъ даетъ возможность все болѣе расширять производительность труда. Основнымъ къ введенію этихъ усовершенствованій служила до сих поръ возрастающая дороговизна труда, а результатомъ ихъ примѣненія является удешевленіе продукта.

У насъ плата рабочему очень низка, въ три-пять разъ

чѣмъ на Западѣ. В. В. видитъ въ этой дешевизнѣ труда одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ развитію въ Россіи капиталистическаго сельскаго хозяйства. Дѣлая невыгоднымъ примѣненіе машинъ, увеличивающихъ производительность и качество труда, дешевый трудъ принуждаетъ нашихъ землевладѣльцевъ держаться рутинныхъ истощающихъ почву и вообще мало доходныхъ системъ хозяйства. Но если прежде капиталиста заставляла обращаться къ машинамъ исключительно дороговизна труда, то теперь, когда ихъ необходимость сдѣлалась очевидною, въ этомъ стимулѣ нѣтъ нужды. Машина пріобрѣтается, потому что она выгодна. Разница лишь въ томъ, что нашъ сельскій хозяинъ можетъ платить работающему при молотилѣ или другомъ орудіи въ 3—5 разъ дешевле, чѣмъ американскій фермеръ—разница очень выгодная для нашего землевладѣльца, такъ какъ она даетъ ему возможность понизить цѣну хлѣба.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. В. В. констатируетъ общее стремленіе крестьянъ къ самостоятельному хозяйству, предпочитающихъ платить несоизмѣрно-высокія арендныя цѣны за землю, чѣмъ на какихъ-бы то ни было условіяхъ идти въ батраки. Между тѣмъ, безъ постоянного персонала вольнонаемныхъ рабочихъ, прикованныхъ къ владельческой экономіи, работающих инвентаремъ и по указаніямъ владѣльца, по его мнѣнію, немисливо капиталистическое хозяйство. Это возраженіе гораздо болѣе серьезно, чѣмъ указаніе на минимй недостатокъ сбыта или дешевизну труда. Но дѣло въ томъ, что въ сферѣ сельскаго хозяйства, какъ можно утверждать аргюи и какъ доказываетъ опытъ западныхъ странъ, или нашихъ остзейскихъ губерній, даже при высокомъ развитіи капитализма вовсе нѣтъ нужды въ совершенно безземельномъ классѣ рабочихъ, и землевладѣльцу гораздо выгоднѣе давать рабочему небольшой клочекъ земли, обработкой котораго онъ могъ-бы удовлетворять потребности своей семьи, чѣмъ взять содержаніе этой семьи на себя. Сельско-хозяйственная дѣятельность возможна только въ извѣстное время года, у насъ особенно короткое, въ остальную-же часть года, почти 8 мѣсяцевъ, при какой-бы то ни было системѣ хозяйства содержаніе рабочаго будетъ стоить дороже, чѣмъ доставляетъ его трудъ. Въ этомъ отношеніи сельское хозяйство существенно отличается отъ фабричной промышленности, гдѣ рабочий *можетъ* быть занятъ впродолженіи цѣлаго года и гдѣ общая производительность труда самому выше, чѣмъ въ земледѣліи. *Быкновенная* доходность земледѣлія 6°/_o—7°/_o, втрое и даже четверо меньше, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. *Задача* сельскаго хозяина должна заключаться не въ увеличеніи коли-

чества батраковъ, а напротивъ въ возможномъ его ограниченіи соотвѣтственно съ требованіемъ хозяйства. Напротивъ, присутствіе вблизи имѣнія малоземельнаго населенія, доставляющаго въ нужное время требуемое количество рукъ, условіе чрезвычайнаго-приятное для землевладѣльца. Слѣдовательно, привязанность нашихъ крестьянъ къ дому, къ родному клочку земли какъ была болѣе на руку всякому сельскому хозяину.

Эта именно система даетъ возможность сельскимъ хозяйствамъ центральной полосы выдерживать конкуренцію съ восточными губерніями, гдѣ выгоды со стороны производительности труда уравниваются дороговизной и иногда полнымъ отсутствіемъ вольнонаемныхъ рабочихъ.

Но, очевидно, организація хозяйства, основанная на эксплоатации крестьянъ-домохозяевъ, можетъ быть осуществлена съ успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, когда имѣніе настолько велико, что можетъ дать крестьянамъ работу впродолженіи всего рабочаго времени, такъ, чтобы имъ не было надобности искать заработковъ на сторонѣ. Въ такихъ условіяхъ находятся только крупныя имѣнія. Имѣніе въ 200—300 десятинъ можетъ практиковать такую систему лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно расположено въ средѣ сильно нуждающихся въ землѣ крестьянъ.

Надѣленіе крестьянъ землей въ тѣхъ случаяхъ, когда они ее совсѣмъ не имѣютъ, или имѣютъ слишкомъ мало, поэтому, вовсе «не разрушаетъ основанія, на которомъ держится самъ капитализмъ» въ сельскомъ хозяйствѣ. Цѣль этой операціи совсѣмъ «не поддержаніе самостоятельнаго хозяйства, обезземеливаемаго крестьянина», а напротивъ, она представляетъ самый «лучшій способъ» поставить капиталистическое земледѣліе на твердую почву, давая возможность сократить издержки на трудъ до минимума.

Это именно тѣ «новые основанія и новые пути и притомъ пути болѣе прямые и основанія болѣе прочныя», которые по заявленію комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства «начали открываться въ послѣдніе годы земледѣльцы, съ цѣлью поднять свои хозяйства». Пути эти теперь открываются во всѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ есть малоземельные крестьяне (а гдѣ ихъ нѣтъ?), но всего удачлѣе эти открытія совершаются въ черноземныхъ губерніяхъ, съ густѣйшимъ и крайне нуждающимся населеніемъ. Въ недавно вышедшемъ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній» по Обоянскому уѣзду, Буковинской губерніи, посвященномъ изслѣдованію частновладѣльческаго хозяйства, мы находимъ факты, неоставляющія никакого сомнѣнія, что «новые пути» здѣсь уже открыты. Остановимся на этихъ опытныхъ фактахъ тѣмъ болѣе, что въ виду однообразія

частнаго хозяйства въ черноземной полосѣ, можно съ полнымъ основаніемъ вывести изъ свѣдѣній, собранныхъ по Обоянскому уѣзду, распространить и на весь черноземный районъ. Какого-же рода эти факты?

Изъ 67,686 десятинъ земли частнаго владѣнія въ уѣздѣ на 53,787 десятинахъ, что составляетъ 82,8% всей частновладѣльческой земли, *велось* въ 1882 г. землевладѣльцами *самостоятельное хозяйство*, а сдавалось въ аренду всего 17,2%.

Болѣе подробное изслѣдованіе обнаружило тѣснѣйшую зависимость способовъ эксплуатаціи имѣній отъ ихъ размѣровъ. Самыя крупныя имѣнія болѣе чѣмъ въ 1,000 десятинъ, обнимающія почти половину всего частнаго землевладѣнія, совсѣмъ не сдаютъ своихъ земель въ аренду и ведутъ хозяйство на свой рискъ. Изъ числа имѣній въ 500—1000 десятинъ собственная запашка ведется въ 80%, причемъ этимъ способомъ эксплуатируется 71,1% земли. Также великъ % имѣній, ведущихъ хозяйство въ группѣ землевладѣній отъ 200 до 500, именно 72,5%. Напротивъ, въ среднемъ землевладѣніи, отъ 50 до 200 десятинъ, имѣнія съ собственной запашкой составляютъ всего 52,6% съ 54.4% земли. Въ мелкихъ имѣніяхъ процентъ снова повышается; здѣсь собственную запашку имѣютъ 58% имѣній съ 79,5% земли. Но въ виду того, что количество земли, принадлежащей мелкимъ владѣльцамъ, очень незначительно, всего 7,2% общаго пространства частныхъ земель, а самыя имѣнія все болѣе дробятся, можно навѣрное утверждать, что мелкое землевладѣніе не представляетъ опаснаго соперника крупному—и мы его оставимъ въ сторонѣ. Для насъ важно рассмотреть условія, способствующія очевидному развитію капиталистическаго крупнаго землевладѣнія. Какъ и слѣдовало ожидать крупныя имѣнія въ Обоянскомъ уѣздѣ окружены малоземельными и безпашбищными, бывшими помѣщичьими крестьянами, всегда нуждающимися въ землѣ подъ посѣвъ и пастбища, готовыми на всякія условія и поэтому дающими полную возможность введенія «отработочной системы» (стр. 124). Эта система заключается въ томъ, что мѣстные крестьяне, живущіе своими домами и хозяйствами за снятія у землевладѣльца угодья, сдаваемые въ такомъ количествѣ, чтобы крестьяне «не слишкомъ сосредоточивались на своемъ хозяйствѣ и имѣли-бы болѣе времени для помѣщичьяго», *обязуются лично* съ своимъ инвентаремъ отработывать на его поляхъ известное количество земли. Она примѣняется въ различныхъ формахъ, но условія обработки всегда весьма выгодны для владѣльца: въ одномъ имѣніи за десятину подъ озимый хлѣбъ земщикъ убираетъ 2 десятины яроваго, 1 десятину озимаго и

двоить 4 десятины, въ другомъ за каждую десятину, сданную подъ работу, кромѣ полной обработки и уборки 1 дес. въ соответствующемъ полѣ приплачивается съемщикомъ по 14 руб. за озимый и 8 р. за яровой, въ третьемъ за 1 десятину, снятую подъ посѣвъ, требуется полная обработка и уборка 2 десятины и т. д. (приложенія къ Сборнику, стр. 27). Но основная общая черта отработочной системы заключается «въ обязательности работъ и въ обезпеченіи, принятыхъ рабочими, обязательствъ неуспѣхами и залогами посѣвовъ». При этой системѣ владѣльцы *иначе не сдаютъ своей земли, какъ подъ работу*, для исполненія которой съемщикъ является, по первому требованію. Съ такимъ характеромъ отработочная система явилась недавно и еще не успѣла принять законченную форму. Для того, чтобы она была выгодна, нужно, чтобы крестьянинъ не вполне отрывался отъ своего хозяйства, чтобы онъ могъ большую часть своихъ потребностей удовлетворять отъ своего хозяйства, могъ-бы поддерживать въ порядкѣ свой инвентарь. Съ другой стороны, отработочная система не можетъ устранить необходимости держать нѣкоторое число постоянныхъ наемныхъ рабочихъ для исполненія текущихъ работъ во время года, ухода за скотомъ, для работъ усовершенствованными орудіями.

Поэтому, отработочная система въ чистомъ видѣ практикуется лишь въ 5 имѣніяхъ, смѣшиваясь-же съ другими способами и стоя во главѣ ихъ она охватываетъ почти всѣ крупныя хозяйства Обоянскаго уѣзда. Въ тѣхъ-же имѣніяхъ, гдѣ землевладѣльцы послѣпили въ слишкомъ полной мѣрѣ воспользоваться нуждою крестьянина, гдѣ не давали ему отработать снятой земли, система эта привела къ крайнему обѣднѣнію и хозяйственной слабости съемщиковъ, поставившихъ ихъ въ невозможность точно и добросовѣстно исполнять принятія на себя обязательства. Такихъ имѣній впрочемъ 2, въ остальныхъ-же благоразуміе хозяевъ заставляетъ ихъ держаться въ своихъ требованіяхъ извѣстной умѣренности. Они довольствуются если крестьянинъ работаетъ на помѣщика столько-же, сколько и во время крѣпостного права.

Выгодами «отработочной системы» среднее землевладѣніе воспользоваться не можетъ. Потребность въ необходимыхъ средствахъ существованія заставляетъ средняго землевладѣльца волей-неволей сдавать, часто за долго до посѣва, свою землю и сдавать за деньги, потому что онъ бываетъ не въ состояніи ждать, пока ему отработаютъ и пока онъ получитъ плоды этихъ отработокъ.

Затѣмъ, у него обыкновенно нѣтъ пастбищъ, луговъ и т. п. угодій, особенно нужныхъ крестьянамъ. Въ среднихъ имѣніяхъ на 100 десятины земли пригодится при 80,4% пашни 6,2% сѣ-

нокоса, между тѣмъ какъ въ имѣніяхъ отъ 500 до 1000 десятиныхъ сѣновосъ занимаетъ 8,2%, а въ имѣніяхъ болѣе 1000 десятиныхъ даже 11,8% всей земли. Такое неравномѣрное распредѣленіе угодій въ среднихъ имѣніяхъ, крайне невыгодное для скотоводства, а слѣдовательно и для восстановления питательныхъ веществъ почвы, представляетъ совершенно естественное послѣдствіе сдачи земли подъ хищническую распашку и ясное доказательство стѣсненнаго положенія среднихъ землевладѣльцевъ, принужденныхъ извлекать всѣ возможныя выгоды изъ своихъ имѣній, не думая о будущемъ. Наконецъ, какъ среднее такъ и мелкое (дворянское) землевладеніе «даже при близкомъ сосѣдствѣ съ свободнымъ работникомъ, готовымъ во всякое время предложить свои руки для издѣльныхъ и поденныхъ полевыхъ работъ, все-таки не всегда можетъ удержать его, ибо, при своихъ малыхъ размѣрахъ, не въ состояніи обезпечить его постояннымъ заработкомъ, и онъ опять-таки уйдетъ на сторону искать работу». Среднее имѣніе не можетъ также обратиться къ найму постоянныхъ рабочихъ, какъ по недостатку запаснаго капитала, такъ и по дороговизнѣ этой системы въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но, кромѣ организациі труда, есть и другія обстоятельства способствующія болѣе успѣшному веденію хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ. Всѣ они управляются особою администраціей, болѣе чѣмъ владѣльцы способной извлекать выгоды изъ обстоятельствъ новой экономической жизни. Какъ всякій крупный капиталъ, большое имѣніе обладаетъ большими средствами для введенія машинъ и различныхъ усовершенствованныхъ орудій производства.

Въ мелкихъ и среднихъ имѣніяхъ употребляется простой сошной инвентаръ и, лишь изрѣдка, встрѣчаются бороны съ желѣзными зубьями; въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ, отъ 200 десятиныхъ, появляются сѣялки, вѣялки, сортировки, плуги, молотилки и наконецъ, только въ имѣніяхъ болѣе 1000 десятиныхъ окупаются содержаніе паровыхъ молотилокъ. Но ни въ одномъ имѣніи не введено машинной уборки хлѣба жнеями, что объясняется болѣею выгодностью ручнаго труда въ этихъ работахъ. При уборкѣ машиной Джонстона на каждую десятину приходится 2 р. 36 к., между тѣмъ какъ при ручной уборкѣ за одну десятину озимаго посѣва платится отъ 2 до 3 р. 50 к. и яроваго—отъ 1½ до 2 р. 50 к.

Имѣнія, въ которыхъ встрѣчаются какія-либо изъ названныхъ усовершенствованныхъ орудій, располагаются по процентному отношенію въ слѣдующемъ порядкѣ по группамъ землевладѣній. Въ землевладѣніяхъ до 50 десятиныхъ имѣнія съ усовершенство-

ванными орудіями составляютъ 1,6%, отъ 50 до 200—6,1%, отъ 200 до 500—89,6%, отъ 500 до 1000—91,6% и, наконецъ, имѣнія болѣе 1000 десятинъ всѣ ввели усовершенствованныя орудія.

Хозяйственныя постройки въ крупныхъ имѣніяхъ болѣею частью каменныя, что сокращаетъ расходъ на ремонтъ ихъ, между тѣмъ какъ въ среднихъ имѣніяхъ они или плетневыя или ихъ со всѣмъ нѣтъ.

Наконецъ, въ крупныхъ имѣніяхъ устроены различныя заводы, что еще возвышаетъ ихъ доходность: свеклосахарные (2), винокуренный (1) кирпичные, маслобойки и т. п.; въ 14 имѣніяхъ устроены конскіе заводы. Относительно сбыта всѣ выгоды на сторонѣ крупныхъ хозяйствъ, имѣющихъ возможность выжидать болѣе высокихъ цѣнъ, между тѣмъ какъ средній и мелкій землевладѣльцы принуждены продавать хлѣбъ почти тотчасъ послѣ уборки.

Но наиболѣе выгодное условіе для крупныхъ хозяйствъ заключается въ установленіи прочныхъ отношеній къ труду. Въ то время какъ средній землевладѣлецъ мечется отъ исполной, издѣльной и другихъ хищническихъ системъ къ дорогой вольнонаемной и отъ этой обратно къ арендѣ и исполовью, не находя ни добросовѣстныхъ арендаторовъ, ни выполняющихъ обязательство работы, крупный землевладѣлецъ во всякое время осаждается предложениемъ труда со стороны мѣстныхъ и пришлыхъ крестьянъ.

Западнымъ капиталистамъ, благодаря конкуренціи рабочихъ, удается держать плату на уровнѣ минимума средствъ къ существованію рабочаго съ семействомъ. Нашъ землевладѣлецъ добился большаго. У насъ «сдѣльная, заработанная плата вполне обеспечиваетъ существованіе одного одинокаго работника и только во время его работы» (стр. 105). Это совершенно понятно. Западный рабочий существуетъ исключительно заработной платой, для нашего крестьянина заработокъ составляетъ лишь подспорье къ доходамъ собственнаго хозяйства, но подспорье до такой степени необходимое, что для полученія его крестьянинъ принужденъ тратить свой трудъ самымъ невыгоднымъ для него способомъ. До какой степени можетъ быть понижена плата за сельскохозяйственныя работы доказываетъ слѣдующій примѣръ. Въ Дмитріевской экономіи наслѣдниковъ графа В. П. Клейнмихель за $\frac{1}{2}$ десятины земли, снятой подъ озимый посѣвъ, съемщикъ обязуется полною обработкою и уборкою цѣлой десятины въ томъ же клинѣ, что составляетъ 11 мужскихъ рабочихъ дней, 2—3 женскихъ и 10 лошадиныхъ; аренда же $\frac{1}{2}$ дес. озимаго равняется 7 рублямъ. Считая соотвѣтственно мѣстнымъ расчетамъ, стоимость рабочаго дня лошади вмѣстѣ съ инвентаремъ въ 40 коп. и дѣля остальную

сумму на число всѣхъ дней, получимъ цѣну рабочаго дня съемщика равную $21\frac{1}{2}$ к. При настоящей дороговизнѣ хлѣба (пудъ муки доходить отъ 1 р. до 1 р. 50 к.) болѣе половины этой платы должно пойти на продовольствіе работника; если же принять во вниманіе одежду и другія его необходимыя потребности, то врядъ-что останется ему на будущее время и, слѣдовательно, почти весь заработокъ потребляется почти въ моментъ самой работы. Такихъ примѣровъ много, почти въ каждой крупной экономіи.

Но, повидимому, пониженіе заработной платы не дошло еще до крайняго предѣла. Ея денежное выраженіе остается неизмѣннымъ или даже уменьшается, между тѣмъ цѣны хлѣбовъ растутъ съ каждымъ годомъ. Въ 1875 г. мужчина за молотьбу, пахату получалъ въ одномъ имѣніи 35 к. при цѣнѣ пуда ржи въ 40 коп., въ 1882 г. плата эта понизилась до 25—30 к., а рожь поднялась до 1 рубля (стр. 126. 111); женщина получала въ 1875 г. 18 к., а въ 1882 г. 15—10 к. въ день. Не коснулось это уменьшеніе постоянныхъ рабочихъ, живущихъ на содержаніи хозяина, но ихъ и немного, такъ какъ вольнонаемный работникъ, какъ мы уже говорили, въ сельскомъ хозяйствѣ невыгоденъ.

Повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, почти утроившихся въ теченіи одного десятка лѣтъ, доставляетъ такимъ образомъ выгоды исключительно землевладѣльцу.

Въ виду всего, что было сказано, мы можемъ согласиться съ словами автора «Сборника», что «крупный землевладѣлецъ почувствовалъ подъ собою твердую почву, его положеніе упрочилось, онъ постепенно получаетъ возможность вести хозяйство на капиталистическихъ началахъ».

Онъ уже не гоняется за высокой арендой, не раздаетъ землю подъ хищническую распаху, не сокращаетъ сѣнокосовъ до минимума, дѣлающаго невозможнымъ содержаніе необходимаго количества скота—онъ занятъ мыслью о созданіи интенсивнаго хозяйства на основаніи указаній науки и опыта. Первые шаги прогресса, какъ и слѣдовало ожидать, выразились въ улучшенной обработкѣ земли, сначала сошной, а потомъ плужной, «т. е. въ увеличеніи количества труда, какъ наиболѣе доступнаго элемента производства, добываемаго путемъ урѣзки собственной запашки». Дальнѣйшее развитіе интенсивности проявляется въ увеличеніи оборотнаго и постояннаго капиталовъ. «Покупка удобренія, расширение и улучшеніе продуктивнаго скотоводства; увеличеніе экономической рабочей силы и приобрѣтеніе усовершенствованныхъ орудій и машинъ сельскохозяйственнаго производства, обращеніе къ травосѣванію и корнеплодамъ; возведеніе хозяйственныхъ по-

строекъ и, наконецъ, *лихорадочное стремленіе землевладельца вложить въ свои сбереженія въ землю и сельскохозяйственное производство*,— вотъ, въ короткихъ словахъ, результаты оживленія, произведеннаго въ сельскохозяйственной жизни (крупныхъ имѣній) возрастаніемъ ренты, поднятіемъ цѣнъ на хлѣбъ, удешевленіемъ (относительнымъ) труда и сравнительнымъ упроченіемъ наемныхъ отношеній, происшедшими въ послѣднее десятилѣтіе (стр. 121).

Упразднивши вопросъ о дороговизнѣ и недобросовѣстности рабочихъ введеніемъ «отработочной» системы и усиленіемъ контроля, крупный землевладѣлецъ въ своемъ прогрессивномъ шествіи наткнулся на одно важное препятствіе—на недостатокъ денегъ. При изслѣдованіяхъ статистикамъ постоянно приходилось слышать «жалобы на недостатокъ средствъ (оборотнаго капитала), препятствующій всякому рациональному предпріятію—увеличенію удобренія, переходу къ болѣе интенсивной системѣ хозяйства и т. д.».

Теперь, съ открытіемъ дешеваго кредита изъ государственнаго банка и это препятствіе устранено и прогрессивное развитіе крупнаго хозяйства пойдетъ безъ задержекъ. Условія, которыми обставлено полученіе кредита изъ государственнаго банка, даютъ полное основаніе предполагать, что ссуды будутъ даваться дѣйствительно кредитоспособнымъ хозяевамъ, и что «прожигающіе» *жизнь* помѣщики, промотавшіе миллиарды государственныхъ ссудъ во время крѣпостнаго права и послѣ его уничтоженія, теперь будутъ устранены отъ пользованія казенными деньгами. Какъ извѣстно, для полученія кредита нужна рекомендація предводителя дворянства и предсѣдателя управы, не говоря уже о тщательной *про-вѣркѣ* кредитоспособности заемщика со стороны самого банка. Легко видѣть, какъ такой своеобразный «искусственный подборъ» долженъ упрочить положеніе крупнаго хозяйства.

Но и прожигателей жизни становится меньше.

Недостатки стараго поколѣнія помѣщиковъ: отсутствіе *любви* къ дѣлу, знаній, энергіи, вообще наклонность къ лѣности теперь значительно исчезаютъ. Достаточно познакомиться съ инструкціями землевладѣльцевъ управляющимъ, съ условіями, заключаемыми вотчинными конторами съ крестьянами, условіями, поражающими хозяйственною точностію и вполне капиталистическою жестокостію, чтобы убѣдиться, что мѣсто прежняго типа лѣнливаго, *иногда* добродушнаго землевладѣльца, ведшаго хозяйство спустя *ру-кава*, занялъ теперь типъ совершенно иного характера. Порывавшійся съ прежними пріемами, землевладѣльцы этого типа уже не смотрятъ на сельское хозяйство, какъ на какое-то нехитрое дѣло, доступ-

всякому, и дѣятельно изучаютъ какъ мѣстныя условія своихъ имѣній, такъ и практически-осуществимые способы къ возможно полной и выгодной ихъ эксплуатаціи. Въ черноземныхъ и южныхъ губерніяхъ землевладѣлецъ новаго типа сосредоточиваетъ все свое вниманіе на добываніи зерновыхъ хлѣбовъ и свекловичи, на переработкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ сѣверныхъ губ. онъ вводитъ многопольную систему съ картофелемъ и клеверомъ, напираетъ на развитіе скотоводства, доставляющаго въ одно и то-же время удобреніе и молочные продукты. Рабочіе у него не тратятъ своего времени на какія-нибудь ненужныя работы: онъ употребляетъ ихъ лишь для хозяйственныхъ цѣлей, и при помощи «договоровъ» и строгаго контроля достигаетъ «добросовѣтнаго» съ ихъ стороны выполненія своихъ требованій. Дѣятельный, расчетливый, беспощадный въ преслѣдованіи своихъ выгодъ — вотъ каковъ новый типъ землевладѣльца.

Но было-бы. однако, совершенно ошибочно искать причинъ возрожденія крупныхъ хозяевъ только въ личныхъ качествахъ новыхъ владѣльцевъ. Сами эти личныя качества могли выработаться благодаря существованію извѣстныхъ условій. Наиболѣе цѣнная заслуга земскихъ статистиковъ заключается именно во всестороннемъ выясненіи этихъ условій. Успѣхъ крупныхъ хозяйствъ основывается, главнѣйшимъ образомъ, на малоземельи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Недостатокъ средствъ дѣлаетъ для нихъ недоступнымъ аренду за деньги и они принуждены за наемъ угодій уплачивать личнымъ трудомъ. Имѣнія, окруженныя государственными крестьянами, болѣе обеспеченными землей, какъ-бы ни былъ энергиченъ ихъ владѣлецъ, и до сихъ поръ принуждены довольствоваться испольной и здѣльной и подобными невыгодными способами хозяйства. Пересмотрите всѣ земскіе сборники и вы убѣдитесь въ тѣсной связи этихъ двухъ явленій: возрастающаго малоземелья и пропорціонально тому развивающейся крупной культуры, увидите далѣе, что, увеличивая сумму продукта, крупный хозяинъ не поднимаетъ платы за трудъ.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы не причислять возрожденія крупнаго хозяйства къ числу «отрадныхъ» явленій. Оно можетъ развиваться еще далѣе, но благосостояніе массы не выиграетъ отъ того ни сколько. Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній вѣрить также въ обобществляющую трудъ миссію капитала и въ этомъ отношеніи доводы В. В. совершенно убѣдительны. Къ нимъ можно добавить еще, что нельзя создать высшихъ экономически-соціальныхъ условій, убивая здоровье, притупляя умъ продолжительной, однообразной, механической работой и подрывая нравственность того народа, ко-

тогого готовятъ къ воспріятію высшихъ формъ жизни.

Въ заключеніе, одно замѣчаніе. Одна изъ газетъ («Недѣля»), на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ послѣдняго времени, пришла къ заключенію, что у насъ наступаетъ дворянская эра. Стѣдо вало-бы сказать «крупно-владѣльческая дворянская» и тогда мнѣніе газеты было-бы вѣрно. Дѣйствительно, все крупное землевладѣніе, возрожденіе котораго мы старались доказать, почти исключительно находится въ рукахъ дворянъ. Въ Обоянскомъ уѣздѣ въ группѣ землевладѣльцевъ съ имѣніями болѣе 500 десятинъ дворяне составляютъ 95,2%, въ Борисоглѣбскомъ у. Тамбовской губ. они составляютъ 75,0%, въ группѣ землевладѣльцевъ отъ 400 до 1000 десятинъ, и 63,4%, въ болѣе крупной группѣ отъ 1000 десятинъ. Незачѣмъ объяснять, какъ должно быть благоприятно для устойчивости крупнаго землевладѣнія то обстоятельство, что представители его не разрозненные личности, ничѣмъ между собою не связанныя, а члены организованной корпораціи, занимающей первенствующее положеніе въ государствѣ, и соединенные общими вѣковыми традиціями, между которыми самыя внимательный глазъ не найдетъ традицій, указывающихъ на наклонность этой корпораціи поступаться своими правами. Самая малочисленность класса крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ во всей Россіи считается не болѣе 20 тысячъ (съ семействами до 80 т.), какъ нельзя болѣе должна облегчать ихъ сплоченность. Между тѣмъ въ вѣдѣніи этого класса по всей Россіи, какъ было уже сказано, сосредоточено 80,2% всей земли частнаго землевладѣнія.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, по крайней мѣрѣ преждевременно говорить объ упадкѣ крупнаго землевладѣнія и культуры. Ихъ исторія, можно сказать, только что начинается и ничего нѣтъ невѣроятнаго, что въ будущемъ, съ уничтоженіемъ всѣхъ препятствій, мѣшающихъ отчужденію общинной земли, оно влетитъ въ свою сферу, т. е. прощѣ—пожретъ крестьянскія земли, какъ оно теперь пожираетъ среднее землевладѣніе.

А. Г.

Государственное вмешательство на русской почвѣ.

Повсюду въ Европѣ экономическое порабощеніе трудящихся классовъ волнуетъ общественную совѣсть. Въ Германіи уже въ полномъ разгарѣ идейная борьба по этому вопросу. Начинается она и у насъ съ замѣчательно точнымъ воспроизведеніемъ ея важнѣйшихъ перипетій. Измышленная нѣмцами катедеръ-соціалистами и отчасти испробованная на практикѣ Бисмаркомъ доктрина государственнаго социализма вызываетъ и въ нашей печати приблизительно тѣ-же мысли, такія-же надежды, сомнѣнія и колебанія, какія были порождены ею въ прессѣ нѣмецкой. И у насъ, какъ въ Германіи, уже имѣются приверженцы и противники этой доктрины, но еще больше и тамъ и здѣсь людей, сомнѣвающихся, неуспѣвшихъ разобраться въ дѣйствительно ужасномъ сумбурѣ и путаницѣ понятій, связанныхъ съ этимъ ученіемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится встрѣчаться съ приговорами враждебными ученію или въ его пользу, трудно бываетъ доискаться, откуда вытекаютъ эти приговоры, трудно даже угадать, какими общими направленіями мысли они обуславливаются. Напримѣръ, оказывается, что подъ такой архи-нѣмецкой выдумкой, какъ ученіе о государственномъ социализмѣ и государственномъ вмешательствѣ, обѣими руками подписываются самобытники и націоналисты нововременскаго толка, и тутъ-же рядомъ съ ними фигурируютъ носители совершенно иныхъ міровоззрѣній. Укажемъ, напр., на г. Головачова. Точно также, когда между противниками доктрины мы встрѣчаемъ г. Полонскаго, то и это ничего не объясняетъ. Хотя отъ г. Полонскаго никто не отнимаетъ его либерально-буржуазнаго образа мыслей, но отсюда трудно что-либо вывести, ибо государственный социализмъ, противъ котораго онъ ополчается, не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ противоположномъ буржуазности. Затѣмъ въ послѣднее время все чаще и чаще появ-

ляются на столбцахъ изданій всякихъ направленій различнаго рода проекты съ обращенными къ власти приглашеніями устроить то, взяться за это, организовать для народа льготный кредитъ, регулировать производство и пр. Всѣ подобныя проекты и совѣты, повидимому, свидѣтельствуютъ о согласіи ихъ авторовъ съ доктриной государственнаго вмѣшательства, или государственнаго социализма, но это согласіе всегда почти молчаливое и потому трудно видѣть изъ какихъ общихъ принциповъ вытекаетъ оно и есть-ли оно вообще результатъ критической работы мысли, а не простого проектерскаго зуда и самого безпечальнаго суесловія.

Вообще, ученіе о государственномъ вмѣшательствѣ, несмотря на свою давность, никогда не подвергалась строгой и обстоятельной критикѣ; иначе, конечно, давно была-бы обнаружена присущая ему двусмысленность и замѣчательная неопредѣленность его внутренняго содержанія, позволяющая опираться на него людямъ самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Желѣзный канцлеръ, съ свойственной ему проищательностью, первый обратилъ вниманіе на эту столь удобную и полезную для него сторону доктрины государственнаго вмѣшательства; онъ объявилъ себя ея рѣшительнымъ сторонникомъ и теперь она считается руководящимъ принципомъ его внутренней политики. Извѣстно, что примѣръ Бисмарка сбиль съ толку всю Европу. Государственный социализмъ—такова частная формула этой доктрины—соблазнилъ Францію, смутилъ даже Англію, и какъ будто водворяется съ нѣкоторыхъ поръ и у насъ. Недавно, однако, въ газетахъ прошелъ слухъ, что Бисмаркъ отрекается отъ государственнаго социализма и измѣняетъ свои «убѣжденія» на счетъ государственнаго вмѣшательства. Что сей сонъ означаетъ? Слухъ этотъ не скажемъ маловѣроятенъ, но, во всякомъ случаѣ, страненъ, не потому, чтобы стойкость убѣжденій была отличительнымъ свойствомъ желѣзнаго канцлера. Бисмаркъ мало чувствителенъ къ такимъ сантиментальностямъ, какъ убѣжденія, и разстаться съ ними для него, вѣроятно, тоже, что дать отставку какому-нибудь мелкому чиновнику своей канцеляріи. Бисмарку не трудно понять, что освященный его авторитетомъ государственный социализмъ ни къ чему не обязываетъ и что отречься отъ этихъ идей нѣтъ никакого расчета, такъ какъ онѣ вполне уживаются со всякаго рода стремленіями и дѣлами, а между тѣмъ все-же способствуютъ нѣкоторой популярности желѣзнаго канцлера въ глазахъ рабочихъ массъ. Впрочемъ, это одна сторона вопроса. Если только вышеприведенный слухъ справедливъ, то онъ могъ-бы имѣть еще и то значеніе, что, отъзываясь отъ государственнаго социализма, Бисмаркъ дѣлаетъ шагъ

къ сближенію съ либеральной буржуазіей, соглашеніе съ которой является въ настоящій моментъ крайне важнымъ, даже необходимымъ, въ виду какихъ-то неясныхъ пока, но, какъ кажется, крайне серьезныхъ политическихъ затѣй, угрожающихъ миру Европы, къ тому-же возможно, что и рабочія массы успѣли уже на опытѣ убѣдиться, что имъ нечего ждать отъ государственнаго социализма и, что больше грошовой пенсіи на случай старости—до которой, кстати сказать, не доживаетъ и пятый изъ сотни рабочихъ—онѣ ничего не добьются. А если это убѣжденіе между рабочими массами распространено, то понятно, что поднятое Бисмаркомъ знамя государственнаго социализма обращается для него въ ненужную тройку, которую не жаль и бросить. Но какъ-бы то ни было, держится-ли еще или нѣтъ Бисмаркъ за принципъ государственнаго вмѣшательства, у насъ онъ начинаетъ входить въ обращеніе, и такъ какъ на этотъ счетъ понятія наши чрезвычайно смутны и сбивчивы, то было-бы не лишнее ознакомиться вкратцѣ и совершенно объективно съ тѣмъ, что говорилось по этому поводу въ Германіи, и что выставлялось pro и contra государственнаго вмѣшательства партизанами и противниками Бисмарка.

На первыхъ порахъ бисмарковскій социализмъ, какъ извѣстно, произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ возбудилъ сразу столь большія ожиданія—нѣкоторые видѣли въ немъ начало новой экономической эры въ жизни европейскихъ народовъ—что, конечно, нетрудно было предсказать, что очень скоро должно послѣдовать полнѣйшее разочарованіе. Это и случилось на самомъ дѣлѣ. И въ настоящее время противники Бисмарка говорятъ, что идея государственнаго вмѣшательства можетъ породить нѣкоторыя надежды лишь до тѣхъ поръ, пока она не приложена къ жизни и обсуждается теоретически, отвлеченно, внѣ условій и факторовъ социальнo-политической дѣйствительности. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что антогонисты Бисмарка, подвергая критикѣ его доктрины, оцѣниваютъ ихъ, по нѣмецкой привычкѣ, лишь съ абсолютной точки зрѣнія, тогда какъ весьма важно было-бы выяснитъ ихъ значеніе *сравнительно* съ господствовавшимъ до тѣхъ поръ принципомъ свободы экономическихъ отношеній, съ режимомъ *laisser faire, laisser passer*. Безъ сомнѣнія, такая задача гораздо сложнѣе, но зато и несравненно интереснѣе. Съ абсолютной-же точки зрѣнія противникамъ Бисмарка, конечно, весьма легко было показать, что государственное вмѣшательство ничего не можетъ дать странѣ существенно важнаго, что оно не склонно къ коренному устраненію экономическихъ аномальностей, но лишь стре-

мится, введеніемъ нѣкоторыхъ двусмысленныхъ и маловажныхъ поправокъ, привлечь народныя массы на свою сторону въ борьбѣ съ возрастающимъ политическимъ могуществомъ буржуазіи. Если Бисмарку, говорятъ они, принадлежитъ первый починъ политики государственнаго вмѣшательства, то онъ-же первый окончательно разбилъ и тѣ иллюзіи, которыя связывались съ нею въ умахъ многихъ людей. По крайней мѣрѣ, онъ, по ихъ словамъ, цѣлымъ рядомъ фактовъ убѣдилъ Германію, что его политика, не касаясь существенныхъ сторонъ нынѣшняго экономическаго строя, не измѣняя ни одной иоты въ тѣхъ основахъ его, отъ которыхъ наиболее терпятъ рабочія массы, отнюдь не имѣетъ своей цѣлью благо рабочихъ, но, наоборотъ, старается присвоеніемъ себѣ исключительнаго права заботиться объ ихъ нуждахъ, не допускать ихъ до осуществленія болѣе серьезныхъ идеаловъ, болѣе важныхъ цѣлей, которыя могли-бы быть достигнуты ими самими, если бы они были у власти. Противники Бисмарка исходятъ изъ того положенія, что искренняя заботливость о благѣ рабочихъ свидѣтельствовалась бы только привлеченіемъ ихъ къ этой власти, дарованіемъ имъ широкаго представительства для самостоятельнаго устроенія своихъ судебъ и затѣмъ открытіемъ имъ доступа къ широкому образованію, какъ средству заставить ихъ бодрствовать надъ своими интересами и управлять своими дѣлами наилучшимъ образомъ. Но какъ только, по словамъ критиковъ Бисмарка, дѣло доходитъ до этихъ пунктовъ, политика вмѣшательства сбрасываетъ съ себя маску добросердечія и благожелательства и изъ защитника рабочихъ обращается въ ихъ яростнаго врага. Эта странная на первый взглядъ двойственность бисмаркизма, т. е. съ одной стороны принятіе на себя обязательства печся о благѣ рабочихъ и съ другой—удерживаніе ихъ въ черномъ тѣлѣ въ политическомъ отношеніи, мелкія подачки, въ видѣ государственныхъ пенсій изъ собранныхъ съ самихъ-же рабочихъ суммъ, и въ то-же время ограниченіе ихъ политическихъ правъ, преслѣдованіе ихъ интеллигентныхъ представителей, даже стѣсненіе свободы ассоціаціи и упрямое удерживаніе массъ на низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, всѣ эти крупныя противорѣчія, по словамъ антибисмарковъ, составляютъ душу политики вмѣшательства, желающей нѣкою нѣкоторыхъ уступокъ рабочимъ заставить ихъ индифферентно смотрѣть на усиленіе государственной власти въ ея борьбѣ съ либеральной буржуазіей и даже на свое собственное политическое безправіе.

Такъ говорятъ противники Бисмарка, но они, конечно не могли обойти той-же проблемы въ иной, не бисмарковской, а совершенно

безличной ея постановкѣ. Вопросъ таковъ. Разъ существуетъ государство, располагающее огромной властью и имѣющее возможность направлять экономическія отношенія въ ту или другую сторону, слѣдуетъ или нѣтъ пользоваться этимъ государствомъ въ интересахъ народа и рабочихъ массъ? Съ этой болѣе интересной точки зрѣнія разсматривается въ настоящее время въ Германіи вопросъ о государственномъ вмѣшателствѣ или въ частности о государственномъ социализмѣ. Отвѣты на него даются различные. Весьма многіе рѣшаютъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Говорятъ, что со стороны друзей народа было-бы глупымъ и даже преступнымъ доктринерствомъ не пользоваться государственной властью. Если искренно желать добра народу, если живыхъ людей больше жалѣть, чѣмъ свои теоретическія построения, то невозможно отклонять государственную помощь и всякія мѣропріятія, способныя хотя-бы временно облегчить тяжкое положеніе и нужду рабочей массы. Но совершенно иначе разсуждаютъ антибисмаркисты. Прежде всего они пытаются заключить государственный социализмъ въ должныя рамки, свести его съ той высоты, на которую его ставятъ уже самое названіе его, нѣсколько крикливое и притязательное, но совершенно неправильное, по ихъ мнѣнію. Едва-ли, однако, названіе это можетъ ввести кого-либо въ заблужденіе. Сомнительно, чтобы кто-нибудь вообразилъ, будто современная политика государственнаго социализма есть стремленіе государства воплотить въ жизнь собственной властью новый экономическій строй въ духѣ новѣйшаго социализма или создать что-либо въ родѣ Платоновой республики и утопическихъ государствъ Мура и Кампанеллы. Но часто государственному социализму навязывается задача иная, хотя все-же социалистическаго характера, — задача, состоящая въ томъ, что государство должно утвердить верховное главенство свое въ экономической жизни въ интересахъ трудящихся классовъ, что согласно съ этими видами оно регулируетъ торговлю и направляетъ свою таможенную политику, захватываетъ въ свои руки желѣзныя дороги, устанавливаетъ тарифы и даже овладѣваетъ производствомъ съ цѣлью содѣйствовать возможно болѣе равномерному распредѣленію и потребленію богатствъ. Такая комбинація теоретически вполне мыслима, но до сихъ поръ государству подъ силу осуществить лишь нѣкоторыя, самыя незначительныя ея частности; для самаго-же главнаго, для захвата производства въ свои руки съ цѣлью равномернаго распредѣленія богатствъ у современнаго государства нѣтъ ни охоты, ни практически выработанной системы мѣропріятія. Антибисмаркисты нисколько не сожалѣютъ объ этомъ, такъ какъ они нахо-

дять, что какъ идеаль будущаго, такой государственный социализмъ недостаточенъ, а осуществленіе его въ настоящемъ, при установившихся отношеніяхъ государства къ личности и обществу, привело бы къ такому ужасному рабству, образчики котораго едва-ли найдутся и у первобытныхъ націй. Къ политической зависимости гражданъ должна присоединиться быть можетъ еще болѣе тяжкая зависимость экономическая, и образуется то, что можетъ быть названо крѣпостническимъ государствомъ, напоминающимъ древніе патріархаты. Къ тому-же не было-бы никакихъ гарантій въ томъ, что это послужило-бы на пользу именно трудящихся классовъ, а не пошло-бы на нужды самаго государства, на возвышеніе бюрократизма, развитіе котораго было-бы тогда безпредѣльно. Но какъ-бы то ни было, государственный социализмъ въ тѣсномъ смыслѣ не подходитъ ни къ одному изъ сказанныхъ типовъ, ибо онъ не имѣетъ социалистическихъ тенденцій. По незначительности его возможныхъ результатовъ и палліативному характеру его, антибисмаркисты ставятъ его на одну доску съ частной благотворительностью, добавляя при этомъ, что это только аналогія, ибо, по существу, государственной благотворительности, обращенной на массы быть не можетъ, какъ въ томъ случаѣ, когда государство оказываетъ помощь народу юридически, такъ и въ случаѣ матеріальныхъ воспособленій, такъ какъ средства для нихъ черпаются изъ кармана самаго-же народа. Но по скольку не достигаетъ цѣли частная благотворительность, постольку-же бесплоденъ государственный социализмъ. Поэтому все, что обыкновенно говорится не въ пользу и въ осужденіе первой, можетъ быть отнесено на счетъ второго съ тѣмъ маленькимъ дополненіемъ, что тогда какъ частная благотворительность нерѣдко бываетъ безкорыстной, государственный социализмъ является орудіемъ партійной борьбы, средствомъ къ усиленію политической власти государства на счетъ буржуазіи. И какъ съ частной благотворительностью до известной степени примиряють ея значительные размѣры, точно также и государственный социализмъ получилъ-бы нѣкоторое значеніе, если-бы государство находило возможность значительно увеличить размѣры своихъ воспособленій. Если-бы государственная помощь народу, въ видѣ-ли казенныхъ пенсій рабочимъ или льготнаго государственнаго кредита ремесленникамъ и крестьянамъ, была рассчитана *по дѣйствительной нуждѣ каждого, а не по средствамъ государства*, то хотя и такая помощь была-бы въ сущности палліативомъ, такъ какъ она нисколько не измѣнила-бы основныхъ условій организациі труда, но она имѣла-бы, конечно большое значеніе. Она могла-бы ослабить временно народную нужду и задер-

мать ростъ пауперизма. Но слишкомъ понятно, что это невозможно, при томъ широкомъ развитіи, которое современное государство даетъ своимъ собственнымъ нуждамъ. Если-же государственная помощь является на почвѣ юридической или административной, напр. въ видѣ фабричной инспекціи и разныхъ покровительственныхъ учреждений, то, разумѣется, прямые результаты такой помощи еще менѣе осязательны, чѣмъ матеріальныя воспособленія. Помощь эта всегда плодитъ бюрократизмъ, который самъ можетъ больше поглотить, чѣмъ сколько онъ способенъ принести пользы. Таково краткое резюме мнѣній и споровъ, возбужденныхъ въ настоящее время въ Германіи внутренней политикой желѣзнаго канцлера.

Намъ, конечно, придется также пережить всѣ эти споры про и contra государственнаго вмѣшательства: они уже и начались въ нѣкоторыхъ органахъ печати. Расположеніе къ преувеличенію значенія этой доктрины чрезвычайно велико у насъ и гораздо сильнѣе, чѣмъ на Западѣ. Она представляетъ собою то темное, таинственное и неопредѣленное нѣчто, на которомъ такъ склонны отдыхать и успокаиваться измученные умы, выбившіеся изъ силъ въ отысканіи исходовъ изъ положенія кажущагося имъ критическимъ, даже безнадежнымъ. Уже и теперь нашей литературой овладѣваетъ это мистическое настроеніе. Только и слышно со всѣхъ сторонъ: «вотъ какъ надо поступить, вотъ что слѣдуетъ предпринять!» Съ тѣхъ поръ какъ пущена въ обращеніе доктрина государственнаго вмѣшательства, къ ней приурочивается все, что такъ недавно еще приводило въ смущеніе умы и вызывало усиленную работу критической мысли. Найдена компетентная инстанція для разрѣшенія міровыхъ проблемъ; социальныя вопросы величайшей важности отнынѣ могутъ быть рѣшены шутя, простымъ сведеніемъ ихъ къ тѣмъ или другимъ частнымъ мѣропріятіямъ. Между тѣмъ не нужно быть Аксаковымъ или націоналистомъ какого-бы ни было толка, чтобы утверждать, что чисто нѣмецкая выдумка государственнаго социализма, плохо пригнанная къ Германіи—самъ Бисмаркъ, говорятъ, отказался отъ нея,—еще менѣе соответствуетъ условіямъ нашей жизни. Если въ Германіи результаты этого режима были незамѣтны и слабы, то у насъ они должны быть еще слабѣе. Самая незначительная послѣдняя тому причина—глубокое разстройство нашихъ финансовъ, которое достаточно связываетъ намъ руки во всѣхъ почти мѣропріятіяхъ. Въ силу этого и о чемъ мы уже говорили въ статьѣ, посвященной крестьянскому поземельному банку, крестьянскій кредитъ можетъ явиться новымъ факторомъ разстройства крестьянскаго хозяйства и при томъ хозяйства бѣднѣйшей части населенія. Отъ недостаточности кредита, имъ не могутъ воспользо-

ваться всё, нуждающіеся въ немъ, а благодаря тому, что ссуды составляютъ лишь извѣстный процентъ покупной цѣны земли, и для пріобрѣтенія ея потребуются доплаты изъ собственныхъ средствъ, кредитомъ должно воспользоваться преимущественно зажиточное населеніе. Но ясно, что послѣ того, какъ государство поможетъ кредитомъ зажиточной части населенія, положеніе бѣднѣйшей можетъ ухудшиться, такъ какъ она лишится возможности или арендовать проданныя земли или просто обрабатывать ихъ по найму. Конечно, это можетъ имѣть мѣсто не всегда; возможно что иногда продаваемая земля будетъ попадать въ руки именно тѣхъ крестьянъ, которые ихъ арендовали или обрабатывали по найму, но эти земли могутъ, однакъ, оказаться нужными нѣсколькимъ сосѣднимъ сельскимъ обществамъ: онѣ, наконецъ, могутъ быть предметомъ искательства для товарищества изъ нѣсколькихъ крестьянъ въ средѣ одного сельскаго общества. Такіе-то случаи, конечно, всего чаще и будутъ встрѣчаться на практикѣ, тогда какъ случай, когда продаваемая земля будетъ нужна только одному какому-нибудь обществу и когда переходъ ея къ нему не нарушитъ интересовъ другихъ обществъ, долженъ считаться сравнительно рѣдкимъ. Но достаточно и того уже, что земля, служившая для всѣхъ крестьянъ какого-нибудь общества огромнымъ подспорьемъ, какъ источникъ аренды или сельскихъ заработковъ, можетъ попасть въ руки нѣсколькихъ крестьянъ того же общества: каково, спрашивается, будетъ положеніе остальныхъ крестьянъ послѣ перехода нужной имъ земли въ собственность товарищества? Положеніе, конечно, незавидное, а если они совершенно лишатся этой земли, т. е. не будутъ имѣть возможности арендовать ее, то имъ положительно нѣтъ исхода. Въ малоземельныхъ мѣстностяхъ аренда составляетъ единственную поддержку крестьянъ. Въ лучшемъ случаѣ они попадутъ въ кабалу къ товариществу, купившему землю и будутъ арендовать ее на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, какія только оно заблагоразсудитъ установить. Въ газетахъ за послѣднее время появляются извѣстія о сочувственномъ отношеніи крестьянъ къ банку, о чрезвычайно оживленной дѣятельности его и множествѣ обращаемыхъ къ администраціи банка ходатайствъ о ссудахъ; вѣроятно, мы прочитаемъ также извѣстія, что банку удалось удовлетворить и просьбамъ истинно нуждающихся и безземельныхъ крестьянъ. Все это очень хорошо и совершенно въ порядкѣ вещей: было-бы весьма странно, если-бы крестьяне, на первыхъ-же порахъ, неразубавъ еще хорошеняго въ чемъ дѣло, взглянули косо на учрежденіе, являющееся имъ на помощь, точно также непонятно было-бы, если-бы, несмотря на

громадную массу безземельныхъ крестьянъ, ходатайства о ссудѣ поступали бы отъ нихъ въ ограниченномъ количествѣ. Но надо имѣть въ виду, что тѣмъ оживленѣе въ настоящее время дѣятельность банка, тѣмъ больше поступаетъ и удовлетворяется ходатайствъ о ссудахъ, тѣмъ скорѣе долженъ наступить кризисъ и тѣмъ сильнѣе онъ дастъ себя почувствовать истинно малоземельному населенію, не получившему ссудъ въ настоящій моментъ. Случай полученія ссудъ бѣднѣйшими крестьянами возможны именно теперь, лишь въ самомъ началѣ дѣятельности банка, когда и продажныхъ земель больше, и цѣны на нихъ ниже; впоследствии же такіе случаи необходимо сдѣлаются исключительными. Мимоходомъ замѣтимъ, что, встрѣчая извѣстія о томъ, какимъ крестьянамъ выданы ссуды, бѣднѣйшимъ или сравнительно зажиточнымъ, нельзя слишкомъ довѣрчиво относиться къ подобнаго рода сообщеніямъ. По крайней мѣрѣ у самаго банка, у администраціи его, точныя данныя на этотъ счетъ могутъ найтись развѣ случайно. Всего лучше, конечно, судить о бѣдности или зажиточности крестьянина по величинѣ его надѣла, но объ этомъ-то банкъ и не справляется при рассмотрѣніи ходатайствъ о ссудахъ; на выдачу ихъ обстоятельство это нисколько не вліяетъ.

Помимо помощи сельскому населенію, намъ не чуждо, какъ извѣстно, и стремленіе улучшить путемъ государственнаго вмѣшательства положеніе фабричныхъ рабочихъ. Въ прошломъ году изданъ законъ объ ограниченіи работы и объ образованіи малолѣтнихъ и подростковъ, занимающихся на фабрикахъ и заводахъ, а недавно департаментъ торговли и мануфактуръ, обсуждая переданный на его заключеніе вопросъ объ отвѣтственности фабрикантовъ и заводчиковъ за смерть и увѣчья рабочихъ, высказался въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ смерти рабочаго семья его должна выдаваться пенсія въ размѣрѣ 75% прежняго заработка, а въ случаѣ увѣчья, влекущаго неспособность къ труду—весь прежній заработокъ сполна. Всѣмъ этимъ начинаніямъ нельзя, конечно, не сочувствовать, но было бы еще человѣколюбивѣе принять мѣры къ ограниченію вообще случаевъ увѣчья и смерти рабочихъ. Антибисмаркисты, говоря о такого рода мѣропріятіяхъ, а также о государственныхъ пенсіяхъ рабочимъ, не видятъ въ этихъ проявленіяхъ государственнаго вмѣшательства ничего, заслуживающаго особеннаго вниманія. Такая политика, по ихъ мнѣнію, затрогиваетъ, и притомъ не всегда съ успѣхомъ, миллионную долю тѣхъ бѣдствій, которыя претерпѣваются рабочими. Это, конечно, справедливо, но едва-ли было лучше, еслибы политика вмѣшательства, не ограничиваясь такой скромной ролью, бралась а

совершенно непосильныя ей крупныя задачи и коренныя преобразования. У насъ мѣрц, принимаемыя въ интересахъ фабричныхъ рабочихъ, еще менѣ замѣтны, чѣмъ въ Германіи и вообще на Западѣ, такъ какъ у насъ вопросъ о фабричныхъ рабочихъ составляетъ только часть нашего рабочаго вопроса вообще. На европейскомъ Западѣ этотъ вопросъ принялъ рѣзкую, весьма опредѣленную постановку, онъ замкнутъ въ тѣсныхъ границахъ фабричной промышленности, которая въ нашей экономической жизни играетъ сравнительно второстепенную роль и занимаетъ широкую область кустарничества. Это-то сѣрое, перебитое кустарничество есть центральный фактъ нашего промышленнаго строя, оно даетъ, главнымъ образомъ, содержаніе нашему рабочему вопросу и, конечно, заслуживаетъ наибольшаго вниманія со стороны устроителей экономическихъ судебъ Россіи. Но какъ мало можно здѣсь сдѣлать вмѣшательствомъ закона и чѣтными матеріальными воспомощеніями, всякій пойметъ, кто дастъ себѣ трудъ ближе ознакомиться съ чрезвычайно оригинальнымъ положеніемъ десятиmillionной арміи нашихъ босоногихъ фабрикантовъ, этихъ нищихъ, полуголодныхъ капиталистовъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ и предпринимателя и рабочаго *) Настоя-

*) О нищенскомъ положеніи кустарей въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно въ центрахъ наиболее развитаго кустарничества, много уже писано. Весьма богаты относящимися сюда фактическими данными „Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности“. Въ послѣднемъ (IX) выпускѣ этихъ „Трудовъ“ мы также находимъ не мало подобнаго рода фактовъ, но на ряду съ ними замѣчается странная тенденція затушевать и даже искажать ихъ смыслъ совершенно неправдоподобными, подчасъ весьма курьезными разсказами. Мы обращаемъ этотъ упрекъ преимущественно къ г. Талло, изслѣдовавшему отхожіе и кустарныя промыслы Костромской губерніи. Известно, что какъ сельское, такъ и промысловое населеніе этой губерніи чрезвычайно бѣдно; едва-ли много найдется мѣстностей бѣднѣе ея. Самъ г. Талло приводитъ, напримѣръ, такіа цѣны заработковъ отхожихъ промышленниковъ Буйскаго уѣзда: шерстобиты приносятъ домой 20 р. (за все время пребыванія въ отходѣ); сапожники 27—55 р., чернорабочіе 28 р., кирпичники—42—50 р., рѣзачи соломы—21 р., печники—55 р., пастухи—20 р. и т. д. Конечно, бывають заработки нѣсколько значительные; всего болѣе идетъ въ отходъ плотниковъ (1,856 чел.; заработокъ же каждаго изъ нихъ составляетъ 48—103 р., за плотниками слѣдуютъ чернорабочіе (1,090 чел.), зарабатывающихъ каждыя 28 р., и за ними—кирпичники (1,025 чел.), заработокъ которыхъ доходитъ до 42—58 р. на человѣка, затѣмъ другіе промышленники слѣдуютъ лишь въ числѣ сотенъ и десятковъ человѣкъ, такъ что величина ихъ заработка должна, конечно, меньше вліять на ея среднюю норму. Вообще-же эта норма, по даннымъ г. Талло, составляетъ 67 р. на человѣка за все время отхода, — цифра, которая людямъ знающимъ, что такое заработки отхожихъ промышленниковъ, сколько не покажется поразительной; нельзя также полагать, что эта цифра

щее положеніе ихъ обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ, изъ которыхъ едва-ли найдется хоть одна, легко поддающаяся посильнымъ мѣропріятіямъ государственнаго вмѣшательства или даже способная внушить ему желаніе серьезно взяться за устраненіе ея. Важнѣйшія между этими причинами: конкуренція фабрикъ, постоянное вздорожаніе сырого матеріала (главнымъ образомъ вслѣдствіе лѣсоистребленія, а также плохого состоянія скотоводства, какъ результата общаго упадка сельскаго хозяйства и развивающагося малоземелья, отчасти, конечно, и вслѣдствіе усиленнаго вывоза сырыхъ продуктовъ за-границу), увеличивающее издержки производства и тѣмъ ограничивающее и безъ того ничтожныя выгоды его, прогрессивное обѣдненіе крестьянскаго земледѣльческаго населенія, непосредственно вліяющее своимъ спросомъ на сбытъ

относится исключительно къ промысловому населенію Буйскаго уѣзда. Чѣмъ отъ него могутъ отличатся въ этомъ отношеніи другіе уѣзды Костромской, да и всякихъ иныхъ губерній, откуда выходятъ отхожіе промышленники? Итакъ, на 67 р., вается, не раскутишься. Между тѣмъ, вотъ какими картинками г. Тилло иллюстрируетъ жизнь и нравы отхожихъ промышленниковъ. „Посмотримъ теперь, говоритъ онъ, что дѣлаютъ крестьяне Солигаличскаго, Чухломскаго, Галичскаго уѣздовъ по возвращеніи съ промысловъ. Пойдемъ на базаръ города Чухломы. Зима. Крестьяне всѣ дома, вернувшись съ промысловъ; и деньги и вещи у всѣхъ цѣлы. Нельзя повѣрить, что видишь крестьянъ и крестьянокъ: такъ роскошно они одѣты и такъ разгульно проводятъ время. Красивыя санки, лошади въ бубенчикахъ и въ щегольской сбруѣ, въ саняхъ сидятъ мужъ, *одѣтый часто въ енотовой шубѣ и бобровой шапкѣ*, подпоясанъ шерстянымъ яркаго цвѣта кушакомъ; на немъ высокіе щегольскіе сапоги; жена *въ шубѣ, покрытой матеріей яркаго шелку, мѣхъ лисій, а воротникъ и юбка и соболій, сарафанъ на ней шелковый...* Просто боярыня прежнихъ временъ! Въ трактирахъ, въ залахъ и во всѣхъ нумерахъ полно: все крестьяне и крестьянки, поютъ, ѣдятъ и курятъ. Всю зиму работъ почти нѣтъ, *одна сплошная гулянка*; къ веснѣ, когда надо идти на промыселъ, полное оскуднѣніе, едва на хлѣбъ есть, а шелкъ, мѣхъ, сбруи и все прочее заложено у кабатчика или у кулака. Сколько процентовъ заплатятъ, когда опять, по возвращеніи къ зимѣ, все надо выкупить? А зимой опять та-же гулянка и пьянство. Вотъ какъ пропадаютъ и вотъ куда идутъ народныя сбереженія“ (стр. 1926). Все это очень похоже на сказку изъ тысячи и одной ночи. Какой чудодѣйственной силой должны обладать 67 р. въ рукахъ крестьянина, чтобы одѣться на нихъ въ еноты и бобры, въ соболя мѣха и шелковыя одежды, да еще устроить себѣ, все на тѣ-же 67 р. сплошную гулянку въ теченіи всей зимы, т. е. нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Самъ ли г. Тилло видѣлъ все описанное имъ? Онъ говоритъ, что въ его изслѣдованчхъ ему помогали «и власти, и духовныя лица, и земскіе люди, торговцы и много частныхъ людей; я держалъ даже шпионовъ, прибѣгалъ къ разнымъ обходамъ и къ самымъ нелѣпымъ ухищреніямъ, доходившимъ до смѣшнаго» (стр. 1928). Вотъ эти-то шпионы, быть можетъ, и подшучили надъ г. Тилло, выдавъ ему съе „не люблю слушать“ за правду. Вообще, хороши должны быть изслѣдованія, основанныя на донесеніяхъ шпионовъ!

кустарныхъ произведеній, захватъ рынковъ сбыта кулаками и скупщиками, глубокое невѣжество кустарей, не въ смыслѣ недостатка профессиональнаго образованія — это-бы все еще куда ни шло — но въ смыслѣ недостатка общаго развитія, — наемны ихъ такъ сказать социальная неотесанность, полное взаимное разъединеніе между ними и совершенное отсутствіе въ ихъ сѣдѣ ассоціонныхъ стремленій, засвидѣтельствованное многими слѣдователями. Изъ всѣхъ этихъ причинъ принято считать въ болѣе поддающимися влиянію государственнаго вмѣшательства тѣ именно, которыя можно устранить или ограничить помощью льготнаго народнаго кредита. Слѣдовательно къ числу такихъ причинъ можно-бы отнести отчасти конкуренцію фабрикъ, а также захватъ рынковъ кулаками и скупщиками. Но надо имѣть въ виду, что пойдеть-ли государственныи кредитъ на простое денежное вспомошествованіе, на доставленіе возможности приобрести машины, или на устройство сырьевыхъ и товарныхъ складовъ, гдѣ кустари могли-бы получать сырой матеріалъ и сбывать свои издѣлія по выгоднымъ цѣнамъ, безъ всякаго посредства скупщиковъ и кулаковъ, — во всѣхъ случаяхъ путь кредита скольскій и двусмысленный. Задача государственнаго вмѣшательства, желающаго поддержать кустарное производство, состоитъ въ томъ, чтобы, помогая отдѣльнымъ лицамъ, отнюдь не давать имъ возможности расширять свою дѣятельность за предѣлы чисто семейнаго производства, иначе кредитъ заставитъ кустарную промышленность обращаться въ капиталистическую (съ наемными рабочими) гораздо быстрѣе, чѣмъ это дѣлалось и дѣлается само-собою теперь, и, кромѣ того, за усиленнымъ производствомъ должно неизбежно послѣдовать переполненіе товарнаго рынка, и слѣдовательно, паденіе цѣнъ, отъ котораго всего болѣе пострадаютъ мелкіе кустари. Возможность такихъ послѣдствій очевидна, если дѣло идетъ о простомъ денежномъ вспомошествованіи или о кредитѣ на приобретение машинъ. Собственно кредитомъ воспользуются всѣ, къ нему обратятся и бѣдный кустаръ, и зажиточный, но послѣднее-го вовсе и нежелательно, если только имѣть въ виду поддержку одиночнаго, семейнаго кустарнаго производства, а не перерожденіе такого производства изъ мелкаго въ среднее и крупное изъ производства съ рабочими силами одной семьи въ производство съ наемными рабочими. Въ этомъ случаѣ влияніе кредита можно сравнить съ влияніемъ желѣзной дороги, которая бѣзучи нужна и бѣднымъ и богатымъ, при существующемъ капиталистическомъ строѣ, болѣе приноситъ пользы и придаетъ болѣе силы послѣднему, чѣмъ первому, являясь средствомъ

къ болѣе быстрому сосредоточенію богатствъ въ однѣхъ рукахъ. Что касается сырьевыхъ и товарныхъ складовъ, то выгоды, представляемыя ими, также должны способствовать расширенію размѣровъ производства, по крайней мѣрѣ производства мелкихъ и среднихъ, если не крупныхъ кустарей.

Если кустарь получить возможность на тѣ-же деньги купить большее количество сырого матеріала, чѣмъ прежде, то и издѣлій сработаетъ онъ больше, и постарается сработать ихъ больше уже по выгоде продажныхъ цѣнъ. Правда-собственныхъ силъ у него можетъ на это не хватить, но всегда найдутся стороннія, въ достаточномъ количествѣ явятся къ услугамъ дѣтскій трудъ, а также трудъ бобылей, безсемейныхъ, наконецъ, пришлыхъ рабочихъ. Послѣдствіе такого усиленнаго производства—опять переполненіе рынка и паденіе цѣнъ, т. е. возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ. Впрочемъ, говорить подробно обо всемъ этомъ, равно какъ и о многихъ другихъ возможныхъ здѣсь осложненіяхъ и неудобствахъ, едва-ли предстоитъ надобность, въ виду того, что самое устройство товарныхъ и сырьевыхъ складовъ на государственный счетъ—дѣло почти неосуществимое. Капиталы на это требуются чрезвычайныя, а также громаденъ рискъ убытковъ или даже банкротства. Если государство возьмется устроить и организовать склады, оно должно разсчитать число ихъ не на одинъ какой-нибудь центръ кустарничества, а на нѣсколько десятковъ такихъ центровъ и въ каждомъ центрѣ должно быть устроено нѣсколько складовъ, потому что иначе цѣль устраненія скупщиковъ и кулаковъ рѣшительно не будетъ достигнута. Если складовъ будетъ мало и они, слѣдовательно, будутъ далеко отстоять отъ многихъ кустарей, скупщики, конечно, никогда не переведутся. Но, кромѣ средствъ на устройство складовъ, необходимъ еще громадный капиталъ на приобрѣтеніе оптомъ сырого матеріала, и на выдачу кустарямъ части стоимости представленныхъ ими издѣлій, впродъ до продажи ихъ; безъ этого ни одинъ кустарь, кромѣ развѣ болѣе зажиточныхъ, не отдастъ своихъ издѣлій въ складъ, а збудетъ ихъ первому скупщику, лишь-бы тотчасъ получить деньги. Необходимо также принять въ разсчетъ возможность борьбы съ торговцами и съ крупными скупщиками кустарныхъ произведеній; на первое время съ ними придется имѣть дѣло товарнымъ складамъ, и если послѣдніе не будутъ располагать настолько значительными капиталами, чтобы выжидать цѣнъ,—вся эта благожелательная затѣя приведетъ только въ громаднымъ убыткамъ. Нѣчто подобное уже было съ тверской артелью кузнецовъ, которая раздавлена была стачкой нижегородскихъ скупщиковъ. Объ

этомъ рассказываетъ г. Борисовъ... Многочисленнымъ скупщикамъ съ громадными капиталами ничего не стоило произвести спекуляцію въ центрѣ сбыта товаровъ на нижегородской ярмаркѣ и поставить членовъ артели продать вывезенный ими товаръ по цѣнѣ значительно ниже той, по которой продавали тотъ-же самъ товаръ, даже низшаго качества, скупщики (Тр. Ком., вып. К. 2290). Между скупщиками не мало миллионеровъ, и въ совокупности они, конечно, составятъ страшную силу, съ которой легко бороться. Если принять все это во вниманіе, то спрашивается, какимъ капиталомъ должно государство располагать въ самомъ началѣ предпріятія? Высчитать, вочто обойдется устройство нѣсколькихъ сотенъ товарныхъ и сырьевыхъ складовъ, конечно, затруднительно, но несомнѣнно, что это будетъ стоить немалыхъ денегъ. По расчету г. Андреева, предсѣдателя кустарной коммисіи, число всѣхъ кустарей доходитъ до 7.500,000 человѣкъ, а производятъ они, считая по 200 р. на человѣка, всего на 1,500,000,000 р. въ годъ. Цифра эта значительно ниже дѣйствительной, такъ какъ при расчетѣ не приняты во вниманіе многія мѣстности съ весьма развитымъ кустарнымъ производствомъ, напр. Сибирь, и даже нѣкоторыя изъ центральныхъ губерній европейской Россіи. Но допустимъ, что валовое производство кустарей оцѣнено въ 1.500.000,000 р., такъ что за одинъ мѣсяць оно составитъ сумму въ 125.000,000 р. Въ проектахъ устройства товарныхъ складовъ обыкновенно предполагается выдавать кустарямъ 85 — 80% стоимости товара, а остальное удерживать до окончательной продажи его. Слѣдовательно, въ самомъ началѣ предпріятія нуженъ капиталъ въ 100.000,000 р.; при этомъ, конечно, безразлично, будетъ-ли вся эта сумма выдаваться деньгами, или-же и деньгами и частью сырымъ матеріаломъ, какъ это проектируется нѣкоторыми. Въ послѣднемъ случаѣ складу придется самому затратить изъ этихъ 100 миллионъ известную часть на приобрѣтеніе сыраго матеріала. Эти 100 миллионъ будутъ достаточны лишь въ томъ только случаѣ, если весь принятый складомъ товаръ будетъ проданъ тотчасъ-же, въ теченіи того мѣсяца, въ который товаръ поступилъ въ складъ; иначе, сверхъ 100 миллионъ, необходимы добавочныя суммы, для того, чтобы не прерывать операций. Нельзя не предвидѣть также и возможности стачки крупныхъ торговцевъ и скупщиковъ; тогда сбытъ товара будетъ, конечно, сильно замедленъ, и сумму во 100 миллионъ придется увеличить въ 3, въ 5 разъ, или-же продать въ убытокъ и ликвидировать предпріятіе въ самомъ-же началѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, организація товарныхъ и сырьевыхъ

складовъ съ помощью кредита есть дѣло непосильное современному государству, несбыточное, даже фантастическое, а, самое главное, какъ пояснено выше, — дѣло весьма сомнительной полезности.

Независимо отъ всего сказаннаго, слѣдуетъ замѣтить, что вообще бороться, при устроении экономическаго быта кустарей, съ скупщиками и даже съ конкуренціей фабрикъ и не предпринимать ничего другого, кромѣ устройства складовъ или организациі кредита—задача пустая; на это не стоитъ тратить пороха. Склады и кредитъ не только сами по себѣ не достигаютъ цѣли и практически неосуществимы, пока только ими ограничивается все дѣло, но они выставляются противъ такихъ причинъ, которыя имѣютъ самое побочное второстепенное значеніе въ сравненіи съ послѣднимъ изъ выше перечисленныхъ нами факторовъ экономическаго разстройства кустарей, — въ сравненіи съ ихъ умственной неразвитостью, съ отсутствіемъ между ними духа солидарности, и ассоціаціонныхъ стремленій. На это обстоятельство у насъ обыкновенно не обращалось и не обращается никакого вниманія, между тѣмъ, какъ въ этомъ-то и заключается важнѣйшая отличительная черта нашего рабочаго вопроса и здѣсь-же находится точка, къ которой должна быть приложена всякая сила, направленная къ его рѣшенію. Значеніе этой нашей печальной особенности настолько велико, что она совершенно парализуетъ ту, повидимому, выгодную общую постановку нашего рабочаго вопроса, о которой часто говорится въ печати. Дѣло въ томъ, что на Западѣ уже совершилось полное порабощеніе труда капиталомъ, рабочій тамъ наемникъ, которому не принадлежатъ орудія труда, между тѣмъ, какъ положеніе нашихъ кустарей какъ будто иное, такъ какъ у нихъ въ одномъ лицѣ соединяются производитель и капиталистъ, рабочій и хозяинъ. Преимущество это, однако, въ значительной мѣрѣ номинальное, ибо фактически зависимость нашихъ кустарей отъ капитала (скупщиковъ и торговцевъ) громадна и общезвѣстна; нашъ кустарь на дѣлѣ является несамостоятельнымъ производителемъ, а такимъ-же наемнымъ рабочимъ капиталиста, какъ и фабричный рабочій. Но разница здѣсь, конечно, есть: кустарю все-таки принадлежатъ орудія труда, и вотъ это-то обстоятельство и дѣлаетъ задачу разрѣшенія нашего рабочаго вопроса чрезвычайно заманчивой, но только, — увы, вслѣдствіе вышеуказанной причины, — отнюдь не болѣе легкой, чѣмъ на Западѣ. Одинъ изъ изслѣдователей кустарныхъ промысловъ, г. Борисовъ, развивая разные проекты относительно поддержанія этихъ промысловъ, говоритъ, между прочимъ: «затѣмъ, при увеличеніи производительности труда кустарей, когда они поймутъ и сознаютъ, что это

будетъ зависѣть отъ взаимной ихъ самостоятельности, когда они соединятся въ группы, заведутъ у себя по деревнямъ станки, дѣйствующіе конною, водяною или паровою силою, тогда мелкая промышленность очень долго еще будетъ бороться съ капиталистическимъ, фабричнымъ способомъ производства разныхъ издѣлій» («Труды ком. по изслѣд. куст. пром.» Вып. IX, стр. 2289). Когда все это случится такъ, какъ сказано у г. Борисова, тогда, безъ сомнѣнія, нашъ рабочій вопросъ сильно подвинется къ своему рѣшенію, тогда уже не будетъ, собственно, и борьбы кустарной промышленности съ фабричнымъ производствомъ, потому что она сама обратится въ фабричную и несомнѣнно восторжествуетъ надъ нынѣшней формой единолично-предпринимательскаго капитализма. Но когда все это случится и что для этого нужно преимущественно, главнымъ образомъ? Г. Борисовъ можетъ, конечно, сказать, что нужно и то и другое, нуженъ развитый ассоціаціонный духъ и нужны машины или средства для ихъ пріобрѣтенія, но вопросъ можно поставить еще въ другой формѣ: лишеніе чего менѣе убѣточно для рабочихъ, менѣе отдаляетъ отъ нихъ возможность лучшаго будущаго? Кажется, сомнѣній не можетъ быть на этотъ счетъ. Наши кустари лишены ассоціаціоннаго духа и не имѣютъ средствъ для пріобрѣтенія машинъ и цѣлесообразныхъ орудій труда; западные рабочіе точно также не имѣютъ средствъ для пріобрѣтенія машинъ, но зато соціальное единеніе дѣлаетъ между ними громадныя успѣхи, и это одно обстоятельство ставитъ рабочихъ Запада въ неизмѣримо лучшее положеніе, чѣмъ въ какомъ находятся наши кустари съ ихъ номинальнымъ преимуществомъ владѣнія орудіями труда. У насъ обыкновенно полагаютъ, что первая задача, представляющаяся при устройствѣ экономическаго быта нашихъ кустарей, состоитъ въ томъ, чтобы дать имъ въ руки цѣлесообразныя орудія труда, чтобы введеніемъ машиннаго производства защитить кустарей отъ конкуренціи фабрикъ и вообще доставить этимъ кустарной промышленности всѣ выгоды фабричнаго производства. Положимъ, что на помощь въ этомъ случаѣ могъ-бы явиться льготный государственный кредитъ, хотя, замѣтимъ, дѣло организаціи такого кредита, обыкновенно считающееся самой подходящей и легкой функціей политики государственнаго вмѣшательства, на практикѣ представляетъ непреодолимыя трудности для всякаго современнаго государства, а нашего въ особенности. Но допустимъ, что такой кредитъ возможенъ, что-же дальше? Дальше, конечно, оказалось-бы что-нибудь одно изъ двухъ: или кредитъ этотъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать правильному рѣшенію рабочаго вопроса, способствовалъ-бы болѣе быстрому росту

капитализма, или-же вовсе былъ-бы непримѣнимъ къ дѣлу. Если-бы кредитъ оказывался не исключительно группамъ совмѣстно работающихъ кустарей, а вообще всякимъ кустарямъ (подобно тому, какъ и организованный нынѣ поземельный кредитъ доступенъ не однимъ сельскимъ обществамъ, но вообще крестьянамъ), то, конечно, онъ далъ-бы только средство среднимъ кустарнымъ мастерскимъ расширить свое производство и обратиться въ крупныя, а мелкимъ мастерскимъ въ среднія, т. е. другими словами, кредитъ этотъ прямо велъ-бы къ уничтоженію домашняго кустарнаго производства и къ развитію капиталистическаго. Если-же кредитомъ будутъ пользоваться только ассоціаціи кустарей, то вѣдь нужно еще образовать эти ассоціаціи, нужно то, къ чему мы неспособны и что не можетъ быть дано никакимъ кредитомъ, никакими обычными мѣрами государственнаго вмѣшательства. Именно по этой-то части мы съ своимъ кустарничествомъ никуда не годимся и далеко должны уступить Западу, гдѣ въ рабочемъ населеніи уже успѣлъ окрѣпнуть духъ солидарности и развилось пониманіе своего соціального значенія, благодаря воспитательному вліянію печати и руководительству интеллигентныхъ людей труда — этихъ естественныхъ представителей рабочаго класса. Соціальная неразвитость нашихъ кустарей есть фактъ, извѣстный всѣмъ, близко знакомымъ съ кустарнымъ дѣломъ, онъ составляетъ общее мѣсто во всѣхъ относящихся сюда изслѣдованіяхъ. То самое сельское населеніе, которое въ сферѣ земледѣлія проявляетъ еще общинныя привычки, дѣлается неузнаваемымъ въ кустарной промышленности. Общность здѣсь сразу обрывается и замѣняется глубокой разъединенностью; во всѣхъ дѣйствіяхъ начинаютъ преобладать антисоціальныя побужденія, мотивы личнаго эгоизма. Всякій замыкается въ самомъ себѣ; а взаимныя сношенія проявляются подставленіемъ ножекъ другъ другу и охраненіемъ себя отъ посягательствъ сосѣда. При такихъ условіяхъ становится понятнымъ и представляется совершенно невиннымъ такой фактъ, что если напримѣръ кустарю удастся ввести какое-нибудь узнанное имъ или имъ самимъ выдуманное техническое приспособленіе, то онъ держитъ его въ глубокомъ секретѣ отъ своихъ сосѣдей кустарей. До чего въ этомъ случаѣ доходятъ кустари, можно судить изъ любопытнаго разсказа г. Ягодинскаго о производствѣ мѣдныхъ и желѣзныхъ полотень въ селѣ Безводномъ Нижегородскаго уѣзда. Замѣчательно то, говорить г. Ягодинскій, что жители Безводнаго до сихъ поръ (т. е. лѣтъ 25?) тщательно скрываютъ свое мастерство отъ сосѣднихъ крестьянъ. Не одинъ разъ они пытались сдѣлать приговоръ въ волостномъ правленіи, чтобы передавшаго это мастерство въ

другое селеніе *подвергать наказанію* (!); такъ какъ этой формальности имъ не удалось достигнуть, то приговоръ какъ-бы нравственно тяготѣетъ на каждомъ изъ нихъ, въ силу чего *они не выдаютъ своихъ дочерей за жемиковъ соседнихъ деревень и, насколько возможно, не берутъ оттуда дѣвушекъ въ замужество*. Замѣна ручныхъ воротовъ въ желѣзно-тягольныхъ заведеніяхъ конными воротами принадлежитъ мѣстному крестьянину М. С. Бурачкину и относится къ 1850 году. Въ началѣ и онъ работу производилъ *при запертыхъ дверяхъ и закрытыхъ окнахъ, однако же нѣсколько смѣльчаковъ, разломавши крышу его заведенія, рѣшились усвоили себѣ технику его ворота, тѣмъ болѣе, что она не сложна*. (Труды Ком. Вып. IX, стр. 2404). Такие факты храненія про себя разныхъ усовершенствованій весьма нерѣдки въ кустарной промышленности; конечно, это можетъ объясняться бѣдностью тяжкими матеріальными условіями кустарей, но тѣмъ не менѣе антисоціальныи смыслъ этихъ фактовъ остается во всей силѣ. Взаимная конкуренція между кустарями также общезвѣстна: объ артеляхъ у нихъ нѣтъ и помину; даже временныя товарищества для закупки сообща сырыхъ матеріаловъ составляютъ рѣдкость. Кулаки и скупщики зачастую выходятъ изъ самихъ-же кустарей, и это именно и есть самые ловкіе дѣльцы и эксплуататоры. «Если кто-нибудь,—говоритъ г. Борисовъ,—при случайныхъ, счастливо сложившихся обстоятельствахъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ кустарей, то онъ прямо переходитъ въ разрядъ скупщиковъ или заказчиковъ, а зная отлично положеніе той отрасли промышленности, которой онъ занимается, еще лучше бываетъ въ состояніи пользоваться нуждою своихъ бывшихъ собратій—малыхъ кустарей» (ib., стр. 2284). И далѣе, г. Борисовъ разсказываетъ, что среди нѣсколькихъ зажиточныхъ кустарей, съ которыми ему приходилось, говоритъ объ ихъ производствѣ, «нельзя было не замѣтить стремленія всѣми силами улучшить свое благосостояніе на счетъ тѣхъ кустарей, которые еще не достигли такого благосостоянія, какое они имѣютъ» (ib., стр. 2285). Это стремленіе эксплуатировать другъ друга настолько обычное явленіе у кустарей, что оно должно считаться серьезнымъ препятствіемъ къ передачѣ организованныхъ государствомъ сырьевыхъ и товарныхъ складовъ въ руки самихъ кустарей. Г. Борисовъ полагаетъ, что если дѣло складовъ будетъ предоставлено самимъ кустарямъ, то большинство послѣднихъ будетъ покупать матеріалы по дешевой цѣнѣ и перепродавать ихъ менѣе обезпеченнымъ кустарямъ по возвышенной цѣнѣ, такъ что склады не будутъ достигать своей конечной цѣли, подобно тому, какъ не достигаютъ вполне своей

цѣли и ссудосберегательныя товарищества» (ib.). Впрочемъ, г. Борисовъ предлагаетъ государству вести дѣло складовъ лишь на первое время, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи передать его самому обществу кустарей. Но, спрашивается, откуда *впослѣдствіи* у кустарей возьмется способность вести это дѣло, если ея нѣтъ *теперь*? Безъ всякаго сомнѣнія, развить это умѣнье вполне возможно и непременно должно, но какимъ путемъ, что для этого необходимо?

Прежде, чѣмъ задаваться такимъ вопросомъ, слѣдуетъ признать справедливость и понять чрезвычайную важность указываемаго нами факта соціальной неразвитости нашего рабочаго класса. Конечно, слащавое народолюбіе, разбучившееся смотрѣть правдѣ въ глаза, готово отвергнуть это указаніе, какъ напраслину или преувеличеніе. У насъ давно уже народники извѣстнаго пошиба избрали себѣ благую часть: восхвалять народъ во что-бы то ни стало и преклоняться передъ нимъ; въ этомъ они находятъ лучшее оправданіе своей пассивности. Признаютъ-ли они въ душѣ или нѣтъ существованіе пятенъ на томъ солнцѣ, которымъ является для нихъ народъ, это совершенно безразлично, но открыто, на словахъ они никогда не допускаютъ въ народѣ настолько важныхъ недостатковъ, чтобы можно было придти отъ этого въ безпокойство и задаться серьезнымъ желаніемъ устраненія этихъ недостатковъ. И теперь, разумѣется, можно ожидать, что все сказанное нами о соціальной неразвитости народа будетъ сочтено этими народниками за вымыселъ. «А общинный духъ народа, — скажутъ они — его безграничное уваженіе къ міру, широкое развитіе артельного начала». Съ грубо-фактической стороны это дѣйствительно такъ: въ народѣ есть и общинный духъ, и уваженіе къ міру, и артельное начало. Но пора-же, наконецъ, признать, что все это лишь стихійные атрибуты народнаго духа, неповрежденные остатки его первобытнаго состоянія, все это свойства доставшіяся народу такъ сказать даромъ, безъ всякой борьбы и усилій съ его стороны. Земледѣльческое населеніе сохраняетъ общинныя привычки, потому-что оно искони жило общиной и иначе жить *не умѣетъ*, но этого стихійнаго неумѣнья слишкомъ мало, необходимо еще *сознательное нежеланіе* жить иначе, чѣмъ оно живетъ. Только при этомъ условіи можно не бояться за общинный духъ, въ противномъ-же случаѣ онъ не имѣетъ цѣны, и за самую прочность и долговѣчность его едвали можно поручиться. Стихійность нашего общиннаго духа всего лучше доказывается тѣмъ, что онъ сохраняется теперь лишь въ той формѣ, въ какой онъ перешелъ къ намъ съ незапамятныхъ временъ; къ какому дѣлу

онъ былъ приуроченъ издревле. притомъ онъ и остался и дальше не пошелъ. Общинная солидарность съ давнихъ поръ прилѣплась, такъ сказать, къ земледѣльческой промышленности, и теперь эта солидарность сохраняется въ сельскомъ населеніи только въ сферѣ землевладѣнія, и притомъ сохраняется лишь настолько, насколько нынѣшнія условія экономической жизни сходны съ прежними, давнишними; въ той мѣрѣ, въ какой нынѣшнія условія измѣнились сравнительно съ прежними, измѣнился и общинный духъ, поблѣднѣлъ и сталъ скорѣе мертвой, бездушной формой, чѣмъ живымъ началомъ, проникающимъ существо народа. Многія условія прежней жизни исчезли, явились, вмѣсто ихъ новыя, и параллельно этому, общинный духъ, выбитый изъ колеи проложенной колеей и, по своей стихійности, неспособный возродиться въ новой обстановкѣ (потому-что для этого нужна сознательная работа духа), начинаетъ хирѣть. Совершенно тоже самое можно сказать и объ отсутствіи социальнаго единенія между кустарями. Въ отдаленныя времена общинная солидарность не практиковалась въ сферѣ ремесленной промышленности, потому-что промышленность эта была въ зародышѣ, и въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, въ разившейся въ новѣйшее время кустарной промышленности, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ взаимной солидарности между крестьянами. Слѣдовъ этихъ нѣтъ и не могло быть, потому-что стихійность въ этомъ случаѣ не имѣла мѣста и не помогла. Прежде всего, однако, необходимо, признавъ фактъ социальной неразвитости нашихъ кустерей, понять, что онъ является самой главной помѣхой для правильнаго рѣшенія нашего рабочаго вопроса и что, слѣдовательно, противъ него, главнѣйшимъ образомъ, должны быть направлены всѣ наши усилія помочь трудящимся классамъ. Все, что въ этихъ видахъ будетъ сдѣлано для общаго образованія и социальнаго развитія народа, для облегченія его интеллигентнымъ представителямъ возможности трудиться въ этомъ направленіи, будетъ несравненио плодотворнѣе и важнѣе всякихъ мѣропріятій, навязываемыхъ политикѣ государственнаго вмѣшательства ея приверженцами.

Б. Ленскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Основаніе философіи какъ спеціальной науки. II. Милославскаго. Томъ I. Казань, 1883 г.

Очень ошибется тотъ, кто, повѣривъ заглавію этой книги, будетъ думать, что встрѣтитъ — не говоримъ уже новую спеціальную науку — а вообще какую-бы то ни было науку. О наукѣ, правда, въ книгѣ очень много разговоровъ: имена дѣятелей науки и научной философіи, такъ-же какъ и заглавія ихъ сочиненій, попадаются на каждомъ шагу, но самой науки при наитщательнѣйшихъ поискахъ все-же таки не оказывается. Подъ именемъ науки читателямъ преподносится старая, престарая метафизика, крѣпко склонная къ мистицизму и невольно заставляющая насъ представлять себѣ самымъ страннымъ образомъ переряженную схоластику съ знаменитымъ девизомъ ея *philosophia theologiae ancilla*. Подъ «наукою» авторъ разумѣетъ разговоры на научныя темы, веденныя будто-бы на научный ладъ, съ избыткомъ научныхъ терминовъ и всевозможной научной внѣшности. Въ концѣ концовъ вся эта псевдо-научная элюкбрація приводитъ къ старымъ метафизическимъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ и выставляется какъ истинная задача философіи, яко-бы превращенной въ спеціальную науку. Оправданіе этому неожиданному исходу столь долгихъ усилій авторъ находитъ въ томъ, что вопросы эти издревле-де входятъ въ содержаніе философіи (ст. 424). И этого резона, повидимому, для него довольно. Затѣмъ ужъ начинаются мало вразумительныя толки объ «относительномъ» познаніи «безотносительнаго», наполняющіе метафизическія пустоты книги точно такъ-же, какъ то совершилось и въ первомъ сочиненіи автора «Типы современной философской мысли въ Германіи», вышедшемъ въ свѣтъ года четыре тому назадъ. Вліяніе философскаго критицизма не коснулось автора; онъ принялъ его къ свѣдѣнію лишь настолько, насколько нужно было пополнить книгу громкими именами и извѣстными заглавіями сочиненій, а

затѣмъ все у него осталось на мѣстѣ, какъ было заведено въ древле, и все объявляется обстоящимъ благополучно.

Вся книга г. Милославскаго есть одно цѣльное недоразумѣніе, если только оно чисто отъ передержекъ. Такъ или иначе, въ разладѣ между ея содержаніемъ и внѣшней показною стороною производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Знаки почтенія его къ научному познанію не знаютъ границъ: онъ любитъ науку, онъ спитъ и видитъ ея преуспѣяніе, онъ печалуется ея несовершенствами (стр. 212), онъ не перестаетъ никогда терять изъ виду, что въ научно-философскомъ изслѣдованіи подлежитъ идти не отъ конечныхъ философскихъ предположеній, а отъ общенаучныхъ болѣе или менѣе твердо установленныхъ положеній (стр. 333). Въ кого онъ всѣмъ этимъ благоудивить хочетъ? Еще не успѣлъ онъ дойти до поученья, какъ, извиваясь между жалкихъ словъ, провозглашаетъ уже мысль о невозможности полноты и законченности научнаго познанія, а затѣмъ уже мы стоимъ лицомъ къ лицу съ идеаломъ желаемой полной законченности, съ конечною цѣлью философіи — познаніемъ абсолюта (стр. 425), и будто-бы обязуемся дать свое согласіе на то, что все это не представляетъ ничто предвзятаго относительно предѣловъ человѣческаго знанія, не зависитъ ни отъ одной изъ существующихъ философскихъ теорій познанія и бытія, а (пойми кто можетъ!) прямо опредѣляется дѣйствительнымъ порядкомъ и объемомъ наличнаго человѣческаго познанія, въ которомъ философія имѣетъ, или должна занять, свое мѣсто (стр. 426).

Такъ разрѣшается у г. Милославскаго главный, основной вопросъ. Все остальное не лучше. На каждомъ шагу приходится спрашивать: недоразумѣніе-ли это или передержка? Такъ, говоря о предметѣ новой науки — философіи, авторъ мечтаетъ, что предметомъ этимъ должны быть всѣ вообще явленія познанія (гл. VI), или, иначе говоря, философія должна стать познаніемъ познанія не теоріей познанія, какъ можно-бы думать, но какимъ-то конгломератомъ знанія, заимствовавшимъ свои составныя части изъ теорій познанія, психологіи, логики, исторіи философіи и т. д. Въ силу чего эти повадерганныя отовсюду части сольются въ одно цѣлое и составятъ новую «спеціальную» науку — остается неяснымъ, а между тѣмъ для полученія возможности поставить вопросъ такимъ образомъ авторъ долженъ былъ установить принципиальную возможность «познавать познаніе» въ томъ смыслѣ, какой ему угодно было дать этому выраженію, и для этой цѣли посвятить цѣлый отдѣлъ V главы полемики съ Карломъ Герингомъ и др. — полемика неосновательной и странной. Авторъ ведетъ ее такъ,

будто-бы Герингъ отрицаетъ самое основаніе теоріи познанія, что совершенно невѣрно; самъ-же авторъ весьма грубо смѣшиваетъ изученіе процесса познанія съ воспроизведеніемъ представленій. Ссылаясь при этомъ на новыхъ англійскихъ психологовъ, онъ впадаетъ тѣмъ болѣе въ грубую ошибку, что психологи эти могутъ только опровергнуть, а не подтвердить его. Достаточно обратить вниманіе лишь на то, что различіе между «presentation» и «representation» — всего лучше передаваемое терминами «представленіе» и «воспредставленіе» — слишкомъ ярко указываютъ на опредѣленность значенія воспроизведенія представленій и нисколько не стоятъ въ противорѣчій съ воззрѣніями Геринга. Самъ авторъ впрочемъ, не замѣчая сдѣланнаго имъ смѣшенія, употребляетъ выраженіе «воспроизведенія представленій» (стр. 248) и безсознательно опровергаетъ самого себя. Полемика съ Герингомъ имѣетъ еще и ту невыгодную для г. Милославскаго сторону, что онъ вольно или невольно обходитъ вопросъ о самосознаніи и «я», въ связи съ которымъ идетъ у нѣмецкаго писателя разсужденіе о невозможности «представлять представленіе», не подвергаетъ критикѣ «теорію знанія», въ которой вопросъ этотъ разсматривается, и окольнымъ путемъ старается добраться до идеи своей фантастической спеціальной науки, склеенной изъ обломковъ различныхъ областей знанія. Тщетность этой попытки могъ-бы замѣтить и самъ авторъ на первыхъ-же шагахъ этой фиктивной науки. Разсматривая «концептивныя ощущенія» (стр. 249—292), онъ могъ-бы замѣтить, что вопросъ этотъ есть вопросъ чисто психологическій и что разсматривать его внѣ связи съ его фізіологическими основаніями значить вдаваться въ пустое занятіе. Но г. Милославскій ничего этого не видитъ или не желаетъ видѣть и громоздитъ одну фантазію на другой, серьезно воображая что дѣлаетъ дѣло.

Намъ остается прибавить ко всему вышесказанному только то, что новое произведеніе г. Милославскаго не блещетъ полнотою свѣдѣній о литературѣ вопроса и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже перваго сочиненія автора, написаннаго за-границей. Изложеніе не отличается ни простотою, ни ясностью, и въ послѣднемъ итогѣ можно сказать, что новая мистическая метафизика нашего автора могла-бы съ пользою для автора и для публики остаться безъ опубликованія. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ себѣ представить, кому нужны эти безхарактерныя половинчатыя мысли и вся эта тусклая и расплывчатая философія.

Это именно и есть характеръ капитала, его основное свойство отличающее его отъ другихъ элементовъ общественности: *роль труда!* (271) Мы враги всякаго насилія и никакъ не доктринеры. Говоримъ свое мнѣніе, выясняемъ взглядъ, а никакъ не полагаемъ, что фанатизмъ и изуверство могутъ совпадать съ разумомъ, сознаніемъ и свободою. Однимъ словомъ, правило аристократовъ и благородства соблюдается нами вполне: живи и давай жить (276). Это говоритъ одинъ изъ самыхъ незамѣчательныхъ вельможъ того времени, посвятившій себя исключительно разврату и отнюдь не принадлежавшій «къ сей стаѣ славной екатерининскихъ флюговъ»: какова-же должна быть глубина идей и изящество языка у Потемкина, Орловыхъ, Румянцова и т. д.! Такова «вѣрность жизни» и «вѣрность исторіи» г. Шардина. Въ сферѣ «психологическаго анализа» авторъ не менѣе изумителенъ. У гр. Л. Н. Тарстаго онъ вычиталъ что дѣйствія людей, единичныя и массивныя, часто бываютъ полусознательны, стихійны, фатальны и вотъ онъ превращаетъ своего героя въ какого-то лунатика, который совершаетъ свои подвиги «совершенно машинально». «Не думая и совершенно машинально, онъ вспомнилъ какъ въ Заѣпинѣ игрывалъ въ лапту и городки, ударилъ рупоромъ по шайбшей гранатѣ, и та полетѣла заборть.—Увидѣвъ штыкъ противъ своей груди, онъ тоже машинально, выстрѣлилъ прямо передъ собой изъ пистолета.—Тожe не сознавая того, что дѣлаетъ, а совершенно машинально онъ вбѣжалъ на ютъ, оборотилъ фалконетъ и приложилъ фитиль» (134—135). Въ этомъ и состоитъ «психологическій анализъ» г. Шардина. Его персонажи бродятъ какъ осеннія мухи, подвиги свои совершаютъ точно съ просоновою и все это называется психологическимъ анализомъ! Въ характеристикахъ историческихъ дѣятелей г. Шардинъ не далеко ушелъ—если только ушелъ—отъ дрянныхъ учебниковъ исторіи, въ которыхъ господствуетъ, если такъ можно выразиться, ярлычный, выѣсочный способъ характеристизованія: Биронъ—«жестокъ», Остерманъ—«пронырливъ», Минихъ—«отваженъ», Ушаковъ—«свирѣпъ», Лестоковъ—«хитеръ» и пр. и пр. Романисты, подобные г. Шардину, завѣряютъ почтеннѣйшую публику, что, изготовляя свои романы, они имѣютъ въ виду распространеніе историческихъ познаній, что они такъ сказать популяризируютъ науку исторіи и т. п. Смѣемъ завѣрить гг. Шардина и К°, что они глубоко заблуждаются—если только они говорятъ въ свои собственные слова, если завѣренія ихъ серьезныя и искренныя. Историческіе скандалы, историческія сплетни, историческіе слухи—еще не исторія. Между тѣмъ наши историческіе романы въ очевидномъ расчетѣ на дурныя инстинкты и не-

развитой вкус своей публики, только объ этих дебошах и думаютъ, рассказываютъ о нихъ съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой. Бѣдные люди, они очевидно сознаютъ всю недостаточность своихъ ресурсовъ, отсутствіе въ себѣ того умѣнья находить интересъ въ вещахъ неяркихъ и несложныхъ, которымъ обладаютъ настоящіе художники какъ гр. Толстой. Они правы: чтобы напр. они сдѣлали съ прозаической фигурой какого-нибудь Каратаева? Безъ кровопролитій и костоломствъ исторіи имъ было-бы нечего сказать, не о чемъ писать.

Въ области практической философіи. И. Скворцова. Спб. 1883 г.

Г. Скворцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ удобныхъ писателей, которые своими выходками характеризуютъ себя гораздо лучше нежели это можетъ сдѣлать какой-бы то ни было рецензентъ. Говорить о такихъ писателяхъ нѣтъ надобности: достаточно предоставить читателю ихъ выслушать. Спорить съ ними нѣтъ нужды. довольно дать имъ свободу разсуждать, чтобы они тутъ-же запутались въ противорѣчійхъ. Мы не можемъ отказать г. Скворцову въ одномъ только: въ мужествѣ и даже въ нѣкоторомъ самоотверженіи, съ какимъ онъ ведетъ борьбу противъ разныхъ «измовъ» — пессимизма, матерьялизма и т. д. Съ голыми кулаками и въ чемъ мать родила онъ идетъ противъ цѣлыхъ крѣпостей, надъ уврѣпленіемъ которыхъ трудились поколѣнія людей, изъ которыхъ каждый по меньшей мѣрѣ стоитъ подлужины гг. Скворцовыхъ. Это-ли не храбрость?

Книжка г. Скворцова распадается на двѣ части: отрицательную и положительную. Въ первой части авторъ ведетъ атаку противъ матерьялизма и гартмановскаго пессимизма, во второй онъ водружаетъ знамя *своего* нравственнаго и общественнаго идеала. Съ матерьялизмомъ г. Скворцовъ борется не на научной почвѣ, какъ оно бы слѣдовало, а на политической, что, конечно, гораздо удобнѣе. Книжка начинается такимъ вступленіемъ: «Печальныя событія послѣдняго времени невольнo приковываютъ къ себѣ вниманіе всѣхъ. Герои пожаровъ и взрывовъ, поборники динамита и револьвера, возбуждая всеобщее негодованіе своими поступками, заставляютъ ихъ недоумѣвать, въ какой средѣ, подъ какими вліяніями воспитались эти злодѣи, на какой почвѣ возросло это ядовитое зелье. Не рѣдкость встрѣтить мнѣніе, что всѣ безумныя дѣла современныхъ революціонеровъ—нечто иное, какъ плодъ

душевнаго разстройства, вслѣдствіе какой-то повальной эпидеміи безумія, охватившей фанатиковъ социализма. Между тѣмъ съ внимательнѣе вглядѣться въ существо социализма, то не удастся открыть его истинный источникъ. Онъ—дитя современнаго матеріализма, логическое развитіе его идей и примѣненія къ практикѣ. Напрасно отрекаются иные матеріалисты отъ связи съ социалистами и говорятъ объ ихъ злодѣяніяхъ съ лицемернымъ ужасомъ. Напрасно одинъ изъ столповъ и родоначальниковъ матеріализма настоящаго времени—Молешоттъ, какъ бы въ печальныя послѣдствія отъ усвоенія идей матеріализма, говоритъ что онъ презираетъ тѣхъ людей, которые обижаютъ другихъ—это противно человѣчеству, что для потребностей человѣческаго рода не нужно потворства страстямъ и т. д. Не то скажутъ матеріалисты, если-бы попытались уяснить себѣ и другимъ существенныя послѣдствія своихъ теорій».

Какъ видите, ходъ мысли г. Скворцова довольно оригиналенъ. Онъ выходитъ изъ положенія, которое можетъ быть и вѣрно и можетъ быть совсѣмъ не вѣрно, но во всякомъ случаѣ никакъ быть предварительно доказано. Социализмъ, говоритъ г. Скворцовъ, ужасный моветонъ; а такъ какъ онъ—родное дѣтище, материальскій результатъ матерьялизма, то и послѣдній, значитъ, тоже моветонъ. Г. Скворцовъ, ваше «такъ какъ» снито бѣлыми нитями и оттого вся сѣть вашихъ умозаклученій расплывается какъ паутина. Научный матерьялизмъ—произведеніе лубаваго Западной ситець. Научный матерьялизмъ—произведеніе лубаваго Западной Молешоттъ, на котораго ссылается г. Скворцовъ,—нѣмецъ, тоже такъ какъ и Бюхнеръ, о которомъ г. Скворцовъ тоже ссылается. Франція и Англія равнымъ образомъ считаютъ въ рядъ своихъ научныхъ дѣятелей не мало матерьялистовъ и однакъ же о «повальной научной эпидеміяхъ безумія» тамъ что-то не слышно. Какъ полагаютъ объ этомъ г. Скворцовъ?

Пессимизму достается отъ автора даже еще больше, нежели матерьялизму. Мы не чувствуемъ ни малѣйшей охоты записать пессимизмъ отъ нападокъ г. Скворцова, но не можемъ не записать слѣдующаго. Г. Скворцовъ говоритъ, между прочимъ: «мы имѣемъ дѣло уже не съ людьми и не съ безумцами даже, а съ какими-то бѣшеными собаками, которыя не вѣдаютъ ни страха ни сожалѣнія, для которыхъ не страшны мѣрны строгости, и убѣдительно послабленія. Это какава-то то эпидемія безумства, охватившая незрѣлыя головы и въ Европѣ и у насъ». Подлинно, есть отъ чего въ отчаяніе придти всѣмъ благомыслящимъ людямъ...» (57).

Прекрасно. Но если «есть отъ чего въ отчаяніе придти всѣмъ благомыслящимъ людямъ...» (57).

благомыслящимъ людямъ» то съ какой же стати вооружается г. Скворцовъ противъ пессимизма? Вѣдь пессимизмъ есть именно философія отчаянія, законность и естественность котораго г. Скворцовъ самъ только что призналъ. Почему, испытывая постоянно одно и то же чувство, вынося изъ наблюдений надъ жизнью все одно и то же безотрадное впечатлѣніе, — почему не постараться дать ему теоретическую санкцію, не постараться осмыслить и оформить его? Этими вопросами г. Скворцовъ не беспокоитъ себя: ему лишь-бы покрѣпче выbranиться.

Въ чемъ же состоятъ собственные идеалы г. Скворцова? Прежде всего, онъ, «не пессимистъ», не вѣритъ въ возможность счастья на землѣ. Онъ говоритъ: «ставить счастье цѣлью жизни и цѣлью воспитанія, значитъ питать человѣка иллюзіями, создавать ему фиктивную цѣль въ жизни и прямо вредную цѣль въ воспитаніи, потому что она заставляетъ человѣка истощать свои силы въ погонѣ за призраками и съ самыхъ раннихъ поръ ставить его на ложную дорогу» (81). И въ другомъ мѣстѣ: «полагать счастье цѣлью жизни значило-бы возлагать на человѣка задачу не по силамъ. Цѣль жизни не внѣ ея, тѣмъ болѣе не въ томъ, что совершенно не можетъ быть ею достигнуто, а въ ней самой, въ предѣлахъ болѣе или менѣе доступныхъ для человѣка» (92). Пусть однако-же, читатель не смущается этими мрачными и безнадежными афоризмами: г. Скворцовъ не такъ страшенъ, какъ кажется, и если онъ отрицаетъ возможность счастья, то опять-таки только потому что сбился и спутался въ понятіяхъ. Дѣло въ томъ, что понятіе «счастья» онъ отождествляетъ съ понятіями «удовольствія» и «наслажденія», въ самомъ низменномъ значеніи этихъ терминовъ, и справедливо, хотя ни, къ селу ни городу, доказываетъ что постоянно наслаждаться нельзя, что за всякимъ не умѣреннымъ наслажденіемъ слѣдуетъ пресыщеніе и т. д. Съ кѣмъ спорить, съ какими мельницами воюетъ г. Скворцовъ — понять мудрено. Какъ какую-то новинку, онъ выдвигаетъ впередъ идею «труда», въ которомъ усматриваетъ назначеніе человѣка, равно какъ и его «счастіе». Не странно-ли это: одинъ изъ элементовъ счастья — трудъ — поставляется на мѣсто своего цѣлаго и г. Скворцовъ наивно воображаете, что, съузивши такимъ образомъ задачу, онъ рѣшилъ ее! «Трудъ» — очень хорошо. Ну, а отдыхъ отъ труда? Вѣдь если нельзя вѣчно наслаждаться и сибаритствовать, то не менѣе невозможно и непрерывно трудиться.

Еще одно замѣчаніе. Отождествивъ трудъ со счастіемъ г. Скворцовъ идеаломъ жизни человѣка поставляетъ «безпредѣльное развитіе силъ его души» (109). Ничего не имѣемъ противъ этого иде-

ада. Но тутъ можетъ представиться такого рода практическoe соображеніе: какъ быть человѣку въ томъ случаѣ, если онъ не находитъ въ жизни простора для «безпредѣльнаго развитія» души? Что дѣлать ему съ условіями, которыя становятся перекъ этого развитія? То-то, г. Севорцовъ! Браниться не такъ трудно разсудить дѣло по справедливости.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Трудно-ли писать нынче «Внутреннія обозрѣнія». — Смотрѣ печати на похоронахъ Тургенева и литературное «никодимство». — Каковы политическіе нравы нашей печати. — Три ея группы. — Двойственность и непослѣдовательность печати либеральной — Законъ обособляющій печать. — Возникающая изъ этого роль ея, какъ представительницы только общественныхъ интересовъ. — Невозможность удержаться въ обособленномъ положеніи и возникающая изъ этого ненормальность отношеній формы жизни и души жизни.

На похоронахъ Тургенева одна знакомая мнѣ говоритъ: «я думаю, что нынче трудно писать внутреннія обозрѣнія». А когда же было легко и что значить трудно?

Любопытный фактъ: у насъ нѣтъ политической жизни, а между тѣмъ мы выработали у себя политическую печать. Самая плохая газетка, и та считаетъ себя «органомъ», носителницей какойнибудь политической истины, представительницей извѣстной политической системы. Такимъ образомъ, не создавъ еще себѣ политической жизни, мы уже стали думать въ политическомъ направленіи. Это сдѣлалось, конечно, не вдругъ, да и теперь продолжается не безъ промаховъ. Но интересная сторона политиканства извѣстной части нашей печати не въ промахахъ, а въ ея «никодимствѣ». Политика для насъ, во всякомъ случаѣ, «тайное» ученіе и потому — большинство или не большинство газетъ, не въ счетъ дѣло, а въ фактъ — подѣ «кровомъ ночи» думаютъ подобно Никодиму не то, что они говорятъ днемъ. Это замѣчаніе относится и къ нѣкоторымъ большимъ, очень распространеннымъ газетамъ и въ немъ не заключается никакого имъ порицанія. Просто уже установился такой порядокъ, что подобно тому, какъ на похоронахъ Тургенева каждая депутація становилась у своего колышка съ номеромъ, такъ и каждая газета имѣетъ свой разрѣшенный колышекъ, у котораго она хотя и стоитъ, но порывается идти дальше. Никодимство, являющееся простымъ слѣдствіемъ потребности общественной мысли обгонять текущіе факты, сказала даже на похоронахъ Тургенева и во всемъ что говорилось о Тургеневѣ до

и послѣ похоронъ. На похоронахъ Достоевскаго не было ничего подобнаго, потому что съ именемъ Достоевскаго связывались совсѣмъ не тѣ представленія, какія связывались съ именемъ Тургенева. И не лично Тургеневъ, не его «Записки охотника» и не «Отцы и дѣти» служили этому причиной, а скорѣе «то недоразумѣніе», которое придало имени Тургенева характеръ «запретнаго» плода и возбудило во всѣхъ сторожливое чувство. Какая-то трудно объяснимая сдержанность, имѣвшая даже панической характеръ, сковывала всѣмъ ораторамъ уста и каждый какъ будто говорилъ совсѣмъ не то, что онъ думалъ. Г. Бекетовъ прочелъ на могилѣ даже лекцію объ астрономіи. Такимъ образомъ, простые литературные похороны превратились въ «нѣчто», скрывавшее за собой «что-то», и намъ пришлось услышать Никодимовъ не только на могилѣ Тургенева, но и на тургеневскомъ чтеніи и почти во всемъ, что писалось о Тургеневѣ въ газетахъ.

Эта паническая сдержанность выразилась въ процессіи тѣмъ внѣшнимъ самообладаніемъ, которое подало наблюдавшей публикѣ поводъ обвинить лицъ, идущихъ при вѣнкахъ, въ отсутствіи торжественнаго настроенія и въ томъ, что они держали себя не на «высотѣ своей задачи». Внѣшнимъ образомъ обвиненіе пожалуй вѣрно. Очень немногіе—друзья, родные, близкіе—теряли въ Тургеневѣ «человѣка», для большинства-же онъ былъ «идеей» и притомъ именно той идеей, которую каждый хотѣлъ въ немъ видѣть. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Тургеневъ служилъ предлогомъ или поводомъ къ желанію подвести извѣстный умственный итогъ, объяснить идейную сущность не только самаго торжества похоронъ, но и общественно-литературнаго значенія художественной дѣятельности Тургенева. Въ этомъ смыслѣ похороны Тургенева были явленіемъ довольно сложнымъ и сильно возбуждающимъ мысль. Припомните, что говорилось надъ гробомъ Тургенева въ Парижѣ Ренакомъ и Абу, какъ поступилъ Берлинъ, скрывшій провозъ тѣла Тургенева, вспомните наше ничѣмъ не заявившееся желаніе высказаться по поводу «идей», которымъ служилъ Тургеневъ и то, что было сказано «Никодимами», и вы увидите, что похороны Тургенева были какой-то общей мистеріей, никаго не удовлетворившей и ничего не разрѣшившей. У Я. П. Полонскаго, въ его стихотвореніи на смерть Тургенева, есть не дурныя четыре строчки:

Не намъ и не ему сей оніамъ пахучій,
Цвѣты и лавры... Нѣтъ! Пусть эти всѣ цвѣты
Отчизна милая влететь въ свой тернь колючій,
Чтобъ обновить свои надежды и мечты.

Но и этотъ лиризмъ, хотя и общественный, является тоже вопросомъ безъ отвѣта и не даетъ никакого удовлетворенія мысли.

Не смотря, однако, на безмолвность похоронъ Тургенева, ихъ нельзя не отмѣтить, какъ фактъ, неоспоримо заслуживающій вниманія, уже только по тому, что имъ лучше и точнѣ опредѣлились люди и теченія. Наши ультра-охранительные органы не только промолчали о похоронахъ Тургенева, но даже и объ его смерти, и съ ихъ стороны это было вполне послѣдовательно, ибо похороны были совсѣмъ не торжествомъ тѣхъ началъ, которыя-бы стоило защищать охранителямъ. Славянофилы прошли смерть Тургенева тоже молчаніемъ, но по другимъ причинамъ и нельзя сказать, чтобы эти причины были въ состояніи привлечь въ лагерь «Руси» новыхъ сторонниковъ. Въмѣсто того, чтобы отыскивать въ похоронахъ общественный смыслъ, «Русь» воспользовалась ими для похвалы собственной безошибочности. Она привела извѣстный читателю изъ газетъ отзывъ Константина Аксакова о Тургеневѣ, послѣ напечатаннаго послѣднимъ въ «Современникѣ» разсказа «Хоръ и Калинычъ», отзывъ, относившійся къ 1847 году, и затѣмъ надъ всей исторіей послѣдующаго идейнаго и художественнаго развитія Тургенева поставила точку, точно послѣ Константина Аксакова славянофиламъ своего сказать больше нечего. Это нѣсколько семейно, но вовсе не идейно и не общественно.

Иначе отнеслась къ похоронамъ «либеральная» *газетная* печать всѣхъ отбѣнковъ. Начиная маленькой и кончая большой прессой, всѣ видѣли въ похоронахъ Тургенева «нравственное завоеваніе» и наглядное выраженіе сознанія,

....что человѣкъ пера
 Великое свершаетъ дѣло
 На почвѣ высшаго добра;
 Что творческая рѣчь поэта—
 Гражданскій подвигъ; что она—
 Источникъ воздуха и свѣта,
 Что ею движется страна.

(Стих. П. И. Вейнберга, прочит. на Тург. вечерѣ).

Въ глазахъ этой прессы, похороны Тургенева были литературнымъ парадомъ или церемоніальнымъ шествіемъ печати въ качествѣ извѣстной обособленной силы и какъ несомнѣнно существующій факторъ общественнаго развитія, самъ себѣ завоевавшій общественное положеніе. Если это заключеніе не смѣшиваетъ въ «нравственномъ завоеваніи» понятій о политической и общественной роли печати, то пожалуй и можно согласиться, что «нравственное завоеваніе» дѣйствительно существуетъ.

У насъ политической печати нѣтъ и какъ факторъ государ-

ственного управления печать не считается въ числѣ государственныхъ учреждений. Не признанная, какъ политическій органъ, печать является у насъ только терпимой и допускаемой лишь при соизволеніи ея извѣстныхъ указанныхъ ей условій. Но границы терпимости, разъ онѣ допущены, не могутъ быть чѣмъ-то неподвижнымъ и изображать собою каменную стѣну. Поэтому понятно, что при невозможности точнаго разграниченія общественныхъ и политическихъ понятій, заходящихъ одни въ другія, терпимость получаетъ очень эластическія свойства и для политическаго роста печати открыть извѣстный просторъ, которымъ печать всегда пользовалась.

Всю нашу печать можно раздѣлить на три группы. Въ первой группѣ принадлежатъ органы охранительные, т. е. строго придерживающіеся принциповъ и основъ установившейся государственности. Стоящая внѣ всякихъ сомнѣній политическая убѣжденность этихъ органовъ создаетъ имъ обособленное положеніе, изъ самаго существа котораго вытекаетъ и ихъ несомнѣнное политическое значеніе и политическая привилегированность. Стоя на стражѣ власти и существующихъ учреждений, эти органы и должны быть органами исключительно политическими и пользоваться абсолютнымъ просторомъ не только въ мнѣніяхъ, но и въ выборѣ средствъ нападенія и защиты. Такимъ образомъ исключительное политическое направленіе и значеніе охранительныхъ газетъ есть простое слѣдствіе положенія, которое они заняли. Когда это понятно, становятся понятнымъ всѣ послѣдствія положенія и почему органы стоящіе на стражѣ государственности являются ея политическими органами. Мы вдались въ эти разъясненія потому, что бывали не разъ свидѣтелями наивнаго изумленія читателей, которыхъ подавляла сила, энергія и смѣлость охранительной печати.

Ко второй группѣ принадлежитъ печать «либеральная», т. е. всѣ остальные наши газеты. Между ними есть органы болѣе чистоплотные и менѣе чистоплотные, что зависитъ исключительно отъ ихъ послѣдовательности. Либеральные органы по существу избраннаго ими для себя положенія не могутъ отличаться той прямолинейностію, которая характеризуетъ печать охранительную. Эта послѣдняя проводитъ только идеи исключительно политическія, не допуская никакихъ другихъ, тогда какъ либеральные органы стоятъ преимущественно на стражѣ идей общественныхъ. Въ этомъ и причина, что каждая либеральная газета отличается всегда болѣею или меньшею двойственностію, качаясь иногда, какъ маятникъ, между теченіемъ общественнымъ и теченіемъ политически-охранительнымъ. Насколько это качаніе практически опас-

и напоминаетъ положеніе сказочнаго героя, стоящаго на распутии двухъ дорогъ, читателю извѣстно изъ исторіи нашихъ двухъ наиболѣе распространенныхъ газетъ. Недостаточно уравновѣшенное качаніе приводитъ или къ тому, что газета («Голосъ») встрѣчаетъ препятствіе къ своему существованію, или-же газета теряетъ въ общественномъ мнѣніи и для поддержанія себя должна затрачивать гораздо больше таланта, силы, энергіи, находчивости и разнообразія, чѣмъ сколько требуется размѣромъ ея распространенія («Нов. Вр.»). Двойственность положенія либеральныхъ газетъ приводитъ ихъ къ невозможности найти точку для устойчиваго равновѣсія, едвали, правда, для нихъ и возможнаго. Разрабатывая идеи общественнаго порядка, онѣ неизбѣжно должны вступить въ область практической политики и задаваться вопросомъ, насколько общественныя стремленія находятъ свое удовлетвореніе въ дѣйствительности. Подходя такимъ образомъ плотно къ границѣ «терпимаго», они чисто логической неизбѣжностію уводятся дальше своего колышка, а въ случаяхъ, гдѣ не желаютъ нарушить предѣловъ осторожности — думаютъ гораздо дальше, чѣмъ онѣ говорятъ, хотя бывають и такіе случаи, когда онѣ говорятъ дальше, чѣмъ думаютъ. Въ томъ и другомъ случаѣ ихъ искренность является заподозрѣнной, какъ со стороны читателя, интересамъ котораго они хотять, повидимому, служить, такъ и со стороны консервативной печати. Понятно, что ни та, ни другая сторона не можетъ ни уважать подобныхъ органовъ, ни довѣрять имъ. Въ этомъ причина, что охранительные органы—и у насъ и за границей—скорѣе сойдутся съ партіями и органами крайними, чѣмъ съ органами либеральными.

Къ послѣдней группѣ принадлежать нѣкоторыхъ изъ толстыхъ журналовъ. Ихъ положеніе въ идейномъ отношеніи и достаточно опредѣленно и достаточно устойчиво. Это органы исключительно общественнаго интереса.

Въ сущности печать могли-бы выражать вполне газеты двухъ группъ: газеты упомянутого выше журнальнаго направленія и газеты охранительныя, безъ всякаго посредства тѣхъ органовъ, которые изображаютъ собою либеральныя газеты. И весьма вѣроятно, что при извѣстныхъ условіяхъ, это и могло-бы быть такъ, чѣмъ и выразилась-бы желательная логическая послѣдовательность и устранилась-бы либеральная двойственность, которая роняетъ нашу печать и въ глазахъ правительства и въ глазахъ общества. По всѣмъ историческимъ условіямъ, у насъ не можетъ быть той сложности политическихъ и общественныхъ отношеній, какая явилась въ западной Европѣ. Европа пережила массу переходныхъ состояній,

намъ вовсе неизвѣстныхъ. Тамъ былъ, и монархизмъ, и феодализмъ, и городская община, и католицизмъ, и протестантизмъ, и роялизмъ съ его отгѣнками и, наконецъ, бурный финалъ XVIII вѣка; съ его ферментирующими до сихъ поръ послѣдствіями. Мы-же изображаемъ изъ себя страну очень упрощенную, состоящую изъ двухъ коренныхъ элементовъ—централизованной власти и народа, т. е. общей совокупности всѣхъ управляемыхъ. Въ этомъ смыслѣ и наше идейное или печатное представительство могло-бы найти свое вполне достаточное выраженіе съ одной стороны въ органахъ охранительной печати; съ другой—въ органахъ выражающихъ интересы остальной совокупности. Такого положенія предоставлено у насъ печати не было, а сама она создать его себѣ не могла и слѣдствіемъ этого явилось то очень ничтожное воспитательное вліяніе, какое имѣетъ печать на общественное сознаніе.

Если печать есть выразительница нуждъ и желаній общества если она есть «голосъ народа», то роль ея очень опредѣлена: программа проста и ясна; тутъ дорога открытая, прямая и въ сторону сбиваться некуда. Прямолинейность, придающая такую силу и устойчивость охранительной печати, явилась-бы и у остальной. Къ сожалѣнію, наша печать, вслѣдствіе-ли непослѣдовательности или потому, что она недостаточно разъяснила себѣ свои задачи, путается предметъ своего вѣдѣнія. Всѣ наши внутренніе вопросы заключаются въ воздѣйствіи формъ жизни на ея развитіе, поэтому и печать, какъ голосъ общества, должна помнить вотъ что: Шиллеръ говорилъ, что поправлять значитъ вычеркивать, эту же мысль подтверждали историческими фактами Бокль, Прудонъ доказывалъ, что работы отрицанія достанетъ еще на четыреста лѣтъ; заповѣди указываютъ не на то, что дѣлать, а чего не дѣлать; законы у всѣхъ народовъ въ мірѣ перечисляютъ только запрещенныя дѣянія; каждой изъ реформъ предъидущаго царствованія отмѣнялась какая-нибудь несправедливость, или какое-нибудь стѣсненіе; освобожденіемъ крестьянъ только предполагалось улучшеніе быта, а какое оно будетъ—этого никто не могъ ни предвидѣть, ни указать, и только теперь, спустя двадцать лѣтъ, есть возможность опредѣлить направленіе, которое начинаетъ устлавливаться въ бытъ народа и въ нашихъ аграрныхъ и земледѣльческихъ отношеніяхъ; поправка ошибокъ, которыя обваружатся въ теперешнее время, будетъ заключаться опять въ какой-нибудь отмѣнѣ или въ уничтоженіи стѣсненій, положительный-же результатъ будетъ только логическимъ послѣдствіемъ этой отмѣны. По положенію нашей печати никакой другой роли у нея и быть не можетъ; поэтому-то самый сильный и неуязвимый отдѣлъ ея

есть отдѣлъ корреспонденцій, отдѣлъ отрицательныхъ сторонъ нашей внутренней жизни, указаніе на лишенія и страданія, а не на подвиги и доблести, которыя мы обнаруживаемъ въ нашихъ личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Попробуйте завести газету, которая-бы изображала только высокія стороны русской души, проявленіе русскаго ума, рисовала-бы лишь подвиги геройскаго самопожертвованія, картины богатства, изобилія, земнаго счастья! При теперешнемъ положеніи печати и открытыхъ для нея возможностейъ дальше газетныхъ извѣстій, корреспонденцій и всякихъ фактовъ изъ непосредственной жизни общества и народа она ничего не можетъ ни знать, ни видѣть. Самими условіями мѣста, отведеннаго для печати, вполне ясно опредѣляется ея роль представительницы интересовъ населенія и тѣхъ отрицательныхъ сторонъ его жизни, которыя должны быть устранены. Печати никто не давалъ права совѣщательнаго, никто не облакалъ ее компетенціей политической критики, никто не ввѣрялъ ей умственнаго руководительства правительственныхъ лицъ и въ этой чуждой для нея области она можетъ явиться только самозванно. Въ послѣдніе два-три года правительство сдѣлало не мало преобразованій, мелкихъ, отдѣльныхъ, но имѣющихъ очень опредѣленную совокупность, но ни разу печать не была призвана подать свое предварительное мнѣніе. Единственное исключеніе составляютъ проекты министра финансовъ, которые, до приведенія ихъ въ исполненіе, предлагались на публичное обсужденіе компетентныхъ лицъ. Область печати и область правительственной дѣятельности еще никогда не были такъ строго изолированы, какъ нынче, и въ этомъ разграниченіи мы видимъ не только послѣдовательность, но и большой шагъ впередъ въ точномъ разграниченіи правительственныхъ и общественныхъ функцій. Все, что касается установленія внѣшнихъ формъ жизни, ея рамокъ и механизма отношеній правительство безраздѣльно удержало за собою, не допуская въ эту область своей дѣятельности ни совѣщательнаго, ни какого-либо другого голоса печати. Содѣйствіе печати во многихъ случаяхъ считается не только не полезнымъ, но даже вреднымъ, потому что своими, иногда неточными или невѣрными свѣдѣніями и не соответственными толкованіями, она можетъ волновать общественное мнѣніе и мѣшать дѣламъ правительства. Этого-же порядка держалось правительство и въ моментъ освобожденія крестьянъ, когда въ изданіемъ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ было предписано цензурѣ допускать только статьи, не противныя духу и направленію программы, «не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окон-

чательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія». Это распоряженіе послѣдовало въ силу того, что въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, въ которыхъ предлагались не тѣ начала, которыя были указаны для освобожденія правительствомъ. Во время освобожденія печательныя правительству свѣдѣнія проскальзывали легко въ печать, ибо доставлялись нерѣдко самими служащими. Хотя подобныя сообщенія были строго запрещены закономъ, предписывавшимъ хранить канцелярскую тайну, но тѣмъ не менѣе они до послѣднихъ временъ практиковались настолько широко, что наконецъ было признано необходимымъ положить имъ строгій предѣлъ и въ предшествующемъ году послѣдовало не только строгое запрещеніе чиновникамъ сообщать печати распоряженія правительства, но запрещено чиновникамъ всякое сотрудничество въ газетахъ и журнальцахъ изъ чиновниковъ-литераторовъ предложено оставить служить. Но закономъ «не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей». Такимъ образомъ право печати, какъ органа гласности, начинается тогда, когда правительственное мнѣніе выразилось или въ опубликованномъ распоряженіи или законодательнымъ актомъ. Недавно, напримѣръ, въ «Нов. Вр.» была напечатана критическая замѣтка, о предполагаемыхъ преобразованіяхъ въ военно-судной части и вслѣдъ за тѣмъ газета должна была напечатать опроверженіе, присланное ей официально. Опроверженіе явилось потому, что сообщеніе «Нов. Вр.» было не точно, но газетѣ могло-бы быть запрещено печатаніе и вѣрнаго сообщенія и такое запрещеніе было-бы вполне законно, потому что «Н. В.» огласило канцелярскую тайну. Такое же раскрытіе канцелярской тайны совершается теперь опубликованіемъ работъ кахановской комиссіи. Оглашая новія начала мѣстнаго управленія, предполагаемая комиссіей, печать выходитъ изъ компетенціи, указанной ей закономъ. Какъ органъ гласности и общественнаго мнѣнія, печать должна хранить самое строгое молчаніе, пока предположенія и мѣры правительства не выразились въ окончательной формѣ. Голосъ печати допускается только тогда, когда начнется воздѣйствіе новыхъ рамокъ на жизнь и обнаружатся тѣ или другіе результаты этого воздѣйствія. Въ этихъ предѣлахъ права печати могутъ быть очень широкіи.

разрабатывая содержимое жизни, такъ сказать, ея душу, печать не только не нарушаетъ своей компетенціи, а напротивъ вступаетъ въ полныя свои права и пользуется ими тѣмъ совершеннѣе и достойнѣе, чѣмъ выше подъемъ ея критической мысли.

Вотъ фактическій отвѣтъ на вопросъ поставленный вначалѣ хроники. Дѣло не въ томъ, что «трудно», и что «легко», а въ томъ, что «возможно» и что «невозможно»; дѣло въ постоянномъ стремленіи печати отодвинуть невозможное и часть его сдѣлать возможнымъ. Въ этомъ отношеніи никакихъ переменъ въ нашихъ законахъ о печати въ послѣднее время не произошло, а напротивъ они стали выполняться послѣдовательнѣе, чѣмъ прежде и гораздо строже охраняютъ предѣлы невозможнаго. Когда нѣкоторымъ казалось, что похоронами Тургенева выразилось «нравственное завоеваніе» печати, то, конечно, это было только недоразумѣніе. Ни юридически, ни фактически это мнѣніе не подтверждается, въ смыслѣ новыхъ открытыхъ для печати возможностей, а то, что можно назвать «нравственнымъ завоеваніемъ», есть не больше, какъ ростъ печати, который похороны Тургенева дали возможность увидѣть такъ сказать воочию, хотя на похороны прислала свои депутаціи далеко не вся печать, можно даже сказать, что и не большая ея часть. Провинціальныя изданія отсутствовали, кромѣ весьма немногихъ. Петербургскія изданія были не всѣ. Всѣхъ изданій у насъ не меньше 200. а участвовало въ процессіи только около 50-ти. Большинство изображали не печать, а учащіеся и учащіе—учителя, гимназіи, университеты, высшіе курсы, художественныя и музыкальныя общества. Такимъ образомъ это было скорѣе представительство «интелигенціи», чѣмъ печати, лицъ прикосновенныхъ къ печати и литературѣ, а не литераторовъ. Слѣдовательно, смотръ литературныхъ силъ былъ далеко не полный и конечно для рѣшительнаго большинства похороны Тургенева и неимѣли этого значенія. Тутъ выражалась больше почтеніе къ художественному таланту умершаго, подчасъ вполнѣ личное, безъ всякаго общественнаго содержанія, а тѣмъ болѣе какой-либо тенденціи. Доказательствомъ можетъ служить то, что въ процессіи участвовало «общество покровительства животнымъ» и «древній Новгородъ» (1). Но даже и въ этомъ видѣ похороны Тургенева заключали въ себѣ извѣстную полноту, изображали собою извѣстное интеллигентно-литературное представительство, котораго нельзя игнорировать, ибо это фактъ и фактъ далеко не безразличный или ничтожный. Въ Германіи къ литературной профессіи принадлежитъ 22 т. человѣкъ; у насъ конечно такого числа лицъ, принадлежащихъ къ печати, быть не можетъ, но во всякомъ случаѣ число

ихъ заходить за двѣ тысячи, а журнальное и газетное дѣло изображаетъ собою оборотъ въ нѣсколько миллионъ рублѣй. Этотъ почтенный размѣръ газетнаго и журнальнаго дѣла ставитъ ему конечно весьма видное и вліятельное положеніе, даже въ томъ случаѣ, если-бы оно было дѣломъ исключительно денежныхъ; но за нимъ еще стоитъ значеніе умственное, нравственное, общественное. Понятно, что такое двойственное значеніе печати не можетъ не открывать передъ нею возможностей для постояннаго роста и развитія и такъ называемыхъ «нравственныхъ завоеваній», ибо не физическія-же завоеванія производитъ печать. Успѣхъ «нравственныхъ завоеваній» есть собственно успѣхъ количественный. Когда былъ у насъ только Пушкинъ—у насъ была лишь литература; теперь-же явилась печать, а когда вмѣсто 2 писателей и журналистовъ мы будемъ ихъ имѣть, какъ Германия 22 т., конечно и «нравственное завоеваніе» печати будетъ уже настолько фактивно или проблематично, какъ теперь. Это, конечно, будетъ и той порой, когда голосъ печати пріобрѣтетъ болѣе фактическое значеніе во внутренней политикѣ.

Настоящее положеніе печати нельзя считать нормальнымъ. Ея роль напоминаетъ нѣсколько тѣхъ писцовъ или ярыжекъ, которые въ московской Руси строчили просьбы и жалобы для владыкъ «худыхъ людишекъ». Учинилась какая-либо бѣда, случилась несправедливость, волокита, обида—и печать строчить «слезную жалобу», взываетъ къ заступничеству и справедливости. Такого по крайней мѣрѣ въ строго легальномъ смыслѣ политическое право печати. Но такъ какъ сохранить строго эти предѣлы невозможно, то и возникаютъ изъ этого цѣлый рядъ непослѣдовательностей, недоразумѣній и шероховатостей.

Вотъ, напримѣръ, извѣстное читателю изъ газетъ дѣло Перфильева. Дѣло это не только не новое, но даже можно сказать старое. Растрата производилась цѣлый рядъ годовъ и въ высшемъ центральномъ органѣ управленія раскрылись передъ судомъ такіе порядки, которые-бы не могли быть терпимы въ волостномъ управленіи. Говорятъ, что со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ графа Лорисъ-Меликова, безпорядки эти были уничтожены. Г. Перфильевъ понесъ кару и правосудіе съ нимъ покончило. Но общественное мнѣніе не можетъ-же успокоиться только на уголовномъ финалѣ этого очень сложнаго факта, ибо онъ не заключаетъ въ себѣ никакого ручательства, что исчезли съ удаленіемъ Перфильева и причины, создавшія возможность его преступности. Таковъ логическій ходъ общественной мысли, которая не можетъ успокоиться на одномъ уголовномъ удовлетвореніи: ей нужно

удовлетвореніе гражданское и притомъ такое удовлетвореніе, которое имѣло бы не частный, а общій характеръ, устраняло-бы возможность для повторенія подобныхъ ненормальныхъ явленій въ сферѣ вообще общественныхъ отношеній. Если разсматривать проступокъ Перфильева, какъ единичное и случайное явленіе, то онъ становится фактомъ чисто моральнымъ; и только возможность обобщенія сообщаетъ ему значеніе. А возможность обобщенія несомнѣнна. Не знаемъ чѣмъ кончилась «исторія» въ козловскомъ пріютѣ; но вотъ какъ она была рассказана въ началѣ нынѣшняго года, въ «Голосѣ». Козловскій пріютъ былъ основанъ въ 1865 году. Въ то время городъ Козловъ переживалъ бѣдственное время: подвергаясь опустошительнымъ пожарамъ (пожаромъ, въ 1865 году, онъ былъ уничтоженъ до основанія), повальнымъ эпидеміямъ, онъ представлялъ самый жалкій образецъ захолустнаго уѣзднаго городка. Бѣдность жителей была ужасна. Но и въ то печальное время находились люди, которые посвящали всю свою жизнь, заботы и даже матеріальныя средства городу. Къ числу такихъ благотворителей принадлежалъ Н. Т. К—ій, человекъ богатый, поставившій себѣ цѣлью жизни добра дѣла. Въ 1862 г. онъ началъ постройку въ Козловѣ пріюта и при немъ церкви, и черезъ три года помѣщеніе пріюта было окончено, такъ что въ 1865 г. уже начали стекаться призрѣваемые. Для содержанія пріюта и на церковныя расходы, вообще на все, былъ пожертвованъ г. К—мъ особый капиталъ въ 50,000 р. который, вмѣстѣ съ пожертвованіями другихъ лицъ, возросъ до суммы болѣе 100,000 р., и былъ положенъ въ учрежденный, въ томъ-же году, городской общественный банкъ. Съ этого капитала пріютъ долженъ былъ получать процентовъ 12,000 р. ежегодно, которыми покрывались всѣ расходы по пріюту въ избыткѣ. Расходование всѣхъ суммъ, а равно и управленіе всѣмъ пріютомъ и церковью было возложено непосредственно на попечителя пріюта. Съ тѣхъ поръ прошло вотъ уже восемнадцать лѣтъ и, въ продолженіе этого времени, ни разу нога контролера не побывала въ стѣнахъ этого богоугоднаго учрежденія. Что тамъ дѣлалось, какіе были порядки и какъ жили и содержались призрѣваемые—одному гольку Богу извѣстно; все было шито-крыто. Но... вотъ, недавно, въ глухихъ стѣнахъ пріюта совершилось нѣчто необычайное, привлекая вниманіе властей: отравляется фосфоромъ десятилѣтняя дѣвочка. Этотъ случай неожиданно раскрываетъ глаза публики, которая въ концѣ-концовъ узнала всѣ ужасы, творившіеся въ пріютѣ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ совершенно безнаказанно. На допросѣ 119 свидѣтелей (49 дѣвочекъ, 45 старухъ,

15 стариковъ и 10 мальчиковъ), всё въ одинъ голосъ и со слезами на глазахъ заявили, что они содержатся хуже чѣмъ нищѣ: ѣдят самую плохую пищу, и если имѣютъ обувь и одежду, то благодаря лишь тому только, что приобрѣтаютъ ихъ своимъ трудомъ (швейцарскою рукодельемъ и т. п.). Одежда-же и обувь, которая выдается въ приютскимъ начальствомъ на два года, изнашивается въ годъ. Сверхъ того, въ приютѣ заведены невыносимыя строгости и терпѣли отъ попечителя приюта. На вопросъ, почему они въ это время не заявляли объ этомъ кому слѣдуетъ, получился отвѣтъ: «мы молчали объ этомъ изъ боязни, думая, что за это еще насъ смѣнятъ, а если не смѣнятъ, то, значить, онъ будетъ терпѣть насъ еще больше. А, главное, заставляли насъ молчать отъ попечителя».

«Вскорѣ послѣ этого нагрянула въ приютъ ревизія. Снова начались допросы и снова тѣ-же раздрающія души показанія. Это происходитъ въ присутствіи попечителя, котораго уже въ показаніи призраваемыхъ приводятъ въ бѣшенство. Когда допрашивающіе обращались къ нему съ вопросомъ, не можетъ-ли онъ хоть что-нибудь опровергнуть изъ показываемаго, онъ молча старательно кивалъ головою и во все время даже не пытался что-нибудь сказать въ свое оправданіе. Допросъ уже началъ приближаться къ концу, какъ вдругъ кому-то пришла въ голову мысль провѣрить: тождественно-ли будетъ количество выдававшихся попечителемъ платья и проч. призраваемымъ съ количествомъ, которое предписывалось ему инструкціей. Это подозрѣніе навело ревизію на слѣдъ новыхъ утаекъ. Оказалось, что бѣлья, полушубки, чулковъ, сапогъ, верхней одежды и т. п. выдавалось какъ разъ вдвое меньше, чѣмъ предписывалось, а между тѣмъ, въ расходѣ показано полное количество. Призраваемые объяснили, что объ этомъ мошенничествѣ они до сихъ поръ совсѣмъ не знали и не могли знать, потому что имъ не было извѣстно содержаніе инструкціи. Этимъ допросъ и кончился. Когда, въ послѣдній разъ предложили попечителю сказать что-нибудь въ свое оправданіе онъ объяснилъ слѣдующее: «Дѣйствительно, я сознаю, что я и ступалъ нехорошо по отношенію къ призраваемымъ; что вѣдь я имъ платья вдвое меньше, чѣмъ слѣдовало-бы; скудно держалъ и т. п.—это правда; но я... я, все-таки, не пользуюсь ничуть тѣми деньгами, которыя могли остаться отъ этой выгоды въ доказательство я могу представить хранящіяся у меня тѣ отъ всѣхъ 3,000 руб. экономіи»... За 18 лѣтъ только 3,000 р. экономіи!

Совершенно-ли точно передаетъ корреспондентъ этотъ фактъ

не особенно важно, если фактъ вѣренъ въ своей основѣ. Но основа факта ужасна и въ моральномъ отношеніи оставляетъ далеко за собою поведеніе г. Перфильева. Обирались прямо, непосредственно бѣдняки, грабились нищѣ—и все это систематическое бездушіе свершалось, какъ нѣчто цѣльное, организованное, въ которомъ попечитель являлся лишь орудіемъ какой-то внѣшней воли. Изъ показанія попечителя видно, что онъ самъ не больше, какъ жертва, надъ которой точно неустрашимый грозный рокъ тяготѣла какая-то нирвана. Вѣдь это канва для драмы, для цѣлаго общественнаго романа! Но, въ сожалѣнію, между нашими «художниками» романистами, очень чуткими къ вѣяніямъ и теченіямъ, еще не народился Диккенсъ и наши знаменитые романисты воспитывали общественное мнѣніе только на художественныхъ «пустячкахъ». Что-же въ самомъ дѣлѣ тутъ дѣлать, какая роль выпадаетъ на долю печати, останавливаться-ли ей лишь на установленіи однихъ голыхъ фактовъ, или логическимъ путемъ доходить до послѣдняго, крайняго вывода. «Рус. Вѣд.» и «Новости», обзуждая дѣло Перфильева, усматриваютъ корень и причину его въ «недостаткахъ существующаго порядка привлеченія къ суду за преступленія по должности».

Но, что это за уголовная постановка вопроса и при чемъ тутъ судъ? Ну пускай судъ явился-бы тремя годами раньше, т. е. сейчасъ-же какъ только деньги были взяты Перфильевымъ. Фактъ значитъ все-таки-бы совершился. Вопросъ вѣдь не въ томъ, чтобы отдать подъ судъ, а въ томъ, чтобы не являлось поводовъ отдавать подъ судъ, чтобы были невозможны такіа роковыя сплетенія отношеній, которыя заставляли попечителя козловскаго пріюта грабить нищихъ. Что за причины, напримѣръ, что тамбовское земство, по словамъ «Новостей», «не рѣшалось для разъясненія вопроса сѣйствовать прямо и открыто, а пошло въ своемъ правомъ дѣлѣ, какъ сказать, окольнымъ путемъ неофициальной переписки»? Центръ тяжести разрѣшенія лежитъ, конечно, въ этой постановкѣ, не въ уголовной.

Есть явленія подлежащія уголовной ловимости и есть сложныя общія явленія, уголовнымъ путемъ совсѣмъ неувимыя. Когда полицейскій служитель Куркинъ ограбилъ въ Хвалынскѣ вухъ крестьянъ—это былъ личный, частный случай; когда подобный-же петербургскій полицейскій повѣсилъ свою жену—это случай тоже частный, какъ и масса тѣхъ преступленій противъ личности, которыя караетъ каждый день уголовный судъ. Они конечно, мѣютъ глубокое значеніе для моралиста, но въ большинствѣ случаевъ составляютъ явленія изъ того сложнаго психическаго міра,

который остается еще загадкой. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ для общества важна не психологія, а чтобы людямъ, подобнымъ Куркину, не вѣрилось охраненіе общественной безопасности и чтобы эти люди немедленно-же удалились, что и дѣлается. Или въ концѣ прошлаго года на границѣ двухъ смежныхъ участковъ Шинсбургскаго и Охтенскаго, усмотрѣнъ былъ окровавленный, лежавшій на землѣ, умирающій человѣкъ и такъ какъ онъ лежалъ на границѣ двухъ участковъ, то между полицейскими возникъ споръ кому принять мѣры относительно умирающаго человѣка. Споръ въ которомъ приняли участіе мѣстные пристава, длился двѣнадцать сутокъ а лежавшій на злосчастной границѣ окровавленный человѣкъ успѣлъ умереть. Этотъ фактъ не остался безъ вниманія съ стороны прокурорскаго надзора и вызвалъ слѣдствіе, длившееся около полугода. Покойный былъ ремесленникъ, проживавшій въ Малой Охтѣ и ходившій работать въ монастырь св. Кирилла. Въ день происшествія онъ получилъ изъ монастыря заработную плату и къ вечеру былъ усмотрѣнъ едва дышащимъ, окровавленнымъ на границѣ указанныхъ двухъ участковъ, а на завтра мертвою. По докладѣ объ этомъ дѣлѣ петербургскому оберъ-полицеймейстеру, имъ было сдѣлано распоряженіе арестовать одного изъ приставовъ означенныхъ участковъ на гауптвахтѣ на 17 дней за непріятіе своевременныхъ мѣръ.

Здѣсь общество совершенно удовлетворено мѣрой, принятой оберъ-полицеймейстеромъ. Но вотъ, на примѣръ, изъ Трубоческа пишутъ въ «Орловскій Вѣстникъ», что крестьяне этого уѣзда, чѣмъ сколько-нибудь поправитъ свое крайне затруднительное положеніе въ послѣдніе 2—3 года прибѣгали къ той мѣрѣ, которая практиковалась во многихъ другихъ мѣстахъ, къ переселенію на какія-то далекія вольныя земли. Двухлѣтняя практика этой мѣры показала, что пользы отъ нея мало: ушедшіе нигдѣ обтѣванной земли гдѣ жилось-бы легче, не нашли, а оставшіеся продолжаютъ бѣсѣдовать не меньше прежняго. Съ весны нынѣшняго года нуждающіеся въ землѣ крестьяне, обратились къ новой мѣрѣ улучшенія своего положенія: крестьянскія общины, одна за другой, приступили къ передѣлу между собою земли, думая, что можетъ быть удасться подѣлить такъ, что всѣмъ земли будетъ достаточно. Старшины и старосты, подбирая по своему сходки, добились желаемыхъ результатовъ и начали рѣзать землю по наличному числу душъ, причемъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ, къ которымъ власти благоволили войти въ счетъ какія-то никому невѣдомыя, до сихъ поръ, непадавшія души. При новомъ передѣлѣ земли большинство крестьянъ оказалось въ худшемъ положеніи, чѣмъ были въ послѣдніе

лѣтъ при старомъ, и потому въ нѣкоторыхъ деревняхъ число недовольныхъ значительно возрасло: одни крестьяне желаютъ владѣть землею по старому, другіе — по новому передѣлу. Присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ и квартиры уѣздныхъ властей ежедневно осаждаются громадными толпами крестьянъ, которые просятъ войти въ ихъ положеніе и какъ-нибудь помочь имъ.

Здѣсь повидимому въ наличности и уголовная уловимость, но вы чувствуете что имѣете дѣло не съ какимъ-нибудь Куркинымъ а съ очень сложнымъ явленіемъ, къ которому вовсе и незачѣмъ приступать съ уголовными приемами.

Или слѣдующая исторія, рассказанная въ «Нов. Вр.»: Въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, есть большое село Бело-Омутъ, принадлежавшее помѣщикамъ Огаревымъ. Въ 1840 году крестьяне этого села были отпущены ихъ владѣльцемъ на волю съ землею, на условіи, чтобы бѣлоомутцы пользовались землею на общинныхъ началахъ, а луговую землю дѣлили на участки, по числу семействъ.

Бѣло-омутцы получили громаднѣйшій лѣсъ, представляющій въ настоящее время цѣнность, равняющуюся почти миллиону рублей, и кромѣ того большіе заливные луга, приносящіе довольно большой доходъ. Лѣсомъ пользуются такъ: если кому-либо изъ бѣло-омутцевъ нужно сдѣлать постройку или что-либо исправить въ хозяйствѣ, то нуждающійся обращается на сходѣ къ «міру» и заявляетъ объ этомъ. Когда просьба признана уважительной, ему выдается ярлыкъ, по которому онъ и получаетъ нужное ему количество бревенъ. Дровами пользуются всѣ безвозмездно, запрещается только вывозить ихъ на продажу.

Что казалось-бы могло быть лучше положенія бѣлоомутцевъ; но однако случилось вотъ что. Лѣсъ бѣлоомутцамъ служить только подспорьемъ, а ренты не даетъ; пашни у нихъ нѣтъ, а луговое хозяйство и торговлю сѣномъ они считали дѣломъ на столько не устойчивымъ, что стали искать заработка внѣ села. Бѣлоомутцевъ можно встрѣтить теперь въ Сибири, въ Петербургѣ, въ Астрахани, а въ Москвѣ почти на каждой улицѣ основался бѣлоомутецъ въ видѣ хозяина роскошнаго магазина, лавки, трактира или портерной. Въ родномъ-же селѣ остался только «старъ, младъ, немощенъ и неспособенъ», да кучка кулаковъ и кабатчиковъ. Вотъ эти-то мѣстные финансисты и устроили у себя такое управленіе, что хотъ бѣги вонъ. Подъ предлогомъ взыскаія за недоимки они стали отбирать участки общинной земли, обращая ихъ будто-бы въ общественную собственность. Дѣлалось это сельскими старостами безъ разрѣшенія сельскаго схода. Бядняки было вздумали протестовать

но сила оказалась, конечно, на сторонѣ финансистовъ и они сразу въ короткое время успѣли отобрать до 200 участковъ и сдали ихъ въ аренду своимъ друзьямъ. По мѣрѣ того, какъ вкусы финансистовъ развивались, они становились смѣлѣе и не только за недоимку, въ какіе-нибудь десятки рублей, отбирали участки въ 400—500 руб., но стали отбирать участки и отсутствующихъ, иногда вовсе неподозрѣвавшихъ, что за ними скрывается недоимка. Но вотъ, наконецъ, мѣра терпѣнія переполнилась и по заявленію трехъ крестьянъ былъ созванъ въ 1880 г. сельскій сходъ, на которомъ и рѣшено единогласно возвращать всѣ отобранныя земли ихъ прежнимъ владѣльцамъ, такъ какъ числившіяся за неисправными платильщиками недоимки были давно погашены доходами, получавшимися съ самовольно занятой земли.

Но финансисты вовсе не думали уступить такъ скоро участки которые ихъ кормили; чтобы не выпустить ихъ изъ рукъ и затануть дѣлу, сельскій староста предложилъ избрать комиссію, которая-бы привела въ извѣстность площадь отобранной земли и сумму недоимокъ. Сходъ, разумѣется, согласился, избрали комиссію, которая по примѣру вообще всѣхъ комиссій, и по днесѣ не приступила къ дѣлу, если-бы противная партія не обнаружилъ особенной энергіи.

Крестьяне Щукинъ, Банниковъ, Морозовъ и Куренинъ подали въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе жалобу и крестьянское присутствіе, черезъ 11 мѣсяцевъ послѣ получения жалобы, послало въ Вѣлоомуть члена присутствія, г. Лихонина, для разслѣдованія дѣла. При изслѣдованіи обнаружилось, между прочимъ, что со Щукина перебрано 1,264 р. 60 к., съ Балинова—329 р. 5 к., съ Морозова—532 р. 43 к., и съ Куренина—559 р. 32 к. Если только съ четырехъ лицъ, за 10 участковъ, перебрано 2,705 р. 40 к., то столько-же перебрано со всѣхъ 200 участковъ!

Чѣмъ-же все это кончилось? А вотъ чѣмъ. Членъ зарайскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, г. Лихонинъ, сообщаетъ корреспонденту, горячо взялся за это дѣло и, одолевъ почти всѣ торжанный трудъ приведенія въ порядокъ дѣлъ и на отысканіе далеко запрятанныхъ концовъ разныхъ темныхъ дѣлъ, представилъ обстоятельный докладъ присутствію; между тѣмъ переполнившаяся темная клика не дремала: на г. Лихонина полетѣли доносы, въ которыхъ его обвиняли и въ превышенія власти, и въ оскорбленіи должностныхъ лицъ во время исполненія ими служебныхъ обязанностей, и во многомъ другомъ. Въ концѣ-концовъ г. Лихонинъ, за свое честное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу,

получилъ много непріятностей и чуть-ли не вынужденъ былъ подать въ отставку.

«Съ тѣхъ поръ дѣло такъ и заглохло: пробовали бѣло-омутцы дѣйствовать и черезъ повѣреннаго, старались и сами добиться чего-нибудь, но все напрасно; всѣ ихъ попытки и справедливыя требованія остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Между тѣмъ Разуваевы только посмѣиваются и еще болѣе прижимаютъ тѣхъ, кто вздумалъ идти противъ ихъ начальническихъ дѣйствій. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что все это происходитъ «недалеко» отъ Москвы».

Злостный намекъ на близость Москвы корреспондентъ сдѣлалъ, конечно, только для того, чтобы изобличить собственную наивность. Собственно Москва тутъ ни при чемъ, тутъ важно то, что авторъ зоветъ «близостью». «Близость» изображаетъ у насъ цѣлую практическую философію, она есть одно изъ слѣдствій того субъективизма, который проникаетъ всю нашу жизнь. Въдъ и кулачество тоже «близость», т. е. возможность по личнымъ отношеніямъ обдѣлывать личныя дѣла. Разрѣшить вопросъ о «близости», значитъ разрѣшить большинство нашихъ дѣлъ и внутреннихъ недоразумѣній. Вотъ хотя такой фактъ, сообщаемый «Русск. Вѣд.» изъ Кишинева: «Въ селеніи Братушаняхъ, Яскаго уѣзда, проживаетъ еврей Лейзеръ Битманъ; онъ арендуетъ тамъ у г. Кузьминскаго землю и хуторъ и занимается хозяйствомъ. Въ концѣ прошлаго марта, чрезъ мѣстнаго сельскаго старосту, вдругъ потребовалъ его къ себѣ въ станovou квартиру, въ мѣстечко Рышканову, приставъ 2-го стана, г. Зыковъ, и тамъ, на другой день по приѣздѣ туда Битмана, арестовалъ его, а затѣмъ подѣ конвоемъ отправилъ его въ гор. Бѣльцы. Въ Бѣльцахъ, мѣстный исправникъ заключилъ Битмана въ тюрьму, а отсюда, черезъ 8 дней его, закованнаго въ ручники, этапнымъ порядкомъ отправили въ сорокскій острогъ; изъ гор. Сорокъ заставили его путешествовать въ Подольскую губернію, въ Ямполь и, наконецъ, въ мѣстечко Дзыковку, къ приставу 1-го стана. Битманъ, не совершившій никакого преступленія, все время странствованій по тюрьмамъ и этапамъ, рѣшительно не могъ повѣять, за что все это надъ нимъ продѣлываютъ; но вотъ въ Дзыковкѣ дѣло объяснилось: здѣсь ему объявили, что приставъ Зыковъ его прислалъ сюда... по ошибкѣ, ибо отъ г. Зыкова требовали высылки не его, Битмана, ни въ чемъ не повиннаго, а конокрадовъ, евреевъ: Абрама Ельмана и Іося Розенберга, а потому приставъ мѣстечка Дзыковки, сдѣлавъ на паспортѣ Битмана надпись, что паспортъ ему явленъ, освободилъ арестованнаго. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Печать, имѣя дѣло съ подобными фактами и, такъ сказать подавленная ихъ массою и повторяемостію, не могла оставаться только на ихъ констатированіи и по закону неустрашимой логической послѣдовательности дѣлала имъ обобщенія и возводила ихъ къ причинамъ. Но являясь чисто разсудочной, логической силой, она не ограничивалась своей настоящей ролью, и по неразумнѣйшій дѣлала очень крупную ошибку, въ которую впадал преимущественно «внутренніе обозрѣватели». Нѣкоторые изъ нихъ составили себѣ репутаціи большой серьезности и дѣльности и дали имъ отдать справедливость, что для составленія себѣ такой репутаціи они тратили не мало силъ, труда, знанія и административной проницательности. Къ сожалѣнію, обозрѣватели ошибались относительно размѣровъ своего воздѣйствія. Нашъ правительственный механизмъ составляетъ вполне законченное и сложившееся цѣлое, въ которомъ нѣтъ мѣста для «внутреннихъ обозрѣвателей». Во всякомъ случаѣ «внутренніе обозрѣватели», думавшіе, что они пишутъ для назиданія директоровъ департаментовъ, министровъ и членовъ государственнаго совѣта, впадали въ немалую ошибку. И со стороны правительства игнорированіе печати было впадло послѣдовательно, тогда какъ печать, самими своими недомыслиями и неизбѣжной робкою сдержанностію своихъ совѣтовъ убѣждала, что она становится не на свое мѣсто и вступаетъ въ свою роль.

Рядъ фактовъ того-же ряда, который привлекалъ къ себѣ вниманіе печати и вызывалъ ея указанія на необходимость перемѣнъ, но доведенный до правительственнаго сознанія путемъ и средствами правительственныхъ органовъ, закончился назначеніемъ такъ называемой Кохановской комиссіи, на которую было возложено составленіе проекта мѣстнаго управленія. Назначая комиссію правительство имѣло въ виду измѣнить на столько механизмъ губернскаго управленія и придать ему такую стройность и единство, чтобы управленіе губерніями шло въ строгомъ порядкѣ и болѣе не повторялось той ненормальности и шероховатости, которыя вызывали столько справедливыхъ жалобъ и неудовольствій. Комиссія эта учреждена указомъ 6 ноября 1881 года и до сих поръ еще не окончила возложеннаго на нее порученія. По принятому правительствомъ порядку, свѣдѣнія о занятіяхъ комиссіи не проникали въ печать, и только время отъ времени проскакивали о ней самыя общія извѣстія, изъ которыхъ можно было заключить только, что комиссія существуетъ. Но нынѣшнее сообщеніе свѣдѣнія стали не только подробнѣе, а явились даже указанными на число составленныхъ комиссіей проектовъ и даже на ихъ со-

держаніе. Свѣдѣнія эти оказывались иногда не только не точными, но даже неправдивыми и въ этомъ случаѣ нельзя не удивляться поспѣшности печати, ради которой нѣкоторые изъ ея органовъ, желая дѣлиться съ своими читателями «свѣжими новостями» приносили въ жертву погонѣ за новостями свое достоинство. Молчать было-бы пристойнѣе, чѣмъ говорить только для того, чтобы вызывать опроверженія. И въ сей моментъ, когда явились въ печати подробности проекта, газеты, помѣщающія ихъ у себя, продолжаютъ прежнюю непослѣдовательность. Такъ «Новое Время», знакомя своихъ читателей съ проектомъ кахановской комиссіи, замѣчаетъ, что «проектъ не только не утвержденъ, но и не выработанъ окончательно, а потому въ немъ важнѣе не детали, могущія измѣниться еще сто разъ, прежде чѣмъ онъ обратятся въ законъ, а именно общія положенія реформы, какъ проявленіе принципа законодательной комиссіи, ея взгляда на власть и жизнь государства». Руководствуясь этими принципами «Н. В.» представляетъ своимъ читателямъ общій контуръ проекта «опускающая частности, не задаваясь изложеніемъ мелкихъ подробностей и отлагая критику проекта до другого раза». Но какая-же возможна критика, если прежде всего «Н. В.», пользуясь негласными источниками помѣщаетъ о проектѣ такія свѣдѣнія, которыя имѣютъ лишь характеръ слуховъ, можетъ быть и вѣрныхъ, но все-таки слуховъ. Что-же это будетъ критика слуховъ? Если «Новое Время» органъ охранительный, то критика для него невозможна, если-же органъ не охранительный, то она еще менѣе возможно и газета можетъ сѣсть между двумя стульями.

Въ томъ видѣ, въ какомъ сообщаетъ «Н. В.» о проектѣ кахановской комиссіи, онъ представляетъ собою вполне законченную и цѣльную систему правительственнаго мѣстнаго механизма, который долженъ вмѣстить въ себѣ всю жизнь внутренней Россіи. Это строго и послѣдовательно обдуманная точная рамка, гдѣ каждому органу власти отведено свое мѣсто и всѣ отдѣльныя, частныя нити сходятся въ одномъ мѣстномъ центрѣ, связуящемъ все однимъ общимъ единствомъ.

Основной ячейкой или первой государственно-общественной единицей проектъ устанавливаетъ (создаетъ) «всесословное селеніе». «Селеніе» составляютъ всѣ крестьяне данной деревни, съ ихъ надѣльными и благопріобрѣтенными землями, и лица, имѣющія въ селеніи прочную осѣдлость. Поселки, имѣющіе менѣе 25 дворовъ, не могутъ составлять самостоятельнаго селенія, а входятъ въ составъ того «селенія», къ которому они пожелаютъ принадлежать. Органовъ управленія для селеній два—староста и

сходъ. Староста лицо выборное. Онъ избирается изъ любого слова. на два года, и единственный для него цензъ, чтобы былъ «по возможности изъ числа грамотныхъ». Староста — сборщикъ податей, исполнитель рѣшеній сходовъ, управляетъ всѣми имѣніями и капиталами селеній и низшая инстанція волостнаго начальства.

Сельскій сходъ составляется изъ всѣхъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста, неопороченныхъ по суду и проживающихъ въ селеніи не менѣе 2-хъ лѣтъ. На сходѣ предсѣдательствуетъ специально выбранное для того лицо. Сходъ вѣдаетъ лишь гражданскую, административную и финансовую жизнь селенія; въ сферѣ судебныхъ обязанностей ему не предоставлено.

Полнымъ особнякомъ отъ «селенія» стоитъ крестьянская сельская община, какъ экономическій союзъ крестьянъ, владеющихъ землей или на общинномъ правѣ, или на подворномъ, но на основаніи одной и той-же уставной грамоты.

Выше селенія стоитъ «волость». Волость не есть юридическое лицо и не имѣетъ собственности, но она есть административный центръ, олицетворяющійся въ своемъ представительствѣ — «волостель». Волостель избирается изъ лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ не менѣе 25 лѣтъ, принадлежащихъ къ числу осѣдлыхъ жителей губерніи и владеющихъ дипломомъ средняго учебнаго заведенія. Избраніе волостеля и нѣсколькихъ кандидатовъ на эту должность отправляется на утверженіе въ губернію. Волостель и его помощники — чиновники государства, получаютъ чины и служатъ на государственную службу. Волостель есть исполнительный органъ земства и полиціи, контролеръ и прокуроръ надъ сельскими обществами, входящими въ составъ волости.

Извѣстное число волостей составляетъ уѣздъ. Уѣздъ имѣетъ свое представительство въ «уѣздномъ управленіи» и въ уѣздной земской управѣ. Для устраненія противоположности, существующей между правительственными и земскими установленіями и объединенія ихъ, какъ органовъ единой правительственной власти, земство подлежитъ сравненію въ правахъ, обязанностяхъ и ответственности съ другими органами уѣзднаго управленія. Уѣздное присутствіе есть учрежденіе совершенно новое. Оно состоитъ изъ трехъ лицъ: особаго предсѣдателя, утверждаемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа трехъ кандидатовъ, выбранныхъ уѣзднымъ земствомъ. Для такой должности требуется имущественный цензъ гласнаго, 30 лѣтъ отъ роду, среднее образованіе и служба ни правительству, ни земству. Предводители дворянства, однако, могутъ быть назначаемы предсѣдателями уѣзднаго присут-

ствія. Второй членъ уѣзднаго присутствія есть предсѣдатель мѣстной земской управы, а третій—исправникъ. Могутъ входить въ составъ присутствія по дѣламъ ихъ специальности, на правахъ членовъ, уѣздный врачъ, финансовый чиновникъ, предсѣдатель мирового съѣзда, прокуроръ, уѣздный почтмейстеръ, инспекторъ народныхъ училищъ, мѣсничій или чиновникъ государственныхъ имуществъ, техникъ вѣдомства путей сообщенія, уѣздный землемѣръ, члены земской управы, городскіе головы и т. д. Уѣздное присутствіе вѣдаетъ въ уѣздѣ всемъ, контролируя низшія власти, обязательныя постановленія городовъ и земствъ, разныя пререканія, все ходатайства думъ и земствъ, почты и т. д., являясь какъ-бы высшей и заключительной инстанціей для всехъ административныхъ, финансовыхъ, экономическихъ и санитарныхъ вопросовъ, поднятыхъ и разрѣшенныхъ кѣмъ-либо въ уѣздѣ. Предсѣдатели уѣздныхъ присутствій будутъ считаться въ V классѣ по должности и получать государственное жалованье.

Высшую предѣльную мѣстную инстанцію составляетъ «губернія», во главѣ которой стоятъ губернаторъ, опредѣляемый Высочайшимъ указомъ по представленію комитета министровъ изъ числа кандидатовъ, рекомендованныхъ комитету министромъ внутреннихъ дѣлъ. Вотъ какъ излагаетъ «Н. В.» предполагаемыя права и обязанности губернатора. «Къ наградамъ губернатора представляетъ комитетъ министровъ, а правительствующій сенатъ—судья начальника губерніи. Эта реформа, очевидно, вызвана возвышеніемъ той власти, которую отводитъ проектъ своему губернатору. Онъ, не входя въ дѣла различныхъ губернскихъ управленій, можетъ ревизовать все гражданскія учрежденія губерніи (кроме судебныхъ и контрольных), требовать отъ нихъ все свѣдѣнія, доносить о нихъ подлежащимъ министерствамъ и возбуждать противъ всехъ чиновъ этихъ управленій дисциплинарное или судебное преслѣдованіе. Велика также власть губернатора по званію предсѣдателя губернскаго присутствія—учрежденія, замѣняющаго нынѣшнее губернское правленіе, присутствія по крестьянскимъ и по воинскимъ дѣламъ, комитеты распорядительный, статистическій, общественнаго здравія, оспенный и губернский, училищный совѣтъ, служа въ то-же время связующимъ звеномъ для всехъ отдѣльныхъ губернскихъ управленій. Послѣднія предполагаются въ числѣ восьми, а именно: органъ финансоваго управленія, государственныхъ имуществъ, управленіе почтъ и телеграфовъ, дирекція народныхъ училищъ, представитель вѣдомства путей сообщеній, врачебный инспекторъ, губернский инженеръ да инспекторъ тюремъ (должность новая). Большинство комиссіи предполагаетъ не выдѣлять

полицію въ видѣ отдѣльнаго управленія, подчинивъ ее непосредственно губернатору. Всѣ вышеупомянутыя отдѣльныя управленія въ лицѣ своихъ начальниковъ входятъ въ губернское присутствіе въ качествѣ временныхъ членовъ, засѣдающихъ лишь при рассмотрѣніи вопросовъ, касающихся ихъ специальности и для сосленія общаго годового отчета. Постоянное-же присутствіе губернскаго управленія состоитъ изъ предсѣдателя губернатора и членовъ: губернскаго предводителя дворянства, начальника финансового управленія въ губерніи, прокурора окружного суда, предсѣдателя губернской земской управы, вице-губернатора и еще одного лица, избираемаго для того специально-губернскимъ земскимъ собраніемъ. При рассмотрѣніи дѣлъ, касающихся до городовъ въ присутствіи участвуетъ на правахъ члена голова губернскаго города, по дѣламъ городского училищнаго совѣта, кромѣ директора народныхъ школъ, еще депутатъ отъ духовнаго вѣдомства. Въ губернскомъ присутствіи дѣла рѣшаются коллегіально, но губернаторъ имѣетъ право протеста и даже приостановки этихъ рѣшеній возводя пререканіе на усмотрѣніе правительствующаго сената.

«Ни въ составъ, ни въ права и обязанности губернскихъ земствъ проектъ не вноситъ существенныхъ перемѣнъ. Онъ отдаетъ пренадзора за ними въ губерніи—губернскому присутствію, въ уѣздныхъ присутствію. Допускаются лишь съѣзды уполномоченныхъ различныхъ губернскихъ земствъ для рѣшенія общихъ вопросовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и съ дозволенія министра внутреннихъ дѣлъ».

Итакъ передъ нами факты двойнаго теченія жизни. Съ одной стороны запутанность внутреннихъ отношеній, вызванная освобожденіемъ крестьянъ и послѣдующими реформами, создавшими стремленіе жизни къ новымъ комбинаціямъ и новому укладу. Эти стремленія выражались иногда въ такомъ перевѣсѣ личнаго начала надъ общественнымъ, что правительство, приписывавшее ихъ исключительно недостаточному воздѣйствію внѣшнихъ обуздывающихъ вліяній, заключило о необходимости установленія болѣе строгой и сдерживающей государственной дисциплины. Такой цѣль, повидимому, долженъ удовлетворить вполне проектъ казановской комиссіи, концентрирующій въ лицѣ губернатора всѣ исполнительныя функціи мѣстной провинціальной администраціи. Въ новомъ видѣ мѣстная администрація должна явиться вполне дисциплинированнымъ органомъ центральной власти, повинующимся малѣйшему ея мановенію и въ то-же время пронизывающимъ до основъ государственности, первой ея ячейки—поселка. Передъ нами возникаетъ какъ-бы плотно сплетенная телеграфная сѣть, посто-

ленно передающая обратномѣняющіеся токи, сосредоточивающіеся и уравновѣшивающіеся въ главномъ центрѣ, дающемъ всему одно общее единство и направленіе. Но эта идеально-гармоническая система, проектируемая комиссіей Каханова обнимаетъ только области внѣшнихъ механическихъ отношеній. Что-же касается внутреннего содержанія того, что будетъ служить жизненнымъ пульсомъ административнаго механизма, то этотъ вопросъ не входилъ въ программу. Какое-же содержаніе наполнить механизмъ, съ какимъ матеріаломъ жизни будетъ имѣть дѣло администрація? Мы пока видимъ только проесть прекрасно устроеннаго зданія, всѣ части котораго образуютъ гармоническое и строго выдержанное цѣлое, но какой матеріалъ войдетъ для обработки въ это зданіе—мы не видимъ и даже не знаемъ, гдѣ его увидѣть. Тоже, что даетъ намъ печать представляется въ такомъ видѣ. До освобожденія крестьянъ, когда весь общественный строй держался на крѣпостномъ трудѣ, принципы и основы государственности были очень просты и вполне ясны и опредѣлены. Также былъ опредѣленъ и внѣшній административный механизмъ, соотвѣтствовавшій вполне основамъ общественнаго строя. Задача государства была тогда почти исключительно полицейская. Но съ освобожденіемъ крестьянъ новыя условія труда сразу измѣняютъ всѣ внутреннія отношенія, начинается небывалая критическая работа мысли, проникающая повсюду и во все, затѣмъ наступаетъ пора анализа новыхъ, устанавливающихся отношеній, работа, продолжающаяся до сихъ поръ, и итога которой еще не подведено. Этотъ анализъ пока убѣдилъ въ томъ, что въ нашей жизни борются и мѣшаются два теченія, между которыми не установилось еще никакого равновѣсія. Одно изъ этихъ теченій, какъ мы уже говорили, нашло свое отраженіе въ охранительной печати, смотрящей съ недоумѣніемъ на броженіе новыхъ элементовъ; другое — встрѣтило своего толкователя въ органахъ направленія, смотрящаго на это броженіе съ увѣренностію, что изъ него должна возникнуть новая, стройная жизнь, которая сама найдетъ собственный законъ, и что поэтому необходимо давать просторъ отношеніямъ, возникающимъ изъ принциповъ справедливости и гражданскаго равенства, положенныхъ въ основу реформъ Императора Александра II. Какой компромисъ между этими двумя теченіями, обнаруживаемыми печатью, послужить содержаніемъ внѣшнихъ рамокъ мы, какъ уже сказали, не находимъ. Либеральная печать, какъ-бы желающая служить выраженіямъ этого компромиса только мечется и путается, убажывая себя воображаемымъ «нравственнымъ завоеваніемъ», признаковъ котораго однако не слишкомъ много. А между тѣмъ общественное сознаніе,

видя, вмѣсто руководящей нити, мечущуюся и двоящуюся либеральную печать, которая никакъ не можетъ найти своего берега, не можетъ выяснитъ себѣ своей общественной задачи, только путается и сбивается съ толку общественнаго міра. Облекши себя полномочіемъ примиряющей середины либеральная печать пытается проникнуть даже въ основы существующихъ философскихъ міровоззрѣній и вмѣсто матеріалистическаго міровоззрѣнія, съ которымъ будто-бы пришли къ намъ въ Эльпе предлагаетъ въ «Н. В.» міросозерцаніе «механическое».

Конечно, политическія программы Эльпе, основанныя на томъ и другомъ міровоззрѣніи, не для кого не обязательны, но мы и говорить объ этомъ. Нашъ вопросъ въ томъ, являлась-ли печать «смотреть», который, какъ увѣряютъ либеральные органы, они или себѣ похороны Тургенева во всеоружіи своихъ принциповъ программъ, такъ что каждому было ясно, за кѣмъ ему идти, или не смотря на свой парадный видъ, она чувствовала себя «дриллонкой въ затрапезномъ платьѣ»? Для подобнаго «смотри» жалуй и вовсе не требовались похороны Тургенева, потому что наши газеты дѣлаютъ себѣ смотри каждый день. Но несмотря на то, что похороны Тургенева дали поводъ подвести извѣстный итогъ и призадуматься надъ такъ называемой «нравственной побѣдой» печати, надъ двойственной ролью, которую онъ играетъ, и надъ причинами преобладающаго вліянія «либеральной печати», которая забывъ лучшія традиции, не создала ни ореола славы надъ собою ни возвысила въ общественномъ мнѣніи достоинство вообще печати. Въ этомъ смыслѣ либеральной печати лучше-бы совсѣмъ не существовать, чѣмъ существовать въ ея теперешнемъ видѣ.

Еще одно замѣчаніе, вызываемое похороны Тургенева. Въ распоряженія дѣлались комитетомъ «общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Но комитетъ чувствовалъ что похороны Тургенева «не пособіе нуждающемуся литератору» въ своихъ объявленіяхъ называлъ себя «комитетомъ литературнаго фонда». Похороны Тургенева не единственный случай, когда комитету приходится выступать въ роли болѣе широкаго представителя. Лѣтъ двадцать назадъ къ министру народнаго просвѣщенія явилась депутація изъ трехъ литераторовъ, въ видѣ представителей отъ «литературнаго сословія». Министръ отвѣтилъ, что такого «сословія» онъ не знаетъ. Тоже самое можно сказать и теперь, но можно прибавить еще и то, что въ теченіи двадцати пяти лѣтняго существованія «общества для пос. нуж. лит. и уч.» предметы его вѣдѣнія настолько расширились, что оно постоянно вступаетъ на путь болѣе широкій и является какъ-бы

скимъ литературнымъ представительствомъ вообще. Не знаю насколько оказалось-бы своевременнымъ официальное признаніе такого представительства, но думаю, что болѣе широкія права, данныя обществу, не принесли-бы вреда интересу громадной массы пишущей братии, все увеличивающейся.

Н. В.

ХОРВАТЫ И АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

(Политическая и социальная хроника).

I.

Усиленно работая сообща въ виду благородной цѣли руженія Европы, посредствомъ запугиванья, австрійскій манскій императоры положительно не находятъ временя занятія дѣлами собственнаго хозяйства, а между тѣмъ, сказать, чтобы въ такихъ дѣлахъ ощущался недостатокъ.

Не знаю, много-ли выиграли европейскія дѣла отъ вмѣшательства обѣихъ имперій, но могу утверждать, что ихъ собственнаго ничего не выиграли отъ пренебреженія, въ которомъ находятъ, говоря сегодня объ Австро-Венгрии, позволю себѣ замѣтить, что въ скоромъ времени ей придется заняться собственнымъ сеніемъ, прежде чѣмъ думать о спасеніи другихъ.

Въ одной ихъ предъидущихъ статей нашихъ мы говорили тисса-эсларскомъ дѣлѣ и могли замѣтить по этому поводу, до какой степени взволнованы были умы. Присяжные проявили действительное мужество, давъ отпоръ давленію со стороны публики. Но можно было предвидѣть, что оправданіе подсудимыхъ послужитъ прелюдіей къ антисемитскимъ волненіямъ.

Первые беспорядки начались въ самомъ Тисса-Эсларѣ, распущенъ былъ слухъ, что оправданные евреи отомстятъ за претерпѣнные страданія, поджигая дома христіанскихъ жителей. Дѣйствительно, было нѣсколько пожаровъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, немедленно по возвращеніи подсудимыхъ, еслибы не вмѣшательство жандармеріи, нѣсколько еврейскихъ вушекъ брошено было-бы въ огонь. Истина, впрочемъ, не оказалась обнаруженной, и оказалось, что поджигательницы—нафашизированные крестьянки-христіанки.

Примѣру Тисса-Эслара послѣдовалъ Пресбургъ, одинъ главныхъ центровъ антисемитизма. Человѣкъ шестьдесятъ горла

ажды вечеромъ принялись расхаживать по еврейскому кварталу и бить тамъ стекла. Справиться съ ними было нетрудно. Но Пештѣ дѣло оказалось болѣе серьезнымъ. Въ этотъ городъ уѣхъ главный изъ подсудимыхъ, Шарфъ, съ сыномъ Морицемъ, обрѣвшимъ такую печальную извѣстность и отданнымъ отцу сколько дней спустя, по окончаніи процесса.

Въ первый вечеръ достаточно было появленія полиціи, чтобы зогнать толпу, собравшуюся предъ гостинницей, гдѣ остановилось семейство Шарфъ. Но на другой день толпа собралась снова, уже болѣе бурная и настойчивая. Бунтовщики, вооружась кинжалами, кирпичами, желѣзными полосами, бросились на гостиницу и, несмотря на усилія полиціи, взяли ее приступомъ и разграбили всѣ ближайшіе магазины. Сцена грабежа была ужасна: все было разбито, раскрадено. Впрочемъ, оно всегда такъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и антисемитизмъ въ концѣ-концовъ дѣлается лишь предлогомъ для расхищенія чужаго добра.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ числѣ бунтовщиковъ, даже наиболѣе проявлявшихъ насиліе, оказались люди, принадлежавшіе къ высшимъ общественнымъ слоямъ. Такъ, въ Пештѣ, напримеръ, замѣчались очень хорошо одѣтые господа, подстрекавшие толпу, и было арестовано даже нѣсколько весьма нарядныхъ дамъ, въ ту минуту, какъ онѣ бросали камни въ полицейскихъ своими маленькими ручками, облеченными въ безукоризненные перчатки.

Въ концѣ августа, волненія эти, однако, казалось, улеглись: венгерскіе города, эти очаги ихъ, снова приняли свой обычный видъ, и правительство могло льстить себя надеждою, что порядокъ царствуетъ и въ Пештѣ, и въ Пресбургѣ.

Но не успѣло затихнуть волненіе въ этихъ центрахъ, какъ уже перенеслось въ другіе. Вѣна, затѣмъ Прага, Аграмъ, Триестъ и другіе города послѣдовательно поддавались духу мятежа. Какъ по данному сигналу, вспыхивали возмущенія направо и налево, и на минуту можно было подумать, что древняя имперія Габсбурговъ потрясена въ самыхъ основахъ своихъ.

Бурная манифестація, взволновавшая австрійскую столицу, имѣла чисто-соціалистическій характеръ. Рабочіе отрекались отъ всякой солидарности съ антисемитскимъ движеніемъ и объявили, что не желаютъ имѣть ничего общаго съ бандитами, грабившими пештскія и пресбургскія лавки.

Въ Триестѣ беспорядки ограничились, впрочемъ, петардами, брошенными на Лейпцигской площади, что, однако, не рѣдкость въ этомъ городѣ, а мѣстные словаки, подозрѣвая происки итальян-

ских ирредентистовъ, отвѣчали другими петардами, брошенными въ зданіе городской итальянской гимназіи.

Эта пиротехническая война не выходила изъ безобидности и не причинила никому зла.

Но что обращаетъ на себя вниманіе въ этихъ беспорядкахъ указываетъ на мало успокоительное состояніе умовъ, это то, что они вспыхиваютъ подъ самыми разнообразными предлогами и пустыми и даже безъ всякихъ поводовъ, какъ то случилось примѣръ, въ Прагѣ. Жители этого города имѣютъ архіепископа страннаго человѣка, кардинала Шварценберга, одного изъ представителей нѣкогда весьма распространеннаго въ римскомъ вѣнствѣ, а теперь рѣдкаго типа. Назначенный архіепископомъ зальцбургскимъ на двадцати-семи-лѣтнемъ возрастѣ и карьерою тридцати-трехъ лѣтъ, онъ, въ свое время, былъ прелестенъ весьма свѣтскими манерами. Всѣмъ памятенъ еще его спорманские подвиги: онъ любилъ ѣздить на самыхъ неукротивыхъ коняхъ и охотиться за сернами въ наиболѣе неприступныхъ мѣстахъ своей епархіи. Въ настоящее время ему 75 лѣтъ, и онъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ онъ находится въ духовномъ звѣніи. По случаю этого-то пятидесятилѣтія, жители города Праги позволили себѣ невинное удовольствіе и отпраздновать лѣтъ своего архіепископа. Нѣмцы и чехи, какъ по крайнему мѣру увѣряли, движимые общимъ, единодушнымъ чувствомъ благодарности, соединились для устройства торжества. Но вечеромъ во время факельцуга, въ толпѣ завязались драки. Чехи и нѣмцы набросились другъ на друга; шумная манифестація направилась къ нѣмецкому казино. Она произвела невообразимый гвалтъ и кошачью музыку, перебивъ при этомъ множество неповиженныхъ стеновъ.

Полиція, находя не совсѣмъ приличнымъ такой способъ празднованія кардинальскаго юбилея, энергично вмѣшалась въ дѣло и при помощи нѣсколькихъ ротъ солдатъ возстановила тишину и спокойствіе въ городѣ Прагѣ.

Около этого времени ужасное и странное бѣдствіе постигло самую Вѣну. Я разумю тотъ рядъ пожаровъ, зловѣщее пламя которыхъ не переставало освѣщать столицу въ теченіи всей первой недѣли сентября мѣсяца. И какихъ пожаровъ! Представилъ себѣ цѣлое море огня, занимающее поверхность въ 26,000 квадратныхъ метровъ и съ которымъ не въ силахъ были справиться: три тысячи солдатъ, пятьсотъ полицейскихъ и всѣ пожарные, городскіе и пригородные. Извѣстный пожаръ Рингъ-театра — печной огонь, въ сравненіи съ этимъ адомъ. Въ теченіи цѣлой ночи, Леопольдбергъ

э предмѣстѣе подвергалось сильнѣйшей опасности, и посудите объ сѣбѣ вѣнцевѣ, когда на слѣдующій-же день послѣ того случился ній пожаръ, затѣмъ третій и такъ далѣе, цѣлые восемь дней. улицахъ только и слышался при встрѣчахъ, вопросъ: «Опять зарь?» И постоянно вспыхивали они на лѣсныхъ дворахъ или сѣнныхъ складахъ, что вселяло особенный ужасъ.

Должно-ли отнести это къ дѣлу простой случайности? Какая-газета произнесла имя нигилистовъ. И немедленно его стали повторять вездѣ. Рассказывали, что шайка этихъ злонамѣренныхъ ялась въ мирную столицу, чтобы внести въ нее разрушеніе. Бряли что въ публикѣ распространены были летучіе листки, гнѣе кровавыхъ угрозъ и громко называли фабрикантовъ, неціантовъ, домовладѣльцевъ, только что получившихъ грозныя цметныя письма. Затѣмъ эти слухи умолели, какъ только исчезло оево послѣдняго пожара, и о нигилистахъ и мрачныхъ замыслахъ бь всѣ забыли.

Этимъ дѣло, однако, не кончилось. Послѣ восьмидневнаго зашпья, антисемитская чума, которую считали усмиреной, начала грѣпствовать съ новою силою. Волненіе охватило сразу нѣлько комитатовъ. Оно вспыхнуло въ пяти-шести городахъ, омѣ того—въ двадцати, приблизительно, селеніяхъ. Для усми-нія, мобилизируютъ отряды войскъ, стрѣляютъ по толпѣ, ивають нѣсколько человекъ крестьянъ, и несмотря на все это, нскія газеты наводнены телеграммами, ежедневно передающими новыхъ ужасахъ.

Переодѣтые агитаторы ходятъ по деревнямъ, внушая сельскому селенію ненависть къ жидамъ, увѣряя, что само правительство якаетъ истребленія евреевъ, что оно не будетъ препятствовать зграбленію еврейскихъ домовъ, что если солдаты дѣлаютъ видъ, что собираются стрѣлять, то этого бояться нечего, такъ какъ жья заряжены холостыми зарядами. Послѣ такой подготовки, фанатизированный деревенскій людъ принимается за работу свойственнымъ ему усердіемъ и разоряетъ направо и налѣво ѣ подозрительныя жилища.

Затѣмъ, когда вмѣшивается въ дѣло войско и крестьяне замѣ-ютъ, что ружья не шутятъ, неописуемое бѣшенство овладѣваетъ ии и, не разбирая вѣроисповѣданій, они бросаются на все, что трѣчаются на пути, грабятъ—не справляясь съ катехизисомъ, раз-ряютъ безъ разбора и еврейскіе и христіанскіе дома.

Дѣла приняли такой оборотъ, что правительство нашло нуж-имъ приостановить дѣйствіе конституціи и объявить то, что на-ивается въ Венгріи *statarium*’омъ, то-есть учредить нѣчто въ родѣ

полевыхъ военныхъ судовъ, рѣшающихъ дѣла безапелляционно. Приговоры которыхъ приводятся въ исполненіе въ трехчасовомъ срокѣ. Но за нѣсколько недѣль со времени введенія въ дѣйствіе чрезвычайной юрисдикціи ни одинъ изъ постороннихъ агентовъ не былъ арестованъ, ни одинъ грабитель—наказанъ.

Фактъ этотъ объясняется весьма просто, а именно, — честствомъ властей. Подпрефекты, слѣдственный судья, прокуроры всѣ боятся антисемитскихъ вожаковъ. Какъ мы уже сказали, послѣдніе вербуются въ высшихъ классахъ общества и, кромѣ того, пользуются особеннымъ покровительствомъ того, которому прежде всѣхъ надлежало карать, — я говорю о министрѣ. Въ Венгріи это извѣстно всѣмъ. Въ то время какъ тысячи бедныхъ крестьянъ предавали цѣлые города огню и разграбленію и множество еврейскихъ семействъ обречены были на разореніе и нищету, жена министра председательствовала, на водопроводномъ небольшомъ городѣ, на антисемитской манифестаціи. Совершенно мирной, такъ какъ дѣло шло о концертѣ въ пользу матери исчезнувшей дѣвушки, Эсфири Солимоши. Въ то же время, подъ ея покровительствомъ, основано было въ Нйрегизатѣ общество покровительства антисемитамъ, которое добило всѣхъ, начиная еще цѣлыми стеклами еврейскихъ домовъ.

Еще серьезнѣе были волненія въ Аграмѣ, державшія въ высшей степени тревогу всю Венгрію въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Вспыхнулъ приступомъ дома и дворцы, лилась кровь, и изъ за чего все это. Изъ за того, что въ одно прекрасное утро нѣсколько провинціальныхъ мѣстителей, что вокругъ официального герба, украшающаго въ общественныхъ зданіяхъ Транслейтаніи и заключающаго въ себѣ соединенные гербы Венгріи и Кроаціи, оказалась надпись на мадьярскомъ языкѣ. Три четыре слова на вывѣсокѣ! Гнусность! Проклятіе! И вотъ волненіе охватываетъ городъ, патриотическая горячка овладѣваетъ цѣлымъ народомъ, и смертельная война объявляется всѣмъ провинціальнымъ гербамъ, такъ какъ изъ Аграма движеніе не замедлило распространиться и на другіе города. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль и повсюду разбивали гербы, двери, окна, порою и головы. Венгерскія власти, естественнымъ образомъ, выжили на себя защиту вывѣсокъ, подвергавшихся нападеніямъ, и послѣднее водворить ихъ на прежнихъ мѣстахъ.

Но на слѣдующую-же ночь злополучные гербы были сорваны. Движеніе не только не утихло но распространилось и усиливалось. За городами слѣдовали села. По примѣру горожанъ, крестьяне въ свою очередь стали срывать официальные гербы. Но, какъ люди практическіе, они въ то-же время откры-

ишь платить налоги. Далѣе они обратили свой гнѣвъ на должностныхъ лицъ и кое-гдѣ перерѣзали мѣровъ, нотаріусовъ, сборщиковъ податей и другихъ неприятныхъ особъ.

Тогда пустили въ ходъ войска. Но хорватскіе крестьяне не такіе люди чтобы испугаться подобной бездѣлицы. Они образовали шайки и вооружились для сопротивленія. При видѣ этихъ мужиковъ, вооруженныхъ косами, кольями, раскаживающихъ по полямъ и дающихъ отпоръ жандармеріи, невольно вспоминаются шуаны и думается, что образующееся хорватское шуанство легко можетъ распространиться и за предѣлами Хорватіи. Въ Краминѣ, двѣ тысячи крестьянъ, превосходно организованныхъ, дали посланнымъ противъ нихъ войскамъ настоящее сраженіе. Въ Пала-Эгерцегѣ пришлось послать войскамъ подкрѣпленіе изъ драгунъ и сильныхъ отрядовъ пѣхоты. Движеніе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расширялось и обобщалось.

Скоро, пришлось спросить себя: не слѣдуетъ-ли объявить въ осадномъ положеніи и всю Хорватію? Тисса кончилъ тѣмъ, что рѣшился на эту мѣру и призналъ необходимымъ обратиться къ содѣйствию значительныхъ военныхъ силъ. Серьезные люди говорили, что потребуется армія въ 50,000 человекъ, по крайней мѣрѣ, для усмиренія инсургентовъ, и шла рѣчь о присоединеніи къ войскамъ и гонведовъ, т. е. венгерской національной гвардіи.

И все это ради нѣсколькихъ жалкихъ досокъ, болѣе или менѣе искусно размалеванныхъ, и нѣсколькихъ венгерскихъ словъ на этихъ доскахъ! Что сказали-бы, если-бы Англія возмутилась по той причинѣ, что государственный гербъ ея имѣетъ французскую надпись: *honni soit qui mal y pense*? Невозможно, неправда-ли, выдумать чего-либо, повидимому, болѣе пустого?

Дѣйствительно, пустая была-бы то агитація, если-бы за этимъ мотивомъ ея не скрывалось чего-нибудь болѣе важнаго, не скрывались серьезные побужденія, непосредственно касающіяся будущности всей Хорватіи и охватывающія даже и болѣе широкій горизонтъ. Въ этой мелкой ссорѣ изъ-за гербовъ замѣшана судьба всѣхъ юго-славянскихъ племенъ, замѣшано само существованіе Австро-Венгріи, наконецъ, замѣшано само европейское равновѣсіе.

Впрочемъ не съ сегодняшняго дня хорватскій вопросъ занялъ мѣсто въ исторіи. Задушенный сегодня, онъ возникнетъ снова, при первомъ удобномъ случаѣ. Хорватскій вопросъ будетъ возникать постоянно и заявлять о себѣ съ новою силою до самаго того дня, когда исторія его, сливающаяся съ исторіей всѣхъ славянъ полуострова, свершитъ свой путь, и въ этотъ день, не слѣдуетъ удивляться, если небольшой, затерявшійся на окраинѣ

нахъ Европы край сдѣлается сценой, на которой будетъ сыграна первое дѣйствіе большой европейской драмы.

Въ силу такихъ-то соображеній, считаемъ мы нужнымъ обратить въ эту сторону вниманіе читателя.

II.

Забывая съ нѣкоторыхъ поръ, Хорватія въ былыя времена славилась однако-же храбростью своихъ обитателей. Порывы историческихъ воспоминаній своихъ, кто не вспомнитъ русскихъ полковъ, пандуровъ, этихъ гусаровъ смерти, какъ ихъ зывали, и которые приобрѣли такую страшную репутацію во время войнъ послѣднихъ столѣтій? Хорватія занимаетъ южную часть Венгріи, отъ Дравы до того мѣста, гдѣ Дунай, недалеко отъ Бѣлграда, круто измѣняетъ свое теченіе, направляясь снова на востокъ. Она занимаетъ девятьсотъ-пятьдесятъ квадрат. миль; населеніе ея доходитъ до 800,000 жителей.

Аграмъ, или иначе Загребъ, съ своими 20,000 жителей не видѣ довольно плохого городка съ извилистыми и плохо озвученными улицами. Магазины его — дрянныя лавочки съ дрянными дверями, желѣзные пробои которыхъ свидѣтельствуютъ въ весьма слабой степени безопасности загребскихъ улицъ и мѣстъ доврїи, внушаемомъ этою безопасностью купцамъ.

Есть верхній городъ и нижній городъ. Верхній, прислоненный къ горамъ, ограничивающимъ съ сѣвера долину Савы и отдѣляющимъ ее отъ Дравы, включаетъ дворецъ бана, университетъ, соборъ; нижній имѣетъ сравнительно современный видъ. Въ центрѣ находится большая площадь, гдѣ возвышается статуя Іоанна Гашпича, героя послѣдней войны 1848 года противъ Венгріи. Звѣнный герой изображенъ верхомъ на конѣ, съ рукою, вытянутой по направленію къ мадыарской столицѣ и грозившей ей копьемъ.

Этотъ городокъ важенъ не однимъ титуломъ столицы Хорватіи. Онъ былъ центромъ великаго политическаго движенія, стремившагося къ освобожденію славянскихъ племенъ отъ гнета мадыаровъ и османлисовъ. И въ настоящее время онъ занимаетъ первое мѣсто въ интеллектуальномъ смыслѣ. Можно было-бы назвать его юго-славянскими Афинами, если-бы такое названіе не показалось слишкомъ громкимъ. Подъ юго-славянскимъ краемъ и разумѣемъ обширное пространство, занимающее долины Савы и Дуная, отъ Адриатическаго моря до Чернаго. Бѣлградъ, польза

преимуществомъ, даваемымъ ему національною независимостью, правда, пытается соперничать въ этомъ отношеніи съ Аграмомъ.

Уже въ 1836 г. Бѣлградъ основалъ у себя богословскую школу, съ цѣлью формировапія въ ней въ одно и то-же время и священниковъ, и сельскихъ учителей. Два года спустя, князь Милошъ основалъ лицей, превратившійся позднѣе въ академію. Въ 1841 г. учреждено было литературное сербское общество, съ цѣлью усовершенствованія языка и распространенія просвѣщенія въ сербскомъ народѣ. Бѣлградъ устроилъ себѣ также бібліотеку и музей и надѣется, быть можетъ, переимѣнить центръ югославянскаго умственнаго движенія, перенеся его къ себѣ; однако, теперь, въ настоящую минуту, Бѣлградъ пока еще остается на второмъ планѣ

Интеллектуальное преобладаніе это достигнуто было Аграмомъ не безъ усилій, и хорватскіе патриоты не останавливались предъ жертвами, стремясь къ его достиженію. Съ той поры, какъ Лудвигъ Гай въ 1835 г. первый выразилъ благородное стремленіе къ тому, чтобы городъ Аграмъ сдѣлался литературнымъ центромъ южныхъ славянъ, соревнованіе овладѣло всѣми умами и значительныя суммы денегъ не переставали притекать на учрежденіе университета, который сдѣлался-бы достойнымъ предполагавшейся цѣли. Однако, политическія событія надолго задержали его основаніе, и только въ 1874 году могъ онъ быть устроенъ окончателно. Открытіе университета происходило съ большою торжественностью и даже сельское населеніе принимало участіе въ этомъ праздникѣ интеллигенціи; всѣ патриоты, въ городахъ и деревняхъ праздновали основаніе университета, истинной основы національнаго возрожденія южныхъ славянъ.

Въ настоящее время университетъ процвѣтаетъ. Матеріально обезпеченный частной и государственной поддержкой (послѣдняя доходитъ до 80,000 флориновъ ежегодно), руководимый замѣчательными людьми, аграмскій университетъ сдѣлался дѣйствительно умственнымъ центромъ для южныхъ славянъ.

Стремящійся превзойти сосѣда, Бѣлградъ до сихъ поръ еще не имѣетъ университета. Была минута, когда думали преобразовать т. н. Высшую Школу въ университетъ, могущій явиться соперникомъ аграмскаго. Сербскій патриотъ Коловачъ даже завѣщалъ на это учрежденіе сумму въ тридцать тысячъ дукатовъ. Но какъ какъ распространился слухъ, что жертвователъ былъ горячимъ сторонникомъ Карагеоргіевича, претендента на корону коля Милана, то этого оказалось достаточно, чтобы сербское правительство отнеслось къ проекту неблагопріятно и о немъ перестали говорить.

Въ ряду наукъ, преподаваемыхъ въ аграмскомъ университетѣ филологія занимаетъ видное мѣсто. Въ числѣ профессоровъ насчитываютъ не мало заслуженныхъ филологовъ, и хорваты вообще отличаются способностью къ языкамъ, общею' всѣмъ славянамъ. Они, впрочемъ, очень этимъ гордятся и любятъ похвастаться передъ иностранцами. Если случится посѣтить хорватское государство, то приходится удивляться разнообразію языковъ, которыми хорваты говорятъ въ немъ. Это можно сравнить съ вавилонскимъ столпотвореніемъ, такъ какъ каждый старается говорить на языкъ, который предполагаетъ вамъ ближе знакомымъ. Туземная какофонія представляется какъ нельзя болѣе естественной, такъ какъ они привыкли къ этому лингвистическому космополитизму.

Даже театръ не составляетъ исключенія изъ этого множества. Намъ-бы, пожалуй, показалось страннымъ, если бы, напримеръ, итальянецъ, объяснялся въ любви какой-нибудь примадоннѣ по-итальянски, а примадонна отвѣчала ему по-хорватски, но тамъ это все въ привычку. Впрочемъ, собственно говоря, хорватамъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать на сценѣ къ иностраннымъ языкамъ, языкъ ихъ принадлежитъ къ числу весьма музыкальныхъ и справедливо приравнивается къ итальянскому въ группѣ славянскихъ нарѣчій.

Аграмскій театръ вышелъ изъ младенчества недавно. Во времена литературнаго возрожденія Хорватіи, въ 1830 и 1840 годахъ не существовало иныхъ представленій, кромѣ тѣхъ, которыми занимались любителями-патріотами, игравшими національныя драмы и исполнявшими національную музыку. Позднѣе, благодаря щедрости архіепископа, духовенства и дворянства, артисты стали получать плату. Въ настоящее время имѣется опера. Театръ, такимъ образомъ, былъ первымъ проявленіемъ національности у южныхъ славянъ.

Хорваты большой охотникъ до музыки. Нерѣдко можно встрѣтить молодыхъ людей съ музыкальнымъ инструментомъ, висѣщимъ на поясѣ или на перевязи. Эти столь-же классическіе сколько первобытные инструменты кажутся какъ-бы завѣщанными современникомъ воспѣтыхъ Виргиліемъ пастуховъ. *Фускола* не что иное, какъ пастушья флейта Мелибея. Они употребляютъ также двойную флейту, на которой играли древніе римляне греки; у нихъ есть кромѣ того *тамбурица*, нѣчто въ родѣ лиры, близко подходящая къ инструменту, бывшему въ употребленіи грековъ и египтянъ.

. III.

Языкъ также оставался долгое время въ зачаточномъ состояніи. Подчиняясь закону завоеванія, онъ долженъ былъ дать первое мѣсто языку, навязанному завоевателемъ, и спустился до степени простонароднаго языка, дробясь на безчисленное множество діалектовъ. Политическимъ и литературнымъ языкомъ сдѣлался языкъ латинскій. И какая это была латынь! Можно сказать, что она нисколько не напоминала языкъ Цицерона; это былъ скорѣе жаргонъ, чѣмъ языкъ, и представлялъ ужасающее смѣшеніе латинскихъ фразъ съ венгерскими выраженіями. Смѣшеніе націй и нарѣчій сдѣлало такой языкъ необходимостью. Долгое время имъ довольствовались, и Венгрія можетъ гордиться (если только это можетъ считаться честью), тѣмъ, что, изъ всѣхъ европейскихъ странъ, латинскій языкъ долѣ всего сохранился именно въ ней. Въ прошломъ столѣтіи, первая вышедшая въ свѣтъ венгерская газета (1721 г.) издавалась на латинскомъ языкѣ. На немъ говорили еще даже въ 1849 году.

Еще недавно нерѣдкостью было слышать привѣтствія на латинскомъ языкѣ и множество латинскихъ оборотовъ рѣчи сохранились въ разговорномъ языкѣ. Всѣ образованные люди, мадьяры, нѣмцы и славяне, любили говорить на торжественномъ языкѣ, завѣщанномъ народомъ изъ народовъ. Венгерскій языкъ смѣнилъ латинскій и, въ свою очередь, былъ навязанъ Хорватіи въ качествѣ официальнаго языка. Однако, народная рѣчь не исчезла отъ этого. Изъ деревень, гдѣ она сохранилась, вторглась она и въ города. Здѣсь, въ образованномъ обществѣ, различіе діалектовъ мало-по-малу стирается; еще различающіяся мѣстныя литературы все болѣе и болѣе клоняты къ сближенію, отбрасывая иностранныя формы рѣчи и обогащаясь словами и оборотами, заимствуемыми изъ народнаго языка. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Аграмѣ изданъ былъ нѣмецко-хорватскій лексиконъ, въ двухъ томахъ, составленный Богуславомъ Суленомъ. Впрочемъ, отъ сербскаго языка хорватскій отличается только незначительными провинціализмами.

Итакъ Хорватія обладаетъ въ настоящее время литературнымъ языкомъ и въ ней идетъ дѣятельная пропаганда въ пользу его распространенія. Нѣтъ города или крупной хорватской общины, гдѣ-бы не существовало «читальнаго общества», имѣющаго цѣлью содѣйствіе изученію національнаго языка.

Мы еще ничего не сказали о религии. Известно, что большая часть хорватов исповѣдуютъ римско-католическую вѣру и отличаются нетерпимостью. Еще недавно они не терпѣли и ставта въ своей странѣ и лишали всякихъ муниципальных и всякаго, кто переходилъ изъ латинской въ греческую церковь. Протестантизмъ представлялся имъ по большей части въ обличіи мадьярства; что же касается греческаго православія, то они шительно отвергали его, хотя единоплеменность должна была бытъ, склонять ихъ къ снисхожденію относительно сербскихъ братьевъ, держащихся православія, но также склонныхъ къ нетерпимости по отношенію къ единоплеменникамъ латинскаго исповѣданія. Съ развитіемъ современныхъ идей, все это, разумеется, начинаетъ сглаживаться.

Молодежь весьма доступна для либеральныхъ воззрѣній. Она доказала это въ прошедшемъ году, приславъ телеграмму по поводу смерти Луи Блана. По этому случаю семь человекъ студентовъ исключено было изъ университета, а пять человекъ лишились стипендій. Затѣмъ назначено было слѣдствіе. Всѣ студенты объявили, что сочувствуютъ этой телеграммѣ, посланной ихъ товарищами. Затѣмъ, спрошенные въ одиночку, они отказались отвечать на поставленные имъ вопросы. Ожидали суровыхъ мѣръ со стороны университетскихъ властей. Но онѣ проявили при этомъ здравый смыслъ и пониманіе, крайне рѣдкія въ подобныхъ случаяхъ. Нѣсколько дней спустя, всѣ наказанія были отменены, и всеобщему удовольствію, и съ тѣхъ поръ между молодежью и поставниками царитъ непоколебимая дружба.

IV.

Изъ всѣхъ южныхъ славянъ, наиболѣе чистую расу представляетъ, вмѣстѣ со словаками, хорватское сельское населеніе. Хорваты—рослы, впрочемъ менѣе сербовъ, сильны, стройны. Физиономія у нихъ открытая и симпатичная. Выраженіе лица чаще всего доброжелательное. Тонкій къ оконечности носъ нѣсколько выдается у переносицы, глаза впадины глубоки. Хорваты носятъ усы и бакенбарды. Отличаются разсудительностью и простодушіемъ. Взглядъ у нихъ ласковый и нѣсколько лукавый. Они имѣютъ гордую поступь и высоко держатъ голову.

Нарядъ ихъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ въ Европѣ. Мужчины носятъ панталоны изъ толстаго бѣлаго полотна, которые заправляютъ въ сапоги, когда таковые имѣются, или оставляютъ висѣть до половины ноги, если носятъ *панки*. Это нѣчто въ ро-

Въ сандаляхъ съ краями и острыми концами, зашнурованные кожаными шнурками. Такія сандаля носили еще египтяне, и онѣ стались характерною обувью всѣхъ южныхъ славянъ. На верхней части туловища они носятъ жилетъ, почти всегда темныхъ цвѣтовъ, съ посеребренными пуговицами и оправленными въ мѣдъ разноцвѣтными камнями. Сверхъ жилета надѣвается куртка, вообще яркочернаго цвѣта и усѣянная серебряными звѣздами, со множествомъ металлическихъ пуговицъ спереди, или же еще нѣчто въ родѣ длиннаго полукафтана, перетянутого поясомъ и ниспадающаго до колѣна, а иногда до щиколотки. Въ дурную погоду они заворачиваются въ широкіе плащи изъ бѣлой, а иногда и красной шерстяной матеріи, съ рукавами мѣшкомъ, въ которомъ продѣланы лишь маленькія отверстія для большого пальца. Большой и широкій воротникъ надѣвается на голову, замѣняя капшонъ. На шеѣ они носятъ огромный галстухъ. Французское слово *cravate* (галстухъ) обязано своимъ происхожденіе *кроматамъ* или *кроматамъ*, полки которыхъ занималъ Лудовикъ XIV; кроаты и ввели во Франціи моду на галстухи. Они носятъ войлочныя шляпы чернаго или зеленаго цвѣта и украшаютъ ихъ цвѣтами, листьями, перьями или галуномъ.

Женскій нарядъ состоитъ изъ бѣлой полотняной рубашки съ широкими рукавами, застегнутыми у кисти, бѣлой короткой юбки, украшенной большею частью двумя красными полосами, иногда вышитыми, и шерстяной бѣлой кофты съ красными вышивками. Впрочемъ, этотъ нарядъ и измѣняется, смотря по мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто юбки, носятъ два фартука, одинъ спереди другой сзади; ихъ расшиваютъ звѣздами и нашитыми на бѣлую матерію розовыми полосами. Иногда женщины носятъ также вросечныя вышитыя суконныя куртки.

На ногахъ женщины носятъ цвѣтныя чулки и опанки. Нерѣдко надѣваютъ и мужскіе сапоги. На головѣ платокъ—*рубачъ*, повязанный нѣсколько на неаполитанскій ладъ.

Иногда повязываются бѣлыми платками, падающими на плечи и обшитыми разноцвѣтною шерстяною бахромю. Нѣкоторыя откидываютъ эти платки назадъ и прикрѣпляютъ ихъ серебряною, горизонтально воткнутою, булавкою.

Особенно щеголяютъ хорватки своими широкими, ярко красными поясами, концы которыхъ граціозно висятъ сверхъ передника. Корсажъ замѣняется широкимъ краснымъ шарфомъ, завязаннымъ спереди. На шеѣ носятъ нѣсколько нитовъ поддѣльнаго корала и филиграновой работы бусъ. Нарядъ довершается серебряными серъ-

гами, брошами и кольцами того-же металла. Всѣ эти украшения почти всегда бываютъ въ византійскомъ стилѣ.

Стиль этотъ встрѣчается въ Хорватіи весьма часто; его можно замѣтить даже на домашней утвари. Сосуды, здѣсь употребляются византійскаго или римскаго типа. Нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ весьма близко образцы, встрѣчаемые въ семействахъ вущихъ въ Сиссекѣ и другихъ славянскихъ мѣстностяхъ, а также римлянами. То-же можно сказать и о музыкальныхъ инструментахъ, воспроизводящихъ, какъ мы видѣли, классическія формы древности.

V.

Мы говорили о хорватской столицѣ. Остальные города страны могутъ быть названы большими селами. Широкія улицы, по которымъ растетъ высокая трава, окаймлены низкими домиками, полужими на амбары, нерѣдко лишенными оконъ и трубъ и въ которыхъ бокомъ-о-бокъ проживаютъ люди, коровы и свиньи. Такіе видъ представляютъ главные центры. Только требованія торговли и обороны могли заставить это населеніе построить себя города выше всего цѣнить оно вольный воздухъ и природу. Многие изъ этихъ, такъ называемыхъ, городовъ, выбранныхъ австрійскимъ правительствомъ для административныхъ центровъ, суть не что иное, какъ обширныя сельскія общины, съ группою зданій посреди.

Понятно, что торговля мало развита въ этихъ краяхъ, и промышленность почти ничтожна. Вывозная торговля ограничивается почти только винами, довольно высоко цѣнимыми, и превосходнымъ строевымъ лѣсомъ. Болѣе дѣятельности замѣчается на побережьѣ, гдѣ достигли довольно значительнаго развитія кораблестроеніе, каботажное дѣло, бумажное производство и некоторые другіе виды промышленности.

Природа показала себя относительно этой страны, въ одно и то-же время, и щедрою и суровою. Она обладаетъ богатыми источниками благосостоянія, но для того, чтобы пробудить ихъ къ жизни, потребуются масса труда и энергіи. Климатъ здѣсь прекраснѣйшій, умеренный и даже теплый. Тѣмъ не менѣе санитарныя условія плохи, такъ какъ болота заражаютъ своими миазмами многія мѣстности. Рѣкъ много, но главнѣйшею изъ нихъ, Дравою, почти невозможно пользоваться, да и вообще здѣшнія рѣки, въ настоящее время, являются, для населенія, скорѣе источникомъ бѣдствій, чѣмъ благосостоянія. Всѣ эти рѣки подвержены страшнымъ разливамъ. Разливъ Савы достигаетъ громадныхъ размѣ-

овъ. Постоянные или временные болота, окаймляющія оба берега и являющіяся слѣдствіемъ наводненій, простираются на двадцать километровъ отъ главнаго ложа. Районъ разлива Савы въ одной Хорватіи опредѣляется болѣе чѣмъ въ 412,000 гектаровъ. Въ районѣ Военной Границы болѣе трехъ сотъ селъ и деревень подвергаются бѣдствію, когда рѣки выступаютъ изъ береговъ, иногда вся жатва исчезаетъ подъ водою. Поэтому прибрежное население съ каждымъ годомъ уменьшается; болотныя лихорадки производятъ страшныя опустошенія: изъ трехъ человѣкъ, среднимъ исломъ, одинъ бываетъ боленъ лихорадкою; дѣти рождаются уже въ увеличенной селезенкою.

Между тѣмъ какъ съ одной стороны воды въ изобиліи, съ другой ощущается въ ней недостатокъ въ большей части долинъ, какъ какъ вода внезапно исчезаетъ въ какой-нибудь ямѣ, чтобы явиться потомъ вдалекѣ, послѣ подземнаго, болѣе или менѣе долгаго теченія, затѣмъ она снова исчезаетъ, и такъ далѣе.

Въ сравненіи съ другими странами цивилизованной Европы, плодородность бассейна Савы должна назваться бѣдною. Однако почва, очень плодородна, и какъ только земледѣліе освободится отъ варварской рутины, Хорватія, безъ сомнѣнія, будетъ принимать участіе въ міровой торговлѣ, поставляя значительное количество хлѣба и оловъ. Но теперь и въ дѣлѣ земельной обработки, и въ лѣсоодствѣ царитъ полное нерадѣніе. Въ настоящее время хорваты не производятъ даже и того количества хлѣба, который требуется для ихъ собственнаго потребленія, между тѣмъ, какъ при рациональной культурѣ Хорватія могла-бы сдѣлаться одною изъ міровыхъ житницъ. Громадныя количества сливъ, доставляемыхъ самими, идутъ лишь на приготовленіе водки да на отвармливаніе виной. Что касается лѣсовъ, то промышленники скупаютъ ихъ за свозъ тысячами гектаровъ. Пора было-бы принять мѣры противъ такого лѣсоистребленія.

VI.

Во главѣ общаго управленія стоитъ *банъ*, президентъ такъ называемаго *баната*, которому подчинены непосредственно различныя власти комитата. Вся Хорватія дѣлится на четыре комитата; каждый изъ нихъ подраздѣляется, въ политическомъ и административномъ отношеніи, на известное количество округовъ. Въ каждомъ имѣетъ свое мѣстопробываніе судъ высшей инстанціи, которому подчинены всѣ остальные суды, апелляціонные и окружные.

ные. Общественное устройство этой страны до послѣдняго времени оставалось тѣмъ самымъ, которое нѣкогда господствовало всей Европѣ. Семейное чувство лежало въ основѣ социальнаго устройства. Тотъ, кто освобождалъ себя отъ семейственныхъ обязанностей, считался преступникомъ, нарушившимъ священнѣйшіе законы роды. Личность не пользовалась никакими другими правами, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежали ей какъ члену семьи. Семья — элементарною социальною единицею и въ средѣ ея господствовало общинное устройство. «Братья», говорится въ одномъ старинномъ славянскомъ стихотвореніи, «мы должны согласиться по-братски дѣлать наследствъ нашего, и вы будете владѣть имъ сообразно по священнымъ обычаямъ нашего древняго права».

Римское право нанесло, въ средніе вѣка, смертельный ударъ семейнымъ общинамъ почти во всѣхъ странахъ Европы. Даже въ славяне могли дать отпоръ этому удару. Примеромъ тому служитъ Польша. Болѣе счастливые южные славяне избѣжали нагубнаго вліянія, и древнее учрежденіе могло остаться основною аграрнаго устройства.

Форма его повсюду одинакова. Повсюду видимъ группу домовъ одного и того-же предка, живущую подъ одною кровлею, работающую сообща и пользующуюся сообща произведеніями своего лѣдѣльческаго труда.

Собственность общины нераздѣлима; она, среднимъ числомъ, простирается до пятнадцати—тридцати гектаровъ, включая поля, лѣса, луга, и провармливаетъ въ большомъ количествѣ крупный и мелкій скотъ, а также домашнюю птицу. Раздѣлъ производится лишь тогда, когда эта община или *задруга* дѣлается слишкомъ многочисленною. Обыкновенно, подъ одною кровлею живетъ три поколѣнія. Число членовъ семейства можетъ доходить до шести-десяти. Задруга не есть патриархальное семейство, но маленькая республика, свободно обсуждающая свои интересы и сама выбирающая своего *господаря*, а также и главную хозяйку. Когда они умираютъ, выбираютъ другихъ. Нерѣдко они сами слагаютъ съ себя свою должность, по причинѣ старости.

Общее жилище обыкновенно бываетъ построено изъ дерева. Посреди огороженнаго мѣста возвышается прежде всего домъ *господаря*. Онъ бываетъ обыкновенно окруженъ лужайкою, засаженною фруктовыми деревьями. Рядомъ слѣдуютъ помѣщенія остальныхъ членовъ семейства. Далѣе стояла, амбары и всѣ необходимыя службы. Въ домѣ главы находится просторная комната, гдѣ всѣ члены семьи обѣдаютъ за однимъ столомъ. Сюда-же соби-

аютъ и вечеромъ. Сидя вокругъ огня, мужчины поправляютъ или изготовляютъ рабочіе инструменты, женщины прядутъ, дѣти играютъ, а старики рассказываютъ имъ старинныя преданія. Или иногда господарь беретъ за лютю и воспѣваетъ подвиги героевъ родины. Нерѣдко слышится и національный гимнъ «Въ бой а народъ свой».

Каждое хозяйство получаетъ въ свое распоряженіе на годъ небольшое поле; ленъ, собранный съ этого поля, служитъ для приготовления необходимаго холста. Овцы доставляютъ прекрасныя шерстяныя матеріи, которыя носятъ крестьяне. Каждое семейство производитъ, такимъ образомъ, почти все необходимое для своихъ, впрочемъ крайне скромныхъ, потребностей.

Стариковъ и калѣкъ содержитъ община. Пауперизмъ здѣсь неизвѣстенъ. Между общинами одного и того-же села враждебнаго отношенія не существуетъ. Напротивъ, онѣ всегда готовы помогать другъ другу. Это дѣлается даже съ удовольствіемъ, считается праздникомъ. Такимъ образомъ, въ средѣ этого первобытнаго населенія царитъ миръ и веселіе.

Къ несчастію, обычаи, управляющіе семейными общинами Хорватіи, не получили легальной санкціи. Поэтому, послѣ 1848 г. духъ независимости, овладѣвшій цѣлымъ населеніемъ, привелъ къ распаденію большого числа задругъ. Молодые хозяйства потребовали раздѣла, на который со стороны закона никакихъ препятствій не оказалось. Такимъ путемъ, находившіяся въ общемъ пользованіи земли начали дробиться и образовался классъ мелкихъ земледѣльцевъ, довольно бѣдныхъ, и вслѣдствіе увеличенія налоговъ, оказавшихся скоро вынужденными продать свои участки и превратиться въ батраковъ. Нельзя не сознаться, что патриархальному строю не благопріятствуетъ вліяніе Запада, когда оно проникаетъ въ первобытныя села. Даже въ Сербіи, гдѣ этотъ строй пользуется легальною санкціей, онъ быстро разрушается и распадается вездѣ, гдѣ приходитъ въ столкновеніе съ современными тенденціями. Однако, древняя община еще не совершенно исчезла въ Хорватіи и держится преимущественно въ Военной Границѣ. Даже въ почти итальянскихъ городахъ далматскаго побережья и на Адриатическихъ островахъ встрѣчаются богатые горговыя дома, основанныя по образцу задругъ. Прибавимъ, что и въ выдающіеся люди Хорватіи, какъ и вообще всего южнаго славянства, благопріятно относятся къ сохраненію аграрнаго устройства, основаннаго на существованіи семейныхъ общинъ.

Мы только что упомянули о Военной Границѣ. Это исключительно военныя общины, представляющія какъ-бы длинную ка-

зарму вдоль турецкихъ границъ, и составляютъ также побочные остатки прошлаго. Съ 1873 года онѣ официально упразднены между тѣмъ, ихъ организація, частію, еще продолжаетъ существовать. Въ прежнее время, когда организація военныхъ отрядовъ была въ полной силѣ, жители были все поголовно солдатами рожденія до смерти. Государство ихъ одѣвало, доставляло ружья, отпускало имъ соль и табакъ почти даромъ, не вало никакихъ налоговъ и налагало лишь одну обязанность ботиться объ охраненіи границы посредствомъ военного вѣзданія. По прошествіи мѣсяцевъ службы, каждый изъ этихъ полусолдатъ пользовался въ теченіи всего остального года полною свободою и могъ мирно воздѣлывать общинное поле.

Нъ настоящую минуту Военная Граница включена въ вѣдѣніе Венгерское. Жители должны были отказаться отъ своихъ преимуществъ и платить теперь налоги, наравнѣ съ прочими подданными. Въ вознагражденіе за это имъ позволено бирать депутатовъ.

Вознагражденіе слабое для этихъ полу-крестьянъ, полу-солдатъ непонимающихъ и слова депутатъ. Они, на самомъ дѣлѣ, не видятъ ни мадяровъ, ни хорватовъ, ни даже австрійцевъ и не имеютъ ни малѣйшаго представленія о конституціи. Въ нынѣшней востановленіи, они присоединились къ хорватскимъ братьямъ, но возмущены во имя императора. Агенты-подстрекатели ходили по странамъ распространяя слухъ, что императора держатъ въ тюрьмѣ въ Герццъ, и вотъ эти крестьяне-солдаты берутъ свои палки и отправляются освобождать своего господина, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимать свои льготы и ружья.

VII.

Достоверная исторія начинается для хорватовъ около XV столѣтія нашей эры. Въ эти времена они, подобно сербамъ, жили у подошвы горъ, отдѣляющихъ Богемію отъ нынѣшней Пруссіи. Императоръ Гераклій, видя, что готы и авары опустошаютъ Иллирію отъ Савы до Греціи и отъ Адриатическаго моря до Балканскихъ горъ, нашелъ нужнымъ противопоставить варварамъ варваровъ-же и создать себѣ союзниковъ, заинтересованныхъ поддержаніи, ради своихъ выгодъ, подгнившаго зданія Восточной Римской Имперіи. Онъ воспользовался стремленіемъ сербо-славянскихъ племенъ къ распространенію своихъ земель и уступилъ завоеванный и имѣющій быть отвоеваннымъ у готовъ и аваровъ край въ западной Иллиріи. Эта уступка тѣмъ болѣе должна бы пригодиться славянскимъ племенамъ, что уже давно ихъ ели

племенники узнали путь въ эти края, производя свои набѣги съ бѣлю грабежа.

Хорваты, являсь первыми, овладѣли лучшею частью; они водвоились на сѣверѣ и западѣ, на морскомъ берегу, между тѣмъ, какъ сербы занимали югъ и восгокъ. Согласно обычаю родной земли, они немедленно раздѣлили территорію на маленькія княжества или жупаны, группирующіеся въ военное время вокругъ великаго жупана.

Между этими народами, Римомъ и Византіей уже очень рано установились постоянныя сношенія. До самаго завоеванія венграми, хорватскіе или кроатскіе короли получали корону и номинальную инвеституру изъ Византіи.

Въ началѣ XII вѣка произошло мадьярское нашествіе. Въ 1342 году Кроація воссоединена была съ Далмаціей и Славоніей, подъ именемъ «тройственного королевства» и какъ неотъемлемая часть Венгріи. Такимъ-то образомъ она перешла въ Австріи въ XVI столѣтіи, исключая ту ея долю, которую завоевали турки и которая закрѣплена была за ними карловицкимъ договоромъ въ 1699 году.

Какъ мы уже сказали, между 1830 и 1840 годами Кроація начала пробуждаться отъ спячки, въ которую давно уже погрузилась. Національное движеніе приняло вначалѣ чисто литературную форму, но не замедлило проявить и свою политическую мысль.

Починъ движенія принадлежалъ Лудовику Гаю, въ то время еще очень молодому и неизвѣстному. Не имѣя иныхъ средствъ, кромѣ личнаго дарованія и рѣшительнаго характера, онъ задумалъ взволновать Кроацію въ интересъ національномъ и во враждебномъ Венгріи смыслѣ. Въ дѣйствительности предпріятіе это было направлено столько-же противъ Австріи, сколько и противъ Венгріи. Но необходимо было не раздражать первую, и Гай сумѣлъ замаскировать свои планы, выставляя на видъ только охрану языка и мѣстныхъ хорватскихъ вольностей противъ честолюбивыхъ притязаній мадьярской централизаціи. Онъ сумѣлъ заинтересовать Австрію въ своемъ дѣлѣ, давая ей понять, что она можетъ найти въ Хорватіи поддержку противъ венгерцевъ. Такимъ образомъ Австрія сама оказалась замѣшанной въ заговорѣ, цѣлю котораго было пробужденіе національнаго чувства въ средѣ иллирійскаго населенія Австріи, то-есть хорватовъ, словаковъ, далматинцевъ, карніолійцевъ и варинтійцевъ южной Штиріи.

Столь-же осторожный, сколько дѣятельный и ловкій, агитаторъ имѣлъ не меньшій успѣхъ и въ дѣлѣ своей пропаганды Вся Хорватія, всѣ связанная съ ея судьбой иллирійскія племена едино-

душно применили къ плану Гаа. Ненависть къ мадьяру перешла даже ненависть къ вѣмцу.

У такого воинственнаго народа, какъ илирійцы, труднѣе борьбѣ не перейти въ скоромъ времени отъ словъ къ дѣлу. Должна была наступить минута, когда пробудившееся национальное чувство уже не захочетъ довольствоваться заманчивыми тѣнями. Для цѣлаго поколѣнія публицистовъ, ученыхъ, и народныхъ ораторовъ, появившихся въ этотъ періодъ естественнаго возбужденія и ставшихъ во главѣ народа, требовалась пища и для удовлетворенія горячаго честолюбія.

Движеніе это достигло въ 1845 г. такой силы и содержательности, что стало серьезно озабочивать венгерцевъ и ставить въ вѣя самой Австріи. Последняя начинала выказывать уже невольствіе, вида быстрый ходъ движенія. Вѣнскій кабинетъ рѣшил немного проучить хорватовъ. Придравшись къ незначительнымъ уличнымъ беспорядкамъ весьма обыкновеннымъ при выборахъ депутатовъ, противъ толпы двинули полкъ, и послѣдовала бойня. Только, вмѣсто урока, бойня имѣла слѣдствіемъ возстаніе города Аграма, и вице-король, банъ-Галлеръ, отчаяваясь въ возможности спасти свой авторитетъ и даже жизнь, принужденъ отречься въ пользу Гаа. Итакъ илиризмъ, какъ тогда выражались, явился торжествующимъ въ Вѣнѣ, въ лицѣ своего главы, который привезъ изъ австрійской столицы изложеніе бана и постановленіе національнаго собранія.

Февральская революція застала хорватовъ за организаціей мѣстныхъ учреждений, долженствовавшихъ обезпечить и оградить национальность.

Парижскія событія отозвались и въ Аграмѣ. По мѣрѣ того какъ революція приближалась къ востоку, илиризмъ становился отважнѣе и пламеннѣе. Гаа продолжалъ, впрочемъ, настаивать на своемъ первоначальномъ планѣ. Разъединить враговъ, чтобы поборова одного, напасть затѣмъ, немного позднѣе, и на другое — такова была политика великаго патріота, политика, при помощи которой Хорватія приобрѣла значительное вліяніе на австрійскія дѣла и вскорѣ должна была явиться призванной рѣшать судьбу самой имперіи.

До тѣхъ поръ илиризмъ развивался и боролся мирнымъ путемъ, посредствомъ печати, школъ и народныхъ собраній; словомъ и перомъ распространялся онъ въ средѣ всѣхъ славянскихъ национальностей Австріи и южной Венгріи. Онъ перешагнулъ чезъ турецкую границу и овладѣлъ сердцами илирійцевъ.

ушияхъ между Рагузою и Константинополемъ, черногорцевъ, босняковъ, сербовъ и болгарь. Единство языка, крови, общность испанннхъ бѣдствій и одинаковость стремленій къ національной жизни связали турецкихъ иллирійцевъ съ венгерскими и австрійскими, и была минута, когда мысли всѣхъ этихъ племенъ, отъ самыхъ Тиролевскихъ Альпъ до Босфора, устремлялись и тяготѣли къ небольшому клочку земли, къ этому неизвѣстному городку Аграму, гдѣ бродилъ ферментъ иллирійской идеи. Однако, вся эта борьба еще сохраняла, такъ сказать, парламентскій и политическій характеръ; люди меча не появлялись еще на сценѣ, но часъ ихъ приближался.

Нѣтъ страны болѣе благопріятной для образованія и внезапнаго возникновенія отважныхъ вождей, чѣмъ та, о которой идетъ рѣчь. Повсюду въ ней жизнь проста и сурова, мужественна и поэтична въ одно и то-же время. Природа вырабатываетъ здѣсь энергическихъ и безконечно-отважныхъ людей, которые не всегда умѣютъ читать, но умѣютъ судить и краснорѣчиво выражаться.

Таковыми были въ Сербіи Георгій-Черный, основатель сербской независимости, послѣ него Милошъ и многіе другіе. Во времена мира и спокойствія умовъ, эти сильные люди остаются неизвѣстными и бездѣйствующими; они живутъ земледѣльской и пастушеской жизнью; но какъ только патріотическое вѣяніе касается ихъ, невѣдомая сила ихъ пробуждается, отрываетъ отъ полей и стадъ и бросаетъ въ сумятицу событій.

Съ давнихъ поръ уже Лудовикъ Гай отличилъ одного офицера въ военныхъ колоніяхъ, выдававшася своимъ смѣлымъ и предприимчивымъ характеромъ. Это былъ Юсифъ Йеллашичъ. Дослужившись до полковничьяго чина, онъ сумѣлъ расположить къ себѣ хорватскихъ солдатъ и привлечь на себя вниманіе аграмскихъ агитаторовъ. Сдѣлавшись всесильнымъ въ Вѣнѣ, Гай предложилъ его на званіе бана вице-королю хорватскому и добился его назначенія.

Храбрый и великодушный, подобно Георгію Черному, Йеллашичъ имѣлъ предъ нимъ преимущество несравненно болѣе развитаго ума. Образованіе, почерпнутое имъ на Западѣ, не стирая оригинальности его славянскаго духа, дало ему болѣе ширины и глубины. Сдѣлавшись баномъ, онъ весь отдался мысли Лудовика Гая о союзѣ съ Австріей и о войнѣ съ мадьярами.

Драматическое зрѣлище представляли иллирійскіе регулярные солдаты и волонтеры, охваченные патріотическимъ увлеченіемъ и сбѣгавшіеся подъ знамена Йеллашича. Пограничные полки и кре-

стыяне брались за оружіе съ тою глубокою и полною вѣротворя отличаетъ юные народы; нѣкоторые даже опережали нія своего начальника. «Отецъ», говорили они, «мы идемъ за короною св. Стефана для тебя и послѣдуемъ за тобою въ свѣта». Съ такимъ чувствомъ перешли Драву войска Іелла. Тутъ были и солдаты изъ военныхъ колоній, не уступающаго виду лучшимъ европейскимъ войскамъ, и вообще волонтеры, въ своихъ холщевыхъ плащахъ, но всѣ они отличались были одинаковымъ мужествомъ и горячею любовью къ родинѣ.

Съ своей стороны, мадьяры хотѣли видѣть въ Теллашичъ атамана разбойничьей шайки, котораго обратитъ въ бѣгство первый ударъ венгерскихъ штыковъ. Іеллашичъ продолжалъ путь свой, направляясь къ Будѣ; онъ разбилъ первыя мадьярскія войска, погнавшіяся ему по дорогѣ, прорвалъ всю южную Венгрію и останавливается въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Буда-Пешта.

Въ этотъ моментъ борьба обѣихъ націй приняла дѣйствительно эпическій характеръ. Забили тревогу венгерцы, и все, что было въ ихъ рукахъ оружіе, въ обоихъ городахъ поднялось во имя спасенія родины. «Не будемъ обманывать себя, граждане», говорилъ Кошутъ, «мадьяры стоятъ одиноко предъ лицомъ заговора варваровъ и народовъ, ихъ окружающихъ. Да, повторяю, вы хотите-ли биться?»

Кошута выбираютъ диктаторомъ. Всѣ смыкаются вокругъ него. За неимѣніемъ ружей, роздаютъ косы и вилы. Между тѣмъ Іеллашичъ принужденъ былъ остановиться на своемъ пути. Не считавъ всѣхъ силъ своихъ, онъ бросился въ такое отчаянное предпріятіе, какъ осада двухъ столицъ, охраняемыхъ разбѣженными населеніемъ. Рассчитывая на содѣйствіе императора, онъ долженъ былъ повернуть къ западу, чтобы соединиться съ войсками венгровъ ждалъ изъ Вѣны. Эта минута выжиданія позволила мадьярамъ подготовиться къ героическому усилію. Кошутъ провозгласилъ крестовый походъ истребленія на своемъ гиперболическомъ потрясающемъ языкѣ. Крестьяне поднимались вездѣ, чтобы «уничтожить хорватовъ» и «повѣсить разбойника Іеллашича на первое орудіе камарильи». Когда онъ отступилъ къ Рааю, крестовики уверили, что они обратили его въ бѣгство, что пути къ вѣстиямъ ему отрубаны и что онъ желаетъ теперь одного: спасти свой позоръ гдѣ-нибудь подальше отъ родного края.

Этотъ моментъ показался императору австрійскому для внимательства и для того, чтобы отобрать у Венгрии

ную ея независимость. Онъ послалъ чрезвычайнаго комиссара, графа Ламберга, съ манифестомъ и съ полномочиємъ, по которому роды власти должны были сосредоточиваться въ его лицѣ. Въ ту минуту, какъ графъ проѣзжалъ по мосту чрезъ Дунай, на людей бросилась на него, вытащивъ изъ кареты и между тѣмъ какъ онъ поднималъ руку, показывая императорскія эмблемы, его били вилами и косами, такъ что все тѣло его обратилось въ сплошную рану. Наконецъ онъ упалъ и его довели. Затѣмъ, содрвавъ съ него платье, повлекли трупъ по пештямъ улицамъ, съ привязанною къ ногамъ веревкою. На пути она радостно завывала и, омачивая руки въ его крови, окрашивала ея полотно для знамени.

Раздраженный вѣнскій дворъ, въ свою очередь, собирался жестоко наказать бунтовщиковъ, какъ вдругъ, нѣсколько дней спустя, 5-го октября, въ самой Вѣнѣ вспыхнула революція, подготовленная подъ рукою венгерцами въ сообществѣ съ нѣмецкими радикалами. Пролита была кровь, убили военнаго министра. Итальянцамъ пришлось уступить предъ лицомъ торжествующаго мятежа, и императоръ принужденъ былъ удалиться въ свой пеннунгскій замокъ.

Еслибы въ это время венгерцы имѣли возможность привести въ Вѣнѣ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, они безъ труда раздавили-бы Йеллашича. Случилось-же противоположное. Йеллашичъ въ самой побѣдѣ вѣнскихъ революціонеровъ нашелъ случай аспирировать свою роль. «Вѣнѣ грозитъ опасность», сказалъ онъ Робертъ и, вмѣсто того, чтобы идти на Пештъ, направился со своими войсками къ Вѣнѣ. Въ ту самую минуту, какъ объявляли, что его речеватая конница загнана въ болота, а остальная армія въ беспорядкѣ бросилась въ Шварійскія горы, Йеллашичъ неожиданно выдвинулся передъ воротами австрійскій столицы.

На минуту, судьба имперіи находилась у него въ рукахъ. Однимъ ударомъ своимъ онъ могъ разбить ее. Удара меча достаточно было, чтобы разрубить связь, соединявшую различныя народности. И его доля была-бы весьма значительна. Австрійская Иллирія, то-есть Хорватія, Славонія, Далмація, Истрія, Карніоля, Каринтія, Южная Итирія, образовала-бы на Адриатическомъ морѣ, съ Триэстомъ, Триумомъ, Зарой и Рагузой въ видѣ портовъ, весьма почтенное государство, которое располагало-бы многими средствами для распространенія вліянія своего на болгаро-сербскихъ, боснійскихъ и черногорскихъ иллирійцевъ. У Йеллашича не хватило на это мужества. Убѣжденный въ томъ, что существованіе старой Австріи необходимо, онъ отказался ее разрушить. Онъ такъ мало желалъ

этого разрушенія, что однажды воскликнулъ: «Еслибы не существовало, ее слѣдовало-бы выдумать». Иеллашичъ умѣлъ вѣнскую революцію, и, поступая такимъ образомъ, онъ всего думалъ нанести ударъ союзу германской расы съ славянской, иначе говоря поборотъ главное препятствіе, не допустить славянамъ занять мѣсто, подобающее имъ въ имперіи.

Австрійская конституція 1849 года провозгласила отдѣленіе Крoаціи и Славоніи отъ Венгріи, и обѣ онѣ были соединены въ одно «имперское владѣніе». Впослѣдствіи Венгрія снова во владѣніе этими провинціями, и онѣ оказались почти въ томъ же положеніи, которое въ 1848 году заставило взяться за оружіе Иеллашича и его товарищей.

VIII.

Будущее не оправдало, слѣдовательно, расчетовъ хорватскихъ патриота. Между тѣмъ какъ сербскіе и другіе братья хорватскіе успѣли завоевать себѣ независимость, хорваты остались все еще подъ ярмомъ. А ярмо либеральной Венгріи не отличалось мягкостью по отношенію къ національностямъ, могущимъ претендовать на полноту ея короны. Хорватамъ пришлось испытать это на себѣ, и они знаютъ и то, что, съ военной точки зрѣнія, положеніе сильно измѣнилось послѣ 1848 года. Венгрія имѣла время организовать свои силы, и хорватскимъ инсургентамъ уже не приходило какъ прежде, бояться, что не встрѣтятъ мадьяровъ и не съ ними будетъ драться. Во всякомъ случаѣ, недавнее возстаніе должно было этому научить.

Но по этому возстанію можно было узнать, что мужественный народъ этотъ ничего не утратилъ изъ прежней доблести. Шли въ армію, вооруженныхъ палками и косами, не отступающихъ ни передъ кою и ружейнымъ огнемъ регулярныхъ войскъ, давшихъ имъ порою отпоръ войскамъ и внушающихъ такой страхъ венгерскому двору, что онъ находить нужнымъ посылать противъ нихъ регулярную армію,—эти крестьяне доказали, что они не выродились въ недостойными сынами товарищей Иеллашича.

Мы видѣли, съ какою отвагою всѣ возстали по первому призыву аграмскихъ патриотовъ, съ какою быстротою искра пробѣгала по всѣмъ направленіямъ. Противъ этихъ, вооруженныхъ крестьянъ мужиковъ послали жандармерію, и они ее разсѣяли; послали гусарь, и они ихъ также разсѣяли; выставили солдатъ съ винтовками Вердта—и они отвѣчали имъ камнями и заставили ихъ отступить. Назначили чрезвычайный военный судъ, поставили на вооруженіи армію, и эти добрые люди не только не испугались,

йствовать еще рѣшительнѣе. Можно было подумать, что осадное коженіе дало только новую пищу мятежу. Болѣе чѣмъ когда-будь тревожныя извѣстія наполняли газеты и въ теченіи трехъ дѣлъ не проходило дня безъ того, чтобы не приходило извѣстіе какомъ нибудь новомъ бунтѣ крестьянъ.

Движеніе проникло и на старую Военную Границу, и это самое жное, что могло случиться, потому что, какъ мы уже упоминали, отъ край населенъ полудикимъ, но чрезвычайно храбрымъ народомъ, прекрасно владѣющимъ оружіемъ и имѣющимъ готовые дры для военной организаціи.

Однако, ничто не помогло. Храбрость была подавлена количествомъ.

Движеніе можетъ считаться нынѣ задавленнымъ, и Хорватія юва подпала подъ власть мадьярскаго ярма, которое будетъ готѣтъ надъ нею сильнѣе, чѣмъ когда либо. Венгерскіе гербы не вернулись на свои мѣста и, чтобы сдѣлать униженіе еще болѣе рѣкимъ, пожелали произвести это съ величайшею торжественностью и на глазахъ у населенія. Налоги остаются такими-же тяжелыми и такъ-же плохо распредѣленными, какъ и прежде. Ихъ дуть взимать съ прежнею несправедливостью и жестокостью. За сколько не внесенныхъ во-время крейцеровъ будутъ продавать мужика и корову, и поле, и избу.

Что касается употребленія суммъ, доставляемыхъ этими налогами, то они будутъ расходоваться попрежнему, на цѣли, чуждыя интересамъ страны.

Конечно, хорватамъ остается другое средство протеста. Пожденные на полѣ битвы, они располагаютъ парламентскимъ порищемъ, мирною и законною агитаціей.

Таковъ, дѣйствительно, ихъ лозунгъ въ настоящую минуту. Мы очень хорошо понимаемъ», говорилъ недавно одинъ хорватскій патріотъ, «что для насъ немислима иная борьба, кромѣ той, которая можетъ вестись на научной и литературной почвѣ, и мы отказались отъ всякихъ безумныхъ требованій, ожидая всего отъ ремени и отъ патріотическимъ усилій въ легальныхъ предѣлахъ, которые мы себѣ начертали».

Для такой легальной борьбы національная партія имѣетъ свои провинціальныя сеймы какъ въ Хорватіи, такъ и за ея предѣлами. Въ нынѣшнемъ году мы могли видѣть, до какой температуры огутъ подниматься пренія въ этихъ собраніяхъ. Национальный ухъ свободно выражаетъ тамъ свой гнѣвъ и свое злопамятство. le одинъ аграмскій сеймъ является театромъ хорватскихъ требованій. Въ далматскомъ сеймѣ, засѣдающемъ въ Зарѣ, рѣзкость

дошла въ нынѣшнемъ году до послѣднихъ предѣловъ. Но о томъ, какой языкъ долженъ быть официальнымъ. Въ это время господствуетъ нѣмецкій, такъ какъ Зара прѣлюбъ австрійцамъ. Нѣмецкій языкъ употребляется въ судахъ, вѣнстраціи, во всѣхъ органахъ правительства. Во время одного изъ вожаковъ хорватской партіи, Біанчини, восклицалъ: «Далмація не принадлежитъ Австріи; это хорватская земля, въ которой проживающіе въ ней нѣмцы, итальянцы и сербы только которыхъ терпятъ». Въ заключеніе собраніе декретировало, впредь хорватскій языкъ будетъ возведенъ въ званіе государственнаго языка и, какъ таковой, станетъ обязательнымъ какъ въ административныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ школахъ. Прѣлюбъ, что правительство воспротивилось такой претензіи и прѣлюбъ было сеймъ на время закрытымъ. Послѣдовала цѣлая буря, въ которой одинъ изъ депутатовъ выразилъ положеніе вещей въ двухъ краткихъ словахъ: «Да здравствуетъ Францъ-Иосифъ король хорватскій!»

Если это такъ и если всѣ рѣшенія сейма подвержены въ концѣ, то на что можетъ рассчитывать легальная агитация венгерскій парламентъ? Извѣстно въ какой комической прѣлюбъ имѣеть въ немъ представительство Хорватія. Въ палатѣ депутатовъ Хорватія имѣеть только двухъ депутатовъ отъ своего народа, а изъ 444 представителей депутатовъ на долю Хорватія приходится 84. Изъ этого очевидно, что въ сферѣ парламента обѣ провинціи обречены на подавленіе мадярскимъ парламентомъ.

Извѣстно, что Тиссъ приписываютъ примирительныя намеренія. Давъ почувствовать свою желѣзную руку, онъ и прѣлюбъ въ дѣтъ бархатную перчатку. Но извѣстно также, что консервативный элементъ сильно волнуется, стремясь дать перевѣсъ своему усмирительнымъ видомъ. Да къ тому-же, развѣ событія не показываютъ всегда сильнѣе отдѣльныхъ лицъ?

Національное хорватское движеніе было-бы дѣйствительно обречено на непоправимое безсиліе, если-бы не было связано съ народнымъ гимнъ, болѣе общимъ и стремящимся *ославянить* Австро-Венгрію. Мы безпрестанно слышимъ о томъ, что корона Габсбурговъ грозитъ къ дробленію, къ партикуляризму. Это, безъ сомнѣнія, правильно; но въ то-же время, надо быть очень слѣпымъ, чтобы не знать подготовляющагося возстановительнаго движенія. Въ этотъ день, когда распаденіе Австріи будетъ полнымъ, изъ развалинъ выйдетъ новое государство, вполне законченное.

Чтобы доказать это, достаточно будетъ привести только

рыя цифры. Австро-Венгрія насчитываетъ пять милліоновъ яръ; трансильванскихъ румынъ — три милліона; нѣмцевъ — . Что касается славянъ, то число ихъ доходитъ до восемнадцати іоновъ и населеніе у нихъ растетъ быстрѣе, чѣмъ у другихъ имперіи. Стоитъ только семи милліонамъ нѣмцевъ, подчиня- закону притяженія, привлекающему ихъ къ единоплеменни- ъ, слиться съ великимъ германскимъ единствомъ, и славяне утъ составлять три четверти всего населенія. Сгруппируйте ругъ этой мощной единицы балканскія княжества и вы будете утъ предъ собою великую федерацію, составленную изъ моло- къ, сильныхъ народовъ и которой предстоитъ образовать на токъ нашего континента одну изъ могущественнѣйшихъ импе- , когда-либо извѣстныхъ европейской исторіи.

Среди столь обширнаго государства Хорватія имѣетъ довольно лвій видъ по протяженію своему и цифрѣ населенія. Впрочемъ, годаря прибрѣтенной ею культурѣ и національному чувству, годаря также географическому положенію и еще неразрабо- ннымъ средствамъ, которыя имѣются для будущаго, австрійская рватія является какъ-бы предназначенной къ тому, чтобы сдѣ- ться естественнымъ центромъ этого новаго, строющагося міра.

Жинѣ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Какое значеніе имѣетъ неравенство между черепами мужчины и женщины? Теорія Дарвина, излагаемая на засѣданіи Императорскаго Русскаго Научнаго Общества.—Скоро-ли людямъ станетъ тѣсно жить на землѣ?

Въ числу научныхъ вопросовъ, имѣющихъ очень серьезное общественное значеніе, принадлежитъ, несомнѣнно, давно уже рѣшающійся вопросъ о неравенствѣ, существующемъ между мозгомъ женщины и мозгомъ мужчины. Рѣшался этотъ вопросъ въ самыхъ противоположныхъ смыслахъ. Одни, какъ Бишопъ, утверждали, что если брать объемъ или вѣсъ мозга не какъ абсолютную величину, а принять во вниманіе отношеніе его къ росту и къ данному субъекту, то мозгъ женщины окажется ничуть не меньше мужского мозга; другіе, какъ, напримѣръ, Мильнъ-Эдвардсъ, даже доказывали, что, по отношенію къ массѣ тѣла, женскій мозгъ не только не меньше, но больше мужского; наконецъ, третьи, какъ Ле-Бонъ, отвергая предъидущіе выводы, пытались доказать, что, даже при одинаковомъ ростѣ и вѣсѣ тѣла, мозгъ женщины все-таки меньше и легче мозга мужчины. Каждый ученый, конечно, приводилъ въ защиту своихъ выводовъ цѣлыя колонны краснорѣчивыхъ цифръ, изъ которыхъ ораторы и публицисты, нуждавшіеся въ солидныхъ аргументахъ для обсужденія животрепещущаго женскаго вопроса, могли черпать убѣдительные доводы, позволявшіе рѣшать вопросъ въ какомъ угодно направленіи. Противники равноправности женщинъ могли приводить въ защиту своихъ мнѣній доводы авторитетъ одного почтеннаго ученаго; защитники равноправности женщины на одинаковое съ мужчиною участіе въ общественной жизни, въ свою очередь, опирались на работы другого, не менѣе почтеннаго научнаго авторитета; словомъ, вопросъ былъ и остается спорнымъ. Безспорными и ясными среди этихъ противорѣчивыхъ мнѣній и изслѣдованій представлялись только два факта: первый, показывавшій, во-первыхъ, что абсолютный средній вѣсъ женскаго мозга меньше средняго вѣса мужского мозга, и, во-вторыхъ,

равенство между мужскимъ и женскимъ черепами возрастаетъ дѣлѣтъ съ развитіемъ цивилизаціи. Окончательное выясненіе этого въ высокой степени интереснаго вопроса сдѣлается, по всей вѣроятности, возможнымъ только тогда, когда фізіологія головного мозга будетъ стоять на болѣе позитивной почвѣ, когда будетъ примѣръ, положительно извѣстно, въ какой мѣрѣ объемъ, масса мозга можетъ считаться, даже по отношенію къ среднимъ цифрамъ, мѣриломъ умственныхъ способностей и насколько въ психическихъ процессахъ имѣютъ, быть можетъ, значеніе другія, еще неизвѣстныя особенности въ микроскопическомъ строеніи или молекулярномъ составѣ нервнаго вещества.—Какъ-бы то ни было, готъ фактъ, что существующее и, повидимому, всегда существовавшее неравенство между мужчиною и женщиною по отношенію къ объему черепа и вѣсу головного мозга несомнѣнно возрастаетъ, можетъ убѣдить насъ только въ одномъ: онъ доказываетъ, что положеніе, занимаемое женщиною у современныхъ цивилизованныхъ народовъ, есть положеніе ненормальное, что существующее неравенство, какъ-бы его ни истолковывали, не есть фізіологическій законъ, а создано, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, искусственно, подобно тому, напримѣръ, какъ создавалось постепенно неравенство, существующее въ нѣкоторыхъ промышленныхъ округахъ Англіи между цвѣтущею, здоровою, интеллигентною расою фабрикантовъ и рѣзко отличающеюся отъ нихъ малорослою, истощенною расою фабричныхъ рабочихъ. Но во всякомъ случаѣ наука, разрабатывающая и пытающаяся разрѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли, и въ какой именно мѣрѣ, неравенство женскаго и мужскаго череповъ выраженіемъ неравенства между ихъ умственными способностями, котораго, прибавимъ, до сихъ поръ никто еще не констатировалъ путемъ опыта,—наука, говоримъ мы, отнюдь не призвана вмѣстѣ съ тѣмъ играть роль верховнаго судилища, отъ котораго ожидается окончательный приговоръ, долженствующій расширить или ограничить права женщины. Право женщины на всѣ отрасли человѣческаго труда, на участіе во всѣхъ функціяхъ общественнаго организма такъ-же безусловно и естественно, какъ право мужчины. Никому не приходится въ голову измѣрять черепъ гимназиста, поступающаго въ университетъ, чиновника, опредѣляющагося на казенную должность, или депутата, избираемаго въ парламентъ, хотя-бы существовали подозрѣнія въ необыкновенной близости ихъ къ микроцефалическому типу; и не дѣлаютъ этого, помимо всѣхъ другихъ причинъ, уже по одному тому соображенію, что человѣкъ умственно ограниченный все равно не выдержитъ кандидатскаго экзамена, глупый чиновникъ застрянетъ

себя вниманіе Брока, Бишофъ и Николуччи *); къ нимъ-то и обратимся прежде всего за свѣдѣніями, необходимыми для рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Самый тяжелый изъ мозговъ, которые приходилось взвѣшивать Бишофу, вѣсилъ а самый легкій—832. Слѣдовательно, принимая во вниманіе абсолютный вѣсъ мозга, мы видимъ, что, по массѣ мозгового вещества, женщина далеко не достигаетъ высшихъ цифръ, имѣемыхъ при взвѣшиваніи наиболѣе тяжелыхъ мужскихъ мозговъ вмѣстѣ съ тѣмъ спускается значительно ниже крайнихъ дольвъ минимальнаго вѣса мужского мозга. Кромѣ того, по сообщеніямъ того-же ученаго, оказывается, что даже въ предѣлахъ среднихъ цифръ сравнительно тяжелые мозги гораздо чаще встрѣчаются у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ, какъ это явствуетъ слѣдующей таблицы:

0 изъ 100 м. и	2,01 изъ 100 ж.	обладаютъ мозгомъ въ	900—1000
5,36 >	>	>	>
24,00 >	>	>	>
36,00 >	>	>	>
21,82 >	>	>	>
11,10 >	>	>	>

Такимъ образомъ, между женщинами чаще всего (42%) встрѣчаются мозги въ 1,200—1,300 гр., а между мужчинами (36%)—въ 1,300—1,400 гр. Слѣдимъ, однако, прибавить, что тамъ, гдѣ идетъ объ измѣреніи средняго умственнаго уровня той или другой антропологической группы, дѣйствительную цѣну могутъ имѣть только цифры, выражающія средней вѣсъ или объемъ мозга, а никакъ не максимальныя или минимальныя изъ этихъ величинъ. Къ этимъ среднимъ цифрамъ мы теперь и обратимся, предупреждая читателя, что на первыхъ порахъ мы ограничимся простымъ изложеніемъ фактовъ, а къ оцѣнкѣ ихъ перейдемъ уже впоследствии, когда противопоставимъ нѣкоторыя работы, которыя въ значительной степени поколебали нѣкоторые выводы, считавшіеся еще недавно неподлежащими сомнѣнію. Самые надежныя данныя относительно средняго вѣса головного мозга мы находимъ у Николуччи. Списки Брока и Бишофа представляютъ тотъ недостатокъ, что касаются лицъ, огромное большинство которыхъ принадлежало къ одной и той-же національности.

*) Le poids du cerveau d'après les régistres de Paul Broca par P. Tard.—Rev. d'Anthropologie, 1882.

Th. v. Bischoff. Das Hirngewicht des Menschen; Bonn, 1880.
G. Nicolucci. Sul peso del cervello del uomo;—Napoli, 1881.

и: у Брока фигурируют почти исключительно французы, а у ишофа—баварцы; и тѣ и другіе, разумѣется, обладаютъ извѣстными этнографическими особенностями, которыя, между прочимъ, гражаются до нѣкоторой степени и въ величинѣ черепа. Никотичи-же, напротивъ, собралъ цифры, касающіяся очень большого исла (4875) лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ европейскимъ національностямъ. При этомъ средній абсолютный вѣсъ головного мозга у мужчины оказался равнымъ 1331 гр., а у женщины 1189 гр.; половая разница въ среднемъ вѣсѣ головного мозга, слѣдовательно, равняется 142 гр. Почти абсолютно къ такому-же результату приходитъ и Бишофъ, получившій при своихъ взвѣшиваніяхъ оловую разницу въ 143 гр. Брока, напротивъ, нашелъ несравненно болѣе рѣзкую разницу—въ 181 гр.—Но простое взвѣшиваніе мозга, разумѣется, отнюдь еще не даетъ права на сравнительную оцѣнку умственныхъ силъ мужчины и женщины, даже тогда, когда дѣло идетъ о среднихъ цифрахъ. Если-бы абсолютный вѣсъ мозгового вещества могъ служить мѣриломъ умственныхъ способностей, то пришлось-бы признать, что слонъ, еить, ельфинъ умнѣе человѣка; поэтому ученые, занимавшіеся взвѣшиваніемъ головного мозга, давно уже пришли къ тому убѣжденію, то для опредѣленія уровня умственныхъ силъ важенъ не абсолютный вѣсъ головного мозга, а отношеніе этого вѣса къ росту ли къ вѣсу тѣла. Впрочемъ, и это правило опять-таки оказалось приѣмлемымъ только къ среднимъ цифрамъ и многочисленнымъ группамъ, а отнюдь не къ частнымъ индивидуальнымъ случаямъ. Очень высокій и тяжелый человѣкъ сплошь да рядомъ обладаетъ маленькимъ черепомъ и по вѣсу мозга уступаетъ маленькому, ощему человѣку. Но если съ одной стороны собрать большое число рослыхъ и дородныхъ людей, а съ другой стороны такое-же, приблизительно, число людей малорослыхъ, то непременно окажется, что средній объемъ черепа у первой группы превышаетъ средній-же объемъ черепа у второй. Какъ ни рациональна, казаться-бы, такая система, однако и съ нею различныя изслѣдователи, пытавшіеся рѣшить въ какой степени существуетъ дѣйствительное неравенство между мужскимъ и женскимъ мозгомъ, приходили не только къ различнымъ, но даже къ противоположнымъ результатамъ. Уже въ 1836 году Паршалъ сознавалъ необходимость принимать во вниманіе при разрѣшеніи подобнаго вопроса то крайней мѣрѣ ростъ мужчины и женщины. Сравнивая сначала средній ростъ мужчины съ среднимъ ростомъ женщины, а затѣмъ цифры, выражающія средній вѣсъ мозга у того и другой, онъ нашелъ, что женщина обладаетъ мозгомъ не только абсолютно, а и

относительно болѣе легкимъ, чѣмъ мужчина; женскій ростъ от-
сился къ мужскому росту, какъ 92:100, а женскій мозгъ къ
мужскому мозгу, какъ 90:100. По Брока, который также вы-
считалъ во вниманіе ростъ, различіе это оказывается еще болѣе
его вычисленіямъ, цифры, выражающія средній ростъ мужчинъ
и женщины, относятся какъ 93:100, а цифры, соответствующія
среднему вѣсу мозга,—какъ 86:100. Съ другой стороны, Брокъ
разсматривающій вѣсъ мозга по отношенію къ вѣсу тѣла, при-
ходитъ къ совершенно иному выводу. Принимая за средній вѣ-
съ тѣла мужчины 63270 гр., а за средній вѣсъ женскаго тѣла
55200 гр., онъ вычисляетъ, что вѣсъ головного мозга у мужчинъ
равняется $\frac{1}{46}$ части вѣса всего тѣла, а у женщины $\frac{1}{48}$ части.
Такимъ образомъ *относительный* вѣсъ мозга у женщины, въ от-
ношеніи къ тѣлу, не только не меньше, но даже больше, чѣмъ у мужчины.
Очевидно, что при такой разнорѣчивости полученныхъ резуль-
татовъ, тотъ или другой изъ приведенныхъ нами методовъ, можетъ
быть и оба, должны заключать въ себѣ какую-нибудь питательную
погрѣшность. Въ чемъ-же заключается эта погрѣшность и какимъ
образомъ ея избѣгнуть? Первое сколько-нибудь удовлетворительное
разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ послѣдней работѣ фран-
цузскаго антрополога Манувриэ *), представившей на прошлогоднемъ
конгрессѣ французской «Association pour l'avancement des sciences».
«Сознавъ необходимость опредѣлить не абсолютный, а относительный
вѣсъ человѣческаго мозга, говорятъ, ученые, задававшіеся этою
задачею, исходили изъ того совершенно справедливаго соображенія,
что головной мозгъ не только представляетъ собою центральный органъ
психической дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ является источникомъ
мысленнаго движенія и, наконецъ, распространяетъ свое вліяніе даже на
функции чисто растительнаго характера. Области психическихъ
вліяній и умственной дѣятельности, такимъ образомъ, соответствующая
часть головного мозга, между тѣмъ какъ вся остальная часть
не имѣетъ никакого отношенія къ уровню умственныхъ способностей
и можетъ быть развита въ болѣе или менѣе степени смотря по той
массѣ тѣла, жизненные функціи которой зависятъ отъ нея въ
зависимости». Естественно, стало быть, что, судя оцѣнкою
умственныхъ способностей данной группы людей на основаніи
средняго вѣса ихъ мозга, мы, въ видѣ необходимости,

*) L. Manouvrier. Note sur la force des muscles fléchisseurs des bras chez l'homme et chez la femme—et comparaison du poids de l'encéphale avec divers termes anatomiques et physiologiques. Работа эта еще не вышла въ свѣтъ, но мы имѣли возможность воспользоваться ею въ корректурѣ.

оправки, должны взять этотъ вѣсъ по отношенію къ какой-нибудь величинѣ, служащей выраженіемъ массы организма. Но въ ономъ-то и дѣло, что ни ростъ, ни вѣсъ тѣла не удовлетворяютъ акому требованію: ростъ даетъ понятіе только объ одномъ измѣреніи, которое далеко не всегда пропорціонально остальнымъ, вѣсъ оказывается еще болѣе неудачнымъ выразителемъ дѣйствительной массы организма, въ особенности, когда приходится сравнивать мужчину съ женщиною, потому-что въ общемъ вѣсъ тѣла заключается и вѣсъ жирового слоя, развитіе котораго нисколько не вліяетъ на развитіе головного мозга и который къ тому-же значительно преобладаетъ у женскаго пола. Необходимо, стало быть, найти величину, которая могла-бы дѣйствительно служить выраженіемъ активной массы организма, а такую величину является, во-первыхъ, вѣсъ скелета, или какой-нибудь части его, какъ, напримѣръ, бедра или плечевой кости, а во-вторыхъ, мышечная сила, присущая данному организму. Взвѣшивание той или другой части скелета не представляло, разумѣется, никакой трудности, но зато при опредѣленіи мышечной силы, которой Манувриѣ отдастъ предпочтеніе, какъ болѣе точной выразительницѣ развитія мышечной системы, необходимо было дѣйствовать съ большою осторожностью. Опредѣлить общую сумму всей силы, присущей произвольной мускулатурѣ человѣческаго тѣла, мудро, а потому и здѣсь, какъ при сравнительной оцѣнкѣ вѣса скелета, приходилось опредѣлять силу извѣстной, строго опредѣленной части этой мускулатуры и принимать ее, при сравненіи двухъ субъектовъ, за эквивалентъ общаго развитія мышечной системы. За такой эквивалентъ Манувриѣ и принялъ силу мускуловъ, сжимающихъ пальцы и сталъ опредѣлять при посредствѣ динамометра сжимающую силу правой ручной кисти у мужчинъ и у женщинъ, избѣгая, разумѣется, такихъ субъектовъ, которые занимались ручнымъ трудомъ, т. е. вслѣдствіе своей профессіи специально упражняли мускулы руки, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ сила руки могла вовсе не соответствовать развитію остальной мускулатуры. У 65 здоровыхъ мужчинъ (отъ 25 до 40 лѣтъ) средняя сила мускуловъ сгибающихъ пальцы оказалась равною 56 килограммамъ (отъ 35 до 85 кил.), а у 52 женщинъ того-же возраста сила эта равнялась только 32 кил. (отъ 16 до 44 кил.). Стало быть, мышечная сила женщины относится къ мышечной силѣ мужчины, какъ 57 : 100. Нѣсколько иное отношеніе получилъ флорентинскій профессоръ Монтегацца, измѣрившій сжимающую силу ручной кисти у 75 лапландцевъ: здѣсь сила женщины относилась къ силѣ мужчины, какъ 66 : 100; и этотъ излишекъ

«Баркинезскаго лѣса» или полюбопытствуешь поскорѣе узнать, же случилось, наконецъ, съ «Приваловскими милліонами». И бѣтса на этотъ разъ читатель, ожидая найти въ «Научной хроникѣ» только разсужденія о болѣе или менѣе серьезныхъ матеріяхъ, находятъ и у науки свой юморъ и свои юмористы; попадаются въ солидныхъ научныхъ журналахъ, въ «трудахъ» и отчетныхъ обществъ такія страницы, надъ которыми нахохочешься въволю. Обходить такія страницы, не подѣлвшись съ читателемъ тѣмъ веселымъ смѣхомъ, который онѣ вызывали въ насъ, мы-бы не хотѣли, да полагаемъ, что это было-бы даже и въ всемъ безпристрастно, въ особенности въ виду только что дававшегося нами вопроса о неравенствѣ мужского и женскаго репа. Подобно тому какъ безпристрастный антропологъ, описывая мужскіе черепа, съ одинаковою добросовѣстностью описываетъ большіе и малые, и вмѣстительные и малоэмкые, такъ и мы, зрѣвая различныя области науки, въ которыхъ до сихъ поръ ботають почти исключительно мужчины, не будемъ скрывать отъ читателя и такихъ продуктовъ этой работы, которыя, въ томъ всякихъ краниометрическихъ изслѣдованій, могутъ способствовать рѣшенію занимавшаго насъ выше вопроса въ выгодномъ для науки смыслѣ, такъ какъ показываютъ, что можно считаться съ чтеннымъ ученымъ», состоять членомъ ученаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ говорить и даже печатать такой вздоръ, который нечитателенъ даже гимназисту старшихъ классовъ.

Передъ нами теперь томъ «Записокъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества». Перелистывая его, мы останавливаемся на статьѣ, касающейся очень интереснаго вопроса. «Исторія воздухоплаванія и его настоящее положеніе», — такъ г. Зинкевъ изложилъ свое пространное сообщеніе, сдѣланное имъ на сѣданіи Общества 12-го марта этого года. Излагать содержаніе этого сообщенія мы, разумѣется, здѣсь не можемъ, хотя оно съ начала до конца пересыпано такими курьезами стила и логики, что человѣкъ, любящему погдумиться надъ слабостями ближняго, трудно было бы воздержаться отъ этого искушенія. Но все эти мелкіе курьезы отчасти, повидимому, зависящіе отъ неумѣнія автора излагать мысли на русскомъ языкѣ, мы оставимъ безъ вниманія; напротивъ, что тамъ, гдѣ авторъ строго ограничивается изложеніемъ фактовъ и описаніемъ аппаратовъ, сообщаемыя имъ факты и показываютъ, что авторъ въ самомъ дѣлѣ занимался этимъ деломъ. Но, увы! лишь только онъ оставляетъ эту надежную почву и пускается на скользкую почву общихъ разсужденій, то

Читатель сначала начинает приходить въ недоумѣніе, затѣмъ мѣшается и, наконецъ раздражается гомерическимъ смѣхомъ; а къ какъ общимъ разсужденіямъ у него посвящено главнымъ разомъ именно начало статьи, то поневолѣ доходишь до фактискаго ея отдѣла въ такомъ веселомъ настроеніи, что и дальше не можешь читать безъ улыбки. На первыхъ двухъ страницахъ никакихъ особенныхъ перловъ еще нѣтъ и замѣчается только некоторая туманность въ представленіяхъ о той пользѣ, которая редстоитъ человѣчеству при развитіи воздухоплаванія. Возвѣстивъ читателю, или, вѣрнѣе, слушателямъ, что «обладая снарядомъ, выходящимъ въ воздухъ, мы могли-бы подвинуть и науку, и промышленность, даже социальную и политическую жизнь на столько впередъ, какъ о томъ даже не можемъ теперь и предполагать»

Эвальдъ переходитъ къ перечисленію нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ цѣлей, которыхъ можно-бы было достигнуть при помощи воздухоплавательныхъ снарядовъ. Такъ, на примѣръ, читатель, къ удивленію своему, въ числѣ полезныхъ результатовъ, узнаетъ и томъ, «что съ изобрѣтеніемъ воздухоплавательнаго снаряда безопасность внутри государства во время войны будетъ не столь езпечена... и что Англія уже не въ состояніи будетъ такъ безопасно для себя, какъ теперь, мутить континентальную Европу»... «все это пустяки, и мы-бы, конечно, не потревожили автора, ли-бы онъ скромненько держался своего спеціального сюжета и мѣрѣ силъ заботился при этомъ о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ, но не поддавался заманчивому искушенію пуститься въ глубокомысленныя философствованія. Сгубила его охота смерт-я показать, что и онъ слыхалъ про Дарвина, про эволюціонную теорію: захотѣлось ему, себѣ на горе, блеснуть этими знаніями наслышкѣ... и въ результатъ вышло такое изложеніе теоріи Дарвина, что если-бы великій творецъ ея могъ услышать въ молѣ разглагольствованія своего новаго толкователя, то кости его трогнулись-бы — отъ смѣха. Впрочемъ, умолкнемъ и предоставимъ слово самому г. Эвальду, предварительно извинившись передъ читателями за довольно длинную цитату; прочитавъ ее, онъ изясняется, что такіа прелести своими словами передать мы были не въ состояніи.

«Не будетъ-ли это такою-же недосыгаемою задачею, какъ отысканіе квадратуры круга, *perpetuum mobile* и т. п.?» заставляеть горь спрашивать скептическаго читателя, сомнѣвающагося въ возможности изобрѣсти когда-нибудь такой воздухоплавательный снарядъ, при помощи котораго можно-бы было даже уверотить юпитивую Англію.— «Увѣренно ничего нельзя сказать тутъ, про-Дѣло» № 10, 1883 г. II.

должнает онъ,—но думаю, что цѣль эта когда-нибудь будетъ достигнута и указаніе этому нахожу въ самой природѣ. Въ последнее время уже наука признала, что животныя совершенныхъ которыхъ мы видимъ теперь, произошли постепенно отъ низшихъ менѣ совершенныхъ. Такъ, напримѣръ, никто не скажетъ теперь, если сказать, что тигръ имѣетъ своимъ предкомъ оленя или что-нибудь подобное. Эта теорія постепеннаго совершенствованія животныхъ, въ особенности хорошо развита у Дарвина. Онъ указываетъ, что животныя для достиженія того совершенствованія (?) конструкціи пользуются тремя средствами. Во-первыхъ, въ ихъ распоряженіи находится безграничное время, во-вторыхъ, такъ называемый половой подборъ и въ-третьихъ—наслѣдственность. Чтобы короче объяснить эту теорію (слушайте! слушайте!), я возьму въ примѣръ, положимъ, какою-нибудь птицу, хоть нашу обыкновенную курицу, поставленную въ обстоятельствахъ въ необходимость жить на болотѣ, питаться болотной растительностью, свойственной (?) болотамъ, а не той, къ которой она привыкла. Попадши на новую почву и находясь въ необходимости отыскивать пищу иначе, курица начинаетъ приспособляться къ устройству (?) своей жизни. Она поневолю будетъ выгибать свои ноги, чтобы не слишкомъ глубоко уходить въ болото, выгибать шею, чтобы изъ болота добывать пищу. Конечно, въ первомъ экземплярѣ такая перемѣна для насъ будетъ незаметна, даже съ лучшими микроскопами, но то, что сдѣлала одна курица, не пропадаетъ для ея потомства. Уже дѣти этой курицы, будучи должая начатое матерью, достигаютъ большихъ и лучшихъ результатовъ. Такая курица подбираетъ и самца, находящагося въ такихъ-же условіяхъ, и совокупными своими усиліями они получаютъ добытые результаты потомству. Все это совершается въ сотни, сотни, тысячи и даже, можетъ быть, въ миллионы лѣтъ, все-таки это совершается, и со временемъ бывшая курица принимаетъ такой видъ, что мы, если-бы имѣли возможность наблюдать такое явленіе, конечно, не узнали-бы бывшую курицу въ ея потомствѣ. О, Дарвинъ! если-бы ты имѣлъ возможность «наблюдать» эту метаморфозу, въ видѣ которой г. Эвальдъ преподноситъ своимъ читателямъ твою теорію, такъ не узналъ-бы ея точно также, какъ самъ г. Эвальдъ не узналъ-бы своей курицы, хотя ему и удалось совершить эту метаморфозу не въ миллионы, а въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но зато, посмотрите, насколько у г. Эвальда ясно и проще: попала курица на болото и ну вытягивать ноги и шею; старалась, старалась и вытянула чуточку; загнула шею; подбираетъ и самца, находящагося въ такихъ-же условіяхъ.

вольте, г. Эвальдъ, во-первыхъ, что значить «находящагося въ гаккихъ-же условіяхъ»? Значить-ли это, что и онъ, подобно курицѣ, сумѣлъ немножко вытянуть себѣ ноги и шею, или-же только, что онъ тоже живетъ въ болотѣ, а не на сухомъ мѣстѣ? Последняго толкованія я, какъ вамъ угодно, не допускаю, ибо, если-бы по близости отъ болота были такія мѣста, гдѣ могутъ жить и сухопутныя курицы, то и наша злосчастная, вмѣсто того, чтобы вытягивать себѣ шею и ноги, рискуя ихъ вывихнуть, просто-напросто поспѣшила-бы перебраться на сушу. Если-же, наконецъ, предположить, что суши не было, а было только болото, то не было, значить, по близости отъ курицы и сухопутныхъ пѣтуховъ, а стало быть и *подбирать* *) было не изъ чего. Итакъ, стало быть, остается только одно объясненіе: курица подобрала себѣ такого самца, который, подобно ей самой, успѣлъ себѣ вытянуть ноги. Но тутъ новое затрудненіе: г. Эвальдъ увѣряетъ насъ, что *въ одномъ экземплярѣ* такая перемѣна незамѣтна *даже съ лучшими микроскопами*, и не только для курицы, но и для насъ. Какъ-же это курица-то подобрала себѣ подходящаго жениха? А ужь, право, не знаю, читатель; спросите у г. Эвальда. — Ну, хорошо; и такъ супруги благополучно сочетались бракомъ и *совокупными усиліями* передали «добытые результаты» потомству. Положимъ, что «добытые результаты» состояли въ томъ, что длина ногъ у пѣтуха съ курицей увеличилась на одну тысячную долю миллиметра (вѣдь самъ г. Эвальдъ увѣряетъ, что перемѣна незамѣтна даже съ лучшими микроскопами); это преимущество, стало быть, они и передадутъ дѣтямъ, а сами умрутъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Что-же будетъ дальше? Дѣти ихъ, въ свою очередь, будутъ вытягивать себѣ ноги, опять прибавятъ одну тысячную миллиметра, передадутъ своимъ дѣтямъ,—стало быть, уже лишннихъ двѣ тысячныя миллиметра, и такъ пойдетъ это у нихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, потихоньку, да понемножку, да совокупными усиліями; глядишь, анъ черезъ тысячу лѣтъ ноги-то на цѣлый миллиметръ выросли, а черезъ десять тысячъ лѣтъ,—на сантиметръ, а черезъ сто

*) Напрасно г. Эвальдъ думаетъ, что его курица употребить на метазу своихъ ногъ такъ много времени; такая интеллигентная птица, которая подбираетъ себѣ жениха, руководствуясь не красотою его, а только микроскопическимъ праростомъ въ длинѣ его ногъ, столь важной для благоденствія ихъ внуковъ и правнуковъ, очевидно достигнетъ своей цѣли гораздо скорѣе, чѣмъ глупая курица Дарвина, которая никого не подбираетъ, о потомствѣ не заботилась и даже о ростѣ собственныхъ своихъ ногъ не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія.

тысяч лѣтъ... Но нѣтъ довольно; вѣдь я говорилъ, что въ такомъ рациональномъ образѣ дѣйствія имъ придется упо-
 совсѣмъ немного времени. Впрочемъ, это предвидѣлъ и
 г. Эвальдъ, замѣчая, что такая метаморфоза «совершалась
десятки, сотни, тысячи и даже, можетъ быть, миллионы лѣтъ.
 До сихъ поръ все гладко и превосходно, г. Эвальдъ (за ма-
 ньеромъ, впрочемъ, подбора); ну, а вотъ если плавательныя перепонки
 нужно себѣ завести, то какъ-же курицѣ въ этомъ случаѣ вы-
 пнать, какъ и что ей вытягивать? Вопросъ этотъ, согласитесь,
 высшей степени важенъ, такъ какъ совѣтъ вашъ въ данномъ
 чаѣ можетъ пригодиться не только курицѣ, а и человѣку. Былъ
 это образомъ? спроситъ удивленный читатель. А вотъ послушайте
 г. Эвальда. «Если взять различные роды птицъ, говорить о
 мы замѣтили-бы большую послѣдовательность въ развитіи ле-
 летательной способности, начиная съ австраійскаго безкрылаго
 кончая альпійскимъ орломъ. Изъ этого мы видимъ, что птица
 нашла возможнымъ научиться летать. Положимъ, она достигла
 этого безсознательно, въ теченіи миллионовъ лѣтъ, но все-таки
 достигла и летаетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *если-бы
 дрезости челоуѣкъ задался этой идеей, то онъ могъ-бы приобре-
 сти себѣ крылья или перепонки въ родѣ тѣхъ, какія имѣютъ*
 летучія мыши, летучія собаки и нѣкоторые другіе летающіе жи-
 вы. Что челоуѣкъ способенъ видоизмѣняться, это мы видимъ въ
 акробатахъ, артистахъ и еще на нѣкоторыхъ другихъ *экзотиче-
 скихъ (!)*; такъ я видѣлъ одного акробата, который обладаетъ не-
 обыкновенною способностью вытягивать шею и, когда наклонится
 внизъ туловищемъ, то опускалъ голову болѣе, чѣмъ на вершокъ,
 и она болталась, какъ на веревкѣ. Этого достигаютъ, впрочемъ,
 практикой, такъ что, *если-бы челоуѣкъ съ давнихъ поръ сумѣлъ
 направлять (?) свои руки и ноги къ тому, чтобы приобрести
 способность летать, то онъ, конечно, развилъ-бы и грудныя мус-
 кулы и добился-бы перепонки, которая для этого необходима.*»
 Знаете что, г. Эвальдъ,—всякій челоуѣкъ, конечно, имѣетъ право
 «задаваться какою ему угодно идеей»; вы задались, напримеръ,
 мыслью изложить свою собственную и, нельзя не согласиться,
 преоригинальную теорію, только ужъ Дарвина то вы, пожалуйста,
 оставьте въ покоѣ, да не подумаетъ какойнибудь наивный челоуѣкъ,
 что онъ хоть сколько-нибудь причастенъ къ этой галилейской теоріи,
 которую въ нѣмецкомъ журналѣ не замедлили-бы напечатать въ
 рубрикою «gedruckter Unsinn». Впрочемъ, это такъ, мимоходомъ,
 въ видѣ дружескаго совѣта.—И такъ, читатель, если вы не
 теперь не летаемъ, какъ птица, не обладаемъ страшною силой,

Бва или рогами буйвола, то во всемъ этомъ виноваты наши предки, которые въ древности не задались этими идеями. Остается утѣситься развѣ только тѣмъ, что начинать никогда не поздно и учше взяться за дѣло поздно, чѣмъ не браться за него никогда. Правда, г. Эвальдъ прибавляетъ, что «къ нашему счастью древній еловѣкъ этимъ не задавался и сохранилъ руки безъ перепонокъ, которыя (кто?—перепонки?) представляютъ болѣе совершенное и могущественное орудіе», но мы съ этимъ положительно не согласны. Отчего-бы, напримѣръ, хотъ нѣкоторымъ людямъ, въ родѣ акробатовъ, артистовъ и «другихъ экземпляровъ», не задаться цѣлью приобрести перепонки, могучія челюсти льва, крѣпкіе рога буйвола и тому подобныя полезныя въ борьбѣ за существованіе орудія, гѣмъ болѣе, что г. Эвальдъ такъ ясно излагаетъ намъ тотъ путь, которымъ возможно всего этого достигнуть. Вѣдь стоитъ только *направлять* свои руки, ноги, челюсти и голову къ тому, чтобы приобрести способность летать, раздирать добычу; затѣмъ *подобрать* себѣ самку, *находящуюся въ такихъ же условіяхъ, и совокупными усиліями передавать добытые результаты потомству*. Отъ себя мы прибавимъ еще только одинъ совѣтъ: хорошо-бы было, если-бы люди, берущіеся устно и печатно поучать другихъ, направляли свои головы къ тому, чтобы приобрести способность говорить только о томъ, что дѣйствительно понимаютъ, не коверкать такъ возмутительно чужую мысль и не прикрывать ярлыкомъ великаго имени всякій вздоръ, который совершенно самобытно рождается въ ихъ головахъ. А затѣмъ считаемъ долгомъ еще разъ извиниться передъ читателемъ за то, что посвятили такъ много мѣста философствованіямъ г. Эвальда. Впрочемъ, читатель едва ли на насъ за это посѣтуетъ, такъ какъ навѣрное не скучалъ, читая послѣднія страницы. Къ тому-же намъ кажется, что научный хроникеръ врядъ-ли даже и въ правѣ игнорировать такого рода ученую бессмыслицу, если она претенціозно преподается съ высоты кафедры или произносится среди засѣданія ученаго общества, находящаго возможность выслушивать ее безъ протеста (по крайней мѣрѣ, въ «Запискахъ» общества на это нѣтъ ни малѣйшаго намека) и печатать безъ всякаго примѣчанія отъ редакціи.

А вѣдь жалъ, что разсужденія г. Эвальда насчетъ того, какъ можно приобрести летательныя перепонки, не болѣе какъ пустая болтовня, а не великое открытіе. Теперь оно пришлось-бы какъ нельзя болѣе кстати. Дѣло въ томъ, что населеніе земного шара размножается съ ужасающею быстротою, и лѣтъ черезъ тысячу оныхъ, чего добраго, заселится до такой степени, что всѣмъ людямъ на немъ буквально мѣста не будетъ. Вотъ перепонки-то и сослужу

жили-бы службу; людямъ незначѣмъ-бы было тѣсниться надъ переполненной, какъ муравейникъ; передъ ними открылась-бы роковая область атмосферы, и на земномъ шарѣ стало-бы повсюду. Какъ это ни кажется невѣроятнымъ въ виду существованія громадныхъ пространствъ, незаселенныхъ вовсе или заселенныхъ только мало, но опасенія, что людямъ черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ будетъ тѣсно на землѣ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно основаны. Это нетрудно доказать при помощи самаго простаго расчета. Вся поверхность земного шара равняется, какъ извѣстно, приблизительно 51,000 миліоновъ гектаровъ, но такъ какъ $\frac{3}{4}$ этой поверхности покрыты водою морей и океановъ, то въ распоряженіе человѣка находится только около 13,600 миліоновъ гектаровъ плодородной почвы. Въ настоящее время на земномъ шарѣ считается около 1,500 миліоновъ жителей, и слѣдовательно на 100 гектаровъ приходится на 1 квадратный километръ приходится 10—11 человѣкъ. Посмотримъ-же теперь, сколько времени употребить человечество для того, чтобы заселить эту громадную поверхность до тѣсноты. Пусть предположимъ, что пять тысячъ лѣтъ тому назадъ на землѣ было всего 15,000 жителей. Предположеніе это не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ, даже при очень медленномъ нарастаніи такое небольшое ядро населенія, удесятерятся черезъ каждую тысячу лѣтъ, должно было по истеченіи пяти тысячъ лѣтъ увеличиться именно въ 1,500 миліоновъ*. А между тѣмъ быстрота нарастанія, которую мы принимаемъ для этого періода времени въ три или четыре раза меньше той, которую мы въ настоящее время наблюдаемъ, напримѣръ, въ Англіи, Германіи или Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы населеніе могло удесятериться въ тысячу лѣтъ достаточно, чтобы въ его средѣ ежегодное нарастаніе было не больше 2—2½ на 1000; а между тѣмъ теперь мы видимъ такое медленное нарастаніе только во Франціи (2,3), во всѣхъ-же остальныхъ государствахъ оно идетъ несравненно быстрѣе. Такимъ образомъ, даже если мы ограничимъ прошлое человечества всего лишь короткимъ промежуткомъ времени въ пять, шесть или семь тысячъ лѣтъ, приходится допустить, что ростъ населенія подвигается несравненно медленнѣе тѣмъ теперь, а такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать въ нашихъ предкахъ менѣе развитаго производительныя способности, то это сравнительно медленное размноженіе приходится объяснять болѣе высокими уродами, болѣе смертности, подъ вліяніемъ тѣхъ тяжелыхъ условій, при которыхъ жили и боролся дикій человѣкъ среди враждебной ему природы.

*) A. de Forville. La terre au XIX siecle. L'Economiste français.—№ 30.

чными войнами, страшными эпидеміями, опустошавшими цѣлыя страны, систематическимъ дѣтубійствомъ, практиковавшимся у многихъ народовъ и т. д. Несмотря на то, что и при теперешнихъ условіяхъ многія изъ этихъ причинъ высокой смертности все еще не утратили своего значенія, мы все-таки вынуждены объяснить сравнительно быстрое нарастаніе современнаго населенія земного шара тѣмъ, что въ настоящее время разрушительныя причины, задерживающія ростъ человѣчества, дѣйствуютъ съ меньшею силой, чѣмъ прежде. Если-бы мы допустили, что населеніе земного шара будетъ и впредь размножаться не быстрѣе, чѣмъ до сихъ поръ (при нарастаніи въ $2\frac{1}{2}$ р. т.), то черезъ 1000 лѣтъ на землѣ было-бы 15 миллиардовъ жителей; но если основываться на европейской статистикѣ, показывающей, что ежегодное нарастаніе въ средѣ населенія Европы равняется 9 на тысячу, если ввести въ нашъ расчетъ даже болѣе скромную цифру, — напримѣръ $7\frac{1}{2}$ р. 1000, то окажется, что черезъ 1000 лѣтъ на земномъ шарѣ будетъ уже не 15 миллиардовъ, а 2,600 миллиардовъ жителей, т. е. въ 1,750 разъ больше, чѣмъ теперь; на каждый гектаръ будетъ приходиться по 200 человѣкъ. Впрочемъ, нѣтъ даже надобности заглядывать такъ далеко, чтобы получить довольно внушительныя цифры, наводящія на размышленіе: — черезъ 100 лѣтъ на землѣ будетъ болѣе 3 миллиардовъ жителей, черезъ 200 лѣтъ — болѣе 6 миллиардовъ, черезъ 300 лѣтъ — болѣе 12 миллиардовъ и т. д. Въ теоріи, конечно, можно такимъ образомъ очень скоро дойти до самыхъ фантастическихъ цифръ, но въ практикѣ подобныя арифметическіе расчеты едва-ли приложимы. До извѣстныхъ предѣловъ они окажутся приблизительно вѣрными, пока сама природа не найдетъ средства для задержки слишкомъ быстрого роста человѣчества, понизивъ, напримѣръ, число рожденій. Да и до этой необходимости еще далеко; мѣста еще много на земномъ шарѣ, и если людямъ даже теперь уже тѣсно, если они и теперь заслоняютъ другъ другу солнце и вырываютъ другъ отъ друга кусокъ, если и теперь мрутъ отъ голода и недостатка воздуха, то виновата въ этомъ не природа.

А. М.

ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ.

Рабочій вопросъ.

Недавно была здѣсь громадная стачка телеграфистовъ, имѣвшая важныя послѣдствія. Правда, эта стачка оказалась неудачною, какъ американцы знаютъ изъ своей собственной исторіи. «Безъ побѣды» пораженія важнѣе побѣды». Стачка телеграфистовъ сильно разшевелила дѣловыхъ янки, вѣчно погруженныхъ въ свои конечныя бизнессы, и заставила ихъ обратить серьезное вниманіе на рабочій вопросъ. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ американская десяти-тысячечустная пресса самымъ серьезнымъ образомъ разбираетъ въ высшей степени жгучіе общественные вопросы, уже десятки лѣтъ волнующіе всѣ цивилизованныя страны свѣта. Американская пресса подраздѣляетъ рабочій вопросъ на сколько частныхъ вопросовъ. Каковы должны быть нормальныя отношенія между трудомъ и капиталомъ, или между рабочими и хозяевами? Совмѣстима-ли съ интересами страны вообще тѣсныя организація рабочихъ всѣхъ ремеселъ? Съ другой стороны, не угрожаетъ-ли опасностью государству тѣсный союзъ капиталовъ? Какова должна быть роль правительства въ случаѣ столкновенья рабочихъ съ хозяевами? Можетъ-ли законодательная власть регулировать взаимныя отношенія труда и капитала въ интересахъ обѣихъ сторонъ?

Вотъ существенные вопросы, крайне рельефно выдвинутые на судъ и обсужденіе публики послѣдней стачкой телеграфистовъ. Такимъ образомъ, эта стачка представляетъ собою особенный интересъ. Быть можетъ, никогда прежде американская публика не имѣла такого случая, чтобы высказать свое мнѣніе по рабочему вопросу. Въ данное время каждый «имѣющій уши» можетъ услышать здѣсь голосъ народа по данному вопросу, — голосъ рабочихъ, капиталистовъ, журналистовъ, политико-экономовъ, правителей. Словомъ, vox populi очень громокъ, но изъ этого — увы! — вовсе не слѣдуетъ, чтобы и vox Dei былъ явственъ, понятенъ.

Посмотримъ, какъ относятся американцы, счастливѣйшіе изъ ртныхъ, къ міровой злобѣ дня; но начнемъ со стачки телеграфтовъ, вызвавшей янки на откровенное объясненіе.

1. Стачка телеграфистовъ.

На главной улицѣ Нью-Йорка, Бродвэй, есть громадный дворецъ, построенный изъ сѣраго гранита; этотъ дворецъ отличается отъ другихъ грандіозныхъ зданій американской метрополи тѣмъ, что сотни телеграфныхъ проволокъ, соединяясь въ пучки, какъ и въ фокусѣ, проникаютъ въ него со всѣхъ сторонъ. Это—главный контора Western Union Telegraph Company—этого телеграфна-чудовища, пожравшаго десятки другихъ телеграфныхъ компаний. Я думаю, какъ профессоръ физиологій нью-іорскаго университета, читая лекцію о нервной системѣ, заявилъ, что онъ не знаетъ лучшей иллюстраціи взаимныхъ отношеній головно-спиннаго мозга и нервовъ, какъ Western Union. Контора этой компании въ Нью-Йоркѣ—мозгъ. Густая телеграфная сѣтъ, покрывающая всѣ штаты—нервы. Конторы этой компании въ Вашингтонѣ, Филадельфіи, Чикаго, Бостонѣ и Санъ-Франциско—нервные центры. Такъ и телеграфный мозгъ Америки недавно пострадалъ отъ внезапнаго удара. Но, оставляя метафоры въ сторонѣ, разскажу дѣло по дѣломъ.

16 Іюля комитетъ «братства телеграфистовъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады» подалъ петицію президенту телеграфной компании Western Union, формулируя свои требованія слѣдующимъ образомъ:

«1) Подлагая, что физическое и нравственное благосостояніе чело-вѣка требуютъ по крайней мѣрѣ однодневнаго отдыха въ недѣлю, мы ходатайствуемъ о совершенномъ уничтоженіи обязательнаго труда въ воскресные дни, исключая случаи экстренной платы за яковой трудъ.

«2) Восемь часовъ должны составлять рабочий день—днемъ, а ночью—семь часовъ.

«3) Оба пола должны получать равную плату за одинаковый трудъ.

«4) Мы ходатайствуемъ о прибавкѣ 15% къ жалованью всѣхъ телеграфистовъ».

Эта петиція была вѣжливо представлена и также вѣжливо принята, но—и только. Затѣмъ директора компании пришли къ заключенію не признавать «братства телеграфистовъ». Такъ пошло три дня.

19 іюля, ровно въ 12 часовъ дня (по вашигтонскому меридіа-

ну), въ главной конторѣ Western Union раздался пронзительный свистокъ. Съ тотъ-же моментъ 375 телеграфистовъ, мужчинъ и женщинъ, оставили свои конторы и стали выходить изъ нихъ. Кто-то изъ телеграфистовъ предложилъ «три ура» за «братство и телеграфная голова» была потрясена дружнымъ ура мужчинъ и женскихъ голосовъ. Ни малѣйшаго безпорядка. Телеграфисты чинно выходили, горячо пожимая другъ друга руки. Около половины телеграфистовъ, большею частію еще въ ученич. состояніи, остались въ конторѣ.

Въ тотъ-же самый моментъ подобный свистокъ раздался и въ другихъ телеграфныхъ центрахъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады. Оказалось, что въ тотъ-же день семь тысячъ телеграфистовъ и тысяча телеграфистокъ оставили работу. То были лучшие телеграфисты.

Такъ началась знаменательная борьба между телеграфистами и главной телеграфной компаніей.

Отвѣтомъ на это былъ слѣдующій циркуляръ президента компаніи всѣмъ конторамъ: «принимать депеши не иначе, какъ по условіямъ, что онѣ могутъ быть отсрочены или даже отправлены по почтѣ». Затѣмъ, было закрыто 153 телеграфныхъ отдѣленій въ Нью-Йоркѣ. Телеграфисты этихъ отдѣленій, не примкнувъ къ стачкѣ, были переведены въ главную контору. Компанія Western Union сейчасъ же занялась присканіемъ телеграфистовъ на стачку.

За 12 часовъ до стачки «исполнительный комитетъ» телеграфистовъ разослалъ всѣмъ своимъ членамъ шифрованную депешу, увѣдомляя о днѣ и часѣ стачки съ прибавленіемъ: «не совершайте противозаконныхъ дѣяній». Эти слова очень значительны: телеграфисты имѣли въ виду вести борьбу на законныхъ основаніяхъ.

Торговые, правительственные и газетные интересы въ 200 городахъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады. Телеграфистовъ насчитывается до 22,000 членовъ; но только 10% были въ стачкѣ. Во многихъ городахъ всѣ телеграфисты вышли на стачку; многіе города потеряли свою связь съ центромъ Нью-Йоркомъ; чтобы возстановить эту связь, сами начальники телеграфныхъ станцій принялись за ключъ.

Газеты или, что здѣсь конечно все тоже, публика попросила о томъ, можно-ли на законномъ основаніи принудить телеграфную компанію принимать и немедленно отправлять депеши. Известно, что компанія пользуется нѣкоторыми привилегіями отъ страны, но зато она обязана исправно

ближѣ. Въ данномъ случаѣ компанія не могла выполнить свое обязательство по отношенію къ народу, за что конечно должна-бы пострадать—потерять свои права. Но этотъ вопросъ бытъ рѣшенъ только высшими судебными властями. А между тѣмъ въ скоромъ времени положеніе дѣлъ измѣнилось: ни правительство, ни газеты, ни богатія торговыя фирмы не могли половаться на неисправность телеграфной компаніи. Правда, было несколько жалобъ мелкихъ торговцевъ, но—уввы! и въ Америкѣ «дай шавки» не особенно-то беспокоить «слона», а Western Union действительно слонъ, да еще «стоящій» сто милліоновъ долларовъ!

Американская публика громко высказывала свое сочувствіе и одобреніе телеграфистамъ. Янки особенно понравилось то обстоятельство, что телеграфисты вели себя чинно, благоприлично, въ умѣ строгой законности. Всѣмъ были ясно понятны ихъ нужды и требованія. За послѣднія десять лѣтъ плата телеграфистамъ поепенно понижалась, такъ что теперь телеграфисты получаютъ только отъ 50 до 75 долларовъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ, какъ прежде получали отъ 100 до 200 дол. За то акціонеры Western Union пользуются дивидендомъ, какого ни одна компанія въ странѣ не можетъ дать. Американцы, честно соблюдающіе правило: «самъ живи, но и другимъ давай жить», крайне порицаютъ компанію Western Union за высасываніе сока изъ своихъ рабочихъ, и притомъ такихъ искусныхъ и образованныхъ, трудъ которыхъ долженъ-бы былъ оплачиваться, по мнѣнію янки, наравнѣ съ трудомъ врача, адвоката, учителя и т. п.

Глава «братства телеграфистовъ», Кампбелль, заявилъ печатно, что Western Union возстаетъ противъ законныхъ правъ рабочихъ—устраивать ассоціацію и имѣть своихъ представителей, — правъ, которыми сама компанія пользуется; такимъ образомъ, компанія стоитъ за монополію ассоціаціи. На это заявленіе публика громко и дружно отвѣчала, что рабочіе настолько-же въ правѣ учреждать свои союзы, насколько капиталисты въ правѣ основывать свои компаніи.

Компанія объявила, что она не будетъ принимать болѣе, до слѣдующаго распоряженія, денежныхъ ордеровъ для пересылки по телеграфу. Телеграфисты объяснили, что денежные ордера—одна изъ самыхъ жирныхъ статей дохода компаніи и что если компанія сочла нужнымъ отказаться отъ нее, то это только доказываетъ крайній недостатокъ телеграфистовъ.

Четыреста рабочихъ, наводящихъ телеграфную проволоку и исправляющихъ всякія поврежденія на телеграфныхъ линіяхъ, пристали къ стаянувшимся телеграфистамъ. Эти рабочіе носятъ осо-

беннаго рода шпору, при помощи которыхъ они вѣтъ гладкіе, высокіе телеграфные столбы. Кромѣ того, они проволоку и на крышкахъ домовъ. Вотъ тутъ-то имъ приходится выносить массу неприятностей. Хозяева домовъ въ правѣ тить проведеніе проволоки чрезъ ихъ крышу, и рабочимъ приходится «воровать» крыши.

21-го іюля былъ громаднй митингъ телеграфистовъ, въ торомъ явилось нѣсколько извѣстныхъ ораторовъ. Между ими говорили: глава исполнительнаго комитета «Рыцарей да Америка» (братство телеграфистовъ принадлежитъ такому обществу «Рыцарей труда»), секретарь «братства плотниковъ» Дилія Блэкъ, извѣстная поборница женскихъ правъ. Последняя такъ закончила свою рѣчь: «Да поможетъ вамъ Богъ въ исполненіи справедливыхъ требованіяхъ. Надѣюсь, что свистокъ Франка (по его свистку телеграфисты оставили работу) будетъ слышенъ отъ одного края нашего континента до другого». Во время митинга явился мальчикъ, представитель мальчишковъ, доставившихъ телеграммы на домъ, и спросилъ телеграфистовъ, вѣдутъ-ли и имъ пристать къ стачкѣ. Мальчишка поставили на сцену и дружное «ура!» потрясло зданіе. Было прочтено письмо «рыцарей труда», въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Подъ вліяніемъ рабочаго движенія, отношенія между хозяевами и рабочими радикально измѣняются; теперь нѣтъ болѣе хозяевъ и слугъ, а есть только равные партнеры — съ одной стороны предлагающіе свой капиталъ, съ другой — люди, предлагающіе свои знанія и работу. Мы искренно желаемъ, чтобы ваши требованія были уважены; во всякомъ случаѣ, мы поздравляемъ васъ за мужественнымъ и законнымъ веденіемъ дѣла и общаемъ вамъ поддержку». Одинъ изъ телеграфистовъ заявилъ, что биржа предлагаетъ «братству» открыть новую телеграфную линію, въ пользу цію компаніи Western Union.

Несмотря на то, что компанія предлагала возвышенныя заработанья телеграфистамъ, она не могла найти достаточнаго количества искусныхъ рабочихъ. По извѣстіямъ отъ 24 іюня оказывалось, что вмѣсто 70,000 депешъ, пересылаемыхъ ежедневно, теперь получалось едва 20,000. По отзыву служащихъ въ компаніи, 300 теперешнихъ телеграфистовъ равняется работѣ 200 старыхъ рабочихъ.

На вечернихъ собраніяхъ ставнующихся телеграфистовъ слышались сочувственныя письма отъ различныхъ рабочихъ и отъ также отъ частныхъ извѣстныхъ лицъ. Бывшій начальникъ телеграфистовъ «Western Union» прислалъ свое стихотвореніе.

омъ онъ говорилъ, что не далекъ тотъ день, когда телеграфы, пославшіе послѣднее «прощай!» своимъ братьямъ, ратно примутся за работу и начнутъ ее привѣтомъ — «здравствуй!». «Телеграфная компанія юристовъ» уступила требованіямъ телеграфистовъ какъ относительно повышенія платы, такъ и относительно сокращенія числа рабочихъ часовъ. Стакнувшіеся телеграфисты были очень рады этой уступкѣ въ особенности потому, что даже «компанія юристовъ» признала ихъ «братство». Здѣсь въ специальный телеграфъ въ распоряженіи судей и адвокатовъ. Изнаніе «братства телеграфистовъ» юристами, конечно, должно имѣть важное значеніе въ глазахъ публики.

«Исполнительный комитетъ торговли и перевозки», въ виду задленія телеграфнаго сообщенія, рѣшилъ побудить «Western Union» подчиниться третейскому суду. Судъ долженъ состоять изъ трехъ телеграфистовъ, трехъ представителей компаніи и трехъ представителей торговцевъ. Совѣтъ представителей торговаго люда, конечно, былъ вполне рационаленъ; но телеграфная компанія хотя и знала, въ какомъ смыслѣ было-бы рѣшеніе третейскаго суда, потому она не согласилась подчиниться ему.

25 іюля телеграфисты устроили состязательную игру въ мячъ: одной стороны были «рыцари ключа», съ другой — «рыцари юръ». Весь сборъ назначался въ пользу стачки. Зрителей было много; касса телеграфистовъ увеличилась на нѣсколько сотъ доллар.

По справкамъ оказалось, что компанія Western Union могла вѣрять въ дѣйствиіи только 4,000 конторъ изъ общаго числа 2,000. Компанія ежегодно пересылаетъ до 40.000,000 депешъ; отсюда видно, какъ велики убытки компаніи вслѣдствіе стачки телеграфистовъ.

Одному телеграфисту компанія предложила 90 дол. въ мѣсяцъ, если онъ согласится работать въ вашингтонской конторѣ. Онъ отвѣчалъ: «Иуда Искариотъ умеръ 1800 лѣтъ тому назадъ». Компанія готова была платить двойное и даже тройное жалованье телеграфистамъ, лишь-бы привести въ дѣйствиіе хотя главнѣйшія авторы. Ея ежедневные убытки были до 25,000 долларовъ!

«Американская быстрая телеграфная компанія» пошла на компромиссъ съ телеграфистами; она сдѣлала 10% прибавки къ жалованью, согласилась на восьми-часовой рабочей день и экстренную плату за работу въ воскресные дни. Поэтому всѣ телеграфисты этой компаніи возвратились къ своимъ ключамъ. Эта компанія значительно увеличила свою дѣятельность на счетъ, конечно, Western Union.

Публика громко заговорила объ учрежденіи правительственна-

го телеграфа. У здѣшняго правительства нѣтъ собственнаго телеграфа. Янки думаютъ, что частные телеграфы и испрошенныя казенныхъ. До сихъ поръ правительство не въ какихъ неудобствъ при пользованіи частными телеграфами. Последняя стоящая стачка показала, что правительство можетъ въ крайнемъ затрудненіи въ случаѣ болѣе обширной стачки телеграфистовъ. Демократы, стоящіе за децентрализацию власти, возстаютъ противъ увеличенія силы и власти централизованнаго правительства. Говорятъ, что Western Union съ радостію принялъ свой телеграфъ правительству; но знающіе люди утверждаютъ, что объявленная ею стоимость—100.000,000 дол. значительна и бавлена водою и на дѣлѣ не стоитъ болѣе четверти этой суммы.

На митингѣ телеграфистовъ членъ «соединенной прессы» сказалъ телеграфистамъ: «Теперь въ первый разъ слышимъ, что образованные люди устроили стачку. Если вы потерпите пораженіе, то тѣмъ самымъ начертите на стѣнѣ, что стачка—дѣло бесполезное».

Въ Санъ-Франциско «рыцари труда» собрали три тысячи рабочихъ и рѣшили, чтобы каждый изъ нихъ давалъ въ день стачки телеграфистовъ еженедѣльно одинъ долларъ.

28-го іюля нью-іоркская биржа рѣшила уведомить Western Union о томъ, что если послѣдняя не будетъ соблюдать своихъ условій, то чрезъ два мѣсяца биржа не будетъ принимать депешъ чрезъ W. U. Въ то-же время биржа обсуждала вопросъ объ устройствѣ собственнаго телеграфнаго аппарата, который соединялъ-бы всѣ биржи Америки. По контракту американская компания W. U. обязалась посылать ежедневно не менѣе одного слова.

Многіе пасторы съ церковной кафедры говорили о стачкѣ телеграфистовъ. Одинъ пасторъ настаивалъ на томъ, чтобы было учреждено правильное третейскіе суды для рѣшенія спорныхъ вопросовъ доразумѣній между хозяевами и рабочими. Другой пасторъ энергично высказался въ пользу телеграфистовъ и обвинилъ богатыхъ капиталистовъ «пиратами нашего времени». Третій пасторъ говорилъ, что монополисты вводятъ въ свободной Америкѣ новую форму деспотизма; онъ утверждалъ, что уже настало время о реформѣ, иначе придется вѣдаться съ революціей.

29 іюля комитетъ телеграфистовъ письменно уведомилъ президента Соединенныхъ Штатовъ о томъ, что правительство не можетъ депеша замедляются компаніей Western Union на вѣсѣ (до 10 дней) и что они, телеграфисты, готовы доказать, что компанія нарушаетъ свой контрактъ съ правительствомъ. Тѣмъ самымъ

былъ въ отлучкѣ, то это сообщеніе телеграфистовъ оставило послѣдствій.

Компанія W. U. просила полицію оберегать ее линію, утверждая, что много проволокъ намѣренно порвано. Телеграфисты отрицаютъ на это, что ежедневно проволоки рвутся сами по себѣ — въ порядкѣ вещей; но такъ какъ теперь у компаніи недостаточное число людей, чтобы исправлять ихъ немедленно, то и кажется, что теперь кто-то рветъ проволоку. Короче, телеграфисты обвиняютъ компанію въ злостной инсинуаціи противъ стачкующихся рабочихъ.

16 августа телеграфисты получили пособіе изъ своего собственнаго фонда; выдавали отъ 5 до 20 долларовъ, смотря по требованію; всего получили пособіе около 800 человѣкъ, въ томъ числѣ и женщины; всего было выдано болѣе пяти тысячъ дол.

17 августа снова раздался свистокъ, — на этотъ разъ на станціяхъ четырехъ желѣзныхъ дорогъ; телеграфисты ожидали, что только тысячъ ихъ собратій, работающихъ на желѣзныхъ дорогахъ, пристанутъ къ нимъ, оставаять работу. Но они ошиблись: только 125 телеграфистовъ отозвалось на свистокъ! Оказалось, что сами телеграфисты уже не вѣрили въ успѣхъ своего дѣла. Вскорѣ времени въ рядахъ телеграфистовъ стали появляться «шпигеры». Публика увидала, что компанія Western Union выигрываетъ; она могла ждать долѣе и потерять болѣе, чѣмъ телеграфисты; кромѣ того, оказалось, что телеграфное искусство уже довольно широко распространено здѣсь; компанія W. U. нашла значительное предложеніе искусныхъ рукъ.

18 августа телеграфисты на своемъ митингѣ обсуждали вопросъ: продолжать? Дѣло въ томъ, что, устраивая стачку, они надѣялись принудить компанію уступить имъ въ первую-же недѣлю. Прошло недѣлю, а компанія не сдавалась; между тѣмъ ихъ средства истощались и ихъ мѣста занимались другими рабочими. Но они рѣшили все еще продолжать борьбу.

19 августа телеграфисты послали нѣсколько членовъ спросить компанію, на какихъ условіяхъ она приметъ стачкующихся рабочихъ на работу. Компанія не дала имъ никакого отвѣта.

20 августа болѣе 20 телеграфистовъ просили работы въ компаніи W. U.; 17 изъ нихъ были приняты на прежнихъ условіяхъ.

21 августа всѣ телеграфисты получили слѣдующую вѣсть отъ главы своего братства: «Исполнительный комитетъ братства съ глубокимъ сожалѣніемъ заявляетъ, что стачка безуспѣшна. Всѣ члены могутъ возвратиться на работу».

Такъ кончилась стачка послѣ мѣсячной борьбы.

Телеграфисты рѣшили, чтобы телеграфистки пошли на свои старыя мѣста; изъ 38 женщинъ компанія приняла нѣкоторыя изъ получившихъ отказъ горько плакали. Даже выдающихся телеграфистовъ компанія W. U. ни одного не приняла; только болѣе смиренныя и послушныя попали на работу. Союзъ телеграфистовъ заявилъ, что телеграфисты, вслѣдствіе стачки потеряли около 400,000 долларовъ; убытки компаніи просты на миллионы. «Своей стачкой мы показали публикѣ, сказалъ Кампбелль, что компанія W. U. стала страшной монополией, диктуетъ свои условія не только рабочимъ, но даже публикѣ».

Говорятъ, компанія поклялась уничтожить «братство телеграфистовъ»; отъ своихъ рабочихъ она требуетъ теперь подчиненія не принадлежать къ братству. Вожакамъ стачки советъ пришлось покинуть телеграфное дѣло. Телеграфисты, получившія работу, обязались поддерживать своихъ собратій, оставшихся безъ работы. Вскорѣ послѣ этого, всѣ закрытыя конторы W. U. были въ полномъ дѣйствіи. По прежнему мужчины и женщины сидятъ теперь у ключей, обогащая своимъ трудомъ миллионы, и тая злобу до поры до времени. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, надѣются, что законодатели обратятъ вниманіе на ихъ положение. Перейдемъ къ сенатской комисіи.

II. Что думаетъ янки о рабочемъ вопросѣ?

Еще въ августѣ 1882 г. конгрессъ назначилъ специальный комитетъ изъ четырехъ сенаторовъ для изслѣдованія «проблемъ капитала и труда» въ республикѣ. Этотъ комитетъ долженъ былъ не только узнать въ частности «объ отношеніяхъ между капиталомъ и рабочимъ классомъ, о числѣ рабочихъ часовъ и рабочей платѣ, о развитіи рабочаго класса въ Соединенныхъ Штатахъ, о развитіи между трудомъ и капиталомъ ихъ общихъ продуктовъ, о способахъ и ихъ причинахъ, а также о законодательныхъ мѣрахъ, способствующихъ предотвратити стачки, и вообще о мѣрахъ, способствующихъ установленію гармоничныхъ отношеній между рабочими и капиталистами; наконецъ, о средствахъ къ улучшенію рабочаго класса».

Этотъ комитетъ ведетъ свои изслѣдованія, конечно, при открытыхъ дверяхъ; правительственный стенографъ записываетъ показанія добровольныхъ свидѣтелей; газеты, съ своей стороны, посылаютъ на засѣданія комитета репортеровъ. Такимъ образомъ, ходъ этого важнаго дѣла вполне доступенъ. Теперь послушаемъ, что говорятъ американцы о рабочемъ

13 августа, слѣдовательно, еще до окончанія стачки телеграфистовъ, комитетъ открылъ свои засѣданія въ огромной залѣ главнаго почтамта Нью-Йорка. Первымъ свидѣтелемъ былъ Кампль, глава «братства телеграфистовъ». Онъ заявилъ, что въ прошедшія десять лѣтъ жалованье телеграфистовъ постепенно уменьшилось; теперь они получаютъ въ среднемъ выводѣ 54 дол. въ сѣнь; высшая плата—85 дол.; на желѣзныхъ дорогахъ телеграфисты получаютъ около 40 дол. «Братство телеграфистовъ» было организовано съ цѣлю противодействовать дальнѣйшему уменьшенію жалованья и вообще для улучшенія положенія телеграфистовъ. Компания W. U. даетъ работу пятой части всѣхъ телеграфистовъ единенныхъ Штатовъ и Канады; отъ нее зависитъ размѣръ жалованья всѣмъ телеграфистамъ. На вопросъ: «Чѣмъ объяснить уменьшеніе жалованья телеграфистамъ?»—Онъ отвѣчалъ: «Безпричинною жадностію компаніи». На вопросъ: «Что такое стачка?»—Онъ отвѣчалъ: «Это протестъ противъ несправедливыхъ дѣйствій хозяевъ. По отношенію къ компаніи мы стоимъ теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ находится сама компанія по отношенію публикѣ, требуя большей платы за пересылку депешъ и депешъ». Телеграфистки получаютъ на 25% и даже 35% меньше телеграфистовъ. Телеграфистки составляютъ 20% всего числа телеграфистовъ. По мнѣнію Комибелла, телеграфисты не могутъ держать семью на свое жалованье. Между прочимъ, онъ просилъ патентовъ обратить особенное вниманіе на «разведеніе водою» питаема компаніи; по его мнѣнію, телеграфъ W. U. стоитъ не меньше 30 милліоновъ, между тѣмъ его стоимость—фиктивная, конечно—показывается въ 100 милліоновъ; такимъ образомъ оказывается, что когда компанія выдаетъ 7% дивиденда, она въ сущности выдаетъ 20%, что, конечно, противозаконно.

Другой телеграфистъ, Магъ-Клелландъ, заявилъ, что нельзя винить телеграфистовъ за стачку,—она настолько-же зависѣла отъ компаніи, насколько отъ рабочихъ. Какъ на самую вопіющую несправедливость, онъ указалъ на то, что только хозяева жинаютъ всѣ плоды новоизобрѣтаемыхъ машинъ, замѣняющихъ ручной трудъ. По его мнѣнію, въ послѣднія 10 лѣтъ девять десятыхъ прежняго ручного труда было исполнено машинами; слѣдовательно, почти въ этой-же пропорціи увеличились и доходы хозяевъ, между тѣмъ какъ рабочая плата осталась та-же или даже низилась. При такомъ распредѣленіи продуктовъ труда и капитала, стачки неизбежны; если онѣ не улучшатъ положеніе рабочихъ, если законодательная власть не придетъ къ нимъ на помощь, то рабочимъ остается одно средство—революція.

«Дьяло» № 10, 1883 г. II.

Телеграфистъ Оконоръ сообщилъ, что въ 1866 г. доходъ простирался до 2.624.923 дол., а въ 1882 г. онъ былъ менѣе, хотя ихъ работа удвоилась. Оконоръ получаетъ тоже самое жалованье, какое онъ получалъ 16 лѣтъ тому. Чтобы получить достаточно для содержанія своей семьи, онъ нужденъ трудиться 50 рабочихъ дней въ мѣсяцъ! Только такимъ образомъ онъ получаетъ 110 дол. въ мѣсяцъ. При своихъ громадныхъ доходахъ, компанія легко могла-бы удовлетворить стоящія требованія телеграфистовъ, такъ какъ для этого можно-бы увеличить расходы на ихъ жалованье всего на 17%.

15 августа одинъ телеграфистъ представилъ сенаторамъ предложенное условіе, которое всѣ телеграфисты W. U. обязаны подписывать: они обязуются не принадлежать ни въ «братство» ни въ другому какому-либо обществу телеграфистовъ. Другой телеграфистъ представилъ печатный контрактъ, который всѣ рабочие одного большого глиняного завода въ Огайо подписываютъ при поступленіи на работу; они отказываются быть членами обществъ «рыцарей труда», а также всякихъ другихъ рабочихъ обществъ; они отказываются участвовать на рабочихъ митингахъ и въ собраніяхъ рабочихъ; они обязаны увѣдомить своихъ хозяевъ за недѣлю о своемъ желаніи оставить работу. Подобныя-же контракты были представлены башмачниками и углекопами.

По мнѣнію одного телеграфиста, правительство должно взять телеграфъ въ свои руки и затѣмъ сдать его телеграфистамъ по контракту. «Политическій строй нашей страны, добавивъ онъ, будетъ въ серьезной опасности, если рабочіе окажутся въ рукахъ капиталистовъ».

Телеграфистъ Тьерни заявилъ, что многіе телеграфисты недовольны своимъ положеніемъ, которое ничего не обѣщаетъ въ будущемъ; поэтому нѣкоторые изъ нихъ, работая по вечерамъ на телеграфѣ, днемъ учатся разнымъ наукамъ: медицинѣ, административному богословію и стенографіи.

Телеграфистъ Сеймуръ сказалъ, что Western Union имела до тридцати разныхъ телеграфныхъ компаній. Онъ работалъ на телеграфѣ 31 годъ и замѣтилъ, что чѣмъ сильнѣе становится компанія W. U., тѣмъ дороже она брала за депеши и тѣмъ она платила своимъ рабочимъ.

Далѣе сенатскій комитетъ слушалъ показанія рабочихъ ремесль.

Гомперсъ, табачникъ, сообщилъ, что въ городѣ Нью-Йоркѣ 1.920 семействъ, дѣлающихъ сигары въ своихъ собственныхъ

тирахъ. Вонь и грязь въ этихъ квартирахъ страшныя. Въ Когосъ тысячи рабочихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ устроили стачку, когда имъ уменьшили жалованье на 10%; но рабочіе покорились своей участи; ихъ квартиры, вода въ городѣ и всѣ лавки принадлежать фабрикантамъ, которые конечно умѣютъ пользоваться своими правами. Погонщики лошадей на конножелѣзныхъ дорогахъ Нью-Йорка за 16-часовую работу получаютъ 1 д. 75 ц. и когда они устроили стачку, требуя 2 д. въ день, ихъ сейчасъ-же замѣнили новыми рабочими. Дѣти, передающія деньги кассиру въ нью-йорскихъ лавкахъ, работаютъ отъ 10 до 16 часовъ и получаютъ отъ 2 до 3 д. въ недѣлю. Въ заключеніе онъ сказалъ, что въ Америкѣ рабочій день слишкомъ длиненъ. Въ Австраліи 26 лѣтъ тому назадъ узаконенъ восьми-часовой рабочій день, и день провозглашенія этого закона тамъ празднуется самымъ торжественнымъ образомъ.

Секретарь «братства плотниковъ» Макъ-Гайръ далъ данныя относительно числа членовъ объединяющаго общества «рыцарей»; къ этому обществу принадлежатъ слѣдующіе союзы: табачники—20,000 членовъ, наборщики 15,000, каменщики—12,000, плотники—6,700, литейщики—14,000, рабочіе на желѣзныхъ и стальныхъ фабрикахъ—42,000, углекопы—36,000, гранитотесы—6,000, обойщики мебели—3,500, машинисты—12,000, кочегары—11,000, вондукторы—7,000, моряки на озерахъ—7,500, нѣмецкіе наборщики—3,000, кузнецы—2,500, башмачники—17,000, телеграфисты—12,000, рабочіе по металлу—2,000, фабричныя машинисты—1,700; всѣхъ членовъ—244,400. «Стачки, сказалъ онъ, служатъ доказательствомъ умственного роста рабочихъ; нѣтъ стачекъ безъ успѣха: всякая стачка учитъ рабочихъ организоваться, а съ другой стороны—показываетъ хозяевамъ всѣ выгоды мирнаго рѣшенія спорныхъ пунктовъ съ рабочими». По его мнѣнію, законодатели могутъ значительно улучшить положеніе рабочихъ, «если только они честно пожелаютъ этого». Нужно уничтожить законы о «заговорѣ», существующіе въ нѣкоторыхъ штатахъ; эти законы ловкіе адвокаты обращаютъ противъ рабочихъ союзовъ; нужно строго воспретить привозъ изъ Европы законтракованныхъ эмигрантовъ—бѣлыхъ рабовъ, какъ это дѣлается теперь; напрімѣръ итальянскіе патеры поставляютъ итальянцевъ, а нѣкоторые нѣмцы—зенгерцевъ.

Портной Карлъ заявилъ, что въ Нью-Йоркѣ насчитывается до 20,000 портныхъ; ихъ житье крайне незавидное: они получаютъ только отъ 8 до 10 дол. въ недѣлю; въ случаѣ если жена помогаетъ мужу, заработокъ увеличивается доллара на 3—4. По

его мнѣнію, работа на дому должна быть воспрещена закономъ.

Фостеръ, наборщикъ изъ Цинциннати, совѣтывалъ слѣдующія мѣры для улучшенія положенія рабочихъ: запрещеніе дѣла трудовъ, сокращеніе числа рабочихъ часовъ, полная свобода организаціи рабочихъ, покровительство производительному труду и устраненіе спекулятивной игры.

Пауэрсъ, изъ Чикаго, морякъ на озерахъ, сообщилъ, что основанія ихъ общества моряки получали долларъ въ недѣлю, теперь 2 доллара, что, впрочемъ, только покрываетъ издержки рабочихъ и ихъ семействъ; изъ 7,000 членовъ ихъ общества очень немногіе сдѣлали сбереженіе въ нѣсколько сотъ долларовъ.

Блокъ, булочникъ, сказалъ, что его собратья работаютъ отъ 2 ч. дня до 9 ч. слѣдующаго дня; работая всю ночь на пролетъ они получаютъ отъ 8 до 10 дол. въ недѣлю. Пивовары получаютъ отъ 30 до 100 дол. въ мѣсяцъ; имъ часто приходится поднимать свой голосъ на выборахъ по указанію своихъ хозяевъ, въ опасеніемъ потери работы.

Штрассеръ, президентъ союза табачниковъ, далъ въ вышней степени интересныя данныя. Онъ сказалъ, что ихъ союзъ имѣетъ цѣлю оказывать всякое покровительство своимъ членамъ. Въ прошломъ году, онъ выдалъ больнымъ членамъ пособіе всего 16,264 дол., и 19,722 дол.—на пособіе рабочимъ безъ работы; ихъ союзъ издаетъ свою собственную газету, которая имѣетъ большое общественное и нравственное вліяніе на членовъ; рабочіе этого союза работаютъ отъ 48 до 60 часовъ въ недѣлю, между тѣмъ, какъ табачники, не принадлежащіе къ ихъ союзу, работаютъ отъ 86 до 90 часовъ въ недѣлю, т. е. отъ 14 до 15 часовъ въ день. Въ послѣднія 18 лѣтъ у табачниковъ было всего 363 стачки, изъ которыхъ 204 увѣнчались успѣхомъ. Эти стачки стоили табачникамъ 286,444 дол., но за-то рабочіе выиграли на жалованьяхъ 1,800,000 въ годъ! Часто союзъ предотвращаетъ стачки, благодаря своей силѣ и вліянію на хозяевъ. Въ прошломъ году предложено до 200 стачекъ въ странѣ. По его мнѣнію, рабочіе могутъ помочь сами себѣ, если только правительство будетъ защищать ихъ законныя права на-столько-же, на-сколько защищаетъ права капиталистовъ».

21-го августа въ Нью-Йоркѣ открылся конгрессъ рабочихъ, который явились представители 130,000 рабочихъ разныхъ профессій. Первымъ рѣшеніемъ этого конгресса было дать инструкціи президенту, чтобы онъ протестовалъ предъ сенатскимъ комитетомъ противъ незаконныхъ дѣйствій компании Western Union телеграфистовъ отказываться отъ рабочихъ обществъ.

тѣмъ самымъ отнимаетъ у нихъ права, гарантированныя конституціей. Далѣе конгрессъ обсуждалъ учрежденіе національной «федерации рабочихъ»; «рыцари труда» насчитываютъ въ своей организаціи до 800,000 членовъ и «федеративная унія», члены которой собрались на конгрессъ, имѣетъ до 300,000 рабочихъ, если къ этимъ организаціямъ присоединить общество «соединенныхъ рабочихъ» на желѣзныхъ и стальныхъ заводахъ, то получится грозная сила, которая можетъ внушить уваженіе къ себѣ даже сильнѣйшимъ компаніямъ капиталистовъ.

Генри Джорджъ, извѣстный политико-экономъ, сказалъ сенаторамъ: «Чувство недовольства сильно растетъ у рабочихъ Соединенныхъ Штатовъ. По моему мнѣнію, борьба идетъ не между трудомъ и капиталомъ, а между трудомъ и монополіей. Всякія монополіи основываются на монополіи земли. Лучшія, болѣе доступныя земли въ нашей странѣ принадлежатъ компаніямъ богачей. Рабочіе, не имѣя возможности заниматься земледѣліемъ, переполнили рынки труда, и началась конкуренція рабочихъ рукъ. Въ штатахъ Новой Англій средней рабочей платѣ недостаточна для сколько-нибудь приличнаго житья. Плата все понижается во всѣхъ ремеслахъ, и это будетъ продолжаться. Самымъ надежнымъ средствомъ помочь горю было-бы отдать натуральныя богатства въ руки многихъ, вмѣсто немногихъ. Я не предлагаю захватъ и раздѣленіе всякихъ богатствъ и имуществъ, а только обращеніе земли, занятой и незанятой, въ пользу земледѣльцевъ. Этотъ планъ можетъ быть осуществленъ простымъ способомъ: нужно обложить землю высокой таксой, безразлично—будетъ ли она пустопорожная, или крайне удобрена и производительна, будетъ ли она подъ частнымъ жилищемъ, или подъ фабриками. При такой системѣ пропала-бы охота у людей спекулировать землей: ею пользовались-бы только тѣ, кому она нужна для жилья или для работы. Оцѣнку землю нужно-бы было производить ежегодно». — «Что-бы вы сдѣлали, если-бы васъ сдѣлали диктаторомъ?» спросилъ одинъ изъ сенаторовъ. — «Я-бы взялъ телеграфъ въ свои руки, уничтожилъ-бы военный флотъ, уничтожилъ-бы тарифъ, уничтожилъ-бы всякія монополіи, упростилъ-бы всѣ законы и уничтожилъ законъ, защищающій права заимодавцевъ».

Адамсъ, адвокатъ, заявилъ сенаторамъ, что право утилизировать общественную собственность, а также частную собственность для общественной пользы, должно отдавать съ публичнаго торга; такимъ образомъ не нужно-бы было подкупать законодателей и газеты; такіе торги должны-бы были производиться періодически;

этимъ путемъ мы избавились-бы отъ спекулянтовъ, остави въ дѣлѣ только дѣловыхъ людей.

Муди, писатель, сообщилъ, что въ послѣднія 10 лѣтъ лія земли сильно увеличилась въ Соединенныхъ Штатахъ, фермъ въ 1,000 акровъ и болѣе возросло на 800%! Гиракъ стовъ владѣеть во Флоридѣ четырьмя милліонами акровъ; ея корпорація принадлежитъ три съ половиной милліона акровъ въ Тексасѣ; правительство отдало разнымъ компаниямъ, особенно жѣзнодорожнымъ, до 250 милл. акровъ. «Не далеко то время когда правительство нашей республики не будетъ имѣть свободныя земли для своихъ гражданъ», закончилъ онъ.

Томасъ Макъ-Гайръ, ломовой извозчикъ, утверждалъ, что теперь не только дѣла, но и дѣлишки перешли въ руки капиталистовъ; чтобы заниматься извозомъ въ Нью-Йоркѣ, нужно имѣть по крайней мѣрѣ 50 тыс. дол. Богатые люди покупаютъ все дешевле бѣдныхъ, а потому они могутъ брать за работу дешевле. Онъ, Макъ-Гайръ, разорился, потому что не могъ конкурировать съ богатыми извозчиками. «Рабочіе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе становятся рабами. Даже у избирательнаго ящика они не могутъ быть независимыми, потому что номинація кандидатовъ производится богачами и въ интересѣ капиталистовъ. Я всегда усердно работалъ; четыре года я сражался въ арміи за освобожденіе негровъ; но отъ правительства я не вижу ни награды, ни защиты; оно только собираетъ съ меня пошлины, чтобы ежедневно уплачивать Вандербильту 400 дол. процентовъ на ея государственныя акціи. Наши представители попадаютъ въ конгрессъ только благодаря деньгамъ богачей, а потому они защищаютъ только интересы богачей».

На такое обвиненіе конгресса сенаторъ Блэръ возмущенъ. «другъ мой, сказалъ онъ, мнѣ кажется, люди вездѣ одинаковы. Я убѣжденъ, что относительно нравственности ни пасторы, ни доктора, ни другого какого-либо званія не превосходятъ нашихъ членовъ конгресса. Восемь лѣтъ я состою сенаторомъ, и я не знаю ни одного случая подкупа въ конгрессѣ. Вы жестоко ошибаетесь, когда дозрѣваете народныхъ представителей въ продажность. Это ставитъ всѣмъ намъ серьезныя задачи. Я понимаю, какъ тяжело при вашихъ необыкновенныхъ способностяхъ, подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, приходится къ мрачному взгляду. Я уверяю васъ, но я долженъ сказать, что вы серьезно ошибаетесь въ вашей оцѣнкѣ людей. Большинство людей по всему миру честны».

Андерсонъ, кирпичникъ, сказалъ, что его сотоварищи

тъ 4 дол. 50 ц. въ день, но зато ихъ работа продолжается только отъ 7 до 9 мѣсяцевъ въ годъ. Въ послѣдніе три мѣсяца (іюнь, юль и августъ) у рабочихъ, занимающихся постройкой зданій, было 29 стачекъ, изъ которыхъ 27 оказались успѣшными.

Э. Лудло, 80-ти лѣтній маклеръ, нарисовалъ двѣ картины Нью-Йорка — настоящаго и 50 лѣтъ тому назадъ. Прежде человекъ, имѣвшій 100 тыс. дол., считался богачемъ, а теперь, имѣщій миллионъ дол. считается мелкой птицей. Прежде было больше общности, а теперь появились классы, отдѣленные одинъ отъ другого какъ-бы китайской стѣной; прежде женщины имѣли два-три ситцевыхъ платья и одно шелковое, а теперь онѣ не хотятъ ничего носить, какъ только шелкъ и бархатъ. Прежде нравы и обычаи были просты, а теперь богачи наводятъ жить на манеръ отживающей свой вѣкъ европейской аристократіи. Теперь богатые люди подражаютъ во всемъ миллионерамъ, а бѣдные люди изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы походить на богатыхъ.

Блиссертъ, портной, заявилъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ система монополій возрасла до чудовищныхъ размѣровъ и что если эта система не будетъ уничтожена, то чрезъ какія-нибудь десять лѣтъ американская республика сдѣлается ареной самой страшной, кровавой революціи.

Д-ръ Гринъ, президентъ компаніи Western Union, бывшій въ отсутствіи (въ Англіи) во время стачки, явился предъ сенатскимъ комитетомъ, чтобы защитить свою компанію. Прежде всего онъ сказалъ, что капиталъ компаніи не только не «разбавленъ водою», но напротивъ «сгущенъ»; что теперь мила телеграфа стоитъ только 200 дол. Компанія имѣетъ всего 13,560 конторъ; число депешъ въ 1879 г. было 21 мил., а въ 1882—69 мил. Валовой доходъ въ прошломъ году былъ 19 мил. дол., расходы — 9.900 тыс. дол. Стоимость телеграфа со всѣми патентованными изобрѣтеніями, купленными правами и привилегіями, возрасла на 90%! Относительно правительственнаго телеграфа онъ сказалъ, что онъ не знаетъ, чтобы правительство могло съ выгодой вести какое-либо предпріятіе. Даже въ Англіи телеграфное дѣло не оплачивается. W. U. получаетъ 8% на свой капиталъ—80 мил. Если правительство вздумало-бы завести свой телеграфъ, то ему пришлось бы потратить еще большую сумму, чѣмъ весь капиталъ W. U. (припомнимъ, что, по мнѣнію телеграфистовъ, телеграфъ обошелся-бы 25—30 мил. дол.). Четыре десятыхъ всего расхода компаніи идетъ на жалованье. Средняя плата телеграфистамъ не 54 дол., какъ утверждали телеграфисты, а 70 дол. въ мѣсяць, между тѣмъ какъ въ Англіи платятъ только 24 д. 20 ц. въ мѣсяць. До 25 тыс.

человѣкъ раз'сѣваетъ на телеграфѣ W. U. Всего акціонеровъ въ этой компаніи около 2.600; самый большой акціонеръ имѣетъ 50 дол. капитала (Гульбертъ); 29 акціонеровъ владеютъ болѣе акціями.

— «Имѣеть ли въ виду ваша компанія скрутить всѣхъ ния линій въ странѣ?» спросилъ сенаторъ Джорджъ.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ д-ръ Гринъ, — но мы имѣемъ въ виду всю страну нашей сѣтъю. Мы платили за нѣкоторыя линіи же, чѣмъ онѣ стоили, и все таки мы остались въ барышѣ. Компанія «Mutual Union» получала 100,000 дол. въ годъ и съ же тратила; когда же мы купили эту линію, то почти весь ходъ дѣлкомъ остался у насъ въ барышѣ. Мы купили исключительное право у многихъ желѣзныхъ дорогъ проводить ния нашъ телеграфъ. Телеграфъ на желѣзной дорогѣ приноситъ 75% болѣе, чѣмъ телеграфъ, проведенный въ другомъ мѣстѣ».

Далѣе д-ръ Гринъ отрицалъ, чтобы его компанія преслѣдовала телеграфную монополію, потому что всякимъ конкурентамъ открыто свободное поле; но онъ допускалъ, что W. U. имѣетъ многія права и привилегіи, которыхъ на много лѣтъ и другая компанія не можетъ имѣть. Компанія обыкновенно выдаетъ вне желѣзнодорожные билеты, въ видѣ «комплимента», членамъ конгресса, губернаторамъ, министрамъ и другимъ важнымъ лицамъ, «но мы никого не подкупаемъ», замѣтилъ онъ.

— «Скажите, спросилъ сенаторъ Блэръ, по чувству справедливости, не должны ли телеграфисты получать болѣе, чѣмъ получаютъ компанія W. U.»

— «Да, отвѣчалъ президентъ компанія, но бѣда въ этой компаніи образовываются для «дѣланія денегъ», а не для творительныхъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, американскіе телеграфисты получаютъ болѣе рабочихъ всѣхъ государствъ».

Далѣе онъ сказалъ, что больше всѣхъ телеграфомъ пользуются газеты, затѣмъ правительство, затѣмъ торговый людъ, а затѣмъ публика вообще. Газетныя депеши — самая выгодная правительственная — самая невыгодная статья. Съ 1858 года компанія выдавало своимъ аукціонерамъ дивидендъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: однажды — сто процентовъ, въ другой разъ настоящее время она выдаетъ 7%, а 3% идетъ на расходы. Относительно рабочихъ организацій онъ сказалъ, что онъ знаетъ по своему опыту, что лучше всего держать рабочихъ на томъ же уровнѣ.

В. Муди сказалъ, что монополисты страшно губятъ

квятили въ свои руки земли, изобилующія углемъ, керосиномъ всякими минерами.

5 сентября сенаторы слушали показанія мистера Гульда, тоющаго ни болѣе, ни менѣе какъ сто милліоновъ долларовъ, оящаго во главѣ компаниі Western Union и заправляющаго многиими желѣзнодорожными компаниями. Гульдъ—признанный король Нью-Йоркской биржи.

По просьбѣ сенаторовъ, Гульдъ разсказалъ исторію своей жизни. Онъ родился съ 1836 г., въ штатѣ Нью-Йоркъ; его отецъ былъ фермеромъ, владѣвшимъ 20 коровами; будущій «биржевой король» пасъ коровъ и помогалъ сестрамъ доить ихъ; 15-ти лѣтъ нъ служилъ въ мелочной лавкѣ; ночью онъ занимался математикой и изучалъ землемѣрное искусство. Потомъ онъ поступилъ въ омовники къ одному землемѣру съ жалованьемъ—20 дол. въ мѣсяцъ. Но его принципалъ обманулъ его и ему пришлось нѣкоторое время питаться въ долгъ или Христа-ради. Ушедши въ мѣсяцъ, онъ горько плакалъ, а помолившись, почувствовалъ легче. Первый долларъ онъ заработалъ, установивъ для фермера олуденную стрѣлку. Затѣмъ онъ занялся съемкой различныхъ рафствъ; онъ продавалъ свои карты удачно; на нихъ онъ «сдѣлалъ» 5,000 дол. Далѣе онъ купилъ обанкротившуюся желѣзную дорогу въ 60 миль, заплативъ 10 ц. на долларъ. Вотъ тутъ-то онъ опредѣлялъ свой «геній»; быстро онъ возстановилъ дорогу и продалъ ее съ громаднымъ барышемъ. Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ желѣзнодорожнаго дѣла. Затѣмъ къ желѣзнымъ дорогамъ онъ прибавилъ телеграфныя линіи, и въ концѣ концовъ сталъ во главѣ тѣхъ и другихъ интересовъ. Онъ крайне успѣшно воевалъ на обѣихъ поприщахъ противъ сильнѣйшихъ компаниі, и кончилъ тѣмъ, что свои желѣзныя дороги и телеграфныя линіи соединилъ съ дорогами и линіями мистера Вандербильта (Вандербильтъ стоитъ 300 мил.). Такъ какъ Вандербильтъ недавно отказался отъ прямого участія въ дѣлѣ, то онъ, Гульдъ, сталъ во главѣ Western Union, и желѣзныхъ дорогъ, пересекающихъ континентъ по всѣмъ направленіямъ.

По мнѣнію Гульда, еслибы правительство вздумало заняться телеграфнымъ дѣломъ, то оно необходимо должно-бы было купить телеграфъ W. U., потому что на свой рискъ оно не могло-бы конкурировать съ W. U. Эта компанія владѣтъ новѣйшими изобрѣтеніями по телеграфу и, кромѣ того, она законтрактовала для себя исключительно многія важнѣйшія желѣзнодорожныя линіи. Правительство, по его мнѣнію, не справилось-бы съ такимъ важнымъ дѣломъ, какъ телеграфъ. Политиканы забрали-бы его

въ свои руки; назначеніе телеграфистовъ и смотрителей зависѣло-бы отъ торжествующей политической партіи. Въ телеграфѣ разыгрывалась-бы политика, но дѣло навѣрное бы хромало. Впрочемъ, Гульдъ непрочъ посмотрѣть на эскизы правительства на телеграфномъ поприщѣ; онъ даже жилъ-бы правительству свой телеграфъ за умѣренную сумму 100.000,000 долларовъ!

— Стачки, сказалъ онъ, устраиваются обыкновенно худшими рабочими: лучшіе рабочіе не боятся труда и умѣютъ выигрывать свое время. У насъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, рабочіе работаютъ больше, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ. Если вы увеличите рабочую плату, то капиталисты уйдутъ въ другія страны, гдѣ они могутъ получить большій процентъ на свой капиталъ. Не шивайтесь въ отношенія капитала и труда; они сами съумѣютъ урегулировать другъ друга.

— Думаете-ли вы, что трудъ получаетъ надлежащую долю изъ накопленнаго богатства капитала?

— Да. Процентъ на капиталъ не уменьшается. Теперь баранки заводчиковъ зависятъ отъ увеличеннаго количества производимыхъ предметовъ; но это, конечно, въ пользу рабочихъ. Въ слѣдствіе прилива эмигрантовъ случается, что предложеніе рукъ слишкомъ велико, но это только временно: у насъ еще много земледельной и даровой. На роздачу земель желѣзнодорожнымъ компаниямъ у насъ часто смотрятъ, какъ на великое зло; это несправедливо. Желѣзнодорожныя компаніи въ собственномъ интересѣ стараются заселить свои участки мелкими фермерами, продукты которыхъ онѣ перевозятъ на рынокъ. Продавать землю спекулятивно выгодно компаніямъ. Компаніи увеличили стоимость и производительность своихъ земель.

— Какой процентъ американскихъ капиталистовъ собственно приобрѣли свой капиталъ?

— Почти всѣ. У насъ нѣтъ наследственной аристократіи, капитала и наши законы противъ такой системы. Вы оставляете свой капиталъ своимъ дѣтямъ, и они навѣрное съумѣютъ его. Нѣтъ, у насъ нѣтъ опасности объединенія или тѣснаго союза капиталистовъ; у насъ свободѣ и счастью народа угрожаетъ союзъ капиталистовъ. Если есть у насъ опасность, то придетъ отъ накопленія необразованныхъ рабочихъ. Мы позаботимся объ образованіи и развитіи массы. Въ обществѣ мы найдемъ лучшее средство противъ всевозможныхъ злоупотребленій. Кромѣ того, ничѣмъ вы не поможете такъ улучшить положеніе рабочихъ, какъ образовавъ ихъ.

— Привилегіи корпораціямъ, продолжалъ м—ръ Гульдъ въ юченіе, — не грозятъ нашей странѣ опасностью; у насъ нѣтъ ополій и ояѣ невозможны, потому что у насъ узаконена своа конкуренція. Никто не долженъ бояться меня: ничего не несъ я съ собою на свѣтъ и навѣрно ничего не унесу я съ ою въ могилу. Я полагаю, что люди должны быть такъ обрааны, что, въ случаѣ неудачи въ одной отрасли промышленности, и могли-бы пробовать счастье въ другой. Всѣ мы, богатые и цные, работаемъ не затѣмъ, чтобы уничтожить другъ друга, а бѣмъ, чтобы показать всѣ выгоды нашей формы правленія и рдость американскихъ учреждений».

Джонъ Свинтонъ, извѣстный здѣсь журналистъ, сдѣлалъ десять едложеній, которыя конгрессъ въ силѣ осуществить и которыя, его мнѣнію, будутъ одобрены $\frac{4}{5}$ всѣхъ гражданъ. Эти предкенія были:

1. Установленіе подоходнаго налога.
2. Учрежденіе «національнаго бюро промышленности» для соранія статистическихъ данныхъ относительно всякихъ интересовъ рабочаго класса, какъ-то: рабочіе союзы, число рабочихъ чаъ, женскій и дѣтскій трудъ, рабочая плата, стачки и т. д.
3. Учрежденіе національныхъ комитетовъ здравія, просвѣщенія публичныхъ работъ.
4. Учрежденіе правительственныхъ промышленныхъ школъ, по анцузскому плану.
5. Обращеніе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ въ правительственную собственность, по бельгійскому образцу.
6. Свободное пользованіе патентами, какъ въ Голландіи и вейцаріи, только съ сохраненіемъ преміи изобрѣтателямъ.
7. Открытіе почтовыхъ банковъ, какъ въ Англіи.
8. Опредѣленіе шахітм'а земли, которою можетъ владѣть дѣльное лицо или корпорація капиталистовъ—американскихъ и остранныхъ.
9. Обращеніе въ собственность правительства всѣхъ минъ— ля, желѣза, золота и другихъ минераловъ, а равно и керосинхъ колодцевъ.

На вопросъ о платѣ журналистамъ Свинтонъ отвѣчалъ, что и получаютъ отъ нисшей до высшей заработной платы, смотря усердію, ловкости и таланту.

Джаррстъ, президентъ объединенной ассоціаціи рабочихъ на лѣзныхъ фабрикахъ, заявилъ, что третейскій судъ, состоящій въ капиталистовъ и рабочихъ—лучшее средство противъ стачекъ. ачки чаще всего причиняются не рабочими, а хозяевами, кото-

рые съ каждымъ годомъ становятся все болѣе и болѣе широкими. Система—отдавать преступниковъ контракторамъ работъ и несправедлива, и вредна.

Говардъ, секретарь союза ткачей, далъ слѣдующія цифры: въ 1869 г. членомъ всѣхъ рабочихъ союзовъ въ Соединенныхъ Штатахъ было 600,000, въ 1870—800,000, въ 1874—1.000,000, теперь около полутора милліона.

Блэръ, дѣлающій упаковочные ящики, защищалъ капиталъ въ единичныхъ рукахъ. По его мнѣнію, 25.000 долларовъ годнаго дохода должно признать максимумъ. Капиталъ самъ по себѣ долженъ быть обложенъ высокой пошлиной; только путемъ можно придти къ болѣе равномерному распределенію богатства. Число рабочихъ часовъ должно быть сокращено—и не безнотности для того, чтобы не дать машинамъ «задавить» рабочихъ. Машины своей работой въ нѣсколько часовъ дѣлаютъ работу тысячи рабочихъ, или же сильно понижаютъ рабочую силу.

Пасторъ Ньютонъ, ректоръ церкви «всѣхъ святыхъ», заявилъ, что и рабочіе и капиталисты равно отвѣтственны за ихъ положенія, хотя чаще виноваты живущіе во дворцахъ, чѣмъ въ трущобахъ. Рабочіе плохо организованы, поэтому они чаще страдаютъ отъ стачекъ, чѣмъ выигрываютъ; хозяева и лучше организованы и дольше могутъ вести борьбу. Ростъ рабочихъ союзовъ показываетъ, что рабочіе начинаютъ понимать свои интересы и бороться за нихъ. Правительство можетъ сдѣлать многое, чтобы улучшить положеніе рабочихъ и отвратить роковое столкновение между рабочими и хозяевами. Нужно приберечь правительственные доходы съ нихъ на школы для народа.

Миссисъ Кроли заявила, что нужно открыть профессиональные школы для женщинъ, гдѣ онѣ могли бы обстоятельно изучать ремесла.

Богатый гражданинъ Теорберъ сказалъ, что желѣзнодорожныя компании произвольно повышаютъ фрахтъ, такимъ образомъ заставляя бѣдныхъ дорого платить даже за предметы первой необходимости, какъ-то: уголь, молоко и другая провизія. Члены конгресса дане безсильны помочь горю, потому что между членами конгресса насчитывается не мало желѣзнодорожныхъ акціонеровъ, и мѣ того между ними есть 284 адвоката, изъ которыхъ половина стоятъ на жалованьи у желѣзнодорожныхъ компаний. Одинъ сенаторовъ заявилъ при этомъ, что ему неизвѣстно, кто изъ членовъ конгресса состоитъ на жалованьи у какой-нибудь компании. Одинъ сенаторъ прибавилъ, что конгрессъ не долженъ интересоваться въ желѣзнодорожныхъ делахъ.

Д-ръ Дуэ, социалистъ, сказалъ, что нужно измѣнить конституцію томъ смыслѣ, чтобы народъ прямымъ голосованіемъ могъ отгнать всякій законъ, какой окажется вреднымъ. По его мнѣнью, теперь большинство законодателей принадлежитъ къ классу италистовъ, и натурально, что они защищаютъ собственные интересы въ ущербъ рабочихъ.

М-ръ Стормъ, мануфактуристъ сигаръ, сказалъ, что хозяева, и малѣйшемъ вниманіи къ нуждамъ своихъ рабочихъ, могли-бы предупредить всякія недоразумѣнія; какъ на примѣръ, онъ указалъ собственную фирму. Всѣ недоразумѣнія, требованія и жалобы фирмъ разбираются третейскимъ судомъ, состоящимъ изъ 5 званыхъ и 4 рабочихъ. У фирмы есть касса для рабочихъ, фирма оситъ 25 д. еженедѣльно и каждый рабочій—5 ц. Теперь въ кассѣ находится около 15 тыс. дол.

Сенатскій комитетъ не кончилъ еще своихъ изслѣдованій. Въ ономъ времени онъ отправится въ другіе города Союза. Будущему конгрессу комитетъ представить свой отчетъ. Здѣсь многие полагаютъ, что на этотъ разъ законодатели обратятъ самое рѣзкое вниманіе на рабочій вопросъ; да и то сказать—даже въ жадливой Америкѣ нельзя безъ серьезной опасности откладывать его въ долгій ящикъ.

III. Труднѣйшіе пункты рабочаго вопроса въ Америкѣ.

Читатель, внимательно слѣдившій за показаніями гражданъ въ сенатскомъ комитетѣ, могъ замѣтить, что американцамъ представляются свои спеціальныя трудности при рѣшеніи рабочаго вопроса. Особенно нужно имѣть въ виду страстную любовь американца къ свободѣ. Для него политика имѣетъ смыслъ только при свободной подачѣ голосовъ. По его мнѣнію, пресса можетъ имѣть все высокое значеніе только подъ условіемъ полнѣйшей свободы слова. Точно также онъ смотритъ на конкуренцію въ торговлѣ и промышленности: только благодаря свободной конкуренціи, по его мнѣнію, торговля и промышленность могутъ процвѣтать и развиваться. Мнѣ не разъ приходилось читать и слышать здѣсь самые восторженные панегирики конкуренціи. Конкуренція—это «жизненная пружина, толкающая страну впередъ»; это—«ключъ живой воды, предупреждающій общественный застой»; это—«талисманъ, вызывающій изъ мрака къ свѣту разнообразныя таланты и гены»; это «вѣчный стимулъ, заставляющій человѣка развертываться во всю ширь его способностей» и т. д. И вдругъ этимъ

панегристамъ конкуренціи приходится слышать такъ и смотрите, что дѣлаетъ ваша хваленая конкуренція: она страну на край гибели; она порождаетъ классы, враждующіи другъ на друга; она даетъ полный просторъ и обращаетъ въ состояніе рабства миллионы людей; это дала миллионеровъ-монополистовъ съ одной стороны, а с другой—грозный пролетаріатъ. Пора пообрѣзать крылья вашей свободной конкуренціи, иначе мы дождемъ до революціи. Помните грандіозную стачку 1877 г., когда служащіе и рабочие на желѣзныхъ дорогахъ разнесли полицію, разогнали и разгромили нѣсколько желѣзнодорожныхъ депо; когда вы бились, чтобы спасти свои дороги, выдали своимъ рабочимъ 100 тыс. въ видѣ какого-то пособія. Посмотрите: у насъ въ Нью-Йоркѣ, какъ въ древнихъ городахъ—Венеціи и Генуѣ, стоятъ чудовищные дворцы миллионеровъ, между тѣмъ какъ рабочие дыхаются въ переполненныхъ казармахъ... Вотъ къ чему приводитъ ваша хваленая конкуренція. А что будетъ дальше?»

Въ виду такихъ рѣчей, а главное фактовъ, которыми панегристы никогда не игнорируютъ, панегристы свободной конкуренціи задумались и пришли къ такому заключенію: «свободная конкуренція» необходима для жизни и роста общества, но существуетъ «нездоровая» конкуренція, которая дѣйствительно приводитъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Теперь спрашивается: какъ-же уничтожить или предупредить «нездоровую» конкуренцію? На этотъ вопросъ давно уже дѣлались различныя попытки.

Поборники сильной правительственной власти заявляютъ, что правительство должно вмѣшаться въ частныя отношенія гражданъ, когда оно замѣтитъ, что какая-нибудь часть гражданъ не въ состояніи защитить своихъ законныхъ и естественныхъ правъ. Ревнители политической свободы гражданъ возражаютъ на это, что если дать правительству право вмѣшаться въ экономическія отношенія гражданъ, то это было-бы равно провозглашенію диктатуры. Съ другой стороны, гдѣ гарантия, что правительство непремѣнно приметъ сторону обиженной стороны? Правители, будучи представителями той или другой политической партіи, будутъ защищать интересы своей партіи, а это значитъ, что они будутъ наблюдать справедливость противъ своихъ политическихъ противниковъ. Кроме того, права и обязанности правительства здѣсь не ограничены конституціей, мудрость которой свято признается всѣми, кроме партіи социалистовъ. Американецъ долженъ убѣдиться, что его страна дѣйствительно въ опасности.

нежели онъ рѣшится измѣнить даже іоту въ конституціи, завѣщенной имъ великими отцами республики. Помимо всего этого, и при настоящемъ строѣ дѣлъ, утверждаютъ многіе американцы, естественные и разумные правители могутъ исправить много золъ экономическихъ. Вся бѣда въ томъ, что рабочіе еще недостаточно развиты, чтобы выбирать изъ своей среды своихъ истыхъ представителей.

Второй планъ рѣшенія вопроса представляютъ американскіе коммунисты. «Уничтожьте личную собственность, говорятъ они, и тѣмъ самымъ вы навсегда избавитесь отъ всѣхъ золъ конкуренціи, которая есть ни что иное, какъ непрерывная, братоубійственная война». Но я долженъ сказать, что американцы, будучи крайне рѣшительными индивидуалистами, не придаютъ значенія теоріи коммунизма. Партія коммунистовъ здѣсь очень мала и члены ея въ большинствѣ случаевъ европейскаго происхожденія; обыкновенно они скоро абамериканиваются.

Третій планъ покончить со зломъ конкуренціи представляетъ система *кооперации*. Нечего и говорить, что эта система не измѣняетъ въ корнѣ существующихъ экономическихъ отношеній; она только предохраняетъ отъ крайностей и устраиваетъ нѣкоторую армонію въ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Очень можетъ гадаться, что въ недалекомъ будущемъ эта система сдѣлается здѣсь осподствующей. Образование и развитіе быстро распространяются между здѣшними рабочими; сознание солидарности интересовъ также сильно растетъ, что ясно доказывается громадной организаціей рабочихъ союзовъ. Въ нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ существуютъ третейскіе суды съ участіемъ рабочихъ; въ другихъ, — правда, въ немногихъ, — рабочіе получаютъ нѣкоторый процентъ изъ чистаго дохода хозяевъ, помимо своего регулярнаго жалованья. Все это показываетъ, что система кооперации не за горами. Не смотря на значительное количество приверженцевъ этой системы, трудно сказать, какая форма кооперации всего скорѣе здѣсь осуществима. Здѣсь было не мало попытокъ кооперативныхъ авоковъ, но, кажется, всѣ онѣ оказались неудачными.

Машины противъ рукъ — вотъ въ высшей степени важный пунктъ въ странѣ, гдѣ машинное производство достигло самыхъ широкихъ размѣровъ. Читатель припомнитъ жалобу одного телеграфиста, что «только хозяева пожинаютъ всѣ плоды новоизобрѣтаемыхъ машинъ, замѣняющихъ ручной трудъ»; что «въ послѣдніе девять десятыхъ прежняго ручнаго труда было исполнено машинами; слѣдовательно, почти въ этой-же пропорціи увеличались и доходы хозяевъ, между тѣмъ какъ рабочая плата оста-

лась та-же или даже понизилась». Если признать эту мысль справедливой и вѣрной, то въ такомъ слѣчаѣ нужно, чтобы съ каждымъ годомъ богаче должны становиться бѣднѣе—бѣднѣе. Въ результатѣ должно получиться—монополь съ одной стороны, съ другой—рабочіе рабы. Читатель слышалъ мастеръ Гульдъ отрицаетъ существованіе и даже возможность монополій въ Соединенныхъ Штатахъ. Но тутъ дѣло не въ словахъ а въ фактахъ. Развѣ самъ Гульдъ не утверждаетъ, что даже правительство не въ силахъ конкурировать съ телеграфной компанией Western Union? И онъ совершенно правъ. Компания заключила контрактъ съ различными желѣзными дорогами на *десяти-пять миль*, въ силу котораго только W. U. имѣетъ право пропускать телеграфныя лініи на тѣхъ дорогахъ; а извѣстно, что телеграфъ, проведенный на желѣзной дорогѣ, на 75% прибыльнее телеграфа, проведеннаго вдали отъ желѣзной дороги. Это развѣ не фактъ, извѣстно, что компания W. U. уже поглотила до тридцати другихъ телеграфныхъ компаний и, конечно, еще можетъ поглотить столько-же. Ясное дѣло, что консолидація телеграфа въ нашихъ рукахъ вполне возможна. Это два. Далѣе, извѣстно, что главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ ліній стоятъ Роквеллъ и Вандербильтъ, они-же и главнѣйшіе акціонеры въ W. U. Слѣдовательно, возможна консолидація всѣхъ телеграфныхъ и желѣзныхъ дорогъ. Это три. Кромѣ того, извѣстно, что патенты изобрѣтенія по части телеграфа принадлежатъ W. U. и въ будущемъ, по всей вѣроятности, никто не можетъ изобрѣтать такого высокаго вознагражденія, какъ въ W. U. Ясное дѣло, что и на свободной американской почвѣ возможна самая ужасная монополія.

Какъ-бы то ни было, но всякому безпристрастному наблюдателю очевидно, что положеніе американскаго рабочаго ухудшается къ худшему. Во всѣхъ промышленныхъ городахъ *рабочья семья* становится правиломъ. Портному помогаютъ въ работѣ жена и дѣти. Сигары и папирсы дѣлаются на дому, причемъ работаютъ всѣ члены семьи. Тамъ, гдѣ жена не можетъ помогать мужу въ его работѣ, она беретъ на домъ собственную работу. И въ этомъ, во всѣхъ промышленныхъ городахъ, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ работаютъ тысячи дѣтей и женщинъ. Вотъ какъ разрушается на американской почвѣ подрывается семья. Кому несомненно, что на фабрикахъ, какъ въ тюрьмахъ, женщины и дѣти не научатся? Переводя такое положеніе дѣлъ на простой языкъ, мы получимъ, что капиталистъ эксплуатируетъ не только трудъ главы семейства, но также трудъ его жены и дѣтей и въ добавокъ морализируетъ семью. Если мы во всему предыдущему прибавимъ

постоянный наплывъ эмигрантовъ, обыкновенно готовыхъ работать за безцѣнокъ, то мы поймемъ, что положеніе американскаго рабочаго становится, дѣйствительно, критическимъ. Конечно, не нужно упускать изъ виду, что положеніе здѣшнихъ рабочихъ сравнительно съ положеніемъ европейскихъ рабочихъ—блестяще, но до этого мало дѣла американцамъ: ихъ всецѣло занимаетъ положеніе американскаго рабочаго относительно американскихъ хозяевъ. Да такъ и должно быть. Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло американскимъ рабочимъ до того, что въ Китаѣ рабочіе вполнѣ довольствуются рисовой кашей, а въ Россіи—щами съ ржанымъ хлѣбомъ, или что въ Германіи фермеры довольствуются деревянными башмаками? Но ихъ сильно занимаетъ то обстоятельство, что въ Соединенныхъ Штатахъ теперь насчитывается до 25 человекъ, владѣющихъ свыше десяти милліоновъ долларовъ; что на улицахъ Нью-Йорка и другихъ большихъ городовъ все чаще и чаще показываются роскошныя кареты съ гербами и лакеями въ княжескихъ ливреяхъ; что тому рабочему приходится посылать дочь—невѣсту на фабрику, гдѣ работаютъ мужчины и женщины сомнительной репутациі, а другому приходится взять изъ школы малолѣтнихъ дѣтей, чтобы послать опять-таки на фабрику. А чьи дѣти наполняютъ пріюты? Чьи дѣти переполняютъ исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ? Чьи дочери живутъ въ исправительныхъ заведеніяхъ для молодыхъ женщинъ? Все это дѣти рабочихъ! Далѣе, вонъ Вандербилты выстроили нѣсколько дворцовъ, стоящихъ нѣсколько милліоновъ; вонъ они устраиваютъ востумированные балы, стоящіе сотни тысячъ долларовъ, и на этихъ балахъ они и ихъ гости являются въ одеждахъ князей, рыцарей, королей. На какія это деньги? На свои, конечно. Но бѣда въ томъ, что недавно умеръ здѣсь тоже милліонеръ, Петръ Куперъ, который сказалъ: «Ни одинъ человекъ на свѣтѣ не можетъ личнымъ трудомъ нажить не только милліоны, но даже и тысячи. Богатство—это результатъ труда массы рабочихъ. Что до меня касается, то на деньги въ моихъ рукахъ я смотрю какъ на общественныя суммы, ввѣренныя мнѣ для общественныхъ нуждъ». Руководствуясь такимъ взглядомъ, онъ оставилъ городу Нью-Йорку многомилліонное зданіе, заключающее въ себѣ публичную библиотеку и цѣлый рядъ промышленныхъ вечернихъ школъ. Это зданіе—университетъ для рабочихъ. Недавно на желѣзной дорогѣ, принадлежащей Вандербилту, случилась катастрофа, стоившая жизни нѣсколькимъ пассажирамъ. Когда по этому случаю замѣтили желѣзнодорожному королю, что публика будетъ имъ недовольна, онъ презрительно отвѣчалъ: «пусть будетъ проклята ваша публика».

ка!» («Public be damned!»)—знаменитыя слова облетѣли въ Америку). Вотъ что занимаетъ американскаго рабочаго.

Какъ я уже сказалъ выше, положеніе американскаго рабочаго становится критическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится критическимъ положеніе и всей страны. Независимо отъ подраздѣленія гражданъ на политическія партіи, они раздѣляются на два класса съ экономической точки зрѣнія. И это было неизбежно. Въ духъ новѣйшей промышленности и экономического строя. Одна желѣзная дорога подорвала тысячи извозчиковъ; отдѣленія желѣзныя дороги неизбежно примкнули къ желѣзнодорожному движению, а эти, въ свою очередь, сдѣлались частью одной общаго «системы» желѣзныхъ дорогъ. Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ американскимъ компаніямъ теперь остается сдѣлать только послѣдній шагъ. Та-же исторія съ телеграфомъ. Мало того, телеграфъ и желѣзная дорога уже значительно объединились здѣсь. Объединеніе капиталистовъ идетъ прочно и въ другихъ отрасляхъ промышленности и торговли, хотя и не такъ быстро, какъ на примѣръ телеграфа и чугуна. Ясное дѣло, что капиталисты здѣсь сильно организованы; они представляютъ собою страшную силу, которая повелительно диктуетъ свои условія милліонамъ рабочихъ и публикѣ. Капиталисты—одна партія, сплоченная, интеллигентная, энергичная.

Но и рабочіе здѣсь не дремятъ. Всѣ они образованы, и далеко менѣе капиталистовъ; они организуются, хотя въ этомъ отношеніи они также значительно уступаютъ капиталистамъ; но подають свой голосъ на выборахъ, и въ этомъ отношеніи по числу они страшно превосходятъ своихъ хозяевъ. Если рабочіе сговорились на какихъ нибудь реформахъ въ своемъ дѣлѣ и рѣшили провести ихъ, то здѣсь нѣтъ силы, которая могла бы имъ осуществить свое дѣло. Въ 3—4 года конгрессъ могъ бы вполне послушенъ ихъ волѣ. Но рабочіе еще не достаточно развиты, чтобы дѣйствовать сообща, ради собственныхъ интересовъ. И такъ, рабочіе составляютъ вторую партію—могутъ говорить, но еще слабую по развитію и организаци.

Каковъ возможный исходъ борьбы рабочихъ и капиталистовъ въ Америкѣ?

Я убѣжденъ (убѣжденъ, на сколько можетъ быть убѣжденъ человекъ, 12 лѣтъ лично изучающій Америку), что рабочіе не будутъ разрѣшены здѣсь не на улицахъ и не на фабрикахъ конгрессѣ. Глубокое чувство законности, страстная привязанность своимъ республиканскимъ учрежденіямъ, полное сознание своей силы своего дѣла, полная возможность совершить любое

ротъ путемъ избирательнаго ящика—все это, вѣроятно, удержитъ американскихъ рабочихъ отъ обращенія къ силѣ. Свободная пресса отероетъ глаза и рабочимъ, и хозяевамъ на ихъ взаимное положеніе. Свобода митинговъ и организаціи поможетъ рабочимъ сплотиться въ стройную, солидную силу, о которую разобьются, какъ волны о скалу, всѣ ухищренія капиталистовъ. Представители свободнаго народа, облеченные верховною властію, безъ кровопролитія разсѣкутъ гордіевъ узелъ, запутавшій рабочій вопросъ.

П. П.

Нью-Йоркъ,
1 октября 1883 г.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Изъ дневника неунывающего россиянина.

28-го Сентября.

Бѣдный дяденька Петръ Ивановичъ остался въ дуракахъ, ужь онъ-ли не умудренъ опытомъ и не убѣленъ ключками сидѣла на лысой, благообразной головѣ, отъ которой пахнетъ душицей. Должно быть, повѣтріе такое! Не даромъ и дипломатическій «Journal de St.-Petersbourg» покорилъ «угрюмые и предубѣжденные уши», которые ожидали отъ похоронъ Тургенева Богъ знаетъ чего.

Никакой «революціи» на похоронахъ, разумѣется, не произошло, хоть дяденька еще наканунѣ, за чаемъ, неоднократно восторгался, весело потирая руки и внушительно скашивая свои брови:—«Увидишь! увидишь!»

Онъ «въ принципѣ не одобрялъ» этихъ похоронъ («хорошо отлично знаемъ, что сіе обозначаетъ!») и цѣлую недѣлю въ духѣ, потерялъ аппетитъ и даже не писалъ для «Русской Рины» воспоминаній. Я понимаю: старику досадно, что его статскаго совѣтника, хоть и въ отставкѣ—никто не слушаетъ, а чады и домочадцевъ, да и тѣ слушаютъ больше изъ приличія. Главнымъ образомъ, сдается мнѣ, дяденькѣ Петру Ивановичу тѣлось «революціи» въ пику другому Петру Ивановичу, статскому совѣтнику и тоже умудренному опытомъ и снискавшему только подраженными. Другой Петръ Ивановичъ, напротивъ, принципѣ допуская похороны Тургенева и «революціи» случаю не предвидѣлъ.

— Но вѣдь эта общественная манифестація! горитъ Петръ Ивановичъ.

— Гммъ... Нельзя-же... Все-таки...

— Что, все-таки?

— Ну, однимъ словомъ, Тургеневъ... Жилъ въ Европѣ... Всѣ его знали...

— Положимъ, жилъ въ Европѣ... Но отчего именно жилъ въ Европѣ?

— Не одобряю... но какъ-бы то ни было, а его величество король прусскій, нынѣ императоръ германскій, изволилъ ошастливитъ покойнаго своимъ посвѣщеніемъ въ Баденъ-Баденъ... Наконецъ, Тургеневъ былъ хорошей фамиліи...

— Однако, Петръ Ивановичъ... Вы, какъ посмотрю, нынче готовы потакать страстямъ...

И пошло. Оба Петра Ивановича сдѣлились и разошлись гѣтухами.

Это было недѣли за двѣ до похоронъ. Съ этой поры дяденька, можно сказать, усугубилъ въ себѣ желаніе «революціи»... Онъ прозорливѣе своего пріятели. Онъ понимаетъ положеніе. Онъ не дастъ ввести себя въ заблужденіе...

— Хоть-бы они мѣры предосторожности приняли! не унимался наканунѣ дяденька. — Ну, назначь дивизію при артиллеріи и кавалеріи, а то думаютъ ограничиться городскими да казаками... Посмотримъ, посмотримъ!

Тетенька, она-жъ и предсѣдательница «Общества благовоспитанныхъ кукушекъ» (есть такое общество въ С.-Петербургѣ), меланхолически вздыхаетъ, сидя за самоваромъ, и потрясаетъ сѣдинами бублями. «Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глупъ Петръ Ивановичъ, а, можетъ быть, на этотъ разъ онъ уменъ!» думаетъ тетенька. «Кто разберетъ прозорливаго отъ олуха!» А дяденька какъ нарочно, нагоняетъ страху, рисуя картины, дѣлающія честь его фантазіи. Картины являются одна другой грандіознѣе и глупѣе, и чѣмъ глупѣе тѣмъ грандіознѣе. Дядя видимо увлекается. Они (несомнѣнно дядя подразумѣваетъ литераторовъ), потрясая вѣнками съ угрожающимъ видомъ (для того и такіе громадные вѣнки приготовлены. Видѣлъ вѣнокъ Шапиро?) распѣваютъ возмутительныя пѣсни... Страсти разнуздываются. Вообще просьбы и увѣщанія полицейскихъ чиновъ.

Мнѣ, признаюсь, дѣлается весело, и я подбадриваю дяденьку. «Революція», принимая все большіе размѣры, является, приблизительно, въ такомъ фазисѣ. Манифестанты, не предводительствуемые никѣмъ, уже готовы сдать на увѣщанія одного объявившагося Демосфена (образецъ блестящей рѣчи, которая въ изложеніи Петра Ивановича начинается словами: «Образумьтесь, братья! Помните, что ждетъ васъ!») Они уже поколебались и не прочь идти по участкамъ, даже безъ провожатыхъ, но въ это са-

мое мгновеніе «опасный демагогъ», г. Стасюлевичъ, вмѣстѣ съ «за-маторѣлымъ франъ-массономъ г. Краевскимъ, принимаетъ общее начальство. Г. Гайдебуровъ незамѣтно присоединяется къ нимъ, и триумвиратъ даетъ иной тонъ манифестаціи. Тщетно г. Стасюлевичъ взываетъ къ чувствамъ, тщетно съ рыданіями въ глотку говорить, что онъ здѣсь начальникъ и никто болѣе, что онъ да клятву скорѣй погибнуть, чѣмъ допустить «революцію», гг. Стасюлевичъ, Краевскій и Гайдебуровъ не такіе люди, чтобы отвѣтъ на призыву благоразумія. Они садятся на коней и объѣзжаютъ рядъ, возбуждая мятежный духъ... Полиціи оказывается мало...

Двѣ хорошенькія кузины, похожія на фарфоровыя кубалы, пугливо взглядываютъ на юнаго двоюроднаго братца, Никса, бѣлѣшаго, какъ лакированный салогъ, и розоваго, какъ парныя телятина. — «И отчего ты раньше не предупредилъ насъ! Мы бы уѣхали куда-нибудь на это время», говоритъ, наконецъ, тетенька. На это замѣчаніе Никсъ презрительно усмѣхается, оскаливая рядъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ... Побавиваясь дяденьку (онъ даетъ ему карманныя деньги), Никсъ тихо говоритъ, наклоняясь къ тетенькѣ и щелкая каблуками:

— Успокойтесь, ма tante... Одинъ эскадронъ... довольно одинъ эскадрона, ма tante, и.. Онъ дополняетъ мысль граціознымъ жестомъ руки.

Но дяденька услышалъ и, отодвигая стаканъ съ чаемъ, замѣтилъ:

— Одного эскадрона?! Ужасные хвастуны стали вы нынче, молодые саврасы!

Никсъ не-то конфузится, не-то посмѣивается, а дяденька, обращаясь ко мнѣ, снова повторяетъ:—«Увидишь! увидишь!»

На утро, въ 8 часовъ, я уже былъ на квартирѣ у Петруши новича, согласно обѣщанію. Старикъ былъ возбужденъ и суетливъ: не замѣтно-ли чего по улицамъ? Мы условились, что я буду давать ему знать о ходѣ дѣла. Онъ совѣтовалъ быть осторожнымъ и на прощаньи опять повторилъ:—«Увидишь, братецъ, увидишь! Заварили кашу!»

Разумѣется, я ничего не увидалъ кромѣ примѣрнаго, такъ что городовымъ и казакамъ рѣшительно нечего было сказать болѣе, что сами литераторы, выбранные для наблюданія, исполняли свое дѣло не безъ усердія. Особенно хороши были г. Аверкиевъ. Онъ такъ внушительно и громко покрикивалъ, руживая видимыя поползновенія пустить въ ходъ руки для разгрома, что, глядя на него, сознающаго все величіе своего дѣла, я невольно подумалъ: какой-бы отличный это былъ Деметрій! Что за голосъ! Что за плечи! Положительно, vocatior non invenitur.

Когда я сообщил Петру Ивановичу, что все идет «честно и благородно», что никаких беспорядков нѣтъ и не предвидится и что полиція рѣшительно нечего дѣлать, онъ сперва недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Подожди, голубчикъ, подожди... Дай только *имъ* дойти до Разстанной улицы. Тогда увидишь.

— Довольно-ли, по крайней мѣрѣ, полиціи? поинтересовалась тетенька.

— Вполнѣ. Можно даже сказать...

— И ты, кажется, сомнѣваешься? перебилъ меня дяденька, и въ его глазахъ стоялъ упрекъ. Очевидно, отсутствіе беспорядковъ онъ считалъ чуть-ли не личнымъ оскорбленіемъ.

Когда, наконецъ, я пріѣхалъ съ кладбища и никакихъ извѣстій о «революціи» не привезъ, онъ положительно былъ смущенъ и недоволенъ.

Я посмотрѣлъ на это гладко выбритое лицо, съ желтоватымъ отливомъ, съ выдавшимися скулами и низкимъ, отлогимъ лбомъ, на эти нависшія сѣдыя брови, изъ подъ которыхъ злобно глядѣли маленькіе ястребинные глаза,—и мнѣ стало жутко. Онъ пересталъ быть смѣшонъ, мой дяденька. Я понялъ, что онъ, этотъ самый Петръ Ивановичъ, не прочь былъ-бы даже устроить «беспорядокъ», если-бъ это могло помочь ему получить давно потерянное мѣсто. И мнѣ невольно приходило въ голову: что могъ-бы натворить такой экземпляръ, если-бъ онъ не пребывалъ въ отставкѣ на дачахъ, а въ самомъ дѣлѣ способствовалъ ходу исторіи, ну хоть-бы въ качествѣ исправника, пока-бы его не убрали?

Откуда въ немъ этотъ нелѣпный страхъ и это злорадство? Какія комбинаціи происходятъ въ его мозгу, если они могли довести его до такихъ нелѣпныхъ представленій. И развѣ онъ одинъ?.. Развѣ мало этихъ «угрюмыхъ и предубѣжденныхъ умовъ»? Видно, не мало, если «Journal de St. Petersburg» счелъ долгомъ заявить объ этомъ?

Положимъ, мозгъ дяденьки никогда не комбинировалъ съ достаточной правильностью. Во-первыхъ, съ дѣтства его ушибла нянька, во-вторыхъ, вся жизнь его, заключавшаяся въ умѣннн сдѣлать «отъ сихъ и до сихъ» и распредѣлить казенное имущество, не особенно давала простора для сложныхъ комбинацій. Но все-таки есть-же предѣлы и нелѣпности, за которымъ уже начинается вѣдѣніе психіатріи. А дяденькина фантазія тѣмъ характерна, что является, такъ сказать, возведеніемъ въ перлъ созданія той нелѣпности, которая гуляла въ публикѣ, какъ только сдѣлалось извѣст-

нымъ, что будутъ торжественно хоронить Тургенева. Подите, спросите, на основаніи какихъ соображеній эта «негѣнность» трактовалась и комментировалась!.. Но самый фактъ является, тѣмъ и менѣе, крайне характернымъ знаменіемъ времени. Нѣтъ дыма безъ огня.

Онъ ходилъ какъ въ воду опущенный, мой Петръ Ивановичъ; но за то другой Петръ Ивановичъ явился на слѣдующій вечеръ къ дяденькѣ такимъ гоголемъ, точно ему и никому быть обязаны, что похороны Тургенева не омрачились беспорядкомъ.

— Я говорилъ.. Я предвидѣлъ... Надо, Петръ Ивановичъ, принимать положеніе вещей. Вѣдь мы, наконецъ, не Азія каменная.. Отчего-жъ намъ и не чествовать знаменитаго писателя. Это во всякомъ случаѣ подъемъ.

Тетенька—баба неглупая—слушала съ неудовольствіемъ изстествово Петра Ивановича и, поглядывая на обоихъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ «въ принципѣ допускалъ», а другой «въ принципѣ не допускалъ», кажется, колебалась въ рѣшеніи затруднительнаго вопроса: который изъ нихъ умнѣе. «Оба—хороши!» издалось, говорилъ ея взглядъ. Мнѣніе ея въ этомъ случаѣ могло имѣть основаніе: Петра Ивановича первого она изучила близко, какъ супруга, а Петра Ивановича второго, какъ близкаго ей друга, въ тѣ времена, конечно, когда тетенька еще была не дядя, а дамочка и не предсѣдательствовала въ «Обществѣ благовоинныхъ кукушекъ».

Оба пріятеля удалились въ кабинетъ, чтобы снова серьезно и платонически «допускать» кое-что или «ничего не допускать въ принципѣ», пока не придутъ еще двое новыхъ Петровъ Ивановичей и можно будетъ составить партію. Тѣмъ временемъ Никсъ бесѣдуетъ съ фарфоровыми барышнями и рѣзвой кобылѣ Свѣтланѣ, о похоронахъ Тургенева, о пріятельствіи въ циркѣ. Онъ говоритъ съ такимъ чувствомъ о Свѣтланѣ, смѣется такимъ звонкимъ, невѣроятнымъ хохотомъ, разсуждаетъ какъ въ толпѣ помаяли бабу, такъ мило сознается, что читалъ изъ Тургенева, что, глядя на это голубоглазое, смѣлое и отвагой, казалось, самъ собой разрѣшается вопросъ о судьбахъ людей на Руси, самой судьбой какъ будто назначенной для воспроизведенія красивыхъ отпрысковъ человѣчества. «Фарфоровыя» слушаютъ и хихикаютъ, смѣшиваются, разсужденія Тургенева съ романами Авсѣенко и не прочь, кажется, связать свою судьбу съ судьбой Антиноя-Никсы, — такъ и рокомъ въ плечахъ, могучъ и прекрасенъ. Эта «Молодая

весело хохочетъ въ то время, какъ старая угрюмо и недовѣрчиво трактуетъ о внѣшней и внутренней политикѣ въ ожиданіи инта.

Я подсѣлъ къ тетенькѣ и выслушалъ повѣсть о томъ, какъ, благодаря назидательнымъ бесѣдамъ, кукушки неблаговоспитанныя дѣлаются благовоспитанными. Подходящіе примѣры. Хитрая сама эта тетенька! Она ведетъ со мной бесѣду, а сама то и дѣло бросаетъ взоры на молодыхъ людей и особенно, казалось, обращаетъ вниманіе на руки прелестнаго Антиноя, зная по опыту жоль скользкое путь добродѣтели, особенно тамъ, гдѣ о ней много говорятъ. А у нихъ въ домѣ добрая часть времени именно посвящается подобнымъ темамъ, при чемъ всѣ лгутъ, не краснѣя.

Мысль: что если Никсъ, доживъ до тридцати-пяти лѣтъ, разлюбитъ рѣзвыхъ кобылъ и откроетъ въ себѣ признаки иныхъ способностей? Каково будетъ его разочарованіе, если ему не повѣрятъ и оставятъ его при рѣзвой кобылѣ? Съ этой невозможной мыслью я раскланиваюсь и ухожу.

29-го Сентября.

Положительно, мы живемъ въ анекдотическое время. Записываю это безъ всякой претензіи на каламбуръ. Куда ни придеши — первымъ дѣломъ услышишь анекдотъ, болѣе или менѣе невѣроятный (отъ этого, вѣроятно, и не попадающій въ газеты), такъ-что, не знаешь: вѣрить или не вѣрить. Зачастую въ немъ ни хронологія, ни перспективы, ни капли логики, ни тѣни правдоподобія, а онъ себѣ гуляетъ, всѣ его повторяютъ и всѣ какъ будто вѣрятъ. Легковѣріе невѣроятное и крайне характерное! Иностранецъ, не знающій основательно нашей жизни, могъ-бы подумать, слушая иной разъ наши интимныя бесѣды, что попалъ въ Бедламъ. Недавно, на примѣръ, одинъ шутникъ пустилъ слухъ, будто на Невскомъ видѣли господина, который гуляетъ безъ головы, съ портфелемъ подъ мышкой, — такъ я знаю многихъ, ходившихъ на Невскій посмотреть этого господина и даже сердившихся, что такого господина не видали. «Мало-ли что можетъ быть, особенно, если допустить спиритизмъ!» Въ каждомъ вѣдомствѣ, въ каждой профессіи есть свои спеціальныя анекдоты, но всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ-же характеръ чего-то невообразимо сумбурнаго и неправдоподобнаго, а между тѣмъ, вѣроятнаго. Анекдотъ, такъ сказать, виситъ въ воздухѣ, точно безъ него ужъ совѣмъ было-бы скучно жить и нечѣмъ питать присущее человѣку любопытство. Когда идешь по Невскому и всматриваешься въ лица, то вѣрно знаешь, отъ кого какой анекдотъ услышишь... Если записы-

вать всё эти слухи за день, то, пожалуй, выйдет преобладающая иллюстрація нашей общественной жизни, именно потому, что всё ужъ характерно легковѣріе. Возьмешь газету, — и тамъ вѣтъ анекдотъ, не всегда досказанный, особенно въ корреспонденціи, и только одна московская газета обходится безъ него; когда читаешь ее, то знаешь, по крайней мѣрѣ, чему вѣрить, чему нѣтъ.

Всѣ эти дни были посвящены анекдотамъ по поводу похоронъ Тургенева. Куда не придешь: «слышали?» И затѣмъ — не то съ ка изъ «Тысячи и одной ночи», не то баснословная эпопея. Да и на заграничную биржу, какъ сообщаетъ «Journal de St. P.bourg», дошли эти толки. Ну, теперь все разъяснилось, и слава Богу.

Слышалъ... жалобы на похоронную комиссію и въ особенности на главнаго распорядителя, г. Григоровича. Тоже отзываются анекдотомъ. Маститаго беллетриста обвиняли въ незнаніи элементарныхъ правилъ вѣжливости. Я еще мягко выражаюсь, принимая во вниманіе, сколь быстро русскій человѣкъ усваиваетъ себѣ приемы Держиморды, какъ только попадаетъ въ распорядитель. Сейчас-же — генеральскій тонъ съ одними и — «чего изволите съ другими. Оборвать, привести въ смущеніе, показать себѣ и т. п. Это вѣдь въ нравахъ вообще, тѣмъ болѣе, что и русскій человѣкъ, куда-бы ни вошелъ, первымъ дѣломъ безпокойно оглядывается, отыскивая глазами начальство, и только тогда приходитъ въ себя, когда видитъ, наконецъ, возможность дѣйствительно обидѣть.

При большой дозѣ нахальства можно чудеса творить. Я знаю одного знакому, который брался объѣхать беззнакомою Россію въ качествѣ самозваннаго ревизора, имѣя въ запасѣ весьма разнообразный выборъ ругательныхъ привѣтствій.

На распорядителя похоронной комиссіи жаловались на основанія. Приходятъ, напримѣръ, къ нему двѣ москвички, бывшія съ депутаціями на похороны, и съ достоюлжною настойчивостью просятъ у г. Григоровича какихъ-то разъясненій. Какіе вамъ разъясненій!? Разъясненій! Ахъ, Боже мой... Онъ такъ имъ не даетъ покоя. Онъ просто потерялъ голову... Все говоритъ тѣмъ недовольнымъ, брезгливымъ тономъ, который знакомъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ. Москвички, приминныя москвички, ожидавшія, конечно сочувствія и вѣжливости («вы пріѣхали почтить память Тургенева... Ахъ, какъ приятно! Садитесь пожалуйста: чего угодно, чаю или кофе? чаю или кофе?»), — натурально оробѣли и представляли изъ себя прошибленных школьницъ... «Такъ вамъ разъясненій? Совѣтую вамъ...

хорошенько выучить на память объявление въ «Новомъ Времени». Вы читаете газеты?» Москвички остолбенѣли, выслушали привѣтствіе, ушли и только на дорогѣ сообразили, что имъ не мѣшало бы дать понять г. Григоровичу неприличіе его обращенія. Если онъ такъ устаетъ, то къ чему брать на себя такую обузу? Сообразили это онѣ уже въ Караванной (а получили удовольствіе въ Большой Морской). Гдѣ ужъ тутъ ворочаться!

Со студентами медицинскихъ курсовъ г. Григоровичъ обошелся, какъ говорятъ, совѣмъ ужъ «анекдотически». Просто прикрикнулъ, какъ капитанъ-исправникъ, и былъ таковъ. Ушли и онѣ, не солоно хлѣбавши, повторяя про себя въ изумленіи: «А еще литераторы!»

Съ раздачей билетовъ въ церковь тоже было не мало «эпизодовъ». Г. Григоровичъ очень былъ разборчивъ, до того разборчивъ, что отказалъ-было въ выдачѣ билета одному, весьма извѣстному литератору 60 годовъ, на томъ основаніи, что онъ не состоялъ ни при какой депутаціи. Вообще, можно сказать, г. Григоровичъ оказался не важный церемоніймейстеръ... Впрочемъ и то: онъ такъ усталъ... Ему не давали покоя... Ну какъ, подъ бременемъ такихъ заботъ, не сдѣлаться капитанъ-исправникомъ, особенно, если это сходитъ благополучно съ рукъ.

30-го Сентября.

...Что маленькіе люди могутъ подавать хорошіе совѣты—это старо, какъ Божій міръ, но что ихъ совѣта никто не спрашиваетъ—это тоже не новость. Эта мысль пришла мнѣ въ голову по поводу разговора съ однимъ очень незначительнымъ чиновникомъ морского министерства. Это—маленькій чиновникъ, кажется, изъ писарьковъ, а поди-жь какія богатая комбинаціи въ головѣ! Разговорились мы о томъ, о семъ и натурально пришли къ экономіи. Собесѣдникъ мой жаловался, что все дорого, что трудно жить и что нынче съ экономіей становится еще труднѣй... Это ужъ вѣчная тѣма, какъ только встрѣтитесь съ мелкимъ чиновникомъ. И «анекдотъ» тамъ больше вращается около какихъ-то «достоверныхъ» источниковъ на счетъ комиссіи, занимающейся вопросомъ о прибавкѣ жалованья маленькимъ чиновникамъ, не обременяя въ то-же время бюджета. Мой собесѣдникъ, несомнѣнно легковѣрный, какъ младенецъ, когда дѣло касается подобнаго вопроса, любопытствуетъ: не слыхалъ-ли я чего-нибудь о занятіяхъ этой комиссіи и, наконецъ, гдѣ она именно засѣдаетъ? Такъ какъ я не могъ удовлетворить его любопытства и не желалъ опечалить предположеніемъ, что такая комиссія, по всей вѣроятности, имѣетъ засѣданія въ какомъ

нибудь фантастическомъ замѣѣ въ Испаніи, если не на самомъ полюсѣ,—то ограничился лишь неопредѣленнымъ пожатіемъ плечъ (весьма удобный и неубыточный видъ сочувствія), вслѣдствіе чего мой собесѣдникъ продолжалъ ту вѣчную сказку про бѣлаго быка безъ которой, какъ кажется, немислима ни одна бесѣда съ какимъ-бы то ни было собесѣдникомъ. Только «бычекъ» у меня свой, но непремѣнно «бычекъ».

Онъ не то, что недоволенъ (по чину и занятіямъ ему, вѣрнѣе, обязательно быть всегда довольнымъ), а какъ-то «вообще скорбитъ душой».

— Пошла, рассказывалъ онъ,—экономія, и ни тебѣ на погребеніе, ни тебѣ на свадьбу, ни на погорѣніе... Въ старину, бывало обнищаешь очень, возьмешь да и погорюшь... этакъ пригоришь... Такъ и такъ, лишился носильнаго платья, сабли и кортика... Смотришь, иной разъ начальство обругаетъ—у насъ во флотѣ такая привычка была почитать чужихъ родителей—а если прикажетъ выдать, изъ остатковъ, рубликовъ не то полсотни, а то и сотню, а теперь... Гори не гори, женись не женись, а отвѣтъ: не подлежить къ выдачѣ по закону... Оно и трудно и ленькому-то человѣку при экономіи да при законѣ...

— Всѣмъ трудно...

— Другимъ легче... Особенно кто умѣетъ обращаться съ слѣдуетъ, деликатно. Тоже надо имѣть фантазію... Не всѣмъ же имѣть.

Господинъ Петровъ (такъ звали моего собесѣдника) гонимый двѣ рюмки «настоящей» мадеры, оживился и весело проговорилъ:

— А я-бы того... съумѣлъ, потому что у меня очень много фантазіи... Я прежде по комиссаріатской части въ Кронштадтѣ служилъ... Тамъ и фантазію приобрѣлъ.

— Что-жь-бы вы сдѣлали?

— Что-бы я сдѣлалъ? А вотъ что-бы я сдѣлалъ. Я-бы самую экономію свято соблюдать, и погори какой-нибудь перепаша, я-бы напустилъ на него какого-нибудь этакого перепаша, который только-бы и говорилъ: «не подлежить по закону». Это не трудная... Всего говори четыре слова, съ 11 до 4 ничего другого, а самъ-бы велъ свою комбинацію. И если бы сохранилась и я-бы не «зѣвалъ на брасахъ», какъ говорятъ раки.

Такъ какъ я несовсѣмъ понималъ эту «комбинацію», Петровъ, хлебнувшій еще мадеры, вошелъ въ детали, и просто сталъ загибать пальцы.

— Это вотъ жалованье—разъ! Это—прогонъ за...

службъ—два! По болѣзни—три! Затѣмъ на обзаведеніе—четыре!
На излеченіе болѣзни—пять! Порціонъ—шесть! Въ случаѣ свѣдѣ-
бы—семь! За введеніе экономіи — восемь! Вотъ ужъ изъ восьми
пальцевъ шестьдесятъ-двѣ тысячи. А при фантазіи можно еще
придумать.

Долго еще посвящалъ онъ меня въ различныя «комбинаціи»,
при которыхъ онъ, на самомъ законномъ основаніи, тормозилъ-бы
государственное казначейство. Онъ былъ неистощимъ. Положи-
тельно, Майнъ-Ридъ въ своемъ родѣ этотъ морякъ-чиновникъ!

... Вечеромъ былъ на журъ-фиксѣ: чай, бутерброды, сладкіе
пирожки и фрукты. Ужина и вина не даютъ, отъ этого и мужчинъ
бываетъ немного, больше дамы и дѣвицы—особенно дѣвицы... Онѣ—
какъ мотыльки на огонь, а все-таки женихъ не влѣзетъ по нынѣш-
нимъ временамъ. Нынче даже и гимназистикъ справляется о при-
даномъ... Я являюсь нѣсколько рано и застаю хозяевъ возбужден-
ными. Навѣрное—легонькая семейная сценка. Ахъ, какъ они рады
меня видѣть! Сомнѣваюсь, и въ свою очередь тоже радуюсь. Раз-
говоръ не клеится, но погода выручаетъ, а затѣмъ все идетъ какъ
по маслу. Хозяйка рассказываетъ «интересную новость» (хозяинъ
тѣмъ временемъ исчезаетъ посмотреть—довольно-ли языка и вет-
чины). Новость эту я слышалъ сегодня четыре раза. Затѣмъ на смѣну
приходитъ хозяйка (хозяйка исчезаетъ, тоже, вѣроятно, по хозяй-
ству) и тоже сообщаетъ «новость», которую я слышалъ сегодня
пять разъ. Въ свою очередь, и я рассказываю имъ такой-же «ин-
тересный» слухъ, что не мѣшаетъ намъ по очереди воскликнуть:
«Неужели?» Собираются, наконецъ, гости: нѣсколько мужчинъ и
изрядный косякъ дѣвицъ... Откуда только онѣ слетаются? Всѣ
идутъ въ столовую пить чай. Ждутъ одного извѣстнаго литера-
тора и молодого, подающаго надежды, пѣвца, а пока всѣхъ вы-
ручаютъ похороны Тургенева. Кто-то жалуется, что изъ рѣчи Бе-
кетовъ только и слышалъ «эфиръ» да «эфиръ» и ничего болѣе, а изъ
рѣчи Григоровича одно только рыданіе. Похвалили примѣрный
порядокъ и пожалѣли, что адвокаты не несли свой вѣнокъ, а
возложили на колесницу. Направленіе журъ-фикса вообще умѣрен-
но-либеральное. Изъ двѣнадцати человѣкъ всѣ сочувствуютъ
«Голосу». Пять анекдотовъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источни-
ковъ. (Всѣ слышалъ). Вниманіе нѣсколькихъ дѣвицъ поглощено
молодымъ и дьявольски красивымъ господиномъ. Кто онъ? У со-
сѣда узнаю, что присяжный повѣренный, холостой и имѣетъ дѣла.
Разговоръ на томъ концѣ, гдѣ барышни, и въ томъ числѣ «лите-
ратурная», которой и боюсь какъ чортъ ладона, на тему филосо-
фіи любви. Когда можно и когда нельзя разойтись?.. Зарядили

надолго, такъ какъ тема благодарная, и забыли о бутерброды которые мой сосѣдъ, очевидно плохо пообѣдавшій, поспѣлъ до неприличія. Ужь хозяйка раза два взглядывала на часы, но онъ ничего не замѣчаетъ... Наконецъ, повалили въ гостиню. Литераторъ не прѣехалъ. Если-бы не подающій надежды гнѣ котораго хозяйка, въ затруднительныя минуты, подводитъ къ тепіано, какъ лошадь на водоной, то никто-бы не зналъ, въ убитъ время. Даже присяжный повѣренный—и тотъ осовѣлъ, и смотря на то, что у него языкъ безъ костей и онъ золото для журъ-фиксовъ. Извиняется и объясняетъ, что онъ сегодня гоститъ въ судѣ пять часовъ кряду. Поневоѣ осовѣшешъ...

«Уй-митесь волненія страсти!..» Пожиратель бутербродовъ, разсматривавшій альбомы, даже вздрогнулъ. — «Какой чудный баритонъ, неправда-ли?» присаживается усталая хозяйка, замѣняя, что я сижу въ одиночествѣ. — «Очень хорошій...» — «Онъ могъ бы пѣть на сценѣ, если-бы не интриги...» шепчетъ она мнѣ въ ухо. Это она рассказываетъ каждый разъ, какъ только баритонъ поетъ у нея... Аплодисменты.

«Пожалуста, спойте еще что нибудь!» раздаются галла-Дьявольски красивый присяжный повѣренный снова въ привычн барышень производить неотразимое впечатлѣніе. Новая тема: Турневскія женщины. «Весна», «сирень», «Ася» долетаютъ оттуда. Одна изъ немолодыхъ дѣвицъ говоритъ, что какъ наступитъ на, она сейчасъ начинаетъ читать Тургенева. Присяжный повѣренный старается выяснитъ мотивы этого явленія. Пѣвецъ старается, но хозяйка снова ведетъ его къ роялю, и тамъ онъ, какъ лошадь въ стойлѣ, дѣлается послушень.

«О поле, поле... Кто тебя усѣялъ...» Дѣвицы напускаютъ на себя меланхолическій видъ, слушаютъ внимательно, время отъ времени повременамъ на присяжнаго... Каждая изъ нихъ—я думаю—думаетъ одну и ту-же думу. Хозяинъ—мигѣйшій либералъ, мающійся статистикой—бродитъ, какъ муха, и, надо думать, скучаетъ, какъ и большинство гостей. «И на кой дьяволъ журъ-фиксы?» думаетъ онъ. Я маровлю улизнуть. Но хозяйка рехватываетъ меня. — «Куда вы? Посидите... Въ кои вѣки...» будетъ пѣть вотъ эта барышня съ розовымъ бантомъ. Чудноральто... Если-бы не интриги... Или вамъ скучно?» продолжаетъ зяинъ, зѣвая въ весь ротъ. — «Помилуйте... такъ пріятно...»

Приходится остаться. Я усаживаюсь поближе къ двери, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ улизнуть, какъ вдругъ замѣчаю, что на меня направляется «литературный» гость, котораго я до сихъ поръ весьма ловко избѣгалъ. Я достаю...

эту дѣвицу и очень уважаю ее въ отдаленіи. Когда она подсядетъ къ кому-нибудь и начнетъ говорить о своихъ произведеніяхъ, чело-вѣкъ пропасть. Такихъ литературныхъ дамъ и дѣвицъ въ Петербургѣ не мало; кто, какъ не онѣ, снабжаютъ редакція повѣстями и разсказами въ тяжелый моментъ беллетристическаго затихья? И журналы печатаютъ всѣ эти откровенно-наивные этюды на тему физиологіи любви или—что еще несноснѣе—повѣсти о томъ, какъ архи-благородная дѣвица, окончившая курсъ на «Бестужевскихъ», не можетъ пристроить своего горячаго сердца.

Улизнуть невозможно. Она уже сѣла рядомъ, подарила сочувственнымъ взглядомъ и заговорила. «Кончено... пропасть!» мелькнуло у меня въ головѣ. А она перечисляла знакомыхъ литераторовъ, жаловалась на грубость редакцій, на одиночество, на недостатокъ сочувствія и настоящей дружбы, на то, что жить хочется, а жизни нигдѣ нѣтъ... Я взглядываю на нее и вижу, что я, по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не могу ей помочь. Очевидно, природа обошла ее, надѣливъ такимъ лицомъ, на которое, при очень большой снисходительности, никакъ нельзя смотрѣть дольше даже пяти минутъ. При этомъ, какъ нарочно, претензіи непочатый уголь и вдобавокъ возрастъ этапъ между 30 и 50 годами. Я думаю: какой предлогъ придумать, чтобы уйти. Напримѣръ, встать и сказать: «Извините.. Мнѣ надо сообщить одно важное дѣло хозяину!» Неловко! А не то—вдругъ перебить ее и выстрѣлить: «Кстати, вы слышали необыкновенную новость!» и воскликнуть это такъ громко, чтобы привлечь вниманіе другихъ... Но, какъ на бѣду, никакой новости я придумать не могу. Она словно понимаетъ мои каверзы и садится ближе... «Шалишь!.. Не отпущу», точно говоритъ ей взглядъ, и она продолжаетъ:

— Возьмите положеніе женщины.. Что она?.. Отчего она такъ страдает?.. (Я догадываюсь, но не смѣю сказать). Отчего браки такъ несчастны?.. То и дѣло слышишь о разводахъ, и не одни молодые разводятся, а даже старые люди. Вы вѣрно слышали: Мухоморова на-дняхъ оставила мужа... Невозможный человекъ; она—высшая натура, а онъ ее не понимаетъ... И къ тому же цѣлыя ночи за картами—можете себѣ представить? (Могу). А она одна! Эта любопытная пара послужила мнѣ матеріаломъ для новой повѣсти... Въ ней я шагъ за шагомъ разбираю отношенія супруговъ. Понимаете? Шагъ за шагомъ, изо дня въ день. Къ сожалѣнію, беллетристы почему-то игнорируютъ эти вопросы любви... А выяснять необходимо... Какъ вы думаете?

«Какъ я думаю?» Я колеблюсь и наконецъ: «думаю, что необходимо».

— Если хотите, я прочту вамъ свою повѣсть... Вы въ определенно скажете свое мнѣніе?.. Я такъ цѣню въ васъ тонны и безпристрастнаго судью... (Довольно ловко). Когда вамъ удобно? Хотите я приѣду къ вамъ, или приѣзжайте вы ко мнѣ. Назначьте.

Такого быстрого нападенія я не ожидалъ. Вѣроятно, даже принимаетъ очень страдальческій видъ, потому что она еще спрашиваетъ необыкновенно участливо:

— Что съ вами? У васъ такое нехорошее лицо?

Я выдумываю несуществующую болѣзнь. Грудная жаба. Зубы очень жарко... Пора и ѣхать. «Поѣдемте, въ такомъ случаѣ, мнѣ стѣ; вѣдь намъ по дорогѣ». Влопавшись такъ глупо, я сразу и правиться, объясняя, что мнѣ необходимо заѣхать къ одному больному пріятелю...—«Такъ подождите,—еще 11 часовъ...» Она непремѣнно прочтетъ мнѣ повѣсть, а пока познакомитъ съ тѣмъ въ двухъ словахъ.

«Хоть-бы заплѣли!» тоскливо озираюсь я, но, какъ нарочно, и пѣвецъ, ни пѣвицы больше не могутъ... Сегодня они не въ лосѣ. (Что, если-бы были въ голосѣ!..)

Тѣма: дѣвушка изъ интеллигенціи, необыкновенно симпатична, хоть и не блещетъ красотой («Да и что въ красотѣ—не правда ли?»). Она живетъ на Петербургской сторонѣ съ своей матерью, честной, доброй старушкой, которая получаетъ небольшую пенсію. Пенсіи не хватаетъ и Лина не желаетъ быть въ тягость матери. Она работаетъ: переводитъ, даетъ уроки музыки и французскаго языка, въ то-же время сама учится на бестужевскихъ курсахъ и находитъ время еще учить двухъ сыночекъ дворника платно. Словомъ, дѣвушка во всѣхъ отношеніяхъ благополучна. Но жизнь ея не полна. Ей хочется болѣе широкой жизни, рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ. Ей хочется любить и быть любимой, но не такъ любить, какъ любятъ, а такъ, какъ можетъ любить глубокая, страстная натура. «Или все, или ничего—вотъ ея девизъ!» поется въ сказчица... Много она перевидала адвокатовъ, чиновниковъ, но разумѣется, никто не останавливается на себѣ ея вниманія, хоть повременамъ она и кокетничаетъ съ однимъ гимназистомъ 7 класса. Но на одномъ вечерѣ она встречается съ однимъ брюнетомъ: красивъ, уменъ, образованъ, пишетъ диссертацию на доктора медицины. Она заинтересована имъ, онъ, повидимому, тоже... Они часто видятся, но необыкновенно сдержанъ и въ то-же время загадоченъ. Онъ болѣе увлекаетъ ее, и она однажды, возвращаясь изъ театра, признается ему въ любви.

неопредѣленно, глаза его по-прежнему таинственны, но въ то-же время онъ крѣпко сжимаетъ ея талию... Теперь она увѣрена, что онъ любитъ, и, пріѣзжая домой, не спитъ всю ночь, мечтая о немъ и осялая пальцы его на талиѣ. Однако, прошла недѣля—его нѣтъ... Она думаетъ, что онъ боленъ, летитъ къ нему на квартиру и снова объясняется въ любви... Но онъ оказывается бездушнымъ эгоистомъ. «Я васъ не люблю и никогда не любилъ.» «А на извощикѣ?.. Зачѣмъ не сказали вы того на извощикѣ. Зачѣмъ вы такъ сжимали меня?» восклицаетъ она въ негодованіи... Онъ; о, негодный!—объясняетъ это плохими мостовыми... Она плачетъ, умоляетъ, упрекаетъ. Тогда онъ объявляетъ, что онъ не свободенъ: онъ женатъ; жена, и очень ревнивая жена, живетъ въ Самарѣ и скоро пріѣдетъ... Это поражаетъ ее какъ ударъ грома. Она возвращается домой и въ тотъ-же день заболѣваетъ нервной горячкой.

«Есть-ли возможность ее остановить?!» думаю я въ безсильномъ гнѣвѣ. Наконецъ, пускаюсь на хитрость.

— Къ чему вы портите впечатлѣніе, рассказывая заранѣе сюжетъ?.. Гораздо интереснѣе прочесть.

— Такъ вы общаете?.. Конецъ—въ двухъ словахъ... Она, наконецъ, выходитъ замужъ за человѣка, который ее не понимаетъ... Шагъ за шагомъ—ихъ жизнь... Она не удовлетворена и ищетъ исхода въ новой страсти... Новая оказывается еще хуже. Любовникъ совсѣмъ не показывается къ ней, и въ концѣ концовъ она отравляется...

О, Господи, какъ я обрадовался, что она наконецъ отравилась и я могъ улизнуть домой.

Теперь дамы все больше въ такомъ родѣ пишутъ и иногда выходятъ очень любопытно, потому что въ разныхъ откровенныхъ признаніяхъ дама выкладываетъ все, что происходитъ между мужскимъ и женскимъ поломъ не только въ гостиной и столовой, но, главнѣйшимъ образомъ, въ спальнѣ. Спальня становится «центромъ» позиціи, такъ сказать «ключемъ», объясняющимъ, съ ихъ точки зрѣнія, ихъ несчастія и горести. Сколько помнится, въ дамскихъ повѣстяхъ послѣдняго времени всѣ недоразумѣнія между мужемъ и женой, главнѣйшимъ образомъ, бывають отъ того, что ни тотъ, ни другая никакъ не могутъ выбрать времени для «звучковъ сладкихъ и молитвъ». Вслѣдствіе этого и происходитъ нѣчто нелѣпое, но, пожалуй, и вѣрное дѣйствительности. Жена, грѣясь у камина въ капотикѣ, мечтаетъ о любви, о ласкѣ, о единеніи сердець, а мужъ въ это время, какъ нарочно, сидитъ за письменнымъ столомъ и строчитъ къ завтрашнему дню докладъ, рассчитывая завтра запустить словечко на счетъ при-
„Дело“ № 10, 1883 г., II. 11

бавки. Мысли его далеки отъ «звукѣ сладкихъ и молитвъ», гдѣ богѣ, что изъ-за бумагъ на него выглядываетъ северная, голубая рожа его непосредственнаго начальника, а сбоку на столѣ лежитъ квартирная книжка, по которой не уплачено...

«Тутъ, тутъ, тутъ!.. Можно войти?» Онъ вздрагиваетъ — «Что тебѣ?» — «Мнѣ грустно, Коля... Сама не знаю, но такъ грустно!» А онъ, оболтусъ: — «Оставь меня въ покоѣ... Видишь, я занятъ!» — «Онъ занятъ? Ты вѣчно занятъ, а не подумаешь, что я могу страдать... Ты не любишь меня! Ты не понимаешь меня!» Ну, разумѣется, драма. И наоборотъ: Она сидитъ и размышляетъ о назначеніи женщинъ, такъ какъ только что прочла статью о женскомъ образованіи. Нельзя-же все грѣть спину у камина. Надо хоть ходить въ Соляной городокъ и учиться рисованію, а то пропадешь съ тоской... Эти мужчины хотятъ насъ вѣчно держать въ рабствѣ... Я докажу, что и я могу самостоятельно жить. Въ это время звонокъ, и онъ возвращается домой веселый, даже игривый (выигралъ въ винтъ десять съ полтиной и поужиналъ) и вѣчно говоритъ женѣ, цѣлуя ее въ шею: «Мая, Мая! Не сиди такъ поздно... Пора спать!» А она въ отвѣтъ: «Ахъ, оставь ты меня, пожалуйста... Мы не понимаемъ другъ друга... У насъ взгляды на женщину какіе-то мерзкіе... Вамъ-бы только сажу, а не друга-женщину!» Разумѣется, опять драма. На этотъ разъ онъ въ положеніи жертвы, возвышаетъ голосъ и требуетъ объясненія—почему она не любитъ, когда онъ и проч. Такія драмы могутъ продолжаться безъ конца, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не является третье лицо, которое, понимая назидательныя женщины, въ то-же время понимаетъ, въ качествѣ хитрой савраса, что слѣдуетъ предпринять, если дама, грѣя спину камелька, томно говоритъ: «Мнѣ грустно!» Но такъ какъ у него есть и дѣла, и заботы, и огорченія, то и онъ, въ концѣ концовъ, не всегда отвѣчаетъ впопадъ, а такъ какъ въ Соляномъ городкѣ умѣе не стала, то снова происходитъ драма и тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ больше дамѣ лѣтъ.

Вотъ такія драмы и разрабатываютъ нынѣ дамы и мужчины...

1 октябрь

...Читалъ напечатанный въ газетахъ судебный отчетъ о растратѣ бывшимъ директоромъ почтоваго департамента бывшимъ совѣтникомъ Перфильевымъ, 45.000 рублей. Судебный толковъ, фантастическихъ слуховъ, а между тѣмъ и дѣло. Читаешь и не изумляешься, какъ, напримеръ,

цева, ни грандиозностью цифры, ни подлогами, ни обманомъ ревизоровъ. Ничего этого не было, а была до святости простая исторія. Еще лѣтъ десять, а то и двѣнадцать тому назадъ, будучи секретаремъ правителя канцеляріи, г. Перфильевъ началъ тратить казенныя деньги, пользуясь довѣріемъ ближайшаго начальства и отсутствіемъ контроля... Случайно, благодаря запросу тамбовскаго земства, открылось, что пожертвованныя въ 80 г. тамбовскимъ земствомъ 30,000 не внесены въ капиталъ раненныхъ, и скрывать дѣло было уже нельзя. Г. Перфильевъ во всемъ чисто-сердечно признался, внесъ деньги и отданъ былъ подъ судъ. Его судилъ сенатъ.

На судъ даже не было судебного слѣдствія. Подсудимый не разъ подтверждалъ правильность обвинительнаго акта и ничего новаго не показалъ.

Какія побудительныя причины заставили подсудимаго тратить казенныя деньги?.. Этотъ вопросъ первоприсутствующій сенаторъ задавалъ не разъ, и г. Перфильевъ отвѣчалъ:

— Сказать, какія побудительныя причины въ этому были, я весьма затрудняюсь, потому что ни несчастій, ни особой нужды не было.

«Первопр. Значитъ вы тратили просто на свои надобности?

Подс. Да, на свои надобности.

Первопр. Дальше?

Подс. Затѣмъ, когда было упразднено министерство почтъ и телеграфовъ, отчетность была заведена дѣйствительная. Въ февралѣ 1883 года, когда полученъ былъ запросъ отъ тамбовскаго губернатора, въ которомъ спрашивалось о назначеніи и употребленіи денегъ, пожертвованныхъ земствомъ, я тогда-же пошелъ къ министру и сознался какъ въ этой растратѣ, такъ и въ той, которая не была еще обнаружена. Я больше ничего не могу связать.

Первопр. Что-же вы: не находились въ опасеніи, подъ страхомъ, что деньги могли быть потребованы сейчасъ-же?

Подс. Постоянно находился.

Первопр. По этой статьѣ у васъ никакихъ установленныхъ книгъ не было?

Подс. Никакихъ.

Первопр. Почему вы находили возможнымъ въ такомъ-же положеніи оставлять дѣло?

Подс. Если-бы я завелъ, то могъ-бы измѣнить, но я нашелъ дѣло въ такомъ порядкѣ».

Первопр. Въ безпорядкѣ?

Подс. Да, въ безпорядкѣ.

Перв. И этимъ воспользовались?

Подс. Да.

Первопр. Почему вы раньше не раскрыли ваши злоупотребленія, а сдѣлали это лишь впоследствии? Вѣдь вы находились въ гнетомъ, что можетъ открыться?

Подс. Находился постоянно подъ гнетомъ... надежда, что и откроется—надежда весьма несбыточная.

Первопр. Когда къ вамъ обращались за справками, что вы тогда дѣлали?

Подс. Я всегда удовлетворялъ, потому что хорошо помнилъ всѣ дѣла и зналъ, что ихъ трудно было отыскать. Относительно же запросовъ я долженъ сказать, что единственный запросъ былъ сдѣланъ по тамбовскому дѣлу въ 1883 году. Это было равносильно обнаруженію, и я отвѣтить на это уже ничего не могъ.

Первопр. Вы на предварительномъ слѣдствіи выясняли всѣ отѣнки, постарайтесь и здѣсь сдѣлать тоже.

Подсудимый молчитъ.

Первопр. Больше ничего не находите нужнымъ сказать?

Подс. Нѣтъ, ничего.

Да и что-же еще сказать? Мнѣ кажется, что и того, что сказано въ обвинительномъ актѣ, совершенно достаточно. Какимъ образомъ—ничего новаго, ничего пикантнаго. Любители кривыхъ процессовъ на этотъ разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Подсудимый, быстро сдѣлавшій себѣ карьеру, занимавшій почетный постъ, разумѣется, не далъ пищи для скандала. Онъ держалъ себя съ возможнымъ достоинствомъ въ его положеніи. Если люди подчасъ шлепаются съ высоты, то не резонно дискредитировать то самое положеніе, въ которомъ они нахомятся. И безъ нихъ найдутся рассказчики. И вотъ что рассказали чиновники свидѣтели:

«Денегъ, пожертвованныхъ по разнымъ случаямъ, поступало въ казначейство, сравнительно, очень мало; завѣдывалъ ими самъ Перельманъ, а чиновникамъ отдѣленія не было вовсе известно какъ хранилъ и расходовалъ эти деньги правитель канцеляріи. Никакихъ денежныхъ книгъ не велось, а списывались и всеподданнѣйшіе адреса. Высочайшія повелѣнія о выдачѣ на печатанныхъ бланкахъ съ отпечатанною же подписью бывшаго министра Макова и за собственноручною скрѣпкою правителя канцеляріи. Отписки съ объявленныхъ Высочайшихъ повелѣній не оставались въ канцеляріи, а значительнаго поступления всеподданнѣйшихъ адресовъ, исполненіе которыхъ нередко задерживалось на продолжительное время. По назначеніи 25 августа 1880 года директоромъ почтоваго департамента, списки переписки по всеподданнѣйшимъ адресамъ, часть которой оставалась на квартирѣ. Когда поступали запросы отъ губернаторовъ о...

то приходилось за справками обращаться лично къ Перфильеву. Остававшаяся у Перфильева переписка возвращена мнѣ въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ только въ исходѣ 1882 г. безъ всякой описи. Посему не представляется возможнымъ опредѣлить, вся ли переписка на лицо. 19 февраля 1883 г. свидѣтель Бардаковъ ходилъ къ т. с. Перфильеву, по порученію бывшаго правителя канцеляріи Воейкова, съ дѣлію получить квитанцію его на взыскъ 30,000 р., пожертвованныхъ тамбовскимъ земствомъ. Перфильевъ прямого отвѣта не далъ, а просилъ обождать, пока онъ не наведетъ справокъ по своимъ бумагамъ. Затѣмъ была обнаружена растрата».

Другой свидѣтель, г. Бржискій, завѣдывавшій перепиской по пожертвованіямъ и всеподданѣйшимъ адресамъ, объяснилъ слѣдующее:

«Хотя онъ и не былъ обязанъ правителемъ канцеляріи Перфильевымъ вести какія-либо книги по дѣлопроизводству, но онъ тѣмъ не менѣе, для личнаго удобства, велъ книги, въ которыя записывалъ бумаги, передаваемые ему Перфильевымъ. Такихъ книгъ, служившихъ только для справокъ, свидѣтель велъ двѣ: одну о пожертвованіяхъ и адресахъ по поводу 25-лѣтія царствованія покойнаго Императора, а другую о поступленіяхъ по поводу послѣдней турецкой войны. Остальныя пожертванія и адреса, поступавшіе въ канцелярію по поводу благополучнаго исхода покушеній на жизнь Монарха, нигде не записывались. Пожертвованныхъ денегъ поступало въ канцелярію сравнительно немного, но бывали и такіе случаи, при чемъ на передаваемой Перфильевымъ бумагѣ онъ дѣлалъ собственноручную надпись: «деньги у меня». Бржискому денегъ Перфильевъ никогда не передавалъ. Въ августѣ 1880 г. свидѣтель перешелъ на службу въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ и спрашивалъ Перфильева о томъ, что тотъ прикажетъ сдѣлать съ перепискою по всеподданѣйшимъ адресамъ и о пожертвованіяхъ, на что получилъ указаніе, чтобы онъ задержалъ эти дѣла у себя. Въ силу этого, вся переписка оставалась въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Мѣсяца черезъ два Бржискій обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ Перфильеву и, получивъ приказаніе представить къ нему всю переписку, доставилъ таковую въ квартиру къ Перфильеву. По осмотру книги, веденной Бржискимъ о поступившихъ адресахъ и пожертвованіяхъ по случаю 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, оказалось, что таковая не прошнурована, безъ печати и скрѣпы.

Я читалъ газетныя передовыя статьи по этому дѣлу. Боже мой! Какія трескучія фразы, какая торжествующая нота и въ то-же время какая святая наивность.

Когда я перечитывалъ всѣ эти подробности обвинительнаго акта, мнѣ невольно припомнился неподобный, въ своемъ родѣ, романъ «Лоринъ», и я снова перечелъ нѣкоторыя изъ его характерныхъ страницъ... Этотъ романъ, нѣкоторымъ образомъ, комментировалъ процессъ, хоть персонажи романа и не попадали подъ судъ... Въ романѣ всѣ лица, исключая чиновъ учебнаго вѣдомства и контроля, не люди, а ангелы: честны, добры, безкорыстны, прямодушны и строго блюдутъ законъ, а правитель канцеляріи,

Саболитъ, играющій въ романѣ роль «благороднаго резонера», при ангельскихъ добродѣтеляхъ являлъ еще собой рѣдкое соединеніе голубиной кротости съ мудростью змія и вліялъ иногда на своего начальника. Однимъ словомъ, читая «Лорина», можно было-бы себя вообразить въ настоящемъ раю... И если, несмотря на обиліе такихъ «ангеловъ», романъ полонъ пессимистическихъ предсказаній, то потому только, что этимъ людямъ мѣшали судъ, контроль и, главное, печать... Уничтожьте ихъ—таково поученье романа—и все измѣнится къ лучшему. Оказывается, какъ далека романическій вымыселъ отъ дѣйствительности!

Къ г. Перфильеву примѣнили высшую мѣру наказанія по закону. Его исключили изъ службы и приговорили къ уплатѣ 15,000 штрафа. Такимъ образомъ преступленіе наказано и правосудіе удовлетворено. Остается неразрѣшеннымъ, повидному, только вопросъ о побудительныхъ причинахъ. Я убѣжденъ, что г. Перфильевъ былъ глубоко искрененъ, когда «затруднялся ихъ отскать». Въ самомъ дѣлѣ, онъ не нуждался, съ нимъ не было несчастій, которыя толкаютъ человѣка на порочный путь... Безъ можетъ, и до сихъ поръ г. Перфильевъ не догадывается о причинахъ, а между тѣмъ о нихъ столько пишутъ книги и ученые, и беллетристы, о нихъ столько говорятъ и моралисты, и философы, и государственные люди, публицисты и фельетонисты...

Нѣкоторые господа, разумѣется, недовольны, что судъ г. Перфильева и что кое-какіе «секреты» канцеляріи были, какъ сказать, вынесены на «улицу». Развѣ нельзя было покарать новнаго и безъ суда, и покарать гораздо строже, чѣмъ предписываетъ законъ?

Таки жаловались многіе, и по-своему, пожалуй, были, справедливы, то послѣдовательны.

3 октября.

...Прежде Кавказъ славился непокорными горами, кривыми казачками, кахетинскимъ виномъ и служилъ завѣтной ареной каждого молодого героя. Нынче Кавказъ потерялъ обаяніе героевъ войны и сдѣлался ареной безкровныхъ подвиговъ той всѣхъ рыцарей желѣзныхъ дорогъ, нефти, керосина и мелкой прожорливой саранчи разныхъ національностей, свившейся на «новыя мѣста», гдѣ мирно живетъ прежде горькій горецъ. «Цивилизація» подобралась и туда; усмирены, безъ всякой войны, изгоняются со своихъ насиженныхъ местъ, благодаря нашествію новыхъ этихъ пионеровъ разоренныя.

По правдѣ говоря, всѣ эти «страшные чеченцы», наводившіе бывало страхъ на путешественниковъ, ничто въ сравненіи съ тѣми современными «рыцарями большой дороги», которыми теперь славится Кавказъ наравнѣ съ другими мѣстами нашего отечества.

Среди нихъ блеститъ, какъ восходящая звѣзда на небосклонѣ дѣльцовъ, нѣкій инженеръ Палашковскій, строитель завкавказской желѣзной дороги. Имя его, хорошо извѣстное въ мірѣ дѣльцовъ и еще лучше—среди рабочихъ, строившихъ дорогу, не такъ популярно въ такъ называемой, *gras publique*, какъ, напримѣръ, имена гг. Губоница, Полякова, Зака, Варшавскаго, Малькіеля, Сушова и прочихъ тузовъ желѣзнодорожнаго царства. И это напрасно, совсѣмъ напрасно, что такой талантливый молодой человекъ, какъ г. Палашковскій, скрывается въ тѣни, въ то время, какъ его коллеги пользуются всѣми пріятными и неприятными сторонами популярности. Съ именами всѣхъ этихъ господъ неминуемо связывается извѣстное характерное представленіе крупнаго, матераго «дѣльца», котораго зовутъ такъ, а не иначе, больше по обычаю, чѣмъ по влеченію. Но имя г. Палашковскаго для большинства—«звукъ пустой», и это обидно. Нашъ молодой человекъ заслуживаетъ большей популярности, тѣмъ болѣе, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ «самородкамъ», которые изъ простыхъ «мужичковъ» и самыхъ обыкновенныхъ «жидковъ» сдѣлались желѣзнодорожными тузами. Г. Палашковскій—представитель интеллигенціи, инженеръ путей сообщенія. Онъ, конечно, вкусилъ и отъ политической экономіи, и отъ другихъ наукъ и понимаетъ настоящій смыслъ «концессионной морали», и, вѣроятно, знаетъ разницу между привилегированной «кокошкой» и несчастной женщиной, промышляющей развратомъ, нужды ради.

При такихъ несомнѣнныхъ преимуществахъ г. Палашковскаго передъ своими товарищами по ремеслу, онъ безспорно имѣетъ большее право на общественное вниманіе.

Откровенный Писатель.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

Приваловскіе милліоны. Ром. въ 5 ч. Часть пятая. (Гл. X—XIII)	<i>Д. Сибиряка.</i> <i>А—ра.</i>
Ученіе Джорджа.	<i>Аленна Боккенна.</i>
Вдова маршала. Ром. (Гл. V—VIII)	<i>Д. Михаловскаго.</i>
Зимой. Стихотвореніе.	<i>М. Цибриковой.</i>
Датская литература	<i>Вреть-Гарта.</i>
Въ Каркинезскомъ лѣсу. Романъ. (Гл. IV—VII)	<i>С. Пашкова.</i>
Недуги русскаго общества въ XVIII и въ началѣ XIX в.	<i>М. Альбова.</i>
Ряса. Романъ изъ жизни отца-Петра Елеонскаго. (Гл. I—XII).	<i>Эрико Кастельнуово.</i>
Брамантовое кольцо. Разсказъ. (Переводъ съ итальянскаго)	<i>И. Цотапенко.</i>
Семейка. Южно-деревенскій очеркъ.	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Падаетъ ли крупное землевладѣніе	<i>А. Г.</i>
Государственное вѣшательство на русско-й почвѣ	<i>Б. Ленскаго.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Хорваты и Австро-Венгрія. (Политическая и социальная хроника)	<i>Жика.</i>
Научная хроника.	<i>А. М.</i>
Письма изъ Америки.	<i>П. П.</i>
Картинки общественной жизни	<i>Откровеннаго Писателя.</i>

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіею автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмек. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Вейнмана, съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованноли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шиллягена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Десято-третій годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристика). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньессо*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вѣтъ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Ляйтнера*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Алякотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *В. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ *Д. И. Дісарева*. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потъжина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военного. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины из военного быта. *Д. Герса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *Н. П. Айрленда*, съ предисловіемъ проф. Мержеевскаго. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человека и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, состоящихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускахъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Росселя Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ анатомическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сира*. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Е. Морнгеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Гот. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обонимъ выпускахъ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. изъ лѣтописейъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска; составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускахъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «Дѣло» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги и пересылки); пересылка на счетъ выписывающихъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

С.-Петербургъ. Большая Садовая. Противъ Гостиного Двора, № 12. (Вы-
шедъ А. И. Глазунова). Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

- Вейнбергъ, Я.** Лѣсъ; назначеніе его въ природѣ и мѣры къ его сохраненію. М. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.
- Тинноръ.** Исторія испанской литературы (съ биографическ. очеркомъ Тиннора, примѣч., биографич. указател. и т. д.), перев. съ 4-го англійск. изданія Н. И. Стороженко. Томъ I. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.
- Гибонъ, Э.** Исторія упадка и разрушенія римской имперіи (съ портретомъ автора, съ примѣчаніями Гизо, Бенка, Шрейтера, Гуго и др.), перев. В. Н. Невѣдомскій. 2 т. Ц. 8 руб., съ пер. 9 р.
- Зиберъ, Н. Н.** Очеркъ первобытной экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 руб.
- Журомцевъ, С.** Гражданское право древняго Рима. М. 1883 г. Ц. 5 р.
- Гроденовъ, Н. И.** Война въ Туркменіи, походъ Скобелева въ 1880—81 гг. Томъ I. Съ портретами, рисунками и картами. Спб. 1883. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- Картевъ, Н.** Основные вопросы философіи, исторіи, критика исторіософическихъ идей и опытъ научной теоріи историческаго прогресса. 2 т. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.
- Сборникъ** статистическ. свѣдѣній по Тамбовской губерніи, томъ 4-й, Темниковскій уѣздъ. Тамбовъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Башпеевъ, Н.** Курсъ законовѣдѣнія. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- Шарновъ, Евгений.** Очерки Крыма. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- Негомовъ, А. В.** Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній. М. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Вейнбергъ, Я.** Николай Коперникъ и его ученіе. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Сосновскій, Ю. А.** Генералън. штаба полковн. Экспедиція въ Китай 1874—75 гг. т. I час. I. М. 1882. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- Советы матерямъ и воспитателямъ** относительно разумнаго воспитанія дѣтей въ младенствѣ, дѣтствѣ, юности и въ періодъ зрѣлости женщины, съ приложеніемъ, заключающимъ необходимыя правила для ухода за младенцами, рекомендуемыя лондонскимъ родовспомогательнымъ обществомъ. Спб. Ц. 50 к., съ пер. 65.
- Омулевскій. (И. В. Фодоровъ).** Пѣсни жизни. Стихотворенія Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Шардинъ, А.** Родъ князей Зацѣпинныхъ. Историческій романъ 2 т. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.
- Кольбе.** Учебникъ неорганической химіи, перев. А. Карцева, подъ редакцію А. Сабанѣва, съ 62 политапажами въ текстѣ, 2-е изд. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

- Чарльзъ Дарвинъ.** Образование почвеннаго слоя дождевымъ червемъ. Перев. съ 5-го англійск., изд. М. Линдеманъ, съ 15 полиптиками. М. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Исерианъ, З.** Законы о печати. Настольн. книга для авторовъ, издателей и содержателей типографій, литографій, металлографій, заведений, продающихъ принадлежности тисненія, и прочее и прочее, съ приложениемъ: всѣхъ необходимыхъ формъ прошеній, заявленій, инвентурныхъ книгъ и проч. 4-е изд. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к.
- Маріе-Дави.** Метеорологія и физика по отношенію къ земледѣлію. М. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Прокофьевъ, А. В.** Курсъ двойной бухгалтеріи. Руководство для коммерческихъ и реальныхъ училищъ и для лицъ, занимающихся конторскими и торговыми дѣлами. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.
- Коммерческая арифметика и торговля операциями.** Съ приложеніемъ графической таблицы колебаній русскаго вексельнаго курса, изд. 2-е, исправленное. М. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.
- Комаровскій, Л., графъ О** международномъ судѣ. М. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Очеркъ кустарныхъ промысловъ сѣвернаго Кавказа,** съ описаніемъ техники производства, составилъ по матеріаламъ, собраннымъ А. В. Золотаревымъ и др., О. В. Маргграфъ. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Головачевъ, А. А.** Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Сиб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Ключевскій, В.** Боярская дума древней Руси, изд. 2-е. М. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.
- Самаринъ, Ю. Ѡ.** Сочиненія. Т. I. Статьи разнороднаго содержанія и по польскому вопросу. М. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.
- Т. II Крестьянское дѣло до Высочайшаго рескрипта 20 ноября 1857 года. М. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.
- Т. V. Стефанъ Яворскій и Ѡеофанъ Прокоповичъ. М. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.
- Обручевъ, Н. И.** Военно-статистическій сборникъ на 1868 годъ. Т. 1: Великобританія, Франція, Австрія, Пруссія и проч. государства Германіи. Т. 2: Италія, Испанія, Португалія, Швейцарія, Бельгія, Дания, Швеція съ Норвегіею, Греція, Турція и вассальныя владѣнія. Т. 3: Персія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Средне-Азіатскія владѣнія, Китай, Японія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Мексика, Бразилія и Республики Средней и Южной Америки. Т. 4, Россія. Цѣна за 4 т. 20 р., изданіе все распродано, выдѣляется 1 экземпляръ.
- Стенонъ, И.** Физиологія органовъ чувствъ, переводъ сочиненія *Anatomia und Physiologie der sinnesorgane, von A. Fick. 1862—64.* Сиб. 1867. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Упомянутыхъ книгъ, магазиномъ высылаются всѣ какъ прежде, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ-бы и бѣмъ-то не упоминавшимся.

Подписка на 1884 годъ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

„ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ЖУРНАЛЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИНОСТРАННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

(романовъ, повѣстей, драматическихъ произведеній и стиховъ)

будетъ издаваться въ будущемъ году подъ тою-же редакціею нижеподписавшагося, по-прежнему ежемѣсячно, книгами отъ 20-ти до 25-ти листовъ, и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ-переводчиковъ, а именпо: П. Д. Боборыкина, О. И. Бумакова, В. П. Буренина, Э. Е. Ватсона, М. В. Ватсонъ, В. М. Гаршина, Д. В. Григоровича, В. Крестовскаго (псевдонимъ), В. А. Крылова, Д. Л. Михаловскаго, Н. Я. Николадзе, А. Н. Островскаго, А. И. Пальма, А. Н. Плещеева, кн. А. И. Урусова, О. Н. Устрялова, А. Н. Яхонтова, М. К. Цебриковой и др.

Къ прежней программѣ, которую составляютъ полные переводы беллетристическихъ произведеній, какъ прошедшаго времени, сдѣлавшихся уже «классическими», такъ и лучшихъ между современными, прибавленъ съ октябрьской книжки нынѣшняго года новый отдѣлъ „СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, въ которомъ будутъ помѣщаться новости науки, литературы, искусства и общественной жизни заграничей.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ своевременно ДЕВЯТИ книгахъ помѣщены полные переводы ДЕСЯТИ романовъ, ПЯТНАДЦАТИ повѣстей и рассказовъ и ПЯТИ драматическихъ произведеній слѣдующихъ авторовъ: *Аларкона, Балзака, Бюриатиерна, Боккаретта, Бекка, Гальдоса, Гюи-де-Мопассана, Гейзе, Гофмана, Додэ, Жоржъ-Занда, Зола, Ибсена, Киланда, Коппе, Клареси, Мериме, Сенкевича, Стендаля, Смоленскаго, Франса, Чачавадзе, Эркмана-Шатриана и Эберса*, въ переводѣ (съ испанскаго, французскаго, норвежскаго, итальянскаго, нѣмецкаго, польскаго и грузинскаго): П. Боборыкина, О. Бумакова, В. Веселовскаго, Э. Ватсона, М. Ватсонъ, П. Вейнберга, Д. Григоровича, О. Достоевскаго, А. Зенкевича, В. Крестовскаго (псевдонимъ), Н. Белша, В. Крылова, П. Крылова, Д. Корочевскаго, Д. Михаловскаго, П. Морозова, Н. Николадзе, А. Плещеева, Л. Рускина, А. Толчцова, О. Устрялова. Сверхъ того, напечатано большое количество стихотвореній лучшихъ современныхъ и прежнихъ поэтовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ—8 р., съ доставкою тамъ-же—9 р., съ пересылкой во всѣ города—10 р. **НА ПОЛГОДА:** безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ—4 р. 50 к., съ доставкою тамъ-же—5 р., съ пересылкою во всѣ города—6 р. Лица, желающія платить по частямъ, вносить: при подпискѣ—3 р., въ апрѣлѣ—2 р. и въ июлѣ—остальные. Гг. служащіе, подписывающіеся чрезъ посредство казначеевъ, могутъ платить по третямъ или помѣсячно, согласно заявленному желанію.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Казанская, № 23, кв. 5, и при типографіи Ландау, Офицерская, № 17. Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту.

Редакторъ Петръ Вейнбергъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

И. И. БИЛИБИНА.

Поль Беръ. Лекціи по анатоміи и физиологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Сижона. 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.

Цѣна для училищъ 2 р. Съ пересылкой по почтѣ 2 р. 50 к. При требованіи многихъ экземпляровъ пересылка по почтѣ за 2 ф. съ экземпляра по разстоянію.

При пересылкѣ черезъ транспортныя конторы по разстоянію конторъ
Фостеръ. Учебникъ физиологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна для училищъ за 2 тома 5 р. 50 к. Съ пересылкой по почтѣ 6 руб.

Выписывающіе изъ складовъ книги обозначенныя *, за пересылку не платятъ.

***Эд. Б. Тайлоръ.** Антропологія. Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Съ рисунками съ англійскихъ клише. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

***Спенсеръ.** Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсомъ за 4 ф.

***Спенсеръ.** Основанія социологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

***Спенсеръ.** Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

***Клодъ Бернаръ.** Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. (Курсъ общей физиологіи) Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

***Тэнъ.** Происхожденіе общественнаго строя современнаго Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

***Кребсъ.** Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современнаго физики). Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

***Карпентеръ.** Спиритизмъ съ исторической и научной точки зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Жозефъ Бертранъ. Курсъ теоретической ариметики. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

***Робертъ Оуень.** Образованіе человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Дж. Тиндаль. Вещества, носящіяся въ воздухѣ, и отношенія къ гніенію и заразѣ.

Зандеръ. Руководство къ общественной гигиенѣ. Переводъ редакціей проф. Доброславина.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

Сильванусъ Томпсонъ. Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра физики И. И. Билибина.

Всѣ изданія находятся въ книжныхъ складахъ Н. И. Билибина (Спб. Литейная, д. 48; Москва, Моховая, д. 15) и М. М. Стасюлевича (Спб., Вас. Островъ, 2 линия).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступило въ продажу
новое изданіе Ф. Ф. Павленкова.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА: I. Отъ автора. II. Нравы Растеряевой улицы (16 очерковъ изъ провинціальной жизни въ исправленномъ и дополненномъ видѣ). III. Растеряевскіе типы и сцены (6 очерковъ). IV. Столичная бѣднота (4 очерка).

Цѣна 1 р. 50 к. с.

ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ ТОМЪ сочиненій Глѣба Успенскаго ованчиваются печатаніемъ и поступаютъ въ продажу въ ноябрѣ:

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА: I. Отъ автора. II. Разореніе (три повѣсти: 1) Наблюденія Михаила Ивановича. 2) Тише воды ниже травы. 3) Наблюденія одного дѣтя).
Изданіе исправленное.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА: I. Новая времена, новая заботы: 1) Книжка чековъ. 2) Неплательщики. 3) Хочешь не хочешь. 4) Неизлѣчимый. 5) Не воскресь. 6) На старомъ пепелищѣ. 7) Голодная смерть. II. Очерки разныхъ лѣтъ.

Цѣна каждому тому 1 р. 50 к.

При третьемъ томѣ будетъ приложенъ портретъ автора, гравированный И. И. Матюшинымъ съ фотографіи Бергамаско.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ готовится къ печати.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ Цвылева (Фонтанка, 41).

ВЪ НЕВСКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

Н. Д. ТЯПКИНА

(Спб., Вас. О-въ, 5 л., д. № 6)

и у другихъ книгопродавцевъ

ПРОДАЮТСЯ

сочиненія Виктора Острогорскаго.

- I) Изъ народнаго быта. № 1. Титъ. Подборъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.
 — № 2. Маланья. Подборъ русскихъ пословицъ, прибаутокъ и поговорокъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.
 — № 3. Вавило. Подборъ русскихъ примѣтъ. Спб. 1882. Ц. 10 к.
 — № 4. Маша на дивичникѣ. Подборъ русскихъ пѣсень и причтаній. Спб. 1883. Ц. 10 к.
 — № 5. Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, по народнымъ былинамъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.
- II) Изъ міра великихъ преданій. Разказы для юношества. 1) Роландъ (изъ древней французской поэмы). 2) Король Лиръ (по Шекспиру). 3) Зимняя сказка (по Шекспиру). 4) Вильгельмъ Телль (по Шиллеру). 5) Цирини (по Теодору Бернеру). Разказы для юношества, съ рисунками Кавшенио и Панова. Спб. 1883. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.
- III) Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. (Болотовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Некитинъ, Шевченко, Тургеневъ, Григоровичъ, графъ Левъ Толстой и Погосскій). 1883. Цѣна въ папкѣ 2 р.
- IV) Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій Л. Экиардта. Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Перевелъ и составилъ приложеніе Н. Максимовъ и В. Острогорскій. Изд. 2-ое, измѣненное. Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. какъ руководство. Спб. 1877. Ц. 1 р.
- V) Очерки Пушкинской Руси. С.-Петербургъ, 1883 г. Цѣна 50 к.
- VI) Мгла. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Спб. 1883. Цѣна 1 р.

